

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ЯЗЫК – ТЕКСТ – ДИСКУРС В НОВЫХ УСЛОВИЯХ КОММУНИКАЦИИ

(к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля)

Сборник научных статей

Нижний Новгород
2023

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

Я 41

Рецензенты:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук

Редакционная коллегия:

И.Ю. Гранева (*отв. редактор*), Е.Н. Широкова, А.И. Помазов

Я 41 Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции «Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля)» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 22–24 ноября 2023 г.). – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 577 с.

ISBN 978-5-91326-862-4

В сборнике научных статей, подготовленном на основе материалов Международной научной конференции «Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля)», которая проводилась на базе Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, освещается широкий спектр вопросов, связанных с проблематикой общего, сопоставительного и сравнительно-исторического языкознания; активными процессами в языке и речи; новыми идеями и решениями в области лингвокультурологии, теории языковой картины мира и концептуального анализа; прагмалингвистикой, коммуникативистикой и дискурс-анализом в парадигме междисциплинарного гуманитарного знания; актуальными проблемами интернет-лингвистики и корпусного анализа; современными исследовательскими моделями лингвопоэтики и лингвистического анализа художественного текста; методологией и методикой производства лингвоэкспертных исследований.

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных направлений, ученых гуманитарных научных специальностей, работников культурно-просветительских организаций, журналистов, а также всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития языков и разнообразных форматов их дискурсивной реализации в современном социокультурном пространстве.

ISBN 978-5-91326-862-4

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Содержание

<i>Акимова Э.Н., Безкоровайная Г.Т.</i> Особенности переводческого комментария в академическом издании художественного текста	8
<i>Аладына А.А., Минайдарова М.Е.</i> О новых явлениях в грамматическом строе русского языка на занятиях в современном вузе	17
<i>Алымова Е.В.</i> Современные методики лингвистических исследований: от частного к общедоступному.....	24
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> Грамматические метаморфозы одной устойчивой разговорной конструкции: <НУ + АСС!>.....	30
<i>Бральнин Д.О.</i> «Пушкин всякий, Пушкин разный...»: вербально-визуальный анализ лекции С.В. Волкова	41
<i>Бредихин С.Н.</i> Эпизодическая и семантическая память в процессах транстерминологизации.....	49
<i>Бредихина Ю.И.</i> Делиберативность и конвиктивность коммуникативных действий клиента социальных служб	56
<i>Бударагина Е.И., Прокуророва О.Д.</i> Аксиология феминитивов в современной речи.....	62
<i>Бусарева С.Г.</i> Специфика функционирования эмодзи-ребусов в русскоязычном сегменте Интернета.....	70
<i>Виноградов С.Н.</i> Парадигматический ряд как средство организации поэтической речи.....	76
<i>Гапутина В.А.</i> Сетевой дискурс здорового образа жизни: прагматический лингвистический аспект	83
<i>Гик А.В.</i> Систематизация языковых единиц предметной области «театр» в поэзии М. Кузмина	91
<i>Гранева И.Ю.</i> Неузвальная субстантивация местоимения «ты» в современной русской речи	100
<i>Грачев М.А.</i> Из опыта проведения судебных лингвистических экспертиз по экстремизму	108
<i>Гурская Л.Н.</i> Языковая личность: формирование индивидуальных лексических связей при овладении иностранными языками	114
<i>Дронов П.С.</i> Морфемные варианты идиом	121
<i>Духовная Т.В.</i> Использование корпусного подхода для отслеживания языковых изменений в интернет коммуникации	127

<i>Ерёмин А.Н., Петрова О.О.</i> Семантическая проекция как системный фактор развития лексической многозначности.....	132
<i>Жулидов С.Б., Золотова М.В.</i> Лингвокультурологические особенности подлинника и проблемы адекватного перевода (на материале современной англоязычной прозы).....	139
<i>Замальдинов В.Е.</i> Латиница в эргонимической системе городов Приволжского федерального округа.....	148
<i>Захра О.</i> Метафорическая номинация в спортивном интернет-дискурсе	153
<i>Зельникова А.А.</i> Языковая личность субъекта научного текста.....	161
<i>Зубова Л.В.</i> Влияние коннотаций на изменения в русском языке.....	166
<i>Истомина Е.М.</i> Дискурс новой эмоциональности в системе представлений о функционировании языка	179
<i>Калинина Л.В.</i> Неопределённый жест: семантика и функционирование.....	185
<i>Карасик В.И.</i> Символизация крови в языковом сознании	193
<i>Кибкало Р.И.</i> Научно-популярный текст как результат внутриязыкового перевода	202
<i>Комышикова А.Д.</i> Лексика религиозного культа как источник метафоризации в дискурсе IT	210
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Концептуально-тематические и лингвопрагматические характеристики выступлений В.В. Путина на заседаниях клуба «Валдай».....	215
<i>Кривцов А.В.</i> Моделирование системы персонажей с использованием инструментов автоматической обработки текста	221
<i>Кристиано Н.О.</i> Модели глагольных газетизмов в современных СМИ.....	228
<i>Кулева А.С., Шестакова Л.Л.</i> О проблемах словарного описания поэтического языка (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века»).....	233
<i>Курмакаева Н.П.</i> Динамика регионального речевого дискурса в условиях военного противостояния.....	241
<i>Леденёва В.В.</i> «Ценности» у Н.С. Лескова	248
<i>Ли Цзяхэн.</i> Азиатские игры 2023 года: репрезентация в китайских и российских СМИ	256

<i>Лызлов А.И.</i> Колоратив «красный» во фразеологизмах английского языка	263
<i>Малюка А.А.</i> Проблемы исследования прецедентных текстов как объектов лингвистической экспертизы	267
<i>Мамедова Л.Э.</i> Типологические характеристики академического институционального дискурса оценки	273
<i>Милованова М.С.</i> Граница – воля – своеволие: связь понятий и семантические связи	279
<i>Минеева З.И.</i> Редупликация в образовании имен существительных	286
<i>Миятбекова З.У., Калдыкозова С.Е., Амандыкова С.Х.</i> Ценностный компонент семантики языкового знака в медиатексте	293
<i>Никифорова О.В.</i> Портрет слова «тимуровец» в русском языке.....	301
<i>Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Семантическое поле «литература» как источник компаративных конструкций современной русской прозы	309
<i>Павлов С.Г.</i> Проблема понимания в лингвистической герменевтике художественного текста	318
<i>Парахонько Л.В.</i> Речевые конструкции, выражающие совет, в русских и английских лингвокультурах (на материале русской «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером волке» и ее английского аналога «Ivan tsarevitch and the grey wolf»)	326
<i>Перехода Н.А.</i> Коммуникативные стратегии воздействия на мотивационно-ориентационный уровень при допросе свидетеля.....	334
<i>Петрова Н.Е.</i> Семантика и прагматика прилагательного «субстантивный» в публичной коммуникации XXI века.....	340
<i>Помазов А.И.</i> Опыт разработки лингвистического и цифрового инструментария для выявления скрытой тональности текста на базе теории семантических аур.....	348
<i>Прокуророва О.Д.</i> Прецедентность как фактор адресации поэтического текста	355
<i>Радбиль Н.В.</i> Оценочный потенциал лексем «непатриотичный» и «непатриотично» как репрезентантов концепта «патриотизм» (по данным корпусного анализа).....	363
<i>Радбиль Т.Б.</i> Модели корпусного анализа «языка ценностей» в дискурсивных практиках носителей современного русского языка	371

<i>Рацибурская Л.В.</i> Медийное словообразование на базе антропонимов	382
<i>Саломехин А.Ю.</i> К уточнению понятий эпизодической и семантической памяти (на материале документального кинодискурса).....	389
<i>Сандалова М.М.</i> Особенности функционирования имён цвета в речи художников и не-художников (на материале соцсетей)	396
<i>Светлакова О.И.</i> Вербализация пространства как фрагмента русской языковой картины мира в романе С. Довлатова «Зона».....	404
<i>Северова Н.В.</i> Текстовая эквивалентность заимствованных аббревиатур	412
<i>Северская О.И., Саакян Л.Н.</i> Скрытые кальки и исконные модели частотных коллокаций	419
<i>Сергеева Т.С.</i> Церковнославянский язык в контексте современного высшего образования	427
<i>Синелева А.В.</i> Структура ассоциативного поля лексемы «шум»: фреймовый метод интерпретации.....	432
<i>Сирота Е.В.</i> Объективация ментальной структуры «смех» в русской языковой картине мира	443
<i>Соколова О.В., Фещенко В.В.</i> Где граница между повседневным и поэтическим высказыванием?.....	451
<i>Столбова Т.М.</i> Современные способы анализа художественного текста на примере семиотического анализа Умберто Эко.....	462
<i>Су Х.</i> Комплекс методологических ресурсов в изучении концепта «любовь»	471
<i>Сун Кэлин.</i> Языковая личность Конфуция в поэтическом корпусе национального корпуса русского языка.....	478
<i>Теркулов В.И.</i> Эквивалентный текст: модели употребления сложно-сокращённого слова и его дескриптивного коррелята	484
<i>Тетюхина А.Ю.</i> Когнитивный подход к исследованию экстремистского дискурса (на материале интернет-контента феминистских сообществ)	492
<i>Уржа А.В.</i> Мотивационно-прагматический аспект переводимости высказываний: показатели неопределённости в переводах с русского и на русский	499

<i>Халина Е.Е.</i> Коммуникативный стиль политика сквозь призму категории комического (на материале дискурса президента РФ В.В. Путина)	507
<i>Хитрюк О.А.</i> Семантические группы топонимов юга Нижегородской области	515
<i>Шакенова М.Т., Исмаилова З.К., Ахметжанова Г.А.</i> Лексико-фразеологический потенциал манипулятивного медиадискурса	520
<i>Шевченко Д.И.</i> Личный опыт как медиаинструмент воздействия	527
<i>Широкова Е.Н.</i> Новые тенденции в пунктуации социальных сетей	534
<i>Шумов С.С.</i> Различия инвективного высказывания и коммуникативного акта оскорбления в контексте судебной лингвистической экспертизы	540
<i>Щеникова Е.В.</i> Размерно-оценочные неодериваты в дискурсе любителей круизов	548
<i>Эшкобилов А.К.</i> К вопросу прагматики ономапоэтики прозы И.С.Тургенева: опыт анализа	556
<i>Юматов В.А., Захаров Р.И.</i> О некоторых аспектах научной и практической деятельности Т.Б. Радбиля в сфере судебной лингвистической экспертизы	562
Сведения об авторах	570

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© Э.Н. Акимова, Г.Т. Безкоровайная

Аннотация. В статье рассматривается роль и функции переводческого комментария (ПК) в академических изданиях художественных переводных текстов. Сравниваются примеры разных видов ПК. Переводческий комментарий дополняет пробелы в содержании текстов и разъясняет читателю основную информацию, позволяет понять реалии другой культуры. Функции ПК имеют лингвострановедческий, исторический, литературоведческий характер. Усложненность и подробные примечания к текстам, незнакомым и впервые переведенным на русский язык, в таких изданиях предназначены не только для рядовых читателей, но и для исследователей литературы, историков и специалистов-гуманитариев. В отличие от переводов, опубликованных для широкого читателя, в академических изданиях, как правило, ПК многочисленны и расположены отдельными приложениями.

Ключевые слова: *переводческий комментарий, реалия, языковая картина мира, экстралингвистические факторы, академическое издание.*

Современное состояние исследования переводческого комментария характеризуется тем, что интерес к нему проявляют лингвокультурологи, текстологи, литературоведы, теоретики перевода. Следует упомянуть работы таких исследователей, как В.Н. Алексеева, Н.Р. Гейко, В.Н. Карпузина, Е.Д. Леоненкова А.С. Соколова и др. Не утихает и дискуссия «о пользе и вреде» комментария.

«Комментарий как жанр герменевтического дискурса представляет собой вторичное текстовое образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте» [Карасик 2009: 69].

Актуальность статьи продиктована желанием еще раз подчеркнуть, что переводческий комментарий (далее ПК) дополняет, разъясняет и делает более доступной когнитивную информацию любого переведенного текста. Целью данной работы является рассмотрение особого вида переводческих комментариев в публикациях академического характера в сравнении с другими.

Методами и приемами данного исследования послужили сплошная выборка, концептуальный и контекстуальный анализ.

Переводческий комментарий рассматривается специалистами как неотъемлемая часть перевода с иностранного языка, поскольку языковые картины мира могут по-разному отображать действительность. «Языковая картина мира выступает как результат языковой концептуализации мира этносом» [Радбиль 2009: 173]. При переводе с одного языка на другой транслируется не только языковое, но и культурное своеобразие определенного этноса, отраженное в тексте, поэтому реалии и некоторые концепты не всегда понятны представителям языка перевода. Такой прием, как переводческий комментарий, подчеркивает неразрывную связь языка и культуры.

«Переводческий комментарий – комментарий переводчика к переведенному тексту или его фрагменту; один из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе; один из переводческих приемов» [Раренко 2010: 127–128].

Отметим, что исходный текст, в частности художественный, представляет собой завершённую систему, в которой есть характерные черты отображенной в нем реальности, но порождаемый переводчиком текст нуждается в расшифровке тех специфических явлений и предметов, с пониманием которых читатель или исследователь будет испытывать затруднения. Без восполнения непонятных реалий невозможно без потерь читать или изучать тот или иной текст. Размещение и размер ПК может существенно отличаться, что зависит от содержания исходного текста, а также его коммуникативной цели. «Переводческий комментарий, обычно приводимый в виде сносок или замечаний, может быть и внутритекстовым: он представляет собой дополнительную информацию, очень важную для понимания переводного текста, которую по какой-то причине невозможно интегрировать в общий текст перевода» [Раренко 2010: 130].

Можно говорить о лингвокультурных и лингвостилистических ПК. Комментарий восполняет пробелы в образовании читателя, расшифровывает неизвестные аббревиатуры, отсылает к первоисточнику цитат или афоризмов. Как отмечает Н.К. Гарбовский, «комментарии оказывают неоценимую помощь переводчику в понимании наиболее “темных” мест оригинала. Они уточняют исторический и культурный контекст, иногда помогают решить “лингвистические загадки”, но порой и вводят в заблуждение» [Гарбовский, 2011: 12].

Материалом исследования послужили комментарии к произведениям, опубликованным в серии «Литературные памятники», а также к некоторым переводам прозы викторианского периода. Приемом сплошной выборки из трех произведений английских авторов Даниэля Дефо, Генри Филдинга и Уильяма Шекспира и перевода сборника рассказов «Джентльмены-мошенники» были выбраны переводческие комментарии.

Подчеркнем, что художественный текст отличается насыщенностью культурологической информацией, а также отстоит во времени, поэтому, чтобы составить комментарий, переводчику необходимо иметь широкие знания об исторической эпохе, культуре времени повествования, а также использовать материалы словарей и энциклопедий. В некоторых академических книжных изданиях, нацеленных не только на обычных читателей, но и на специалистов по той или иной эпохе, по гуманитарным наукам и т.п., подробный ПК обоснован и совершенно необходим. Примером ПК такого вида могут служить комментарии в переводах книг в серии «Литературные памятники».

Серия начала издаваться в 1948 году при Академии наук СССР, в ней печатаются художественные и документальные произведения, а также переводы классической поэзии. Какого-либо каталога издание не выпускает, но редкие произведения, исторически отдаленные от сегодняшнего дня, требуют внесения дополнительных сведений о тех понятиях, явлениях и т.п., которые существовали в ту или иную эпоху. Академический характер издания определяет и содержание комментариев. Комментарии редактора и переводчика здесь являются совместными, что способствует раскрытию информации, важной для понимания реалий. Справочный аппарат, который сопровождает эти издания, как правило, включает, если это переведенный текст, как ПК, так и комментарий редактора и специалистов по тем или иным направлениям.

Рассмотрим комментарии к переводу романа «Счастливая куртизанка, или Роксана» (1724) Даниэля Дефо. Переводчик «Роксаны» Литвинова Т.М. отмечает: «С точки зрения переводчика, самая головоломная из них – подкупающая и загадочная простота повествовательной манеры Дефо» [Дефо 1974: 282]. В своей статье переводчик описывает, в какой атмосфере написан роман, какие экстралингвистические факторы способствовали его появлению, откуда берет начало образ героини и т.п. Эти

сведения важны для понимания особенностей стиля писателя. В конце книги даны примечания, которые пронумерованы и занимают в книге 12 страниц (с 288 по 300), при этом данные толкования тех или иных мест в оригинале отличаются по размеру и концентрации информации. В составе ПК – аллюзии, перевод цитат, пояснения к именам собственным, исторические и топографические комментарии. Обратимся к примерам: примечание 43: «необычному росту правофлангового...» – По свидетельству Андреа Матвеева, в королевскую гвардию набирали «людей изрядного росту» [Дефо 1974: 292]; упрятать в Шатле – имеется в виду так называемый «Малый Шатле», служивший городской тюрьмой в Париже; в «Большом Шатле» размещался Королевский суд [Дефо 1974: 293]. Примечания вносят ту информацию, которую необходимо знать читателю, поскольку произведение Д. Дефо не только описывает события в другой стране, но и время действия отдаляет читающего от знания определенных особенностей той эпохи. В количественном отношении среди комментариев преобладают исторические справки. Они в данном издании неодинаковы по размеру; некоторые из них довольно объемны, другие – краткие. В тексте есть и подстрочные примечания, раскрывающие значения некоторых французских лексем: *beau mond* – высший свет, *Gens D'armes* – жандармы и т.п. Составленные и переводчиком, и редактором комментарии обогащают читателя не только знанием особенностей стиля Дефо и литературы Просвещения, но и историческими, экстралингвистическими сведениями. Помимо примечаний, в издании есть статья «От переводчика», что является более обширным образцом комментария.

В издании перевода «Амелии» Генри Филдинга (1751) (перевод А.Г. Ингер) примечания также даны в конце, к каждой книге (так они озаглавлены в оригинале), и соответственно пронумерованы. Всего их 365, В 12 книгах они распределены по-разному и состоят из топографических коротких пояснений, а также из биографических справок, например, кто такие Барнс Джошуа, Бентли Ричард и многие другие. В книге первой, например, 12 библиографических пояснений из 58. Переводы латинских цитат, которые искажаются персонажем, приводятся в правильной форме и соответственно переводятся. В значительной степени такие подробные комментарии предназначены для исследователей, а не только для любознательных, эрудированных рядовых читателей. При этом в них содер-

жаты и разъяснительные комментарии, и отсылки к трудам философов и писателей, и определения географических названий, собственных имен, и т.п. Например, в примечании к книге 9 можно прочесть короткие пояснения: «Драйденова Вергилия – Переводы Вергилия, и в том числе поэму «Энеида», Джон Драйден (см. примеч. IV, I) опубликовал в 1697 г.». Есть и довольно подробные пояснения, занимающие несколько абзацев. Фундаментальные знания переводчика и редактора, обращение к энциклопедиям и словарям позволяют предоставить читателям полную картину того времени, когда создавался роман. Отметим, что переводчик, А.Г. Ингер, в статье «Последний роман Генри Филдинга» дает литературоведческий анализ этого произведения. Такая форма ПК характерна для книжно-академических переводов.

Рассмотрим примеры из не так давно вышедшего издания переводов Шекспира под названием «Пустые хлопоты любви». Здесь ПК занимают страницы с 638-ой по 730-ую, переводческий и редакторский комментарии переплетаются. Подробные ссылки на источники, объяснения вариантов перевода названий и иные литературоведческие примечания открывают этот раздел. Вместе с тем в комментариях приводятся лингвистические пояснения: 12 комментариев *mere contrary* – «совершенно противоположное»; 28 комментариев *Humour of affection* – «склонность, предрасположенность к влюбленности» и т.п. Публикуя оригинал известных переводов произведений Шекспира, авторы издания предоставили читателям полную картину действительности, описанной в пьесе, разъяснили аллюзии, неясные жесты и реакции персонажей. Совместный анализ перевода и оригинала позволил создать объемное и подробное издание.

Специфический характер издания литературных памятников придает и особый характер ПК к переводам, изданным в этой серии. Для академических изданий характерен всесторонний анализ упоминаемых в произведении сведений. Необходимость таких сведений очевидна, поскольку «Элементы, не входящие в информационный тезаурус читателя-инофона, объединяющий лингвистические, экстралингвистические знания и, соответственно, эмоциональные впечатления, вызывают непонимание или смутное понимание некоторых текстов читателями без переводческого комментария» [Захарова 2014: 10].

Как известно, перевод – процесс творческий, и многие исследователи считают, что комментарии представляют собой порожденный переводчиком метатекст [Перфильева 2006 и др.]. Дополняя текст оригинала, ПК не искажает, а расширяет его горизонты, позволяя глубже понять реалии и особенности другой языковой картины мира. Особенно это видно на примере книжного, академического комментария, которые мы рассмотрели. Переводческий комментарий зависит от текста оригинала, его жанровой принадлежности, содержащейся в нем лингвистической и экстралингвистической информации, коммуникативного намерения переводчика и прагматической компетенции читателя, поэтому не всегда произведение, переведенное с иностранного языка, требует настолько подробных примечаний, даже, например, комментарии к переводам произведений викторианского периода, которые далеко отстоят во времени от наших дней.

Рассмотрим примеры из сборника рассказов «Джентльмены-мошенники. Винтажный детектив». В него вошли рассказы не столь известных русским читателям авторов Гая Бутби, Эрнеста Уильяма Хорнунга и Фредерика Ирвинга Андерсона, героями которых являются внешне респектабельные, но на самом деле криминальные персонажи. Отстоящая во времени эпоха и британская картина мира требует пояснений для современного русскоязычного читателя. Обратимся к примерам: «Жокей клуб – ведущий устроитель скачек в Британской империи и современной Великобритании»; «Джилльмил – шторы, названные так по месту своего производства в г. Джилльмил» [Джентльмены-мошенники 2016: 30]; «Хэллоуэй – не самый престижный район Лондона. В нем жил Оскар Уайльд, когда ожидал суда за аморальное поведение» [Джентльмены-мошенники 2016: 367]; «Альманах Уитакера – политический. Финансовый и статистический ежегодник, издаваемый в Англии с 1868 года по настоящее время» [Джентльмены-мошенники 2016: 465]

Задача переводчиков в данном издании – расшифровать непонятные русскоязычному писателю топонимические реалии, а поскольку жанр детектива не предполагает философских и подобных аллюзий, то обширных пояснений энциклопедического характера в издании нет. Подробны ПК, данные внутри текста подстрочно, однако текст произведения не содержит сложных аллюзий и цитат, поэтому развернутых толкований в

нем нет. Подчеркнем, что вслед за Н.А. Воскресенской мы не разделяем комментарий и примечание переводчика [Воскресенская 2015: 61].

Комментарий является частью структуры переводного текста. Комментарии к переведенным произведениям содержатся и в других академических изданиях, например в серии «Библиотека поэта», «Новая библиотека поэта», в серии «Литературные мемуары» (издательство «Художественная литература») и др.

В заключение следует отметить, что ПК является необходимой частью переводного текста. В зависимости от жанра произведения, от коммуникативной цели ПК может быть кратким или развернутым. В нем могут содержаться пояснения лингвострановедческого и лингвистического характера, при этом чем более широкая аудитория у переведенного текста, тем менее подробным будет ПК. Если издание нацелено на академическое восприятие произведения, ПК будут подробными и составляются переводчиком совместно с редакторами.

Свод комментариев переводчика, объединённых в структурном отношении с текстом произведения, а в содержательном плане – с целостностью художественного произведения и единым замыслом переводчика-комментатора, представляет собой текст в тексте перевода, т.е. метатекст. Многие исследователи говорят о том, что метатекст – это «текст о тексте», и отмечают его вторичность, предполагающую некоторый объект описания. Вместе с тем без пояснений и устраниений непонятных и не поддающихся переводу мест перевод как текст не будет полноценным.

Список литературы

1. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. – М., 2010. – 260 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
2. Воскресенская Н. А. Национальный характер и способы его презентации в переводческих комментариях (на материале французских переводов «Записок охотника» И. Тургенева) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 61–67.

3. Гарбовский Н.К. Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3–16.

4. Дефо Д. Счастливая куртизанка, или Роксана / Пер. Т. Литвиновой. Серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1974. 302 с. (Литературные памятники).

5. Захарова Е.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 15 с.

6. Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж: Издатель О.Ю. Олейников, 2009. С. 46–69.

7. Перфильева Н.П. Метатекст и авторизация: автономия и синкретизм // Филологические этюды: сборник научных статей памяти Юрия Алексеевича Пупынина / редкол.: И.П. Матханова, Т.И. Стексова, Т.А. Трипольская, М.И. Стрельцова; Новосиб. гос. пед. ун-т, ИФМИП. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 89–104.

8. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 328 с.

9. Филдинг Г. Амелия / Изд. подготовила А.Г. Ингер. М.: Наука, 1996. 535 с. (Литературные памятники).

10. Шекспир Уильям. Пустые хлопоты любви / У. Шекспир; подгот. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров, Е.А. Первушина, Г.М. Кружков; [отв. ред. Н.Э. Микеладзе]. М.: Наука, 2020. 734 с. (Литературные памятники).

11. Джентльмены-мошенники: сборник / составитель Н. Гайдаш. М.: АСТ, 2016. 768 с.

FEATURES OF TRANSLATION COMMENTARY IN THE ACADEMIC EDITION OF A LITERARY TEXT

© *E.N. Akimova, G.T. Bezkorovaynaya*

Abstract. The article examines the role and functions of translation commentary in the academic publication of literary translated texts. A translation commentary (TC) fills in the gaps and explains to the reader the basic information of the text, allowing them to understand the realities of another culture. The functions of the PC are linguistic, historical, and literary in nature. The complexity and detailed notes on texts, unfamiliar and first translated into Russian in such publications, are intended not only for ordinary readers, but also for literary researchers, historians and humanities specialists. Unlike translations published for the general reader, in academic

publications, as a rule, PCs are numerous and arranged in separate appendices. Examples of different types of PCs are compared.

Keywords: *translation commentary, reality, linguistic picture of the world, extralinguistic factors, academic publication*

О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЗАНЯТИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

© А.А. Аладьина, М.Е. Минайдарова

Аннотация. В статье говорится о введении в курс «Синтаксис словосочетания и предложения» нового грамматического материала, а именно экспрессивных синтаксических конструкций. Студент знакомится с понятием «экспрессия» на уровне синтаксиса, учится отграничивать его от таких явлений, как интенсивность, образность, эмоциональность, оценочность, сравнивать концепции авторов, различно трактующих эту синтаксическую категорию. Кроме того, в статье подробно описывается система заданий по анализу экспрессивных конструкций, в частности сегментированных. Тщательно подобранные задания помогают осмыслить новую для них синтаксическую категорию и формируют умения и навыки работы над конструкциями, которые не были предметом изучения в курсе школьного синтаксиса. Работа над новым материалом обогащает речь студентов конструкциями, целевое назначение которых – усилить воздействующую силу передаваемой информации.

Ключевые слова: новые явления в синтаксисе; категория эмоциональности, интенсивности, образности; экспрессия на уровне синтаксиса; сегментированные конструкции.

В связи с описанием новых синтаксических явлений в вузовский курс синтаксиса прочно вошло понятие «экспрессия», которое трактуется в лингвистической литературе неоднозначно. В связи с категорией экспрессивности называют и такие понятия как интенсивность, образность, эмоциональность, оценочность. Вполне обосновано стремление современных лингвистов дифференцировать эти понятия. Категория интенсивности и экспрессивности сближают следующие факторы: использование одного и того же набора фонетических, лексических и грамматических средств, функция усиленного воздействия на адресата и др. Однако интенсивность – это количественная характеристика экспрессивности, т.е. об экспрессивности нельзя говорить без обращения к её количественным параметрам характеристики-интенсивности.

Близкими, но не тождественными являются и категории эмоциональности и экспрессивности. Эмоции в своем языковом проявлении, безусловно, экспрессивны, т.к. в случае выражения того или иного чувства средствами языка говорящий определенным образом воздействует на ад-

ресата. Среди языковых средств выражения эмоциональности в синтаксисе называют главным образом интонацию и лексико-синтаксические средства – определенные группы частиц, междометия.

Наиболее разработанным аспектом содержания предложения стал аспект оценочности, который некоторыми лингвистами отождествляется с экспрессивностью. Оценочные высказывания в отличие от нейтральных всегда можно продолжить словами: «А это хорошо/плохо». Принято выделять собственно оценочные предложения, в которых оценка заложена в самом предикате (*Он – медведь, она – лиса*), и предложения, в которых оценочность выражается факультативными элементами, среди которых доминирующую роль выполняет специально предназначенная лексика, в первую очередь прилагательные, наречия, частицы. Экспрессивность же в отличие от эмоциональности и оценочности определяется как свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы [Сковородников 1981: 196].

Сложнейшая лингвистическая проблема экспрессивности языковых единиц, в частности предложения, соотносится современными лингвистами с различными факторами, которые описаны в различной степени подробно и тщательно. Так, А.П. Сковородников, определяя лингвистическую природу экспрессивных конструкций, к которым он относит эллиipsis, антиэллиipsis, усечение, повтор, парцелляцию, исходит из принципа экономии и избыточности в языке. Указанные конструкции исследуются им по следующей схеме: 1) определение лингвистического статуса; 2) структурно-стилистическая классификация; 3) функционально-стилистическая прикрепленность; 4) выявление роли в актуальном членении предложения; 5) определение типизированных речевых функций в связи с функционально-стилевой отнесенностью. Тем самым А.П. Сковородников представляет экспрессивные синтаксические конструкции как особую подсистему, организованную действием антиномии принципов экономии и избыточности.

Э.М. Береговская связывает экспрессивно-синтаксические конструкции с принципом симметрии (пропорциональности, соразмерности). «Воспринимая симметрию окружающего мира как естественный эталон

гармонии, – замечает автор, – человек и сам ощущает потребность создавать симметричные вещи» [Береговская 1984: 5]. Подобный подход имеет глубокие корни в лингвистике. Достаточно назвать работу С. Карцевского «Об асимметрическом дуализме лингвистического знака», в которой он разработал идею о приложении симметрии к языковым явлениям. Идея Карцевского разрабатывается плодотворно многими лингвистами. По мнению В.Г. Гака, «развитие языкознания за прошедшие столетия не только характеризуются широким использованием пары симметрия/асимметрия, но и осознанием этих категорий как отражения фундаментальных черт строения и функционирования языка» [Гак 1980: 4]. Инвентарь экспрессивных конструкций, который описывается в работе Э.М. Береговской, отличается от инвентаря А.П. Сковородникова: это хиазм, зевгма, которые характеризуются в плане лексического наполнения, интонационно-ритмической организации и др.

В связи с описанием новых синтаксических явлений наметилось понимание синтаксической экспрессии, основанное на прослеживающейся в современном синтаксисе тенденции расчлененности синтаксической цепочки. Согласно указанной концепции, синтаксическая экспрессия квалифицируется как специальный прием письменного художественного текста, который рассчитан на особую воздействующую силу.

Конструкции экспрессивного синтаксиса в указанном понимании связаны с разговорным субстратом, но получили в письменном языке специальную заданность и структурное преобразование. Г.Н. Акимова, автор этой концепции, рассматривает несколько иной набор конструкций экспрессивного синтаксиса [Акимова 1990]. Это прежде всего парцелированные и сегментированные конструкции, цепочки номинативов, вопросно-ответное единство в монологической речи, лексически повтор с синтаксическим распространением, особые случаи словорасположения и др. Вот некоторые примеры: 1. Весна. Победа. Цветы, улыбки, объятия... Дома ждали *солдат* немалые труды, заботы, неустроенный быт, хлебные карточки, заплаканные глаза матерей, жен, невест. Неребзячи взоры детворы... (Из газ.); 2. Теперь-то ясно: у той самой нивы кончилось детство. Детство... Оно все-таки было у нас, мальчишек военных лет (В. Песков). В первом примере цепочка номинативных предложений, представляющая собой номинализацию событий, его признаков, предоставляет возмож-

ность адресату довообразить, дорисовать детали. Экспрессивный эффект усиливается за счет употребления рядом парцеллированной конструкции: *Неребзячы взоры дэтворы*, которая имеет целью выделить наиболее важный компонент предложения в самостоятельное высказывание и тем самым сделать его более весомым в смысловом отношении. Важно отметить, что при устранении расчлененности в приведенных конструкциях приглушается экспрессивный заряд. Ср., например, с вышеприведенной конструкцией (2): «Детство все-таки было у нас, мальчишек военных лет». Именительный представления (Детство...) также отражает потребность в актуализации части высказывания наиболее значимой в акте коммуникации. Остановимся на системе заданий, которые предлагаются студентам для осмысления конструкций экспрессивного синтаксиса, в частности, сегментированных конструкций.

Задание 1. Из приведенных предложений выпишите только сегментированные синтаксические конструкции.

1. *В первый раз в жизни Степен Головлев вздохнул свободно. (М.Е. Салтыков-Щедрин)*
2. *Труд! Все вокруг сейчас было полно им. (К. Паустовский)*
3. *Петр принял за духовенство: запретил пострижение прежде 50 лет. (А.С. Пушкин)*
4. *Хлеб. Он вместил все – и любовь, и отчаяние, и горе, и счастье (М. Алексеев).*
5. *Мир спорта. Мы привыкли видеть, но только глазами болельщиков, остро переживая драматические моменты спортивной борьбы. (из газет)*

Задание 2. Трансформируйте приведенные синтаксические конструкции в сегментированные. Образец выполнения задания. Счастье... *Разве оно возможно без труда, без дела, которое полюбил?*

1. *Разве счастье возможно без труда, без дела, которое полюбил? (В. Титов)*
2. *Трудно переоценить значение воды для республик Средней Азии и Казахстана. (Из газет)*
3. *Положительный современный герой – в самом центре наших театральных мечтаний. (Из газет)*

4. *Вот жизнь кругом перед нами, – грязная, жалкая и уродливая. Но разве мы раньше не догадывались, что она такова. (В. Вересаев)*
5. *Барские дома и дворцы не схожи. Они все на особицу, а рабочие дома один в один. (Е. Пермяк)*

Задание 3. Определите синтаксическую роль выделенных слов:

- 1) *главный член номинативного предложения;*
- 2) *обращение;*
- 3) *именительный темы или предложения,*
- 4) *подлежащее двусоставного предложения.*

1. *Золотая роза Шамета! Она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности. (К. Паустовский)*
2. *Весна! И снова на заречье цветут вишневые сады. Весна! И в сердце человечьем ее горячие следы. (Н. Ковальский)*
3. *Ты не пой, соловей, под моим окном, улети в леса моей родины. (А. Кольцов)*
4. *«Что это? Слышите?» – «Птица»! (М. Пришвин)*
5. *В поле вьюга-завитуха, В трех верстах гремит война. На печи в избе – старуха, дед-хозяин у окна. (А. Твардовский)*

Задание 4. Определите функциональное, лексико-семантическое и интонационное различия конструкций именительного представления и именительного темы.

Именительный представления

1. *О, любовь! И что перед нею годы, версты и разлуки. (Э. Асадов)*
2. *Доброта. Мы как-то забыли это слово в своем первоначальном значении. (В. Тендряков)*
3. *Война! ... Это слово ворвалось в сознание миллионов людей в воскресный полдень 22 июня. (Лит. газета)*
4. *Война... Как эта вдова с нею, наверное, повенчан я. И не короче, не длиннее – срок давности вся жизнь мая. (К. Симонов)*
5. *Время... Оно относительно, да? В минуту иную влезутся года. (И. Сельвинский)*

Именительный темы

1. *Кефир, он пришел к нас с Кавказа сто лет назад. (Из газет)*
2. *Консервы... без них не обойдется ни один любитель туристских походов или загородных прогулок. (Из газет)*

3. Домашняя одежда... Как ей порой не везет! (Из газет)

4. Рюкзак... В отличие от наших походных мешков он имеет каркас из алюминиевых трубок. (В. Песков)

5. Мой современник. Каков он? (Из газет)

Задание 5. Примите участие в дискуссии о синтаксической природе именительного темы (КТ) и представления (ИП). Основные концепции по вопросу о синтаксическом статусе именительного темы и именительного представления можно свести к следующим:

И Т и И П не являются предложением (А. М. Пешковский, авторы академических грамматик, А.С. Попов и др.);

И Т и И П являются разновидностью номинативных предложений (В.В. Бабайцева, В.Г. Адмони);

И Т и И П являются предложением особого типа (З.К. Тарланов).

В заключение отметим, что анализ конструкций экспрессивного синтаксиса показал их продуктивность в различных функциональных стилях современного русского языка (особенно в языке художественной литературы и публицистики), выявил их широкую синтаксическую вариативность, гибкость. Конструкции экспрессивного синтаксиса являются модификациями базовой модели, они пополняют реестр синтаксических структур русского языка, обладающих широкими возможностями к проявлению авторской индивидуальности в многообразных жанрах.

Знакомство студентов с конструкциями экспрессивного синтаксиса поможет им справиться с синтаксическим анализом тех конструкций, которые не были предметом исследования в школьном курсе синтаксиса. Кроме того, знание новых явлений в грамматическом строе русского языка обогатит их речь стилистически маркированными структурами, целевое назначение которых усилить действенную силу передаваемой информации.

Список литературы

1. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.

2. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. Учебное пособие к спецкурсу. Смоленск, 1984.

3. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 1980.

4. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

ABOUT NEW PHENOMENA IN THE GRAMMATICAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN CLASSES IN A MODERN UNIVERSITY

© **A.A. Aladyina, M.E. Minaidarova**

Abstract. The article is about the introduction of new grammatical material, namely expressive syntactic constructions, into the course “Syntax of phrases and sentences”. The student becomes familiar with the concept of “expression” at the syntax level, learns to distinguish it from such phenomena as intensity, imagery, emotionality, evaluativeness, and compare the concepts of authors who interpret this syntactic category differently. In addition, the article describes in detail the system of tasks for the analysis of expressive structures, in particular segmented ones. Carefully selected tasks help students understand a new syntactic category and develop skills in working on constructions that were not the subject of study in the school syntax course. Working on new material enriches students' speech with constructions, the purpose of which is to enhance the impact of the transmitted information.

Keywords: *new phenomena in syntax; category of emotionality, intensity, imagery; expression at the syntax level; segmented structures.*

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕДОСТУПНОМУ

© *Е.В. Алымова*

Аннотация. Современные реалии усилили востребованность лингвистических исследований в актуальных парадигмах научных знаний. Дела об экстремизме, защите чести и достоинства, дискредитации Вооруженных сил РФ – для каждого отдельного случая уже создана своя методика, а в некоторых случаях и не одна, что отчасти осложняет работу экспертов, которые, базируясь на разных методиках, по итогу исследования не приходят к одному знаменателю. Цель данной работы – систематизировать основные методические направления изучения языковых явлений, в том числе в контексте исследования речемыслительной деятельности. При проведении исследования автор опирался на сопоставительный метод изучения теоретического материала, составляющего основу рассматриваемых методик. В итоге автор приходит к выводу, что даже самая объективная методика в руках некомпетентного специалиста будет представлять собой набор слов и символов, которые приведут его к искаженному результату исследования. Но, с другой стороны, в методиках, которые подвержены критике, можно найти разумное зерно, которое ляжет в основу дальнейшей работы.

Ключевые слова: лингвистическое исследование, лингвистическая экспертиза, искажение сообщаемой информации, методики исследования.

Сегодня, когда лингвистическая экспертиза ложится в один ряд с иными доказательствами по уголовным, гражданским и административным делам, становясь опорой при вынесении судебного решения, мы вновь обращаем внимание на методики, которые имеются в арсенале экспертов и, в частности, используются при проведении лингвистических исследований.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных экспертных методик, которые находятся в открытом доступе. Одной из первых методик судебной лингвистической экспертизы, разработанных в государственном экспертном учреждении, стала Типовая методика, созданная на базе ЭКЦ МВД России в 2007 г. коллективом авторов и рекомендованная к публикации в 2010 году [Дильдина 2010].

Далее в хронологическом порядке появились методики:

– Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Кукушкина 2014] (Министерство Юстиции РФ);

– Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении (Министерство Юстиции РФ) [Изотова 2016: 92-98];

– Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (НАК – ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ИК ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, ГУ СК РФ) [НАК 2018]. Несмотря на то, что в составлении Методики принимало участие несколько ведомств, в чьи первоочередные задачи входит противодействие экстремизму и терроризму, и которые в первую очередь должны быть заинтересованы в максимальном распространении объективной методики исследования, в том числе среди негосударственных экспертов, которые в настоящее время, несмотря на прямой запрет на привлечение негосударственного экспертного сектора к проведению судебных экспертиз по уголовным делам об экстремизме, дают подобные заключения, Методика остается закрытой.

Существует и достаточное количество частных методик, часть из которых публикуется в формате учебных пособий. Отдельно необходимо обратить внимание на те из них, которые при их активном применении, критикуются частью экспертного сообщества. В данном случае речь идет о Методике исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) [Енгальчев 2018], которая не содержит в своем наименовании указание на ее отнесенность к лингвистическим исследованиям, но, тем не менее, ее содержание и методы исследования имеют прямое отношение к науке о языке. Методика и по сей день подвергается серьезной критике (Информационное письмо "О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы" [Смирнова 2016, 64-73]). Авторы информационного письма в качестве критики указывают, что проведение каких-либо судебных экспертиз по установлению признаков достоверности (недостоверности) показаний неприемлемо ввиду того, что это противоречит уголовно-процессуальному законодательству РФ и в целом уровню развития науки.

Критика Методики не затрагивает вопросы возможной доработки методики, хотя, на наш взгляд, переводение ее в разряд психолого-

лингвистических исследований с включением в работу эксперта-лингвиста вывело бы экспертное заключение, выполняемое в соответствии с данной Методикой, на качественно новый уровень, поскольку положения Методики и этапы исследования затрагивают лингвистические категории (например, колебания частоты тона и интенсивности речи; резкие перепады речи; возрастание темпа артикулирования при искажении сообщаемой информации) [Алымова 2023: 12-16].

Эксперты, высказывающие критику в отношении данной Методики, говорят о недопустимости вторжения в правовую плоскость, что происходит, по их мнению, при исследовании категорий достоверности/недостоверности. Коллектив авторов Методики, отреагировав на замечания оппонентов, внес корректировки в название и некоторые формулировки, заменив категорию «недостоверность» категорией «искажение сообщаемой информации», что в целом, на наш взгляд, является тем же самым понятием. Однако, важно указать, что если углубиться в содержание Методики, то речь идет не о достоверности, как правовой категории, а о манипуляции с информационным потоком – подобные речемыслительные действия заключены в умолчании об определенных событиях, имевших место, введении в заблуждение, преднамеренной заученности (которая отличается по своим дифференцирующим параметрам от заученности, вызванной вынужденным повтором одних и тех же речевых сообщений в ходе нескольких следственных действий). Основная цель таких манипулятивных действий – создание у допрашивающего искаженной модели истинной картины события.

На основании нескольких десятков параметров эксперты двух специальностей (лингвист и психолог) определяют, имеет ли допрашиваемый психологическую или ментальную установку на оценку сообщаемого как соответствующего действительности, личностно обусловленную для него объективным фактором обоснованности его знания о сообщаемом и субъективным фактором его внутренней убежденности и уверенности в правильности понимания действительности. То есть такое экспертное заключение никоим образом не может становиться доказательством по делу, оно лишь служит подспорьем следователю, который благодаря помощи экспертов может критически оценивать показания допрашиваемых. В связи с этим, на наш взгляд, критика Методики является во многом не-

обоснованной, а перевод такого исследования в статус психолого-лингвистического, с включением в работу эксперта-лингвиста, сделает психолого-лингвистическую экспертизу объективным научным исследованием.

Также отметим, что в последние годы выявляется тенденция к использованию возможностей современного прикладного программного обеспечения для проведения лингвистических и психолого-лингвистических исследований: активно используется программный комплекс «Лингва-экспресс» в рамках проведения автороведческих экспертиз, компьютерная программа В.П. Беянина ВААЛ, система автоматизированного анализа текстов на русском языке «Lingster 3.0», созданная в Институте криминалистики ФСБ России. Специалисты в сфере компьютерной лингвистики для анализа текстов при решении самых различных задач широко используют программу построения частотного словаря для заданного текста FRQDictW, а также утилиту подсчета частоты встречаемости различных слов в текстовых файлах WordStar.

Использование вышеописанных комплексов путем анализа текста независимо от эксперта, на наш взгляд, является формализованным подходом к решению задачи идентификации личности по речи с помощью экспертных программ. При этом какой-либо общепринятой экспертной методики, предполагающей проведение лингвистического исследования (экспертизы) с помощью программного комплекса, не разработано.

В заключение важно обратить внимание на то, что даже самая объективная методика в руках некомпетентного специалиста будет представлять собой набор слов и символов, которые приведут его к искаженному результату исследования. И, с другой стороны, в методиках, которые подвержены критике, можно найти разумное зерно, которое ляжет в основу дальнейшей работы.

Список литературы

1. Алымова Е.В. Специфика лингвистических экспертиз и исследований по выявлению признаков искажения сообщаемой информации / Е.В. Алымова // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы IX Международной научно-практической конфе-

ренции, Москва, 26–27 января 2023 года. Москва: Блок-Принт, 2023. С. 12-16.

2. Изотова Т.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 92-98.

3. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушкин, А.Я. Аснис [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 64-73.

4. Кукушкина О.В. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М., 2014.

5. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): Научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев [и др.]; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. 192 с.

6. Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184). Одобрена и рекомендована к применению НАК (протокол от 12.02.2019 № 11/П/2-180ДСП).

7. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I. Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

MODERN METHODS OF LINGUISTIC RESEARCH: FROM PRIVATE TO PUBLIC ONES

© *E. V. Alymova*

Abstract. Modern realities have increased the relevance of linguistic research in the current paradigms of scientific knowledge. Cases of extremism, protection of honor and dignity, discrediting the Armed Forces of the Russian Federation – specific methodology has already been created for each individual case. In some cases we have

more than one methodology, which partly complicates the work of experts who, based on different methods, do not come to the same denominator as a result of the study. The purpose of this work is to systematize the main methodological directions of the study of linguistic phenomena, including the study of speech–thinking activity. Within conducting the research, the author relied on a comparative method of study of the theoretical material that forms the basis of the methods under consideration. As a result, the author comes to the conclusion that even the most objective methodology in the hands of an incompetent specialist will be a set of words and symbols that will lead him to a distorted research result. But on the other hand, in the methods that are subject to criticism, you can find a reasonable grain that will form the basis for further work.

Keywords: *linguistic research, linguistic expertise, distortion of reported information, research methods.*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОДНОЙ УСТОЙЧИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ КОНСТРУКЦИИ: <НУ + АСС!>¹

© Н.В. Богданова-Бегларян

Аннотация. В статье на корпусном материале рассматривается разговорная фразеологизированная конструкция <Ну + Асс!>, хорошо описанная в словарях, но оставляющая еще немало интересного для лингвистических наблюдений. Так, анализ пользовательского подкорпуса, созданный с применением современных технологий, позволил установить, что рассматриваемая конструкция, являющаяся вполне приемлемым в русскоговорящем социуме способом дистанцироваться от собеседника (или иного объекта), больше свойственна имитациям разговорной речи (речь кино, газетный подкорпус или речь персонажей художественных произведений), где ее структура активно расширяется за счет указания «адреса» «посылания» (Ну тебя к лешему! / в пень!) и может сопровождаться объяснением причин «посылания» (Ну его / этот телевизор. Пойду-ка я спать). В реальной устной речи данная конструкция употребляется реже, и обычно в своем исходном варианте <Ну + Асс!>. Чаше она употребляется в непубличной речи и совсем не зависит от характеристик говорящего. Полученные данные позволяют несколько обновить «лексикографический портрет» рассматриваемой неоднословной устойчивой единицы русской речи и могут быть полезны в различных прикладных аспектах лингвистики.

Ключевые слова: идиоматизация, методика шкалирования, грамматика употреблений, конструкция, дискурсивная формула.

О методике шкалирования как удобном и весьма эффективном инструменте описания грамматики, особенно *грамматики речи*, или *грамматики употреблений* [Tomasello 2003], писали давно и неоднократно, от Н.Д. Арутюновой и В.В. Бабайцевой почти 60 лет назад (см.: [Арутюнова 1965; Бабайцева 1967]) до работ самого последнего времени (см., например: [Капустина 2019; Сулимова 2019, 2020; Сунь Сяоли 2021; Богданова-Бегларян 2022]). Такая методика обычно предполагает описание динамической эволюционной цепочки преобразований, перехода слова или комбинации слов из одного разряда в другой. Это может быть переход одного грамматического в другое грамматическое (*грамматикализация*), а также переход лексико-грамматической единицы (или сочетания таких единиц)

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

в идиому (*идиоматизация*) или прагматический маркер (*прагматикализация*). Такая методика полезна не только при составлении словарных статей и детального *лексикографического портретирования* единиц активного русского лексикона [Апресян 1995], но и «для осознания непрерывности и постепенности языковой эволюции» [Богданова-Бегларян 2022: 184].

Применима такая методика и для описания структурных вариантов типичной разговорной конструкции <Ну + Асс!> (*Ну их! Да ну вас! Ну тебя к чёрту!* и под.), которая и стала предметом настоящего исследования.

Рассматриваемая конструкция отнюдь не обделена вниманием словарей. Ее маркируют как разговорную [Ожегов 2023] или разговорно-сниженную, даже грубую [Химик 2004, 2017], фамильярную и неодобрительную [Крысин 2017: 601]. Выступает она в функции междометия и выражает довольно большой спектр значений: «пренебрежительное безразличие, неодобрение, отрицательное отношение к кому-чему-н.» [Ожегов 2023], «раздражение, отказ от общения, контакта» [Химик 2017], «различные формы неприятия говорящим какой-л. ситуации, а также требование, обращенное к собеседнику, оставить его в покое» [Крысин 2017: 601].

Отмечают словари и синтаксические особенности данной конструкции: «всегда употребляется с местоимениями 2 и 3 л. ед. и мн. ч. в вин. пад., обычно в восклицательных высказываниях; часто сочетается с выражениями *к чёрту, к чертям, к лешему, в болото* и т. п. и усилительными частицами *а, да* в начале высказывания» [*там же*]. Предложенный ряд «адресов», по которым «посылает» данная конструкция, существенно расширяет В.В. Химик: *к богу в рай, к дьяволу, к ляду, (куда) подальше, на ☿ фиг, на ☿ хрен, к бесу, к шутам, в баню* (не считая нецензурной лексики, которой очень богат этот словарь). Продолжение этого ряда находим в «Словаре синонимов»: *к чертям собачьим и ко всем чертям* [Тришин 2023]. Видно, что с помощью этой конструкции можно «послать» собеседника (не только конкретного партнера по коммуникации, но и воображаемого или просто ставшего предметом разговора, и даже неодушевленный объект) не только *куда*, но и *к кому*, что существенно расширяет круг ее структурных вариантов.

Предлагаемые словарями синонимы рассматриваемой конструкции таковы: *иди ты! пошёл ты! отвали! отвяжись! отстань! отцепись!* [Крысин 2017; Тришин 2023]. По синонимам видно, что чаще всего эта фраза мыслится авторами словарей как реакция на реплику собеседника и прямое обращение к нему, т. е. элемент исключительно диалогической речи. Не случайно поэтому в Русском конструктиконе [constructicon.github.io/russian] ни один из вариантов данной конструкции найти не удалось, зато они обильно представлены в Прагматиконе [pragmaticon.ruscorpora.ru], фиксирующем ту часть русских разговорных конструкций, которые можно отнести к классу дискурсивных формул (ДФ), т. е. стереотипных устойчивых ответов, использующихся в разговорной речи.

При всем богатстве словарных данных, касающихся конструкции <Ну + Асс!>, показалось целесообразным провести еще одно, корпусное, исследование ее функционирования и называть ее именно *конструкцией* (в духе *Грамматики конструкций* [Fillmore, Kay 1992]), а не ДФ, поскольку используется она отнюдь не только в диалоге (как ответная реплика) и отнюдь не только при обращении к непосредственному собеседнику. Из всего разнообразия реализаций данной конструкции под определение ДФ попадают разве что *Ну тебя!* и *Ну вас!* – единственные прямые обращения к собеседнику/кам.

Источником материала для настоящего исследования стал ряд подкорпусов (основной, устный, газетный и мультимедийный) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru>] и корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>], записанный по методике непрерывного речевого мониторинга.

В работе был использован инструмент, разработанный во Франции командой во главе с С. Хайденем – ТХМ [Heiden 2010]. Этот корпус-менеджер дает возможность пользоваться базовыми инструментами, такими как *конкорданс*, или *словарь по запросу*, но, что куда более примечательно, он дает техническую возможность построить в ТХМ частеречный разметчик *treeagger* [Schmid 1995] и использовать SQP язык для поисковых запросов в пользовательском подкорпусе [Evert 2009]. Основной за-

дачей при подготовке исследования было собрать в одном месте материалы из всех упомянутых корпусов¹.

Все контексты были экспортированы из ТХМ в CSV формате для работы в Microsoft Exce и разбиты по листам с конкордансами (см. рис. ниже).

Не надо братцы худого	ну его	не надо!
Не нужно мне Наташи	ну ее	к черту эту Наташу!
не останавливаясь) А	ну вас	!
Не открывай	ну их	ко псам.
Не пойду завтра на экзамен	ну его	к чертам!
Не послал даже а так в значении «да	ну тебя	а,
Не прозевает; да	ну их	совсем и с дорогой ихней!
Не пускай	ну его	к черту!
Не пустить ли наши мелочи -- на шампанское дабы скрасить потерю и возгласить тост:	ну его	к черту -- утомительный эмоциональный подъем!
Не путайте вы меня в свои дела	ну вас	вовсе.
Не стану туда звонить	ну их	в баню обойдуся.
Не стреляйте	ну вас	к черту а то весь виноград перестреляете.
Не торопитесь	ну вас	в болото!
Не ходи туда слышь	ну их	.
Не ходите туда	ну вас	!
Не хочу	ну его	к ляду!
Не хочу	ну их	всех!
Не в ТС попутать не буду	ну его	.
Неохота сидеть	ну ее	к черту.
Нет	ну его	к черту -- спать!
Нет	ну его	к чертам -- лучше не родиться.
Нет	ну его	к черту!
Нет	ну его	!
Нет	ну вас	!
Нет	ну ее	к ляду такую милость!
Нет -- думает он -- уеду завтра же уеду --	ну ее	эту Москву: тут как раз и женят и ограбят!
Нет не пойду	ну ее	.
Нет нет	ну его	к дьяволу!
Нет нет	ну его	на что он мне!
Нет нет	ну ее	проклятую!

Рис. Пример конкорданса

Такая форма представления материала позволила увидеть всю специфику функционирования рассматриваемой конструкции, включая левый контекст (представление о коммуникативной ситуации), лексическое наполнение позиции Асс (адресат «посылания») и правый контекст («адрес» «посылания», а порой и причины такого речевого акта).

Общая выборка из всех корпусов составила 7 377 контекстов, из которых результатом идиоматизации, т. е. перехода обычного сочетания слов во фразеологизированную конструкцию, оказались только 117 (1,6 %). Знакомая всем конструкция оказалась на деле не столь распространенной, а шкала переходности – весьма простой: (1) → (2). В первой точке этой

¹ В подготовке материала для исследования большую помощь оказал мой ученик, В.К. Александров, сделавший этот этап работы предметом своего дипломного сочинения.

шкалы находятся контексты, в которых частица ну и форма Асс просто стоят рядом, не образуя никакой конструкции, ср.:

1) *Ну его жалко конечно / сердце кровью обливается* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) (2003)];

2) *ну его уже выписывают в четверг / поеду повезу / он меня попросил / что привезти* (ОРД).

Во второй (и последней) точке предложенной шкалы идиоматизации – рассматриваемая конструкция <Ну + Асс!>

Что касается лексического наполнения позиции Асс, то чаще всего встретился вариант *Ну его!* (30 % в НКРЯ и 35,3 % в ОРД). На втором месте в ОРД в этой конструкции местоимение *их* (23,5 %), а в НКРЯ – *тебя* (25 %).

Анализ материала показал также, что в подавляющем большинстве случаев (82 %) рассматриваемая конструкция используется в бытовой разговорной речи и существенно реже (18 %) – в речи публичной, ср.:

3) [56, рабочий, № 7, муж] *Да ну вас!* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003)].

Всех «соседей справа» от рассматриваемой конструкции можно разделить на несколько групп: обращение, обозначение объекта (адресат), объяснение (почему «*посылают*»), а также направление «*посылания*» («адрес») (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология «соседей справа» от конструкции

Тип «соседа»	Кол-во в НКРЯ (в %)	Кол-во в ОРД (в %)
Обращение	8,0	–
Обозначение объекта	15,0	–
Объяснение причин	25,0	27,3
Направление	52,0	72,7

Удалось подсчитать и количество «адресов», по которым «посылают» с помощью данной конструкции (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология «адресов», или направлений, «посылания»

Направление	Кол-во в НКРЯ (в %)	Кол-во в ОРД (в %)
<i>К чёрту</i>	22	16,7
<i>В пень</i>	22,0	—
<i>В баню</i>	14,0	—
<i>На фиг</i>	14,0	16,7
<i>На х*й</i>	7,0	33,3
<i>В ж*пу</i>	10,0	16,7
<i>Нах</i>	6,0	—
<i>На хрен</i>	6,0	—
<i>На х*р</i>	—	16,7

Видно, что «адреса», по которым «посылают» объект, весьма разнообразны, среди них есть как откровенно нецензурные слова, так и эвфемизмы, которых в целом больше (78,6%), т. е. исследуемая конструкция является вполне приемлемым в обществе способом «послать».

Интересно, что направления, найденные в ходе исследования, существенно отличаются от приведенных в словарях. Так, обнаружилось лишь несколько совпадений со словарем В.В. Химика: *в баню* и *к черту*. Это лишний раз показывает, что устная речь богаче и разнообразнее ее фиксаций в существующих словарях, которые нуждаются в постоянном обновлении. Любопытно, например, направление *в пень, истоки которого стоит еще поискать в русской ментальности*:

3) [19, студент, М, муж] **Да ну их в пень!** [Разговор друзей (2006)].

Порой «соседи справа» содержат пояснение причин использования говорящим данной конструкции. Иногда это выглядит как оправдание, ср.:

4) [19, студент, Павел, муж] Ну нет. **Да ну тебя** / принес блин мне тут игру какую-то тупую. Нет что-нибудь там нормальное принести. Книгу / например [Разговор за компьютерной игрой (2006)];

5) *Да ну его / я на такие мероприятия не хожу [Домашний разговор (2006)].*

Анализ таких объяснений подтверждает негативное значение исследуемой конструкции: человек выражает пренебрежение к объекту, на который она обращена, и желание дистанцироваться от него. Это определенно острая коммуникативная ситуация, которую говорящий инстинктивно пытается смягчить, объясняя, почему он сказал именно так. Причины при этом могут быть разные, но все, как правило, бытовые и несерьезные. В речи чувствуется напряжение, но ситуацию можно назвать, скорее, мелкой ссорой, нежели серьезным конфликтом.

Среди «соседей справа» есть и обозначение объекта, на который направлена конструкция. Это может быть как прямое обращение к собеседнику (7)-(8), так и упоминание объекта (9) или человека, не присутствующего при разговоре:

6) *Да блин / я серьёзно! Ну вас / придурки! [Разговор друзей (2006)];*

7) *[30, № 2, жен] Да ну тебя / Наташк! Перестань ей богу [Телефонный разговор двух женщин (1971–1977)];*

8) *[муж выключает телевизор, встает] Ну его / этот телевизор. Пойду-ка я спать... [Домашние разговоры (1991–2002)].*

«Соседей слева» тоже можно поделить на несколько категорий (см. табл. 3)

Таблица 3

Типология «соседей слева» от конструкции

Тип «соседа»	Кол-во в НКРЯ (в %)	Кол-во в ОРД (в %)
Усилительная частица да	65,0	38,5
Причина «посылания»	10,0	23,1
Обозначение объекта	25,0	38,5

Анализ материала показал, что самым частым «соседом слева» от исследуемой конструкции является усилительная частица *да* (65 %). По-видимому, такую комбинацию можно считать структурным вариантом

исходной конструкции <Да ну + Acc!>. Частотно слева и указание на объект «посылания», который здесь встречается даже чаще, чем справа (25,0 vs 15,0 %). Порой он выражен типично разговорной конструкцией с именительным темы, или именительным представления [Шведова 1979: 92]. Похоже, человеку проще сначала обозначить тему, а потом сказать что-то на эту тему (10), или сначала обозначить причину недовольства чем-то или кем-то, а лишь потом выразить это недовольство (11):

9) [12, Игнат, И. Данильцев, 1962, муж] *Из класса? Они... Да ну их* [А. Тарковский, А. Мишарин. Зеркало, к/ф (1974)];

10) *Я сама-то пьяных боюсь. Особенно чужих. Ну их к чёрту! Связываться с ними. Боюсь я пьяных чужих* [Разговор на кухне (2005)].

В контексте (12) «соседа слева» можно трактовать и как следствие, и как причину. Контекст оставляет обе эти возможности, поскольку непонятно, кто от кого *отворачивался*:

11) *Да. А я с Болотовой в автобусе ехала. Всю дорогу отворачивалась / ну её нах! А Белка красотка!* [Телефонный разговор (2006)].

Проведенный анализ корпусного материала не выявил никаких корреляций между характеристиками говорящего и выбором направления «посылания» и позволил сделать несколько интересных наблюдений над грамматической структурой и функционированием рассматриваемой конструкции <Ну + Acc!>, которая может разрастаться до варианта <Да ну + Acc + в/на + Acc / к + Dat / Adv!>. Анализ подтвердил также общую целесообразность периодического пересмотра и обновления с учетом корпусных данных *лексикографических портретов* даже очень знакомых функциональных единиц повседневной речи.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / Под ред. В.М. Жирмунского, О.П. Суника. М.-Л.: Наука, 1965. С. 121–128.
3. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. 392 с.

4. Богданова-Бегларян Н.В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. научных статей / Отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного фед. ун-та, 2022. С. 179–187.

5. Капустина Т.Д. К вопросу о конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы *по идее*) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. В.Н. Степанов; отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 138–147.

6. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» [Электронный ресурс]. URL: <https://ord.spbu.ru>.

7. Крысин Л.П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К – О. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 861 с.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2023).

9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения – 15.01.2023).

10. Прагматикон [Электронный ресурс]. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 23.05.2023).

11. Русский конструктик [Электронный ресурс]. URL: <https://constructicon.github.io/russian/> (дата обращения – 23.05.2023).

12. Сулимова Т.С. От наречия – к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы *чисто* в русской устной речи (корпусное исследование) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума / Ред. В.Н. Степанов, Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 448–455.

13. Сулимова Т.С. *Определить нельзя помирловать!* – Функционирование единицы *в смысле* в русской устной речи (в зеркале теории переходности) // Русская речь. № 5, 2020. С. 55–69.

14. Сунь Сяоли. Слово САМЫЙ на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвящен-

ной памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.

15. Тришин В.Н. *Словарь синонимов [Электронный ресурс]*. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения – 15.05.2023).

16. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.

17. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В двух томах. Том 1. А – Н. СПб.: Златоуст, 2017. 528 с.

18. Шведова Н.Ю. Именительный падеж // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 91–92.

19. Evert, S. The CQP Query Language Tutorial 2009. 50 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://cwb.sourceforge.io/temp/CQPTutorial.pdf/> (дата обращения – 24.04.2022).

20. Fillmore, Ch.J., Kay, P. Construction Grammar Course Book. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.

21. Heiden, S. *The TXM Platform: Building Open-Source Textual Analysis Software Compatible with the TEI Encoding Scheme* // 24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, Nov 2010, Sendai, Japan. Pp. 389–398. [Электронный ресурс]. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00549764/document> (дата обращения – 24.04.2022).

22. Schmid, H. Probabilistic Part-of-Speech Tagging Using Decisions Trees. Stuttgart: Stuttgart Univ. Press 1994. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cis.unimuenchen.de/~schmid/tools/TreeTagger/> (дата обращения – 24.04.2022).

23. Tomasello, M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Harvard: Harvard University Press, 2003.

GRAMMATICAL METAMORPHOSES OF ONE STABLE CONVERSATIONAL CONSTRUCTION: <NU + ACC!>

© N.V. Bogdanova-Beglaryan

Abstract. The article uses corpus material to examine the colloquial phraseological construction <Well + Acc!>, which is well described in dictionaries, but still leaves a lot of interesting things for linguistic observations. Thus, the analysis of the user sub-corpus, created using modern technologies, made it possible to establish that the

construction in question, which is a completely acceptable way in Russian-speaking society to distance oneself from the interlocutor (or other object), is more characteristic of imitations of colloquial speech (movie speech, newspaper sub-corpus or the speech of characters in fiction works), where its structure is actively expanded by indicating the “address” of the “sending” (Go to hell! / to hell!) and can be accompanied by an explanation of the reasons for the “sending” (Well, his / this TV. I’ll go to bed). In real oral speech, this construction is used less frequently, and usually in its original form <Well + Acc!>. More often it is used in non-public speech and does not at all depend on the characteristics of the speaker. The data obtained make it possible to somewhat update the “lexicographic portrait” of the considered non-single-word stable unit of Russian speech and can be useful in various applied aspects of linguistics.

Keywords: *idiomatization, scaling technique, grammar of usage, construction, discursive formula.*

«ПУШКИН ВСЯКИЙ, ПУШКИН РАЗНЫЙ...»: ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКЦИИ С.В. ВОЛКОВА

© Д.О. Бральнин

Аннотация. На рубеже XX–XXI веков, когда отечественные лингвисты обратились к изучению феномена мультимодальности языка, текст начинает восприниматься как комплексное единство вербального и невербального модусов. В рамках мультимодальной лингвистики и дискурс-анализа особое внимание уделяется исследованию взаимодействия разных модусов, используемых для передачи информации (вербального, визуального и просодического). Изучение такого коммуникативного жанра, как лекция, с позиций мультимодального текста не становилось предметом специального научного исследования, в связи с этим цель данного исследования заключается в анализе текста одной лекции с точки зрения вербального-визуального аспекта. Источником материала послужила видеозапись лекции члена Общественной палаты РФ, учителя русского языка и литературы высшей квалификационной категории С.В. Волкова «С Пушкиным на дружеской ноге...», размещенная на платформе Youtube. Перед лектором стояла задача сблизить учеников с личностью великого русского поэта А.С. Пушкина, представить его обычным человеком, что указано в названии. В статье применяются такие методы исследования, как описательный, метод дискурсивного анализа и метод мультимодального анализа текста. В работе было доказано, что мультимодальный подход раскрывает истинную природу и устройство коммуникации, проясняет настоящие задачи общения, что в свою очередь способствует достижению коммуникативной цели речевого акта. У лекции С.В. Волкова такой целью была демонстрация личности великого русского поэта А.С. Пушкина на базе достаточно современного и необычного материала без опоры на информацию из учебника, что было достигнуто за счет совмещения вербального и визуального модусов коммуникации.

Ключевые слова: мультимодальность, лекция, вербальный модус, визуальный модус, мультимодальный подход.

Долгое время в лингвистике центральным кодом в процессе передачи информации оставался язык, который в достаточной степени не позволял учесть особенности невербального поведения коммуникантов. С появлением цифровых, мультимедийных текстов, закодированных семиотически разнородными средствами, интерес лингвистов стал распределяться между разными модусами: вербальным, визуальным и просодическим [Кибрик 2010: 135].

В 70–90-е гг. XX и в начале XXI вв. развиваются интерсемиотические исследования [Hogde, Kress 1988; Kress, van Leeuwen 2001; Kress 2010, 2011], которые впоследствии были положены в основу современного мультимодального подхода к анализу текстов разной природы.

Под мультимодальностью понимается описание общих законов и правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков, соединение различных кодов предъявления информации [Крейдлин 2014: 101]. Несмотря на то, что мультимодальное описание текста является комплексным, каждый из модусов реализует собственные значимые характеристики.

Мультимодальный анализ устной речи является одним из самых эффективных инструментов для понимания коммуникации. Этот метод позволяет анализировать не только содержание высказывания, но и все сопутствующие элементы, такие как интонация, жесты, мимика, паузы и т.д. В результате такого анализа можно получить более полное представление о том, что хотел сказать говорящий, какие эмоции он испытывал, какие отношения устанавливал с собеседником и т.д. Он позволяет раскрыть многие аспекты речевого взаимодействия, которые не учитываются при традиционном анализе текста, и дает возможность получить более глубокое понимание языка и коммуникативного поведения людей.

Мультимодальный подход может рассматриваться в разных дискурсах, в том числе и педагогическом. Мультимодальность этого дискурса понимается как «одновременное взаимодействие различных семиотических систем, транслирующих информацию с учётом коммуникативных традиций общества» [Хутиз 2016: 92]. Эффективность применения достижений мультимодальности к образованию, позволяющих сочетать естественный языковой код с кодами других семиотических систем: изображением, музыкой, видео и другими [Монахова 2013: 159], объясняется тем, что «наличие визуального образа заметно повышает восприятие текста – до 55%» [Почепцов 2001: 116] с 7%, то есть количество усвоенной информации увеличивается на 48%.

Визуализация текста обусловлена самими требованиями современной коммуникации, а «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое тексту-

альное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [Березин 2003: 162].

Материалом для анализа послужил жанр лекции, так как в рамках педагогического дискурса высшей школы она является одним из наиболее значимых коммуникативных жанров. Единого толкования термина «лекция» в лингвистике на данный момент не сформулировано, в связи с чем возникла необходимость выделения некоторых наиболее значимых черт жанра.

Особенностями лекции является её монологизм [Нагиева 2017: 4], в рамках лекции происходит передача научных знаний от широко информированного в определенной исследовательской области адресанта групповому адресату [Бурмакина 2013: 87].

В качестве материала исследования была выбрана лекция известного российского филолога, педагога Сергея Владимировича Волкова «С Пушкиным на дружеской ноге...», размещенная на платформе Youtube [Волков 2014]. В лекции «С Пушкиным на дружеской ноге...» адресантом выступает Сергей Владимирович Волков, а адресатом – ученики 9 класса гуманитарного профиля обучения из Екатеринбурга. Темой данной лекции стало необычное представление биографии Александра Сергеевича Пушкина, выполненное с опорой на пародию Константина Арбенина «Пушкин мой», творчество М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, С.Д. Довлатова и др. Именно увертюрой к пародии К.Ю. Арбенина, где представлены разные грани образа А.С. Пушкина, вдохновлено название нашей статьи – «Пушкин всякий, Пушкин разный...».

Перед С.В. Волковым стояла задача показать А.С. Пушкина не как известного поэта и писателя, который находится от учеников на неимоверной высоте и дистанции, а как обычного человека, что сразу указано в названии – «С Пушкиным на дружеской ноге...».

Вербальный модус лекции с точки зрения лингвистики может быть проанализирован с трех различных сторон: грамматической, лексической и стилистической.

В связи с тем, что лекция С.В. Волкова относится к устной речи, особую значимость приобретает обращение к устному синтаксису. Лектор часто использует вопросительные и восклицательные предложения (*«Вот стоит дальше открывать или нет?»*, *«Слышали такое?»*, *«Какая от-*

личная идея!», «Гениально!» и др.), вводные слова различных семантических групп для увеличения эмоциональности повествования.

По мнению Е.А. Гришиной, в современной устной речи отмечается широкое употребление «да» в различных функциях: заполнитель паузы хезитации и для поддержания контакта со слушающим [Гришина 2011]. Это справедливо и для лекции С.В. Волкова. «Да» встречается в лекции С.В. Волкова очень часто. Наиболее распространенной функцией этого слова стало поддержание контакта с аудиторией: *«Мне сказали, что вы [пауза] сейчас тока что смотрели о пушкинской биографии, да?»*; *«Например, да»* и др.

«Да» редко может выступать в лекции С.В. Волкова и как заполнитель паузы хезитации: *«Тут у него бакенбарды, да, такие вот ...»*; *«Наверно, к такому Пушкину вы больше привыкли, да, чем...»* и др.

Для устной речи характерен и особый порядок слов. К таким явлениям относятся конструкции с именительным темы, в которых осуществляется перенос наиболее значимого элемента в начало фразы. Приведем примеры таких конструкций в лекции С.В. Волкова: *«Эммм, молодой мужчина, оказывается, он лидер известной, мне – нет, санкт-петербургской группы «Зимовье зверей»»* и др.

Характерной особенностью вербального компонента лекции «С Пушкиным на дружеской ноге...» является постпозитивное расположение прилагательных: *«Это было такое задание школьное...»*; *«ну, наконец-то, Пушкин нормальный»*; *«загадка. Но какая-то очень живописная»* и др.

К числу лексических явлений разговорной речи, встречающихся в лекции С.В. Волкова, можно отнести неологизмы (апгрейд, Фейсбук, гиперссылка и др.), архаизмы (опочили), иноязычные слова (вау, апгрейд, гиперссылка и др.), просторечные слова и в широком смысле фразеологизмы (*«дядька, вроде, еще из ума не выжил»*, *«читается на одном дыхании»*, *«кто может взять на себя смелость сказать...»* и др.).

К стилистическим особенностям лекции относится активное использование лектором тропов и фигур. За счет стилистических фигур речи придается индивидуальность, у нее появляется повышенная эмоциональная окраска. Большую роль для расшифровки конкретно-выразительного значения фигур играет контекст, общий синтаксический строй речи. А.А. Макарова отмечает, что стилистические фигуры – это синтаксиче-

ские конструкции, оказывающие воздействие на читателя или слушателя [Макарова 2019], то есть фигуры выходят за рамки одного слова, расширяясь до уровня синтаксиса. Чаще всего в тексте лекции тропы и фигуры выполняют репрезентативную функцию, то есть функцию усиления изобразительности.

Визуальный модус лекции С.В. Волкова имел своей целью представить образ А.С. Пушкина в абсолютно разных, даже не свойственных времени жизни поэта формах.

В качестве наглядного (визуального) модуса в лекции С.В. Волкова были представлены:

1) портреты, выполненные следующими авторами: Орестом Кипренским, Иваном Линевым, Петром Кончаловским, Иваном Айвазовским и Ильей Репиным – «Пушкин на берегу Черного моря»;

2) шаржи и карикатуры:

➤ Игорь Шаймарданов из серии «Ситцевый Пушкин», где автор сказки общается с золотым петушком;

➤ Ксения Тихонова и Сергей Рыбаков из серии «Однажды Пушкин», где поэт изображен в образе рок-звезды, похожей на Элвиса Пресли, сопровождаемый строками анекдота Даниила Хармса о Пушкине;

➤ Иван Лукьянов «А.С. Пушкин в экслибрисе». Например, поэт в образе Алёнушки у пруда;

➤ Анна Аренштейн, серия «Мой Пушкин», где картины представлены как креолизованный текст;

➤ Ксения Тихонова и Сергей Рыбаков из серии «Однажды Пушкин», где поэт изображен в образе Че Гевары;

➤ Сайто Тихо «Бронзовый ангел» в стиле японских комиксов (манги) и др.

Как видно из проанализированного материала, визуальный модус лекции С.В. Волкова практически не представлен классическими портретами поэта. Лектор отдает предпочтение современным юмористическим, китчевым формам изображения А.С. Пушкина с целью привлечь учеников к более глубокому изучению биографии и творчества классика.

Анализируемая публичная лекция своей коммуникативной задачей имеет необходимость представить личность А.С. Пушкина с позиции

обычного человека, что достигается за счет сближения каждого человека с ним. Творческое домашнее задание (собственный рисунок поэта) показывает, что для каждого А.С. Пушкин свой, что не нужно ограничиваться общеизвестными фактами, что можно и пофантазировать даже насчет образа такого известного человека.

Пушкинский образ, погруженный в контекст эпохи XX и XXI веков, открывает современную грань в пушкиноведении и позволяет осознать, что значение этого великого человека не уменьшается и в новую эру, с развитием уникальных цифровых способов получения и анализа информации. «Пушкиниану» филологического разбора биографии и творчества поэта продолжают креолизованные тексты, манги, экслибрисы, шаржи и карикатуры, вдохновленные классиком, которые благодаря мультимодальному подходу к исследованию текстов «новой природы» впоследствии имеют возможность стать освоенными российской культурой.

Список литературы

1. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003. 173 с.
2. Бурмакина Н.Г. Жанр лекции и его культурно обусловленная маркированность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Красноярск, 2013. № 1. С. 85–91.
3. Волков С.В. «С Пушкиным на дружеской ноге...». Екатеринбург, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=1vxL5bv5gio&ab_channel=Tary134 (дата обращения: 20.09.2022).
4. Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. № 35. 2011. С. 169–207.
5. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135–152.
6. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. 134 с.

7. Макарова А.А. Изобразительно-выразительные средства в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чехова). Пенза, 2019. 60 с.

8. Монахова Г.А. Мультимодальные технологии в учебном процессе высшей школы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 158–160.

9. Нагиева Е.Б. Речевая организация текста публичной лекции (на материале телевизионного цикла ACADEMIA): дисс. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2017. 227 с.

10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук Ваклер, 2001. 123 с.

11. Хуыз И.П. Мультимодальность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1. 2016. С. 90–95.

12. Hogde R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity. 1988. 300 p.

13. Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. London–New York: Routledge. 2010. 212 p.

14. Kress G. What is mode? // The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. New York: Routledge. 2011. P. 54–67.

15. Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Edward Arnold Publ. 2001. 166 p.

“PUSHKIN IS EVERYONE, PUSHKIN IS DIFFERENT...”: VERBAL-VISUAL ANALYSIS OF S.V. VOLKOV’S LECTURE

© D.O. Bralnin

Abstract. The phenomenon of multimodality of language has been studied by linguists only since the end of XX-beginning of XXI centuries. Then the text begins to be perceived as a complex unity of verbal and non-verbal modalities. Within the framework of multimodal linguistics and discourse analysis, special attention is paid to the study of the interaction of different modalities used to convey information. The study of such a communicative genre as a lecture from the perspective of multimodal text has not become the subject of a special scientific study, in this regard, the purpose of this study is to analyze the text of one lecture from the point of view of verbal-visual aspect. The source of the material was a video recording of a lecture by S.V. Volkov, a member of the Public Chamber of the Russian Federation, a teacher of Russian language and literature of the highest qualification category "On friendly terms with Pushkin..." posted on Youtube. The lecturer's task was to bring students closer to the

personality of the great Russian poet A.S. Pushkin, to present him as an ordinary person, which is indicated in the title. The paper applies such research methods as descriptive, method of discourse analysis and method of multimodal text analysis. It has been proved in the paper that the multimodal approach reveals the true nature and structure of communication, clarifies the real tasks of communication, which in turn contributes to the achievement of the communicative goal of the speech act. In S.V. Volkov's lecture such a goal was to demonstrate the personality of the great Russian poet A.S. Pushkin on the basis of quite modern and unusual material without relying on information from the textbook, which was achieved by combining verbal and visual modus of communication.

Keywords: *multimodality, lecture, verbal modus, visual modus, multimodal approach.*

ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

© С.Н. Бредихин

Аннотация В настоящей статье описываются механизмы конвергенции эпизодических и семантических компонентов в процессе транстерминологизации. На основе структурно-компонентного и интерпретационного анализа представляется возможным описать коррелятивные семы и нозмы в семантике и эпизодике генерализованного содержания, при этом дискурсивно-модусный подход позволяет выявить константу интенциональности как ключевой фактор когниогенеративного процесса. В процессе анализа выводится универсальная последовательность шагов имплементации компонентов эпизодической памяти в семантическую иерархию трансгрессируемой единицы, включающая восемь этапов преодоления логических барьеров, традиционализации и стереотипизации концептуальной и топикальной детерминации содержания при изменении системы функциональных ограничений с параллельным поиском форм актуализации нозмной структуры. Автор приходит к заключению, что алгоритм строится на мягких паттернах экспликации, предопределяющих целеориентированную легализацию и легитимизацию генерализованной структуры значения.

Ключевые слова: *транстерминологизация, семантическая и эпизодическая память, «зонтиковость» термина, мягкие паттерны, трансгрессия, интенциональность.*

В контексте современного междисциплинарного, или даже трансдисциплинарного знания возникает объективная необходимость комплексного изучения механизмов формирования пограничных терминосистем, возникающих при взаимодействии смежных или дистантных областей информационно-знаниевого континуума. Каждый из элементов подобной системы характеризуется наличием не только конвенционализированных в узусе употребления семантических компонентов, но и интенциональным созданием новых, призванных нюансировать конситуативные грани понятия, эпизодических элементов. Когниокоммуникативная ситуация порождения и вербализации знаниевых компонентов в трансдисциплинарных областях как ни одна другая подвержена дискурсивной трансформации. Основной сложностью такого процесса модификации содержательной структуры является перманентная генерация отличных от привычных моделей динамичных «схем действия» по опредмечиванию/распредмечиванию актуального событийного смысла транстермина. Наиболее значимым в настоящее время представляется выявление и ана-

лиз базовых достаточных условий для сохранения семантических компонентов в условиях актуализации эпизодики в процессе транстерминологизации. Именно условная привязка двух доменов [Arauz, Faber 2010: 15] – исходного опредмечивания и принимающего распредмечивания – создает как само пространство, так и инструмент трансгрессии.

Главной **целью** нашего исследования является описание механизмов конвергенции семантической и эпизодической областей при формировании генерализованного содержания транстерминологизируемого понятия.

В рамках анализа механизмов имплементации отдельных элементов в генерализованное содержание нами применялась комплексная **методология**, включающая приемы структурно-компонентного, этимологического, контекстуального и дискурсивно-модусного анализа [Alefirenko 2022]. Если большинство из них уже стали привычными для герменевтико-семасиологической процедуры, то дискурсивно-модусный позволяет вскрыть не только сами эпизодические компоненты, но и интенции их генерации в рамках преодоления конситуативных барьеров доминирования примарных семантических компонентов.

Перманентные трансформации исходных единиц происходят в рамках конситуативных топикальных модификаций, что формирует эпизодические дискурсивные компоненты, которые представляют собой базу для выстраивания нового генерализованного содержания (значения). В данном случае, как это следует из логики генерации, опредмечивание является примарным по отношению к распредмечиванию в информационно-знаниемов континууме. Только следование коллективного реципиента «тропой» опредмечивания дает возможность оформить в транстермине весь потенциал «способов репрезентации когнитивно-содержательного начала» [Бредихин, Вартанова 2017: 51] в синергетическом процессе совмещения векторов при транстерминологизации.

Каким же образом имплементируемое конситуативно распредмечиваемое содержание фиксируется как облигаторное для каждого коммуниканта в условиях определенного топикального и концептуального окружения? Данный осложненный множеством факторов процесс осуществляется на основе определенной последовательности шагов герменевтико-интерпретационного метода:

1. Осознание необходимости актуализации нового знания в условиях его апперцептивной генерации, не поддающейся эмпирической верификации.

2. Анализ возможных компонентов, содержащих отдельные семы способные эксплицировать новые знаниевые компоненты в пространстве семантической памяти.

3. Анализ функциональных ограничений закрепленных значений исходной единицы в узуальных контекстах.

4. Нивелировка исходных функциональных ограничений в рамках повышения степени «зонтиковости» трансгрессируемой единицы.

5. Синтез ноэматической конструкции на основе избранных (зачастую периферийных) деконситуативизированных сем.

6. Топикальная и конситуативная фиксация новой иерархии генерализованного содержания в аргументативном дискурсе.

7. Закрепление новых функциональных ограничений как системы актуализированных ассоциативных сем в конкретной сфере информационно-знаниевого континуума.

8. Валёризация компонентов иерархии в качестве индивидуальных (необщеизвестных, новых) компонентов эпизодической памяти, либо коллективных конситуативно релевантных элементов ядерного поля, семантической памяти [Tulving 1972].

Столь сложный процесс перехода от коллективного (семантического) к индивидуальному (эпизодическому) и вновь к внедрению его в семантическое пространство объясняется не только необходимостью преодоления логических барьеров, традиционализации и стереотипизации концептуальной и топикальной детерминации содержания при изменении системы функциональных ограничений, но и параллельно осуществляемыми операциями по поиску наиболее адекватной вербализации генерализованного содержания. Каждый из закрепленных в системе исходных компонентов представляет некие разделяемые каждым членом коммуникативного микросоциума убеждения, которые на основе механизма аналогии экстраполируются на все сходные сферы информационно-знаниевого континуума. В действительности, пути экстраполяции есть алгоритмизированные «схемы действия», т.е. зафиксированные векторы интерпретации. Эпизодические же компоненты генерируются спонтанно

(в некоторых случаях на основе ноэматической, но в случае транстерминологизации – феноменологической рефлексии), они призваны интенсифицировать особые мягкие паттерны распределения. Эти мягкие паттерны [Suharto, Wahyu, Agus, Saleh 2021] предполагают абстрагирование от апперцептивных моделей и первичную интимизацию «зонтиковых» характеристик, на основе которых и могут возникнуть неузловые ассоциации и новые функциональные ограничения. Перманентное перетекание коллективного и индивидуального размывает области детерминации и дефиниции и генерирует отдельное вербальное представление трансгрессируемого понятия в эпизодической памяти, а заложенные в исходной единице стереотипизированные модели конситуативной привязки способствуют выведению корреляций между личными аргументациями и структурами семантической памяти [Dijk van 1990].

Константа интенциональности становится доминирующим фактором в поиске формы вербализации ассоциируемой семы исходной единицы с подлежащим актуализации новым знаниевым компонентом. Такой путь предполагает первичную конситуативную и контекстуальную детерминацию квазитермина, в котором осуществляется базовое дефинирование. Следует отметить, что интенциональность обуславливает значительно больший процент совпадения семно-ноэмных корреляций в метаязыке науки, чем это случается в рамках естественного языкового окказионального образования. Этот принцип является универсальным для любой области транстерминологизации, более того, он не зависит от типа кодирования (морфотипа языковой системы), поскольку преодоление границ функционирования и создание новых функциональных ограничений существенно повышает возможности генерации в сравнении с простой интер- или поли-дискурсивизацией [Morin 1999].

Трансдисциплинарный путь развития информационно-знаниевого континуума по сравнению с меж- и поли-дисциплинарным предполагает не эволюционную, а революционную (инициально активную и рапидную) модификацию терминосистемы. Кроме того, концептуальная область и аппарат её описания имеют политомическую природу, основанную на целеориентированном «спектре релевантности» (A Proposed “Relevance Spectrum”) [Benoni, Ressler 2020], являясь одновременно средством, субъектом, объектом и результатом когниогенеративного процесса

преодоления казалось бы непроницаемой границы различных концепций даже в единой топиальной сфере. Всеобщей релевантностью в вариативных сферах употребления обладают так называемые «зонтиковые» семы исходных единиц, которые «функционируя в дискурсивном пространстве, осложненном конситуативными факторами и характеризующимся присутствием эпизодических контекстуально детерминированных компонентов различных областей информационно-знаниевого континуума» [Serebriakova, Bredikhin, Plokhaya 2021: 1442], иррадируют в индивидуальную пертинентность. Конситуативное обоснование трансгрессируемых «зонтиковых» сем происходит с опорой на наличествующие в эпизодике характеристики творимости, новума и идиомаркированности. В последующем при росте числа конситуативно привязанных словоупотреблений осуществляется не только легализация (аргументативное дефинирование), но и легитимизации, которая, по сути, представляет собой контекстуальную и прагматическую верификацию в коммуникативном микросоциуме [Bredikhin, Tsybulevskaya 2020: 1512].

Разделение понимания компонентов генерализованного содержания, возникающих на векторе имплементации «эпизодической памяти» (*'episodic memory'*) [Dijk van 2003: 210], обязательно должно сопровождаться не только стиранием стереотипных дефинитивных компонентов, но и формированием специализированных функциональных ограничений, обеспечивающих органичную корреляцию семантики и эпизодики. Именно на основе вышеописанных механизмов конвергенции происходит создание единого и непротиворечивого генерализованного содержания, базирующегося на вариативности места «зонтиковых» сем в иерархии коллективно интерпретируемых и эпизодических конситуативно актуализируемых компонентов.

Список литературы

1. Бредихин С.Н., Вартанова Л.Р. Способы вербализации когнитивно-го начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. перевод // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 51–56.
2. Бредихин С.Н., Махова И.Н. Имплементация эпизодических компонентов в содержательное пространство метаконцептов // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3 (111). С. 108–115.

3. Alefirenko N.F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. V. 8. No. 4. P. 3–14.
4. Arauz L., Faber P. Natural and contextual constraints for domain-specific relations // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications (Valletta, 18 May 2010). Valletta: L-Università ta' Malta, 2010. P. 12–17.
5. Benoni H., Ressler I. Dichotomy, Trichotomy, or a Spectrum: Time to Reconsider Attentional Guidance Terminology // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. P. 1–5.
6. Bredikhin S.N., Tsybulevskaya A.V. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2021. V. 92. P. 1507–1514.
7. Dijk van T.A. Discourse and Context: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 283 p.
8. Dijk van T.A. Social Cognition and Discourse // Handbook of Language and Social Psychology. Chichester: John Wiley and Sons, 1990. P. 163–186.
9. Morin E. La Tête bien faite. Repenser la réforme, réformer la pensée (L'Histoire immédiate). Paris: Editions du Seuil, 1999. 153 p.
10. Serebryakova S.V., Bredikhin S.N., Plokhaya E.E. Frame structure of term systems within secondary encyclopedic text // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2021. V. 107. P. 1439–1446.
1. Suharto, Wahyu W., Agus S., Saleh H. The Ability to Understand Concepts: Cognitive Style, Cognitive Structure, Learning Styles and Learning Motivation // PENDIPA Journal of Science Education. 2021. No. 5(1). P. 15–22.
2. Tulving E. Episodic and semantic memory // Organization of Memory. New York: Academic Press, 1972. P. 381–402.

EPISODIC AND SEMANTIC MEMORY WITHIN TRANSTERMINOLOGIZATION PROCESS

© *S.N. Bredikhin*

Abstract The article under review analyzes the mechanisms of episodic and semantic components convergence within the process of transterminologization. Correlative semes and noems in the semantics and episodics of generalized content described on the basis of structural-component and interpretative analysis, while the discursive-modus approach allows to identify the constant of intentionality as a key factor in the cognitive-generative process. The universal sequence of steps for the implementation of episodic memory components into the semantic hierarchy of the

transgressed unit is settled along the line of analysis. This sequence includes eight stages of overcoming logical barriers, traditionalization and stereotyping of conceptual and topical determination of content when changing the system of functional constraints with a parallel search for forms of actualization of the noem-structure. The author concludes that the algorithm is based on soft explication patterns that predetermine the goal-oriented legalization and legitimization of the generalized structure of meaning.

Keywords: *transterminologization, semantic and episodic memory, “umbrella-likeness” of term, soft patterns, transgression, intentionality.*

ДЕЛИБЕРАТИВНОСТЬ И КОНВИКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ КЛИЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

© Ю.И. Бредихина

Аннотация В реферируемой работе в фокусе внимания автора находятся процессы взаимодействия институциональных и персональных характеристик пограничного дискурса, которые находят максимальную выраженность при актуализации уверенности или неуверенности в правильности действий коммуниканта. Опираясь на выявление базовых иokkaзиональных средств делиберации и конвиктивизации в дискурсе социальной работы в рамках герменевтико-интерпретационного и дискурсивно-модусного анализа, можно заключить, что доминантной формой экспликации сомнений служит прямой квестив, а полная уверенность в целесообразности выражается перспективным директивом. В случаях формирования квазиконвиктивного пространства используются скрытые перформативы. Пограничный дискурс социальной работы с населением предполагает постоянное перетекание инициальной конвиктивности в делиберативность на основе рекурсивного сравнения коммуникативных и реальных действий с нормативными требованиями, эксплицируемыми «третичным агентом».

Ключевые слова: дискурс социальной работы, делиберативность, конвиктивность, функциональная прагматика, пограничный дискурс, квестив, директив.

На настоящем этапе развития дискурсологических исследований вопросы типизации и определения коммуникативно-тематической видовой классификации дискурсивных практик представляются практически решенными. Многие исследователи делимитировали отдельные типы и виды дискурсов и даже рассмотрение конвергентных пограничных типов уже не является новаторским [Бредихина 2017; Карасик 2022]. Актуализация различных видов иллокуции не только в отдельных речевых актах, формирующих вербальное коммуникативное пространство дискурса, но и в макроструктурных образованиях, включающих референциальное единство участников, представляется одним из ключевых аспектов, способствующих появлению бифуркационных точек в процессе контаминации характеристик различных типов дискурса. Так, максимальная интенсификация субъективного и общепризнанного (конвенционализированного в нормативных актах – легализованного и в практике коммуникативного взаимодействия – легитимизованного) наблюдается при контрастивном

взаимодействии сомнения и уверенности в целесообразности тех или иных действий представителей класса клиентов.

В качестве основной цели нашего исследования мы видим описание приемов вербализации делиберативности и конвиктивности в пограничном дискурсе социальной работы с населением. Доминантным методом в данном случае является герменевтико-интерпретационный в его модифицированном виде [Бредихин 2015], который применяется для описания нетипичных языковых средств делиберации, а также отдельные компоненты дискурсивно-модусного анализа [Alefirenko 2022], позволяющего выявить логическую и речевую модальность в высказываниях, эксплицирующих полярные состояния клиента.

Обращаясь с требованием в тот или иной социальный институт, деятельность которого строго регламентирована «третьим агентом» не только в сфере реальных действий, но и коммуникативной интеракции, клиент, не являющийся зачастую компетентным коммуникантом, испытывает различную степень уверенности в целесообразности, коммуникативной эффективности и уместности в своих стремлениях достичь результата. Эти контрастирующие области уверенности и сомнения определяются не только фоновыми знаниями, той или иной степенью информированности, но и уровнями коммуникативного действия (инкоативно-формально-институциональным, дуративно-персонально-бытийным и финально-формально-институциональным) [Bredikhin, Bredikhina, Serebryakova, Marchenko 2018]. Первый и последний диктуют гораздо большую степень конвиктивности, поскольку являются этапами определения формальных условий для реализации коммуникации.

Так, в случае инициального обращения клиента в социальную службу описание ситуации требования происходит в форме прямых перформативов, которые призваны эксплицировать максимальную степень уверенности в достижении цели. *Я передаю Вам все документы по перечню, который ведущий специалист дал мне в прошлый раз...*

При этом сам акт передачи, сопровождающий перформативное высказывание отнюдь не является гарантией действительного соответствия и может быть верифицирован непосредственно. В случае установления разночтений в реальных и коммуникативных действиях возникает ситуация снижения степени уверенности и формирования бифуркационной

точки – консолидированного поиска решения возникшей проблемы или разрыва коммуникации.

При этом дуративный этап характеризуется последовательной конвергенцией не только элементов уверенности и сомнения, но и поскольку именно в микроструктурах этого этапа дискурсивного взаимодействия определяются дальнейшие векторы развития коммуникации, т.е. решается ключевой вопрос, разрушения интеракции или перехода на более высокий уровень консолидации и определенности.

Например,

Агент: *Вот сам себя спрашиваю, можно ли быть уверенным, что Вы не пойдете сейчас жаловаться, если я всё же приму у Вас документы без выписки от ТСЖ..? Тогда Вы мне её донесете!*

Клиент: *Конечно, само собой разумеется, считайте, она уже у Вас...*

В вышеприведенном диалоге сомнения сотрудника социальной службы не могут быть разрешены в рамках эмпирической верификации, он выражает сомнение в прямом квестиве. При этом клиент-заявитель создает пространство конвиктивности на основе конситуативного скрытого перформатива, вербализуя желаемую передачу справки об отсутствии задолженности. Конситуативная делиберативность высокой степени обусловливается не только отсутствием конкретного документа, но и отсутствием уверенности в основаниях для его получения.

На различных уровнях коммуникативного действия степень делиберации или конвиктивности может быть различной, и даже параллельно присутствовать в рамках комплексной экспликации сомнений в вербализованном внутреннем монологе. Например, *Вот видел же я на сайте Комитета в перечне эту справку... Так надо мне её требовать в совете микрорайона? Всё-таки я же не идиот и сейчас говорят о пересмотре перечня необходимых документов! Так делать или нет?!* [Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной]. В рассмотренном случае общая тональность микроконтекста призвана продемонстрировать сомнение, основанное на контрасте личного опыта клиента и нормативных требований, заявленных «третичным агентом» в официальном перечне. Эта форма опредмеченного внутреннего диалога сближается как по структуре, так и по функциям с аргументацией и манипуляцией de re [Радбиль 2022: 124], требующей несобственного определения дальнейшего вектора раз-

вития дискурса, т.е. подключения агента пограничной коммуникации. В данном случае агент дискурса – сотрудник Комитета труда и социальной защиты населения – является персонализированным медиатором, в коммуникативную интенцию которого входит определение необходимости реальных и коммуникативных действий.

Подобная демаркация узловых точек изменения делиберативного пространства на векторы конвиктивности осуществляется контркоммуникантом на основании собственной уверенности, основанной на большей компетентности и объеме фоновой оперативной информации: *Учитывая возможность отказа при рассмотрении Вашего заявления руководством, я бы озабочился и сразу взял справку о составе семьи...*

Следует отметить не только привычную для вербализации уверенности форму директива, но и её интимизацию на основе приписывания действий агенту. Подобная субъективность не только повышает манипулятивный и аргументативный потенциал высказывания, но и формирует псевдопространство общей иллюзии – продвижение заявления предстает как релевантный для двух непосредственных коммуникантов результат. Главным образом трансляция конвиктивных позиций является итогом того или иного этапа взаимодействия в пограничном дискурсе и представляет собой финально-формально-институциональный этап.

Таким образом, ключевыми факторами экспликации уверенности в необходимости совершения действий в объективной и коммуникативной реальности служат фоновые знания, объем оперативной информации и преимущественно институциональные характеристики этапа коммуникативного действия. Для вербализации сомнения базой являются бытийные и субъективные характеристики уровня коммуникативного действия, степень возможности совершения действий в конкретной ситуации, а также конфликт личного опыта агента или клиента с вербализованными нормативами «третичного агента». Основной формой вербализации делиберативности, позволяющей избрать тот или иной путь развития дискурсивного взаимодействия, является квестив с доминированием Я-высказывания. Конвиктивность эксплицируется на основе проспективных директивов, создаваемых по формуле «необходимых и достаточных условий реализации цели», которые также часто субъективируются в

форме Я-высказывания. Решение о создании псевдоуверенности принимается в условиях невозможности непосредственной эмпирической верификации промисива, который облекается в форму скрытого конситуативного перформатива.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3(44). С. 54–58.
2. Бредихина Ю.И. К проблеме делимитации дискурса социальной работы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2(75). С. 88–90.
3. Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. (дата обращения 27.09.2023).
4. Карасик В.И. Дискурсивная конвергенция // Лингвистическая лингвология: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 16 декабря 2021 г.). Москва: Московский государственный областной университет, 2022. С. 32–39.
5. Радбиль Т.Б. Метаязыковые операторы как средство манипулятивной апелляции говорящего к когнитивной базе языкового сообщества // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: Материалы международной научной конференции (Москва, 05–06 апреля 2022 г.). Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 122–125.
6. Alefirenko N.F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. V. 8. No. 4. P. 3–14.
7. Bredikhin S.N., Bredikhina Y.I., Serebryakova S.V., Marchenko T.V. Levels of Communication Act: Functional Communicative Features of Social Work Institutional Discourse // SHS Web of Conferences. 2018. V. 50. P. 01022.

DELIBERATIVENESS AND CONVICTIVENESS OF SOCIAL SERVICES CLIENT'S COMMUNICATIVE ACTS

© Y.I. Bredikhina

Abstract In the research under review the author focuses on the processes of interaction between institutional and personal characteristics of borderline discourse, which find maximum expression when actualizing confidence or uncertainty in the correctness of the communicant's actions. Based on the identification of usual and occasional means of deliberation and convictivization in the discourse of social work the dominant form of explication of doubts as a direct quest, and full confidence in expediency expressed by a promising directive are analyzed within the framework of hermeneutical-interpretative and discursive-modus analysis. Implicit performatives are used in cases of the formation of a quasi-predictive space. The borderline discourse of social work assumes a constant flow of initial convictivity into deliberation based on a recursive comparison of communicative and real actions with regulatory requirements explicated by the “tertiariis agent”.

Keywords: *social work discourse, deliberativeness, convictiveness, functional pragmatics, borderline discourse, questive, declarative.*

АКСИОЛОГИЯ ФЕМИНИТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

© *Е.И. Бударагина, О.Д. Прокуророва*

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации аксиологического потенциала феминитивов в информационном пространстве современных тг-каналов. Целью работы является определение ценностного заряда антрополексем женского рода, для чего используется метод дискурсивного анализа. Результатом исследования является вывод о преимущественно негативном аксиологическом употреблении феминитивов, о возможности включения их в класс «псевдоценностей», то есть слов, содержащих в своем импликационале ложную претензию на выражение положительной оценки при определенных условиях. В работе представлены наиболее продуктивные словообразовательные модели, реализуемые в указанном речевом сегменте. В качестве источников отрицательной оценки выявлены следующие факторы: контекст, стилистическая неоднородность высказывания, скрытая предикация, конфликт «женских» суффиксов с «мужскими» основами, омоимия с неодушевленными существительными, паронимия; рассмотрены случаи вторичной феминитивизации.

Ключевые слова: феминитив, аксиология, псевдоценность, негативная оценка, тг-канал, дискурсивный анализ.

Гендерные исследования давно привлекали внимание лингвистов, еще Н.М. Шанский изучал возникновение феминитивного суффикса –ш(а) [Шанский 1959]. С развитием прагматического подхода к изучению языка проблематика подобного рода набирает все большую популярность, продолжают интересовать вопросы данной тематики ученых-лингвистов и сегодня. Феминитивы, рассматриваемые в самых разных аспектах, нередко становятся объектом лингвистического анализа. Поднимаются проблемы их использования в аспекте культуры речи, соответствия грамматическим нормам, реализации возможностей словообразовательной системы [Винокур и др. 1993; Лопатин 1970; Земская 1992; Захарчук 2021].

При рассмотрении феминитивов как элемента речевой агрессии отмечается их дискурсивная пейоративная оценочность, не зафиксированная в словарях, располагающая к тому, что данные лексемы становятся источником коммуникативного конфликта даже вопреки интенциям говорящего [Згировская 2023].

Результатом эксперимента, направленного на выявление коннотативных составляющих значений антрополексем женского рода, стало выяв-

ление тенденции употребления ряда феминитивов преимущественно в негативных контекстах [Захарчук 2022].

В данной статье акцент сделан на дискурсивном анализе аксиологических особенностей феминитивов, реализуемых в дискурсе тг-каналов. Результаты исследования показывают, что феминитивы входят в класс лексем, номинирующих псевдоценности – в терминологии Т.Б. Радбиля, – то есть относятся к словам, содержащим в своем импликационале ложную претензию на выражение положительной оценки при определенных условиях [Радбиль 2021].

В информационном пространстве тг-каналов наиболее продуктивными оказываются модели со следующими суффиксами:

- -к(а): *оппозиционерка, демократка, диверсантка, флейтистка, агентка, кондитерка, премьерка, режиссерка, алкоголичка, экпертка, блогерка, авторка, директорка, профессорка, ректорка, консулка, архитекторка, копирайтерка, спецкорка, доцентка, трансфобка, веганка, неонавальнятка, премьер-министерка, либералка* и т.п.
- -ин'(я): *драматургиня, политологиня, сенаторкиня, президенткиня, спикеркиня, патриоткиня, грамоткиня, филологиня, призракиня, психологиня, фотографияня, пропагандиня, гинекологиня, членкиня, неврологиня* и т.п.
- -есс(а): *критикесса, пацанессы, драматургесса, авторесса, министресса, пилотесса, гидесса, адвокатесса* и т.п.
- -ш(а): *блогерша, президентша, операторша, бухгалтерша, киллерша* и т.п.
- -щиц(а): *марафонищица, инстаграмищица, вебкамищица, музейщица* и т.п.

Гораздо реже встречаются реализации моделей с суффиксами –ух(а) – *борцуха*, –j(я) – *борцунья*, –иц(а) – *послица, первопроходица* и др.

Дискурсивный анализ феминитивов в информационном пространстве тг-каналов показывает преимущественно оценочное употребление данных лексических единиц. Аксиологически нейтральное употребление встречается крайне редко. Например: *Ранее мы писали, что свой концерт отменила комикесса из Нижнего Новгорода Ирина Мяжкова. С чем это связано – читайте в нашем прошлом материале.*

Исходно нулевая оценочность феминитивов иллюстрируется тем, что они могут помещаться как в позитивно, так и в негативно заряженные контексты. Так, в примере *Оксана Первухина настоящая клоунесса* выражено положительное отношение к референту. В следующем контексте мы видим противоположные оценки субъектов феминитивной референции: *...и теперь пионеры смогут с удовольствием наблюдать заслуженное избиение **авторессы** кринжовых «заросийских» мемов от Заслуженной артистки России. Авторесса и артистка* употребляются в данном высказывании как аксиологические антонимы.

Наиболее частотными в тг-дискурсе является выражение при помощи феминитива негативной оценки по отношению к референту. В частности, это выражается в определениях: *А еще он привлекает внимание к замалчиваемой теме СПИДа и не дает покоя **тупым министрессам** здравоохранения; Трэш-экранизация романа Люка Дженнинга про очаровательную киллершу с поведением скучающего ребенка и про **неуклюжую агентку** МИ-5, которая за ней охотится; одиозная политологиня, рьяная либералка, бюджетная пропагандия* и т.п.

Регулярно феминитивы встречаются в контекстах, описывающих нелицеприятные ситуации, характеризующие их субъекта негативно: *Экспикеркина Конгресса отожгла в прямом эфире; Как сообщает шведская газета... известная **борцунья** со всем мировым экологическим злом (кроме атомных станций) ... предстанет перед судом за неповиновение властям; Данная **блогерша** занималась тем, что она формировала на основании фейков новости, которые порочили Вооруженные силы РФ; **Режиссерку и драматургессу** Беркович (так она себя называет сама) доставили на допрос по делу об оправдании терроризма в спектакле; Или истории **архитекторки и копирайтерки**, которые спешили, сверкая пятками, свалить подальше* и т.п.

Феминитивы заряжаются иронично-пренебрежительной коннотацией от стилистически неоднородного контекста: *Но норвежская **консулка** все никак не свинтит в свои фьорды (свинтить в значении ‘уходить, убежать, сматываться’ – это арготизм [Толковый словарь русского арго])*. В следующем высказывании Захара Прилепина феминитив *критикессы* оказывается где-то посередине между высокими устами *пиитов* и низкой *приблудой*: *Да это ж Авен во плоти! Он снова заговорил! Фридман, Прохо-*

ров, Полонский и Гусинский заговорили устами наших пиштов, критикесс и разной там литературной приблуды.

Посредством скрытой предикации феминитив соединяется с оскорбительным атрибутом: *Поэтому большинство ТГ-каналов закрывают комментарии. И я тоже их пока прикрою. Бан **авторке**, а канал пока отдохнет от **дур**.*

Т.о., итоги дискурсивного анализа не утешительны: если исследовать феминитивы в аспекте «наведенной оценочности» [6], то женщины должны массово подавать в суд при обозначении их формами ж.р., т.к. большинство контекстов фиксирует именно отрицательную оценку, сопряжено с оскорблением.

Между тем, источником отрицательной оценки может становиться не только контекст: в номинациях *президентка, президентша, консулка, ректорка, сенаторкина, борцунья* и т.п. ирония и заведомая дискредитация профессиональных качеств референта порождается несостыковкой должности (в соответствии с социальными стереотипами) и грамматической формы женского пола имени существительного. Таким образом, феминитив лишь усиливает негацию: *Молдавская **президентша** поздравила салорейх с праздником, демонстрируя перевернутые украинские флаги. По сообщению Культурного фронта в Московском Государственном Институте Культуры – новая **ректорка**, с порога заявившая о необходимости присутствия в коллективе лиц нетрадиционной ориентации.* Присоединение суффиксов ж.р. к лексически мужским корням (*пацанка, пацанессы*) также создает эффект если не иронии, то снисходительности.

Погоня за гендерно маркированной номинацией даже при аксиологически нейтральном намерении оборачивается абсурдом, издевательством (*Мария Бабаева. **Аккредитованная членкина** международной ассоциации логотерапевтов и экзистенциальных аналитиков, тренерка международной ассоциации тренеров и коучей..., тьюторка программы...*), что и отмечается носителями языка в комментарии (*С Днем феминизма, не просто **членкини**!*)

Стилистически сниженный эффект, влекущий за собой негативную, пренебрежительную окраску, порождает и омонимия феминитива и неодушевленного собирательного существительного: *Задержание «кондитерки» и штраф ... ерунда, которая не стоит внимания оперативни-*

ков. Аналогичные примеры омонимии зафиксированы в НКРЯ в отношении лексем *режиссерка* (режиссируемая игра) и *премьерка* (небольшая премьера).

Источником негативной оценки становится и паронимазия (послица – ослица): «*Передай свой король мой пламенный привет*» или как вообще нужно отвечать охочим до «*Кемской волости*» иностранным послам и **послицам** – показали организаторы выставки об истории, которая открылась сегодня в Москве, аккурат возле посольства Швеции.

Для усиления абсурдности используется вторичная феминитивизация, образование феминитива от феминитива: *президент* → *президентка* → *президенткиня*, *зам* → *замка* → *замкиня*, *сенатор* → *сенаторка* → *сенаторкиня*, *спикер* → *спикерка* → *спикеркиня*, *патриот* → *париотка* → *патриоткиня*. Не знать, как будет «пугает» и «испытываем» – лютый зашквар для записной **патриоткини**! Суть претензий ... к нынешней **президенткине**... со товарищи достаточно понятны и прозрачны и т.п. Такие номинации встретились исключительно в аксиологически негативных контекстах.

В случае необходимости введения нейтральной номинация используется лексема м.р. (*сенатор, президент, премьер-министр*). При наблюдающейся конкуренции параллельных номинаций м.р. и ж.р. первые будут употреблены во вводных данных, когда сообщается объективная информация. Феминитив появится тогда, когда придет время выражению оценки этим объективным фактам: заголовок *Бывший премьер-министр Финляндии Санна Марин подписала контракт с ...* – комментарий *Между тем, экс-премьерка Финляндии подалась в индустрию развлечений*.

Для выражения априори положительной оценки в рекламном описании интернет-магазина видим уход от феминитива к нейтральным номинациям м.р.: *Анна Долгарева – поэтесса, военкор и журналист, победитель множества литературных конкурсов и самый молодой лауреат Григорьевской премии*.

Т.о., феминитивы обнаруживают преимущественно отрицательный аксиологический заряд, причем это касается и тех случаев, когда речь о неодушевленных существительных: *В который раз прошу всех комментаторов в комментариях комментировать по теме постов, а не спамить. Тем более не заниматься совершенно деструктивной экстремизм-*

мой. Ибо экстремизма должна быть коньструктивной. Оказиональная форма ж.р. одновременно усугубляет негативное качество, выраженное атрибутом (*деструктивная*) и подчеркивает обмельчание номинируемого явления: *экстремизма* явно не дотягивает до *экстремизма*.

Т.о., анализ дискурсивной практики, отраженной в тг-каналах, показывает преимущественно отрицательную аксиологическую заряженность феминитивов. Между тем, эта тенденция отмечается и применительно к формам ж.р., в целом. В современной речи регулярно формы имен прилагательных и глаголов прошедшего времени используются в м.р. в тех случаях, когда речь принадлежит лицу женского пола: *я ушел* (вместо *ушла*), *я тупой* (вместо *тупая*), *я умер* (об усталости). Результатом языковой рефлексии носителей языка стал вывод о том, что формы ж.р. прилагательных и глаголов прошедшего времени обладают большей категоричностью по сравнению с аналогичными формами м.р. Поэтому часто в речи женщин можно услышать *я ушел*, *я глупый* и проч. Кроме того, формы м.р. в данных контекстах передают настроение игривости. Среди формальных причин был назван режим Т9, предлагающий именно форму м.р.

Не стоит забывать также и о том, что в русском языке положительная оценка женщины формой м.р. допустима (*Она отличный боец, игрок и т.п.*), феминитив в принципе исключает такую возможность. Сказать женщине «*Мужик!!*» (от лица мужского пола) равнозначно похвале, при этом *мужичка* – это отрицательная характеристика. Назвать мужчину *бабой*, *истеричкой* – оскорбление.

В заключение приведем пример аксиологической рефлексии относительно феминитива *авторка*: *Кстати, все-таки русский язык развивается очень своеобразными путями. Вот впахивали в него квадратно-гнездовым методом слово "авторка". В итоге оно... прижилось. Только стало обозначать не автора женского пола, а совершенно иную сущность – автора не просто с неким набором половых признаков, а пишущего на определенные темы и обладающего определенным набором взглядов. И да, это явление, которое нужно обозначить, адекватного своего слова для него не было, а теперь есть. Вот Анна Ахматова – это автор. И Анна Долгарева автор. Но Ника Водвуд, несомненно, авторка. Язык – лучший из хитрецов* (Норин t.me/norinea).

Список литературы

1. Винокур Т.Г., Гловинская М.Я., Голанова Е.И., Ермакова О.П., Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. 224 с.

2. Захарчук Е.А. 2021. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: проблемы словообразования и словоупотребления. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 40 (3): 378–387. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-3-378-387

3. Захарчук Е.А. К вопросу о коннотативных значениях феминитивов (на материале экспериментального исследования) // Теория языка и межкультурная коммуникация. Выпуск №4(47). 2022. С.101-113

4. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

5. Згировская О.Г. О маркированности феминитивов – номинаций человека по сфере его деятельности и способах её фиксации в словарях // Культура и текст. 2023. № 3. С. 173-182

6. Лопатин В.В. Словообразование имён существительных // Грамматика современного русского литературного языка / С.Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. С. 46-176.]

7. Радбиль Т.Б. (2021). «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ. Медиалингвистика, 8 (4), 406–420. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.407>

8. Толковый словарь русского аргю. Источник: https://gufo.me/dict/russian_argot/%D1%81%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%8C

9. Шанский Н.М. Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса -ша // Русский язык в национальной школе. 1959. № 4 (3). С. 65-67.

AXIOLOGY OF FEMININATIVES IN MODERN SPEECH

© *E.I. Budaragina, O.D. Prokurorova*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the implementation of the axiological potential of femininatives in the information space of modern TG-channels. The aim of the work is to determine the value charge of the anthropolexemes of the feminine gender, for which the method of discourse analysis is used. The result of the research is the conclusion about the predominantly negative axiological use of femininatives, about the possibility of including them in the class of "pseudo-values", that is, words containing in their implication a false claim to express a positive assessment under certain conditions. The most productive word-formation models implemented in the specified speech segment are presented in the work. The following factors have been identified as sources of negative assessment: context, stylistic heterogeneity of the statement, hidden predication, conflict of "female" suffixes with "male" bases, homonymy with inanimate nouns, paronomasia; cases of secondary feminization are considered.

Keywords: *feminative, axiology, pseudo-value, negative evaluation, TG-channel, discursive analysis.*

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОДЗИ-РЕБУСОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕКМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА¹

© С.Г. Бусарева

Аннотация. В данной статье исследуются особенности интернет-коммуникации, связанные с возможностью функционирования несетевых (традиционных) жанров в интернет-пространстве, жанровым многообразием цифровой среды. В частности, описано функционирование знаков эмодзи в жанре онлайн-викторины, где названия литературных произведений, песен, фильмов, наименования стран зашифрованы с помощью эмодзи. В ходе исследования традиционные ребусы и эмодзи-ребусы сравниваются в аспекте способа передачи слов, в результате чего делается вывод об их структурной дифференциации, связанной в полифункциональностью знака эмодзи в контексте.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, жанры интернет-коммуникации, ребусы, эмодзи, синтаксические конструкции.

Изучение языка интернета становится особенно актуальным в рамках таких научных направлений, как лингвистическая прагматика [Радби́ль 2021а; Русский язык 2021...], теория речевых жанров [Елина, Фризен 2018], полимодальные (мультимодальные) исследования дискурса [Чернявская 2021; Радби́ль, Помазов 2023] и др. Это обусловлено тем, что поликодовые тексты в пространстве интернет-коммуникации характеризуются стилистической и жанровой неоднородностью.

Комплексные объекты коммуникации фиксируют опыт пользователей путем задействования элементов языковых и неязыковых знаковых систем. Отметим, что в русскоязычном секменте интернета знаки эмодзи (яп. 絵 ‘изображение’ + 文字 ‘символ’) используются для создания поликодовых текстов, относящихся к разным сферам коммуникации: литературной, рекламной, межличностной и др.

Отечественные и зарубежные исследования последних лет показывают, что эмодзи обладают расширенной сферой функционирования [Giannoulis, Wilde: 2020; Бабук 2023] и могут быть использованы в том числе в целях развлечения, что во многом соотносится с проявлением

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

игрового начала в интернет-коммуникации: «превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства» [Гусейнов 2000: 291].

Можно сказать, что в данном случае на первый план выходит людический (или игровой) аспект функционирования эмодзи, связанный с пониманием игры как неотъемлемого способа деятельности человека: «Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [Хёйзинга 2011: 10].

Известно, что языковая игра проявляется на разных уровнях системы языка, а также в словесных головоломках разного типа, к числу которых относится ребус (лат. *rebus* букв. ‘при помощи предметов, предметами’) – «загадка, в которой разгадываемые слова даны в виде рисунков в сочетании с буквами и знаками. *Замысловатый р. Решать, разгадать р.*» [БТС 2000: 1108].

Считается, что заимствованные из традиционной коммуникации жанры не подвержены изменениям в пространстве интернет-коммуникации [Иванов 2000], однако анализ фактического материала позволил установить, что жанр ребуса, относящийся к сфере несетевого общения, в интернет-коммуникации обретает цифровые аналоги. Здесь мы имеем в виду многочисленные онлайн-викторины с использованием знаков эмодзи, а также “emoji battle” (букв. ‘эмодзи-состязание’) – видеозапись того, как два человека загадывают друг другу по очереди недлинные предложения в виде эмодзи (последний жанр более характерен для англоязычного сегмента интернета).

Отметим, что наименования онлайн-викторин структурно схожи, в них воспроизводится модель *Отгадай X* (книгу, песню, фильм, страну и т.д.) *по эмодзи*, то есть для интернет-ребуса эмодзи являются универсальными компонентами, позволяющими зашифровать необходимые имена. Данные материалы размещены на сайтах, где пользователю предлагается угадать название фильмов, песен, книг по некоторой последовательности знаков эмодзи. Существуют также приложения (например, “Guess Emoji” в социальной сети «ВКонтакте»).

Анализируемая выборка включает в себя 131 эмодзи-ребус: в 41 ребусе зашифровано название литературного произведения (– «Божественная комедия»), в 38 – название фильма (– «В джазе только девушки»), в 33 – наименование страны (– Великобритания), в 19 – название песни (– «Зеленоглазое такси»).

Отличительный признак текстов игровой интернет-коммуникации, в которых использованы эмодзи, – функционирование иконических компонентов без сопровождения единицами естественного языка. Исследователи отмечают, что создание «подобных текстов для пользующихся русским письмом является своего рода видом языковой игры» [Друговойко-Должанская, Попов 2019: 352].

Как отмечает Т.Б. Радбиль, особенностью коммуникации «в интернет-среде в условиях дефицита времени является необходимость формализации, автоматизации избыточных в информационном плане, повторяющихся элементов речи. Эта задача решается в синтаксисе интернет-коммуникации разнообразными средствами – либо графической заменой элементом иного кода (эмодзи), либо – чаще всего – сокращениями» [Радбиль 2021б: 139].

Прагматическая установка подобных игровых высказываний может быть сформулирована следующим образом: пользователь, вероятно, знаком с названием и/или содержанием произведения (смотрел мультфильм, фильм, слышал песню, читал книгу) или где-либо слышал эти названия. Закреплённость наименования в сознании является результатом того, что обозначенная в названии деталь как элемент фоновых знаний адресата связана с визуальным способом восприятия информации.

Любопытно использование эмодзи для зашифровки наименований стран: в ряде случаев одним из кодирующих знаков выступает флаг страны, в других контекстах наименование страны представлено в виде последовательности эмодзи, которые по своей функции соотносятся со словами-экзотизмами (*круассан, пицца, суши* и др.).

Исследование интернет-ребусов позволило обнаружить полифункциональность знака в зависимости от того контекста, в который помещается эмодзи: в ряде случаев знаку (или последовательности знаков) соответ-

ствуется одно слово (*такси, божественный, комедия*), в других случаях знаку (или последовательности знаков) соответствуют слова незначительных частей речи: частицы (*только*), союза (*и*), междометия (*о-о-о-о*), реже встречаются случаи, когда один знак соотносится не со словом, а с корневой его частью (*зелен-, глаз-*).

Важно подчеркнуть, что в аспекте способа передачи слов традиционные ребусы и эмодзи-ребусы отличаются друг от друга. Во-первых, в ребусе названия предметов соотносятся со словом, в то время как для эмодзи-ребуса возникает соотнесение не с конкретным словом, а с отдельным лексико-семантическим полем (ЛСП), которому может соответствовать один эмодзи. Так, эмодзи «» по умолчанию имеет значение ‘ангел, купидон’, однако в контексте корректным будет вариант дешифровки *божественный*, находящийся в соответствующем ЛСП.

Во-вторых, для создания традиционного ребуса характерно употребление запятой как знака снятия букв в начале или в конце слова, цифр для обозначения последовательности чтения букв, зачёркнутой/вставленной буквы для обозначения удаления/добавления буквы, стрелки для обозначения замены одной буквы на другую, пространственное расположение объектов (переворачивание изображения как подсказка для чтения слова справа налево, обыгрывание предлогов и их буквализация в ребусе). В нашей выборке не выявлено ни одного случая использования в эмодзи-ребусах вышеуказанных средств.

Вытеснение естественного языка знаками эмодзи в анализируемых контекстах вполне объяснимо: графические обозначения названий мультфильмов, фильмов и песен, наименований стран с помощью эмодзи контекстуально осложнены. Особую роль играет параметр интерпретируемости, так как эмодзи в этих употреблениях предельно абстрактны, поскольку они не соотносятся с конкретным словом.

Список литературы

1. Бабук А.В. Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы в текстах интернет-коммуникации при проведении судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. научн. работ по итогам Международной научно-практической конферен-

ции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка». М.: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 16–33.

2. БТС – Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

3. Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 33. С.289–321.

4. Друговейко-Должанская С.В., Попов М.Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 400 с.

5. Елина Е.Г., Фризен М.А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171;

6. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс]. URL: <http://faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 09.11.2023).

7. Радбиль 2021a – Радбиль Т.Б. Активные процессы в современной русской интернет-коммуникации: лингвопрагматический аспект // Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи: сб. ст. по мат-лам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи». Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 250–260.

8. Радбиль 2021б – Радбиль Т.Б. Активные процессы в синтаксисе современной русской речи в свете лингвосемиотической и лингвокогнитивной интерпретации // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 127–144.

9. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Интернет-мем в семиозисе комического в свете активных процессов в интернет-коммуникации // Коммуникативные исследования. 2023. № 3. Т. 10. С. 456–473.

10. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Е.А. Жданова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2021. 328 с.

11. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

12. Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.

13. Emoticons, kaomoji and emoji The Transformation of Communication in the Digital Age / Ed. by Elena Giannoulis and Lucas R.A. Wilde. New York: Routledge. 2020. 260 p.

THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF EMOJI PUZZLES IN THE RUSSIAN-SPEAKING SEGMENT OF THE INTERNET¹

© *S.G. Busareva*

Abstract. This article examines the features of Internet communication related to the possibility of functioning of traditional genres in the Internet space, the digital environment's genre diversity. The functioning of emoji in the online quiz is described, where the names of literary works, songs, films, country names are encrypted using these signs. In the course of the study, traditional puzzles and emoji puzzles are compared in terms of the words' conveying. The author makes a conclusion about their structural differentiation, related to the contextual multifunctionality of the emoji.

Keywords: Internet communication, genres of Internet communication, puzzles, emojis, syntactic constructions.

¹The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ РЯД КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

© С.Н. Виноградов

Аннотация. Цель статьи – проанализировать функционирование парадигматического ряда в поэтическом дискурсе. Объект исследования – парадигматический ряд, понимаемый как совокупность объединённых инвариантом языковых единиц. При анализе использовались общенаучные методы наблюдения и описания, метод дискурсивного анализа, стилистический метод, семиотическая методика. В линейной организации поэтического текста представлены парадигматические ряды и их инварианты. Парадигматическая линейная последовательность в поэтической речи выступает как одно из средств выражения поэтического смысла и связана с повторами языковых единиц, с различными средствами художественной выразительности. Парадигматические ряды в поэтической речи исследованы на материале стихотворений К. Бальмонта. Проанализированы языковой состав и структурные особенности парадигматических рядов в исследованном материале. Подробно рассмотрены парадигматические ряды в стихотворении «Как испанец», в котором данное языковое средство является основным при формировании художественного содержания. Сделан вывод о роли парадигматических рядов в создании главного образа стихотворения – романтизированного образа испанца-конкистадора. Парадигматические ряды в поэтическом произведении могут быть использованы в качестве средства анализа поэтического языка как одного из языков культуры.

Ключевые слова: *парадигматический ряд, вариант, инвариант, поэтический дискурс, языковые повторы, средства художественной выразительности.*

Ф. де Соссюр следующим образом характеризовал синтагматику и парадигматику: «Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*» [Соссюр 1977: 156]. В настоящее время ассоциативные отношения принято называть парадигматическими. Б.Н. Головин, развивая положения Соссюра об ассоциативных (парадигматических) отношениях, отмечает, что члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями [Березин, Головин 1979: 205].

Что мы будем понимать под инвариантом? В.М. Солнцев даёт определение инварианта как абстрактного обозначения одной и той же сущно-

сти в отвлечении от её конкретных модификаций (вариантов). При таком понимании инвариант является обозначением, названием, номинацией, наименованием, знаком: «Как название инвариант имеет словесную форму существования» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 81]. Возникновение инварианта – когнитивный процесс, а инвариант – результат и орудие этого процесса. Далее под инвариантом будем понимать обозначение класса вариантов, отражающее некоторую их общность. Инвариант выступает как знаковая единица, денотатом которой является парадигматический класс [Виноградов 2009: 14]. Инвариант по своей функции является номинацией проблемы выбора того или иного варианта, и различные формулировки инварианта отражают различные проблемы такого выбора.

Весь набор парадигматических вариантов находится, по выражению Соссюра, *in absentia*, потому что функционирование парадигматического ряда требует выбора только одного варианта на каждом шаге развёртывания речи. Однако в речевой последовательности существуют структуры, включающие несколько вариантов выбора речеобразующих единиц. В частности, однородные и уточняющие члены предложения, двусоставные предложения с составным именным сказуемым и др. могут выражать парадигматические варианты. Например: *Давай поговорим или, лучше всего, помолчим* [Ожегов, Шведова 1992: 343] (*поговорим* и *помолчим* – варианты, выражающие инвариант «действия, связанные с общением»). Речь может, помимо вариантов, включать их обобщение – инвариант, например: *К коммуникативным качествам речи относятся её правильность, точность, логичность и т.д.* (*правильность, точность, логичность* – варианты, *коммуникативные качества речи* – инвариант). Но в таких случаях налицо противоречие между единичностью выбора варианта парадигматической единицы и множественностью возможных вариантов её выбора в речевой последовательности. Это противоречие требует разъяснения. Перечисление (набор) парадигматических вариантов в речевой цепочке – метаописание языковых единиц, из которых может делаться выбор. Линейная последовательность парадигматических вариантов – элемент метаязыка, описывающего процесс этого выбора, а выбранный вариант – элемент языка-объекта. В этом проявляется свойство языка как

«системы систем» (в частности, такими системами являются язык-объект и метаязык для его описания).

Совокупность объединённых инвариантом языковых единиц назовём парадигматическим рядом. Типичным примером парадигматического ряда является ряд синонимов (например, *красный, багровый, багряный, алый*), единицы которого могут заменять друг друга в речи и объединяются инвариантной единицей (например, словосочетанием *имеющий красный цвет*).

Существуют дискурсы, в которых парадигматический ряд может быть представлен в линейной последовательности – в речи, в речевой цепочке. Р.О. Якобсон охарактеризовал специфику поэтических текстов следующим положением: поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации [Якобсон 1975: 204]. Это означает, что в линейной организации поэтического текста представлены парадигматические ряды и их инварианты, свойственные соответствующему поэтическому дискурсу. Примеры таких рядов и их инвариантов приводит, например, Ю.М. Лотман, анализируя следующий эстетически значимый отрывок из «Моцарта и Сальери» А.С. Пушкина: *Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери*. Здесь обнаруживаются несколько парадигматических рядов: *негодный – презренный* (языковые синонимы), *маляр – фигляр* (языковой синонимии нет, инвариант этих слов – *деятель искусства* с отрицательной коннотацией), *Рафаэль – Алигьери* (языковой синонимии нет, инвариант – *высокий художник*). При соотнесении этих вариантов выводится общий инвариант для всего отрывка: *«Мне не смешно, когда бездарность оскорбляет гения»* [Лотман 2023: 74]. Слова *бездарность, гений, оскорблять* являются инвариантами для отдельных парадигматических рядов.

Надо отметить, что в поэтическом тексте появляются новые отношения и смыслы, которых нет в повседневной речи: «...Входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции» [Лотман 2023: 70]. Поэтому, кроме синонимических, антонимических и других языковых отношений, в поэтических парадигматических рядах есть

огромное количество других связей, которые реализуются в контексте конкретного поэтического произведения и которые в основном и формируют поэтический смысл. Это надо иметь в виду при анализе парадигматических рядов в поэтической структуре.

Итак, парадигматические линейные последовательности в поэтической речи выступают как одно из средств выражения поэтического смысла. Достаточным условием вхождения лексических единиц в такую линейную последовательность может быть просто использование этой лексики в пределах эстетически значимого отрывка. Например, весь текст романа «Евгений Онегин» содержит множество номинаций главного героя: *молодой повеса, наследник всех своих родных, герой моего романа, добрый мой приятель* и т.д., которые образуют парадигматический ряд с инвариантом «главный герой романа». Но в поэтическом тексте имеются также языковые средства, которые формально выражают границы парадигматического ряда, его элементы и его инвариант. Рассмотрим такие средства на материале стихотворений К. Бальмонта из поэтического сборника «Горящие здания». Использование парадигматических рядов – характерная черта речевого стиля этого поэта. Например, парадигматические ряды могут быть представлены синтаксическими конструкциями с однородными членами предложения: *Ангелы опальные, / Светлые, печальные... / Зыбкие и странные, / Вкрадчиво-туманные, / В смелости неожиданные, / Проблески огня...* («Ангелы опальные»; здесь и далее в скобках даётся название стихотворения из сборника «Горящие здания»). Инварианты парадигматических рядов могут восстанавливаться интерпретатором поэтического произведения или могут быть формально выражены в тексте, например: *Мне маки грезятся, согретые лучом, / Гвоздики алые, и, полные угрозы, / Махрово-алчные, раскрывшиеся розы* («Красный цвет») (парадигматический ряд – *маки, гвоздики, розы*, а инвариант – «то, что грезится» – выражен глагольной формой *грезятся*). Здесь инвариант выражает отношение лирического героя к цветам как к «предмету грёз». Грамматическая связь в составе словосочетания или предложения имеет глубокое семантическое содержание. По мнению В.Г. Гака, чтобы два слова составили правильное словосочетание, они должны иметь общую сему. Исследователь называет это основным законом семантического сочетания [Гак 1972: 375].

По-видимому, необходимым условием существования парадигматического ряда в поэтическом дискурсе являются разнообразные повторы в тексте. В примере из стихотворения «Красный цвет» повторяется семантический признак 'цветы', а также грамматическая связь сказуемого с подлежащим (каждое название цветка образует предикативную связь со сказуемым *грезятся* – всего 3 таких связи). Повторяться может одна и та же часть речи или форма слова: *Счастье ночной белладонны – / Лаской убить. / Взоры её полусонны, / Любо ей день позабыть, / Светом Луны расцвечаться, / Сердцем с Луной встречаться, / Тихо под ветром качаться, / В смерти любить* («Белладонна») (*убить, позабыть, расцвечаться, встречаться, качаться, любить* – повторы формы инфинитива глаголов). В поэтической речи повторы языковых единиц соотнесены со средствами выразительности – тропами и риторическими фигурами (перифразами, градацией, синтаксическим параллелизмом, анафорой, эпифорой и другими). Входя в систему выразительных средств, парадигматические ряды служат для структурирования художественных образов, выделения поэтических доминант, установления иерархических отношений в художественной системе поэтического произведения.

Во многих стихотворениях К. Бальмонта парадигматические ряды являются основными средствами, создающими образную систему произведения, – «Уроды (сонет)», «Нежнее всего», «Сквозь мир случайностей, к живому роднику...» и другие. Рассмотрим функционирование парадигматических рядов в одном из таких стихотворений – «Как испанец...».

В этом произведении лирический герой сравнивается с испанцем-конкистадором – беспощадным, ненасытным, не знающим пределов своим целям и желаниям. Наиболее характерный ряд представлен в высказываниях с анафорой «я хочу...»: *Я хочу быть первым в мире на земле и на воде, / Я хочу цветов багряных, мною созданных везде; Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса, / Чтобы заревом над Перу засветились небеса; Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов, / Крови, брызнувшей из груди побеждённых властелинов, / Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу, / Мною отысканных пределов жарким сердцем я хочу*. По существу, эти повторы выражают инвариант «желания героя произведения». Парадигматический ряд с этим инвариантом отражает явление ассоциации в психологическом смысле – разнообразные и неоче-

видные связи между психическими образованиями. Поэтому внутри данного ряда выделяются частные ряды с вариантами «драгоценности», «цели» (*быть первым, мной отысканные пределы, первобытные леса*), «экзотические растения» (*цветы багряные, кораллы*). Значительная часть ряда с инвариантом «желания...» охватывается инвариантом «нечто, имеющее красный цвет». Красный цвет в художественном плане цементирует это стихотворение, связан с образами зарева, крови, солнца. Не случайно образ красного появляется в сильной позиции стихотворения, в его концовке: *...Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь*. Здесь в сравнительном обороте присутствует парадигматический ряд *красный, кровь* с инвариантом «подобие Солнца» – подобие по цвету и подобие на основе сходства. Все эти ряды, их элементы, их инварианты создают романтизированный образ персонажа.

В рассмотренном тексте есть и другие ряды, выражающие различные грани главного образа, его частные проявления: *ослеплённый* (верой в бога и любовью), *опьянённый* (кровью) (инвариант – «романтизированный образ испанца»), *вера в Бога, любовь* («ценности или черты характера романтизированного испанца»), *мир, земля, вода* («сферы, в которых реализуется стремление быть всюду первым»).

Таким образом, парадигматические ряды могут выступать как комплексные единицы поэтического языка, подобно грамматическим категориям и словообразовательным типам языка общеупотребительного, участвуют в создании структурной организации поэтического текста и поэтического образа. Структура поэтического текста отражает операционные принципы его исследования. Парадигматические ряды играют роль «входов» в художественное содержание, формируя языки культуры, функционируя в их составе.

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. Горящие здания // Оллам – Стихи. Классическая и современная поэзия мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ollam.ru/classic/rus/balmont-konstantin/goryashchie-zdaniya> (дата обращения 5.11.2023).
2. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Прогресс, 1979. 416 с.

3. Виноградов С.Н. Парадигматика языка как модель оценочной деятельности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 1(2). С. 14–18.
4. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. М.: Эксмо, 2023. 480 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Лтд., 1992. 960 с.
8. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
9. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

PARADIGMATIC SERIES AS A MEANS OF ORGANIZING POETIC SPEECH

© S.N. Vinogradov

Abstract. The purpose of the article is to analyze the functioning of the paradigmatic series in poetic discourse. The object of the study is paradigmatic series, understood as a set of linguistic units united by an invariant. The analysis used general scientific methods of observation and description, method of discourse analysis, stylistic method, semiotic technique. Paradigmatic series and their invariants are presented in the linear organization of a poetic text. The paradigmatic linear sequence in poetic speech acts as one of the means of expressing poetic meaning and is associated with repetitions of linguistic units, with various means of artistic expressiveness. Paradigmatic series in poetic speech are studied on the basis of the poems of K. Balmont. The linguistic composition and structural features of paradigmatic series in the studied material are analyzed. The paradigmatic series in the poem “Like a Spaniard” are examined in detail, in which this linguistic device is the main one in the formation of artistic content. A conclusion is made about the role of paradigmatic series in the creation of the main image of the poem – the romanticized image of the Spaniard-conquistador. Paradigmatic series in a poetic work can be used as a means of analyzing poetic language, which is one of the languages of culture.

Keywords: *paradigmatic series, variant, invariant, poetic discourse, linguistic repetitions, means of artistic expression.*

СЕТЕВОЙ ДИСКУРС ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© В.А. Гапутина

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сетевого дискурса здорового образа жизни. Актуальность исследования предопределяется современной модой: люди стремятся к сохранению здоровья, улучшению самочувствия и продлению молодости. Не последнюю роль в таком поведении социума играет пропаганда здорового образа жизни в социальных сетях. В этой связи особый интерес для исследования представляет способ донесения блогерами информации до своих подписчиков и используемые ими приемы воздействия на адресата. Цель исследования заключается в выявлении и описании прагмалингвистических характеристик дискурса здорового образа жизни. Материалом для исследования послужили русскоязычные каналы в Telegram и тематические сообщества (паблики) Вконтакте, принадлежащие специалистам в области медицины, здравоохранения, пищевого производства и смежных сфер (нутрициологам, эндокринологам, диетологам, пищевым технологом, психологам и т.п.). В ходе исследования были использованы частные методы лингвистического анализа (метод сплошной выборки, контент-анализ, контекстуальный, когнитивно-дискурсивный, лингвостилистический, лингвопрагматический). Автор исследования выявляет основные средства воздействия на разных языковых уровнях (графическом, лексическом, морфологическом, стилистико-синтаксическом, текстовом) и приходит к выводу, что прагматику поликодовых текстов соцсетей невозможно рассматривать в отрыве от функционирующих в них вербальных и невербальных единиц, поскольку их комплексное соединение и оказывает перлокутивный эффект и воздействие на адресата.

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, ЗОЖ, биохакинг, сетевой дискурс, дискурс здорового образа жизни, прагмалингвистика*

На сегодняшний день социальные сети являются одной из самых масштабных интернет-активностей. По данным исследовательской компании Mediascope [<https://mediascope.net>], основные соцсети (Вк, Телеграм, ОК, TikTok) входят в топ-15 крупнейших интернет-площадок как по среднемесячному, так и по среднесуточному охвату за первое полугодие 2023 г., укрепляя свои позиции лидеров прошлых лет. Поэтому неудивительно, что деятельность пользователей в соцсетях привлекает все больше и больше внимания ученых из разных областей науки, в том числе лингвистики.

Многообразие форм коммуникации в соцсетях (личная переписка, мотивирующие посты в тематических сообществах и блогах, самопрезента-

ция, продвижение товаров и услуг, подкастинг и др.) обуславливает актуализацию в их пространстве различных жанровых и дискурсивных разновидностей, изучению которых посвящен ряд исследовательских работ [Вавилова 2016; Блинова 2019; Карасик 2019; Терских 2019; Щурина 2020; Гапутина 2021 и др.].

Настоящая статья посвящена рассмотрению сетевого дискурса здорового образа жизни (далее – ЗОЖ). **Актуальность** исследования определяется современной модой на ЗОЖ: люди отказываются от вредных привычек, стараются правильно питаться, заниматься спортом, соблюдать режим отдыха и сна и поддерживать стабильное психоэмоциональное состояние. Стремление к сохранению здоровья, улучшению самочувствия и продлению молодости породило появление такого инновационного направления, как биохакинг, соединившего современные открытия в области науки, медицины и информационных технологий [Поздеева и др. 2022]. В этой связи особый интерес для исследования представляет способ донесения пропагандистами этого направления информации до массовой аудитории посредством медиа (в нашем случае – социальных сетей) и используемые ими приемы воздействия.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании прагмалингвистических характеристик сетевого дискурса ЗОЖ. Принимая во внимание определение дискурса, принадлежащее Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], а также определение сетевого дискурса, данное В.И. Карасиком [Карасик 2019], под сетевым дискурсом ЗОЖ мы будем понимать тексты соответствующей тематики, актуализируемые в пространстве соцсетей, в совокупности с экстралингвистическими факторами.

Материалом для исследования послужили русскоязычные каналы в Telegram и тематические сообщества (паблики) Вконтакте, принадлежащие Марии Бессоновой, Ольге Косниковой, Ольге Малышевой, Алене Коготковой, Марии Кардаковой, Ирине Барановой. Все перечисленные авторы являются специалистами в области медицины, здравоохранения, пищевого производства и смежных сфер: нутрициологами, эндокринологами, диетологами, пищевыми технологами, психологами, детокс-коучами, фитнес-тренерами и т.п.

Основной задачей ЗОЖ-блогеров является изменение отношения аудитории к своему здоровью. На своих страницах в соцсетях они расска-

зывают, как следуя их рекомендациям, можно улучшить не только физические показатели и внешние параметры, но и качество жизни. Для оказания максимального воздействия на пользователей соцсетей пропагандисты ЗОЖ используют широкий спектр языковых средств, обладающих высоким прагматическим потенциалом.

Наше исследование, в ходе которого были использованы частные **методы** лингвистического анализа (метод сплошной выборки, контент-анализ, контекстуальный, когнитивно-дискурсивный, лингвостилистический, лингвопрагматический), позволил выявить основные средства воздействия на разных языковых уровнях. Мы установили, что на графическом уровне они представлены шрифтовыми модификациями. Так, в исследуемых текстах встречаются слова или фразы, полностью набранные при помощи прописных букв: *«Если вам нужны веганские сырники, которые НА САМОМ ДЕЛЕ похожи на сырники, то это они. Других рецептов нет»*; *«Вот я и предложила людям НЕКАЛОРИЙНУЮ альтернативу – чай с лимоном и тёплую водичку с ягодами и пектином»*. Капитализация позволяет сделать акцент на определенном слове, словосочетании или высказывании, донести до реципиента важность их смысла, усилить производимый ими эффект.

Соцсети предоставляют пользователям широкие возможности для выражения эмоций разного спектра, этому способствуют эмотиконы, которые также в определенной степени можно считать обладателями прагматического потенциала. Среди них выделяются 1) эмотиконы, изображающие непосредственно чувства и эмоции (любовь, радость, гнев, отвращение и мн. др); 2) эмотиконы, «рисующие» образ предмета речи (продуктов питания, животных, видов транспорта и мн. др.); 3) эмотиконы-разделители, выполняющие функцию буллитов и делающие текст комфортным для восприятия, а также позволяющие привлечь и удержать внимание адресата.

На лексическом уровне прагмалингвистические средства текстов на тему ЗОЖ представлены, с одной стороны, актуализаторами категории разговорности: разговорными, просторечными и жаргонными (сленговыми) словами, часто окказиональной природы: *«Это породило очередную волну паники в духе “нам нечего будет **жрать**”*; *«Ну конечно, с её деньгами легко **зожиться!**»*; *«Сезонные овощи – мой **краи**»*. Они

способствуют сближению адресанта и адресата, установлению тесного контакта, что повышает уровень доверия аудитории к транслируемой информации.

Также активно используется оценочная лексика, часто – эмоционально-экспрессивная: «Заметили, что **модно** стало все **демонизировать**? Сахар – **плохо**, инсулин – **плохо**, кортизол – **плохо**»; «Рука так и тянется к продукту без всякой **дряни**». Она придает текстам ярко выраженный ценностный характер, обусловленный целью исследуемого дискурса – изменить мировоззрение и поведение человека в отношении физического и ментального здоровья, которое в аксиологической иерархии представляет собой высшую ценность.

С другой стороны, в текстах на тему ЗОЖ функционируют элементы “интеллектуальной” стилистики, например, научные термины, профессионализмы и специальная лексика: «Сахар – это **дисахарид, молекула**, в которой крепко сцепились **глюкоза и фруктоза**...А если уж называть по всем правилам **химической номенклатуры ИЮПАК**, то это **α -D-глюкопиранозил-(1,2)- β -D-фруктофуранозид**». Они придают постам наукообразность и повышают авторитет блогера в глазах читателя.

К средствам интеллектуализации текста также относятся заимствованные слова и иноязычные вкрапления: «**Суперпросто и идеальный мэтч с любыми овощами и авокадо**»; «**Bye-bye, оливье!**». Ввиду их прагматической маркированности часто употребляются блогерами в целях воздействия на сознание и поведение реципиента.

Высокой прагматикой обладают используемые жонниками тропы. Среди них наиболее частотны в употреблении метафоры: «**Сыграйте на сладких нотах – сбрызните горьковатые землистые овощи заправкой с кленовым сиропом или медом**»; олицетворения: «**Хлор – это общительный и даже назойливый экстраверт, который влезет в любую компанию**»; эпитеты: «**Когда я показываю в сториз тертую морковь, никто не обращает внимания, как и на **унылый** качан капусты**»; ирония: «**Рыбу тоже вредно – она же накапливает тяжёлые металлы и вообще в ней паразиты! А у меня свои паразиты, зачем мне ещё рыбы?**»; антитезы: «**ЛПВП – липопротеиды высокой плотности. Если упрощать – то, что люди считают "хорошим холестерином". Добрый полицейский. ЛПНП – липопротеиды низкой плотности. Плохой, плохой холестерин.**

Злой полицейский». Тропы придают тексту эстетику и запоминающуюся образность, а также вызывают определённые ассоциации.

Кроме того, аттрактивности текстов о ЗОЖ способствует использование прецедентных феноменов: «*Пектин – много нас, а он один!*»; «*В ресторанах хорошо, но дома вкуснее*»; «*И нечего здесь на гормоны пенять*»; «*Либидо покинуло чат*»; «*Что такое #нерыба? Разбираем растительных рыб*». Прецедентные феномены имеют воздействующий манипулятивный потенциал и работают на создание заинтересованности реципиентов в получении информации.

На грамматическом уровне прагмалингвистические средства текстов на тему ЗОЖ представлены главным образом широким спектром стилистико-синтаксических средств. Среди них частотны в употреблении анафоры: «***Знаешь**, что вечером твоё пищеварение больше любит рыбу, а не крупы. **Знаешь**, что с обычным сыром в разумных количествах твой организм дружит лучше, чем с тофу. **Знаешь**, как на тебя действует кофеин и алкоголь (не то, что в 19!)...*»; эпифоры: «*Преимущественно цельный растительный рацион, **но без фанатизма**. Выбор в пользу сезонных продуктов, **но без фанатизма**. Регулярная физическая активность, **но без фанатизма**. Любовь к тому, что делаешь, **но без фанатизма**...*»; синтаксический параллелизм: «*Из утреннего – баклажан, горошек, спаржа, яйцо, огурец, авокадо, козий сыр и грецкий орех; из обеденного – гигантская фасоль, помидоры, огурец, ростки и королевские креветки*»; парцелляция: «*Мы не замечаем, но ежедневно, находимся под влиянием конкурирующих программ. Например, взять и надеть бахилы в спортзале. Сиюминутно "в своих интересах". С целью якобы "выбрать себя". Или от лени*»; градация: «*Я чувствовала себя плохо. Постоянно уставшая, разбитая, несчастная, утомленная, выжатая...*»; вопросно-ответные комплексы: «*Не домыла кастрюли? Ок, сижу 5 минут на пуфике и иду домывать. Затекала спина? Ок, посижу на пуфике вот прям сейчас и иду дальше фоткать. Не успеваю что-то к сроку? Переношу, отменяю, договариваюсь*»; цитация: «*...Если мы сможем изменить свое отношение к событиям, то изменится и физиологическая реакция,*» – цитата месяца из книги «*Абсолютная красота*». Анализ стилистико-синтаксических средств позволяет сделать вывод о том, что они моделируют прагматические параметры дискурса ЗОЖ.

На морфологическом уровне прагмалингвистическим средством выступает главным образом императив глагола. Это объясняется предписывающим характером анализируемых нами текстов, целью их авторов побудить читателей к изменению сознания и поведения относительно физического и ментального здоровья: *«Вкладывай в свое дело, в свою работу все свои силы. Используй свои выходные, чтобы сделать свою жизнь ближе к той, о которой ты мечтаешь. Вместо того, чтобы сбегать от жизни, которая есть у тебя сейчас. Помни, что ты никому ничем не обязана. Делай то, что подсказывает сердце».*

На текстовом уровне прагмалингвистическими средствами являются цифровые обозначения, композиционное оформление: заголовки и лиды, фрагментация текста на смысловые блоки с помощью абзацных отступов, буллитов, маркеров-квадратов, эмодиконов, текстемы повествование, описание, рассуждение, инструкция.

В ходе нашего исследования мы убедились, что прагматику всего текста, креолизованного по своей природе, невозможно рассматривать в отрыве от тех вербальных и невербальных единиц, которые в нем функционируют, поскольку их комплексное соединение и оказывает перлокутивный эффект и воздействие на адресата.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.
2. Вавилова Е.Н., Данг Тхань Хуен. Экологический дискурс в социальных сетях // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения: сборник трудов международной научно-практической конференции, г. Томск, 26–27 октября 2016 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2016. С. 218–222.
3. Гапутина В.А. Жанры сетевого дискурса моды (на материале социальной сети «Instagram») // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / Под редакцией А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография», 2021. С. 61–64.

4. Карасик В.И. Инструктивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 148–153. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-148-153>

5. Поздеева Е.А., Мелентьев А.Н., Руссу О.Н., Коричко Ю.В., Давыдова С.А. Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200. doi: 10.17223/15617793/477/21

6. Терских М.В. Жанровая специфика аккаунтов спортивных брендов в аспекте социальной ориентированности бизнеса (на примере социальной сети Facebook) // Научный диалог. 2019. № 3. С. 132–146. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-132-146

7. Щурина Ю.В. Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>

9. Бессонова Марина. URL: <https://vk.com/maribessonova> (дата обращения: 14.11. 2023).

10. Кардакова Мария. URL: https://tgstat.ru/channel/@Marys_stories (дата обращения: 14.11. 2023).

11. Коготкова Алена. URL: <https://vk.com/alenakogotkova> (дата обращения: 14.11. 2023).

12. Малышева Ольга. URL: <https://tgstat.ru/channel/@salatshop> (дата обращения: 14.11. 2023).

13. Первая школа биохакинга. URL: <https://vk.com/biohackingschool> (дата обращения: 14.11. 2023).

14. Социальные сети в первом полугодии 2023. URL: <https://clck.ru/36atv9> (дата обращения: 14.11. 2023).

15. Страшная химия. URL: https://tgstat.ru/channel/@chemistry_by_olga (дата обращения: 14.11. 2023).

16. Химия в еде. URL: https://vk.com/chemistry_by_olga (дата обращения: 14.11. 2023).

NETWORK DISCOURSE OF HEALTHY LIFESTYLE: PRAGMALINGUISTIC ASPECT

© V. Gaputina

Abstract. The article is devoted to the consideration of the network discourse of a healthy lifestyle. The relevance of the study is predetermined by modern fashion: people strive to maintain health, improve well-being and prolong youth. Promoting a healthy lifestyle on social networks plays an important role in this social behavior. In this regard, of particular interest for the study is the way bloggers convey information to their subscribers and the techniques they use to influence the addressee. The purpose of the study is to identify and describe the pragmalinguistic characteristics of healthy lifestyle discourse. The material for the study was Russian-language Telegram channels and thematic communities (publics) on VKontakte, belonging to specialists in the field of medicine, healthcare, food production and related fields (nutritionists, endocrinologists, nutritionists, food technologists, psychologists, etc.). During the study, particular methods of linguistic analysis were used (continuous sampling method, content analysis, contextual, cognitive-discursive, linguostylistic, linguopragmatic). The author of the study identifies the main means of influence at different language levels (graphic, lexical, morphological, stylistic-syntactic, textual) and comes to the conclusion that the pragmatics of polycode texts of social networks cannot be considered in isolation from the verbal and non-verbal units functioning in them, since their complex connection and has a perlocutionary effect and impact on the addressee.

Keywords: *healthy lifestyle, healthy lifestyle, biohacking, network discourse, healthy lifestyle discourse, pragmalinguistics*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕАТР» В ПОЭЗИИ М. КУЗМИНА

© А.В. Гук

Аннотация. Данная работа посвящена систематизации языковых единиц, относящихся к предметной области «театр», в поэтическом творчестве М. Кузмина. В ходе исследования проводится классификация и описание различных языковых единиц, связанных с театральной средой. Также изучается специфика языка поэтических произведений М. Кузмина, его особенности и основные характеристики в контексте театральной тематики. Выявляются основные способы введения в поэтический текст упоминаний о театральных произведениях. Кузмин вступает в творческий диалог с В. Шекспиром и утверждает, что *«Ведь этот мир – балет, балет!»*. Целью работы является упорядочение и структурирование языковых единиц указанной предметной области для более полного и точного понимания их значения и использования в поэтических произведениях.

Ключевые слова: лингвистическая поэтика, семантическое поле «театр», поэтический язык, М. Кузмин

Период начала XX века был ознаменован высоким развитием театрального искусства в России, а также появлением и расцветом новых театров и театральных проектов. В поэзии серебряного века концепт театральности играет важную роль, отражая философские и метафизические идеи модернистского искусства. Театральность – это качество или состояние, которое относится к театру или имеет характеристики театра. Она может проявляться в использовании театральной терминологии, мотивов и образов. Реализуется в поиске истины через игру или маскировку, в создании атмосферы драматизма и театральности/условности.

Кузмин сотрудничал с театрами начала XX века, в том числе экспериментальными, переводил и адаптировал переводы опер и пьес для театральных постановок.

Работал вместе с Мейерхольдом, который создал понятие «условный театр», чтобы противопоставить свои постановки «театру как подражанию реальности». Напомним, что сборник критических работ Кузмина называется «Условности» (1923).

Именно в этом сборнике в статье «Вскрытая драматургия» Кузмин подробно рассуждает о сущности театра: *«Может быть, нет ни одного слова, имеющего столько значений, или, по крайней мере, толкуемого на*

столько ладов, как слово «театр». Действительно, театром называются и литературные произведения, написанные порою, не имея в виду практического выполнения на подмостках («театр Корнеля», «театр Пушкина», «театр Островского») и архитектурное здание («Александринский театр», «Большой театр», «Старинные театры»), сценические приемы какой-либо труппы («Мейнингенцы») или режиссера («театр Рейнхардта», «театр Станиславского») <...>. Но если мы обратимся к истокам значения этого слова, то сразу нападём на верный путь. <...> Театр – «зрелище», вот буквальный смысл. На что можно, стоит и интересно посмотреть. <...> актер, умеющий по-своему моргать или передразнивать соседа, хотя бы на улице, на коврике, или даже без коврика, без всякого автора, режиссера и декоратора – есть уже театр» [Кузмин 1923: 13]. Мы приводим такую обширную цитату из статьи, чтобы показать, что автор совершенно верно дает филологическое определение «театра», исходя из семантики слова, его этимологии, синтагматических связей. Тем более важно проследить использование театральной лексики в поэтических произведениях самого автора.

Кузмин был тесно связан с кругом художников (Сомов, Сапунов, Судейкин), принимавших участие в оформлении театральных постановок. Он сам писал музыку (например, для пьесы А. Блока «Балаганчик»), и сочинял театральные постановки, вносящие дух свободы в традиционные представления. Такими неожиданными и синкретичными работами являются «Куранты любви», 1905; «Лесок», 1922; «Прогулки Гуля», 1924, «Вторник Мэри», 1922, «Смерть Нерона» и др.

Кузмин – не только автор пьес для традиционного и кукольного театров («История рыцаря Д'Алессиво»; «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка»; и др.), но и переводчик Шекспира («Бесплодные усилия любви»; «Буря»; «Король Генрих IV»; «Король Лир» и др.). Театральность поэтического творчества накладывается на стилизаторские таланты Кузмина, проявлявшего свои дарования во многих областях искусства.

И если Шекспиру приписывается сентенция: «Весь мир – театр», то Кузмин переиначивают эту фразу: весь мир – балет (Кузмин): *Но желтый занавес колышет / Батман, носок и пируэт. / Красавица уж снова*

дышит, / *Ведь этот мир – балет, балет!* 1912 (стихотворные тексты Кузмина цитируются по изданию: [Кузмин 1999]).

Метафора «Весь мир – театр», по мнению Ю. С. Степанова, является одной из культурных констант [Степанов 2004]. Яркую формулировку, действительно, сделал Шекспир в комедии «Как вам это нравится» (англ. *All the world's a stage, // And all the men and women merely players*, в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник «*Весь мир – театр. // В нём женщины, мужчины – все актёры*»). Однако схожие идеи можно встретить у Пифагора (VI век до н. э.), который писал, что мир устроен подобно Олимпийским играм, куда приходят три типа людей: низший сорт посещает Игры с целью что-то продать или купить, на следующем уровне стоят атлеты, но лучшие из людей приходят посмотреть на зрелище. Идея мира как театра проходит через всю европейскую литературу, от Илиады, до Данте, и П. Кальдерона.

Встречается и такая метафора у Кузмина: *Озверелые затеи / Театральнейшего мира* (Колизей, 1921).

Языковые «театральные» метафоры укоренились в сознание человека. Приведем некоторые из них: 1. "Сцена жизни" – олицетворяет жизненную ситуацию или период, где человек играет определенную роль или испытывает определенные эмоции; 2. "Кулисы" – символизируют скрытые или неявные аспекты события, которые не видны зрителям. 3. "Маска" – используется для обозначения скрытности, фальши или неискренности в поведении человека. 4. "Актер" – олицетворяет человека, который играет роль в жизни или в какой-то ситуации. 5. "Постановка" – обозначает план или стратегию действий, которые нужно выполнить для достижения цели. 6. "Репетиция" – означает повторение одних и тех же действий или ситуаций, чтобы достичь совершенства или улучшить результат. 7. "Театр жизни" – символизирует неопределенность и непредсказуемость жизни, где люди играют свои роли и каждый день происходят новые события. 8. "Занавес" – олицетворяет завершение какого-либо этапа или события. 9. "Драма" – означает сложную и напряженную ситуацию, как в театре, где происходит развитие конфликта и разрешение проблемы.

Театральная лексика, которую использовал Кузмин в поэтических произведениях свободно вплеталась в условный мир, созданный поэтом. Кузмин использовал данную лексику для создания образов и метафор,

которые помогали выразить свои мысли и чувства более ярко и эмоционально. Но чаще театральная лексика использовалась им в номинативном значении.

Стилистическое задание лексики разбираемой группы резко отличается от способов введения слов в его критические работы (где лексемы «сцена», «театр» становились объектами описания) и в прозаические произведения (где «антракт» и «сцена» являются метафорами).

Слова, относящиеся к семантическому полю «театр», насчитывают более 100 единиц, не считая имен собственных: аванложа, авансцена, акт, актер 3, актриса 2, амфитеатр, аплодисменты, арена 2, ария, артист, балерина, балет 3, балетмейстер, балетный, балкон 9, балконный, балкончик, бас, батман, баута, бенефис, вертеп 4, вестибюль, гардероб, героиня 2, герой 21, дансинг, декламация, декорация 3, дивертисмент, диорама, дирижер 2, драма, зал 12, зало 2, зала 6, занавес 3, зрелище, зритель 3, зрительный, игра 22, играть 35, играющий 6, играя 8, игрово, игрок, касса, кассирша, кастаньеты, клоун, комедийный, комедия, комик, кукла 5, куколка, кукольный, кулиса 3, ложа 7, опера, панорама, пантомима 3, пауза, пролог, рампа, репетиция, скоморох, сцена 4, театр 3, театральнейший, театральный 6, тенор, уборная 3, условность, условный 3, фарс, фойе, цирк 3, шимми 4, ярмарка, ярмарочный (частотные показатели слов приводятся по изданию [Кузмин 2015]).

Обращает на себя внимание наличие вариантов родовой характеристики имени существительного «зал». Кузмин использует и формы мужского рода, женского и среднего.

О важном театральном коде поэзии Кузмина говорят сильные позиции, в которые помещаются слова данного поля. Это, прежде всего, заголовки: 1) стихотворение «Я белым камнем этот день отмечу...», 1904, имеет вариант названия – «В цирке»; 2) «В театре», 1906–1907 (в стихотворении описан театр В. Ф. Коммиссаржевской на ул. Офицерской в Санкт-Петербурге, где Судейкин и Кузмин часто встречались); 3) «Балет» (Картина С. Судейкина). Посвящено С. Судейкину. 1912.

Сильные позиции рифмы часто соединяют слова, входящие в одно семантическое поле: *Балет – пируэт; Пьеро – Пьеро*; внутренние рифмы: *Иль Мариво капризное перо. // Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий; Актрисами – кулисами; Декорации – овации; Декораций – Банифаций*. Но

имеются и рифменные соответствия, объединяют которые только звуковые параметры: *Кулис – вниз; Какая рампа, что за рама; Театральной – зеркальной; В ложе – Боже; Уборные – упорные; По уборным – непокорным; Репетиций – традиций; Белого зрительного зала – ревности жало!*

Кузмин в своих стихотворениях часто обращался к образам театральных персонажей. Кроме традиционных героев итальянской комедии дель арте – *Пьеро, Арлекин, Коломбина*, – поэт вплетал в канву стихотворения персонажей из оперы любимого композитора Моцарта «Волшебная флейта» Тамино и Памино: *Я крылья не покину, / Крылатое дитя, / Тамино и Памину / Соединю, шутя.* (1921).

Русские драматурги и театральные деятели представлены очень скудно. В заметке к стихотворению 1911 года написано: На представлении пьесы «Не было гроша, да вдруг алтын». И осведомленный читатель понимает, что речь идет о пьесе Н. Островского.

Фамилия Пронин встречается в стихотворении, рассчитанном на знающих, что Пронин Борис Константинович – режиссер, театральный деятель, создатель литературных кабаре в Петербурге «Бродячая собака». Фамилии театральных художников также могут быть идентифицированы только читателями, знающими окружение Кузмина: Головин, Сапунов, Судейкин 3, Сомов. Имена артистов балета также введены в стихотворения без специальных комментариев: Большакова Галина Иосифовна (1892–1949); Иванова Лидия (1903–1924).

Зарубежные драматурги представлены большим количеством имен, что характеризует предпочтения Кузмина (мы вносим в список и имена собственные, и притяжательные прилагательные, образованные от них): *Амедей (Моцарт 11, Вольфганг 2), моцартов, вагнеровский, Вебер; Вольтер, Гете 6, Гольдони; Гофман 3, Карло Гоцци; Далайрак (1753–1809) – французский композитор, работавший в основном в жанре опера комик, Дант 2. Данте 2, Лекокк, Россини, Тассо, Шекспир 5, шекспиров, шекспировски, шекспировский.*

Так или иначе стихотворения Кузмина обращаются к следующим произведениям, которые метонимически представлены персонажами, авторами и др.: «Магомет» – пьеса Вольтера; «Волшебная флейта» Моцарт; «Свадьба Фигаро» – Барберина (Барбарина) – персонаж оперы Моцарта; «Манон» опера Ж. Массне (1884); Дездемона, Разина – героини

опер Дж. Россини «Отелло» и «Севильский цирюльник» (опера «Отелло» есть также у Дж. Верди, и не исключено, что в виду имеется она); «Тайный брак» – опера умершего в Венеции Д. Чимарозы; «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» опера учителя Кузмина по консерватории Н. А. Римского-Корсакова; «Орфей и Эвридика» опера Глюка; «Золото Рейна» – опера Р. Вагнера; «Тристан и Изольда» – опера Вагнера. «Катя танцовщица» – оперетта Ж. Жильбера; «Графиня Марица» – «Гайда, Марица!» Слова из заключительной арии оперетты И. Кальмана; «Танец стрекоз» – оперетта Ф. Легара.

Персонажи драматургических произведений: *Альмавива* (герой комедии Бомарше «Севильский цирюльник»), *Ансельм* (в форме мн. числа; герой сказки Гофмана «Золотой горшок»), *Арлекин 4*, *Армида 2*, *Барберина*, *Дапертутто* ((персонаж повести Э. Т. А. Гофмана «История о потерянном отражении»; псевдонимом «Доктор Дапертутто» пользовался В. Э. Мейерхольд), *Дездемона*, *Жизель*, *Жуан 5*, *Коломбина 3*, *коломбинный 1*, *Ланселот*, *Пьеро 5*, *Розина 2*, *Тамино 2*, *Тристан 4*, *тристанов*, *Фигаро 4*.

Необходимо выделить основные способы введения в поэтический текст упоминаний о театральных произведениях: 1. Цитата из произведения («*К Максиму еду я*» – слова из оперетты Ф. Легара «Веселая вдова»); 2. Автор произведения (Моцарт); 3. Персонаж произведения (Тамино); 4. Название произведения («Магомед»); 5. Топоним из произведения (*История любовников Вероны* – трагедия В. Шекспира «Ромео и Джульетта»).

К театральному семантическому полю мы относим и слова, связанные с кино – новым видом искусства начала XX века, во многом опирающимся на театральное представление (*кино, киноактер, сеанс*). Кузмин упоминает героев кинофильмом немецкого киноэкспрессионизма: *Гуль* (герой кинофильма режиссера Ф. Ланга «Доктор Мабузе», 1922 г.); *Калигари* (герой фильма режиссера Р. Вине «Кабинет доктора Калигари», 1920 г., остросюжетного немого фильма, положившего начало немецкому киноэкспрессионизму): *Американец юный Гуль / Убит был доктором Мабузо: / Он так похож... Не потому ль / О нем заговорила муза? / Ведь я совсем и позабыл, / Каким он на экране был! 1924.*

Наиболее разработана та часть театрального лексикона, которая связана с интерьером театра: *театр 3, театральнойший, театральный 6, аванложка; авансцена; амфитеатр; балкон 9, балконный, балкончик; вестибюль, гардероб, декорация 3, зал 12, зало 2, зала 6, занавес 3, зрительный зал, касса, кассирша; кулиса 3, ложа 7; рампа, репетиция, сцена 4, уборная 3, фойе.*

Театр часто используется в номинативном значении как место работы и встреч: *У Юрочки сначала вместе, / Потом в театре мы вдвоем.* (Дождь моросит, темно и скучно,.. 1911).

Стихотворение «В театре» подробно описывает устройство помещения: Переходы, коридоры, уборные, / Лестница витая, полутемная; <...> // Пахнет пылью, скипидаром, белилами, / Издали доносятся **овации**, / Балкончик с шаткими перилами, / Чтоб смотреть на полу **декорации**.

Театр является и сюжетообразующим элементом стихотворения. Так в «Первом ударе» поэмы «Форель разбивает лед» (1927) упоминаются артисты театра, зрители и актеры кино:

Стояли холода, и **шел «Тристан»**.

<...>

Никто не видел, как **в театр вошла**

И оказалась уж сидящей **в ложе**

Красавица, как полотно Брюллова.

Такие женщины живут в романах,

Встречаются они и **на экране...**

Театр представлен и наименованием жанров театральных постановок (опера: *Кто будет в опере бывать, / Блэк-беттом с Вилли танцевать?* 1928). Опера и оперетта метонимически представлены лексемами: ария (*И пели нам ту **арию** Розины: / «Io sono docile, io sono rispettosa»,* 1906); Тенор (***Тенор**, толст и печален, / Вздыхает: «Я ждать устал!»* 1914).

Лексема «арена», тематически соотнесенная с группой «цирк» используется только в метафорическом значении: *Кто выдумал, что мирные пейзажи / Не могут быть **ареной катастрофы?*** 1928; *Апрель январский, Альбер, Альбер, / «Танец стрекоз», **арена мер!*** 1925.

Лексема «цирк» используется и в прямом: *Мы были в **цирке** и пришли уж поздно: / На всех ступенях зрители теснились.* 1904; и в переносном значениях: *Бесстыдный черный отрок / Плясавит странный **цирк**.*

1917 – метафорическом; *Казалось, весь цирк сверху донизу / Навстречу новому вздрогнул Адонису*. 1917 – метонимическом.

Кукольный театр претендует на высокий статус в идиостиле Кузмина (кукла 5, куколка, куколейший): *Верьте, куклы могут жить*, 1918 (из цикла «Кукольная эстрада»).

Театральная лексика помогает создавать атмосферу мистики и таинственности. Кузмин использовал образы театральных кулис и масок, чтобы передать свои мысли о человеческой природе и скрытых чувствах: *Будто с гостем, будто с братом, / Пили чай, не снявши маск. / Наши маски улыбались, / Наши взоры не встречались*, 1907.

Кузмин использует образ масок с разными коннотациями. В другом стихотворении находим чувство сожаления: *Когда-то сам, с огнем играя, / Я маски пел, забыв любовь*, – (Когда и как придешь ко мне ты..., 1908–1909). Использует Кузмин, как мы уже замечали, и традиционные образы итальянской комедии: баута – венецианская маска: *Рассмешитесь: словно гуси, / Выступают две бауты....* [1920].

Маска скрывает лицо и открывает сердце: *Маску надев, / Снова скажу: / Гуль!*, (Ко мне скорее, Теодор и Конрад,... 1924).

Прозаические тексты М. Кузмина могут служить примером использования театральной лексики в переносном смысле. Приведем несколько примеров. Из дневниковых записей: «Князев пришел и вдруг стал разводить разные теории о девстве, плутовстве и т. д. **Вышла сцена** <...>» (Дневник, 4 апреля 1911 – цит. по [Кузмин 2000: 709]).

Говорящим «театральным» названием рассказа стало сочинение Кузмина «Антракт в овраге», 1916: «*Вышли Маловский и Залесская*. <...>».

– *Как у них у всех вытянулись лица! Я перед отъездом хотела устроить бенефис*. <...>

– *Да, для нас это скорее – антракт*.» [Кузмин 1916: 80]. Герои рассказа используют театральную лексику для объяснения характера своих отношений: «устроить бенефис» – показать себя; «антракт» – перерыв в отношениях.

В рассказе «Петин вечер» Кузмин использует прием языковой игры. В одном контексте слово «драма» встречается в прямом и переносном значениях:

«Тупина взяла Петю на руки и обратилась к мужу:

– *А поехали бы вместе в театр, ничего бы и не произошло.*
 – *Да я не очень люблю смотреть драмы.*
 – *Лучше смотреть их в театре, чем дома устраивать».* [Кузмин 1916: 96].

В целом, театральная лексика в поэзии серебряного века была не только средством выражения мыслей и чувств, но и символом новой эстетики, которая пронизывала всю культуру того времени. Она помогала создавать уникальные и яркие образы, которые до сих пор остаются важной частью русской литературы. В поэтических произведениях Кузмина театральная лексика дополняется наименованиями нового вида искусства – кино, а также содержит упоминание о кукольном театре, балагане. Метафорическое использование слов данного поля характерно для прозаических произведений автора.

Список литературы

1. Кузмин М.А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1916.
2. Кузмин М. Стихотворения. СПб., 2000.
3. Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Пг., 1923.
4. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина / Сост. А. В. Гик. В 4-х томах. Т. 4. М., 2015.
5. Степанов Ю.С. Весь мир – театр // Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 948–960.

SYSTEMATIZATION OF LANGUAGE UNITS OF THE SUBJECT AREA “THEATRE” IN THE POETRY OF M. KUZMIN

© A.V. Gik

Abstract. This work is devoted to the systematization of linguistic units related to the subject area “theater” in the poetic work of M. Kuzmin. In the course of the study, a classification and description of various linguistic units associated with the theatrical environment is carried out. The specifics of the language of M. Kuzmin’s poetic works, its features and main characteristics in the context of theatrical themes are also studied. The main ways of introducing references to theatrical works into poetic text are identified. Kuzmin enters into a creative dialogue with W. Shakespeare and asserts that “After all, this world is ballet, ballet!” The purpose of the work is to organize and structure the linguistic units of the specified subject area for a more complete and accurate understanding of their meaning and use in poetic works.

Keywords: *linguistic poetics, semantic field “theater”, poetic language, M. Kuzmin*

НЕУЗУАЛЬНАЯ СУБСТАНТИВАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЯ «ТЫ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

© И.Ю. Гранева

Аннотация. В работе рассматриваются явления неузуальной субстантивации местоимения ТЫ в современной русской речи. Условиями субстантивации личных местоимений выступает их атрибутивная сочетаемость с признаковыми словами, с которыми в норме личные местоимения, не сочетаются. В работе различаются: условно приемлемые конструкции по модели «прилагательное / местоимение-прилагательное / порядковое числительное / причастие + местоимение», примеры которых отражены в словарях и грамматиках и которые не противостоят интуиции среднего носителя языка; «странные» конструкции той же модели, связанные с аномальным расширением сочетаемости местоимения ТЫ с признаковыми словами, в результате чего возникают окказиональные смысловые и коннотативно-оценочные преобразования. Сделан вывод, что эти модели используются для выражения сложного и внутренне противоречивого содержания, а также в целях «языковой игры» и усиления экспрессии.

Ключевые слова: субстантивация русских личных местоимений, местоимение ТЫ, неузуальная атрибутивная сочетаемость местоимений, смысловые и коннотативно-оценочные преобразования, современная русская речь.

В работе продолжается описание моделей нереферентного употребления русских личных местоимений в номинативной функции, начатое в нашей предыдущей статье на примере местоимения Я [Гранева 2022]. В центре настоящего исследования – явления так называемой «субстантивации» личного местоимения ТЫ, когда местоимение переходит в полноценное несклоняемое существительное, с соответствующими грамматическими признаками – с морфологической категоризацией по среднему (реже – по мужскому) роду и с возможностью определяться прилагательными, местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными. Методологической основой исследования выступают принципы когнитивно-дискурсивного анализа «семантики культуры» по данным корпусов, изложенные в работах [Радбиль 2019 и 2020], а также некоторые идеи в области теории языковой аномальности [Булыгина, Шмелев 1997; Радбиль 2006]. Материалом исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Условиями субстантивации личных местоимений I и II лица (в том числе и интересующего нас местоимения ТЫ) выступает их атрибутивная

сочетаемость с признаковыми словами – типа *собственное я*. Как известно, в норме местоимения-существительные, тем более – личные местоимения, с таковыми не сочетаются. В этом смысле все субстантивированные употребления личных местоимений могут считаться не вполне нормативными. Однако, как нам кажется, имеет смысл различать: (1) условно приемлемые конструкции по модели «прил. / мест.-прил. / порядк. числ. / прич. + местоимение», в духе работы [Апресян 1990], примеры которых отражены в словарях и грамматиках и которая не противоречит интуиции среднего носителя языка; (2) «странные» конструкции той же модели, связанные с аномальным расширением сочетаемости местоимения Я с признаковыми словами – прилагательными, местоимениями-прилагательными, порядковыми числительными и причастиями, в результате чего возникают окказиональные смысловые и коннотативно-оценочные преобразования. Последние случаи в нашей работе именуются «модели неузальной сочетаемости».

Итак, для местоимения ТЫ в толковых словарях указан лишь один тип интересующего нас субстантивированного употребления – об обращении на **ты** [БАС-XV 1963]. Это типовое значение мы обозначили как «указание на способ обращения». Однако в реальной речевой реализации моделей субстантивации ТЫ гораздо больше, потому что указанное выше типовое значение подвергается неузальному семантическому расширению за счет нестандартной сочетаемости с признаковыми словами.

ТЫ в сочетании с относительными прилагательными метафорически задает своего рода «коллективное» ТЫ как объединение лиц по определенному способу обращаться, тем самым очерчивая общность некой группы лиц по значимому признаку – социальному, идеологическому, территориальному, профессиональному, национальному и пр.: *О, это душевное коммунистическое и нацистское «ты»!* [НКРЯ]; – *Зачем тебе понадобились брюки (мы давно перешли от английских условностей на простое московское «ты»)?* [НКРЯ].

Такое субстантивированное ТЫ может выделять группу людей по признаку СВОИ – ЧУЖИЕ: ... *упрямо сказал матрос, отвергая товарищеское «ты» и отодвигаясь* [НКРЯ]; *Родственное «ты»* звучало какой-то дисгармонией в видимо натянутой беседе [НКРЯ].

Особый интерес представляют сочетания ТЫ с качественными прилагательными, которые отражают разные грани эмоциональной, экспрессивной или оценочной реакции говорящего на избранный адресатом или объектом речи способ обращения: *Тут, в родзале, «ты» было совсем не таким, как «ты» в палате или в коридоре. Это было особенное, **сакральное «ты»** [НКРЯ]; Для таких случаев князь-Андреева наука предусматривала, как отбросить это **прилипчивое «ты»**, переменить навязываемый тон... [НКРЯ]; Это **нечаянное ты**, которое так страшно напоминало и даже как будто опять восстанавливало их близость и заливало сердце нестерпимой нежностью, – это было выше человеческих сил! [НКРЯ].*

ТЫ в сочетании с причастиями отражает неузуальную процессуальную характеристику: *Моя любовь // **Бывшее «ты»**, // Ты, кто мне снилась, // Ты, о ком я грезил, // «Ты» распалась – // В реальность грудей, бедер и губ [НКРЯ]; Это древнее, давно забытое «ты», «ты» властелина к рабу – вошло в меня остро, медленно: да, я раб, и это – тоже нужно, тоже хорошо [НКРЯ].*

В сочетаемости с местоимением также подчеркивается содержательная и временная изменчивость способа обращения: *Они только недавно перешли на «ты», которое, впрочем, говорили друг другу в детстве и ранней юности. Но то было **иное «ты»** [НКРЯ].*

Все указанные случаи субстантивированного ТЫ можно рассматривать как **метафорические модели** в духе концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004]. Однако для субстантивированного ТЫ отмечаются и **метонимические модели**, в которых ТЫ обозначает что-то вроде 'собеседник, адресат, к которому обращено ТЫ': *Но у Мандельштама была Надежда Яковлевна – **вечное «ты»**, движитель хотя бы и мизерного жизнеобеспечения ... [НКРЯ].*

Метонимическое ТЫ в значении 'собеседник' может приобретать в контексте самые разнообразные признаки. Это может быть абсолютный собеседник, мыслимый в концептуальном пространстве, имманентное ТЫ, подлинное, обычное, конкретное, частное ТЫ: *«Небезопасность» и «неизбежность» оглядки на **имманентное «ты»** [НКРЯ]; Важно не то, имеет ли реальную значимость всякое переживание «ты-образного» характера, скрыто ли на самом деле некое **подлинное «ты»** в каждой кон-*

кретно-сущей инстанции реальности [НКРЯ]; Мы видели, что означает **обычное «ты»** – «ты» сочеловека или, говоря шире, сосуществующего с нами живого существа: оно есть «другая», «чужая», но вместе с тем мне подобная реальность, которая «встречается» мне извне и выступает в облике предметной реальности [НКРЯ].

Такое ТЫ часто употребляется в контексте противопоставления с метонимическим Я в значении ‘человек, который говорит Я’: Читай: открыл **«ты»**, **равносущее «я»**, открыл внешний мир [НКРЯ]; Она включает в себя понимание партнера по коммуникации как автономное, **свободное индивидуальное «Ты»**, которое находится с **равным ему «Я»** во взаимно-симметричных отношениях воздействия и взаимного признания [НКРЯ].

Для метонимического субстантивированного ТЫ возможны и контексты противопоставления с метонимическим ОН / ОНИ: *Схожие различия можно усматривать и между чужими РЦ («Он» – позициями) и КП-Ты: в протяженных высказываниях вторичных жанров: «он» как «другой» не может перевоплотиться в реальное (не игровое) «ты», «ты» не может перевоплотиться в **реального «он»** [НКРЯ]; Но «он» есть собственно уже «ты» – именно бывшее или будущее, короче: **возможное «ты»**, которое мы лишь в данный момент воспринимаем не как **полновесно-конкретное «ты»**, а как некоторым образом уже **ослабленное, потускневшее, потухающее «ты»** – именно как «ты», которое для нас уже погружено в безлично-предметную форму бытия «оно» [НКРЯ].*

В дискурсах особого типа – философском или религиозном – встречается особый тип метонимического субстантивированного ТЫ в значении ‘собеседник’. Это ТЫ молитвы, обращенной к Богу, т.е. метонимическим собеседником является БОГ: В конкретно-положительном откровении **Божье «ты»** вступает само в земное, временное бытие [НКРЯ]; Божество в качестве «моего» Бога или «Бога-со-мной» есть, таким образом, **«перво-Ты»**, исконный первородный образец или «идея» (в Платоновом смысле) всякого **частного «ты»**, – образец, без которого было бы невозможно никакое **конкретное «ты»** [НКРЯ]; **Бог** как личность, как **абсолютное «Ты»**, перед чьим взором я всегда стою, – Бог как «отец», как «вечный мой сосед в нужде» (Р. М. Рильке), – Бог, от которого неотмыслима форма бытия «ты еси», хотя и употребляемая лишь в метафори-

ческом смысле, – *этот «мой Бог» есть вместе с тем «Божество», всеобъемлющее* [НКРЯ].

Также для субстантивированного ТЫ имеются контексты неузualmente метаязыкового употребления в **автореферентной функции**. Уже в исходном значении субстантивированного ТЫ кроется возможность для его переосмысления в режиме «автонимного» употребления, когда языковой знак в контексте высказывания имеет референцию к себе самому, а не к внеязыковому объекту, так как «указание на способ обращения» само по себе есть метаязыковой речевой акт. Именно с последним обстоятельством связан тот факт, что таких автонимных субстантивированных употреблений ТЫ гораздо больше, чем Я – об этом см. [Гранева 2022].

Указанное автореферентное ТЫ означает что-то вроде ‘слово ТЫ’ или ‘произнесение слова ТЫ’ или даже ‘манера говорить ТЫ’. Условиями реализации такого ТЫ являются употребление в контексте глаголов со значением речи: *Это обращение к еще не встреченному, но такому реальному, что она даже не решается ему сказать слишком **интимное «ты»*** [НКРЯ]; *В нем теперь звучало не **безличное «ты»** – кто угодно может быть «ты»!* [НКРЯ];

– или наличие иных, имплицитных указаний на речевую ситуацию, которая описывается в фрагменте: *Сложные приятельские отношения с Довлатовым. **Обыденное «ты»** с Бродским. Трагикомические приключения с поисками работы* [НКРЯ]; *Это **таинственное «ты»** – то ли читатель, то ли каждый из героев – которое встает в конце 12 эпизодов – объединяет двоих* [НКРЯ].

Автонимное ТЫ в сочетании с прилагательными приобретает ряд характеристик, не присущих ему в узусе – например, указание на доверительность и неформальность, неофициальность общения: *Капитан резко подался к столу и без предупреждения перешел на **демократичное «ты»*** [НКРЯ]; *... радостно подхватывал Кадачкин, принимая это **панибратское «ты»*** [НКРЯ].

Поскольку, как было показано в наших работах, установка на доверительность и задушевность общения является для русской культуры приоритетной [Гранева 2017], неузualmente автонимное употребление субстантивированного ТЫ в дискурсе интерпретируется говорящими в позитивно-оценочном ключе: *Доверчивая улыбка, **доброжелательное «ты»**,*

намекавшее на то, что будто бы они с Красиным сто лет друг друга знают [НКРЯ]; – Знаешь, я в людях немножко разбираюсь, ты мне поверь, – большой человек переходит на ласковое «ты» [НКРЯ]; – *Сердечное «ты»* слегка подогрело ушат ледяной воды, ухнувшей на голову [НКРЯ].

Однако в некоторых случаях возможна и негативная оценка такого ТЫ со стороны говорящего как проявления неуважения, грубости: *Прозвучавшее неуважительное «ты», не говоря уже о причислении его к миру вшей, Серпухина резануло, но и это он проглотил* [НКРЯ]; – *От волнения он перешел на грубое «ты»* [НКРЯ].

Иногда метаязыковое, автореферентное субстантивированное ТЫ может маркировать ситуацию трудностей в общении: *И наконец надрывом звучат равно: и первое мучительное ты, обращённое Сонечкой к Раскольникову, и истерика человека из подполья с её эротическим разрешением* [НКРЯ].

В заключение отметим, что неузуальные субстантивированные употребления ТЫ достаточно разнообразны, хотя и представлены не в таком большом количестве, как аналогичные употребления местоимения Я (в нашей картотеке их чуть больше 70 контекстов, в два раза меньше, чем Я) [Гранева 2022].

В целом указанные явления «странной» атрибутивной сочетаемости субстантивированных личных местоимений позволяют судить о существенном семантическом потенциале моделей субстантивации личных местоимений, который в обычных условиях остается незадействованным, неактуализованным. Они используются для выражения сложного и внутренне противоречивого содержания, а также в целях «языковой игры» и усиления экспрессии.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919—1986) / Под ред. Д.С.Лихачева. М.: Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

3. Гранева И.Ю. О культурной значимости русских личных и личноприятительных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. 2017. № 12. С. 74–87. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87.

4. Гранева И.Ю. Неузальная субстантивация русских личных местоимений в дискурсах разного типа // Языки и культуры в цифровую эпоху: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Языки и культуры в цифровую эпоху». Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 83–90.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал, 2004. 256 с.

6. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дисс. ... докт. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. М.: 2006. 495 с.

7. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

8. Радбиль Т.Б. "Самоизоляция" как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

9. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. XV. 1963. 648 с.

NON-USUAL SUBSTANTIVIZATION OF THE PRONOUN “TY” (“YOU”) IN MODERN RUSSIAN SPEECH

© I.Yu. Graneva

Abstract. The paper deals with the phenomena of non-usual substantivization of the pronoun *Ty* (*You*) in modern Russian speech. The conditions for the substantivization of personal pronouns are their attributive compatibility with indicative words, with which personal pronouns are not normally combined. The work differs: conditionally acceptable designs according to the model “adjective / pronoun-adjective / ordinal numeral / participle + pronoun”, examples of which are reflected in dictionaries and grammars and which do not contradict the intuition of the average native speaker; “strange” constructions of the same model, associated with an anomalous expansion of the compatibility of the pronoun *Ty* (*You*) with words of the

same parts of speech, resulting in occasional semantic and connotative-evaluative transformations. It is concluded that these models are used to express complex and internally contradictory content, as well as for the purpose of “language game” and enhancing expression.

Keywords: *substantivization of Russian personal pronouns, pronoun Ty (You), non-usual attributive compatibility of pronouns, semantic and connotative-evaluative transformations, Russian speech*

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ЭКСТРЕМИЗМУ

© М.А. Грачев

Аннотация. В статье приводятся разряды экспертиз по экстремизму, обосновывается роль эксперта в доказательной базе в уголовных делах по данной проблеме. Наиболее известным в настоящее время является установление статуса принадлежности к «Арестантскому уголовному единству» (АУЕ). В качестве доказательства предлагается использование фигурантом криминальной субкультуры: аргю, татуировок, воровских лозунгов, уголовных прозвищ, законы преступного мира. Особое внимание уделяется влиянию элиты криминального мира на рядовых арестантов.

Ключевые слова: экспертиза, экстремизм, криминальная субкультура, разряды уголовников, АУЕ

Цель статьи – раскрыть сущность и признаки некоторых разрядов экспертиз по экстремизму.

По большому счёту к экстремистским материалам относятся тексты, в которых одна социальная группа агрессивно настроена против другой, что чаще проявляется в лозунгах враждебного характера, направленных против неё.

Так нередко действия членов преступной организации АУЕ («Арестантское уголовное единство») подгоняют под экстремизм – 282 ст. УК РФ. Но почему-то при этом не учитывают занятия высшей криминальной должности. *Воры в законе, положенцы, стремящиеся (стремаги).* являются главными пропагандистами АУЕ. Главная их цель – **создать единый преступный мир. Большинство идеологов АУЕ хотят объединить профессиональных преступников с непрофессиональными и с так называемыми обиженными (опущенными).** Даже предлагают не наказывать за ряд уголовных статей (например, за изнасилование), иначе все низшие касты ИУ будут сотрудничать с тюремной администрацией. Иными словами, в ИУ имеется тенденция к либерализации *воровских законов.* Вторая причина – деньги. Чем больше сторонников АУЕ – тем больше денег получит криминальная верхушка. *Воры в законе,* которые утверждают, что деньги переходят в воровскую казну – общак (или, как его называют теперь арестанты – *общественное*), которую потом распределяют среди арестантов. Однако за это элита преступного мира уголовно

не преследуется, а наказывается только за занятие высшей криминальной должности.

Наиболее чётко придерживаются воровских правил в Екатеринбурге, Чите, Якутске. Там сильны и законы АУЕ, которые тесно связаны с субкультурой преступного мира. Эксперту-лингвисту очень важно использовать знания элементов криминальной субкультуры, так как она заставляет жить по правилам профессиональных преступников, и, прежде всего, по *понятиям воров в законе*.

Вот основные правила, по которым можно сделать *карьеру* в преступном мире, начиная от неопытного начинающего правонарушителя вплоть до *вора в законе*: а) не воровать у своих (не *крысятничать*); б) не доносить администрации ИУ (не *стучать*), в) поддерживать осуждённых в карцере (*греть крышу, поставлять грёв*), г) отдавать деньги в общую казну («*уделять на общак*», «общественное»). (Д.Ефремов, АУЕ. ТАСС, электронный ресурс).

Эти правила во многом совпадают с основными постулатами воров в законе. Именно в 30-х годах XX века окончательно оформляются их правила. Классический *вор в законе* (его до сих пор ещё называют *нэпманским вором*) был обязан:

1. Поддерживать воровскую идею (*понятия*).
2. Не заниматься общественно-полезной деятельностью.
3. Не работать.
4. Не иметь семьи (содержать любовницу и детей от неё не воспрещается).
5. Не иметь материальных богатств.
6. Не иметь каких-либо контактов с правоохранительными органами.
7. Не интересоваться вопросами политики.
8. Не служить в армии.
9. Не выступать на суде в качестве свидетеля.
10. Вовлекать в преступную среду новых членов.
11. Не давать несовершеннолетним преступникам наркотики.
12. Немедленно защищать свою честь и достоинство.
13. Безжалостно расправляться с предателями.
14. Не убивать без нужды.
15. Верить в Бога.

16. Собирать деньги для воровской кассы (*общака*).

17. Знать арго (блатной жаргон). [8, С.111-112].

В настоящее время *вор в законе* из этих семнадцати правил не соблюдает следующие пункты: №4, №5, №7, №11. Известно, что теперь многие *воры в законе*, становясь бизнесменами, вынуждены работать и даже заниматься общественно-полезной деятельностью. То есть пункт №2 («Не заниматься общественно-полезной деятельностью») тоже под вопросом. И другие пункты изначальных правил (*понятий*) также трансформировались. Однако основные пункты остались неизменными: *вор в законе* не должен служить в армии, выступать против законов ИУ и администрации (хотя бы формально), безжалостно расправляться с предателями, защищать *воровскую идею* и, главное, собирать деньги для воровской кассы (*общака, общего*). Именно строгое соблюдение этих условий разрешают профессиональному преступнику *короноваться* на *вора в законе*, имея три рекомендации от уже *коронованных воров*. Если *вор в законе* является одним в ИУ, то он автоматически становится *смотрящим* в местах лишения свободы.

В настоящее время различаются *красные* и *чёрные* зоны. В *красных* ИУ руководит администрация тюрьмы и, соответственно, *активисты* – те осуждённые, которые активно сотрудничают с администрацией исправительных учреждений. В *чёрных зонах* живут по правилам (*понятиям*) *воров в законе*. В Свердловских ИУ преобладают *чёрные* ИУ, где поддерживаются законы профессиональных преступников, тогда как в Нижегородской области доминируют *красные* ИУ, где осуждённые живут по законам тюремной администрации.

Смотрящий по ИУ обязан: пресекать любое сотрудничество с администрацией колонии, собирать с осуждённых деньги в воровскую казну (*общак, общественное*), следить за азартными играми и брать с игроков определённый процент с выигрыша для пополнения воровской кассы, контролировать распространение наркотиков и спиртных напитков, заставлять всех арестантов жить по *воровским понятиям* и быть третьей стороной для разрешения конфликтов между заключёнными. *Смотрящий* по ИУ назначает нижестоящих *смотрящих* по баракам и – шире – частям исправительного учреждения, например, по *промзоне*. То есть

смотрящий практически следит за соблюдением законов АУЕ и его можно привлекать к уголовному наказанию.

На свободе *смотрящий* следит за определённой территорией, например, районом, городом и даже по России. (Таким был *вор в законе* Вячеслав Иваньков, застреленный наёмным убийцей). Главная цель – собирать деньги в криминальную казну, которой распоряжаются *воры в законе*, следить за тем, чтобы ОПГ (организованная преступная группировка) на подчинённой ему территории жили по правилам *воров в законе*, выступать в качестве третейского судьи между уголовниками и враждующими преступными группировками.

Смотрящий необязательно должен быть *вором в законе*, но он должен неукоснительно соблюдать их правила. *Смотрящие* есть почти в каждом крупном населённом пункте.

Положенец – в криминальной иерархии человек, назначаемый «*вором в законе*» и имеющий право принимать решения в его отсутствие и от его имени. *Вор в законе* назначает *положенцев* на определённой территории (или в сфере деятельности), например, в городе или районе.

Положенец является кандидатом на звание *вора в законе*, своей деятельностью он должен доказать, что достоин повышения в статусе, т.е. быть *коронованным* на звание *вора в законе*. В свою очередь, *положенец* может назначать *смотрящего* из криминальной среды – человека, который находится ниже его в преступной иерархии, уважаемого уголовниками и осуществляющего контроль и координацию деятельности преступного сообщества на конкретной территории.

Стремящийся (стремяга) – профессиональный преступник, который собирается (*стремится*) стать *вором в законе*. Он не должен иметь нарушений основных *воровских понятий*. Если же он нарушил и утаил данный факт, то должен быть наказан криминальной средой и ему уже нельзя быть *вором в законе*.

В ряде *прогонов, маляв (малёвок), язушек*, в которых упоминается АУЕ, имеются экстремистские лозунги. Кроме того, они имеются в татуировках-высказываниях и аббревиатурах, см.: СМЖВ – *смерть ментам – жизнь вора*м! БЖССИМ – *бей жидов, сексотов, сук и ментов*. Плюс ещё развёрнутые клятвы, лозунги, или их развёрнутые расшифровки. При анализе криминальных прозвищ для установления занимаемой уголовной

должности важно учитывать специфические клички, например: Гиви Ку-таисский, Сева Новгородский – авторитетные преступники, а Микроб, Малой, Амёба, Плевок, Шнурок обозначают принадлежность к низшей касте уголовников.

Эксперт должен знать и элементы тайнописи: одна черта, подчёркивающая в тексте, обозначает принадлежность ко всем арестантам, две черты – к профессиональным преступникам (ворам), три черты – святое, христианское, волнистая линия – ментовское. [См подробнее об этом в исследованиях 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12]

При судебной лингвистической экспертизе важно учитывать признание свидетелей, секретных сотрудников, оперативных работников, начальников отрядов ИУ. Их показания, допросы и рапорты свидетельствуют об экстремистских действиях лиц, занимающих высшие криминальные должности: пропаганда АУЕ и призывы к уголовному единству.

Новоявленный кодекс АУЕ – признание в экстремизме, точно так же, как и кодекс *воров в законе*, направленный против правоохранителей и против существующей власти в целом. Не случайно поэтому АУЕ признали экстремистской организацией, и также в УК РФ ввели статью 210.1, направленной против лиц, занимающих высшие криминальную должность.

К сожалению, многое указанное выше не учитывается на официальном уровне и мало используется в лингвистических экспертизах.

Сейчас *воры в законе* не позиционируют себя как раньше, они затаились, но в любой момент могут опять возродиться в обновлённом качестве и продолжить в открытую свою преступную деятельность.

Список литературы

1. Бронников А.Г. Татуировки осуждённых. Их классификация и криминалистическое значение: (Альбом, учебно-популярное пособие). М.: Издательство ЦС «Динамо», 1980.

2. Бронников А.Г. Тело-вернисаж. Татуированная преступность России: Уч. пос. для работников правоохранительных органов. Пермь: Редакция газеты «Звезда», 1998.

3. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 280 с

4. Грачев М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза: Учебник. М.: Флинта. Наука, 2016. 360 с.

5. Грачев М.А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму // Юрислингвистика, 2021. № 21 (12). С. 26–30.

6. Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического письма экспертами-лингвистами // Юрислингвистика, 2021. № 21(32). С. 9–13.

7. Грачев М.А. Криминальная татуировка в России: прошлое и настоящее. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2023. 180 с.

8. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М.: Юрид. лит., 1990.

9. Дубягина О.П., Дубягин Ю.Л., Смирнов Г.Ф. Культ тату (криминальная и художественная татуировка). М.: Юриспруденция, 2003.

10. Зайков Н., Козлова Н. Оправдание присяжных // Российская газета. Новосибирск, 2021, 4 августа. № 174.

11. Мильяненко Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992.

12. Электронный ресурс <https://www.судебная-экспертиза-москва.рф/kriminalisticheskaya-diagnostika-tatuirovok/>

FROM THE EXPERIENCE OF CONDUCTING FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATIONS ON EXTREMISM

© *M.A. Grachev*

Abstract. The article presents the categories of expertise on extremism, substantiates the role of an expert in the evidence base in criminal cases on this issue. The most well-known at present is the establishment of the status of belonging to the AUE. As evidence, the use of a criminal subculture by the person involved is proposed: argo, tattoos, thieves' slogans, criminal nicknames, the laws of the criminal world. Special attention is paid to the influence of the elite of the criminal world on ordinary prisoners.

Keywords: *expertise, extremism, criminal subculture, categories of criminals, AUE*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ

© Л.Н. Гурская

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования индивидуальных лексических связей при овладении иностранными языками на материале английского и французского языков. Особое внимание уделяется особенностям языковой личности, функционированию формальных связей в индивидуальном лексиконе и формированию смысловых связей в процессе овладения лексикой иностранного языка. Обзор отраженных в работе научных концепций по изученным вопросам позволил уточнить понятие «языковая личность», «формальные и смысловые связи», выделить критерии формирования индивидуальных лексических связей при овладении иностранными языками. **Целью** настоящей статьи является изучение языкового сознания, речевой деятельности в процессе овладения иностранными языками. Основным **методом** изучения является ассоциативный эксперимент. Рассматривая особенности речевой деятельности, мы смогли сделать **вывод** о существовании единой понятийно-языковой базы, языковую основу которой составляют слова родного языка.

Ключевые слова: языковая личность, формальные и смысловые связи, вербальные единицы, внутренний контекст, индивидуальный лексикон.

Понятие «языковая личность», разработанное в лингвистике связано с идеей познания человека через познание языка. Язык исследуется в тесной связи с сознанием человека, его мышлением, его духовной и практической деятельностью. Наиболее полно концепция личности представлена в работах Ю.Н. Караулова, который, в противовес основному тезису лингвистических исследований, утверждает, что «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 2: 5]. В рамках данной концепции языковая личность рассматривается как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений текстов, которые различаются:

- а) степени структурной сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью.

Таким образом, языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова. Имеет уровневую организацию. В структурной модели языковой личности он выделяет три уровня:

1) вербально-семантический (тезаурусный), включающий лексикон и фонд грамматических знаний личности (отдельные слова, как единицы вербально – ассоциативной сети);

2) когнитивный (тезаурусный) уровень, охватывающий интеллектуальную сферу личности и выявляющий картину мира данной языковой личности (идеи и концепты, которые составляют индивидуальную картину мира языковой личности);

3) прагматический (мотивационный) уровень, включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности, определяющий иерархию смыслов и ценностей личности в ее языковой модели мира (цели, задачи, мотивы, намерения и установки, которые проявляются в коммуникативно – деятельностных потребностях человека). [Караулов 2: 5].

Обыденное нормальное знание языка ученый называет нулевым (семантическим) уровнем. Именно он является объектом исследования лингвистов. Второй лингво – когнитивный уровень языковой личности основывается на иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира. Мотивационно – прагматический уровень соотносится с тремя уровнями процессов восприятия и понимания. Соответственно мотивационному, тезаурусному и вербально – семантическому уровням языковой личности в схеме смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни.

Таким образом, под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков, которые классифицируются с одной стороны по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), а с другой стороны – по уровням языка. То есть, языковая личность – есть личность, выраженная в языке через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Процесс формирования личности приравнивается к процессу ее социализации во взаимосвязанной цепочке: человек говорящий – человек деятельный – человек духовный.

Ю.Н. Караулов вычленяет элементы уровней для структуры языковой личности, находящиеся в грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношениях между собой и об

Вербально-семантический уровень включает в себя стереотипные модели словосочетаний и предложений, его единицами являются слова, находящиеся в грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношениях между собой и объединяемые в вербальную сеть. Этот уровень осуществляется в языке (семантике).

Тезаурусный уровень включает в себя стереотипные генерализованные высказывания, его элементами и являются понятия (идеи, концепты), объединенные иерархически – координативными отношениями в семантические поля, картину мира. Этот уровень осуществляется в интеллекте (когнитация).

Мотивационный уровень языковой личности включает в себя стереотипные образы символы прецедентных текстов культуры, его элементами являются деятельностно-коммуникативные потребности, объединяемые сферой общения, коммуникативными ситуациями и ролями в коммуникативной сети. Этот уровень осуществляется в действительности (прагматика).

Немаловажными являются методическая, готовностная и так называемая лингводидактическая модели языковой личности, разрабатываемые в русле лингводидактики, характеризующие способности и умения языковой личности в развитии.

Овладение иностранным языком в искусственных условиях часто ассоциируется именно с трудностью запоминания новых слов. Грамматические структуры поддаются логическому объяснению и, хотя и представляют трудность из-за расхождений с системой родного языка и необходимости выработки навыка их использования в речи, являются ограниченными и могут быть освоены за достаточно короткое время. Овладение лексическими единицами, напротив, представляется практически бесконечным процессом.

Сложность и многоэтапность процесса овладения лексикой объясняется особенностями проникновения иностранных слов в индивидуальный лексикон. И.Л. Медведева выделяет четыре стадии вхождения в индиви-

дуальный лексикон: опознавание, изучение, усвоение и присвоение [Медведева 1999: 30].

В отличие от слов родного языка, иноязычные лексические единицы не связываются напрямую с предметами понятиями внеязыковой действительности. Сначала формируются связи со словами родного и первого иностранного языка. Эти связи условно можно разделить на формальные и смысловые.

Формальные реакции – это фонетические и графические реакции на известных языках, даваемые испытуемыми на французские слова – стимулы. Приведем несколько примеров: Forêt – форель, fortress; soulier – сулить, soul, solitude; papillon – пайетки, папилютки, paper. Появление формальных связей можно соотнести с самым первым этапом освоения иноязычных лексических единиц – опознаванием. Действительно, при первой встрече с новым словом часто устанавливается связь с похожими по звучанию или написанию известными словами. Так как установление смысловых связей является более трудоемким, слово опознается по формальным признакам, в частности по звуковому сходству с известными словами.

И.Л. Медведева говорит о наличии в индивидуальном лексиконе «яруса словоформ» и «яруса смыслов» и о возможности «актуализации связей между единицами поверхностного яруса форм слов без обращения к глубинному ярусу значений» [Медведева 1999: 32].

Формальные связи в случае многоязычия не всегда можно отнести к простым и поверхностным. Они могут быть результатом более сложных ассоциаций, возникающих на основе звуковых и смысловых связей между известными словами разных языков. Например: beau – скучный (boring), langue – легкие (lungs), faim – слава, известность (faim).

На более продвинутых этапах обучения увеличивается число смысловых реакций на втором иностранном языке, опосредованных фонетическими ассоциациями с другими словами второго иностранного языка: faim – женщина (femme); chaîne – собака (chien); gâteau – подарок (cadeau).

Формальные связи могут быть вполне оправданными, когда слова разных языков имеют общее происхождение, а следовательно, схожее значение. Напротив, в случае межъязыковых омонимов обращение к смыслу

через ложные формальные сопоставления приводит к ошибкам в понимании и употреблении незнакомых слов.

К формальным связям можно отнести опору на словообразовательные элементы при запоминании иностранных слов. Например, apparition – apparition, apparasson; naufrage – poufrage, poufrage, poufaga, pouffaga [Бортьбо 2011: 57].

Итак, формальные связи активируются при опознавании новых иностранных слов. Звуковые и графические опоры могут функционировать в рамках поверхностного яруса словоформ и являются наиболее частотными на начальных этапах изучения нового языка.

Формирование смысловых связей в процессе овладения лексикой иностранного языка.

Как и формальные, смысловые связи, образуемые новым иностранным словом, весьма разнообразны.

Связь между иностранным словом и его переводным коррелятором в родном языке является в определенной степени неизбежной. Рассмотрим основные причины формирования этой связи. Во-первых, слово родного языка обеспечивает доступ единой информационной базе, а значит, наиболее короткий путь к изучению и усвоению иностранного слова – установление прямой связи новым словом и его соответствие в родном языке.

Во-вторых, понятие, языковым выражением которого является новое слово, чаще всего существует в сознании билингва, а связь этого понятия со словом родного языка давно сформирована. Таким образом, иностранное слово с точки зрения выражения понятия является избыточным и воспринимается лишь как иноязычный эквивалент существующей лексической единицы.

В ситуации изучения двух иностранных языков смысловые связи устанавливаются также с переводными корреляторами новых слов в первом иностранном языке: garçon – a boy; pluie – rain.

Смысловые связи, устанавливаемые между словами разных языков, не сводится к переводным корреляторам новых слов в первом иностранном языке: garçon – мальчик с портфелем; ensemble – лучшие друзья; forêt – green; recevoir – une letter.

Чаще всего встречаются реакции на родном языке, многие из них эмоционально окрашены. Можно сделать вывод, что усиление связей со словами со словами родного языка сопровождается усвоением иноязычных слов, переводя их из категории «чужих» в категорию «своих».

Смысловые реакции на английском и французском языках подтверждают наличие единой понятийной системы, где разные лексические единицы конкурируют за право языкового выражения существующих концептов. Не случайно, что ассоциации на родном языке в большинстве случаев отражают эмоциональный аспект концепта, в то время как реакции на иностранных языках часто являются синтагматическими, то есть больше связаны с языковым выражением понятия.

Следует отметить, что установленные связи «иностранный слово – его переводной эквивалент» не является этапом, предшествующим формированию более глубоких смысловых ассоциаций. Оба процесса происходят одновременно. Новое слово вплетается в сложную систему отношений, становится средством доступа к единой информационной базе благодаря слову родного языка. Тем не менее более продвинутые этапы обучения характеризуются расширением смысловых связей, о чем говорит трехкратное увеличение разных типов смысловых реакций, не относящихся к переводным, в ассоциативном эксперименте [Чернявская 2013: 102].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании единой понятийно-языковой базы, языковую основу которой составляют слова родного языка, становящиеся опорными элементами при усвоении иноязычных лексических единиц. Характер формирующихся связей зависит, однако, от способа введения новых слов – изолировано или в контексте.

Список литературы

1. Алифиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 232 с.
2. Боротьбо В.Г., Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд.4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
3. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 268 с.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

6. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка. Уфа, 1999. 46 с.

7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.

8. Языковая личность. От слова к тексту. На материале англоязычного дискурса / Отв. ред. Т.А. Комова, С.И. Гарагуля. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Лабиринт», 2018. 248 с.

7. Язык. Речевая деятельность. Дискурс: монография / под науч. ред. Е.А. Коневой. Москва: ИНФРА М, 2022. 164 с.

LANGUAGE PERSONALITY: FORMATION OF INDIVIDUAL LEXICAL RELATIONS WHEN MASTERING FOREIGN LANGUAGES

© *L.N. Gurskaya*

Abstract: The article is devoted to the study of the formation of individual lexical connections during the acquisition of foreign languages using the material of English and French. Particular attention is paid to the peculiarities of the linguistic personality, the functioning of formal connections in the individual lexicon and the formation of semantic connections in the process of mastering the vocabulary of a foreign language. A review of the scientific concepts reflected in the work on the issues studied made it possible to clarify the concept of “linguistic personality”, “formal and semantic connections”, and to highlight the criteria for the formation of individual lexical connections when mastering foreign languages.

The purpose of this article is to study linguistic consciousness and speech activity in the process of mastering foreign languages. The main method of study is an associative experiment. Considering the features of speech activity, we were able to conclude that there is a single conceptual and linguistic base, the linguistic basis of which is the words of the native language.

Keywords: *linguistic personality, formal and semantic connections, verbal units, internal context, individual lexicon.*

МОРФЕМНЫЕ ВАРИАНТЫ ИДИОМ

© П.С. Дронов

Аннотация. Вариантность фразеологических единиц (прежде всего, идиом) наблюдается на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и текстовом. Данная статья посвящена морфемной вариантности. Морфемные варианты основаны на внутрисловном изменении компонентов, т.е. вводе или субституции морфем. Они делятся на морфологические и словообразовательные. Морфологические варианты связаны с заменой или вводом словоизменяемых аффиксов и делятся на чисто морфологические и морфосинтаксические. Последние возникают при синтаксических трансформациях в силу грамматических особенностей конкретного языка. Словообразовательные варианты возникают при замене компонентов идиомы на новые, сложные или производные от первоначальных; это сближает словообразовательную вариантность с лексической. Необходимо дальнейшее исследование частотности и маркированности морфемных вариантов идиом в различных языках.

Ключевые слова: идиомы, вариантность, морфемные (морфологические, морфосинтаксические, словообразовательные) варианты

Вариантность – это комплексное явление, проявляющееся в существовании фразеологизмов, близких по форме и по значению до такой степени, что они при определенных условиях могут считаться разновидностями одного и того же выражения. Это явление исследуются в течение долгого времени (см. [Диброва 1979; Телия 1972]). По поводу истории вопроса, основных точек зрения и понятий, связанных с вариантностью, см. [Дронов 2021].

Этот феномен, прежде всего, характерен для идиом и паремий ввиду особенностей их грамматической структуры (словосочетания или предложения) и наличия у них нетривиально кодируемой семантической составляющей, которая может быть подвержена как устареванию, так и «обновлению». Последнее выражается в переоформлении плана выражения и переосмыслении плана содержания. Варианты идиом являются результатом трансформации или модификации (см. [Дронов 2021: 206–207]).

Варианты-трансформаты появляются в результате системно-языкового и субсистемного (оказионального) изменения идиомы, которое обусловлено возможностями идиомы как языковой единицы. Варианты-модификаты – это результат языкового эксперимента и игры с планом

выражения и/или планом содержания, характерный для определенного дискурса или творчества конкретного автора (ср. понятие языковой аномалии в [Радбиль 2006, 2021]).

Вариантность фразеологизмов (идиом, коллокаций, фразеосхем, паремий и др.) может наблюдаться на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и даже текстовом (последняя обусловлена текстообразующей функцией синтаксических структур [Ильенко 2003]). В данной статье мы рассмотрим вариантность на уровне морфем.

Морфемная вариантность непосредственно связана с синтаксической. Хотя трансформации идиом похожи на трансформации свободных сочетаний, есть определенные отличия, обусловленные устойчивостью и воспроизводимостью идиом. В случае идиом они одновременно являются лексическими и/или морфологическими, так как изменение семантических ролей в словосочетании здесь достигается не только путем передвижения составляющих, но и путем замены глагольного компонента и (если этого требует грамматический строй языка) изменения грамматической формы актантов, ср.: *быть под колпаком (у кого-л.) – держать под колпаком (кого-л.) – брать под колпак (кого-л.)*.

Морфемные варианты представляют собой трансформаты и модификаты, основанные на внутрисловном изменении компонентов, т.е. вводе или субституции морфем. Они делятся на **морфологические** и **словообразовательные**.

Морфологические варианты – трансформаты и модификаты, связанные с заменой или вводом словоизменятельных аффиксов в структуру компонентов идиом. При замене аффикса на синонимичный, имеющий такое же грамматическое значение, синтаксическая связь не меняется (ср. *ни синь-пороху* vs. *ни синь-пороха* ‘ничего’). Если же замещающий аффикс имеет другое грамматическое значение, меняется и характер синтаксической связи (например, *носить воду решетом / в решете*). По этой причине морфологические варианты следует делить на чисто морфологические и на **морфосинтаксические**. Последние возникают при синтаксических трансформациях в силу грамматических особенностей конкретного языка и должны рассматриваться в одной связке с ними.

Морфологические варианты обусловлены, прежде всего, структурой самой идиомы и возможностью соотнесения ее роли в предложении с синтаксической ролью ее однословного эквивалента и частеречной принадлежностью ее компонентов. Очевидна предикативность многих «именных» идиом (т.е. идиом со структурой NP, NP + PP), ср. *X опытен* vs. *X – тертый калач*. Эта предикативность становится еще более заметна, если учитывать наличие у подобных идиом слов-сопроводителей (*X оказался тертым калачом*, *X оказался стреляным воробьем*). Морфологическая вариантность и ограничения на нее обусловлены функцией идиом, которая может быть соотнесена с функцией однословных эквивалентов идиом.

Словообразовательные варианты возникают не при изменении грамматической формы компонентов, а при их замене на новые, сложные или производные от исходных. В этом отношении словообразовательные варианты оказываются близки к лексическим. Ср. добавление уменьшительных суффиксов в именные компоненты русских идиом *стрелять из пушки по воробьям* и *стреляный воробей*:

(1) **а.** Из плюсов у 155РЕЗ – открытые коллекторы, миллиампер 50. Можно сразу ключами управлять или еще чем. Но и процессорных выходов может хватить. Там корпус, здесь корпус. Процессору еще начальный сброс надо организовать. Если бы что посложнее, тогда микроконтроллер без разговоров. А так можно и *не стрелять из пушечки по воробьям*. [Речевое общение Интернета]. **б.** Он снят в форме наших афганских стрелков – сразу видно, *стреляный воробышек*. На лбу шрам – наверно его бутылкой треснули в походном борделе – тоже, знаете, вредно для здоровья [Сетевая литература].

В данных примерах использование суффиксов приводит к двойной актуализации: изменение именного компонента акцентирует внимание читателя или слушателя на внутренней форме идиомы. Словосочетание воспринимается одновременно и как свободное и как устойчивое. Одновременно модификация является средством передачи авторской иронии.

Словообразовательные варианты охватывают все механизмы словообразования в данном языке. К примеру, возможно превращение одного из компонентов идиомы в композит, ср. употребление в примере (2) немецкой идиомы *ein Licht auf jmdn., etw. werfen* ‘jmdn., etw. in bestimmter Weise

erscheinen lassen; jmdn., etw. [in bestimmter Weise] deutlich werden lassen' ('заставлять кого-л., что-л. выглядеть определенным образом; делать кого-л., что-л. доступным пониманию [определенным образом]'; букв. «бросать свет на кого-л., что-л.», ср. рус. *проливать свет на кого-л./что-л.*, *выставлять кого-л./что-л. в каком-л. свете*) [Duden 11: 472].

(2) Der – authentische – Fall des Buches von Gabriele Eckart «So sehe ick die Sache» ist in seinem grotesken Verlauf selbst für DDR-Verhältnisse nicht mehr zu überbieten; er ist sicher auch nicht typisch im Sinne von «gewöhnlich». Aber gerade dadurch *wirft er ein Blitzlicht auf die Literatur- und Kulturszenerie in der DDR*. 'Подлинный случай с книгой Габриэлы Эккарт «Я так вижу» в своей гротескности невозможно превзойти даже по стандартам ГДР, и уж точно он не типичен в смысле «обыкновенности». Но именно поэтому он «бросает свет фотовспышки» на литературный и культурный пейзаж ГДР' [Ketman, Per u. Wissmach, Andreas: *DDR – ein Reisebuch in den Alltag*, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt 1986, S. 84; DWDS].

Здесь в состав именного компонента *Licht* введен корень *Blitz*, т.е. вместо *Licht* 'свет' употреблено слово *Blitzlicht* 'фотовспышка'. Понимание предмета или явления осмысливается не как направление луча света на него, а как яркая вспышка света, позволяющая увидеть предмет или явление во всех подробностях. Соответственно, *ein Blitzlicht auf etw. werfen* – это не просто 'сделать что-л. понятным', но 'осознать что-л. во всех его проявлениях и подробностях'. В результате трансформации происходит интенсификация значения идиомы (ЛФ Magn по И.А. Мельчуку).

Возникает вопрос: насколько универсальны подобные варианты идиом? Они возможны в языках флективного и агглютинирующего строя, однако они едва ли могут быть характерны для изолирующих языков, таких как китайский или вьетнамский. Ср. вьетнамские сложные слова, связи между компонентами которых аналогичны связям компонентов в словосочетаниях (и так же идиоматичны, как фразеологизмы и экзоцентрические композиты во флективных и агглютинирующих языках): *quần áo* 'одежда' (букв. «брюки + куртка»), *trả lời* 'отвечать' («возвращать + слово») [Солнцев 1995: 170, 171], а также аналогичные двусложные слова (биномы) в китайском языке [Драгунов 1962]. В языках иного строя граница между композитами и фразеологизмами также может не всегда быть

четкой, ср. так называемые биномы в языке науатль: *in tlilli in tapalli* ‘книги, мудрость’ (букв. «черная краска, красная краска»), *in cozcatl in quetzalli* ‘ребенок, драгоценность’ («ожерелье, перо кецаля») [Федорова 2015: 397–398]. Соответственно, необходимо дальнейшее исследование частотности и маркированности морфемных вариантов идиом в различных языках.

Список литературы

1. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.
2. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962. 270 с.
3. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021, № 4. С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.
4. Ильенко С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция семантических единиц // Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды / Вступ. статья М.Я. Дымарского, И.М. Лёвиной. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 359–375.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
6. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. 319 с.
7. Радбиль Т.Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты. М.: Флинта, 2021. С. 10–92.
8. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.
9. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1972. С. 30–69.

10. Федорова Л.Л. Оценки и ценности в языке ацтеков // Федорова Л.Л. Свет в окошке: слово как образ. М.: РГГУ, 2022. С. 384–399.

MORPHEMIC VARIATION OF IDIOMS

© *P.S. Dronov*

Abstract. Variation of figurative units (most notably, idioms) is observed at all the tiers of language, e.g., phonetics, vocabulary, morphology, word formation, syntax, and text. This paper deals with morphemic variation in idioms. The variants in question are based on internal changes of idiom constituents, i.e., on adding or substituting morphemes. Morphemic variants are subdivided into morphological and derivational ones. The former involve substitution or addition of inflectional affixes, thus being divided into morphological proper and morphosyntactic ones. The morphosyntactic variants co-occur with syntactic transformations of idioms and are dependent on the grammar of a particular language. Derivational variants are based on substitution of original idiom constituents with their derivatives and compounds, not unlike lexical variation (primarily substitution) of idioms. The paper calls for a further study of frequency and markedness of morphemic idiom variants in different languages.

Keywords: *idioms, variation, morphemic (morphological, morphosyntactic, derivational) variants*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОТСЛЕЖИВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

© Т.В. Духовная

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языковых изменений в диахронии в интернет коммуникации. Целью работы является мониторинг лексических изменений за последние 20 лет в интернет коммуникации с помощью корпусных инструментов. Единицами анализа послужили аббревиатуры, неологизмы, кальки и фразы языка интернет общения. Основным исследовательским методом выступил корпусный анализ. Выявление изменений в употреблении языковых единиц осуществляется на материале текстов подкорпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка. С помощью статистических данных, предоставляемых корпусом, были получены результаты о вхождении анализируемых единиц в обиход интернет коммуникации, частотности функционирования единиц за определенные временные промежутки, пик широкого использования в интернет среде, тенденции к выходу из употребления языка интернет общения.

Ключевые слова: *языковой корпус, интернет коммуникация, языковые изменения, язык интернет общения, аббревиатура, неологизм.*

Динамично развивающиеся современные информационные и компьютерные технологии стали неотъемлемой частью всех сфер нашей жизни. Миллионы пользователей по всему миру развивают ресурсы глобальной сети, все больше и больше времени проводя в Интернете с целью компенсации дефицита межличностного общения, чтения новостей, развлечения, получения информации и т.д. При этом возникающие новые возможности и практики интернет коммуникации воздействуют на ментальность пользователей, изменяют способ восприятия ими окружающей действительности, особым образом структурируют пространство и время [Максимова 2010].

В процессе освоения реалий информационного общества люди приобретают новый опыт, который осмысливают и концептуализируют посредством языка. Язык способен отражать различные изменения в обществе, будь они экономического, социального, культурного или политического характера. Реакция на подобные изменения прежде всего становится заметной в языке интернет-коммуникации. Кроме того, интернет-среда значительно влияет на процесс коммуникации, расширяя возможности общения и одновременно накладывая на него определенные ограничения.

Влияние интернет-среды на коммуникацию фиксируется на всех уровнях языка: морфологическом в виде новых словообразовательных моделей, лексическом в виде появления новых слов и неологизмов, синтаксическом в виде новых конструкций, способов структурирования и организации текста, дискурсивном в виде появления новых коммуникативных стратегий и тактик и т.д. Новые словообразовательные и синтаксические модели особенно, а также новая лексика, распространяются в интернет-среде практически мгновенно. Далее разнообразные новые паттерны интернет-коммуникации начинают использовать средства массовой информации и рекламы, и они таким образом свободно проникают в общеупотребительный лексикон. Для языка, функционирующего в интернет-среде, характерно появление неологизмов для обозначения новых реалий, употребление аббревиатур, редуцированных форм, жаргонизмов, в экспрессивных целях параграфемных средств (с целью компенсации эмоционального компонента общения), нарушение орфографических, синтаксических, пунктуационных норм, конструирование высказываний по правилам разговорной речи (например, использование эллиптических конструкций) [Масликова 2019]. Данные особенности языка интернет-среды обусловлены в большинстве своем принципом экономии языковых средств и речемыслительных усилий пользователей.

Исследования происходящих в языке диахронических изменений в диапазоне от 10 до 100 лет практически невозможны при условии применения традиционных методов. Изменения зачастую оказываются незаметны при взгляде невооружённым глазом: одни слова входят в обиход, другие выходят из употребления, изменяются значения лексических единиц, изменяются грамматические характеристики и т.д. [Михайлов 2008]. Однако незначительность или мелкомасштабность подобных изменений не указывает на их несущественность, так как они могут быть частью больших тенденций изменения в языке. Благодаря разработке больших лингвистически размеченных языковых корпусов задача по проведению лингвистических мониторинговых исследований становится реальной и выполнимой. В данной работе мы предпримем попытку продемонстрировать, как можно осуществить мониторинг языковых изменений в интернет-коммуникации с помощью инструментов лингвистического корпуса.

Мы провели выборку различных единиц для анализа, в которую вошли аббревиатуры, неологизмы, кальки, фразы, характерные для интернет коммуникации, из Словаря языка интернета.ru [Кронгауз 2018]. Далее мы провели поиск данных единиц в подкорпусе социальных сетей Национального корпуса русского языка, содержащего тексты, сообщения, записи из открытых источников: ВКонтакте, Telegram, Livejournal, Liveinternet, Blogspot, с целью установления частотности их употребления в различные промежутки времени. На наш взгляд, это позволит сделать вывод о времени вхождения данных единиц в обиход интернет общения, а также о возможном выходе из широкого употребления.

Первую группу анализируемых единиц представляют аббревиатуры: *ЛОЛ*, *ИМХО*, *СПС*. *ЛОЛ* от английской аббревиатуры *LOL* (laughing out loud) служит для оценки чего-нибудь смешного, веселого или забавного. Согласно словарной статье, кириллический вариант аббревиатуры получил распространение в интернете в начале 2000-х годов. Результаты поиска показали 3160 примеров употребления данной аббревиатуры в 2977 текстах. С 2003 г. по 2012 г. мы видим единичное употребление данной единицы в речи (от 1 до 8 вхождений). Далее наблюдается стремительное увеличения использования в интернет текстах от 54 в 2012 г. до 1097 в 2021. Показатели частоты употребления аббревиатуры к количеству словоформ в текстах говорят об о резком увеличении ее употребления с 6 в 2014 г. до 107 в 2022 г.

Следующая аббревиатура *ИМХО* от английской аббревиатуры *IMHO* (in my humble opinion), которая выражает субъективность высказываемого мнения. В словарной статье мы не находим информацию о времени вхождения ее в русскоязычную интернет коммуникацию. Эти данные мы можем приблизительно установить из анализа употребления ее в текстах корпуса. Результаты поиска в корпусе показали, что аббревиатура начала употребляться в текстах, написанных в 2001 г., в количестве 20 примеров. Частота в отношении к количеству словоформ в текстах составляет 248. Пик употребления приходит на 2006 г. с частотой в 294. Далее до 2014 г. происходит резкое снижение употребления, частота достигает показателя 10, и с 2005 г. по 2022 г. частота колеблется от 25 до 54. Данные показатели свидетельствуют о выходе данной единицы из употребления в интернет общении. И третьей аббревиатурой для анали-

за выступила *СПС* (сокращение слова спасибо), означающая благодарность. Употребление данной аббревиатуры прослеживается с 2003 г. с частотой 25, которая постепенно снижается до 2 в 2014 г. Далее до 2022 г. частота не поднимается выше 11. Как и в предыдущем случае, скорее всего, мы имеем дело с постепенным процессом выхода единицы из употребления.

Далее мы проанализировали глагол *рулит*, употребляющийся обычно в 3 л. ед.ч. наст. времени в значении «быть лучше всех» (от английского *rule*). Согласно словарной статье, он вошел в употребление в 1990-х гг. Результаты поиска в корпусе дают следующую картину его употребления. Пик популярности приходится на 2001 г., когда частота употребления составляет 105. До 2013 г. наблюдается постепенное снижения использования до 11, и с 2013 г. до 2022 г. частота колеблется в диапазоне от 10 до 26. Нам кажется, что данные показатели являются демонстрацией тенденции выхода из обихода данного глагола с семантикой, функционирующей именно в интернет коммуникации. Схожую тенденцию мы наблюдаем и со существительным *баян*, которое обозначает устаревшую шутку или повторенную много раз информацию. Как правило, данное существительное используется в виде ответной реплики на сообщение. Частота употребления в 2001 г. составила 11, однако с 2005 г. по 2022 г. колеблется от 4 до 6.

Напротив, употребление кальки с английского языка *goу*, которая аналогична русскому *давай* и обозначает призыв к действию или побуждение к совместному действию (перемещению), с одинаковой частотой 3 наблюдается в промежутке между 2003 г. и 2022 г. А вот неологизм *няша* или *няшка*, обозначающее что-то или кого-то милого (обычно девушку), вошел в обиход интернет общения в 2011 г. с частотой 1 и стал широко употребительным до 2014 г. (частота 3). После частота стала снижаться и к 2022 г. составила снова 1. Приблизительно схожую картину мы видим и с выражением *тот / этот неловкий момент*, которое предваряет сообщение о неловкой ситуации, неудачном случае или забавном происшествии. Словарь сообщает, что выражение появилось в начале 2011 г., данный факт подтверждают и примеры в текстах корпуса. С 2011 г. по 2014 г. употребление увеличивалось, но потом стало снижаться и в 2022 г. частота составила 1, как и в 2011 г.

Результаты анализа показали, что при помощи корпусных данных и инструментов мы можем получить сведения об изменениях в употреблении тех или иных единиц в языке. В данном исследовании нам удалось проследить за изменениями в функционировании лексических единиц интернет языка в пределах относительно малого промежутка времени в 20 лет. Дальнейший анализ изменений языка интернет коммуникации в диахронии может быть проведен на синтаксическом уровне.

Список литературы

1. Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2010. № 3. С. 74–90.
2. Масликова О.С. Языковые особенности общения в Интернет-пространстве // Инновационная наука, 2019. № 9. С. 69–72.
3. Михайлов М.Н. Корпус текстов как инструмент лингвистического мониторинга // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Университет Хельсинки, 2008. С. 233–246.
4. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: Издательство «Словари XXI века», 2018. 288 с.

CORPUS-BASED APPROACH TO MONITOR LANGUAGE CHANGES IN INTERNET COMMUNICATION

© *T.V. Dukhovnaya*

Abstract. This article is devoted to the study of language changes in Internet communication. The aim of the paper is to monitor lexical changes over the past 20 years in Internet communication using language corpus tools. Abbreviations, neologisms, calque and Internet language phrases are analyzed. The main research method is corpus-based analysis. The identification of changes in the use of epy language units is carried out on the material of texts contained in the subcorpus of social networks of the National Corpus of the Russian language. With the help of statistical data provided by the corpus, we obtained the results on the occurrence of the analyzed units in the use of Internet communication, the frequency of functioning of the units within certain time periods, the peak of widespread use in the Internet discourse, the tendency to disappear in the language of Internet communication.

Keywords: *language corpus, Internet communication, language changes, language of Internet communication, abbreviation, neologism.*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ КАК СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

© А.Н. Ерёмин, О.О. Петрова

Аннотация. Цель исследования – описание очевидных и выявление неочевидных смыслов в структуре производных глаголов методом компонентного анализа на основе лексикографического материала (готовых толкований) и моделирования (семантической проекции развития значений). Семантическая проекция рассматривается нами как обобщенная модель семантического расширения слова по той или иной известной формуле становления значения определенной лексико-семантической группы слов. В качестве предмета исследования взяты производные глаголы с конфиксом «до...ся», которые включают в свою семантику или могут включать оценки, чаще отрицательные. Анализируется неочевидная лексическая семантика глаголов данной модели. Анализ материала показал, что значения глаголов с конфиксом «до- ... -ся» можно прогнозировать, хотя и не с абсолютной точностью. Их семантика связана как с системными отношениями в языке, так и с асистемными. Моделирование семантики слов даёт возможность предсказывать неочевидные смыслы в их структуре.

Ключевые слова: семантика; лексическая многозначность; оценка в структуре значения; семантическая проекция как основа развития значений глаголов с конфиксом «до...ся».

Многие работы Т.Б. Радбиля посвящены неочевидным на первый взгляд смыслам в разных единицах языка: словах, предложениях, тексте [см., в частности: Радбиль 2012; 2017].

Значения можно прогнозировать, хотя и не с абсолютной точностью. Наше описание – аналог моделирования, которое заключается в получении количественных и качественных результатов по имеющейся модели [о языке как моделирующей системе см.: Салмина 2011: 16–22].

Общеизвестно, что лексическая многозначность развивается обычно на основе сходства или смежности представлений, а также в опоре на формально-семантические составляющие производного слова.

Попадая в живую речь, слово втягивается другими одноструктурными словами в общие для них условия функционирования. Однако индивидуальная семантика слова может тормозить этот процесс унификации.

Среди множества вопросов современной лингвистики Анна А. Зализняк задаётся таким: «является ли язык системой «чистых значимостей»,

где значение каждого знака определяется его местом в системе оппозиций, или любое слово в каждом своём употреблении выражает тот единственный смысл, который вкладывает в него говорящий и который составляет результирующую бесконечного числа факторов (в частности, опирается на неповторимый индивидуальный опыт говорящего)» [Зализняк А. 2004: 20].

В описании полисемии автор предлагает две части: по одну сторону «нечто вроде перечня готовых толкований» – по другую сторону «нечто вроде перечня “инструкций”», т.е. операций по преобразованию смыслов... [Там же: 20].

В нашей работе использовались данные толкового словаря (перечень готовых толкований) и «семантическая проекция», которую мы понимаем как «обобщенную схему семантического развития слова (перечень инструкций)».

Также мы обращались к материалу, представленному в пособии Е.А. Нивиной [Нивина 2014].

Так, к примеру, семантическая проекция относительных прилагательных – это синтаксический дериват, который в конкретных употреблениях трансформируется в лексические дериваты: что такое *лесной*? ‘относящийся к лесу’ → *лесная* тропинка ‘проложенная в лесу’; *лесные* звуки ‘свойственные лесу’ и под. [Ерёмин, Петрова 2019: 6 и след.].

Вычленив семантическую проекцию развития значений определённой группы слов, исследователь «видит» и универсальные пути наиболее вероятного семантического расширения слова, и определённые ограничения в этом развитии.

В нашей статье рассматривается лексическая семантика глаголов с конфиксом «до- ... -ся», в том числе неочевидная при первом использовании [см. также анализ семантики этих глаголов в несколько ином плане: Сужаефф 2013: 37–42]. Анализируемые глаголы включают в свою семантику или могут включать оценки, чаще отрицательные.

Н.Ю. Шведова так определяет значение глаголов с рассматриваемым конфиксом:

ДО... приставка. 3. С постфиксом «-ся» образует глаголы со знач. доведения действия до отрицательного результата, напр., *доиграться, добегаться* [Шведова 2011: 202].

Семантическая проекция глаголов с конфликтом «до...ся» – «развитие действия лица до результата».

Конкретные значения:

1. Негативный результат: *договораться, дофыркаться, допрыгаться, допиться, доподличаться..*

Мотиватор с негативной оценкой (это могут быть прямые значения, предикатные метафоры и номинативно-оценочные метонимии).

Примеры: *Старую цену удалось сохранить, запугав производителя жуткими государственными санкциями. Договорались в Москве! Президент, похоже, недееспособен* [Д.Н. Каралис. Дневник, 1998]. [Кирилл Максимыч Зубарев (муж, старик из крупных землевладельцев)] (*потрясая письмом*) *Вот оно-с, вот оно-с, дождались, дофыркались!* [А.Н. Островский, Н.Я. Соловьев. Дикарка, 1880)]. *От пассажиров я узнал, что капитан допился до чертиков и прыгнул через борт, его спасли, однако, и теперь он лежал в белой горячке в каюте* [П.А. Кропоткин. Записки революционера, 1902]. Я воспитан этим проклятым отечеством так, что, когда вы вновь *доподличаетесь* до того, что приведете врага под Москву, я возьму этот ваш несчастный фаустпатрон... (Олег Давыдов – Кукушкины детки).

2. Только позитивный результат – не отмечен.

3. Негативный или позитивный результат: *дочитался, доплясался, dospался, додумался...* Мотиватор с нейтральной оценкой.

ДОДУМАТЬСЯ.

А. Негативный результат:

‘Совершая какое-то действие, довести его до негативного результата’.

Находчивость прямо фантастическая. Сами додумались? – Сам бы я до такой детской глупости не дошёл... [Игорь Сахновский. Человек, который знал все, 2007].

Б. Позитивный результат:

‘Совершая какое-то действие, довести его до позитивного результата’.

Как заставить тепло дымовых газов приносить пользу? Вот до чего додумались американские специалисты. Сама труба – достаточно мощная конструкция, по всей высоте вокруг неё можно навесить круговые балконы [Патентное бюро // Юный техник, 2010].

4. Утрата производительности (мотивированности).

Формально производные слова называют негативный результат: *до-стукался*.

Исходя из наших наблюдений лексикографическая фиксация глаголов с конфиксом «до...ся» со значением лица должна быть скорректирована:

Шведова 2011:

ДО..., *приставка*. 3. С постфиксом «ся» образует глаголы со знач. доведения действия до отрицательного результата, например, *доиграться, добежаться*.

Предлагаемое толкование:

ДО..., *приставка*. 3. С постфиксом «ся» образует глаголы со знач. развития действия лица до отрицательного или положительного результата. В опоре на мотиватор с негативной оценкой – результат негативный; в опоре на мотиватор с нейтральной оценкой – результат может быть как негативный, так и позитивный. При обозначении развития действия предметом конфикс «до...ся» не используется.

Ср. в связи с этим данные словаря служебных морфем русского языка Цыганенко Г.П., где отдельно рассматривается глагольная приставка «до-», а комплекс «до-...-ся» даётся как биморфема:

ДО-...-СЯ. Присоединяется к глаголам. Слова употребляются в обиходно-разговорной речи. Указывает на доведение названного действия до результата (положительного или отрицательного): *будить* – разг. *добудиться*; *добежаться*, *дозваться*, *дозвониться*, *допрыгаться*, *достучаться* [Цыганенко 1982:].

Шведова 2011:

ДОВОЕВАТЬСЯ, -воююсь, -воюешься; сов. (разг. неодобр.). Воюя, потерпеть неудачу.

И бросают, бросают старику медяки, а иные язвят: «Довоевался». Много крови, много горя... На всей Кубани и одной хаты не найдёшь, которая не была бы задета войной. Все воевали [Артем Веселый. Босая правда, 1928].

Однако в структуре этого глагола есть не только негативная оценка.

Ср.: *Той танковой армии, с которой отец дошёл до Праги. Начинал под Москвой. С дивизии народного ополчения. Довоевался до майора. Шесть боевых орденов... После войны преподавал историю. А ещё защи-*

щал права однополчан [Александр Лившиц. Отцы и дети // Известия, 2007.11.21].

Любопытно, что анализируемая семантическая проекция реализует себя и без постфикса -ся.

Шведова 2011:

ДОЖИТЬ, -иву, -ивёшь; сов. 1. до чего. Прожить до какого-н. срока, события. Д. на даче до заморозков. Д. до глубокой старости. 2. что. Пробыть остаток какого-н. срока где-н. Д. неделю в санатории. 3. что. Полностью истратить на жизнь, на свои потребности (прост.).

Как следует из словарной статьи, глагол **дожить** не включает негативной оценки.

Однако примеры их НКРЯ свидетельствуют об обратном: *Распространялся он и на женщин, причём с них его ввели уже через два месяца после бракосочетания. Как говорил один мудрец, если даже собрать девять беременных женщин, то ребёнок не родится через 30 дней. Немудрено, что это странноватое ноу-хау нашей страны внедрила у себя только Монголия. А народ отреагировал частушками: «Девушки, голубушки, до чего мы **дожили**? Которо место берегли, на то налог наложили!»* Однако это не помешало просуществовать ему вплоть до 90-х. А недавно в Госдуме о нём заговорили вновь [Агишева Гузель. Должны ли бездетные платить налог? // Труд-7, 2006.09.22].

Таким образом, производные глаголы с конфиксом «до...ся», имея общую семантическую проекцию «развитие действия лица до результата», в зависимости от негативной или нейтральной оценки мотиватора реализуют значения как с негативным, так и с позитивным результатом.

Список литературы

1. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Адъективная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и модели реализации): учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 100 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
3. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания. – Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45.

4. Нивина Е.А. Изучаем возвратные глаголы: учебное пособие для студентов-иностранцев. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2014. 92 с.
5. Радби́ль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издат. дом ЯСК, 2017. 592 с.
6. Радби́ль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
7. Салмина Л.М. Язык как моделирующая система // Ученые записки казанского университета Том 153, кн. 6. Гуманитарные науки, 2011. С. 16–22.
8. Су́жаефф Н.А. Словообразовательный тип на до-...-ся с отрицательно-результативным значением в современном русском языке / Н.А. Су́жаефф // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича (1838–1923): материалы международного научного семинара, 19–20 сентября 2013 года, г. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. С. 37–42.
9. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М.: Цитадель, 1998.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.
11. Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. К.: Рад. школа, 1982. 240 с.

SEMANTIC PROJECTION AS A SYSTEM FACTOR DEVELOPMENT OF POLYSEMY

© *A.N. Eremin, O.O. Petrova*

Abstract. The purpose of the study is to describe obvious and identify non-obvious meanings in the structure of derived verbs by the method of component analysis based on lexicographic material (ready-made interpretations) and modeling (semantic projection of the development of meanings). Semantic projection is considered by us as a generalized model of semantic expansion of a word according to one or another well-known formula for the formation of the meaning of a certain lexico-semantic group of words. The subject of the study is derived verbs with the confix "до...ся", which include in their semantics or may include ratings, more often negative. The non-obvious lexical semantics of verbs of this model is analyzed. Conclusions: the analysis of the material showed that the meanings of verbs with the "до...ся" can be predicted, although not with absolute accuracy. Their semantics are connected both with system

relations in the language and with asystemic ones. Modeling the semantics of words makes it possible to confix non-obvious meanings in their structure.

Keywords: *semantics; lexical ambiguity; evaluation in the structure of meaning; semantic projection as the basis for the development of the meanings of verbs with the confix "до...ся".*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЛИННИКА И ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

© С.Б. Жулидов, М.В. Золотова

Аннотация. Рассматриваются различные виды культурно-прагматической адаптации, используемой для пояснения читателям перевода неизвестных или не вполне понятных им специфичных иноязычных реалий, не имеющих прямых аналогов в культурной среде. На материале трёх современных английских и американских романов, переведённых на русский язык, анализируются как особые национальные черты – реалии, фразеологизмы и образные выражения под углом зрения их неверной адаптации, искажающей не только их, но синергетически и оригинал в целом. Методика исследования – сопоставительный лингвистический анализ языковых и речевых единиц (от слов до предложений), отобранных методом сплошной выборки. Цель работы – определить и обосновать допущенную ошибочную или недостаточную прагматическую адаптацию реалий, а также же её полное отсутствие. Классификация типичных примеров, разграниченных по четырём классам, может помочь переводчикам, редакторам и преподавателям теории и практики перевода избегать подобных упущений в своей деятельности.

Ключевые слова: перевод, адаптация, реалья, соответствие, адекватный, культурологический.

В процессе перевода, первостепенное внимание уделяется, как правило, лингвистическим расхождениям между исходным языком (ИЯ) и языком перевода (ПЯ), а также поиску максимально точно подобранных словарных эквивалентов и контекстуальных соответствий, оптимальных для создания текста перевода (ТП), аналогичного исходному (ИТ) и закономерностям их применения. Не менее важным, однако, является и культурологическое соответствие лексических единиц ИЯ и ПЯ, поскольку языковая эквивалентность немыслима без понятийной эквивалентности культурных представлений [Верещагин, Костомаров 2005: 41]. «Особенности культуры закреплены в языке в виде национально-специфических единиц (реалий и др.), входят в значения языковых единиц в виде разноплановых коннотаций и влияют на их употребление» [Тимко 2007: 39]. Стало быть, любой перевод, и в особенности – художественный, «пред-

ставляет собой и своеобразный контакт одной культуры с другой» [Комиссаров 2011: 127].

Отсюда следует, что для получения адекватного переводного текста (ПТ) необходимы ещё и культурологические, страноведческие и иные фоновые знания национальных особенностей страны ИЯ – свойственных только ей реалий, а также некоторых чисто языковых аспектов, например, фразеологических единиц, внутренняя форма которых, будучи буквально или ошибочно переданной, остаётся не понятой носителями ПЯ. Для отображения в ПТ всех этих факторов требуется культурно-прагматическая адаптация, рассчитанная на «усреднённого реципиента» [Комиссаров 2011: 115], ввиду вероятного отсутствия у него знаний, необходимых для понимания особых явлений страны ИЯ, не имеющих прямых или схожих эквивалентов в культуре страны ПЯ.

Учитывая это, переводчику приходится вносить в ПТ изменения или дополнения, чтобы «найти не просто смысловые эквиваленты, т.е. единицы, пусть и верно обозначающие данные явления действительности, а такие *функциональные* соответствия им, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает у тех, кто читает его в подлиннике» [Швейцер 1988: 242].

Основываясь на этом, под культурно-прагматической адаптацией, мы будем понимать введение в ПТ «определённых поправок на социально-культурные, лингвистические, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текстов» [Швейцер 1988: 243], необходимых для сохранения и воссоздания в ПТ не только смыслового, но и функционального культурологического содержания исходного текста (ИТ).

I. РЕАЛИИ, НЕ ВОССОЗДАНЫЕ В ПТ

1. The place had been abandoned in a hurry, **like the Mary Celeste**. A coffee mug and paperwork lay on the desk [8, p.46].

Казалось, люди покидали это место в спешке. На столе стояла кофейная чашка и бумаги [8, с. 89].

Своё незнание этой американской реалии переводчица решила вообще не передавать. А ведь, будь она чуть добросовестнее, то могла бы и сохранить её, кратко приведя в сноске такие сведения: «Мария Целеста

(Мария Небесная)» – парусник-бригантина, покинутый экипажем по непонятной причине и обнаруженный в декабре 1872 года в 400 милях от Гибралтара без всяких следов команды. Подобно «Летучему Голландцу» (The Flying Dutchman), долго считалась кораблём-призраком. Эта находка породила массу до сих пор не подтверждённых предположений и версий.

Как известно, обозначения Miss или Mrs. указывают на матримониальный статус женщины, которая не всегда желает раскрывать его. «Не желая этого, Лайла тоже настаивала на нейтральном Ms, что осталось никак не переданным:

2. She rose [...]. “ Ms. Emerson. Did you remember something else?” [8, p. 23].		Файн поднялась. – Мисс Эмерсон! Вспомнили что-то еще? [8, с. 34].
--	--	--

Поскольку ситуация общения строго официальная, сотрудница полиции соблюдая такт обращения, использует названное Лайлой ранее Ms. Поэтому здесь надо было бы передать его столь же нейтральным *госпожа*» [Жулидов, Золотова, Иванов 2022: 437].

3. After that I went to the Turkish Baths in Jermyn Street [9, p. 32].		После кино я отправился в турецкие бани [9, с. 141].
---	--	--

Не зная этой реалии и не потрудившись отыскать её в справочнике, переводчица отважилась на радикальное решение – махнув на улицу рукой, она вообще не передала её в ПТ.

II. ОШИБОЧНО ВОССОЗДАННЫЕ РЕАЛИИ

Другая переводчица, точно так же «споткнувшаяся» на этой реалии, ошибочно передала её так: «После этого испытания я отправился в турецкие бани на **Джереми-стрит**». [6, с. 250].

Никакой Jeremy Street в Лондоне нет. Но есть известная своими магазинами дорогой мужской одежды Джермин-стрит, идущая параллельно Пикадилли, а затем переходящая в неё.

4. He switched to the voice of a WWE announcer [8, p. 142].		[...] пародируя голос и манеру ведущего боксёрских поединков [8, с. 259].
--	--	--

Ни малейшего отношения к благородному боксу американская глобальная медиа- и развлекательная компания World Wrestling Entertainment (WWE) не имеет. Правильно: «ведущего рестлинг-поединки».

III. ВВЕДЕНИЕ РЕАЛИЙ СТРАНЫ ПЯ

Рассмотрим примеры того, как реалия страны ИЯ не просто не воссоздаётся, а подменяется другой реальией, но уже страны ПЯ, создавая тем самым неправдоподобную, граничащую с гротеском ситуацию, то есть, «конфликт культур» [4, с. 14]:

5. “You’re just so flat, I don’t know what side I’m looking at – front or back.” They went on and on like that.” It was awful.

“Ha-ha,” I said. “**Coming or going, that’s me – flat.**” [11, p. 9].

– Просто ты такая плоская, что я и разобрать не могу, какая сторона передо мной – задняя или передняя.

Они все время отпускали такие реплики. Это было ужасно. – Ха-ха, – отозвалась я. – **И никто не разберёт, где тут зад, а где перед**, да? [11, с. 30].

Ср.: Хвост, мордашку, лапки-ручки / Спрятал ёжик под колючки./ И никто не разберёт, / Где же зад, а где перед. (И. Клюев. «Ёжик»).

В выборе данного соответствия нет, что называется, ни складу, ни ладу. Во-первых, события, описываемые в романе, происходят в 1964 году, когда автор этого детского стишка наш современник, блогер Иван Клюев ещё не появился на свет. Налицо явное несоблюдение исторической дистанции. Во-вторых, это выражение – ни что иное, как косвенная отсылка к рассказу А.П. Чехова «Пересолил»: «– Чёрт знает, какая у тебя телега! – поморщился землемер, влезая в телегу. – Не разберёшь, где у неё зад, где перед». Поэтому, конечно же, столь явный и легко узнаваемый двойной русизм здесь никак не оправдан. Аналогичный случай:

6. “[...] then I went round the bookies, like, and put ten **bob** on Bloggs.” [9, p.107].

– А после я пошёл и поставил десять **целковых** на Блогса [9, с. 311].

Целковый (серебряный рубль) – реалия только российская, к тому же абсолютно устаревшая, возникшая ещё в начале XIX века. Вкладывать это слово в уста англичанина нелепо. Ср. передачу этой британской реалии в другом переводе – верную по смыслу, но не по стилистической

окраске из-за утраты яркой выразительности просторечного bob: «– [...] потом я пошёл поискать букмекеров, поставить десять **шиллингов** на Блога [6, с.121].». Ср.: bob (*plural bob*) – *British informal old-fashioned a shilling in the old British money system* [10]. Предлагаемое нами контекстуальное соответствие: «десять монет».

Совершенно другая, но столь же необоснованно привнесённая российская реалья:

7. “Like a method actor?” “Yeah, just like a method actor.” [8, p.122].	– Как актёр по системе Станиславского? – Да, именно [8, с. 223].
---	--

В подлиннике о режиссёрах не говорится ровным счётом ничего. К чему было приписывать сержанту полиции знакомство с этой системой – непонятно. Как и то, зачем тут потребовалось притягивать за уши именно К. С. Станиславского. В такую переводческую «придумку» попросту «Не верится!». В США гораздо более признана система долго жившего и творившего в этой стране театрального режиссёра и педагога Михаила Чехова (племянника А.П. Чехова), автора известной книги «О технике актёра».

В заключение этого раздела приведём два примера с общей сноской:

8. I found myself on a street called Moody [11, p. 29].	Я оказалась на улице Угрюм-стрит ¹ . Сноска: ¹ В оригинале – Moody street [11, с. 88].
9. Moody Street was perfectly pleasant and festive. [11, p. 30].	Угрюм-стрит была праздничной и красивой. [11, с. 92].

Во-первых, непонятно, зачем и для кого именно эта сноска дана. Ведь читателей ПТ, владеющих английским языком, явное меньшинство. Во-вторых, такая адаптация реалии Moody Street просто неудачна, ибо «Угрюм» – русизм, абсолютно не к месту ассоциирующийся у читателей с романом В. Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933), а также одноимённым фильмом (1968) и телесериалами (2008 и 2020). В действительности же такой реки не существует, а это название автор ввёл взамен Нижней Тунгуски. А как быть ещё и с Угрюм-Бурчеевым, градоначальником города Глупова в сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина? Но уж если переводчица почему-то и сочла вариант транслитерированного «Moody» неблагозвуч-

ным, то вполне можно было прибегнуть к калькированию. Например, такому: «улица Грусти (Печали)». Ср. пушкинское «мне грустно и легко; печаль моя светла...». И также сохранившееся давнишнее (с Екатерининских времён), но и сейчас ещё вполне топонимически приемлемое название парка культуры и отдыха в Киеве «Кинь–Грусть».

Интересно отметить в этой связи, что фамилия американского психолога, автора нашедшего мирового бестселлера «Жизнь после жизни» R. Moody в разных российских изданиях элементарно транслитерировалась, причём двояко: Р. Моуди и Р. Муди. Почему же вместо явной культурологической, да и стилистической безвкусицы «Угрюм-стрит» нельзя было остановиться на вполне пристойном Моуди-стрит? Здесь же, увы, всё вышло чуть ли не по А.С. Грибоедову: «смешенье языков – *английско-го* с нижегородским».

IV. ПЕРЕДАЧА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

10. [...] page after page of shorthand, but without Clarke it was no use to them. [...] “**Looks like Greek to me,**” Mendoza said at his shoulder. “Does it mean anything to you?”
“Unfortunately no.” [8, p.110].

Страница за страницей была исписана стенограммами, но без Кларка их было не разобрать. [...] – **Похоже на греческий**, – предположила Мендоза. – Ты что-нибудь можешь понять из этого? – К сожалению, нет [8, с. 201].

Ничего общего с греческим языком данный фразеологизм не имеет. Ср.: It's (all) Greek to me – *spoken* used for saying that you do not understand smth. [10]. Предлагаемый вариант: «для меня это – китайская грамота», «какие-то каракули».

11. If I did that, anyone would be able to see the darkened stains of sweat beneath my arms. **Heaven forbid** [8, p. 14].

[...] а если б я это сделала, все увидели бы тёмные пятна пота у меня под мышками. **Небеса запретны** [8, с. 43].

Читатель станет просто недоумевать: 1) при чём тут какие-то заоблачные небеса? 2) почему они кому-то вдруг запрещены? 3) как они связаны с потными подмышками? Чтобы упредить столь нелёгкие для себя вопросы, переводчице следовало лишь вообразить себя на месте Эйлин или же... просто открыть словарь. Ср.: God/Heaven forbid – *spoken* used for

emphasizing that you hope something will not happen. E.g.: What would we do if, God forbid, that happened to one of our kids [10]. Единственно подходящие тут соответствия: «Не дай бог», «Боже упаси» и т.п.

12. “Believe me, I’ve got better things to do with my time than this. **Read my lips**: I am not going to Hartwood.” [5, p. 24].

– Поверь, мне есть, чем заняться.
Читай по губам: я в Хартвуд не еду [5, с. 50].

У женщины не было никакого резона велеть мужчине распознавать эти слова ещё и по движениям её губ, ибо, сердитая, она говорила громко и внятно.

Ср.: read/watch my lips – *spoken* used for telling someone to listen very carefully to what you say. E.g.: Joe, read my lips – go to bed now [10]. Предлагаемые нами варианты: «учти это», «заруби себе на носу», «намотай на ус» и т.п.

Несколько особняком от предыдущих стоит такой пример:

13. [...] he was still sitting on the kerb staring along the street, his **ass** going numb from the cold concrete [8, p. 61].

[...] он ещё сидел на бетонном бордюре и смотрел вдаль. **Пятая точка** к этому времени уже онемела от холода [8, с. 117].

Это идиоматическое обозначение данной части тела – особенность чисто русская, не характерная для других языков. Приписывать это выражение иностранцу совершенно неуместно. Тут вполне можно было ограничиться эквивалентом «зад» или менее допустимым (с оговорками) «задница».

Проведённый нами анализ позволяет прийти к выводу, что при переводе данных произведений культурно-прагматическая адаптация применялась весьма часто, однако совершенно бессистемно, нередко ошибочно, а иногда и попросту неоправданно, что почти во всех случаях влекло за собой искажение значения реалий, приводимых в ИТ, образуя в результате резкий межкультурный диссонанс или конфликт культур.

И всё же, выделив четыре использованных во всех рассмотренных переводах вида прагматической адаптации и учитывая некоторое неизбежное культурологическое отличие любого подлинника от его перевода, мы

можем обоснованно утверждать, что тщательно выверенное и адекватное воссоздание в ПТ национальных особенностей страны ИЯ само по себе не только совершенно необходимо, но и вполне реально осуществимо. В своих комментариях мы старались продемонстрировать это с помощью предложенных нами собственных вариантов контекстуальных соответствий.

Материалы статьи могут представить практический интерес для вузовских преподавателей теории и практики перевода, английской лексикологии и стилистики, а также переводчиков художественной прозы.

Список литературы

1. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 274 с.
2. Жулидов С.Б., Золотова М.В., Иванов С.С. Отображение художественного образа героя и его авторской характеристики в переводе (на материале американской прозы) // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 424–441.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2011. 410 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
5. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе. 2-е изд., доп. Курс: КурсГУ, 2007. 154 с.
6. Френсис Д. Фаворит. Кураж: Романы. Перевод с английского С. Болотина, Т. Сикорской, Е. Кривицкой. М.: Радуга, 1991. 398 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 234 с.
8. Carol, James. Prey. New York, Kindle Edition. 2015. 384 p. – Кэрол Дж. Хищница. Перевод с английского С. Хатуевой. М.: Издательство АСТ, 2022. 352 с.
9. Francis, Dick. Nerve. London, Sydney: Pan Books Ltd. 1983. 219 p. – Френсис Д. Нерв: Роман. Перевод с английского Деляры Прошуниной. М.: Изд-во «Новости», 1991. 352 с.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Bloomsbury Publishers Plc, 2002. 1964 p.

11. Moshfegh O. Eileen. London: Penguin Random House, 2015. 230 p. – Мошфег О. Эйлин. Перевод с английского М. В. Смирновой. М.: Изд. «Э», 2017. 286 с.

**THE ORIGINAL'S LINGVO-CULTURAL FEATURES
AND ADEQUATE TRANSLATION PROBLEMS
(exemplified with contemporary English-written fiction)**

© *S.B. Zhulidov, M.V. Zolotova*

Abstract. Variety of cultural and pragmatic adaptation means aimed at explaining completely unknown or not quite understandable specific realities to the readers of the translated text having no direct analogues in their cultural surrounding is dealt with. The authors analyze the factual material borrowed from three British and American contemporary novels translated into Russian including such specific national features as realities, idioms, and expressive collocations from the viewpoint of their erroneous adaptation distorting not only them, but, taken synergetically, also the original as a whole. The research methodology is based on the linguistic comparison of the language and speech units (from words to sentences) chosen by means of overall selection. The paper is aimed at finding and justifying the erroneous or insufficient pragmatic adaptation of realities as well as its total lack. The pattern of typical examples classified into four classes may help translators, editors, and lecturers of the theory and practice of translation to avoid such neglects in their professional activities.

Keywords: *translation, adaptation, realia, correspondence, adequate, cultural.*

ЛАТИНИЦА В ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

© В.Е. Замальдинов

Аннотация. В статье рассматриваются наименования с иноязычными компонентами в ономастическом пространстве городов Приволжского федерального округа. Материал работы – эргонимы, выделенные путём сплошной выборки из специальных источников («Афиша», «2ГИС», «TripAdvisor» и др.). В исследовании используются следующие методы и приёмы: приём сплошной выборки, общенаучные методы (наблюдение, обобщение и др.), лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ. Выделяются нетранслитерированные лексические единицы. Отмечается, что подобные номинации могут выполнять информативную функцию. Описываются названия со смешанным графическим оформлением. Данные эргонимы достаточно часто являются лишь средством привлечения внимания потребителей. Выявляются русские слова, написанные с помощью латиницы. Как правило, подобные наименования не сообщают адресату никакой информации о характере деятельности заведения. Устанавливается, что в ономастическом пространстве городов востребован амперсанд. Данный типографический знак соединяет не только иноязычные, но и русские слова.

Ключевые слова: латиница, эргоним, Приволжский федеральный округ, полиграфиксаты, ономастика.

Общий ономастический портрет города создают рекламные имена. Их разновидностью являются эргонимы – названия фирмы, предприятия, организации. Данный вид онима должен отражать концепцию заведения, быть благозвучным, креативным, кратким, вызывать положительные ассоциации у горожан.

Борьба за потенциального клиента приводит к тому, что в ономастическом пространстве современного российского города владельцы заведений активно используют латиницу в эргонимах. Это можно объяснить процессами глобализации, большой популярностью английского языка в мире, распространением информационных технологий, модой на всё иностранное. Т.Б. Радбиль справедливо отмечает, что «любой язык во все времена был, есть и будет зоной напряжённого культурного взаимодействия “своего” и “чужого”» [Радбиль 2021: 46].

Цель исследования – выявить и проанализировать эргонимы с иноязычными компонентами в городах Приволжского федерального округа.

Изучению ономастических единиц посвящено множество работ, включая исследования З.М. Дударевой [Дударева 2022], Т.В. Федотовой

[Федотова 2022], Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 2019], В.Е. Замальдинова [Замальдинов 2021, 2022], Р.В. Разумова [Разумов 2023] и др.

Распространены в ономастическом пространстве городов Приволжского федерального округа иноязычные эргонимы, представленные в латинской графике (нетранслитерированные лексические единицы). Приведём примеры: Бутик пива *Beer Feast* («Пивной фестиваль»), паб *CRAZY CRAFT* («Безумное ремесло»), рестомакет *KITCHEN* («Кухня»), салон цветов *Emotions* («Эмоции»), студия загара *SUNRISE* («Восход солнца») в Уфе; магазин пива *BEER HOUSE* («Пивная»), салон красоты *NEW STYLE* («Новый стиль»), фирменный магазин *Beer Time* («Время пива») в Кирове; бар *The Fox* («Лиса») в Йошкар-Оле; детская студия красоты *BABY TIME* («Детское время»), парикмахерская *BEAUTY HOUSE* («Дом красоты»), солярий *My SUN* («Моё солнце»), студия ногтевого сервиса *HONEY NAILS* («Медовые ногти») в Саранске; магазин цветов *QUEEN Flowers* («Королева цветов»), парикмахерская *White Clouds* («Белые облака»), ресторан *DARK SIDE* («Тёмная сторона»), салон красоты *FAMILY* («Семья») в Нижнем Новгороде; салон красоты *GOLDEN HANDS* («Золотые руки») в Оренбурге; салон красоты *BLACK MOON* («Чёрная луна») в Пензе; кафе *happy* («Счастливый»), кафе *The Friends* («Друзья»), кафе *True Speech* («Истинная речь»), кофейня *Good News* («Хорошие новости») в Перми; стоматологическая клиника *Luxury Smile* («Шикарная улыбка»), студия красоты *Queen* («Королева») в Самаре; ресторан *SKY GARDEN* («Небесный сад»), стоматологическая клиника *Perfect smile* («Идеальная улыбка») в Саратове; кофейня *Green Dog* («Зелёная собака»), ресторан *New Kitchen* («Новая кухня») в Казани; бар *BREW MASTER* («Мастер приготовления»), барбершоп *GOLDEN* («Золотой»), магазин цветов *WITH LOVE* («С любовью»), парикмахерская *BIG BRO* («Большой брат») в Ижевске; кофейня *Coffee Bean* («Кофейные зёрна»), салон цветов *RED Rose* («Красная роза») в Ульяновске. Как правило, имядатели отдают предпочтение эргонимам на английском языке. Однако в ономастическом пространстве городов Приволжского федерального округа встречаются названия и на итальянском, французском и испанском языках: ресторан *TUTTO BENE* («Всё хорошо») в Уфе, пиццерия *BOCCONCINO* («Лакомый кусочек») в Нижнем Новгороде, салон красоты *A la vie* («За жизнь») в Оренбурге, салон красоты *el Dia de Sol* («Солнечный день») в Перми.

Эргонимы с сохранением первоначального графического облика могут выполнять информативную функцию. Это связано с тем, что довольно часто подобные номинации указывают, например, на тип кухни.

В эргонимическом пространстве городов Приволжского федерального округа продуктивны названия со смешанным графическим оформлением (полиграфиксаты). Проиллюстрируем сказанное: кафе *Rolluki*, мужской клуб *Зажигалка*, ресторан *The Borщ*, салон красоты *ЦВЕТЫ* в Уфе; кафе *БуFет* в Йошкар-Оле; банкетный зал *АЛЯСКА*, банкетный зал *ВОЗДУХ*, ресторан *ЗЕЛЁНАЯ ГОРЧИЦА* в Оренбурге; кондитерская *KaРамель*, студия красоты *ЛиZa* в Пензе; ногтевая студия *ПИЛКИ* в Перми; калья-бар *ТЯГА* в Саратове; бар *МёD* в Казани. Данные эргонимы являются лишь средством привлечения внимания потенциальных клиентов, то есть выполняют аттрактивную функцию. Кроме того, подобные полиграфиксаты довольно часто вызывают негативную реакцию у горожан, так как иноязычные элементы разрушают орфографический облик русского слова и не приводят к изменению смысла эргонима. Однако латиница может использоваться в названиях и для создания полисемантической: ресторан *ВАРАШЕК* в Йошкар-Оле; мастерская массажа *PROMНЁМ* в Саранске; салон красоты *БИГУДИНИ*, спа-салон *иSPания*, суши-бар *ЯПОШНИК* в Нижнем Новгороде; магазин пива *ZaПИБ.com* в Оренбурге; салон красоты *СтриGOOD* и красят в Ижевске. В ономастическом пространстве городов Приволжского федерального округа популярны эргонимы с элементом *beer* ('пиво'): пивной ресторан *BEEROKПАТИЯ* в Нижнем Новгороде; магазин пива *гуBEERния*, сеть магазинов пенных напитков *BEERжа* в Самаре; магазин пива *ПроBEERка* в Ижевске. Компонент *BEER* делает эргоним запоминающимся, участвует в создании комического эффекта.

Зафиксирована в ономастическом ландшафте городов Приволжского федерального округа транслитерация – передача русского слова или усвоенного заимствования с помощью иноязычной графики. Приведём примеры: бар *SELEDKA*, кафе *PAVLIN*, ресторан *VOZDYH* в Уфе; вейп-шоп *VDOX*, салон красоты *KISLOROD* в Кирове; кафе *MOLOKO*, студия красоты *PUDRA* в Нижнем Новгороде; ногтевая студия *YEZHEVIKA* в Оренбурге; салон красоты *VMESTE*, студия красоты *Solnce* в Пензе. Достаточно часто подобные наименования не сообщают потенциальному клиенту никакой информации о характере деятельности заведения.

Востребован в городах Приволжского федерального округа такой иноязычный типографический знак, как амперсанд (&). Это логограмма, заменяющая союз *и*. Приведём иллюстрации: кафе *Grill & free LAVASH*, кафе *Plov & House* в Саранске; салон красоты *Girls & Boys*, салон красоты *COSMO & ESTETIC* в Нижнем Новгороде; кафе *BlackBull & Bar*, спа-салон *Studio Epil & SPA* в Оренбурге; салон красоты *Black & White*, спа-салон *SPA & Beauty* в Пензе. В подобных примерах данный символ сокращает длину эргонима. Необходимо отметить, что амперсанд может соединять не только иноязычные, но и русские слова: кафе *Pena & Mёд* в Кирове, ресторан *КА-БАН & БРЮКВА* в Саранске. В русских текстах логограмма служит лишь для привлечения внимания потребителей. Реже встречаются случаи, когда амперсанд соединяет иноязычное слово и русскую лексему: салон красоты *BEAUTY BAR & ШКОЛА КРАСОТЫ* в Пензе.

Подводя итог, отметим, что латиница широко представлена в ономастическом пространстве городов Приволжского федерального округа. Иноязычные элементы проявляются следующим образом: нетранслитерированные номинации, смешанное графическое оформление наименований, транслитерация русского слова, иностранные типографические знаки. Уместное использование имядателей латиницы в ономастическом пространстве города привлекает внимание потенциальных клиентов, выделяет заведение из ряда подобных.

Список литературы

1. Дударева З.М. Прецедентное имя как эргоним // Казанская наука. 2022. № 4. С. 80–83.
2. Замальдинов В.Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т.7. № 2. С. 35–43.
3. Замальдинов В.Е. Трапезонимы Приволжского федерального округа: структурно-грамматическая характеристика // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4(43). С. 458–461.
4. Радбиль Т.Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография.

Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2021. С. 10–92.

5. Разумов Р.В. Урбанонимическая система полилингвального города // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2(33). С. 119–126.

6. Федотова Т.В. Репрезентация концепта «пространство» в эргонимическом пространстве Кубани // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 42–49.

7. Шмелева Т.В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т.6. № 1. С. 51–66.

LATIN ALPHABET IN THE ERGONOMIC SYSTEM OF CITIES OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

© **V.E. Zamaldinov**

Abstract. The article discusses the names with foreign-language components in the onomastic space of the cities of the Volga Federal District. The material of the work is ergonyms selected by continuous sampling from special sources («Afisha», «2GIS», «TripAdvisor», etc.). The following methods and techniques are used in the study: continuous sampling, general scientific methods (observation, generalization, etc.), lexico-semantic analysis, contextual analysis. Untranslated lexical units are distinguished. It is noted that such nominations can perform an informative function. Names with mixed graphic design are described. These ergonyms are often only a means of attracting the attention of consumers. Russian words written with the Latin alphabet are revealed. As a rule, such names do not inform the addressee of any information about the nature of the institution's activities. It is established that the ampersand is in demand in the onomastic space of cities. This typographic sign connects not only foreign, but also Russian words.

Keywords: *Latin alphabet, ergonym, Volga Federal District, polygrafixes, onomastics.*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В СПОРТИВНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

© О. Захра

Аннотация. В рецензируемой статье анализируется спортивный дискурс и его особенности в формате онлайн-СМИ. На основе критического дискурс-анализа выявляются лингвистические и стилистические особенности применительно к когнитивным моделям экспликации значимого события в сфере спорта, что вносит существенный вклад в концепцию коллективной социальной релевантности. Роль социального контекста для создания номена в метафорической форме рассматривается в дополнение к экономическим явлениям, глобализации и интернационализации и тому, как они повлияли на стратегию тактическое варьирование в институциональном медийном спортивном дискурсе. В рамках описания ключевых признаков номинации в спортивном дискурсе была произведена классификация сфер-источников именования команд, а также рассмотрены механизмы пассивизации и другие явления.

Ключевые слова: институциональный онлайн дискурс, спортивный дискурс, метафоризация, номинация, эмотивизация, пассивация.

Каждый день мы можем наблюдать все большее разнообразие взаимосвязей, возникающих в результате диверсификации отраслей знаний. Они взаимосвязаны и формируют конкретные области знаний в результате интерпретации и описания в тексте взаимодействия человека с объективной реальностью. Исходя из этого, в настоящей статье предлагается рассмотрение интердискурсивного признака, как важной особенности специализированных дискурсов, в особенности дискурса спортивных новостей, а также анализ специфических моделей метафоризации для именования спортивных феноменов и событий.

Многие ученые разделяли схожую мысль об онлайн-письме и уделяли большое внимание важной характеристике онлайн-дискурса, утверждая, что онлайн-письмо – это «написание того, что ... читается так, как будто это произносится вслух» [Davis 1997], отмечая при этом, что данный признак может быть одной из критериальных характеристик новостных репортажей в онлайн-СМИ. Таким образом, роль социального контекста не может быть преувеличена в случае интерпретации новостей, публикуемых онлайн. Этот подход также, по-видимому, согласуется с представлением о том, что «дискурсы <...> являются неотъемлемыми частями коммуникативных актов в определенной социокультурной ситуации» [Дейк

1983]. Кроме того, для «понимания» может быть использована специальная ветвь дискурсивного анализа, социально сконструированный, детальный анализ культуры, идентичности и опыта всех контркоммуникантов [Peterliecean 2020: 155-156].

Спорт играет ключевую идеологическую роль и оказывает сильное культурное влияние во многих странах. Глобализационные и глокализационные аспекты оказывают огромное влияние на формы экспликации событий в мире спорта и конситуативное дискурсопорождение. Передача информации, запись событий в прямом эфире во время просмотра и обмен концепциями осуществляется в области спорта как неотъемлемой части формирования глобального информационно-знаниевого континуума [Бредихин 2021]. Концентрация на переходе от национальных аспектов к более широким интерпретационным пространствам и интернационализация во всех формах информационных потоков заметны и подтверждены множеством доказательств [Peterliecean 2020: 157].

Главной **целью** нашего исследования является описание лингвостилистических особенностей спортивного интернет-дискурса и попытка рассмотреть специфику метафорических моделей номинирования спортивных феноменов в корреляции с общим социально-культурным контекстом как основой широких потенций в трансляции описываемых событий спортивной жизни.

В современных исследованиях спортивный дискурс имеет более широкое значение, чем «язык спорта» или «спортивная лингвистика». Он выходит за рамки внутренней лингвистики и описания языковых систем, включая в сферу рассмотрения обычаи, традиции в вербальном опредмечивании объективной и рефлексивной реальности, а также тех или иных приемов стратегемно-тактического варьирования [Caldwell, Walsh, Vine, Jureidini 2017: 19].

Что касается метафор и их включения в ситуации вторичного номинирования в спортивном дискурсе, то очевидна тенденция к использованию определенных моделей интенсификации событий. В современных исследованиях предлагается использовать трехуровневую модель метафоризации, которая включает: код, ментальный лексикон и коммуникативно-прагматический план, с помощью которых становится возможным распредмечивание номинантов и понимание структур, в которых эти понятия

могут быть конвенционализированы [Steen 2008]. Сложные и имплицитно внедренные в общую канву единого тематико-детерминированного дискурса объекты описания оказываются более понятными в формальном представлении их в виде метафор, которые оказываются жестко привязанными к культурным стереотипам [Kövecses 2010].

Определенные ситуации опредмечивания ситуативных смыслов, такие как оценки спортсменов, профессиональных футболистов и команд, часто репрезентируются в онлайн-СМИ в полярных номенах, как базовых вербализаторах оппозиционных отношений, являющихся основой спортивной конкуренции. Можно выделить различные типы спортивного дискурса, а также то, как они соотносятся с международными и локальными событиями. Они формируются в постоянной конвергенции с другими дискурсами в определенных контекстах и ситуациях. Например, политический и спортивный дискурсы в арабском сегменте онлайн коммуникации имеют зачастую людическую форму метафоризации. Таким образом, в зависимости от традиций и культурных норм онлайн-новости модифицируются, чтобы соответствовать базовому принципу релевантности информации и формы её подачи.

Лексические, морфологические, тактические и др. альтернации демонстрируют как сходства, так и существенные различия с печатными новостями. Цели авторов и редакторов могут быть одинаковыми, а аудитория будет представлена иными социальными группами, что и обуславливает системные отклонения от основных способов метафорического номинирования. Ключевым в данном случае при описании событий является возможность интенциональной амфиболии и аморфности сферисточников [Бредихин 2015]. Одним из главных механизмов арабоязычного сегмента онлайн коммуникации в области спорта представляется пассивизация объекта в метафорической вербализации.

Язык заголовков предполагает использование авторами специфических описательных прилагательных, например, *жесткий* (*tough* – صعب), *жуткий* (*eerie* – مخيف), *сверхъестественный* (*unearthly* – خارق للطبيعة), *непростительный* (*unforgivable* – لا يغتفر), *неподвижный* (*stationary* – ثابت), которые актуализируют семантику пассивности как одного из условий распредмечивания фатализации результата спортивных соревнований.

Использование антонимов в одном и том же заголовке также представляет большой интерес в рамках пассивизации метафорического номена, например, *полный* (full – ممتلى) или *пустой* (empty – فارغ).

Использование терминов с негативной коннотацией также прослеживается в заголовках. Однако они в большей степени связаны с ограничениями и запретами, связанными, например, с наступлением кризиса (*hiatus, it's like a horror movie* – إنها مثل فيلم رعب).

Метафоризацию прецедентного феномена [Марченко, Бредихин, Лепилкина 2023] также можно наблюдать в случае описания ухода из большого спорта, причем даже клишированное традиционное «объявляет о выходе на пенсию» оставляет место для субъективных интерпретаций читателей.

Пословица «Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага» (*A journey of a thousand miles begins with one step* – رحلة الألف ميل تبدأ بخطوة واحدة) может подвергаться компонентной трансформации в рамках адаптации к вертикальному контексту события и с учетом лингвокультурологической детерминации, например «семь тысяч миль», «двенадцать ярдов и один маленький шаг». Однако чтобы понять актуальный смысл высказывания, необходимо обладать существенными познаниями в истории австралийского футбола. В данном случае интенсифицируется сходная ситуация, когда игрок был пенальти, который он должен был забить в ворота Уругвая в 2006 году, чтобы его команда прошла отбор на чемпионат мира. В данном случае имплицитно обертываются темпоральности события, т.е. единомоментность решения судьбы команды. Кроме того, при ассоциировании прецедентного события с событием описания происходит пассивизация его результата, т.е. зная результат 2006 года можно прогнозировать и современный результат.

Когнитивные модели социально значимого события в области спорта, к которым можно отнести *match/game/fit*, обычно представлены в метафорической форме при формировании отчета о матче в различных социальных сетях (группах болельщиков). В любом спортивном событии результат – это то, что имеет наибольшее значение, даже несмотря на то, что подавляющее большинство спортивных новостей будет рассказывать об инцидентах, имевших место во время матча. Таким образом, в рамках применения альтернатив стратагемно-тактического варьирования созда-

ются стандартные для спортивного медиадискурса фреймы «Победа» (*Victory – الفوز*) или «Поражение» (*Defeat – الخسارة*). Это обусловлено сверхзадачей эмотивизации реакции болельщического сообщества на произошедшее, т.е. столкновением алетической и деонтической модальности в повествовании. Метафорические номинанты в этом случае маркируют либо позитивное, либо дерогативное (в некоторых случаях инвиктивное) пространство.

Национальная и культурная специфика метафоризации четко отражается на всех уровнях вербализации. Национально-культурная конкретизация имеет место при подборе эмоционально маркированной лексики и фразеологических конструкций, что может значительно упростить адекватную интерпретацию таких сообщений для адресата, демонстрируя экспликативную стереотипность в описании именно спортивных событий.

Более того, на морфологическом уровне авторы могут намеренно нарушаться определенные грамматические правила с целью интенсификации эмотивного компонента текстов спортивного дискурса. Одновременно с усилением выразительности и красноречия спортивного высказывания синтаксические методы помогают выполнять прагматические задачи. Таким образом, при формировании высказываний спортивного онлайн дискурса. Современные каналы трансляции информации (социальные сети, мессенджеры и т.п.) позволяют использовать конвергенцию кодов при формировании описания спортивного события (аудиальные, визуальные, вербальные и т.д.), что вводит в ряд уже названных средств актуализации содержания и эмотивизации просодические и паралингвистические.

Чрезвычайно репрезентативны в аспекте конвергенции кодов при метафоризации высказывания именования спортивных команд в совокупности с эмодзи и эмблемами данных команд. При этом зачастую эмотикон, соответствующий персонажу-талисману, приводится в виде, эксплицирующем радость от победы или печаль/злость от поражения.

Ниже приведены названия спортивных команд, разделенных в соответствии с их тематической группой:

1. Зоонимы: (*Chicago bulls* ثيران شيكاغو), (*Philadelphia Eagles* صقور فيلادلفيا), (*Baltimore Ravens* غرابان بالتيمور). В зависимости от того, что авторы

поста имплицитно в описание, они ассоциируют команду с определенным животным, имеющим определенные способности или характер (скорость, сила и командный дух). А изображение талисмана в несвойственном ему положении будет маркировать отсутствие данных качеств и усиливать пассивизацию метафоры.

2. Стихийные бедствия и явления (*The San Jose Earthquakes* – هزة أرضية سان خوسيه, *(the Seattle Storm* – عاصفة سياتل). Они ассоциируются с силой, разрушением, скоростью и т.п.

3. Королевский титул или титул чемпиона (*Sacramento Kings* – ملوك ساكرامنتو), *Real Madrid FC* – ريال مدريد). Что призвано эксплицитно величие, поскольку короли и члены королевской семьи в большинстве своем ассоциируются с персонифицированным представлением мудрости, власти и контроля над другими.

4. Имена «разрушителей» или «героев» как актуализация прецедентных имен (*Blyth Spartans A.F.C* – بليث سبارتانز, *FC Spartak Moscow* – سبارتاك موسكو). Они используются для устрашения врагов и демонстрации мужества и агрессивности.

5. Музыкальные стили (*Utah Jazz BC* – يوتاه جاز, *Saint Louise Blues BC* – سانت لوиз بلуз). Ключевым ассоциатом здесь представляется метафорическое представление локуса (места приписки команды). Например, команда *Utah Jazz* была основана в Новом Орлеане, а затем в рамках трансфера перебралась в Юту. Их название “Jazz” было сохранено, чтобы они не теряли поклонников, таким образом, “Utah Jazz BC”

6. Экономические особенности региона (*Pittsburgh Steelers* – فولاذ, *(Edmonton Oilers* – عمال نفط ادمونتون). столицей сталелитейной промышленности является Питтсбург, в то время как Эдмонтон является одним из главных центров нефтяного бизнеса, что и отражено на логотипах. Так, три астероида на логотипе *Steelers* означают ингредиенты, используемые в процессе производства стали: желтый для угля, оранжевый для железной руды и синий для стального лома.

Поликодовая репрезентация психоэмоционального состояния продуцента высказывания в спортивной онлайн коммуникации строится как на интенсификации резонансных семем элементов дискретных кодов в их взаимодействии, так и на контрасте, который может быть эксплицитно как в разных, так и в едином коде [Марченко, Бредихин 2023]. Контраст-

ные модели метафоризации основаны на представлении репрезентантов в несвойственном окружении или их «зеркальном» изображении.

Таким образом, на основе анализа ключевых сфер-источников метафоризации для именования событий в поликодовом пространстве спортивного онлайн дискурса можно сделать вывод о значительной степени влияния эмоциональной оценки события, его локализации, исходного восприятия команды болельщиками и других элементов вертикального социо-культурного контекста на использование той или иной метафорической модели.

Список литературы

1. Бредихин С. Н. Информационно-знаниевый континуум: проблемы трансляции в педагогическом дискурсе // Иностранный язык в высшей школе в период цифровой трансформации образования: материалы региональной онлайн-конференции (Ставрополь, 28 мая 2021 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. С. 7-8.

2. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распределечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634-640.

3. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70-85.

4. Марченко Т. В., Бредихин С. Н., Лепилкина О. И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3(59). С. 109-115.

5. Caldwell D., Walsh J., Vine E. W., Jureidini J. The Discourse of Sport. Analyses from Social Linguistics. New York: Routledge, 2017. 256 p.

6. Davis B. H. Electronic discourse: linguistic individuals in virtual space. Albany: State University of New York Press, 1997.

7. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 400 p.

8. Peterlicean A. On the Discourse of Online Sports News Headlines // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2020. No. 12, (3). P. 155–171.

9. Steen G. When is Metaphor Deliberate? // Selected Papers from the Stockholm 2008 Metaphor Festival. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2008. P. 43-63.

METAPHORICAL NOMINATION IN INTERNET SPORTS DISCOURSE

© *O. Захпа*

Abstract The article under review analyzes sports discourse and its features in the format of online media. On the basis of a critical discourse analysis, linguistic and stylistic features are revealed in relation to cognitive models of explication of a significant event in the field of sports, which makes a significant contribution to the concept of collective social relevance. The role of the social context for the creation of a nomen in metaphorical form is considered in addition to economic phenomena, globalization and internationalization and how they influenced the stratagem-tactical variation in the institutional media sports discourse. As part of the description of the key features of the nomination in the sports discourse, the classification of spheres-sources of naming teams was made, as well as the mechanisms of passivation and other phenomena were considered.

Keywords: *institutional online discourse, sports discourse, metaphorization, nomination, emotivization, passivation.*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА НАУЧНОГО ТЕКСТА

© А.А. Зельникова

Аннотация. Данная работа затрагивает сферу анализа языковой личности. В центре внимания исследователя оказывается субъект не конкретного текста, а определённого типа текстов – текстов научного стиля. Целью работы является выявление посредством анализа характерных особенностей языковой личности во всём её многообразии. Материалом исследования выступили статьи с таких ресурсов, как elibrary.ru и moluch.ru, принадлежащие к собственно научному подстилю научного функционального стиля. Анализ производится в соответствии с концепцией Ю.В. Караулова. По итогам данной работы был отмечен как ряд характерных особенностей языковой личности на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях, так и их взаимосвязь внутри системы.

Ключевые слова: *языковая личность, научный дискурс, речевая деятельность, научный стиль.*

Понятие «языковая личность» вошло в лингвистику в середине XX века. Это было логичным следствием разворота парадигмы от изучения языка как структуры к изучению как инструмента общения. Одним из первых к данному явлению обратился В.В. Виноградов. Языковая личность рассматривалась им в контексте лингвистического анализа художественного произведения и подразумевала под собой общий образ создателя художественного произведения, существующего в двух ипостасях – лирического героя и автора [Виноградов 1980: 61]

Безусловно, языковая личность наиболее ярко проявляется себя в художественном, разговорном и публицистическом стилях – наиболее разнообразных в плане выбора языковых средств. При таком подходе научный стиль, достаточно регламентированный, но вместе с тем подразумевающий минимальные средства экспрессии, остаётся практически не исследованным. Этим обуславливается актуальность данной работы. Она ставит перед собой цель выявление особенностей языковой личности на всех уровнях анализа научного текста.

Материалом выступают работы отечественных лингвистов, находящиеся на сайте e-library.ru и moluch.ru.

В отечественной традиции наиболее значимыми исследователями языковой личности являются Ю.Н. Караулов и Г.И. Богин.

Концепция Караулова является трёхкомпонентной и рассматривает личность на уровне владения языком (вербально-семантическом), на уровне знаний и понятий (когнитивном), на уровне мотивов и целей (прагматическом). На каждом из этих уровней единицами выступают языковые формы, концепты, цели и установки говорящего соответственно [Караулов 2003: 56]

Исследователями в числе преимуществ данной модели выделяется её корреляцию с основными коммуникативными потребностями (контакто-устанавливающей, информационной и воздействующей), а также с тремя сторонами процесса общения (коммуникативной, интерактивной и перцептивной) [Воробьева 2013: 53]

К недостаткам данной модели можно отнести её ориентацию на конкретный функциональный стиль – художественный.

Г.И. Богин предлагает модель, ориентированную прежде всего на лингвистическую сторону языковой личности [Богин 1984: 14]. При создании данной модели он опирается на три языковые аксиомы:

1. язык включает фонетическую, лексическую и грамматическую стороны (с соответствующей им семантикой);

2. Пользуясь языком, человек либо говорит, либо слушает, либо пишет, либо читает, либо совмещает эти действия;

3. развитие языковой личности может быть большим или меньшим, лучшим или худшим, и эти различия можно представить в форме дискретных уровней.

В его понимании языковая личность включает в себя следующие уровни:

1. Уровень правильности (степень овладения нормами языка);

2. Уровень интериоризации (умение передать мысль средствами языка);

3. Уровень насыщенности (богатство активного и пассивного словарного запаса);

4. Уровень адекватного выбора (целесообразность выбора языковых единиц);

5. Уровень адекватного синтеза (умение строить диалог в соответствии с ситуацией общения).

Преимущество концепции Г.И. Богина в том, что её возможно применить к разным функциональным стилям русского языка. Кроме того, в определённой мере присутствует параметр нормативности и ориентация на языковые компетенции субъекта общения. Однако данная концепция сложно применима к анализу языковой личности не конкретной личности, а абстрактного субъекта.

Последний параметр представляет наибольшую трудность при анализе языковой личности субъекта научного текста, одним из главных параметров которого является «безличность» изложения [Колесникова 2010: 134]

Вместе с тем в научном тексте можно выделить группы единиц, позволяющих сделать вывод о языковой личности субъекта текста:

1. минимальные средства создания экспрессии (эмоционально-окрашенные единицы)
2. единицы, указывающие на последовательность изложения
3. единицы, указывающие на субъект научного текста.

Перейдём непосредственно к анализу языковой личности согласно концепции Ю.Н. Караулова.

Особенности языковой личности на вербально-семантическом уровне довольно подробно изучены функциональной стилистикой. К ним можно отнести использование терминологической лексики (метафора, морфема, коллокация, цитология и т.д.), обилие слов с абстрактным значением (овладение, изучение, функционирование), преобладание именных единиц над глагольными [Толеубекова, Касенова 2016: 693], использование неопределённо-личных, а также пассивных глагольных конструкций и т.д. Данные особенности только подтверждают тезис о точности, логичности, абстрактности научного стиля. Эмоционально-окрашенные единицы при этом также используются в тексте, но их функция – выделить определённый, значимый с точки зрения автора фрагмент. Кроме того, можно сказать, что ядром научного текста является предмет повествования, а глаголы играют второстепенную роль и служат для обозначений отношений между предметом и окружающей действительностью.

Анализировать лингвокогнитивный уровень научного стиля сложнее, ведь существует множество отраслей научного знания со своим терминологическим аппаратом. Тем не менее в данном случае можно выделить следующие концепты: 'ПОЗНАНИЕ' и 'ИСТИНА'.

Остановимся на концепте 'ПОЗНАНИЕ'. Нами были выделены следующие его характеристики: а) ПОЗНАНИЕ это не столько предмет, сколько процесс (действие, направленное на получение истины); б) ПОЗНАНИЕ непрерывно и не ограничивается одним конкретным исследователем, о чём свидетельствуют ссылки на предыдущих исследователей; в) ПОЗНАНИЕ лишено субъективности, на что указывает использование пассивных форм либо формы 1 лица множественного числа; г) ПОЗНАНИЕ последовательно, о чём говорит обилие единиц, указывающих на ход мысли субъекта (во-первых, вышеупомянутый, данный, далее мы рассмотрим)

Несколько иная ситуация с концептом 'ИСТИНА' в научном тексте. Характеристики данного концепта: а) ИСТИНА – это результат процесса познания; б) ИСТИНА идеальна; в) ИСТИНУ невозможно выявить одному конкретному человеку, она складывается на пересечении различных точек зрения (об это может свидетельствовать некатегоричность научного текста).

Исходя из этого, на прагматическом уровне целевую установку субъекта научного текста можно определить следующим образом: максимально сжато и последовательно донести истину до адресата научного текста. Выбор адресата определяет и выбор языковых средств для достижения цели, а также служит основанием для разграничения подстилей научного стиля. К примеру, для научно-учебного подстиля, адресатом которого являются обучающиеся, характерно использование поясняющих конструкций. Кроме того, слабо выраженный субъект текста позволяет сместить фокус на объект текста.

Подведём итоги. В ходе данной работы была доказана возможность применения к научному стилю концепции языковой личности Ю.Н. Караулова, ранее использовавшейся для анализа художественных и публицистических текстов. Важно отметить, что регламентированность в выборе средств языковых средств выражения мысли на вербально-семантическом уровне позволяет говорить не о субъекте конкретного научного текста, а о субъекте дискурса, а также о том, что ядром текста является именно объект исследования. На лингвокогнитивном уровне выделяются концепты 'ПОЗНАНИЕ' и 'ИСТИНА', соотносимые как «процесс-результат». Говоря о прагматическом уровне, в качестве основной целевой установки

выдвигается стремление донести до адресата текста определённый взгляд.

Список литературы

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дис... докт. филол. наук. Ленинград, 1984.
2. Воробьёва В. В. Концепции и уровневая модель языковой личности // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-i-urovnevaya-model-yazykovoy-lichnosti>
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд.3-е, стереотипное. М.: Едиториал, 2003. – С. 264.
5. Колесникова Наталия Ивановна. Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-vazhno-znat-o-yazyke-i-stile-nauchnyh-tekstov>
6. Толеубекова, А.Т. Семантико-стилистические признаки научного дискурса / А.Т. Толеубекова, Г.Б. Касенова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 692-697. – URL: <https://moluch.ru/archive/129/35827/>

LINGUAL PERSONALITY OF THE SUBJECT OF A SCIENTIFIC TEXT

© *A.A. Zelnikova*

Abstract. This work talks about the area of linguistic personality analysis. The focus of the research is not the subject of a specific text, but the one of a certain type of texts which are the texts of scientific text. The purpose of the work is to identify the characteristic features of a linguistic personality in all its diversity. Articles from such resources as elibrary.ru and moluch.ru, belonging to the actual scientific substyle of the scientific functional style, were used as the research material. The analysis is carried out in accordance with the concept created by Y.V. Karaulov. Based on the results of this work, a number of characteristic features of the linguistic personality at the verbal-semantic, linguistic-cognitive and pragmatic levels, as well as their relationship within the system, were identified.

Keywords: *linguistic personality, scientific discourse, speech activity, scientific style.*

ВЛИЯНИЕ КОННОТАЦИЙ НА ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Л.В. Зубова

Аннотация. Цель работы – показать роль коннотаций, свойственных разным языковым единицам, в динамических процессах языка. Анализируется материал из блогов и форумов интернета, художественной литературы и Национального корпуса русского языка. Результаты исследования: 1). Коннотации вызывают переносное употребление слов, а затем и языковые метафоры, порождающие неологические процессы в словообразовании, фразеологии, синтаксисе; 2). Перестраивается иерархия в системе значений полисемантических слов; 3). Иногда исходное значение слова полностью вытесняется; 4). Слово в первичном значении часто выходит из употребления, становясь эвфемизмом с последующим табуированием этого эвфемизма; 5). Частичное вытеснение слова эксплицируется языковой рефлексией; 6). Развивается фонетическая и грамматическая вариантность слов; 7). Коннотациями бывает вызвано и расширение семантического объема слова, ведущее к деэтимологизации; 8). Заметна тенденция к распространению коннотативно нагруженных слов за пределы среды, их порождающей; 9). Аксиологически перемаркируется оценочная лексика; 10). Изменяются стилистические значения слов; 11). Разрастаются синонимические ряды; 12). Изменяется коннотативная мотивация вытеснения слова; 13). Утрата коннотаций приводит к коммуникативным неудачам. Основной вывод: динамичность коннотаций значительно влияет на языковые преобразования.

Ключевые слова: лексика, коннотации, неология, аксиология, эвфемизмы.

Объект внимания в этой статье – роль коннотаций слов, морфем и синтаксических конструкций в языковой динамике. Анализируется материал из блогов и форумов интернета, художественной литературы, Национального корпуса русского языка.

Коннотации понимаются как имплицитная семантическая информация, не входящая в словарное значение языковых единиц и связанная с понятием языковой памяти.

Вслед за И.В. Арнольд принято выделять 4 основных типа коннотаций (как персональных, групповых, так и общих для носителей языка): эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические [Арнольд 1970].

Н.А. Фатеева называет такие виды языковой памяти, как референциальная, звуковая, ритмико-синтаксическая, рифменная [Фатеева 2003: 59]. Все они порождают коннотации.

Референциальные коннотации можно проиллюстрировать такими примерами: 1). Когда в интернете фотография грудного ребенка сопровождается надписью «Лысый, безработный, до сих пор живу с мамой»¹, это вызывает улыбку: слова *безработный* и *до сих пор живу с мамой* не могут быть отнесены к младенцу без установки на шутку, так как их presupпозицией является несоответствие социальной норме. 2). В однострочном стихотворении Игоря Иртеньева «А за границей нет иногородних» содержится имплицитная информация о социальной неполноправности иногородних в нашей стране, особенно в столицах. О некоторых других коннотациях из списка Н. А. Фатеевой речь пойдет ниже.

Коннотативный потенциал языковых единиц часто становится причиной и отправным пунктом языковых изменений. Наиболее отчетливо это проявляется в движении от коннотативного компонента слова к языковой метафоре, которая впоследствии фиксируется в словарных статьях (*баран, осёл, ишак, козел, медведь, ворона...*). Языковая метафора реализуется в словообразовании (*ишачить, проворонить...*) и фразеологии (*медведь на ухо наступил; смотрит как баран на новые ворота*). Коннотативная производность языковой метафоры отражена во многих работах напр., [Апресян 1974; Телия 1986; Радбиль 2010]. Особенно подробно исследовались деривационные возможности зоометафор (см., например, [Огольцева 2006; Бабенко 2006]). На потенциальную коннотативность всех зоонимов указывает неология. В интернете есть такой фрагмент из серии поздравлений с днем рождения: «Еще один опоздавший... Если кто-то и *прожирал*, то я *прогиппопотамил* – в силу объемно-массовой характеристики и вялости в движениях. Поздравляю!!!»

Имея в виду, что самые активные изменения в языке происходят за пределами литературного языка, рассмотрим разрастание словообразовательного гнезда с вершиной *звезда* – коннотативно рифменного эвфемизма. Вот образец коннотации как призыва к действию:

«Косясь на меня, этот “Еще-один-Лернер” объявляет не тост, а эпиграмму и читает четверостишие, в общем-то, почти комплиментарного

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой (Л.З.), авторское выделение специально оговаривается. Орфография и пунктуация цитат соответствуют написаниям в источниках.

тона про “ахматовских поэтов, поклонников стареющей звезды”, но что-то мне тут кажется гнусноватым, и я встречаюсь глазами с Галиком.

– Как тебе нравится эта эпиграмма, Дима?

– Ты знаешь, Галик, все было бы ничего, *но мне жутко не нравится эта пауза перед словом “звезда”*.

– Да, пауза нехорошая...

<...>

– Понимаешь, Миша, *тут паузу кое-кто нехорошую сделал: перед словом “звезда”. Надо морду бить*.

И я влепляю оплеуху Лернеру. Он заносит над головой табуретку, но нас растаскивают». (Д. Бобышев. «Я здесь. Человекотекст»).

Рифменная коннотация слова *звезда* вышла далеко за пределы литературных кругов, и поэтическое сознание овладело широкими народными массами. Сейчас все морфемы, которые участвуют в деривации исходного обценного слова, могут присоединяться и к корню слова *звезда*, формируя соответствующие словообразовательные значения и синтагматику:

«Девочки, это *звездец*... Я конечно знала, что после родов волосы лезут, но не думала, что на столько. Стоит мне начать мыть голову, мне кажется я лысая с ванны выйду», «Сенсор с ума сошёл, как думаете, *звездец* дисплею или прошивка глючит?», «У терапевта получилось записать меня к эндокринологу на начало ноября, хотя там очередь *звездец* какая была»;

«Если кто-то часто *звездит* по поводу и без, то верить ему в важных вопросах – большой риск, как минимум, и большая ошибка, как максимум», «*Не звезды!* (фильм 2022) смотреть онлайн. Жером *звездит*, как дышит. Этот мужчина не может прожить и пары минут, чтобы не соврать»;

«*Назвездеть* что есть диплом, вариант?»; «Вывод такой: я уже давно подозревала, что Белинский, мягко говоря, *назвездел*, и непосильный труд вовсе не облагораживает, а даже совсем наоборот».

«Узнать *звездун* очень просто: это человек, без умолку болтающий в компаниях о всякой ерунде»;

«Любая мало мальски профессиональная пропаганда на 2/3 состоит из правды, и только на 1/3 – из лжи. Совсем уж витруозный *звездёшь* –

это когда всего лишь 1-2% вранья»; «Прям инсайдерская инфа, жаль, что *звездеж чистой воды*)) в стиле Гурберга»;

У нас какая-то часть *звезданутая* была: канавы рыли, кирпичи формовали для казарм, всякой хренотенью занимались...», «Только *звезданутый* верит в существование “демократической коалиции”. А я об этом говорил с первого дня ее создания».

Во многих случаях значение этих эвфемизмов пересекается с дериватами слова *звезда* в значении ‘знаменитый артист, популярная личность’: «*Звездец!* Следим за жизнью кумиров. Делитесь своими впечатлениями. Рассказывайте о своих любимых звездах!», «Дело в том, что в нашем городе есть такой замечательный коллектив как “Звездный” и, соответственно *звездюки* – его члены»; «Попсу нашу знаете?!! Вот так примерно “*звезданутые*“ и выглядят ...».

Есть примеры, в которых обыгрывается и прямое, и разные переносные значения слова *звезда*: «*Звёздный* статус Павла Глобы. *Звезданутый* гадалщик. *Звездочёт*. Кто должен отвечать за дачу заведомо ложных предсказаний. Кто дурачит фаталистов влиянием *звезд* на их судьбы. Кто зарабатывает гороскопами. Кто ищет предначертания на небе. Кто распределяет счастье по *звёздам*».

Причастие *звезданутый* нередко употребляется с позитивной коннотацией применительно к отелям, ранжированным определенным количеством звездочек: «Надо отметить, что французская кухня даже в отелях ** великолепная, нам понравилась больше, чем Австрийская или Итальянская, хотя и в более “*звезданутых*” отелях», «Если нужно только море, то сойдет, если комфортный отдых, то лучше переплатить и поближе к Анталье, взять что-то получше. Так что место не очень *звезданутое*. В общем, все очень бюджетненько, пионерский лагерь ...».

Другая группа эвфемизмов того же исходного обценного слова формируется на базе коннотации, которую приобрел суффикс *-ец* (он содержится и в слове *звездец*, и в слове *конец*: *тупец*, *песец*, *трындец*, *армагеддец*, *стабилизец*, *оптимизец*, *модернизец* и т. п. Все они обозначают неудачу, катастрофу, крах, часто сочетаются со словом *полный*. Интернет переполнен мемами с такими словами или намеками на них, например, изображен толстый песец и написано «Иду к вам». Один очень популярный мем обыгрывает слово *багрец* из пушкинской строки «В багрец и

золото одетые леса» («Осень»): изображение Пушкина в осеннем пейзаже сопровождается надписью «Всё! Багрец!». Есть и такие тексты анонимных авторов: «Поздняя осень. Листве наступает / Неотвратимый и полный *багрец*...», «Ну, вот и наступил *багрец*, / Как говорил товарищ Пушкин. / Зовите нянь, тащите кружки, / Последний режьте огурец». Пространство креатива, воспроизводящего словообразовательный тип на *-ец*, открыто. В разных значениях встретилось слово *веснец*: «На улице не весна, на улице *веснец*» ('неудачная, неприятная весна'); «1 марта зиме *веснец*» ('конец').

На комбинаторной памяти слова основаны синтаксические неологизмы типа *не молчи на меня, мне на это всё равно*, в которых имплицированы слова *не ругайся, наплевать*, например: «такое состояние началось с 15 лет а мне сейчас 18 не знаю почему но мне *все равно на любовь* хотя я встречаюсь уже 2 года мне *все равно на родителей*».

Перестраивается иерархия в системе значений полисемантических слов.

Иерархия прямых и переносных значений часто зависит от картины мира носителей языка. Социально обусловленные коннотации нередко приводят к изменению иерархии в системе значений полисемантических слов. Так, например, в интернете есть картинка-мем с изображением курящего человека и с надписью: «При слове косяк только 15% вспоминают о дверном проеме и только 5% о рыбе!». Текст намекает на значение слова *косяк* из жаргона наркоманов ('самокрутка в виде кулька'). Можно вспомнить и другие значения слова: 'стая птиц', 'скошенный столярный нож', 'ошибка'. Для разных людей, например, строителей, рыбаков, орнитологов, школьников актуальными оказываются разные значения.

Иногда исходное значение слова полностью вытесняется. Так произошло со словом *стерва* 'труп животного, падаль' (ср.: *стервятник*). Превратившись в ругательство, оно затем оказалось аксиологически перемаркированным: в конце XX – начале XXI в. возник культ стервы как эгоистичной соблазнительницы. В интернете можно найти множество инструкций, как женщине достичь такого идеала саморазвития.

Слово в первичном значении часто выходит из оборота при его эвфемистическом употреблении, которое влечет за собой семантическое сужение. В литературе XIX в. встречаются контексты, которые сейчас были бы невозможны без искажения смысла: «Присутствие энтузиаста обдаёт ме-

на крещенским холодом, и, я думаю, частые *сношения* с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»); «Украл тогда письмо, Ламберт тотчас же соединился с Версиловым. О том, как мог Версилов *совокупиться* с Ламбертом, – я пока и говорить не буду: это – потом». (Ф.М. Достоевский. «Подросток»). Современный язык, заменив в цепочке эвфемизмов слово *сношения* на *отношения*, встраивает новый элемент в словообразовательное гнездо – ср. записи в интернете: «В общем, когда было столько раз, это называется уже не переспать, а *отношаться*»; «Стыдно в такое время бездарно *отношаться*. Я об этом писала». Сейчас требуется осторожность при употреблении слов, активизированных в сексуальном дискурсе (*кончить, дать, критические дни, мужское достоинство* и мн. др.).

Частичное вытеснение слова можно наблюдать в контекстах с языковой рефлексией, демонстрирующей поколенческие коннотации. Примеры из социальных сетей: «А “клёво” отдаёт стилистами шестидесятых годов. Непрогрессивно»; «Я купил мотороллер! Это старомодное слово указано в инструкции. По-современному – скутер»; «Если Вы росли в советское время, то наверняка слышали от родителей старорежимное слово “кабак”».

Возможно, что поколенческие коннотации способствуют появлению вариантов слова – когда младшее поколение критически относится к языку старшего. Так, например, в XVIII–XIX в. слово *прожект* имело стилистически и аксиологически нейтральное значение: «Письмо ваше и при том приложенные каталоги, трактаты мирные и *прожект* к сочинению гистории с великим мне удовольствием получил, за которое услужно благодарствую». (В.Н. Татищев. Письмо И.Д. Шумахеру. 1732), «Во всяком случае, позвольте просить Вас потом просмотреть наш *прожект*». (В.В. Докучаев. Письмо А.А. Измаильскому. 1893), «С ним мы знакомы еще с Петербурга, где покойный батюшка его незабвенный Василий Григорьевич первый посвятил меня *privatissime* в таинства опытной физики, а затем совместно со мною выработал *прожект* того рассадника просвещения, коего украшением служит ныне его сын». (В.П. Авенариус. Голь-студент. 1898).

Для современного языка характерно аксиологическое противопоставлением вариантов: «Рубли надо давать только *на проекты, а не на про-*

жекты», «Белорусский автомобиль – *реальные проекты и иллюзорные прожекты*»; «Так интересный *проект* 1946 года превратился в *прожект*». Дериваты *проектор* и *прожектор* аксиологически нейтрально обозначают разные предметы, а слово *прожектёр* употребляется только пейоративно. В бизнес-дискурсе появился и англоизированный вариант *прódжект*: «*Проджект*-менеджер – это человек, который отвечает за все процессы ведения и успешного завершения проекта», «Из хаоса проекта *проджект*-менеджер создаёт четкий план действий, следит за качеством работы, контролирует бюджет проекта, минимизирует риски».

Аксиологическая негативация произошла и с существительным женского рода *метóда*. В XIX в. оно еще не имело негативной коннотации: «Все это мне предстоит исправить, то есть дать новую *методу*, которой следовали бы учителя. (А.В. Никитенко. Дневник.1844)», «Я принял *методу* подчеркивания лучших мест, эта *метода* мне много сделала добра, – теперь же я сверх того выписываю подчеркнутые места. (А.В. Дружинин. Дневник.1845). Современные тексты: «Целая команда работала над *методой*. И каждый писал отсебятину, даже не удосужившись поинтересоваться, что написали соавторы ранее», «Ну вы и казлы, испортил микроволновку вашей *методой*».

Коннотациями бывает вызвано не только сужение, но и расширение семантического объема слова, ведущее к деэтимологизации. В современный язык вернулся историзм *фильдеперсовый* (первоначально *фильдеперс* – ‘шелковистая пряжа’ от франц. *fil de Perse* ‘персидская нить’). Мечта женщин 20-х годов XX в. о фильдеперсовых чулках, отраженная в художественной литературе, сформировала стойкое представление о том, что *фильдеперсовый* – ‘очень хороший, модный, престижный’: «Иная машинисточка получает по их разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей *фильдеперсовые* чулочки подарит. Да ведь сколько за этот *фильдеперс* ей издевательств надо вынести...». (М.А. Булгаков. «Собачье сердце»). В современных контекстах из интернета встречается такое абсурдное употребление слова: «Натянул фирменную *фильдеперсовую* одёжу: *тёртые джинсы-клёш*, *рубаху-в-петухах*, заморские очоци-полароид». («Сноб». 23.02.21); «Кровля слетела с крыши на самые *фильдеперсовые* места на автостоянке». («АН-Крым» 07-06-2021); «узбеки навряд ли самсу и плов готовят лучше французов. но если идешь в *филь-*

деперсовый ресторан высокой кухни...» (Живой журнал. 27.01.21). В период эпидемии свиного гриппа в средствах массовой информации широко употреблялось выражение *эвтаназия свиней*, хотя слово *эвтаназия* обозначает медицинское умерщвление неизлечимо больного человека по его просьбе.

Коннотации, возникшие в какой-либо определенной социальной среде, особенно в криминальной, проявляют тенденцию к распространению за пределы этой среды. Так, например, на одном из телевизионных ток-шоу девочка-подросток сообщает: «Мама всегда была для меня авторитетом, хотя *авторитет* – это *нехорошее слово*». А тюремно-лагерный суеверный запрет на слово *садиться* в его прямом значении значительно повлиял на современный этикет. Сейчас в любом официальном учреждении говорят *присаживайтесь*. Нередко и в неофициальной обстановке – тоже. Почему-то у этого императива появилась стилистическая коннотация вежливости. По-разному современные носители русского языка воспринимают и коннотации слова *больничка* применительно к большим городским больницам. В языковой рефлексии, представленной в социальных сетях, есть такие контексты: «“Больничка” – санитарная часть колонии..., просто бесит этот блатной жаргон, уж простите, девочки). Я одна такая, да?»; «Не, не одна:-) Всегда фырчала на эти “больнички”... Просто не люблю указывать на речевые недочеты»; «Ой, а я и не знала:) Я это слово услышала у психов, они так про госпитализацию говорят. И решила, что это шизофренический жаргон, а значит – вполне нормально».

Во многих случаях аксиологически перемаркируется оценочная лексика. Интересна история слова *пошлый* и его дериватов. Широко известный сдвиг значения от ‘существующий издавна, обычный, заурядный’ к ‘вульгарный, скабресный’ или ‘низменный в нравственном отношении’ оказался не окончательным. У этого слова появилось значение ‘привлекательный и сексуально игривый’ (в хорошем смысле). Петербургский репетитор по русскому языку Н. Романова пишет:

«Из анкет:

“Артем, 12 лет, пошлый”,

“Настя, 13 лет, пошлая”,

“Faster, 12 лет, пошлый” –

Расслабьтесь: подростки всего-навсего проявляют интерес к противоположному полу. <...> Ни один из многих десятков участвующих в опросе школьников не связывает это слово с его истинным смыслом: заурядный, низкопробный в духовном, нравственном отношении, чуждый высших интересов и запросов (словарь Ушакова).

“Мне так повезло, что у меня тян пошлая”, – радуется один.

“Таких, как она, больше не будет: красивая, умная, пошлая”, – сожалеет другой».

“Ребят, человек, который мне нравится задаёт вопрос, о чём мои мысли при виде его. Можете что-нибудь пошлкое подсказать?», – спрашивает 13-летняя тян» [Романова 2023: 510–511].

Коннотации в некоторых случаях становятся причиной аксиологических и стилистических изменений в ситуации аксиологического конфликта. Так, например, дешевые товары выгодны покупателям, но обычно они не престижны и хуже качеством. В конце XIX – начале XX в. в рекламах содержалось слово *дешевка*. Сейчас оно употребляется только презрительно: победила негативная коннотация. Прилагательное *дешевый* несколько отстало в этом процессе: покупатели еще спрашивают дешевое, но в официальном и рекламном дискурсах это слово исчезло: дешевые товары называют бюджетными, социальными, доступными, недорогими.

Вероятно, аксиологический конфликт коннотаций вытесняет из языка слова *старый*, *пожилой*, заменяя их эвфемизмом *возрастной*. Коннотация уважения старости оказалась в конфликте с коннотацией физической слабости и социальной ущербности. При этом табу на слова типа *старый*, *инвалид* имплицитно (и внушает) убеждение, что стариком или инвалидом быть стыдно. Причем возрастным называют не только человека. В интернете встречаются такие, например, контексты: «Это был крупный, возрастной медведь», «А ещё у нас чуть больше месяца назад появился возрастной попугай. 9 лет», «В продаже возрастной дом на красивом солнечном участке»; «Износ соответствует возрасту и использованию. Хорошая возрастная посуда». Вероятно, авторами таких текстов само слово *старый* теперь мыслится как неприличное.

Похоже, что стигматизируется и прилагательное *последний*. Но если раньше коннотативная мотивация его замены в очереди на слово *крайний* была связана с представлением о том, что последний человек хуже всех

(ср.: фразеологизм евангельского происхождения «Последние станут первыми» и выражения *последний дурак*, *последний негодяй*), то теперь всё чаще мотивацией становится суеверное опасение, что последнее действие станет окончательным. Началось это с профессионального жаргона летчиков, подводников и других людей опасных профессий, потом распространилось на все сферы жизни. Много примеров суеверного употребления слова *крайний* содержится в статье: [Иссерс 2017]. Иногда слово *крайний* вместо *последний* становится совершенно абсурдным. Примеры из интернета: «*Крайний раз* тебе говорю», «Февраль – *крайний месяц зимы*», «Там еще за месяц *до крайней аварии* начальник орал в цехе на слесарей: “Еще один «Протон» упадет – пойдете свои квартиры продавать! Не помогло – таки упал”», «*Крайнее землетрясение* вроде как прошло безболезненно для АЭС». Стигматизация самого слова *последний* независимо от каких-либо мотиваций отчетлива в таких контекстах: «– Сейчас будет *последняя* домашняя игра перед переездом на новый стадион. <...> – *Не последняя, а заключительная*», «*Последняя (заключительная)* девушка – традиционный персонаж фильмов ужасов, где данная героиня является главным персонажем, а часто и последним выжившим в фильме», «Воскресный рынок, хлебный магазинчик. – Эта плетёнка у вас *последняя* была? – *Заключительная!*» (наблюдение М. Степановой).

Коннотации порождают разрастание синонимических рядов. Таков, например, ряд слов *стандарт*, *стереотип*, *шаблон*, *штамп*, *клише*, *канон*, *трафарет*, *формат*, *эталон* в оценочном употреблении применительно к текстам. Количество синонимов увеличивается и когда удлиняются цепочки эвфемизмов. Многие примеры уже фигурировали в этой статье. Добавлю еще ряд *тучный* – *жирный* – *толстый* – *дородный* – *полный* – *крупный* – *большой* – *курпулентный* – *пикантный* – *с лишним весом* – *бодипозитивный*.

К динамическому аспекту лексики относится вытеснение на периферию, а затем и утрата лексики с высокой степенью коннотативной нагруженности. «Еще в советские времена предлагалось возродить *сударь* и *сударыня*, но они так и не прижились. А обращения *господин*, *гражданин* и *товарищ* оказались в XX веке слишком “политизированы”: *господин* несет некоторую “либерально-буржуазную” окраску, *товарищ* – “партийно-советскую”, а *гражданин* – “казенно-официальную»» [Норман 2009: 25].

На динамику коннотаций существенно влияют исторические события и социальные изменения. Так, император Павел I, испуганный французской революцией, начавшейся в 1789 г., приказал заменить некоторые слова, в частности, *отечество* → *государство*; *гражданин* → *обыватель*; *общество* → *собрание*, а также запретил слово *курносый* и кличку *Машка* для животных, так как жену Павла I звали Марией Федоровной. Сейчас непонятна мотивация замены слов (возможно, новых для того времени) *обозреть* → *осмотреть*; *выполнить* → *исполнить*; *пособие* → *вспоможение*, *стража* → *караул*; *преследовать* → *посылать в погоню*; *врач* → *лекарь*. Заметим, что в современном языке слова *отечество*, *гражданин*, *обыватель* имеют ограниченную сферу употребления совсем по другим причинам.

Утрата культурных коннотаций – процесс естественный, но постепенный, и его лидеры вызывают заслуженные насмешки. Так, в современном нейминге встречаются (и выставляются напоказ) такие названия, как аптечная сеть «Медая», детский сад «Медая» водно-развлекательный клуб «Атлантида», сеть ювелирных магазинов «Пандора», пивной бар «Хенде хох». О названиях «Медая» и «Атлантида» выразительно написала И. Б. Левонтина, саркастически заключив словами «Можно еще предложить “Китеж” или “Титаник”» [Левонтина 2010: 181–182]. Оказалось, что уже есть и производственно-строительная фирма «КитежСтрой», и ресторан «Титаник». Можно найти их фотографии в интернете. Впрочем, не исключено, что это такой странный юмор, основанный на коннотациях, поскольку вряд ли там, где предлагают и утверждают такие названия, нет ни одного грамотного человека. Вообще-то подобные вывески – неплохие пособия для того, чтобы рассказывать детям о происхождении подобных названий, подрывая их веру в образованность взрослых, а если это юмор – то в умственную состоятельность.

Обзор разных изменений в языке, вызванных коннотациями, позволяет сделать вывод: коннотации, динамичные по своей природе, то есть не совпадающие в разных социальных группах носителей языка и хронологически изменчивые, значительно влияют на выбор слов, именно они определяют активизацию каких-либо языковых единиц или их вытеснение из языка. Тем самым коннотации связывают стилистику с историей языка и перспективами его развития.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

2. Арнольд И.В. Эмоциональный экспрессивный и функционально стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения: Иностранные языки. Л.: Пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1970. С. 87–90.

3. Бабенко Н.Г. Бестиарий современной прозы в аспекте имплицитности / эксплицитности культурных коннотаций // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. / Под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 274–290.

4. Иссерс О.С. Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2017. С. 43–52.

5. Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010. 335 с.

6. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2009. 183 с.

7. Огольцева Е.В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации. Структурно-семантический аспект. М.: Прометей, 2006. 388 с.

8. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. Учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 328 с.

9. Романова Н.В. Пиши без правил. Грамотность и речь в деловом и личном общении. Санкт-Петербург: Питер, 2023. 593 с.

10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

11. Фатеева Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.

THE INFLUENCE OF CONNOTATIONS ON CHANGES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

© *L.V. Zubova*

Abstract. The aim of the paper is to show the role of connotations peculiar to different linguistic units in the dynamic processes of language. The material from blogs and forums of the Internet, fiction and the National Corpus of the Russian Language is analyzed. The results of the study are as follows: 1). Connotations cause figurative use of words, and then language metaphors, generating neological processes in word formation, phraseology, syntax; 2). The hierarchy in the system of meanings of polysemantic words is rearranged; 3). Sometimes the original meaning of a word is completely displaced; 4). A word in its primary meaning often goes out of use, becoming a euphemism with subsequent tabooing of this euphemism; 5). Partial displacement of a word is explicated by linguistic reflection; 6). Phonetic and grammatical variation of words develops; 7). Connotations can also cause the expansion of the semantic volume of a word, leading to de-etymologization; 8). There is a tendency for connotatively loaded words to spread beyond the environment that generates them; 9). Evaluative vocabulary is being axiologically relabeled; 10). Stylistic meanings of words change; 11). Synonymic series proliferate; 12). The connotative motivation of word displacement changes; 13). The loss of connotations leads to communicative failures. The main conclusion: the dynamism of connotations significantly affects language transformations.

Keywords: *lexicon, connotations, neology, axiology, euphemisms.*

ДИСКУРС НОВОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКА

© Е.М. Истомина

Аннотация. В статье предпринимается попытка обоснования нового вида дискурса – дискурса новой эмоциональности. Целью работы является определение данного вида дискурса, выделение его признаков, а также встраивание дискурса новой эмоциональности в систему представлений о функционировании языка. Дается анализ имеющихся теорий о дискурсе, позволивший определить дискурс новой эмоциональности как мироощущение современного общества (дискурс по М. Фуко), которое получает свое языковое выражение посредством активного использования лексики языка новой эмоциональности. Кроме того, при помощи метода дискурсивного анализа определены основные характеристики данного вида дискурса, такие как анонимность, нелинейность, воспроизводимость, эмоциональность, неинституциональность и неприватность. Изучение дискурса новой эмоциональности позволяет выявить социальные и культурные изменения в современном обществе.

Ключевые слова: *субъектный дискурс, объектный дискурс, бессубъектный дискурс, дискурс новой эмоциональности, язык новой эмоциональности.*

Активное использование термина «дискурс» в социально-гуманитарных науках, занимающихся изучением функционирования языка, привело к возникновению множества его толкований, обусловленных не только спецификой научного знания, но и различиями в понимании данного феномена даже в рамках отдельной науки. Как результат, существует множество разновидностей дискурса, выделяемых по самым разнообразным параметрам: политический, философский, субъектный, гибридный, феминистский и многие другие виды.

В нашей работе предпринята попытка выделения нового типа дискурса – дискурса новой эмоциональности – и встраивания его в систему представлений о дискурсе. В первую очередь необходимо рассмотреть основные подходы к пониманию дискурса, выявившие два макропонимания данного термина: классическое (лингвистическое) и постмодернистское (социологическое). Необходимо отметить, что и в рамках выше указанных пониманий не наблюдается единства в подходах к термину «дискурс».

В лингвистике, в свою очередь, также выделяются два основных подхода: формальный и функциональный. Основоположителем формального

подхода является американский лингвист З. Харрис, опубликовавший в 1952 г. статью «Discourse analysis», в которой употребил термин «дискурс» в значении последовательности предложений, произнесенной или написанной одним или более человеком в определенной ситуации [Harris 1952: 3]. Поскольку в рамках формального подхода к языку изучают «язык в себе», настаивая на независимости формы от функции, и считают коммуникативный аспект помехой при изучении языка, то объектом изучения при таком подходе к дискурсу является текст как последовательность высказываний больше предложения.

Несколькими годами позже французский лингвист Э. Бенвенист применил термин французской лингвистики «discours», означающий речь, в новом значении «характеристики речи, присваиваемой говорящим». [Бенвенист 1974: 296], то есть в значении изменяемого в процессе речи языка, осуществив тем самым поворот к личности человека. С этого момента дискурс начал рассматриваться в дихотомии с термином «повествование», характеризующимся отсутствием эксплицитного вмешательства субъекта высказывания. Такой подход к дискурсу получил название функционального, объектом исследования которого является выражение позиции говорящего.

Несмотря на разницу объектов исследования, оба подхода к лингвистическому пониманию термина «дискурс» связывают последний с текстом, речью и языком. Если в более ранних трудах (1960 – 70-х гг.) дискурс отождествлялся исключительно с текстом, то позже стал рассматриваться уже как составное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом еще и экстралингвистические факторы. Понятия текста и дискурса разводятся также на основании целого ряда оппозиций таких, например, как «процесс» – «результат», «актуальность» – «виртуальность» [Дейк, URL]. Такая характеристика дискурса как «процесс» объединяет его с речью. Однако наличие у дискурса системных признаков сближает его с языком. С позиции функционального подхода дискурс отличается от языка и речи наличием экстралингвистических факторов, составляющих контекст.

В противоположность лингвистической, постмодернистская теория, берущая свои основы, прежде всего, у М. Фуко, не связывает дискурс с изучением принципов устройства текста. В представлении М. Фуко дис-

курс есть «множество высказываний, принадлежащих одной формации» [Фуко 1996: 118], высказывание при этом понимается не последовательностью языковых знаков, а частью человеческого знания. Таким образом, дискурс представляется как материальная субстанция, в которой размещается сеть темпоральных и пространственных (социальных, экономических, географических и лингвистических) характеристик, позволяющих выйти за пределы одного текста и проникнуть в разные тексты. В результате дискурс предстаёт как система идей, знаний, взглядов в социуме, влияющая на участников данного социума.

Зародившись в философии, теория М. Фуко была адаптирована и к лингвистике, в частности, О.Л. Михалёвой, которая связывает правила речевого взаимодействия с определенными социокультурными условиями. Автор делает вывод о том, что выбор языковых средств для высказываний обусловлен либо мироощущением субъекта, и тогда можно говорить о дискурсе отдельного человека (субъектный дискурс), например, дискурсе отдельных языковых личностей, либо существующим в социуме способом осмысления некоего социального феномена/объекта (объектный дискурс), такого как, к примеру, политический дискурс [Михалева 2007: 362].

Дискурс субъекта подразумевает использование языковых средств, отражающих картину мира говорящего. Как результат дискурсивный подход при анализе данных языковых средств позволяет выявить особенности ментального пространства говорящего, то есть реконструировать дискурс субъекта. Дискурс объекта, подразумевающий правила речевого взаимодействия в определенной социокультурной среде, позволяет посредством анализа языковых средств выявить способы восприятия определенного социального явления. О.Л. Михалёва уточняет, что дискурс объекта подразумевает не предмет речи, а способ её организации, то есть не о чём говорят, а как говорят. Как следствие, автор считает возможным утверждать, что дискурс выстраивает определенным образом не только речь, но и мысль и предопределяет выбор определенных средств языка для этого [Михалёва 2007: 365].

О.Г. Ревзина вводит понятие «бессубъектный дискурс» [Ревзина 1999: 25] в противоположность субъектному. Если под субъектным дискурсом понимается способ говорения, присущий конкретному человеку: у такого

дискурса есть автор, он линейен и производим, то бессубъектный дискурс определяет характер языкового сознания целого этнокультурного коллектива: он «анонимен, нелинейен и воспроизводим» [Там же: 26].

В качестве новой дискурсивной формации, которая по М. Фуко является действительным контекстом, детерминирующим жизнь языка, отчетливо выделяется в наши дни тенденция к использованию лексики психотерапии вне поля институционального психотерапевтического дискурса и, более того, в не частных ситуациях. Такой вид дискурса именуется нами дискурсом новой эмоциональности и вписывается, по нашему мнению, в понимание бессубъектного дискурса в трактовке М. Фуко. Исследование дискурса новой эмоциональности, на наш взгляд, целесообразно проводить на корпусе текстов средств массовой коммуникации, поскольку именно там такой тип интеракции реализуется и функционирует, и такие тексты представляют особый интерес для исследования языка в социокультурном аспекте.

Эмоциональность представлена как «новая», поскольку лексика психотерапии и ее производные, используемые в качестве эмотивов в таком виде дискурса, с учетом выявленной обратной связи между произнесением эмоционального слова и ощущением соответствующей эмоции [по Плампер 2018: 54] модифицирует испытываемые переживания в сторону их переосмысления через призму терапевтической логики.

Приведем несколько примеров (орфография и пунктуация авторов сохранены):

(1) *Иногда кажется, вот этот человек или страна – абьюзер!!! Давайте отменим её!!! Будем ненавидеть её всем миром и при этом призывать жителей этой страны к любви и терпению, а ещё лучше: к распаду страны, зачем она такая «плохая» нужна?»* [https://dzen.ru/a/Yz6OH2e_oTqWCWv1].

(2) *«Соцсети сейчас пробивают при приеме на работу. Экстремистски настроенных женщин не ждут на приличных должностях и в хороших компаниях. Это не значит, что на работе все кругом только и делают, что абьюзят и харрасят. Нет, большинство людей как раз адекватные и порядочные. Просто скандалисты никому не нужны* [<https://dzen.ru/a/XbqVH04FdWcW0FVv>].

(3) Думаете, кто-то увидит у знакомой (или кандидатки на должность) пост с тегом *metoo* и подумает: “Ооо, да ее нельзя трогать, она заставляет себя уважать!”. Нет, конечно. Подумает, что очередная **душиная** зануда, от которой на всякий случай надо держаться подальше (и в рабочих вопросах тоже)» [https://dzen.ru/a/XbqVH04FdwCw0FVv?referrer_clid=1400&sid=542117922142606542].

(4) Лучшая защита от **токсичных** личностей – тщательно фильтровать своё окружение и не подпускать к себе кого попало. Конечно, бывают и исключения, когда такие люди всё-же просачиваются к нам, но лично я для себя выработал методичку борьбы с так называемыми **«токсиками»**... [https://dzen.ru/a/Y4S-xwp3LiOL6P7V?referrer_clid=1400&sid=].

(5) Теперь уже быть больным не стыдно и не стрёмно. Более того, некоторые из особо продвинутой молодежи решили, что в **депрессиях** и **аффективных расстройствах** есть что-то прекрасное и удивительное, что может добавить тебе “изюму” в имидж.

Кто у нас лучшие всего отыгрывал **биполярочку**? Где мой две тысячи седьмой? Правильно – представители субкультуры **эмо**! [https://dzen.ru/a/YQgpa75Nbj1DFUES?referrer_clid=1400&sid=115782555421466644]

Приведенные примеры никак не связаны с институциональным дискурсом: авторы, не являющиеся агентами и клиентами психотерапевтического дискурса, делятся своими мыслями и опытом в постах и оставляют комментарии на самые разные темы (политика, трудоустройство и пр.). Эти тексты предназначены для публичного доступа и, как видно из примеров, характеризуются яркой эмоциональной окрашенностью, которая осуществляется посредством, в частности, лексических эмотивов. В качестве эмотивной лексики выступают, главным образом, лексические единицы психотерапевтического дискурса со своими производными, зачастую неологизмами (*токсик*, *абьюзить*, *биполярочка* и пр.). По причине того, что выбор языковых средств для высказываний обусловлен, как упоминалось выше, мироощущением социума, то, на наш взгляд, можно говорить об эмоционализации современной культуры и переосмыслении людьми своих переживаний сквозь призму психотерапии.

Таким образом, дискурс новой эмоциональности можно определить как неприватный эмоционально окрашенный тип дискурса неинституци-

онального характера, языковые средства которого включают лексику психотерапевтического дискурса и ее производные в качестве эмотивов. Кроме того, этот вид дискурса, как дискурс бессубъектный, характеризуется анонимностью, нелинейностью и воспроизводимостью.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Дейк ван Т. К определению дискурса / Т. ван Дейк. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 20.10.2023)
3. Михалева О.Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки // Материалы Международной научной конференции «Системное и асистемное в языке и речи», Иркутск, 10–13 сентября 2007 г. С. 360–377.
4. Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
5. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25–33.
6. Фуко, М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
7. Harris Z.S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 1–30
8. <https://dzen.ru>

DISCOURSE OF NEW EMOTIONALITY IN THE SYSTEM OF IDEAS ABOUT THE FUNCTIONING OF LANGUAGE

© *E.M. Istomina*

Abstract. The attempt to introduce a new kind of discourse – the new emotionality discourse – is made in the article. The aim is to define this type of discourse, develop its characteristics, and embed the new emotionality discourse into the system of ideas about the language functioning. For this purpose, existing approaches towards discourse were analysed. The new emotionality discourse was defined as the worldview of modern society (discourse according to M. Foucault), which is linguistically expressed by means of the new emotionality vocabulary. With the discursive analysis method, the main characteristics of this discourse – anonymity, non-linearity, reproducibility, emotionality, non-institutionality and non-privacy– were developed. The study of the new emotionality discourse allows to educe social and cultural changes in the modern society.

Keywords: *subject discourse, object discourse, non-subject discourse, new emotionality discourse, new emotionality vocabulary.*

НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ ЖЕСТ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

© Л.В. Калинина

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики и функционирования устойчивого сочетания *неопределённый жест* в русском языке с целью выявления типичных контекстов употребления данной коллокации и тех ситуаций, для описания которых она выбирается. Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка. В ходе исследования в качестве основных применялись методы дискурсивного, контекстуального и интерпретационного анализа. Установлено 8 типов контекстов, в которых обычно используется сочетание *неопределённый жест*, описаны лексические, морфологические, синтаксические компоненты, характерные для таких контекстов. Также выявлено 5 типов ситуаций, в которых говорящий может использовать неопределённый жест, и показано, что смысл неопределённого жеста, несмотря на потенциальное наличие вариантов его интерпретации, обычно правильно понимается партнёром по коммуникации.

Ключевые слова: семантика неопределённости, невербальная коммуникация, жесты, коллокация, контекстуальный анализ.

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности семантики и функционирования в речи устойчивого сочетания *неопределённый жест*. Обращение к данной теме вызвано актуальностью изучения с когнитивных позиций языковых средств, номинирующих трудности восприятия, категоризации и интерпретации объектов и явлений действительности.

Лингвисты уже обращались к изучению, с одной стороны, семантики неопределённости и смежных смысловых областей [ср., напр.: Голубева 2020; Калинина 2023; Падучева URL и др.], с другой стороны – мультимодальной коммуникации, в частности, жестикуляции в ситуации сомнения, неуверенности, неопределённости [ср. Григорьева и др. 2001; Гришина 2015; Ирисханова и др. 2022; Крейдлин 2004 и др.], но специальный анализ функционирования в условиях контекста устойчивого выражения *неопределённый жест*, насколько нам известно, ещё не проводился. Между тем такой анализ мог бы в некоторой степени дополнить результаты, полученные в ходе мультимодального дискурс-анализа.

Словосочетание *неопределённый жест* может рассматриваться как коллокация – «фразеологизм, обладающий низкой идиоматичностью, имеющий преимущественно структуру словосочетания» [Баранов, Доб-

ровольский 2020: 276]. По данным онлайн-ресурса [PAC URL], реакция *неопределённый* входит в число 15 первых реакций на слово-стимул *жест* (всего на слово *жест* отмечается 224 различных реакции). Будучи устойчивым, словосочетание *неопределённый жест* используется в различных ситуациях как лексическая единица, с помощью которой условно обозначается своеобразная коммуникативная «развилка», когда смысл, вкладываемый в жест его производителем, или смысл, считываемый адресатом, имеют варианты понимания. Это один из тех случаев, когда, по словам Т.Б. Радбиля, «адресат обречен искать пути интерпретации, если хочет остаться в зоне действия Принципа Кооперации» [Радбиль 2017: 219].

Наша задача – проанализировать контексты употребления коллокации *неопределённый жест* и выявить ситуации, для описания которых выбирается данное языковое средство. Материал для наблюдений (в количестве 120 примеров) был извлечён из Национального корпуса русского языка. Рассмотрим, какого рода телодвижения объединяются данной номинацией, кем и в каких ситуациях они осуществляются, в каких случаях жест действительно создаёт неопределённость и вызывает коммуникативные затруднения, а в каких его смысл оказывается вполне ясным.

Производителем неопределённого жеста в подавляющем большинстве случаев является 3-е лицо (*он, она*). Характеристика жеста как *неопределённого* исходит в таком случае от стороннего наблюдателя, то есть производитель жеста и его интерпретатор – это разные лица. Нам встретилось лишь 5 примеров, где жест и производит, и называет 1-е лицо: *я сделал / делаю неопределённый жест*.

Неопределённый жест может производиться **различными частями тела**. В контексте в качестве активного органа чаще всего называется *рука* (40 примеров), но также это могут быть *руки, пальцы, ладонь, кисть, плечо, плечи, нога, голова*. Ср.: *Николай сделал неопределённый жест рукой* (Ю. Кашкин. Валюха-горюха); *Греве сделал пальцами неопределённый жест, означающий догадку...* (Л. Соболев. Капитальный ремонт); *Он сделал неопределённый жест ладонью в воздухе* (М. Криницкий. Бакалейщики); *Я, ничего не понимая... сделал неопределённый жест плечами и хмыкнул* (О. Гладов. Любовь стратегического назначения); *Она сделала неопределённый жест ногой* (М. Криницкий.

Маскарад чувства). В большинстве же случаев (65 примеров) активный орган в контексте вообще не назван, но очевидно, что пресуппозитивно таким органом выступает рука. Ср.: *И он **неопределённым жестом** показал обширную площадь по всему песчаному склону* (С. Голицын. Тайна старого Радуля).

Установить, как именно может выглядеть телодвижение под названием *неопределённый жест*, весьма затруднительно. Скорее всего, жест, который называют *неопределённым*, может относиться к **жестам сложной траектории** – круговым и колебательным. По наблюдениям Е.А. Гришиной, колебательные жестовые движения могут передавать семантические компоненты ‘неуверенность’, ‘несущественность’, ‘точка отсчёта’, ‘двойственность и разнообразие’, круговые жесты – ‘развитие’, ‘повтор’, ‘тотальность’, ‘неопределённость’, ‘трансформация объекта’ [Гришина 2015]. Ср. в связи с этим: *Молотов... **сделал неопределённый жест рукой, прочертив полукруг зажатой в пальцах сигарой*** (А. Чаковский. Блокада).

В контекстах, содержащих рассматриваемую коллокацию, более или менее регулярно присутствуют определённые **лексические, морфологические, синтаксические компоненты** – «спутники» сочетания *неопределённый жест*. Перечислим их в порядке убывания примеров в нашем материале.

1. Вопросительное предложение в предтексте. Как правило, задаваемый вопрос является конкретным, касающимся новой и неизвестной собеседнику информации. Неопределённый жест является ответом на этот вопрос и говорит либо о нежелании жестикулирующего отвечать, либо о его незнании, что на этот вопрос ответить. Ср.: – ***Кого будут хоронить в этой могиле?*** – *Он **сделал неопределённый жест** рукой.* – *Неизвестно ещё, дорогой, неизвестно* (Г. Газданов. Возвращение Будды); ***Ты на сколько приехал?.. Сергей Андреевич **делает неопределённый жест***** (А. Битов. Заповедник).

2. Указательные слова в предтексте. Чаще всего такими словами являются местоимения и наречия *такой, там, тот, туда, тут, они, эдак, это* и др. Ср., напр.: ***Им, – Миргородский **сделал неопределённый жест**, – хочется, чтобы мы занимались девочкой*** (А. Терехов. Камен-

ный мост); – *Где же подождать?* – *Да вот тут и подождать*, – пояснил о. Зосима, *сделав рукой неопределённый жест* (Г. Недетовский. Родня).

3. Лексические и графические средства, вводящие интерпретацию неопределённого жеста. В таких случаях смысл жеста раскрывается в последующем тексте в виде приписывания жестикулирующему тех или иных мыслей, которые обычно вводятся с помощью частицы *мол*, союза *как бы*, использования кавычек. Ср., напр.: *Блондин ответил неопределённым жестом, как бы говорящим: «Что ж тут поделаешь...»* (А. Толстой. Хождение по мукам); *...Подумав о том, куда уйдут деньги, он вдруг улыбается и делает неопределённо-загадочный жест рукой: куда, мол, надо, туда и пойдут* (А. Эфрос. Профессия: режиссёр).

4. Отсутствие указаний на смысл неопределённого жеста / характеристика жеста с помощью неопределённого местоимения. Контексты такого рода не содержат авторских указаний на то, что мог бы означать неопределённый жест. Представить и интерпретировать *неопределённый жест* читатель может только с опорой на всю описываемую в тексте ситуацию и на собственный опыт общения. Ср., напр.: – *Десять человек на пилку дров!.. Фельдфебель посмотрел на нас, подумал, заглянул в свою книжку, сделал рукой какой-то неопределённый жест и, направляясь к воротам, крикнул: – Ну, а вы – в барак!* (П. Рассказов. Записки заключённого).

5. Лексические единицы, указывающие на точное понимание адресатом смысла неопределённого жеста. На то, что смысл неопределённого жеста был (или должен быть) понят, указывает присутствие в контексте лексических единиц *понять, знать, ясно, понятно, очевидно, значит, стало быть* и т. п. Ср.: – *Это вот как раз вчера принесли, – сказал Хазин, сделав неопределённый жест, из которого им, однако, стало ясно, что между тем, что «наклёвывается», и этими книжками существует связь* (В. Кормер. Наследство).

6. Многоточие как знак умолчания, допускающего неоднозначную интерпретацию. В случае завершения фразы многоточием неопределённый жест используется вместо слов ‘не знаю точно’, ‘не хочу / не могу сказать’, ‘не уверен’, ‘сложно передать словами’, ‘не стоит говорить об этом прямо’ и т. п. Ср.: – *Парень с бандитами всю жизнь воевал, отвык,*

можно сказать, от женской ласки, **вот и...** – Евгений Викторович **сделал неопределённый жест** (А. Житков. Супермаркет).

7. Лексические единицы, указывающие на прерывание коммуникации одним из её участников. В контексте присутствуют глаголы физического действия/перемещения *уйти, выйти* и др. Ср.: *Он встал... и, сделав, какой-то неопределённый жест в сторону... великого стратега, поспешно пошёл вон из зала* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный); – *Жулик! Все тут жулики...* – *Я сделал неопределённый жест, вроде того, что сочувствую ему, и пошёл вниз к коменданту* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке). Сюда же можно отнести случаи, когда один из участников принуждает другого уйти, например: – *Господин, дозвольте... хоша бы какой работишки... Тот мельком вскинул очками и сделал неопределённый жест. – Идите, идите себе домой. Вот нужны будут рабочие, тогда приходите* (А. Серафимович. Никита).

8. Лексические единицы, указывающие на существование вариантов понимания ситуации. Такие единицы разнообразны: *предполагать, гадать на кофейной гуще, какой-нибудь, так, вообще* и др. Ср.: – *В такой вечер нет ничего лучше, чем сидеть... и беседовать о чём-нибудь приятном. Так, вообще, – он сделал неопределённый жест тонкой белой рукой, – ничего конкретного, что могло бы невзначай опечалить или испортить настроение* (Н. Дежнев. В концертном исполнении).

От анализа языковых единиц, сопровождающих описание неопределённого жеста, перейдём к характеристике **смыслов, передаваемых неопределённым жестом.**

Контекстуальный анализ выделенных групп показывает, что **субъект** использует неопределённый жест в следующих основных **ситуациях**:

1) когда он действительно не знает ответа на вопрос собеседника, ср.: – *Вы его знаете? Я не знал, что ответить, и сделал неопределённый жест ладонью* (П. Губарев. Карты местности);

2) когда он хочет показать, что не имеет точной информации или однозначного мнения о чём-либо, ср.: *Генерал Буланин сделал неопределённый жест. – Предполагать можно и предполагать нужно всё, что угодно* (И. Солоневич. Две силы);

3) когда он не хочет давать прямой ответ на вопрос, сознательно скрывает информацию или своё мнение о чём-либо, ср.: – *Аркаша звонил...* –

Какой Аркаша? – спросил Шумаков, и Пафнутьеву вопрос не понравился. Пафнутьев сделал неопределённый жест рукой и... замолчал, сознательно замолчал (В. Пронин. Банда 8);

4) когда он не утруждает себя подробными объяснениями, так как уверен, что его и так поймут правильно, ср.: *Яков Михайлович... сделал почитительно склонившемуся к нему официанту неопределённый жест. – Вас понял, Яков Михайлович. Сосновского здесь знали, у него были стабильные вкусы и неограниченный кредит* (Л. Корнешов. Газета);

5) когда он хочет дать понять, что тему необходимо сменить или что дальнейшая коммуникация в принципе нежелательна, ср.: *– Пишите в главное управление лагерей, – генерал сделал неопределённый жест штатскому и быстро пошёл, уходя от начинающейся в рядах тревоги* (Н. Гаген-Торн. Memoria).

Как можно заметить, диапазон использования неопределённого жеста субъектом весьма широк: от истинного незнания до точного знания, от желания скрыть что-либо до полной уверенности, что понимание состоится.

Что касается **адресата** неопределённого жеста, то он имеет две основные «опции». Адресат может не понимать смысл жеста – что, однако, отмечается лишь в единичных примерах, ср, напр.: *– Ну ты же видишь, – снова сделала в сторону Лысой тот же неопределённый жест. – Что, что я должен видеть? – Ласточник готов был уже озлиться* (Н. Кожевникова. В лёгком жанре). Однако в подавляющем большинстве случаев адресат хорошо понимает смысл жеста, включая все описанные выше ситуации.

Таким образом, анализ устойчивого сочетания *неопределённый жест* показывает, что данная единица а) обозначает жест предположительно круговой траектории, как правило, производимый рукой и описываемый от 3-го лица; б) используется в окружении определённых лексическо-морфологических и синтаксических средств; в) может передавать широкий спектр смыслов и, соответственно, допускает богатые возможности для интерпретации – как правило, успешной.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Коллокация // Русский язык: Энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 276–277.
2. Голубева О.В. «Пятьдесят оттенков» смысловой неопределённости // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2020. № 4. С. 17–23. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.017.
3. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.–Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
4. Гришина Е.А. Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 238–286.
5. Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В. Тактики референции в полимодальном экспланаторном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 369–376.
6. Калинина Л.В. *Неопределённый* vs. *неуловимый* в аспекте категориального восприятия // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 28–46. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-28-46.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
8. Падучева Е.В. Неопределённость как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (дата обращения 08.07.2023).
9. Радби́ль Т.Б. «Аномалии говорящего» vs. «аномалии адресата» // Радби́ль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 218–225.
10. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 15.08.2023).

VAGUE GESTURE: SEMANTICS AND FUNCTIONING

© L.V. Kalinina

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantics and functioning of the stable word combination *vague gesture* in Russian in order to identify typical contexts of the use of this collocation and those situations for which it is chosen to

describe. The study was conducted on the material of the National Corpus of the Russian language. In the course of the study, the methods of discursive, contextual and interpretative analysis were used as the main ones. There are 8 types of contexts in which the combination *vague gesture* is usually used, lexical, morphological, syntactic components typical for such contexts are described. There are also 5 types of situations in which the speaker can use a vague gesture, and it is shown that the meaning of a vague gesture, despite the potential availability of options for its interpretation, is usually correctly understood by the communication partner.

Keywords: *semantics of uncertainty, nonverbal communication, gestures, collocation, contextual analysis.*

СИМВОЛИЗАЦИЯ КРОВИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

© В.И. Карасик

Аннотация. Цель статьи – описание крови как лингвокультурного концепта в коллективном и индивидуальном сознании в единстве понятийных, образных и ценностных признаков. Используются методы контекстуального и интерпретативного анализа. Установлено, что в понятийном плане фиксируются биологические свойства крови как важнейшей характеристики живых существ и метонимические переносные значения крови как родства, происхождения, характера человека. Ситуативно-образные описания крови выдвигают на первый план идею кровавых столкновений, в метафорах кровь осмысливается как воплощение жизни, в метонимических переносах – как происхождение персонажей. Ценностное осмысление этого концепта прежде всего акцентирует осуждение кровопролития, подчеркивается неизбежность жертв во время войны. В поэтических текстах кровь становится символом жертвенности, страданий и мучений, а также земных человеческих чувств.

Ключевые слова: *символ, концепт, ценность, кровь, языковое сознание.*

Осмысление мира представляет собой выделение значимых объектов осваиваемой реальности, уточнение их характеристик и осознание их значимости. Эти векторы познания и преобразования действительности рассматриваются в лингвокультурологии как понятийные, образные и ценностные характеристики переживаемого знания [Воркачев 2001; Воробьев 1997; Демьянков 2001; Карасик 2002; Красавский 2001; Пименова 2007; Радбиль 2017; Слышкин 2004; Степанов 1997; Стернин 2008; Шмелев 2002]. Понятийное осмысление реальности выражается в категоризации мира, т.е. в определении основных координат бытия, узнавании предметов, явлений или событий, отнесении соответствующих объектов к тому или иному классу. Образное осмысление в широком понимании представляет собой ситуативное уточнение этих объектов в их перцептивно воспринимаемых характеристиках. Ценностное осмысление – это соотнесение объектов с основными направлениями квалификации реальности как опасной или безопасной, полезной или вредной, красивой или отталкивающей, соответствующей или противоречащей определенным нормам этики [Дементьев 2013; Кононова 2022; Rokeach 1973; Schwartz 1992]. Наиболее важные ценностно маркированные объекты приобретают символический смысл, т.е. воспринимаются как знаки с высокой метафорической мощностью, занимающие центральное место в ценностной кар-

тине мира индивида и общества либо определяющие истолкование ситуации и текста [Аверинцев 1983; Лосев 1995; Лотман 2000; Шелестюк 1997; Якушевич 2012].

В ряду символически оцениваемых объектов выделяется класс биологических характеристик живых существ. К таким характеристикам относятся проявления рождения, жизни и смерти, дыхания, движения, питания, устройства организма. Кровообращение в этом плане является необходимым условием существования. Обратим внимание на разную степень освоения определенной информации в коллективном сознании: кровь множественно и вариативно осмысливается в обиходном и научном общении, в то время как лимфа находится на периферии знания у многих людей.

Понятийные характеристики концепта «кровь» устанавливаются на основании дефиниций в толковых словарях.

Кровь – красная жидкость, которая, обращаясь в организме, обеспечивает питание его клеток и обмен веществ в нем (ССРЛЯ); красная, жизненная жидкость, которая обращается в животном теле, в жилах, силою сердца (Даль); 1. Кровь – это красная жидкость, которая движется по кровеносным сосудам в вашем теле и питает ваш организм кислородом и полезными веществами. 2. О родственниках говорят, что они родная кровь или одной крови. 3. Кровью называют происхождение человека. 4. Если в ваших жилах течёт кровь какой-либо национальности, значит, вы частично или полностью к ней принадлежите. 5. Если в ком-либо течёт голубая кровь, значит, этот человек имеет дворянское происхождение. Голубой кровью называют также человека дворянского сословия. 6. Когда о лошади, собаке и т. п. говорят, что они чистых кровей, то имеют в виду, что у них все предки были одной, а не смешанной, породы. 7. Кровью называют ваш темперамент, характер. 8. Когда говорят, что какое-либо качество, манера поведения и т. п. человека в его крови, то имеют в виду, что они свойственны его характеру, его натуре. 9. О румянном, пышущем здоровьем человеке говорят, что он кровь с молоком. 10. Если вам кровь бросилась в лицо, значит, вы внезапно покраснели от сильных эмоций, например от стыда или ужаса. 11. Когда вы полны жизненных сил, энергии, то о вас могут сказать, что в вас кровь играет. 12. Если у вас кровь стынет в жилах от чего-либо, значит, вы испытываете чувство ужаса,

сильного испуга. 13. Если человеку кровь ударила, бросилась в голову, значит, он испытал потрясение и перестал контролировать свои чувства, действия. 14. Когда вы говорите, что кто-то испортил, попортил вам кровь, вы имеете в виду, что этот человек доставил вам большие неприятности, принёс много хлопот. 15. Если вы чем-либо портите себе кровь, значит, вы расстраиваетесь, пребываете в дурном настроении из-за этого. 16. Если кто-либо пьёт чью-либо кровь, значит, он мучает, притесняет других людей. 17. Кровью называют кровопролитие. 18. Если кто-либо пролил кровь другого человека, значит, он его убил. 19. Если кто-либо виновен в смерти другого человека, то говорят, что на нём кровь этого человека. 20. Если у кого-либо руки по локоть в крови, значит, он виновен в гибели многих людей. 21. Если кто-либо пролил свою кровь за что-либо, кого-либо, значит, этот человек, сражаясь за них, получил ранение или погиб. 22. Если вы зарабатываете деньги, еду и т. п. потом и кровью, значит, вы зарабатываете их тяжёлым трудом. 23. Если у вас сердце кровью обливается, глядя на что-либо, кого-либо, значит, вы испытываете сочувствие, жалость, сострадание к ним (Дмитриев).

Эти признаки сгруппируются следующим образом: 1) жидкость, 2) красного цвета, 3) циркулирующая в организме, 4) обеспечивающая питание его клеток кислородом, 5) осмысливаемая как родство, 6) как происхождение, 7) как характер, 8) как показатель здоровья, 9) как показатель переживаний, 10) как кровопролитие, 11) как энергия. Можно заметить, что осмысление этого концепта включает внешние и функциональные признаки крови, а также метонимические переносы (общность с кем-либо, здоровье и эмоциональное состояние, причинение физического или морального вреда).

Эти характеристики подтверждаются и уточняются в коммуникативных ситуациях, иллюстрирующих использование слова «кровь» в речи (на основании примеров из «Национального корпуса русского языка»).

В текстовых иллюстрациях речь идет о выступившей крови в результате ранений:

В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азазелло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет (М. Булгаков).

Римские лошади, возвращаясь после славных походов восвояси, вечно хромали: ноги у них были изранены и сбиты в кровь (Я. Зубцова).

Море изрядно побило ее о камни, в кровь расцарапало спину и выбросило на берег (Н. Склярова).

Кровь льётся и запекается:

Мы перестали реагировать на пролитую кровь (А. Гулина).

Дома от тупой боли в голове она потрогала ушиб. Сплошная корка: волосы, запекаясь кровь (Г. Бакланов).

Вытираю кровь у него с лица и никак не могу остановиться (А. Геласимов).

Уточняются биологические свойства крови:

Раз в 2 месяца необходимо проверять кровь на содержание в ней гормонов щитовидной железы (И. Смирнов).

Это для строителей как выброс адреналина в кровь: заставляет шевелиться, искать новые возможности и новые рынки (И. Бондаренко).

Кровь приливает к лицу от волнения и пульсирует в висках:

«Можешь убираться отсюда!». Кровь бросилась ему в лицо. Это выкрикнул его ребенок, любимый, балованный, его единственная девочка, ни на кого не похожая, самая хорошенькая, самая способная... (И. Муравьева).

Грудь его теснило, кровь стучала в висках от предчувствия перемен в своей судьбе... (Ю. Трифонов).

Драка до крови – это жестокое столкновение:

Ну, сегодня, кажется, сыграли вничью, но так дальше не пойдет – будем драться в кровь (Ю. Домбровский).

Обратим внимание на разговорное выражение, обозначающее достижение результата любой ценой:

Кровь из носа, но обеспечить его руководящей должностью (А. Рыбаков).

Пролитие крови осмысливается как неизбежное горе:

Там, где есть насилие, – объяснял Иконников Мостовскому, – царит горе и льется кровь (В. Гроссман).

Метонимически кровь понимается как происхождение человека:

Крестьянская кровь все-таки заговорила в ней (Л. Улицкая).

Не какой-то титулярный советник Поприщин мог претендовать на корону, а он, генерал Дубельт, в жилах которого текла голубая кровь испанских Бурбонов (Ю. Давыдов).

Можно подумать, что в нем вскипала кровь его военных предков (Д. Гранин).

Метафорические переносы показывают кровь как жизненную энергию:

За каждым таким «выправленным словом» – кровь и слезы автора, капельки крови на живой ткани рассказа (А. Мильчин).

Я воскликнула: из тебя пьют кровь все, кто вокруг тебя! (А. Славовский).

Все это я изложил моему другу и моему брату, которых решил превратить по примеру Дюма-пера в своих литературных негров: я предлагаю тему, пружину, они эту тему разрабатывают, облекают в плоть и кровь сатирического романа (В. Катаев).

Примеры свидетельствуют о понимании крови как источника жизненной энергии, часто говорится о кровопролитии, в метафорах кровь осмысливается как воплощение жизни, в метонимических переносах – как происхождение персонажей.

Оценочные характеристики поведения, связанного с пролитием крови, выражены в пословицах и афоризмах.

Нужно воздерживаться от пролития крови:

Кровь людская – не водица (Рус.). Велика та победа, которая добыта без кровопролития (Исп.).

Пролитие крови ничем не компенсируется:

Не нужно мне золотого блюда, если на нем моя кровь (Груз.).

За пролитие крови придется расплачиваться:

Кровь смывается кровью (Рус.). Окунувший руки в кровь будет мыть их со слезами (Нем.). Там, где была пролита кровь, не произрастает дерево прощения (Бразил.). Око за око, кровь за кровь (Библия).

Во время войны кровопролитие неизбежно:

Война кровь любит (Рус.). Величие генералов основано на крови солдат (Итал.).

Нет прощения пролитию крови невинных людей:

Виноватого кровь – вода, а невинного – беда (Рус.).

Жажда кровопролития – качество низких натур:
Жаждешь крови? Ну и будь блохой! (Ежи Лец). Кровососы считают себя вершителями справедливости (Д. Квиллар).

Не следует считать, что люди различаются по крови:

Кровь дворян и простолюдинов одного цвета (Нем.).

Трудом можно достичь большего, чем войной:

Больше пота – меньше крови (Рус.).

Нельзя получить опыт без серьезных испытаний:

Опыт дается кровью (Евр.).

Людам свойственно в первую очередь защищать своих:

Родная кровь – не водица (Рус.). За кровь свою и курица – лютый зверь (Рус.).

Есть люди, от которых бесполезно добиваться сочувствия:

Не стоит пытаться выжать кровь из саранчи (Афр.).

Приведенные суждения выражают нормы гуманизма и равенства людей, но подчеркивают значимость противопоставления своих и чужих.

В поэтическом дискурсе можно увидеть различные грани символизации крови.

Кровь осмысливается как жертвенность:

За то ль, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?.. (А.С. Пушкин).

У русской песни есть обычай / По капле брать у крови в долг / И стать твоей ночной добычей (А. Тарковский).

Кровь является символом страданий и мучений:

В кругу кровавом день и ночь / Долит жестокая истома... / Никто нам не хотел помочь / За то, что мы остались дома (А. Ахматова).

Не спасешься от доли кровавой, / Что земным предназначила твердь (Н. Гумилев).

Звезда злоеца! Во мраке / Печальных лет моей страны / Ты в небесах чертила знаки / Страданья, крови и войны (Н. Заболоцкий).

Кровь осмыслена как суть человека:

Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей (О. Мандельштам).

Взглянул – так и знакомый, / Взошел – так и живи. / Просты наши законы: / Написаны в крови (М. Цветаева).

Кровь – это живое чувство:

О, знал бы я, что так бывает, / Когда пускался на дебют, / Что строчки с кровью убивают, / Нахлынут горлом и убьют! (Б. Пастернак).

Кровь противопоставлена разуму:

Счастливы в наш век, кому победа / Далась не кровью, а умом, / Счастливы, кто точку Архимеда / Умел сыскать в себе самом (Ф.И. Тютчев).

Кровь в сравнении с лучом показана как метафора земного и божественного:

Предвидеть не хочу, / Прошедшего не правлю, / Но жду, когда лучу / Я кровь свою подставлю (С. Липкин).

Кровь – это знак чувственной жизни, противопоставляемый ее отражению в слове:

То есть, чернила честнее крови, / и лицо в потемках, словами наружу – благо / так куда быстрее просыхает влага – / смеется, как скомканная бумага (И. Бродский).

Интересна метафора перехода вина в кровь:

Заснеженно летное поле, / и заледенело оно. / Болото вскипит поневоле, / и кровь превратится в вино (И. Фаликов).

В поэтических текстах кровь ассоциативно осмысливается как жертвенность, страдания и мучения, как сущность человека, как чувство, противопоставленное разуму, как земное бытие человека.

Резюмирую.

Кровь как лингвокультурный концепт осмысливается в коллективном сознании в единстве понятийных, образных и ценностных признаков. В понятийном плане фиксируются биологические свойства крови как важнейшей характеристики живых существ и метонимические переносные значения крови как родства, происхождения, характера человека. Ситуативно-образные описания крови выдвигают на первый план идею кровавых столкновений. Ценностное осмысление этого концепта прежде всего акцентирует осуждение кровопролития. В поэтических текстах кровь становится символом жертвенности, страданий и мучений, а также земных человеческих чувств.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 607–608.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64–72.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
4. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. 336 с.
5. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1. С. 35–47.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Кононова И.В. Художественный концепт как феномен индивидуального сознания // Художественный текст: формулы смысла: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2022. С.143–178.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
9. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. 320 с.
10. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
11. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
12. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
15. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.

16. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания, 1997. № 4. С. 125–143.
17. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
18. Якушевич И.В. Лингвокогнитивная типология символов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5–12.
19. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. 438 p.
20. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social Psychology. Vol.25. 1992. P. 1–65.

SYMBOLIZATION OF BLOOD IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

© *V.I. Karasik*

Abstract. The paper deals with a description of blood as a linguistic and cultural concept in collective and individual consciousness including its notional, situational and evaluative properties. Methods of contextual and interpretative analysis have been applied. From the notional point of view biological characteristics of blood as essential properties of living beings come to the fore, and metonymic understanding of blood as someone's kinship, origin or nature is emphasized. Situational and figurative properties of this concept focus on the idea of bloodshed in military collisions, metaphors underline blood as implementation of life, metonymy stresses the origin of people. Evaluative properties of blood consist in condemnation of bloodshed and emphasize inevitability of victims in war. The concept of blood in poetic texts becomes the symbol of sacrifice, suffering and human feelings.

Keywords: *symbol, concept, value, blood, linguistic consciousness.*

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВНУТРИЯЗЫКОВОГО ПЕРЕВОДА

© *Р.И. Кибкало*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внутриязыкового перевода, заключающегося в трансляции содержания текста из одного функционального стиля или одного жанра в другой, в данном случае научного текста – в научно-популярный. В корреляции с научным текстом, выступающим основой внутриязыкового перекодирования, устанавливаются типологические черты научно-популярного текста, обусловленные его главной коммуникативной целеустановкой. Трансляция информации в привлекательной для потенциального реципиента форме, по сути, прагматически обусловленная трансформация эпистемической ситуации, предполагает использование целого ряда стратегий и тактик популяризации научного знания, направленных на повышение доступности текста рядовому читателю. На основе сопоставительного анализа научного и научно-популярного текста приводятся примеры использования приемов прагматически обусловленного внутриязыкового перевода в сфере научно-популярной коммуникации. Наиболее частотными и прагматически эффективными являются при этом приведение примеров из повседневной жизни, упрощение дефиниций, использование восклицательных предложений и цепочек риторических вопросов.

Ключевые слова: *внутриязыковой перевод, научное знание, популяризация знания, эпистемическая ситуация, научно-популярный текст, прагматическая значимость.*

В последние десятилетия все большее значение приобретают входящие в круг интересов коммуникативной лингвистики проблемы исследования приемов эффективной коммуникации, донесения до реципиента авторской интенции, гармонизации общения. Особый интерес приобретает в этом плане научно-популярный дискурс в его различных жанровых репрезентациях, требующих в отличие от научного стиля «реализации «дополнительных задач коммуникации – необходимости перевода специальной научной информации на язык неспециального знания, а именно – задач популяризации научных знаний для широкой аудитории» [Кириченко 2003: 236], что предполагает прагматически обусловленное перекодирование научного знания, т.е., по сути, внутриязыковой перевод. Актуальность данного исследования обусловлена важностью изучения коммуникативных стратегий автора научно-популярного текста, направленных на популяризацию знания, обоснования особого статуса внутриязыкового

перевода в процессе вторичного текстообразования, нацеленного на широкий круг интересующихся наукой читателей.

Задача данной статьи – установить прагматические действенные приемы внутриязыкового перевода на материале научной статьи «Экзопланеты: от газовых гигантов к суперземлям» и научно-популярной книги «Разведка дальних планет» ученого-астронома, популяризатора науки В.Г. Сурдина [6, 7].

Основной целеустановкой научно-популярного подстиля является популяризация знаний в различных областях науки и техники в доступной для неискушенного реципиента форме. Принципиальным является при этом вопрос о первичности/вторичности таких типов текста. Научно-популярный текст нельзя отнести однозначно к первичному типу текста, но он не является и вторичным в общепринятом понимании этого слова, т.е. напрямую зависящим от исходного текста, так как «первичным по отношению к научно-популярному тексту является все интертекстуальное пространство в том понимании, что происходит популяризация научных результатов, полученных всем научным обществом» [Чернявская 2007: 42–43].

Коммуникативная задача научно-популярного текста обуславливает особенности его языкового оформления, в частности, здесь отсутствуют прямые ссылки, сноски, библиографический аппарат, вместо которых используются фразы обобщенного коллективного мнения, вводятся избыточные уточняющие детали, часто применяются повторы и пояснения для обеспечения доступности информации неспециалисту, в качестве иллюстрации используются примеры из повседневной жизни, не требуется также введение строгой последовательности доказательств и выводов.

В противоположность текстам научного стиля научно-популярные тексты отличаются экспрессивностью и индивидуально-авторской оценочностью, способствующими эффективной популяризации научного знания и составляющими одну из главных типологических характеристик научно-популярного дискурса. Так, здесь увеличивается частотность употребления средств образности, вопросно-ответных комплексов, эмоционально-оценочных единиц, выполняющих аттрактивную функцию, тогда как в научном тексте экспрессивность достигается главным образом не добавлением эмотивных выражений, а путем реализации стиливых черт

научного стиля – отвлеченно-обобщенного характера изложения, логизированной оценочности, номинализации изложения [Кожина 2003: 242–243].

В процессе трансляции сложного научного знания автор научно-популярного текста прибегает к целому ряду стратегий и тактик популяризации знания, направленных «на повышение доступности изложения и построение убеждающего дискурса» [Сухая 2012: 213]. Этим требованиям соответствуют стратегии, предполагающие использование приемов авторизации, экземплификации, снижения категоричности, диалогизации и эмоционализации, призванные преобразить характерную для научного текста оригинальную форму изложения научной концепции, гипотезы, снизить не в ущерб логичности когнитивную насыщенность, снабдив изложение экспрессивно-образными средствами, апеллирующими к читателю. По наблюдениям ученых, прагматическое отличие научно-популярной речи от строго научной состоит в опущении большей части логических доказательств и аргументации, имеющем целью сделать текст более доступным и увлекательным [Кириченко 2003: 238]. Все перечисленные стратегии используются автором-популяризатором в процессе внутриязыкового перекодирования научного содержания.

Впервые проблему внутриязыкового перевода поднял российско-американский лингвист Р.О. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода», описывающей три вида перевода, в том числе и внутриязыковой, который ученый определяет, как «интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» [Якобсон 1978: 16]. В наших рассуждениях мы исходим из определения отечественного переводоведа Л. Н. Нелюбина, трактующего внутриязыковой перевод как «перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой» [Нелюбин 2003: 32]. Такой вид функционально-стилевого перекодирования осуществляется только в одноязычной ситуации, когда прагматически обусловленная трансляция сообщения осуществляется на одном языке, в отличие от межъязыкового перевода, когда происходит интерпретация вербальных знаков посредством кодовой системы другого языка. При этом происходит своего рода «перевод», трансформация содержания текста из одного функционального стиля в другой, что обусловлено фактором адресата или иными условиями коммуникации.

В несколько ином ракурсе интерпретирует понятие «внутриязыковой перевод» О. А. Журавлёва: «перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи» [Журавлева 2003: 4], отмечая трудности сохранения лексических и синтаксических средств, с которыми приходится сталкиваться переводчику в его стремлении не только соответствовать тексту оригинала, но и сделать свой перевод понятным для современного читателя. Данное определение может быть экстраполировано и на научно-популярный дискурс, если ученый-популяризатор проводит сравнение научных концепций предшествующей эпохи с текущими представлениями, поскольку при этом автору приходится передавать знания коллективного научного сообщества соответствующей эпохи при помощи формулировок, понятных современному читателю.

В данной статье внимание сфокусировано на внутриязыковом переводе как специальном приеме интерпретации сложного научного знания посредством более понятных среднестатистическому читателю языковых средств. Внутриязыковой перевод можно рассматривать как процесс, реализующий один из аспектов обусловленной массовым адресатом трансформации эпистемической ситуации как объективного экстралингвистического фактора научной речи и как «универсальной экстралингвистической модели научного текста» [Котюрова, Баженова 2008: 47–48], а именно коммуникативно-прагматический аспект, раскрывающий ее антропоцентрические составляющие и реализующий фактор общедоступности знания посредством более легко воспринимаемой содержательно-текстовой формы. Личностно-авторский субъективный компонент эпистемической ситуации, куда входят как коммуникативно-прагматический, так и рефлексивный компоненты, является определяющим в текстообразовательном процессе научно-популярного текста.

Рассмотрим особенности межстилевого перекодирования информации посредством сопоставительного анализа содержания научной статьи и научно-популярного издания известного российского астронома и популяризатора науки В.Г. Сурдина, которые в разных формах описывают явление и историю открытия экзопланет, а также способов открытия этих небесных тел.

В ходе научного описания феномена экзопланет автор подробно касается определения понятия «планета», характеристикам которого, как ука-

зано в статье, соответствуют лишь *Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун* [Сурдин 2010: 2]. В научно-популярной интерпретации данного термина популяризатор не дает однозначного определения и, более того, расширяет круг небесных тел, которые подпадают под это название, приводя в пример планеты *Луна, Титан, Энецелад* и др. [Сурдин 2011: 8]. Из данного примера сознательного применения внутриязыкового перевода следует, что автор отказался от приведения точной трактовки термина «планета», ограничившись коротким списком подходящих под это название объектов, поскольку это облегчает восприятие информации и позволяет автору расширить круг изучаемых явлений, привести лишь общие научные сведения о небесных телах Солнечной системы.

В тексте научно-популярной книги ученый-популяризатор приводит в качестве иллюстративного примера историю из повседневной жизни, объясняя минимальность количества энергии, которое затрачивается на функционирование радиотелескопов: *Подняв этот лист к глазам, Вы затратили больше энергии, чем было собрано всеми радиотелескопами мира за всю историю существования радиоастрономии* [Сурдин 2011: 9]. Отметим, что в соответствующем пассаже научной статьи идет строгое описание конкретных физических процессов, стоящих за исследованием дальних планет при помощи радиотелескопа без введения научно не релевантных сведений, которые уместны в научно-популярном дискурсе при трансляции сложной информации для широкого круга читателей.

По нашим наблюдениям, и в научном тексте имеют место единичные случаи употребления восклицательных предложений, но это не является нормой, в то время как в научно-популярном тексте употребление восклицаний вполне уместно, они часто используются для повышения экспрессивности повествования и привлечения внимания читателя: *Это же характерно и для физики космических лучей: частиц с предельно высокой энергией за год попадаете лишь несколько штук!* [Сурдин 2011: 10].

В стремлении повысить диалогичность научно-популярной речи автор-популяризатор прибегает к употреблению риторических вопросов, а иногда и цепочечного нанизывания предложений с риторическим вопросом, вовлекающих читателя в диалог и способствующих активизации его когнитивно-мыслительных процессов: *Нужно ли тратить такие усилия*

на поиск нескольких экзотических элементарных частиц или нескольких явно непригодных для жизни далеких планет? Не лучше ли сосредоточиться на благополучии своей родной планеты? [Сурдин 2011: 11]. В этом состоит разница коммуникативных задач текстов двух функциональных стилей – научный текст имеет задачу убедить других специалистов, ученых в правильности и обоснованности выдвигаемой теории путем приведения четких аргументов, нацеленных на внимание специалистов, убеждающих их в валидности полученного нового знания, в то время как для научно-популярного текста характерен приоритет прагматических функций – не только познакомить неискушенного читателя с научными идеями и достижениями, но и заинтересовать, пробудить его познавательную активность, дать ему предмет для размышлений.

Таким образом, внутриязыковой перевод предполагает применение стратегий, реализующих модификацию коммуникативно-прагматического аспекта эпистемической ситуации, значимую для текстообразования в пространстве научно-популярного дискурса и направленную на популяризацию сложного научного знания. Наиболее частотными и прагматически эффективными являются при этом приведение иллюстративных примеров из повседневной жизни, введение риторических вопросов и их цепочек, повышение экспрессивности при помощи восклицательных предложений и упрощение научных дефиниций. В процессе прагматически обусловленной трансляции научного знания автор стремится не только передавать это знание в простой, доступной для читателя форме, но и расширить соответствующую область знаний, активизировать познавательные процессы.

Список литературы

1. Журавлева О.А. Структурно-семантические особенности внутриязыкового перевода (на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и их переводов на современный английский язык). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. 20 с.
2. Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 236–242.

3. Кожина М.Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 242–248.

4. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта, 2008. 280 с.

5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

6. Сурдин В.Г. Экзопланеты: от газовых гигантов к суперземлям / В.Г. Сурдин // Наука и технологические разработки. 2010. Т. 89. № 4. С. 3–19.

7. Сурдин В.Г. Разведка дальних планет / В.Г. Сурдин. М.: Физматлит, 2011. 538 с.

8. Сухая Е.В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». 2012. Вып. 6 (639). Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. С. 212–219

9. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 4-е./ В.Е. Чернявская. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 128 с.

10. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Пер. Л. Черняховской / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16–24.

POPULAR SCIENTIFIC TEXT AS A PRODUCT OF INTRALINGUAL TRANSLATION

© *R.I. Kibkalo*

Abstract. The article deals with peculiarities of intralingual translation, which holds the function of translating the text from one functional style to another, in this case from a scientific to a popular scientific text. In correlation to the scientific text, which presents itself as the base of intralingual re-encoding, main typological features of the popular scientific text are established, as defined by it's main objective of communication. Translation of information in a way most attractive to the potential recipient, or in other words, pragmatically determined transformation of the epistemic situation implies the use of strategies and tactics for popularization of knowledge, aimed at increasing the comprehensibility of the text for the average reader. Examples of employing pragmatically determined intralingual translation, based on the comparative analysis of the scientific and popular-scientific texts are also given. With regards to this, the most pragmatically effective and frequently used methods are:

examples from daily life, simplification of definitions, addition of exclamatory sentences and sequences of rhetorical questions

Keywords: *Intralingual translation, scientific knowledge, popularization of knowledge, epistemic situation, popular scientific article, pragmatic importance.*

ЛЕКСИКА РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ IT

© А.Д. Комышкова

Аннотация. Представленное исследование посвящено анализу значений лексем *шаман* и *бубен* в текстах дискурса IT. В качестве источника привлекались тексты сетевого сообщества Хабр, посвященные интернет-технологиям и написанные специалистами в области технологий. Наблюдение позволило установить, что *шаман* является регулярной номинацией программиста или специалиста в области интернет-технологий. Лексема *бубен* репрезентирует традиционное представление о магических атрибутах и является частью фразеологизма *танец (танцы) с бубном* в значении ‘исправление ошибки в работе системы, поиск решения’, а также употребляется в значении ‘программа для управления IT-инфраструктурой’. Регулярность метафорических значений в исследуемых текстах позволяет сделать вывод, что лексемы *шаман* и *бубен* являются частью языковой репрезентации когнитивной метафоры «IT – это религия», а именно отдельного фрейма в структуре этой метафоры.

Ключевые слова: дискурс IT, когнитивная метафора, религиозная метафора

Религиозная метафора в дискурсе IT не становилась предметом специального лингвистического изучения, несмотря на то что языковая специфика области компьютерных технологий и интернета давно привлекает внимание исследователей. Известны словари компьютерного жаргона или сленга [о разграничении понятий см. Комышкова 2021], отдельные исследования путей пополнения лексики в области интернет-технологий. Исследования показывают, что нередко источником жаргонизмов русского языка является религиозная лексика. Так, Л.В. Балашова отмечает: «как показал анализ жаргонных словарей, Интернет-общения и личные записи, носители сленга и арго активно используют как источник метафоризации религиозную лексику (около 400 единиц), среди которых большинство составляют слова, связанные с христианскими реалиями религиозного дискурса» [Балашова 2010: 9]. По словам Л.В. Балашовой, в компьютерном и молодежном сленге христианская лексика «представляет собой способ русификации англоязычной терминологии (ср.: *Аве Мария* – ‘звуковая плата «Sound Blaster AWE 32» от «Creative Labs Inc.»; *демон* – ‘программа эмуляции «CD» и прочих дисков «Daemon Tools»’)» [Балашова 2010: 12].

В своих работах мы также писали о том, что в текстах IT-дискурса последовательно реализуется концептуальная метафора «IT – это религия», и наиболее часто средством репрезентации этой метафоры становятся языковые единицы, связанные с прецедентной областью христианства. В наших исследованиях IT дискурса по материалам текстов сетевого сообщества Хабр мы приходили к выводу, что репрезентация этой метафоры охватывает не только сленговые единицы (например, обозначения *евангелист*, *апостол* не являются сленговыми или жаргонными) и более того, обнаруживается на уровне грамматики и стилистики, однако, безусловно, наиболее ярким уровнем репрезентации метафоры является лексика [Комышкова 2021].

Отчасти это связано с тем, что тематическая область «христианство» часто становится источником для метафоризации в русском языке: например, значение, реализованное в таких употреблениях, как *апостол революции* или *апостол демократии* закреплено в академических словарях [МАС]. Однако есть и другие группы слов, связанные с областью религиозных культов, приобретающие устойчивые метафорические значения в дискурсе IT. Рассмотрим некоторые из них.

Лексема *шаман* в общезыковом значении – «в некоторых языческих религиях народов Африки, Северной и Восточной Азии, Центральной Америки и Полинезии: служитель культа духов, вступающий в ритуальное общение с ними; колдун-знахарь, способный приводить себя в состояние экстаза» [БАС].

В текстах IT тематики лексема используется как номинация программиста или специалиста по программному обеспечению:

– Ставятся какие-то утилиты для мониторинга всего и вся, потом **главный шаман** с бубном время от времени просматривает графики и пытается идентифицировать факт наличия проблемы по ним.

– даже если **шаман** успеет распознать проблему до лавины жалоб, то все равно еще нужно время на поиск и устранение проблемы. [sorokin Мониторинг производительности веб-сервиса 4 августа 2010 в 01:52; здесь и далее цитируется по: Хабр URL]

– Исходя из всего вышесказанного наш **верховный шаман**, после консультации с шефом, выдвинул теорию, что на данный момент это один из самых перспективных девайсов данного класса. Потому как его архи-

текстура позволяет поставить туда и Windows и Linux. А наш **шаман** никогда не ошибается. [ШуТ Планшет WeTab, на базе MeeGo, поступил в продажу. 26 сен 2010 в 06:14]

Основания для такого устойчивого метафорического переноса – это представление о магических функциях шамана. Сфера IT концептуализируется в данном случае как сфера сверхъестественного (для обывателя), а программист – человек, способный повлиять на работу цифровых систем. Действия, которые производит системный администратор или другой специалист сферы, часто не поддаются рационализации (даже со стороны самого специалиста), и поэтому описываются в терминах магического акта.

Частым коллокантом лексемы *шаман* является лексема *бубен* как обозначение обязательного атрибута шамана. Следовательно, это слово тоже становится частью репрезентации метафоры религиозного культа.

Бубен – магический предмет, с помощью которого шаман воздействует на сверхъестественные силы. Интересно, что в дискурсе IT *бубен* не служит номинацией какого-то другого предмета из сферы технологий, а просто упоминается связи с фигурой программиста. *Танец (танцы) с бубном* – жаргонное выражение ‘исправление ошибки в работе системы, поиск решения’:

- **Танец с бубном.** Запустил HTPC. Пошла загрузка системы до раб. стола, поставил последнюю версию драйвера. Установка и перезагрузка прошла без проблем, но когда я запустил игру, монитор начал гаснуть и через 5 сек – обратно на рабочий стол. Выскакивало уведомление, что видеокарта работает в неправильном режиме. Ставил разные версии драйверов, даже заменил nVidia видеокарту на “тяжелую” от AMD... и т.д. [Glabsinski DIY: HTPC с внешней видеокартой 22 дек 2013 в 18:11]

- **Танец с бубном номер 1.** Отправка дескриптора. Шаг 1. Из прерывания мы вошли в процедуру и в цикл внутри этой процедуры... [Hikarinaka Виртуальный COM-порт на STM32 или как управлять контроллером через USB не привлекая внимания санитаров 17 июн 2022 в 11:10].

В связи с включенностью *бубен* в устойчивое сочетание возникает и метафорическое значение у самой лексемы. Например, в рекламной статье «Бубен существует. Доказано Alloy Software» *бубен* употребляется в

значении ‘универсальное решение для управления ИТ-инфраструктурой, ее мониторинга и контроля за ней’:

- **Бубен**: две реализации.

На рынке существует множество программ, решающих отдельные вопросы управления ИТ-инфраструктурой. Мы в Alloy Software изначально задались целью создать комплексное решение, максимально отвечающее всем запросам технических служб и способное создать единое рабочее пространство для управления, мониторинга и контроля ИТ-инфраструктуры. У нас накопился огромный опыт, множество требований к системе, но и этого нам казалось мало – нужна была та самая точка опоры, которая позволила бы учесть все нюансы администрирования. И мы её нашли. [Бубен существует. Доказано Alloy Software // ArsenyMeshkov 9 ноя 2015 в 16:23]

Более того, лексема *бубен* в дискурсе ИТ приобретает символическое значение, становясь словом-эмблемой для обозначения деятельности программистов разных областей и специализаций. Подтверждение этому находится, например, в названии конференции системных администраторов «Стальной бубен» или в контекстах наподобие этого:

– *Хочу купить бубен (шаманский) для своего знакомого – программиста. Он занят в довольно бубнообразующей области программирования, так что – очевидно для чего бубен нужен. [29 дек 2007 в 11:09 – орфография сохранена]*

На площадке Хабр можно встретить инструкции по изготовлению бубнов-талисманов для специалистов сферы ИТ.

Ироничность метафоры, репрезентированной рассмотренными лексемами (*шаман, бубен*), усиливает ее жаргонный характер. Вместе с тем, регулярная воспроизводимость метафорических значений этих слов в текстах, написанных специалистами в области цифровых технологий и посвященных технологиям, дает основания полагать, что «шаманизм» является отдельным когнитивным фреймом в структуре религиозной метафоры в дискурсе ИТ.

Список литературы

1. Балашова Л.В. Христианские ценности в зеркале жаргонной метафоры // Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М.Влад. Пимено-

ва. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).

2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. В авторской редакции 2014 года.

3. Комышкова А.Д. Христианская лексика в IT дискурсе: функциональный и когнитивный аспекты // Преподаватель XXI век 2021. № 4. Часть 2. С. 363–378.

4. Комышкова А.Д. Христианская метафора в IT дискурсе: лингвистический аспект // Modern Humanities Success/ Успехи гуманитарных наук №10. 2021. С. 173–180.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

6. Хабр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: habr.com (дата обращения 8.11.2023).

THE VOCABULARY OF A RELIGIOUS CULT AS A SOURCE OF METAPHORIZATION IN THE IT DISCOURSE

© *A.D. Komyschkova*

Abstract. The research is devoted to the analysis of the meanings of the *шаман* and *бубен* lexemes in the texts of the IT discourse. As a source, we involve texts of the Habr network community devoted to Internet technologies and written by specialists in technology. The observation allowed us to establish that the *шаман* is a regular nomination of a programmer or a specialist in the field of Internet technologies. The lexeme *бубен* represents the traditional idea of magical attributes and is part of the phraseology *танец (танцы) с бубном* in the meaning of ‘correcting an error in the system, finding a solution’, and is also used in the meaning of ‘a program for managing IT infrastructure’. The regularity of metaphorical meanings in the texts under study allows us to conclude that the shaman and tambourine lexemes are part of the linguistic representation of the metaphor "IT is religion", namely, a separate frame in the structure of this metaphor.

Keywords: *IT discourse, cognitive metaphor, metaphor of religion*

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСТУПЛЕНИЙ В.В. ПУТИНА НА ЗАСЕДАНИЯХ КЛУБА «ВАЛДАЙ»

© Н.Н. Кошкарлова

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуально-тематических и лингвопрагматических характеристик выступлений В.В. Путина на заседаниях дискуссионного клуба «Валдай». Клуб был создан в 2004 году, а название получил по месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай. В работе с лингвистической и экстралингвистической точек зрения проанализированы следующие темы в выступлениях президента России: 1. Роль России в мировом устройстве и геополитической ситуации. 2. Отношения России с «западными партнерами». 3. Суверенитет государств и пути его сохранения. 4. Стремление некоторых западных государств «импортировать» демократию. 5. Традиционные ценности и необходимость их сохранения. Делается вывод о том, что квинтэссенцией всех выступлений В.В. Путина является мысль о сохранении суверенитета России, о недопущении вмешательства во внутренние дела страны, о выстраивании государственного курса на основе традиционных российских ценностей.

Ключевые слова: дискуссионный клуб «Валдай», суверенитет России, традиционные ценности, идеологема, политический дискурс.

Современная политическая коммуникация характеризуется широким разнообразием жанров и жанровых форм, развитием форм взаимодействия акторов политического дискурса с целевой аудиторией, усилением личностного начала в указанном типе институционального типа интеракции. Выступление президента России В.В. Путина на заседаниях клуба «Валдай» отвечает всем перечисленным выше характеристикам, так как несмотря на известную степень традиционности данного формата общения, в новых социально-дискурсивных условиях он получает новые формы и грани воплощения. Целью настоящего исследования является концептуально-тематическое и лингвопрагматическое изучение выступлений В.В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай», который был создан в 2004 году, а название получил по месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай.

Ежегодно заседания клуба посвящены определенной социально-политической теме и имеют соответствующие названия. Так, первая

встреча в 2004 называлась «Россия на рубеже веков: надежды и реалии», а в 2023 г. участники встречи делились своими размышлениями на тему «Глобальная встряска—XXI: человек, ценности, государство». Как видно из всего лишь двух приведенных названий заседаний Клуба, основными вопросами на повестке дня являются вопросы глобального и регионального развития, место России в современном мире, цивилизационная принадлежность нашей страны, ее будущее в контексте угроз и вызовов современности. Не вызывает сомнения тот факт, что выступления лидера нашей страны также отражают перечисленные концептуально-тематические характеристики встреч Клуба.

Перечислим лишь некоторые из тем выступлений В.В. Путина на заседаниях Клуба: 1. Роль России в мировом устройстве и геополитической ситуации. 2. Отношения России с «западными партнерами». 3. Суверенитет государств и пути его сохранения. 4. Стремление некоторых западных государств «импортировать» демократию. 5. Традиционные ценности и необходимость их сохранения.

Приведем выдержки из выступлений В.В. Путина на заседаниях дискуссионного клуба «Валдай», иллюстрирующие выделенные темы, и представим краткий лингвопрагматический анализ, допустимый в рамках объема настоящей статьи.

1. Роль России в мировом устройстве и геополитической ситуации. *Претендует Россия на какую-то лидирующую роль? В качестве сверхдержавы – нет, нам это только в нагрузку, зачем нам это нужно? <...> Но и к нам не лезьте и не корчите из себя вершителей судеб всего мира* (24 октября 2014 года). В настоящем высказывании реализуется идея многополярного мира, в котором есть как минимум три сверхдержавы – Россия, США и Китай. Однако в последнее время специалисты в области международных отношений все больше склоняются к мысли о том, что мир будущего – это мир без сверхдержав [Примаков 2017]. С лингвистической точки зрения данное высказывание интересно тем, что здесь наблюдается сращение политического дискурса как институционального типа коммуникации и бытового общения как сферы функционирования разговорных и сленговых выражений (*лезть не свое дело, корчить из себя*). В своих предыдущих работах мы уже обращали внимание на стремление В.В. Путина обращаться к жаргонным словам и выражениям как «актуализаторам своего эмоционального состояния и средствам воз-

действия на целевую аудиторию» [Кошкарлова 2015: 148]. Полагаем, что в последнее время эта особенность идиостиля президента России приобретает новые лингвопрагматические характеристики, детерминированные общей геополитической ситуацией.

2. Отношения России с «западными партнерами». *Самая главная ошибка с нашей стороны в отношениях с Западом – что мы слишком вам доверяли. А ваша ошибка заключается в том, что вы восприняли это доверие как слабость и злоупотребили этим доверием. Понимая это, нужно перечеркнуть то, что было, перелистать эту страницу и идти дальше, основывая наши отношения на взаимном уважении и относясь друг к другу как к равноценным, равноправным партнерам* (19 октября 2017 года). С дискурсивной точки зрения в данном выступлении реализуется концептуальная оппозиция политического дискурса «свой-чужие», которая в последнее время актуализируется через номинацию «западные партнеры», когда коннотативное значение выступает способом расширения информации, и в «семантике слов находят отражение изменения в общественной жизни и общественной практике», а «слова приспособляются к новым потребностям коммуникации» [Никитина 2010: 191]. Данное высказывание было произнесено президентом России в 2017 г., но и в 2023 году он подчеркнул мысль о надменном отношении Запада к России.

3. Суверенитет государств и пути его сохранения. *Суверенитет – это центральное понятие всей системы международных отношений. Его уважение, укрепление – это залог мира, стабильности и на национальном, и на международном уровне* (27 октября 2016 года). В современном политическом дискурсе и теории международных отношений суверенитет трактуется не только как общественно-политический феномен, но и как концепт, который представлен несколькими видами: государственный суверенитет, национальный суверенитет, народный суверенитет [Сергунин 2010]. Именно с этой точки зрения трактует анализируемый феномен в своем выступлении президент России.

4. Стремление некоторых западных государств «импортировать» демократию. *Настоящую демократию и гражданское общество невозможно импортировать. Много раз об этом говорил. Они не могут являться продуктом деятельности иностранных «доброжелателей», даже если те якобы хотят как лучше. В теории это, наверное, возможно, но, если откровенно, я,*

*честно говоря, с таким еще не сталкивался и не очень-то в это верю. Мы видим, как функционируют такие «завозные» модели демократии. Это просто оболочка, фикция, как правило, фикция, лишенная внутреннего содержания, даже подобия суверенитета. У народа там, где реализуется подобная схема, реально ничего не спрашивают (22 октября 2020 года). Данная тема логично связана и вытекает из предыдущей: «импорт» демократии – это всегда удар по суверенитету государства и его праву на выбор того пути, по которому будет развиваться страна. С лингвистической точки зрения данное высказывание интересно по двум основаниям: а) метафорическое использование торговой лексики (*импортировать демократию, завозная модель демократии*); б) использование личного местоимения «я» как маркера равнодушно-го и заинтересованного отношения риторика к обсуждаемой проблеме.*

5. Традиционные ценности и необходимость их сохранения. *В современном хрупком мире значительно возрастает важность твердой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный. Взаимные переплетения народов, без сомнения, обогащают. <...> Но этот процесс должен быть органичным и не бывает быстрым. А чуждое все равно будет отторгнуто, возможно, даже в резкой форме. Попытки ценностного диктата в условиях неопределенных и непредсказуемых перспектив еще больше осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат (21 октября 2021 года). Аксиологический компонент развития любого государства – это основа его стабильности и защиты от любого типа угроз (внутренних и внешних). Традиционные ценности выступают на сегодняшнем этапе мирового развития как идеологема, содержательное наполнение и границы использования которой в лингвистической науке варьируются. Так, например, С.Г. Воркачев вводит термин «лингвоидеологема» и дает следующее определение данному понятию: «это разновидность лингвокультурного концепта и, так же как последний, отличается от культурного концепта своей языковой составляющей, а от идеологемы – закрепленностью за определенными языковыми средствами выражения» [Воркачев 2013: 9]. В основе традиционных ценностей России находится превалирование духовного над материальным, а конкурентным преимуществом нашей страны являются сильные духовные ценности.*

Таким образом, лапидарный анализ предшествующих 2023 году выступлений В.В. Путина на дискуссионном клубе «Валдай» позволяет сделать вывод о том, что квинтэссенцией всех речей является мысль о сохранении суверенитета России, о недопущении вмешательства во внутренние дела страны, о выстраивании государственного курса на основе традиционных российских ценностей. Именно эта мысль транслируется в настоящее время в новом курсе «Основы российской государственности», который с сентября 2023 года введен в высших учебных заведениях России. К возможным перспективам исследования мы относим анализ концептуально-тематических и лингвопрагматических характеристик выступления президента России на заседании клуба «Валдай» в 2023 и выделение таких тем, как роль государства в современном мире, «сильные мира сего», культура отмены, санкционная политика, личность самого В.В. Путина.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. «Народный автомобиль» и «элитные гробы»: ассоциативное поле лингвоидеологемы // Политическая лингвистика. Екатеринбург. 2013. № 1(43). С. 9–18.
2. КошкарOVA Н.Н. Политическое интервью межкультурного уровня: реализация конфронтационной и кооперативной стратегий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 148–152.
3. Никитина О.А. Особенности неосемантизма в современной немецкой газетно-публицистической лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 187–192.
4. Примаков Е.М. Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 6. С. 50–57.
5. Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 5–21.

CONCEPTUAL, THEMATIC AND LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF V.V. PUTIN'S SPEECHES AT VALDAI CLUB MEETINGS

© *N.N. Koshkarova*

Abstract. The article deals with the analysis of the conceptual, thematic, linguistic, and pragmatic characteristics of V.V. Putin's speeches at meetings of the Valdai Discussion Club. The club was founded in 2004, and received its name because of the first conference's location in Veliky Novgorod, not far from Lake Valdai. The work analyzes the following topics in the speeches of the Russian President from linguistic and extralinguistic points of view: 1. The role of Russia in the world order and geopolitical situation. 2. Russia's relations with "Western partners". 3. The sovereignty of states and ways to preserve it. 4. The desire of some Western states to "import" democracy. 5. Traditional values and the need to preserve them. It is concluded that the quintessence of all speeches by V.V. Putin's is the idea to preserve Russia's sovereignty, to prevent interference in the country's internal affairs, and to build a government course based on traditional Russian values.

Keywords: *Valdai discussion club, Russian sovereignty, traditional values, ideologeme, political discourse.*

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

©А.В. Кривцов

Аннотация. За последние годы формальные исследования художественного текста привлекли особое внимание ученых в области лингвистики текста, компьютерной лингвистики и цифрового литературоведения. Было предпринято множество попыток исследовать структуру художественных произведений с использованием сетей персонажей и их взаимодействий друг с другом. В настоящей работе мы описали и применили вычислительную методологию для представления и интерпретации повествовательной структуры и содержания художественного текста на материале англоязычных произведений. Применяя теорию графов и современные инструменты автоматической обработки текстов, мы моделируем систему персонажей как сеть взаимодействий между ними, рассчитываем количественные характеристики текстовой структуры и анализируем данные для сравнения моделей разных текстов. Методология и полученные результаты, описанные в настоящем исследовании, могут быть применены как в области прикладной лингвистики, так и в литературоведении.

Ключевые слова: сетевой анализ, система персонажей, *Natural Language Processing*, формализация структуры художественного текста.

С повсеместным внедрением в поле лингвистики «цифровых практик», использующих компьютерные модели и цифровые технологии в качестве научных инструментов, в настоящее время художественный текст представляет собой богатый материал для структурно-лингвистического анализа. В частности, речь идет о формализации и моделировании содержания художественного текста, построении схематического изображения сюжета.

В данной работе предлагается методология моделирования системы персонажей художественного текста, которая представляет собой формальную нарративную модель произведения. Материалом исследования послужили романы Дж. Остин «*Pride and Prejudice*» (Гордость и предубеждение) и «*Sense and Sensibility*» (Чувство и чувствительность).

Традиционный подход к персонажу, который является элементом структуры художественного текста, заключается в рассмотрении его основной функции как действующего лица повествования. Эта точка зрения была первоначально развита в исследованиях В.Я. Проппа о роли персо-

нажа в структуре народных сказок. Одна из его основных идей заключалась в том, что функции персонажей составляют основу сказки и являются ее постоянными элементами [Пропп 1928].

Идеи В.Я. Проппа разделяли французские структуралисты. А.Ж. Греймас разработал свою схему интертекстуального общения персонажей на основе схем взаимодействия персонажей В.Я. Проппа и теории синтаксиса Л. Теньера. Любой персонаж в этой схеме представляет собой совокупность дифференциальных функций, присутствующих в тексте в зависимости от его ситуативного положения, а субъект мыслится как главный герой, стремящийся получить желаемый объект или достичь желаемой цели [Greimas 1987].

Аналогичное понимание персонажа как **действующего** лица мы находим в трудах Ю.М. Лотмана, посвященных структуре художественного текста. Однако Лотман не останавливается на понимании персонажа как простой функции действия, а исходит из того, что персонаж определяется через взаимодействия и отношения с другими персонажами [Лотман 1970]. Таким образом, в художественной литературе действующие лица не существуют изолированно друг от друга; соответственно, имеет смысл говорить о персонажах как о системе элементов, связанных между собой определенными отношениями.

Попытки моделирования художественного текста путём отображения системы персонажей как сети взаимодействий между ними главным образом предпринимались зарубежными лингвистами и литературоведами, владеющими методами и инструментами автоматической обработки текста. На данный момент наиболее цитируемое исследование принадлежит Д.К. Элсону и др., которые анализируют свойства диалоговых сетей с целью проверки литературных гипотез о романах XIX века [Elson 2010]. Ряд исследователей прибегали к анализу метрик сетей для выявления центральных персонажей на материале романа «Алисе в стране чудес» [Agarwal 2012], Книги Руфь [Dekker, Dekker 2018] и многих других. Наиболее подробно описание этих количественных показателей в контексте анализа произведений представлено в работе Х. Боста и В. Лабатю [Bost, Labatut 2019]. Прибегая к новым возможностям машинного обучения, Перри и др. [Perrì 2022] проводят анализ сетей за счет использования графовых нейронных сетей для изучения повествовательной структуры

романов Дж.Р.Р. Толкина и предсказания возможных связей между персонажами.

В отечественной практике подобные исследования малочисленны, поскольку материалом зарубежных работ часто служат англоязычные тексты, для которых разработан более богатый инструментарий автоматической обработки текстов, чем для русского и других языков. Однако из этой области стоит упомянуть исследование системы персонажей в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Д.А. Скоринкина [Skorinkin 2017], а также работу Т.В. Ефимовой, в которой исследователь подходит к художественному тексту и связям между персонажами с позиций семантико-синтаксического моделирования на примере чеховского рассказа «Дама с собачкой» [Ефимова 2012], чтобы выявить лингвистически значимую информацию и смоделировать процесс перехода от лексико-грамматического уровня текста к семантико-синтаксической структуре.

Стоит отметить, что большинство исследований основано на соседстве персонажей в контексте и диалоговых взаимодействиях, тогда как сети прямых взаимодействий между литературными персонажами остаются менее изученными. В данной работе мы используем именно метод прямых взаимодействий в соответствии с пониманием персонажа художественного текста как действующего лица и его неотъемлемой ролью в повествовательной структуре произведения. Мы рассматриваем повествование с точки зрения пропозиционального подхода. Повествование представляется как набор событийных пропозиций, где событие определяется как взаимодействие между персонажами. Ядро каждой повествовательной пропозиции составляют персонажи как актанты, связанные сказуемым: «агент – предикат – пациенс». Данные триплеты непосредственно формируют модель текста, где персонажи являются семантически значимыми единицами на уровне всего текста, а их взаимодействия – семантическими связями между ними.

Процесс моделирования включает несколько этапов. Для обработки текстов и извлечения необходимых данных мы использовали Python-библиотеку BookNLP, которая объединяет инструменты для решения различных задач анализа художественного произведения, а именно:

- 1) распознавание имен персонажей: Elizabeth, Elinor и т.д.;

2) разрешение кореференции и анафоры: Marianne – Miss Marianne – Marianne Dashwood – she;

3) определение семантических ролей персонажей в предложении: BookNLP идентифицирует агентов (субъектов) и пациенсов (объектов) в предложении, вместе с соответствующими предикатами (смысловыми глаголами).

Стоит отметить, что из-за большого объема текстовой информации и разнообразных средств номинации, применяемых авторами художественной литературы, конечные результаты разрешения кореференции и анафоры не всегда оказываются удовлетворительными. По этой причине после получения списка всех возможных вариантов номинации персонажей было проведено ручное редактирование, чтобы повысить точность и достоверность конечных данных.

Результатом применения алгоритма BookNLP становится список триплетов «Субъект – Предикат – Объект» для каждого текста. Всего было выявлено 32 действующих лица и 156 взаимодействий для романа «Pride and Prejudice» и 22 действующих лица и 161 взаимодействие для «Sense and Sensibility». Примеры идентифицируемых взаимодействий:

- «*Elizabeth related to Jane the next day*»;
- «*He [Willoughby] was received by Mrs. Dashwood with more than politeness*»;
- «*Elinor even advised her [Marianne] against it*».

Извлеченные триплеты представляются в виде графа, где персонажи являются узлами сети, а взаимодействия – гранями. Построение сетей осуществляется при помощи Gephi. Для более подробного анализа при конструировании моделей также рассчитываются основные метрики, применяемые в рамках сетевого анализа: централизации, взвешенная степень, коэффициент кластеризации и др.

Сравнение моделей романов Дж. Остин показывает, что графически моделирование системы действующих лиц в произведении позволяет определить различия в количестве главных персонажей, поскольку одно из основных нарративных отличий двух текстов заключается в том, что в «Pride and Prejudice» присутствует один главный герой в лице Элизабет, тогда как во втором романе рассказывается история двух сестер, Элинор и

Марианны – копротагонистов, которые представляют «чувство» и «чувствительность» соответственно.

Это же наблюдение подтверждается числовыми показателями. Сеть «Pride and Prejudice» имеет более высокие значения централизации, т.е. меры сосредоточенности сети вокруг ее главного элемента, поскольку в ней находится один центральный персонаж: **0.715** – 0.572; **0.563** – 0.395; **0.63** – 0.533. Роман «Sense and Sensibility», напротив, имеет два центра, что приводит к более низким значениям.

Кроме того, моделирование позволяет выделить наиболее главного персонажа среди двух протагонистов, как в романе «Sense and Sensibility», где, несмотря на равный формальный статус, главной считается Элинора, а не ее сестра.

Во-первых, Элинора имеет большее значение для повествовательных событий романа, так как ее взвешенная степень, отображающая общее количество взаимодействий, выше, чем у ее сестры.

Во-вторых, Элинора более важна с точки зрения ролей, которые сестры играют вместе в повествовательных пропозициях. Общий вес грани между Элинорой и Марианной равен 17 – это количество пропозиций, содержащих взаимодействие между двумя сестрами. Проанализировав пропозиции, мы видим, что доминирующим является вариант «Элинора как агент и Марианна как пациент» – 15 пар, в то время как пропозиций «Марианна как агент и Элинора как пациент» всего 2. Это говорит о том, что связь «Элинора – Марианна» считается более важной для романа, чем «Марианна – Элинора», поскольку Марианна олицетворяет в романе «чувствительность», и ею движут эмоции, тогда как Элинора на правах старшей сестры помогает Марианне справляться с эмоциями, и именно к ней стремится её младшая сестра.

Подводя итог, в настоящем исследовании мы предложили методику представления художественного текста как сети взаимодействий персонажей, применив ее на материале двух художественных произведений. Результаты, полученные в ходе анализа моделей романов, показывают, что данный метод открывает новые пути формального изучения художественных текстов и может использоваться для рассмотрения нарративных особенностей произведений. Сети являются не только показательными (графический аспект), но и информативными моделями (вычислительный

аспект), имеющими потенциал для сравнительных исследований на основе комплекса сетевых метрик.

Список литературы

1. Ефимова Т.В. Моделирование семантического пространства нарративного текста в статике и динамике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. № 1.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва, 1970. 387с.
3. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928.
4. Agarwal A., Corvalan A., Jensen J., and Rambow O. Social Network Analysis of Alice in Wonderland. In Proceedings of the NAACL-HLT 2012 Workshop on Computational Linguistics for Literature, 2012. P. 88–96, Montréal, Canada. Association for Computational Linguistics.
5. Dekker J.T., Dekker A.H. Centrality in the Book of Ruth. *Vetus Testamentum*, 68 (1), 2018. P. 41–50.
6. Elson D.K., McKeown K., Dames N.J. Extracting social networks from literary fiction. In Proceedings of the 48th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 2010. P. 138–147, Uppsala, Sweden. Association for Computational Linguistics.
7. Greimas A.J. Actants, Actors, and Figures. On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory. Trans. Paul J. Perron and Frank H. Collins. *Theory and History of Literature*, 38. Minneapolis: U of Minnesota P, 1987. P. 106–120
8. Labatut V., Bost X. Extraction and Analysis of Fictional Character Networks: A Survey, 2019. *ACM Computing Surveys* 52(5):89.
9. Perri V., Qarkaxhija L., Zehe A., Hotho A. & Scholtes I. One Graph to Rule them All: Using NLP and Graph Neural Networks to analyse Tolkien's *Legendarium*, 2022. Proceedings of the Computational Humanities Research Conference 2022, CHR 2022, Antwerp, Belgium, December 12-14, volume 3290 of CEUR Workshop Proceedings. P. 291-317.
10. Skorinkin D.A. Extracting Character Networks to Explore Literary Plot Dynamics. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2017”*, 2017. P. 257-270.

MODELING A CHARACTER SYSTEM USING AUTOMATIC TEXT PROCESSING TOOLS

© A.V. Krivtsov

Abstract. In recent years, formal studies of literary text have attracted particular attention from scholars in the fields of text linguistics, computational linguistics, and digital literary studies. There have been multiple attempts to explore the structure of works of fiction using networks of characters and their interactions with each other. In this paper, we described and applied a computational methodology to represent and interpret the narrative structure and content of a literary text based on English-language works. Using graph theory and modern automatic text processing tools, we modeled a system of characters as a network of interactions between them, calculated quantitative characteristics of the text structure and analyzed the data to compare models of different texts. The methodology and obtained results described in this study can be applied both in the field of applied linguistics and literary criticism.

Keywords: *network analysis, system of characters, Natural Language Processing, formalization of literary text's structure.*

МОДЕЛИ ГЛАГОЛЬНЫХ ГАЗЕТИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

© Н.О. Кристиано

Аннотация. Изучение языка газеты представляет собой актуальную проблему, поскольку он отражает всю систему национального литературного языка. Этот язык тесно связан со всеми функциональными стилями и является зеркалом языковых изменений, особенно на лексическом уровне, а также изменений в общественной жизни. В нашем исследовании газетизмы рассматриваются как слова или выражения, которые в основном используются в газетной и публицистической речи, имеют определенную частотность и эмоционально-экспрессивную оценку. Материал для исследования был взят из текстов различной тематики из представительных всероссийских газет за 2010–2020 гг., а также из Национального корпуса русского языка за период 2000–2019 гг. В статье рассматривается структура данных глагольных конструкций и выявляются восемь моделей, а также наличие эмоциональной и стилистической окраски. Большинство проанализированных единиц относится к фразеологизмам, которые зафиксированы в словарях.

Ключевые слова: газетизм, русский язык, стилистика, СМИ, фразеологизмы, глагольные конструкции.

Газетизмы представляют собой значительный лексический слой, характеризующийся газетно-публицистической функционально-стилистической окраской и являющийся ключевой лексикой для газет. Они часто связаны с общественно-политической деятельностью и обычно имеют определенную оценочную нагрузку. Газетизмы можно охарактеризовать как слова или фразы, которые принадлежат к газетно-публицистическому стилю, часто встречаются в нем и имеют определенную оценочную сему. Газетизмы относятся к разным тематическим слоям и имеют некоторые семантические и словообразовательные особенности. Они выполняют ключевые функции публицистики – информационную и воздействующую [Кожина 2008; Купина 2013; Солганик 1968].

Газетизмы могут быть представлены одним словом и несколькими лексемами. Среди однословных единиц наиболее распространенными являются газетизмы-существительные (*Covid-диссидент, изоляция, карантин, санкции, тренд, и т. д.*), тогда как среди однословных конструкций распространены глагольные, которые рассматриваются в данной статье.

В данной статье рассматривается структура глагольных конструкций (фразеологизмы и словосочетания), которые были отобраны из текстов современных российских СМИ (50 единиц). Основным источником выделения словосочетаний-газетизмов послужили сайты наиболее популярных газет (материалы за 2010–2020 гг.) и Национальный корпус русского языка.

В нашем исследовании мы рассмотрели структуру данных глагольных конструкций (фразеологизмы и словосочетания) и выявили восемь моделей: глагол + существительное в Вин. пад., глагол + предлог + существительное в Вин. пад., глагол + существительное в Дат. пад., глагол + существительное в Твор. пад., глагол + предлог + местоимение, глагол + предлог + местоимение + существительное в Предл. пад., глагол + прилагательное + существительное в Дат. пад., наречие + причастие.

Первая конструкция, которую мы выявили, имеет модель глагол + существительное в Вин. пад.»: *бередить раны, брать пример, бросить вызов, бросить тень, внести вклад, возложить вину, вызвать возмущение, вызвать интерес, вызвать недовольство, нести бремя, отводить роль, отдать голос, поднять вопрос, проложить маршрут, сжигать мосты, утратить доверие, черпать вдохновение*.

Глагольные конструкции, которые относятся к этой модели, были разделены на три группы: 1) фразеологизмы, зафиксированные в словарях, 2) устойчивые словосочетания, которые могут быть отнесены к фразеологизмам по функциональным; как правило, их можно заменить одним словом, в некоторых случаях с незначительным смысловым или стилистическим сдвигом и 3) словосочетания, которые нельзя заменить одним словом, но которые занимают в предложении одну синтаксическую позицию.

В первую группу вошли глагольные конструкции, которые зафиксированы в фразеологических словарях литературного и современного русского языка. Приведем примеры контекстов употреблений данных конструкций: *Впрочем, не Соловьев и ему подобные «делают погоду» среди молодой аудитории*. (Сами себе режиссеры. Если событие не показали по ТВ, это уже не значит, что его не было // Новая газета, 2017.06.16).

Ко второй группе относятся следующие словосочетания: *брать пример (подражать), бросить вызов (вызвать), внести вклад (вложить), возложить вину (обвинить), поднять вопрос (спросить), черпать вдохновение (вдохновиться)*.

К третьей группе относятся словосочетания *вызвать недовольство, выражать озабоченность, запустить процедуру и утратить доверие*:

Стоит отметить, что неоднословные газетизмы проявляют большую эмоциональность и выразительность, чем единичные глаголы, поэтому они часто становятся предпочтительным выбором для журналистов.

В отношении синтаксической функции указанных выше конструкций следует отметить, что словосочетания 1-й и 2-й группы занимают одну синтаксическую позицию – позицию простого глагольного сказуемого, поскольку они либо являются фразеологизмами, либо могут быть заменены одним словом с минимальным изменением смысла. Конструкции 3-й группы также занимают одну синтаксическую позицию.

Глагольные конструкции, модель: «глагол + предлог + существительное в Вин. пад.». Из них к группе фразеологизмов, зафиксированных в словарях можно отнести: *взять на вооружение, воплощать в жизнь, вступить в силу, положить (возложить/принести) на алтарь, ставить под вопрос*.

К группе словосочетаний, которые нельзя заменить одним словом, относятся занимающие одну синтаксическую позицию словосочетания *вести (что-л.) на (какой-л.) уровень, выйти на (какой-л.) рынок, выложить в Ютуб и залить на Ютуб*.

Это вторая по частотности модель среди глагольных конструкций (11 единиц). Среди них есть как стилистически нейтральные сочетания, так и стилистически окрашенные: разговорные словосочетания *бросаться на амбразуру, дышать на ладан*; книжный фразеологизм *положить на алтарь*, жаргонные выражения *выложить в Ютуб, залить на Ютуб*.

Другие синтаксические модели в глагольных сочетаниях не так часто встречаются, рассмотрим их.

Конструкция, имеющая модель «глагол + существительное в Дат. пад.»: *подвергнуть опасности, предавать огласке*. Оба словосочетания являются фразеологизмами по функциональным свойствам.

Модель «глагол + существительное в Твор. пад.»: *облить грязью, хлопнуть дверью*. Оба сочетания представляют собой фразеологизмы. Они повышают эмоциональность высказывания.

Еще одна глагольная конструкция, модель «глагол + предлог + местоимение»: *таить в себе*.

Глагольная конструкция, модель «глагол + предлог + местоимение + существительное в Предл. пад.»: *брать в свои руки*.

Глагольная конструкция, модель «глагол + прилагательное + существительное в Дат. пад.»: *предавать широкой гласности*, в предложении занимает одну синтаксическую позицию.

Последняя выделена нами глагольная конструкция имеет модель «наречие + причастие»: *далеко идущие, социально незащищенные*.

Так, анализ глагольных структур выявил их высокую частоту использования, а также наличие у них сильной эмоциональной окраски.

Фразеологизмы, которые зафиксированы в словарях, имеют наивысшую частоту использования (25 единиц, 50%), в то время как синтаксически несвободные словосочетания имеют наименьшую частоту (10 единиц, 20%). Рассматриваемые конструкции, функционирующие как элементы публицистического стиля, всегда занимают одну синтаксическую позицию в рамках конкретного контекста.

Список литературы

1. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта : Наука, 2008. 463 с.
2. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
3. Солганик Г. Я. О языке газеты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 48 с.

MODELS OF VERBAL GAZETIZMS IN CONTEMPORARY MEDIA

© *N.O. Cristiano*

Abstract. Studying the language of a newspaper is a pressing problem since it reflects the entire system of the national literary language. This language is closely related to all functional styles and is a mirror of linguistic changes, especially at the lexical level, as well as changes in social life. In our study, gazetizms are considered as words or expressions that are mainly used in newspaper and journalistic speech, have a certain frequency and are emotionally expressive. The material for the study was taken from texts on various topics from representative all-Russian newspapers from 2010–2020, as well as from the National Corpus of the Russian Language for the period 2000–2019. The article examines the structure of these verbal constructions and identifies eight models, as well as the presence of emotional and stylistic overtones.

Most of the analysed units belong to phraseological units that are recorded in dictionaries.

Keywords: *gazetism, Russian language, stylistics, mass media, phraseological units, verb constructions.*

О ПРОБЛЕМАХ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

© А.С. Кулева, Л.Л. Шестакова

Аннотация. В настоящее время признано эффективным изучение русского поэтического языка средствами лексикографии. Цель данной статьи – кратко рассмотреть проблемы, связанные с описанием стилистически сниженной лексики в «Словаре языка русской поэзии XX века». Словарь строится на материале произведений десяти поэтов Серебряного века (от И. Анненского до М. Цветаевой), содержит все контексты из выбранных источников, иллюстрирующие все употребленные лексемы. В работе использовались лексикографический, корпусный, статистический и др. методы, основным средством маркирования сниженной лексики послужили пометы *разг.* и *прост.* Как показано авторами, проблемный характер представления сниженного лексического материала в Словаре обусловлен многообразием реализации самого явления «сниженности» в языке описываемых поэтов. Оно прослеживается на уровне не только целых лексем, но и отдельных грамматических форм, произносительных вариантов, значений многозначных слов и т. п., что отражают конкретные приемы лексикографирования, используемые в разных зонах словарных статей (введение указанных помет, в том числе в сочетании с другими пометами, квалификация грамматических форм, включение отсылок к статьям на слова-варианты и др.). Подчеркивается и важность при описании сниженных лексем их ограничения от устаревших, областных, новых единиц, необходимость соотнесения стилистических помет с особенностями авторского лексикона и контекстов употребления слов. Приводимый в статье иллюстративный материал взят преимущественно из последних томов Словаря.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтический язык, словарная статья, сниженная лексика, стилистическая помета.

«Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] – сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи, в жанровом аспекте – конкорданс комментирующего типа [Шестакова 2011]. Этот авторский словарь строится на материале произведений десяти поэтов, творивших преимущественно в эпоху Серебряного века (Анненского, Ахматовой, Блока, Есенина, Кузмина, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Хлебникова, Цветаевой), содержит все контексты из выбранных источников, иллюстрирующие все употребленные лексемы. В основе Словаря лежат идеи

В.П. Григорьева, связанные с понятиями экспрессымы и «самовитого слова» [Григорьев 1979].

В процессе работы над Словарем составителям и редакторам приходится решать проблемы разного свойства. Нередко они касаются описания отдельных пластов лексики, в частности – **стилистически сниженной лексики**, которая маркируется пометами *Разг.* и *Прост.* [Кулева 2015]. Наш опыт показывает, что слова этого пласта целесообразно описывать и анализировать в сравнении с лексикой областной, для фиксации которой используется помета *Обл.* В целом важно отметить, что стилистические пометы, которые вводятся в словарные статьи для характеристики конкретных слов, служат и для разграничения в структуре Словаря разных стилистически окрашенных массивов лексики.

Очевидно, что не имеет смысла автоматически присваивать слову помету современного толкового словаря: язык Серебряного века отделен от нас столетней дистанцией (поэтому основным лексикографическим ориентиром служил [СУ]), не говоря уже о специфике поэтической речи. В то же время анализ поэтических контекстов дополняет существующие словари, помогая понять изменения в стилистической стратификации лексики. Важным источником для сопоставительного анализа служит [НКРЯ].

В поэтическом языке разграничивать разговорную и просторечную лексику непросто, тем более что в идиостиле каждого автора стилистические границы индивидуальны. Для стилизации просторечия или фольклора может использоваться индивидуально-авторская лексика, а единицы общенационального языка могут выступать в новых значениях. В ходе работы над очередными томами СЯРП постановка стилистических помет нередко требовала дополнительных исследований.

Сниженная лексика составляет сравнительно небольшую, но яркую часть поэтического словаря. Ср. на примере нескольких объемных букв:

в т. V ок. 3300 словарных статей на букву Н; разговорных лексем 201, просторечных 114 (и 21 областных; соответственно 6%, 3% и 1%);

ок. 3400 словарных статей на букву О; разговорных лексем 206, просторечных 137 (и 32 областных; соответственно 6%, 4% и 1%);

в т. V и VI ок. 7800 словарных статей на букву П; разговорных лексем 563, просторечных 225 (и 74 областных; соответственно 7%, 3% и 1%);

в т. VII и VIII ок. 5190 словарных статей на букву С; разговорных лексем 344, просторечных 215 (и 53 областных; соответственно 7%, 4% и 1%);

в т. VIII и IX (кн. 1) ок. 1700 словарных статей на букву Т; разговорных лексем 144, просторечных 71 (и 26 областных; соответственно 8%, 4% и 1%).

Как видно, общая пропорция сохраняется на разных алфавитных отрезках, что говорит об устойчивых тенденциях в стилистической стратификации поэтического лексикона.

В большинстве случаев, как показывают материалы томов VIII и IX, сниженная лексика представлена словами редкого употребления – *разг.*: смутьян, сногшибательный, сносный, совеститься, сорвиголова, спориться, танцорша, тарабарщина; *прост.*: смутьянщик, солдатё, сосвежу, сторожкий, сусед, схолодеть, тишать. Есть и более частотные единицы – *разг.*: сперва, спозаранку, старуший, тамошний (ср. *обл.* тамотка); *прост.*: снести, спятить, старшой, таска, теперича, товарка. Некоторым словам приписываются двойные или уточняющие пометы: сомлеть, спознаться, сродник, сродничек, стареться, (*устар.* и *прост.*), стервец, стервова (*прост. бран.*).

Помета может относиться и к отдельной грамматической форме, производительному варианту или к одному из значений многозначного слова. В таком случае эта форма или значение выносятся в многофункциональную «зону значения» словарной статьи (тащить [*тж разг.* красть, воровать]), в больших статьях соответствующий контекст сопровождается комментарием: (сорт ... [здесь: *мн.* сорты; *прост.*]; тащить ... [здесь: *повел.* тащ; *прост.*]). Приведем примеры словарных статей (даны в сокращении):

СПРАВЛЯТЬ [*разг.* отмечать что-л. по установленному обычаю; *прост.* выполнять, осуществлять] Сердце – легкая птица забвений В золотой пролетающий час: То она, в опьянении кружений, Пляской **тризну справляет** о вас. *АБ907 (II,276)*; Ничьего не вспугну веселья, Никого к себе не зову. Мне одной **с. новоселье** В свежевыкопанном рву. *Ахм914 (313.2)*; ... И вот, навьючив на верблюжий горб, На добрый – стопудовую заботу, Отправимся – верблюд смирен и горд – **С. неисправимую работу.** *Цв917 (I,375.1)*; ...

СОРВАТЬСЯ [сорвался Ес924; сорвалась М916; *тж* потерять поддержку, не суметь сдержаться; *тж* в сочет.: с. с круга] Мне фразы нельзя не читать, Но к ней я вернуться не в силах... // Не вспыхнуть ей было невмочь, Но мрак она только тревожит: Так бабочка газа всю ночь Дрожит, а с. не может... *Анн900-е (154.2)*; ... Император, / лошадь и змей / неловко / по карточке / спросили гренадин. / Шума язык не смолк, немея. / Из пивших и евших не обернулся ни один. // И только / когда / над пачкой соломинок / в коне заговорила привычка древняя, / толпа сорвалась, криком сломана: / – Жует! / Не знает, зачем они. / Деревня! [здесь: *прост.*] М916 (62); ...

Можно выделить три типа ситуаций, когда в словарных статьях СЯРП в зоне значения ставится стилистическая помета:

1) в случаях, когда лексема имеет ярко выраженную стилистическую окраску, отраженную в толковых словарях (прежде всего в [СУ], поскольку представляет интерес словоупотребление своего времени), при необходимости эта помета корректируется;

2) в системных случаях: когда один или разные авторы используют варианты лексемы и возникает необходимость их разграничить (иногда такие варианты отличаются и оттенками смысла, но чаще стилистической окраской);

3) в отдельных случаях, когда контекст явно подсказывает стилистику, тогда как вне его лексема могла бы восприниматься иначе.

Все эти ситуации имеют достаточно зыбкие границы, поэтому постановка пометы не является механическим процессом, во многих случаях требуется дополнительное рассмотрение лексемы или конкретного поэтического контекста.

К случаям, которые выше были названы системными, можно отнести варианты, которые в толковых словарях обычно приводятся в одной словарной статье, причем зачастую не оговариваются специально, а только иллюстрируются примерами; важно, что в поэтическом тексте они могут играть как стилистическую, так и ритмическую роль: существительные на *-ие* / *-ье*; формы сравнительной степени на *-ее* / *-ей*; инфинитивы на *-(с)ти* / *-(с)ть*; деепричастия на *-а* / *-в*, *-в* / *-вши* и др. При составлении словарной статьи приходится обращать внимание на ряд обстоятельств:

нормативны ли оба варианта, несет ли один из них (или оба) стилистическую окраску, совпадает ли поэтическое употребление и словарное и т. д.

В зависимости от контекста парные варианты могут либо даваться как одинаково нейтральные или стилистически окрашенные, либо различаться наличием пометы у одной из лексемы или разных помет у обоих вариантов. Если один из вариантов нейтрален, второй может иметь более высокую стилистическую окраску. Стилистически отмеченными могут быть также устаревшие и индивидуально-авторские употребления.

Хотя второй случай был назван системным, эта системность не такая строгая, как в общеязыковом толковом словаре, поскольку лексикон каждого автора очень своеобразен и хронологически изменчив. Кроме того, поэты Серебряного века широко используют устаревшую и областную лексику, создают новые, индивидуально-авторские слова, и такие лексемы не фиксируются в толковых словарях и не имеют устоявшихся стилистических характеристик.

Кроме того, в СЯРП в отдельные словарные статьи выделяются не только омонимы (как в толковых словарях), но и графические варианты и слова особых грамматических разрядов (причастия и деепричастия, субстантивированные лексемы, краткие формы прилагательных и причастий, формы степеней сравнения, а также имена собственные). Это увеличивает количество статей, где требуются стилистические пометы: и поскольку возникают новые омонимы, которые требуют разведения в словаре, и, что наиболее важно, потому что разные грамматические формы могут различаться стилистической окраской. Ср. примеры:

СПРОСОНКУ [*прост.*; то же, что СПРОСОНОК] Сидит на скамейке, Ерошит с. Свои волосенки. Такой кучерявый, такой синеглазый, Игры да смех любит, проказы! *РП Хл921 (296)*

СПРОСОНОК [*разг.*; см. *тж* СПРОСОНЬЯ, СПРОСОНКУ] Мигают вишни, спят волы, Внизу с. пруд маячит, И кукурузные стволы За пазухой початки прячут. *П915,28 (I,98); ... Ес918 (II,69); Куз922 (273.2); Хл922 (178); Ес924 (II,172); Ес925 (III,95); П925-31 (I,353); П926 (I,564.2); ОМ933,35 (200.3)*

СПРОСОНЬИЦА [*нов.*] Сказал – и воскресла, И смутно, по памяти, В мир хлеба и лжи. // Но поступь надтреснута, Губы подтянуты, Руки свежи. // И всё как с. Не меют конечности. И в самый базар //

С дороги не тронется Отвесной. – То Вечности Бессмертный загар.
Цв922 (II,96.2)

СПРОСОНЬЯ [*разг.*; то же, что СПРОСОНОК] ... *П925-31 (I,340); П926-27 (I,330); П947 (III,530); П953 (III,519)*

СПРОСЫПУ [*нов.*] Под расчесочку Подставляй ленок, Чтоб и с. Не сказал сынок: // К маменьке, К маменьке! *Цв922 (III,270)*

Ср. также:

СНЯВ ...

СНЯВШИ [*разг.*; *вар. к СНЯВ*] Умывались, одевались, После ночи целовались, После ночи, полной ласк. На сервизе лиловатом, Будто с гостем, будто с братом Пили чай не с. маск. *Куз906 (23.2); ...*

СОБРАВШИСЬ ...

СОБРАВШИСЯ [*разг.*; *вар. к СОБРАВШИСЬ*] Затем прошла неделя, и сегодня, С. впервые к ней, он шел Рассеянной, чем за город, свободней, Чем с выпуска, за школьный частокол. *П925-31 (I,357)*

ТАЮЧИ [*разг.*; *вар. к ТА́Я*] Весна! Не отлучайтесь Сегодня в город. Стоями По городу, как чайки, Льды раскричались, т.. *П914 (I,81.2)*

ТА́Я [*деепр. от ТАЯТЬ*; *см. тж ТАЮЧИ*] ...

ТАЯ́ [*деепр. от ТАИТЬ*] ...

Предсказуемо частое использование сниженной лексики такими авторами, как Есенин, Маяковский, Пастернак, Цветаева (но не Ахматова и Блок), привлекает внимание подобная лексика у Анненского, Кузмина и Мандельштама. Приведем пример словарной статьи к лексеме *солоница*, которая встречается (в пределах выбранных источников) только у Марины Цветаевой:

СОЛОНИЦА [*тв. солоницею*; *прост.*; то же, что СОЛОНКА] Я в белом чепчике теперь – хозяйкою Хожу степенною, голубо-окою. // И даже кольца стали тусклые, Рука на солнце – как мертвец спеленутый. Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит, – А в солонице соль лежит нетронута... *Цв920 (I,536.2)*; Ручьи с земли Помин привезли: // Ресницами шли, Глазницами шли, Землицею шли, – Солоны! // Солоницами – глазницы У ржаной земли. Что ж вы, гости имениты, Мало по – были? // Солоницею – земляца, Сколько хошь – соли! Что ж вы, плоти румянисты, Мало по – жили? *Цв922 (III,270)*; – Шутка ли! В норах! После станиц-то! Чтó мы – кроты, что ль? Суслики, что ль? //

Есть еще порох В пороховницах, И в солоницах Совести – соль! *Ал-люз. Цв928,29-38 (III,148)*

Этот пример показывает неслучайность обращения Цветаевой к просторечному слову, роль этого слова, вместе с однокоренными лексемами, в выражении смыслов приведенных строк, в создании их образности. В последнем примере выразительно продолжена известная фраза из повести Гоголя «Тарас Бульба»: *Есть еще порох В пороховницах, И в солоницах Совести – соль!*

В заключение отметим, что проблемы, возникающие при описании сниженной лексики в сводном «Словаре языка русской поэзии XX века», связаны с многоаспектной реализацией самого явления «сниженности» в текстах названных выше поэтов. Эти проблемы решаются с помощью лексикографических приемов, подбор которых предполагает учет самых разных факторов – от объема, состава единиц соответствующего лексического массива и граничащих с ним классов слов до характера стилистической окрашенности лексиконов отдельных поэтов.

Список литературы

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
2. Кулева А.С. Особенности лексикографического описания стилистически сниженной лексики в поэтическом языке (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века») // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 113–114.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 1.11.2023).
4. СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX – / Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И. (ред.), Кулева А.С. (ред.), Бакеркина В.В., Гик А.В., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022–.
5. СУ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
6. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

**ABOUT PROBLEMS OF DICTIONARY
DESCRIPTION POETIC LANGUAGE
(based on materials from the “Dictionary of the language
of Russian poetry (20th century)”)**

© A.S. Kuleva, L.L. Shestakova

Abstract. Now, the study of the Russian poetic language by means of lexicography is recognized as effective. The purpose of this paper is to briefly consider the problems associated with the description of colloquial lexis in the “Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)”. The Dictionary is based on the material of the works of ten poets of the Silver Age, it contains all the contexts from selected sources illustrating all the lexemes used. Lexicographic, corpus, statistical methods were used in the work, stylistic labels became the main means of marking of colloquial lexis. The problematic nature of the presentation of colloquial lexical material in the Dictionary based on the variety of the realization of the “colloquial” phenomenon in the language of the described poets. It is embodied at the level of not only whole lexemes, but also individual grammatical forms, pronouncational variants, meanings of polysemous words, etc. The specific lexicographic techniques used in different areas of dictionary entries (using of stylistic labels, including in combination with other labels, the qualification of grammatical forms, the inclusion of references to entries on word variants, etc.) reflect all these. The illustrative material given in the paper is taken mainly from the latest volumes of the Dictionary.

Keywords: *author lexicography, poetic language, dictionary entry, stylistic label, colloquial vocabulary.*

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

© Н.П. Курмакаева

Аннотация. Статья посвящена недостаточно пока исследованному кластеру русского национального языка в его региональной речевой реализации – современной донецкой речи, глубоко погруженной в затянувшуюся военную действительность. Анализируется новый эмпирический материал, собранный из различных источников: устной речи, коммуникации в соцсетях, поэтических текстов местных авторов, военных сводок. Применяются методы интерпретации текста, лексико-семантического толкования, сопоставительный, интроспективный. Выявляются динамические процессы и обновления на всех уровнях – от лексического до синтаксического. Отмечается, как под давлением событий наполняются новыми смыслами старые культурные коды и концепты и рождаются новые. Исследован базовый концепт региона хороним Донбасс. Одновременно отмечается рост эмоционально-экспрессивного, оценочного и креативно-игрового в региональном речевом дискурсе как ответная языковая реакция на усиление агрессивности в обществе и его коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: *военное противостояние, донецкая речь, культурные коды, региональный речевой дискурс, речевой креатив.*

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что «в условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения как на всех уровнях языковой системы, так и в ее речевой реализации в дискурсах разного типа» [Активные процессы... 2022: 3], необходимость изучения которых сомнению не подлежит. В первую очередь это касается живой разговорной речи: именно она мгновенно отзывается на все вызовы времени и обстоятельства жизни, тем более если это тот региональный её сегмент, который девять лет беспрерывно пребывает в зоне мощнейшей информационно-пропагандистской, социокультурной и военно-политической турбулентности [Курмакаева 2023: 42].

Объект исследования – современный региональный речевой дискурс Донбасса. Предмет исследования – динамические процессы в современных дискурсивных практиках воюющего региона.

Цель данного исследования – выявление особенностей донецкой региональной речи (донецкого региолекта) на разных ее уровнях под воз-

действием затянувшегося военного конфликта, ставшего частью мира, многие годы окружающего жителей Донбасса.

Источниками эмпирического материала послужили устные тексты из живой разговорной речи дончан, их записи в чатах соцсетей, из местных радиопередач, стихотворные тексты донецких авторов, фрагменты репортажей военкоров с мест военных действий.

За годы военного противостояния, как точно отметила Т.Ю. Власкина, «в системе донецкого региолекта сформировалась область, обслуживающая тему войны как часть окружающей наглядной действительности» [Власкина 2019: 403]. И она сделалась настолько обширной, что потребовала не только научного изучения как лингвистическое явление, но и картографирования и лексикографической фиксации [Теркулов 2022].

Чтобы понять, насколько донецкий региолект – это уникальное явление в составе национального языка, необходимо вернуться к его состоянию в довоенный период. Приведем лишь несколько фактов из его «биографии» и богатого, но не до конца изученного арсенала («...донецкая речь никогда комплексно научно не изучалась», – утверждает В.И. Теркулов [Донецкий региолект 2018: 5]). Прежде всего, донецкий региолект – это не отдельный идиом и даже не сумма городских идиомов, это, по словам В.И. Теркулова, «определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [там же: 17], опирающаяся на сложившиеся культурно-исторические коды и лингвокультурные концепты, которые передаются от старшего поколения к младшему еще в период социализации и инкультурации индивида в языковое пространство субэтнуса. Только регионально «оязыковленная» личность адекватно воспримет такие фразы, как *тормозок для Шубина* ('часть сухпайка шахтера, предназначенная для горного духа, хозяина шахты', чтобы *задобрить Шубина*); «*Святой Варварой живы мы*» (И. Лысый): Святая Варвара – покровительница шахтеров, особо почитаемая в Донбассе; *судьба коногона* ('гибель в шахте'); «*город синих терриконов*» (В. Шутов) – перифраза о Донецке; *кроты* – шахтеры, а также болельщики футбольного клуба «Шахтер» до 2014 года; *пальма Мерцалова* – «визитная карточка» и символ Донбасса, ее изображение было одним из главных элементов герба Донецкой области. За годы военного противостояния в Донбассе родились новые символы и коды культуры: *Ангелы*

Донбасса (погибшие от обстрелов дети), *поколение Z* (молодежь, выросшая в условиях новой идеологической парадигмы) и др.

В силу природно-географических и производственно-экономических условий Донбасс десятки лет был «плавильным котлом» не только в прямом, но и в переносном смысле. Сложившийся к XXI веку региональный речевой дискурс – это результат «переплавки» единиц многих русских и украинских диалектов, просторечия, шахтерского жаргона, молодежных сленгов и общеупотребительных слов. До событий 2014 года это были в основном слова и выражения бытовой и производственной (преимущественно шахтерской) тематики: *зажечь звезду над копром* ('ритуал в честь выполненного сменой плана'), *добить упряжку* ('выполнить план смены'), *Донбасс порожняк не гонит* ('работает', 'держит слово'); *Донбасс придавит* (отговорка ленивого крепильщика); *Ты что, с террикона свалился?* (= С луны упал?)

Базовым концептом, в котором заложены уникальные ценности культуры субэтноса региона, ключевым кодом культуры, безусловно, был и остается хороним *Донбасс* («сокровенный центр мира», по А. Проханову). Но если до военных событий он в основном обрастал параллельными номинациями и дополнительными смыслами, напрямую связанными с его историко-географической спецификой (*Дикополье*, *Донецкий кряж*, *Донетчина*), трудовыми достижениями (*Всероссийская кочегарка*; *шахтерская держава*), подвигами в прошлых боях (*Донбасс-партизан*; *Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*. П. Беспощадный), а в мирные годы его ласково называли «*страна Террикония*» (В. Чемитов), *шахтерская мать-земля*, «*земля, которая вдохновляет*» (Б. Белаш), то за долгие девять лет военного конфликта в регионе номинации и смыслы, а вместе с ними и интонации кардинально поменялись. Сегодняшний Донбасс – это «*страна, куда не ходят поезда*» (Д. Трибушный), «*степная израненная Атлантида*» (А. Федорова), «*форпост затяжной войны*» (А. Ревякина) и др.

В Донбассе наших дней в социуме уже зримо сформировались сообщества фаталистов, лозунг которых «*Донбасс – это русская рулетка*», пессимистов, взявших на вооружение новый слоган «*Донбасс – это ужас без конца*», оптимистов, верящих в высокое предназначение края и в стойкость его жителей: «*Сегодня, Донбасс, ты – наш Сталинград, твер-*

дыня меж тьмою и светом» (С.Буйвидович); Пока мы живы, живет Донбасс; При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз; Донбасс За нами и с нами Бог (В. Скобцов), и философов, пытающихся осмыслить происходящее в регионе: Что такое сегодняшний Донбасс? Фронтир, трещина между мирами, поле битвы и место выбора (Д. Трибушный).

В силу резко изменившейся и продолжающей меняться лингвокультурной ситуации региональный речевой дискурс Донбасса претерпевает зримые трансформации: лексикон войны вытеснил на периферию прежние приоритеты бытовой и производственной коммуникации, он уверенно занял ее центральную часть. День жителя Донбасса начинается и завершается новостной информацией с полей сражений и о ситуации в населенных пунктах региона; его волнует, кто сегодня *принял*, а кто *сыпанул*; куда *прилетело*, *упало*, *бахнуло*, *плюсануло*; где *громко*, *горячо*, *жесть*; откуда *прилёт*ы, «*бахи и шуманы*», прилёт*ы* с *шипением* или со *свистом*; где *рассыпались кассеты*, обнаружены «*лепестки*» («кассетные мины нажимного действия») и т.п. Война прочно вошла в языковое сознание. Обновления и трансформации бытового лексикона тоже во многом обусловлены военными событиями: *тревожная сумка* («базовый набор вещей для выживания в экстремальных ситуациях»); *день воды* («день, когда в кране подается вода», на самом деле это всего 3 часа вечером – с 17.00 до 19.00 – через день), *спуститься в подвал / просидеть (отсидеться) в подвале*; *успеть до прилёта / попасть под прилёт*; *дом трухнул / трусит* (региолектизм: *тряхнуло*, *трясет*), *окна посыпались*, *грады отработали по поселку*, *получили «гуманитарку» от всук* (*всуки* – военный жаргон: *вояки ВСУ*) и мн. др.

Ряд общеупотребительных обыденных слов обрел новые смыслы, детерминированные военными событиями: *будильник* («ранний утренний обстрел»), *фейерверк* («стрельба»), *гуманитарка* («прилетевший снаряд») и др.

Как отмечают ученые, «актуальность в донбасском сообществе приобрели военные сленгизмы» [Теркулов 2022], часто лексико-словообразовательного типа, в том числе созданные способом усечения: *броник* (бронезилет), *инфа* (информация), *укрепы* (укрепрайоны), *передок* (передняя линия) и др. Многочисленны также различного типа и разной частеречной принадлежности суффиксальные дериваты: *плюсовать*

(‘принимать прилёты’), *минусовать* (‘стрелять в сторону противника’), *двухсотить* (‘убивать’), *вэсэушник* (‘военнослужащий ВСУ’), *помогаторы* (о вертолетах армии РФ), *дронцики* (‘операторы дронов’). Когда мы перестанем *свокать*, а начнем называть вещи своими именами? [Ю. Андриенко. ВК, 19.12.22], где глагол-новообразование *свокать* – от аббревиатуры СВО: специальная военная операция.

Поэтическая картина мира Донбасса тоже «соткана» со значительным участием несвойственных ей ранее языковых единиц и их подчас необычных сочетаний: *«Над городом спустились беспилоты. / Какой донецкий марш (послушай, Амадей)/ Разучивают в парке минометы»* (Д. Трибушный «Двухсотый день зимы»); *«Я молюсь обо всех двухсотых с наступлением темноты»* (А.Ревякина «Шахтерская дочь»); *Ничего не хочу знать про твоего Месси, / у меня тут город родной девятую зиму в замесе./ В кровавом замесе.* (А. Ревякина «Ничего не хочу знать»).

Военной семантикой наполнились прецедентные имена, став образными номинациями войны: – *Донецк – в некоторых районах слышна охота на Карлсона* (ВКонтакте, АГС, 25.12.22), где Карлсон – это беспилотник. Другое именование беспилотника – *Вжик* по имени мухи Вжик – героя мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь». Эти примеры свидетельствуют о наличии и одновременно росте эмоционально-экспрессивного, оценочного и креативно-игрового в современном региональном речевом дискурсе Донбасса в качестве ответной языковой реакции продуцента текста на усиление агрессивности в обществе и его коммуникативном пространстве. Особенно ярко он проявляется в синтаксисе: а) текста и предложения: *Донецк, без паники. Слышно аргументы и факты в пользу мира. Огрызаются.* (ВК, АГС, 10.07.22); *В катакомбах укронацистов гидрометцентр прогнозирует град* (ВК, АГС, 10.07.22); *Наши насыпают* (ВК, Военный Донецк, 11.11.23); б) словосочетания: *обмен любезностями* (перестрелка); *дружественный огонь*; *отправить пламенные подарки*; *кучный прилёт*; *симфония Баха*; *огненная денацификация* и др.

Прагматика современного речевого дискурса Донбасса, как показывает ежедневно пополняющаяся картотека эмпирического материала, вызывает к жизни всё новые и новые элементы, несущие не только собственно информацию о положении дел в действительности, но и явно выражен-

ную экспрессию и оценочность в репрезентации сложившейся лингвокультурной ситуации региона. Затянувшийся военный конфликт спровоцировал «переоценку ценностей» в сознании социума, что отразилось как на разговорно-бытовом дискурсе, так и на сетевом языке и языке региональной поэзии, на их концептуальной базе и лингвокультурных маркерах и эталонах культуры Донбасса. Война заставила менять лингвальные приоритеты региональной языковой личности. Подобные массивные сдвиги в речевом дискурсе и языковой картине мира носителей русского национального языка в отдельно взятом регионе в определенное время вызывают необходимость дать оценку состоянию общества на данный момент и сосредоточить пристальное внимание на тенденциях развития русского языка в целом.

Список литературы

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учеб. пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская и др.; под ред. Т.Б. Радбиля. – Москва: ФЛИНТА, 2022. 232 с.
2. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса // Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. : историко-антропологические очерки / [отв. ред. Е.Ф. Кринко]. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С 402–419.
3. Донецкий региолект: монография /под ред. В.И. Теркулова. Донецк: изд-во ООО «НПП» Фолиант», 2018. С. 4–7.
4. Курмакаева Н.П. Донецкий речевой дискурс в фокусе креативности: вчера и сегодня // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология. Донецк, 2023. № 1. С. 41–49.
5. Теркулов В.И. «Словарь языка войны в Донбассе»: лингвистические и лингвокультурологические особенности // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17-20 мая 2022 г.) / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. Брянск : РИСО "БГУ", 2022. С. 25–29.

DYNAMICS OF REGIONAL SPEECH DISCOURSE IN THE CONTEXT OF MILITARY CONFRONTATION

© *N.P. Kurmakaeva*

Abstract. The article is devoted to an insufficiently researched cluster of the Russian national language in its regional speech realisation – modern Donetsk speech deeply immersed in the protracted military reality. New empirical material collected from various sources is analysed: oral speech, communication in social networks, poetic texts of local authors, military reports. The methods of text interpretation, lexical-semantic interpretation, comparative, introspective are applied. Dynamic processes and updates at all levels – from lexical to syntactic – are revealed. It is noted how under the pressure of events old cultural codes and concepts are filled with new meanings and new ones are born. The basic concept of the region of Donbass is studied. At the same time, the growth of emotional-expressive, evaluative and creative-playful in the regional speech discourse is noted as a linguistic response to the strengthening of aggressiveness in society and its communicative space.

Keywords: *military confrontation, Donetsk speech, cultural codes, regional speech discourse, speech creativity.*

«ЦЕННОСТИ» У Н.С. ЛЕСКОВА

© В.В. Леденёва

Аннотация Статья освещает представление о «ценностях» у Н.С. Лескова как языковой личности с неповторимым ментально-лингвальным комплексом. Актуальность исследования обусловлена активным интересом в современной лингвистике к *человеку оценивающему*. Материал – тексты опубликованного эпистолярного наследия писателя. Цель – выявить и охарактеризовать круг имеющего для автора цену, ценность с помощью анализа лексем – синтагматических партнёров, в том числе единиц в роли предикатов при словах, эксплицирующих понятие ‘ценность’. Средства экспликации извлечены методом сплошной выборки с применением компьютерных технологий. Раскрыто, что тривиальный смысл ‘стоимость’ передаёт полисемант *цена*. С ним связаны контексты, в которых адресант обсуждает стоимость книг, статей – плодов его интеллектуального труда. Анализ показал, что ценности ментальные, культурные, представляются единицами предикатной лексики – глаголами *ценить, оценить*, аксиологически значимыми именами прилагательными с градационной семантикой *бесценный, драгоценный, неоценимый, малоценный* и *ценный*. Языковая личность Н.С. Лескова предстаёт в её ориентированности на писательскую деятельность и духовные, морально-этические ценности. Исследование подтверждает важность лингвоаксиологии и результативность обращения к семантике средств предикации при исследовании концепта ЦЕННОСТЬ, что имеет практическое значение для характеристики языковой личности автора.

Ключевые слова: *ценности, эпистолярный текст, языковая личность, автор, средства предикации, лесковедение.*

Введение

Нет сомнения в том, что для антропоцентрической лингвистики XXI века в любой из её сфер языковая личность, репрезентирующая себя в различных текстах, остаётся важнейшим объектом исследования, причём неповторимым, невзирая на закономерное использование *homo loquens* в процессе коммуникации нейтральных узуальных ресурсов, составляющих, как известно, основу словесной ткани каждого текста. Причина своеобразия, неповторимости кроется в специфике ментально-лингвального комплекса автора (МЛК), который служит «конституирующим признаком» человека [Морковкин, Морковкина 1997: 20–28], предопределяет качества идиолекта и идиостиля (см.: [Леденёва 2022: 15–16, 37, 101, 111 и др.]), объясняет их эволюцию.

Язык в МЛК проявляет себя многоуровневой функциональной системой, которой обеспечивается социализация человеческой личности [Мор-

ковкин, Морковкина 1997: 28], вербализация единиц национальной концептосферы и репрезентация в тексте того или иного фрагмента картины мира, проявление различных видов «человеческой духовной активности», воплощение мира ценностей, где «ценность выступает как специфическая категория именно человеческого типа освоения действительности» [Радбиль 2010: 25, 225, 227], основанная на выделении чего-либо по значимости. Ср.: «Representatives of cognitive linguistics and linguocultural studies rightly argue that the conceptual system, displayed in the consciousness of a person in the form of a linguistic picture of the world, depends on collective and individual cultural experience and is directly connected with it» [Zhalieva, Abdykadyrova 2022: 322].

Круг ценностей личности и, следовательно, концепт ЦЕННОСТЬ в МЛК, индивидуальной концептосфере, формируется в процессе социализации, причём «ценности, смыслы и ментальные ресурсы образуют единый механизм реализации поведения человека» [Калугин 2018]. Это активно изучается гуманитарными науками с середины XIX в., поскольку с помощью экспликатора *ценность* отразилось «человеческое, культурное, социальное значение отдельных обстоятельств и явлений действительности» [Ильчугулова 2013: 159]. Актуализировавшийся в лингвистике к началу 90-х гг. XX в. интерес к аксиологической проблематике в XXI в. не угасает (например: [Маркелова 1993; Маркелова, Петрушина 2019; Радбиль 2021; Общая и русская лингвоаксиология 2022; Герасименко 2023] и др.).

Среди подходов к изучению ценностей в их отражении текстами языковой личности, следовательно, к содержанию концепта ЦЕННОСТЬ в индивидуальной концептосфере привлекает подход, выработанный Т.Б. Радбилем. Согласно этому подходу нужно «различать ценности двух видов: как объект авторской рефлексии и обсуждения, которые не являются языковыми по природе, <...> и как определённый фокус сообщения» [Радбиль 2021: 407].

Нам очевидно, что с помощью изучения средств предикации в сформированных автором контекстах могут быть установлены разного типа ориентиры, безусловно, и ценностные (ср.: [Герасименко 2023: 15]), поскольку «язык ценностей» «растворён в массиве конкретных высказываний на разные темы» [Радбиль 2021: 408].

Слова с корнем *-цен-* как ориентиры в текстах писем Н.С. Лескова – человека оценивающего

Тексты эпистолярного наследия Н.С. Лескова послужили материалом для анализа «ценностей», которые отражают видение их писателем как частным лицом, чья опубликованная переписка с коллегами по литературному цеху, духовно и творчески близкими людьми, немногими родными сообщает адресату не только разного рода информацию, но и передаёт мнение адресанта, служит значимым показателем интересов, убеждений автора, его эксплицитных и имплицитных оценок.

В опубликованных письмах Н.С. Лескова [Лесков 2002] было выделено около 60 единиц, включающих корень *-цен-*, который известен всем славянским языкам, с X–XI вв. – древнерусскому, старославянскому, где «цѣна – “стоимость” и “плата”» [Черных 1993: т. 2: 365] (ср.: «праслав. сѣпа родственно лит. *káina* “цена, польза” <...>, авест. *kaēnā* – “возмездие, месть, наказание”» [Фасмер 1987: т. 4: 298], как и в греческом языке), т.е. «цена буквально – “возмездие”, затем “штраф” и “цена”» [Шанский, Боброва 1994: 357; ср. Сомсиков 2020: 438].

Общеизвестный смысл ‘стоимость чего-либо’, прежде всего товара, передаёт полисемант *цена* (19 употреблений), имеющий три узуальных ЛСВ (лексико-семантических варианта): «1. Стоимость чего-нибудь (товара), выраженная в денежных единицах. | Плата, вознаграждение за что-нибудь. 2. твор. ценою чего; употр. также в знач. затратив, употребив что-нибудь для чего-нибудь. 3. перен., только ед. Роль, значение, которое придают кому-чему-нибудь» [ТСУ URL].

В письмах Н.С. Лескова употребление этой лексемы в первичном, тривиальном значении мотивировано различными прагматическими установками автора:

а) проинформировать адресата, обозначив известную адресанту цену какой-либо услуги: «...сейчас всё занято, но 5-го очистится один № с окнами на море, *цена* 1 руб. 50 коп. в сутки... (Л.И. Веселитской. 27 июня 1893 г.); «...на Корфе возьмёте карафашку, которая прямо привезет Вас в Меррекуль (7 верст, *цена* 1 руб.), – это скорее, но не увидите Наровы, – что, впрочем, легко восполнить на обратном пути, когда следует и посмотреть пороги (2–3 версты от города, *цена* 75 коп.)» (Л.И. Веселитской. 2 июля 1893 г.). Показателями установки на информирование об утили-

тарном служат синтагматические партнёры, в семантике которых имеется компонент ‘услуга’. Это упоминание номера (символ № в тексте) в гостинице, средств передвижения / перемещения (*карафашика, извозчик* в метонимическом значении слова), непосредственное указание цены цифровым кодом (*30 коп., 1 руб., 75 коп.* и т. д.);

б) обсудить стоимость печатной продукции, плодов интеллектуального труда, простимулировать вопрос о продажах изданий, что важно для профессиональной деятельности писателя: «Он их продаёт только с уступкою 20%. Я у него возьму всё с уступкою 40%, то есть по 60 коп. за экземпляр, и предлагаю эту книгу (100 или 120 экз.) Алексею Алексеевичу по той же *цене*, за которую сам надеюсь выкупить весь остаток» (А.С. Суворину. 8 апреля 1886 г.); «Я думаю, ей бы хорошо перепечатать титул и обёртку; назначить *цену* вместо 1 р. 50 к. – один рубль и дать мне, например, по 35 к. за экземпляр» (С.Н. Шубинскому 29 апреля 1887 г.) и др. Синтагматическими партнёрами в таких контекстах выступают предикаты с семантикой ‘купля / продажа’ (*взять, выкупить, назначить цену, предложить, продать, сделать приобретение*);

в) побудить адресата-издателя выплатить гонорар, что имеет жизненно важное значение: «*Цена* его [перевода] 50 коп. за стих, я это Вам и писал...» (С.Н. Шубинскому. 23 июля 1883 г.); «Отдать такой рассказ на 10 тыс. экземпляров за сто рублей просто ужасно!.. <...> Не найдёте ли Вы и Алексей Сергеевич справедливым дать мне ту, очень малую *цену*, которую я считаю справедливою и дешёвою, то есть по 25 руб. за лист, или хоть 150 руб. за всю штуку?» (С.Н. Шубинскому 6 октября 1887 г.) и др. Живущий на гонорары автор обсуждает стоимость своей работы с использованием предикатов с эксплицитными и имплицитными реляционными и оценочными семами в значениях (*дать цену* – ожидание ‘справедливой оплаты’; словоформа *писал* глагола *писать* – указывает на ожидаемую ‘реакцию’ по оплате) и т.д.

Самостоятельного описания заслуживает использование слова *цена* в переносном значении (ЛСВ-3), соотносимом с ценностями духовными, непреходящими (жизнь, творчество, люди), мнение о которых характеризует личность писателя. Такое словоупотребление в эпистолярии связано с демонстрацией пиетета и высокой оценки гениального ума и таланта Л.Н. Толстого, что выражается авторским сравнением и тональностью

самокритичности, проступающей в риторическом высказывании, которое доносит подчёркнуто заниженную самооценку: «Какую *цену* могут иметь мои мнения перед Вашим умом? Разве *цену* толкового читателя» (Л.Н. Толстому. 28 августа 1894 г.). Адресант демонстрирует ценность постигаемого им в результате общения с Л.Н. Толстым (*цена читателя* как самооценка).

Значение эволюционных перемен в жизни охарактеризовано Н.С. Лесковым в афористичной философской сентенции о миропорядке ('у всего есть своя цена'): «Всему этому так и быть следует, ибо “всякой вещи есть своё время под солнцем”, – протяжные троечники отошли, а железные дороги их лучше, но опыт и знание всё-таки *своей цены стоят*, да и по-кою не дают» (А.С. Суворину. 29 сентября 1886 г.).

В составе слов с корнем *-цен-* аксиологически значимые имена прилагательные с градационной семантикой: *бесценный*, *драгоценный*, *неоценимый*, *малоценный*, в том числе многозначное *ценный* в переносном ЛСВ-2 («Очень нужный, важный, имеющий то или иное значение» [ТСУ URL]). С его помощью в качестве ценностей образно представлены художественные удаchi («*цельность*» произведения, наличие в нём интересного сюжетного хода, достоверного речевого портрета простолюдина – *ценный камешек*), характеризуются человеческие отношения: «...Вы так дороги для существа, которое одно *ценнее* многих и обладает истинною способностью служить славе Божией...» (М.Г. Пейкер. 21 июня 1879 г.).

«Ценности» в представлении глагольными предикатами ***ценить – оценить /оценивать***

Анализ текстов эпистолярия показал, что ценности ментальные, духовные, культурные, эстетические представляются адресантом преимущественно единицами предикатной лексики – глаголами *ценить* (14 употреблений), *оценить/оценивать* (4 употребления) в переносных значениях. При этом контекстуальные партнёры называют круг того, что Н.С. Лесков 'считает ценностью', т.е. ценит (ЛСВ-2 *ценить* «Определять или признавать ценность, значение кого-чего-нибудь, давать кому-чему-нибудь какую-нибудь оценку. | Признавая ценность кого-чего-нибудь, беречь, относиться с должным вниманием, уважением к кому-чему-нибудь» [ТСУ URL]) в себе и в отношении себя: *благо, внимание, доверие, друж-*
252

ба, личные чувства, мнения; качества других – *добрые стороны, симпатические стороны* (характера), *сохранение души в опрятстве*; признание в профессиональной сфере – *язык произведения, материал*. См.: «Я, конечно, **ценю** такое доверие и всемерно рад бы его оправдать...» (С.Н. Терпигореву. 13 ноября 1882 г.); «...я говорю чисто от сердца и говорю правду – любя Вас и **ценя** Ваши симпатические стороны...» (А.С. Суворину. 11 марта 1887 г.).

С предикатом *оценить* (ЛСВ-2 «Высказать то или иное мнение, суждение о ценности кого-чего-нибудь, понять правильно значение, качество кого-чего-нибудь» [ТСУ URL]) связано обозначение ценностей ментальных (*мысли*), морально-этических качеств как достоинств личности (см. в отношении о роли Л.Н. Толстого: *шевелит совесть, будит мысль, переставляет точки зрения на лица и репутации*): «А замечаете ли Вы, что Лев Толстой и в нынешнем своем настроении *оживляет* литературу. <...> Сколько бы дела и интереса для независимой критики, чтобы все это разобрать и **оценить!**» (А.С. Суворину. 3 марта 1886 г.); «Сколько, в самом деле, русская земля теряет «полезных деятелей» такого сорта, что их во все времена все путные люди могли бы и не понять и не **оценить!**...» (А.И. Фаресову. 28 июня 1893 г.).

Заключение

Полученные результаты подтверждают актуальность исследования концепта ЦЕННОСТЬ и средств его экспликации, к каким, безусловно, относятся единицы с корнем *-цен-*, среди которых выделяются предикатные лексемы, формирующие ядро высказываний на различные темы и «притягивающие» к себе круг контекстуальных партнёров, чья семантика проливает свет на систему ценностей автора. Языковая личность Н.С. Лескова предстаёт в её ориентированности на морально-этические ценности. Высокую *цену* имеет для писателя профессиональная деятельность, справедливую оценку результатов которой он настойчиво отстаивал в переписке.

Продемонстрированный подход к анализу ценностей способен оправдать себя при исследовании текстов разных эпох, жанров, стилей и подтверждает значимость лингвоаксиологии – развивающегося направления в языкознании.

Список литературы

1. Герасименко Н.А. Ценности Маяковского (синтаксический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17
2. Ильчугулова Г.З. История концепта «Ценность» // Система ценностей современного общества. 2013. № 32. С. 157–164.
3. Калугин А.Ю. К проблеме связи ценностей, смыслов, ментальных ресурсов и концептов // Мир науки. 2018. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN618.pdf> (дата обращения 28.10.2023).
4. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: ООО «Постатор», 2022. 462 с.
5. Лесков Н.С. Энциклопедическое собрание сочинений: Тексты. Музыка. Иллюстрации: CD. М.: ООО ИДДК, 2002.
6. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке. М.: МПУ, 1993. 125 с.
7. Маркелова Т.В., Петрушина М.В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
8. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: ИРЯП, 1997. 414 с.
9. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М.С. Милованова. М. : Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
10. Радбиль Т.Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 406–420.
11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта : Наука, 2010. 328 с.
12. Сомских А.И. Цена, сцена, шут, артист, актер, азарт, карта, происхождение связанного куста слов //Евразийское Научное Объединение. 2020. № 12–6 (70). С. 438–444.
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. Тт. 1–4. М., 1935–1940. (В тексте – ТСУ). [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0> (дата обращения 28.10.2023).

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.

15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: Т. 1-2. М.: Рус. яз., 1993.

16. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

17. Zhalieva Zh., Abdykadyrova S. Main Values of Wedding Traditions and Representation of Wedding Concept by Language Means // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 1. С. 321–328. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/74/48>

"VALUES" BY N.S. LESKOV

© V.V. Ledeneva

Abstract. The article highlights the idea of N.S. Leskov's "values" as a linguistic personality with a unique mental-linguistic complex. The relevance of the study is due to the active interest in modern linguistics in the person evaluating. The material is the published epistolary texts of the writer. The aim is to identify and characterize the circle that has a price and value for the author by analyzing lexemes – syntagmatic partners, including units as predicates in words explicating the concept of 'value'. The means of explication were extracted by a continuous sampling method using computer technology. It is revealed that the trivial meaning of 'cost' conveys the polysemant *price*. It is associated with contexts in which the addressee discusses the cost of books, articles – the fruits of his intellectual labor. The analysis showed that mental, cultural values are represented by units of predicate vocabulary – verbs *to appreciate*, *to evaluate*, axiologically significant adjectives with gradational semantics *priceless*, *precious*, *invaluable*, *of little value* and *valuable*. The linguistic personality of N.S. Leskov appears in its focus on writing and spiritual, moral and ethical values. The study confirms the importance of linguoaxiology and the effectiveness of addressing the semantics of the means of predication in the study of the concept of VALUE, which is of practical importance for the characterization of the author's linguistic personality.

Keywords: *values, epistolary text, linguistic personality, author, means of predication, leskovedenie.*

АЗИАТСКИЕ ИГРЫ 2023 ГОДА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ

© Ли Цзяхэн

Аннотация. Целью работы является анализ репрезентации азиатских игр 2023 года в китайских и российских СМИ, а также сравнение средств выражения и тем, затрагиваемых в статьях, посвященных азиатским играм. В статье описаны основные особенности репрезентации азиатских игр в китайских и российских СМИ. Приведены примеры освещения Азиады в ряде китайских и российских СМИ, которые отражают отношение населения двух стран к проводимым соревнованиям. Представление Азиатских игр 2023 года в китайских и российских СМИ охватывает широкий спектр тем и аспектов, начиная от спорта и культуры до экологии и политики. Эти игры не только становятся площадкой для спортивных достижений, но и важным событием, оказывающим влияние на общество и мировое сотрудничество.

Ключевые слова: Азия, Спорт, Азиада 2023, Китай, Россия, СМИ.

Азиатские игры – это крупнейшее спортивное событие в Азии, аналогичное Олимпийским играм для этого континента. Организованные Азиатским олимпийским советом (ОСА), эти игры проводятся раз в четыре года и привлекают спортсменов и болельщиков со всей Азии. По традиции, каждая новая игра вызывает большой интерес со стороны СМИ, и Азиатские игры 2023 года, которые прошли в китайском городе Ханчжоу, не стали исключением. В данной статье мы рассмотрим, как китайские и российские СМИ представляют это событие.

Китай как страна-организатор придает особое значение Азиатским играм 2023 года. Китайские СМИ активно освещают каждый этап подготовки к мероприятию, начиная с выбора Ханчжоу в качестве города-хозяина. СМИ проводят интервью с организаторами, спортсменами, и подробно рассказывают о подготовке инфраструктуры. Это способствует созданию позитивного образа страны, а также популяризации спорта среди китайской аудитории. Важным аспектом является и акцент на том, что Азиатские игры 2023 года станут прекрасной возможностью продемонстрировать культурное наследие и гостеприимство Китая миру.

СМИ в России также следят за событиями Азиатских игр и уделяют им особое внимание. Это связано с политической обстановкой, сложив-

шейся вокруг всех российских спортсменов, выступающих на международных аренах. Так как российские спортсмены не имеют возможности выступать под флагом родной страны, они вынуждены выступать под нейтральным флагом.

Российские СМИ соответствующе реагируют на сложившуюся ситуацию. Издание «Спорт-экспресс» пишет: *«Россия не получила приглашения на Азиатские игры. Допуск оказался гипотетическим?»* [3]. Российская версия журнала Форбс сообщает: *«Игры раздора: как Азиатские игры стали поводом вспомнить взаимные обиды»* [2]. Кроме того, российские СМИ акцентируют внимание на геополитическом значении Азиатских игр. Так как Россия оказалась не удовлетворена статусом своих спортсменов на Азиаде 2023, СМИ отражают недовольство через возможную нелегитимность прошедшей Азиады.

Российская версия журнала Форбс сообщает: *«В китайском Ханчжоу прямо сейчас проходят Азиатские игры-2022. После недавней отмены жесточайшего карантина в Китае из-за коронавируса, соревнования должны были стать долгожданным праздником и отвлечением от проблем национальной экономики. Но получилось не все: местные жители недовольны расточительством правительства, Олимпийский совет Азии находится в конфликте с Международным олимпийским комитетом, а Россию не пустили из-за «технических проблем»* [2]. Издание «Чемпионат» сообщает: *«Российских спортсменов и в Азии лицемерно унизили. Выступать они смогут только вне зачёта»* [1].

Однако стоит отметить, что репрезентация Азиатских игр в китайских и российских СМИ также может содержать политические и экономические подтексты. Китай, в свою очередь, использует эти игры для подчеркивания своей мировой роли и влияния. Экономические и политические аспекты не всегда остаются вне поля зрения как китайских, так и российских СМИ.

Китайская ежедневная газета, таблоид Хуанцю Шибao сообщило: *«中国队的墙太高、太厚，太难翻越。日本女乒主教练渡边武宏表示，26日，亚运会乒乓球比赛的两枚金牌全部加入中国队的收藏（Стена китайской команды слишком высока и слишком толста, и преодолеть ее слишком сложно. Так сказал Такехиро Ватанабэ, главный тренер женской сборной Японии по настольному теннису.26-го числа все две золо-*

тые медали соревнований по настольному теннису на Азиатских играх были положены в копилку китайской команды)» [5]. Видно, что журналисты используют сравнение китайской команды с Великой китайской стеной – всемирно известным чудом Света.

Кроме того, важно отметить, что Азиатские игры 2023 года становятся площадкой для культурного обмена между различными азиатскими нациями. В современном мире, где глобализация играет важную роль, такие события позволяют странам продемонстрировать свою уникальную культуру, искусство, и национальную историю. Китайские и российские СМИ акцентируют внимание на разнообразии культурных мероприятий и выставок, которые сопровождают Азиатские игры, а также на участии артистов и музыкантов из разных стран, что способствует укреплению дружественных отношений и пониманию между нациями.

Китайское интернет-издание Sohu публикует новость об участии Китая в Азиатских играх со следующим заголовком: «提高警惕！中国足球正在被亚洲上层阶级抛弃 (Будьте бдительны! Китайский футбол отбрасывается высшим классом Азии)» [4]. Журналисты предлагают бдительно следить за ходом игр, несмотря на плохой старт китайской команды. Но и в поражениях китайские СМИ находят положительные стороны: «亚运会后，中国足球与一流亚洲球队的差距正在迅速缩小 (После Азиатских игр разрыв между китайским футболом и первоклассными командами Азии стремительно сокращается)» [4].

Еще одним важным аспектом представления Азиатских игр в китайских и российских СМИ является акцент на молодежи и будущем спорта. Обе страны ставят большую задачу на развитие спорта среди молодежи, и эти игры служат вдохновением для будущих поколений спортсменов. СМИ активно следят за успехами молодых спортсменов и поднимают вопросы развития спортивной инфраструктуры и программ поддержки талантливых атлетов.

Культурные особенности, яркое использование символов и метафор отмечаются в репортаже китайского издания Синьхуа: «中国龙舟队主教练陈忠赛后表示，中国队在本届亚运会上取得好成绩的关键是一支处理一切后勤工作的强队，而球队凝聚力体现了龙舟精神。尽管训练时间短，但球员们都有使命感，这是球队成功的最大秘诀 (Чэнь Чжун, главный тренер китайской команды Dragon Boat (Лодка-дракон),

сказал после игры, что ключом к хорошим результатам китайской команды на этих Азиатских играх является сильная команда, которая занимается всей логистикой, а сплоченность команды отражает дух dragon boat. Несмотря на то, что время тренировок невелико, у игроков есть чувство миссии, что является самым большим секретом успеха команды)» [6].

Наконец, стоит отметить, что Азиатские игры 2023 года оказывают влияние на туристическую индустрию и экономику Китая. Российские СМИ также следят за тем, какие экономические выгоды приносит проведение таких масштабных событий. Приход туристов, строительство спортивных сооружений, и внимание культурного и развлекательного секторов – все это важные моменты, которые обсуждаются в контексте Азиатских игр.

Китайское издание Синьхуа описывает борьбу китайской сборной по баскетболу за бронзовую медаль словами: *«Мужская сборная Китая по баскетболу, которая в полуфинале уступила Филиппинам и потеряла право на выход в финал с разницей в 1 очко, в тот же день боролась за бронзовую медаль с командой китайского Тайбэя. На групповом этапе сборная Китая разгромила своих соперников со счетом 89:69. Когда они встретились снова, Чжао Жуйли нанес серию бросков и набрал 8 очков подряд, что открыло ситуацию для китайской команды, но команда китайского Тайбэя еще больше расцвела под руководством Линь Тинцяня, и команда китайского Тайбэя повела со счетом 29:21 в первой четверти» [7].* Эпитеты ‘разгромила’ и ‘расцвела’ превращают поражение в борьбе за золото в блистательную победу в борьбе за бронзу.

Таким образом, Азиатские игры 2023 года – это не только спортивное событие, но и комплексное мероприятие, оказывающее влияние на различные сферы жизни. Китайские и российские СМИ представляют эти игры с разных точек зрения, подчеркивая их культурное, спортивное, и политическое значение. Это событие продолжает сплочать нации и продвигать мировое сотрудничество в регионе.

Особенное внимание организаторы Азиатских игр 2023 акцентировали на следующем:

1. Экологическая составляющая. В представлении Азиатских игр в китайских и российских СМИ акцентируется внимание на устойчивом

развитии и экологической устойчивости мероприятия. Китай, как страна с большим вниманием к экологии, старается сделать игры экологически чистыми. Это становится одной из важных тем для СМИ, особенно в контексте борьбы с изменением климата.

2. Инфраструктура и инновации. Китай активно инвестирует в развитие инфраструктуры для проведения Азиатских игр. Российские СМИ также отмечают инновации и технологические решения, применяемые в Ханчжоу. Это обсуждается как фактор, способствующий современному развитию и улучшению городской инфраструктуры.

3. Сближение культур: СМИ обращают внимание на момент сближения культур между Китаем и Россией в рамках этих игр. Обмен культурными показателями и искусством, а также встречи спортсменов и болельщиков из разных стран, создают атмосферу дружбы и взаимопонимания.

4. Влияние на спортивную дипломатию. Россия и Китай как ключевые участники мировой политики используют спортивные события, включая Азиатские игры, как площадку для спортивной дипломатии. Этот аспект оценивается как способ продвижения мира и сотрудничества в регионе и в мире.

5. Поддержка и эмоциональная составляющая. В СМИ акцентируется поддержка и эмоции, которые сопровождают выступления спортсменов. Это позволяет привлечь внимание болельщиков и создать атмосферу патриотизма и единства в обеих странах.

6. Социокультурные аспекты. Китайские и российские СМИ также обращают внимание на важность Азиатских игр в контексте социокультурных изменений. Эти игры способствуют укреплению и сближению различных азиатских культур и обогащению культурного обмена между странами.

7. Значение медийной кампании. СМИ оценивают роль медийной кампании в подготовке и проведении Азиатских игр. Это включает в себя охват мероприятий, интернет-трансляции, рекламу и маркетинг, что оказывает влияние на интерес болельщиков и успешность проведения соревнований.

8. Участие спортсменов и команд. Китайские и российские СМИ уделяют значительное внимание выступлениям своих спортсменов и команд. Это стимулирует национальный патриотизм и поддержку. Выдаю-

щиеся успехи российских и китайских спортсменов на Азиатских играх вызывают гордость у общества и стимулируют интерес к спорту в целом.

9. Обсуждение вызовов и проблем. СМИ также не обходят стороной обсуждение вызовов и проблем, с которыми сталкиваются Азиатские игры 2023 года. Это включает в себя вопросы безопасности, организационные трудности, и другие аспекты, которые могут возникнуть в процессе подготовки и проведения мероприятия.

10. Влияние на спортивное движение. Китай и Россия рассматривают Азиатские игры как платформу для развития спортивного движения в регионе и по всему миру. Это становится темой обсуждения в СМИ, особенно в свете того, как эти соревнования могут вдохновить новых спортсменов и способствовать росту интереса к спорту.

Итак, представление Азиатских игр 2023 года в китайских и российских СМИ охватывает широкий спектр тем и аспектов, начиная от спорта и культуры до экологии и политики. Эти игры не только становятся площадкой для спортивных достижений, но и важным событием, оказывающим влияние на общество и мировое сотрудничество.

Азиатские игры 2023 года представляют собой многогранный проект, охватывающий множество аспектов, от спорта и культуры до политики и экономики. Китай и Россия, как страны с важной ролью в мировых событиях, используют эти игры для продвижения своих интересов и укрепления отношений с другими азиатскими нациями. Эта комплексность делает представление Азиатских игр в китайских и российских СМИ многогранным и информативным.

Список литературы

1. Интернет-издание Чемпионат. Российских спортсменов и в Азии лицемерно унизили. Выступать они смогут только вне зачёта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/other/article-5164609-rossijskie-sportsmeny-na-aziatskih-igrah-smogut-vystupat-vne-zachyota-pochemu-eto-ne-shag-navstrechu-a-novoe-unizhenie.html>.

2. Интернет-издание Форбс. Игры раздора: как Азиатские игры стали поводом вспомнить взаимные обиды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/sport/497171-igry-razdora-kak-aziatskie-igry-stali-povodom-vspomnit-vzaimnye-obidy>

3. Интернет-издание Спорт-экспресс. Россия не получила приглашения на Азиатские игры. Допуск оказался гипотетическим?. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/pochemu-rossiya-ne-poluchila-priglaseniya-na-uchastie-v-aziatskih-igrah-v-kitayskom-hanchzhou-chto-ob-etom-izvestno-2099648/>

4. Интернет-издание Sohu.
杭州亚运会|警醒！中国足球正被亚洲一流甩开——
杭州亚运会足球项目综述. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/726610443_267106

5. Интернет-издание Huanqui.
零封日韩，点燃赛场！中国乒乓“天团”包揽亚运团体冠军. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.huanqiu.com/article/4Ehmm2McW3W>

6. Интернет-издание News.cn.亚运会龙舟赛收官 中国队收获5金1银. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.news.cn/sports/2023-10/06/c_1212283981.htm

7. Интернет-издание News.cn. 杭州亚运会 | 菲律宾队夺得男篮冠军 中国男篮获铜牌. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.news.cn/sports/2023-10/07/c_1212284447.htm

ASIAN GAMES 2023: REPRESENTATION IN CHINESE AND RUSSIAN MEDIA

© Li Jiaheng

Abstract. The aim of the work is to analyze the representation of the 2023 Asian Games in the Chinese and Russian media, as well as to compare the means of expression and topics covered in articles on the Asian Games. The article describes the main features of the representation of the Asian Games in the Chinese and Russian media. Examples of coverage of the Asian Games in a number of Chinese and Russian media are given, which reflect the attitude of the population of the two countries to the competitions being held. The presentation of the 2023 Asian Games in Chinese and Russian media covers a wide range of topics and aspects, ranging from sports and culture to ecology and politics. These games not only become a platform for sporting achievements, but also an important event that has an impact on society and global cooperation.

Keywords: Asia, sports, Asian Games 2023, China, Russia, mass media.

КОЛОРАТИВ «КРАСНЫЙ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© *А.И. Лызлов*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена описанию фразеологических единиц английского языка. В данной работе описываются фразеологизмы, базовым элементом значения которых является колоратив «красный». Данные единицы являются достаточно частотными единицами они представлены не только в словарных источниках и могут быть изучены как единицы языка, но и в письменной речи, как художественном, так в публицистическом дискурсе, что позволяет говорить об их востребованности в современном английском языке. Методом исследования является метод когнитивного описания значений фразеологических единиц. Результатом исследования послужило описание значений фразеологических единиц английского языка, которые могут иметь универсальный характер, то есть встречаться во многих языках, а также могут иметь уникальный характер, иными словами, встречаться только в одном языке, в данном случае в английском.

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, колоратив, дискурс.

Названия цвета активно используются в составе фразеологических единиц. Они также имеют названия колоративов. Колоративная лексика описывает разные оттенки цвета и выполняет разные функции в художественном тексте: наделяет символикой отдельные языковые и речевые средства [Дубинина 2021]. Фразеологические единицы с элементом-колоративом могут быть рассмотрены с когнитивных позиций, то есть рассмотреть содержание описываемых единиц с точки зрения процесса концептуализации.

Языковая концептуализация ценностей, результатом которой выступает ценностная картина мира, представляется как один из двух аспектов, наряду с чисто познавательным, когнитивным, т.е. процесса целостного лингвокогнитивного освоения действительности в разного рода форматах знания – концептуальных моделях [Радбиль 1996, 2006, 2017].

Колоратив «красный» в англоязычной фразеологической традиции используется в составе ряда единиц, которые объективируют как исключительно дескриптивные, так и аксиологически маркированные значения. Анализ фразеологизмов с колоративом «красный» уместно начать с весьма распространенных универсалий. Так компаративная единица **like a red rag to a bull** в русском языке звучит следующим образом «как красная тряпка для быка».

Данная единица описывает когнитивную ситуацию в котором некий предмет или действие является неким триггером для развития негативно оцениваемых действий, иными словами, провоцирует ярость.

В англоязычных странах праздники, которые отмечаются всенародно и являются нерабочими днями называются **bank holidays** (праздники, когда не работают даже банки), но существует также и фраза **red-letter day** – красный день календаря.

Глагольная фразеологическая единица **to redden to the roots of one's hair** (дословно – «покраснеть до корней волос») описывает негативное состояние психики человека, вызванное смущением, стыдом.

Помимо фразеологизмов-универсалий с колоративом «красный» в английском языке существуют также и уникалии.

Ряд высказываний строятся по модели «колоратив + номинатив», когда описываемый колоратив конкретизирует значение некоего явления.

Канцеляризм **red tape** (дословно – «красная лента») дает негативную характеристику такому явлению как волокита, бюрократизм, канцелярский формализм. История фразы состоит в том, что в давние времена в Британии официальные документы особой важности перевязывали красной лентой. Но послать документ по назначению – это не значит получить быстрый, тем более удовлетворительный ответ.

Так, пришедший из охотничьего дискурса фразеологизм **red herring** (дословно – «красная сельдь») описывает отвлекающий маневр. Во время охоты можно сбить собак со следа, если подбросить предмет с резким и неприятным запахом, например, копченую сельдь.

В газете Washington Post за 1991 год появляется статья, в которой анализируются проблемы авиаперевозки почты в США: *Frank has attempted to blunt the industry's arguments on Capitol Hill, contending that their objections to the air fleet were “a red herring” an outgrowth of unspoken industry fears that the service might snatch the \$ 747 million it pays the airlines to deliver first-class mail.* (COCA)

В ходе дебатов на капитолийском холме некоторые официальные лица хотели запутать дело, представить необъективные выводы в ходе переговоров с перевозчиками и производителями самолетов.

Образ красной сельди встречается во фразеологической единице, построенной на базе сравнительной модели **neither... nor...** Это единица

neither flash nor red herring (дословно – «ни мясо, ни красная сельдь»). В ней концептуализируется ценностно маркированное представление об отсутствии качественного признака, не позволяющем причислить предмет к какому-либо положительно оцениваемому классу объектов. Эмоциональная оценка данной ФЕ зиждется на логическом механизме сравнения с эталонными образами.

В английском языке есть несколько компаративных фразеологических единиц с колоративом «красный», которые с грамматической точки зрения задействуют сравнительную конструкцию **as ... as...** для описания положительной степени сравнения.

Однозначно положительная оценка представлена в единице **as red as a cherry** (дословно – «красный как вишня»). Данная единица описывает человека с румянцем во всю щеку, ср. русск. «кровь с молоком». Кевин Элко в своем произведении описывает одного и действующих лиц следующим образом: *Macklemore was a round man with a fat face as red as a cherry.* (COCA)

В рамках описываемой модели компаративного характера нормативные представления о красном цвете, причем как аксиологически маркированные, так и исключительно дескриптивные, т. е. лишенные оценочной маркировки, реализуются в англоязычно фразеологической традиции при помощи ряда образов. К их числу относятся кровь (**as red as blood** – дословно – «крово-красный»), данная фраза преимущественно имеет пейоративный оценочный характер; огонь (**as red as fire** – дословно – «огненно-красный») – данная фраза описывает преимущественно внешность человека, например, цвет лица; а также несвойственный другим языкам образ индюка (**as red as a turkey-cock** – дословно – «красный как индюк») или же розы (**as red as the roses** – дословно – «красный как розы»).

В рассказе «Пыль» приводится описание природы. В ней цвет пыли сопоставляется с цветом свежей крови: *in the morning the dust hung like fog, and the sun was as red as ripe new blood.* (COCA).

Мирослав Пенков в произведении “Stork mountain” пишет: *Once more the girl sprinted back to the exit, her face as red as the roses, her bare feet kicking up the sand she'd tracked in.* (COCA)

В английской фразеологической традиции рыжая (красная) корова – это капризное бодливое животное. Фразеологическая единица **a red cow gives**

good milk (дословно – «красная корова дает хорошее молоко») отражает идею о том, что деловые качества как ценность важнее внешних данных.

Данная статья является работой, посвящённой исследованию цветовой тематики, иными словами, тематики колоративов. Колоративы изучаются во фразеологических единицах английского языка с когнитивных позиций. Определяется содержательная сторона исследуемых единиц, рассматривается их универсальная или уникальная принадлежность, исследуются особенности употребления фразеологических единиц с компонентом-колоративом в публицистическом и художественном дискурсе.

Список литературы

1. Дубинина Н.В. Лингвокреативный потенциал русских колоративов: история и современность. дисс. канд. филол. наук. 10.02.01. 2021. 220 с.
2. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. науч. трудов. Н. Новгород: НГПУ, 1996. С. 11-28.
3. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. С. 50-58.
4. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. Изд. 4-е, стер. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.
5. Радбиль, Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с.

COLORATIVE “RED” IN ENGLISH PHRASEOLOGISTS

© *A.I. Lyzlov*

Abstract. The proposed article is devoted to the description of phraseological units of the English language. This paper describes phraseological units, the basic element of the meaning of which is the colorative “red.” These units are characterized by frequency, they are represented not only in dictionary sources and can be studied as units of language, but also in written speech, both artistic and journalistic discourse, which allows us to talk about their relevance in modern English. The method of research is the method of cognitive description of the meanings of phraseological units. The result of the study was a description of the meanings of phraseological units of the English language, which can have a universal character, that is, they can occur in many languages, and can also have a unique character, in other words, they can occur only in one language, in this case in English.

Keywords: *phraseology, evaluation, colorative, discourse.*

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© А.А. Малиюка

Аннотация. В данной статье прецедентные тексты рассмотрены с точки зрения производства судебно-лингвистической экспертизы как объект исследования. В рамках стилистического анализа рассмотрен новый жанр медиа-текстов – Интернет-мем, основой которого зачастую является прецедентный текст. В качестве практического материала были использованы тексты проведенных автором экспертных исследований и обозначены основные сложности исследования такого вида объектов. Обращение к практическому материалу позволило сформулировать некоторые проблемы изучения прецедентных текстов, в частности, проблему того, что эксперт-лингвист может не являться частью того дискурсивного пространства, в котором появился исследуемый прецедентный текст, что может помешать объективно оценивать текст и даст основания сомневаться в полученных выводах. Также в данной статье предложены возможные пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, прецедентный текст, интернет-мем, спорный текст, объект экспертного исследования.

Нередко в рамках производства судебно-лингвистической экспертизы эксперту необходимо исследовать прецедентные тексты, которые могут быть как самостоятельным объектом (газетный заголовок, короткий комментарий в социальных сетях) или являться частью большего объекта исследования (находится в составе спорного текста, является частью диалога и так далее).

Прецедентные тексты (термин происходит от лат. *praecedens*, что означает идущий впереди, предшествующий) – это вербальные средства, которые имеют глубинную смысловую нагрузку, чем просто прямое понимание смысловой нагрузки слов, имеют свернутое значение о целых текстах, а также текстовых группировках различных временных рамок. Каждый прецедентный текст несет в себе уникальную систему ассоциаций, которая формируется в сознании носителей языка. Они могут быть произведениями литературы, поэзии, философии, кино, музыки, рекламы и других видов искусства. Прецедентные тексты служат важной частью коллективной памяти и культурного наследия, позволяя людям общаться и понимать друг друга через общие знания и опыт.

Прецедентный текст можно охарактеризовать как тексты или выражения, известные большинству образованного населения и употребляющиеся как устойчивые выражения (речевые стереотипы). Такие тексты имеют определенную совокупность признаков, при помощи которых возможно их идентифицировать или установить их наличие в составе других текстов:

- известность нескольким поколениям,
- способность хранить в «свёрнутом» виде значительный объём информации,
- значимость для носителей языка в познавательном и эмоциональном отношении;
- неоднократное использование в речи носителями языка,
- широкие возможности, предоставляемые ими для создания языковой игры (часто используется, например, в газетно-журнальных заголовках современных СМИ или Интернет-мемах).

Прецедентные тексты могут быть представлены в качестве средства экспликации ценностной картины мира, которая реализуется с помощью ряда ценностных категорий [Еремкина 2017: 78]. В настоящее время ученые активно изучают картины мира, принадлежащие к разным дискурсивным пространствам: публицистическому, рекламному, политическому, педагогическому, медицинскому и т.д. Исследование названных дискурсивных картин мира способствует выявлению специфики их существования, а также обеспечивает изучение целостной национальной картины мира. В настоящее время одним из самых важных дискурсивных пространств является медиа-дискурс, в котором в том числе происходит и межличностная коммуникация.

Социально значимым явлением медиа пространства являются Интернет-мемы, которые часто становятся объектами исследований эксперта-лингвиста. Интернет-мемы стали неотъемлемой частью современного дискурса. Они представляют собой изображения или видеоряд, в основном, дополненные коротким текстом, который создает имплицитную смысловую нагрузку (иронию, сарказм, шутку и так далее). Как правило, такой эффект в Интернет-мемах создается за счет использования разных языковых средств (языковой игры). То есть, отличительной чертой Интернет-мема является появления эмоционального отклика и ассоциатив-

ных связей у аудитории, что позволяет им быстро распространяться в Интернете и становится популярными среди пользователей. В ряде случаев при создании мемов использованы такие языковые средства, как прецедентные тексты, которые создают отсылки к какому-либо другому дискурсу, из которого они взяты. Наличие прецедентного характера, прежде всего, служит для привлечения внимания адресата: яркость формы вызывает интерес у аудитории, наличие части прецедентного текста создает ассоциативные связи, которые делают образ сильнее и более запоминающимся. Также интернет-мемы часто используются для осмеяния чего-либо. Например, в Интернет-меме с изображением бывшего президента США Барака Обамы имеется текстовая часть *«Он бежит по миру и кушает детей – гадкий, нехороший – Обама-Бармалей!»*, в которой в основе использован прецедентный текст из стихотворения К.И. Чуковского «Бармалей»: *«Он бежит по Африке. И кушает детей – Гадкий, нехороший, жадный Бармалей!»*. Таким образом проведена аналогия между отрицательным персонажем стихотворения и бывшим президентом Америки для создания его негативного образа и формирования к нему отрицательного отношения.

Возможность появления смехового начала в интернет-мемах, а также адекватная интерпретация Интернет-мема, выявление прецедентного характера текста связаны с включенностью адресата в культурный контекст, наличием у него определенных знаний. В связи с этим, задача эксперта состоит в том, чтобы «осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» [Щурина 2006: 81-82].

Однако в экспертной среде остро стоит проблема не включенности лингвистов в то дискурсивное пространство, из которого появился тот или иной прецедентный текст, используемый в конкретном Интернет-меме. Это связано с тем, что сферы, в которых могут быть созданы прецедентные тексты, просто не являются сферами интересов конкретного человека, которому поручено производство лингвистической экспертизы.

Ярким подтверждением актуальности данной проблемы является проведенное автором статьи рецензирование Заключения эксперта по проведенному лингвистическому исследованию. Объектами экспертизы стали

тексты, которые были опубликованы в одной из социальных сетей в виде появляющихся на сутки информационных блоков.

Эксперту на исследование был представлен следующий текстовой отрывок: *«У меня тут свой фест с блекджеком и шлюхами и историей о том, как @TAVRIDA меня наебала и почему я третью неделю не могу прийти в себя»*, который был зафиксирован в виде поста в Инстаграм. При анализе этого текста эксперт делает следующие выводы на протяжении всего Заключения:

«В данном случае автор поста сообщает, что в празднике Таврида участвовали проститутки»,

«Данные негативные сведения сформированы за счет раскрытия темы обмана и участия проституток на празднике Таврида»,

«Как показывает контекстуальный анализ, а также результаты исследований по первому поставленному вопросу, в текстах публикаций имеются негативные сведения об определенном юридическом лице, а именно о таком юридическом лице, который организовал мероприятие под названием «Таврида»; имеется информация о том, что на мероприятии были приглашены проститутки, а работники устраиваются на работу нелегально – не подписывая договор».

То есть эксперт, выявив в тексте лексему *«шлюхи»*, сделал вывод о том, что на мероприятие присутствовали проститутки. В данном случае была совершена экспертом грубейшая ошибка, которая заключается в неправильном выявлении смыслового содержания текста, а также в том, что экспертом не было установлено в отрывке наличие прецедентного текста.

В данном отрывке прецедентным текстом является фраза *«У меня тут свой фест с блекджеком и шлюхами»*. Она была создана по аналогии с фразой из известного мультсериала «Футурама».

«Футура́ма» (англ. Futurama – игра слов от англ. future – «будущее» и англ. panorama – «панорама») – американский научно-фантастический сатирический мультсериал для взрослых, который транслировался с 28 марта 1999 и получил большую популярность в 2000-х. Во 2 серии 1 сезона одного из персонажей (металлического робота Бендера) выгоняют из парка развлечений, и он говорит фразу: *«Yeah, well, I’m gonna go build my own theme park, with blackjack and hookers. In fact, forget the park!»*, кото-

рую в России переводят как «Я построю свой лунапарк – с блэкджеком и шлюхами! Хотя, к черту лунапарк!». Фраза стала прецедентным текстом, который указывает, что автор создаст что-то свое и лучше, чем там, где его не приняли. Этот отрывок на протяжении почти что двадцати лет используют в качестве мема, когда хочет показать безразличие к тому месту или к тем людям, которые отказались от него, и обещание создать что-то лучшее, чем у них.

Таким образом, фраза «*У меня тут свой фест с блекджеком и шлюхами*» не означает, что на мероприятии работали женщины легкого поведения, а сообщается о том, что автору этих строк не нужно то мероприятие, о котором она рассказывает в своих постах. Автор текста в ироничной манере показывала маленькую значимость этого конкурса в ее жизни. Такое прямолинейное понимание текста, которое было предложено в заключении эксперта, совершенно неприемлемо для лингвиста, эксперт не обладает необходимыми знаниями для объективного анализа представленного ему текста, не понимает смысловую нагрузку и ироничных подтекст объектов исследования.

Это происходит в силу отсутствия вовлеченности конкретного эксперта в ту социокультурную общность, где этот мультсериал является знаменитым, – любители компьютерных игр и сериалов.

Избежать подобных критических ошибок поможет расширение кругозора эксперта не только при помощи научной литературы или новостных источников информации, но и отслеживание различных современных тенденций среди молодежи, просмотр сериалов и фильмов, которые имеют широкую огласку. Это позволит идти в ногу со временем и обладать тем базисом, на основе которого и создаются возможные прецедентные тексты.

Список литературы

1. Еремкина В.Н. Роль прецедентных текстов в отражении ценностных ориентаций в текстах современных СМИ // Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 78-80.

2. Щурина Ю.В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического / Ю.В. Щурина // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1(8): научное издание. Красноярск, 2006. С. 77–84.

PROBLEMS OF RESEARCH OF PRECEDENT TEXTS AS OBJECTS OF LINGUISTIC EXPERTISE

© A.A. Malyuka

Abstract. This article examines case law texts from the perspective of forensic linguistic expertise as an object of study. Within the framework of stylistic analysis, a new genre of media texts – the Internet meme, which often has a case law text as its basis, is considered. The texts of the expert studies conducted by the author were used as practical material and the main difficulties in studying this type of object were identified. The appeal to practical material allowed us to formulate some problems in the study of case law texts, in particular, the problem that a forensic linguist may not be part of the discursive space in which the studied case law text appeared, which can interfere with an objective assessment of the text and give grounds to doubt the conclusions obtained. This article also suggests possible solutions to this problem.

Keywords: linguistic expertise, case law text, Internet meme, controversial text, expert study object.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ОЦЕНКИ

© Л.Э. Мамедова

Аннотация. Современная лингвистика рассматривает анализ макропозиционных характеристик дискурса как одну из наиболее актуальных научных проблем. В статье рассматриваются типологические характеристики одного из наиболее сложных пограничных видов институционального дискурса – академический дискурс оценки, дается краткая характеристика некоторых лингвистических и экстралингвистических особенностей, а также выводится дефиниция академического институционального дискурса оценки. Автор приходит к выводу, что ключевыми критериальными характеристиками рассматриваемого вида институциональной коммуникации являются нормативность, иерархичность, системность, конвергентность конститутивных, типологических и нейтральных признаков.

Ключевые слова. институциональность, академический дискурс, отсроченность, релевантность, дискурс оценки, конвенциональность/вариативность.

В современной дискурсологии до сих пор нет четкого понимания термина «дискурс», данный факт может объясняться не только комплексным характером дефинируемого феномена, но и широкими возможностями его альтернатив, вариативностью репрезентации. Типологизация дискурсивных практик на основе исходных принципов членения их на институциональные и персональные с учетом базового критерия экспликации актуальной роли и статуса контркоммуникантов, осуществленная В.И. Карасиком [Карасик, 2000], безусловно, дает возможность делимитировать различные типы коммуникации. При этом учет топикальной привязки дискурса представляет интерес в аспекте создания видовой классификации. Трансдисциплинарные основания дискурс-анализа способствуют определению уровня и векторов соотношения различных кодов и макропозиционных средств в транслировании ключевых характеристик тех или иных дискурсов. Так, психолингвистические аспекты рассмотрения позволяют выявить и проанализировать эмотивное пространство речевых практик, когнитивные – определить модели и паттерны интеракции, аксиологические – делимитировать концептуально-валерное пространство [Бредихин, Парешнева 2021].

Основываясь на социолингвистическом понимании дискурса как совокупности коммуникативных актов в аспекте стереотипного маркирования в них принадлежности к той или иной социумной группе можно констатировать, что экспликация актуальной роли является облигаторной для каждой дискурсивной практики. Подобная трактовка автоматически вводит любой дискурс в поле институциональности. Однако существующие девиации и постоянная смена актуальных ролей в коммуникативной интеракции при условии отсутствия вне жесткого нормирования (легитимации как закрепления правил общения в предписывающих актах) предполагает возможность введения в жесткие паттерны социально-значимого взаимодействия таких несвойственных субъективных категорий как оценка, субъективная релевантность, акты «перехвата» управления развитием дискурса и т.п. Всё это позволяет говорить о динамическом характере институциональной коммуникации, которая зачастую балансирует на грани личностно-ориентированной и статусно-ориентированной форм общения.

М.Л. Макаров считает, что ключевыми признаками академического институционального дискурса оценки являются: 1) максимизация ограничений в речевых действиях не трафаретного характера; 2) фиксация коммуникативных ролей деперсонализированных эксперта и оцениваемого материала; 3) четкое определение единой доминантной цели; 4) снижение контекстуальной обусловленности; 5) конвенционализация векторов снижения числа девиаций [Макаров 2003: 59].

М.Ю. Олешков предполагает облигаторность квалифицированности контркоммуникантов в академическом институциональном дискурсе оценки, предельную локализацию топических характеристик с вариативным (динамическим) темпоральным признаком, конвенционализацию цели оценивания (иерархизацию, «премирование», побуждение и т.д.), ритуализацию посткоммуникативных действий, фиксация актуальных прецедентных феноменов [Олешков 2006: 65].

Институциональные характеристики дискурса оценки деятельности ученого выражаются, прежде всего, в попытке установления конвенционализированного опосредованного закрепленными актами алгоритмизированного общения, протекающего не столько в рамках экспликации статуса контркоммуникантов, но в аспекте определения места обезличенно-

го клиента в иерархии «равных» обезличенным же агентом (экспертом по оцениванию). Несмотря на закреплённость критериев оценивания рассматриваемые нами практики чрезвычайно динамичны, они характеризуются интертекстуальностью, трансформацией темпоральных и локальных характеристик даже в сходных ситуациях, происходящих по причине отсроченности оценки в академической интеракции. Это так называемая ситуация «даунтайма», при котором происходит целенаправленный анализ объекта коммуникации [Манаенко, Пугоева 2023], в нашем случае таких ключевых, но не формальных признаков деятельности ученого как научная новизна исследований, их теоретическая значимость, актуальность результатов и т.д. Как отмечает австрийский лингвист Рут Водак, академический институциональный дискурс не сводится только к одному типу дискурса, но представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных конфликтующих между собой дискурсов [Wodak 1996: 55-56].

Кроме того, следует подчеркнуть, что интенсификация характеристик личности в нормированном общении, казалось бы, должна осуществляться только в рамках нейтральных признаков [Карасик 2000]. Однако этого не происходит, конвергенция в рассматриваемом нами институциональном дискурсе оценки как подвиде академического общения наблюдается в конститутивных и типовых сферах. Ведь академическое взаимодействие по оценке результатов деятельности ученого осуществляется как в непосредственном общении, так и в отсроченной коммуникации со структурами, призванными дать объективную формальную оценку деятельности ученого, т.е. конститутивные признаки способов и материалов представлены своими возможными и топикально детерминированными альтернативами.

С другой стороны, субъективная релевантность, определяемая специалистами (агентами) дискурса оценки в академическом сообществе на основе приверженности той или иной концепции, трансформирует ситуативно-коммуникативное признаковое поле, изменяя цели, мотивы и результаты оценивания, даже если таковое производится по четким конвенционализированным показателям [Бредихин, Вартанова 2017].

Контаминированность присутствует в типологической сфере по причине нечеткой определенности доменной области дискурса оценки дея-

тельности ученого в коллективном сознании. Например, для определения критериальных соответствий соискателя ученой степени применяются одни шкалы, для соответствия условиям присвоения научного звания – другие, для категорирования научного журнала – третьи и т.д. И подобное смещение эпистемической и алетической значимости результатов происходит несмотря на легитимацию критериев оценки, т.е. четкая закреплённость критериев в предписывающем акте, отнюдь не означает его соблюдение в силу «собственного мнения» эксперта. Кроме того, достаточно трудно делимитировать ядерный вербализатор, как маркер типа дискурсивной практики академической оценки – образование, наука, иерархия, закон и т.п. Происходит это по причине трансформации функционального ядра и приобретения генеративной, классифицирующей и моделирующей функциями статуса доминирующих в аргументативном дискурсе оценки деятельности ученого [Bredikhin 2022: 75].

Как указывает В. И. Карасик подобные отклонения от нормирующего предписывающего характера институциональной коммуникации возможно по причине градуальной институциональности, имманентно маркирующей границу в социально-значимой коммуникации, но допускающей альтернативы для того, чтобы контркоммуниканты не «превратились в манекенов» [Карасик 2016: 22]. Это суждение полностью соответствует основным принципам рассмотрения академического институционального дискурса оценки деятельности ученого как динамического алгоритма, основанного на смене регламентируемых (легитимизируемых и легализованных) паттернов взаимодействия в пространстве обмена аргументированными мнениями со ссылкой на авторитет: общение органично входит в лингвокультурный и глобальный контекст; доминантная роль принадлежит контркоммуникантам, а не каналам и средствам; каждый акт должен быть детерминирован ориентацией на предкоммуникативную стадию (конвенции) и прогнозирование посткоммуникативной стадии (определение места ученого в иерархии); вариативность интерпретации конвенций в рамках субъективной релевантности оцениваемого материала.

Таким образом, институциональный дискурс оценки есть специализированная клишированная в своем формальном вербальном представлении

разновидность академического институционального дискурса, характеризующаяся конвергенцией конститутивных, типологических и нейтральных признаков. Ему объективно присущи характеристики квалифицированного статуса участников, жесткая детерминация целей, легализация жанров и легитимизация форм интеракции, привязка к ограниченному набору прецедентных феноменов, субъективность ограниченная конвенционализированным перечнем шкал иерархизации оценки.

Список литературы

1. Бредихин С.Н., Парешнева В.О. Лингвокогнитивные механизмы трансформирования общественной концептуально-валерной системы посредством политической метафоры // Научная мысль Кавказа. 2021. № 4(108). С. 112-117.
2. Бредихин С.Н., Л.Р. Вартанова Способы вербализации когнитивного начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. перевод // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3(52). С. 51-56.
3. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
5. Олешков М.Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) // Социокультурные проблемы в образовании. М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2006. С. 62-71.
6. Пугоева А.О., Манаенко Г.Н. Когнитивный стиль как основа алгоритмизации вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 3. С. 91-101.
7. Bredikhin S.N., Marchenko T.V., Burov A.A. Cognitive generative pragmatics of transdisciplinary intermediary terms // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С. 70-79.
8. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996. 256 p.

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE ACADEMIC INSTITUTIONAL DISCOURSE OF SCIENTIFIC ACTIVITY APPRAISAL

© *L.E. Mamedova*

Abstract. Modern linguistics considers the analysis of macropositional characteristics of discourse as one of the most urgent scientific problems. The article describes the typological characteristics of one of the most complex borderline types of institutional discourse – the academic discourse of scientific activity appraisal, gives a brief description of some linguistic and extralinguistic features, and also deduces the definition of the academic institutional discourse of scientific activity appraisal. The author comes to the conclusion that the key criteria characteristics of the of institutional communication type under consideration are normativity, hierarchy, consistency, convergence of constitutive, typological and neutral features.

Keywords: *institutionality, academic discourse, postponement, relevance, discourse of scientific activity appraisal, conventionality/variability.*

ГРАНИЦА – ВОЛЯ – СВОЕВОЛИЕ: СВЯЗЬ ПОНЯТИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

© М.С. Милованова

Аннотация. В русской концептуальной и языковой картине мира понятие «граница», в частности – коммуникативная граница, оказалось тесно связано с понятием «воля», специфика (этноспецифичность) которого не раз отмечалась исследователями. Цель статьи – проанализировать оценочные характеристики русского слова «воля» и стоящего за ним понятия, выявить аксиологическую оригинальность сочетания «своя воля», содержание которого входит в виде обязательной семы в структуру слова, декларирующего мысль о коммуникативной границе. Методы исследования: анализ содержания словарной статьи; компонентный анализ слова-понятия «воля». Основные результаты и выводы: понятие «воля» в варианте «своя воля» (*‘я хочу сказать, что я не хочу’*) является содержанием любого слова, представляющего семантическое поле отрицания-«отталкивания».

Ключевые слова: концептуальная и языковая картина мира, коммуникативная граница, воля, своя воля

По мере возникавшей у человека необходимости в обдуманном и осмысленном выражении несогласия, возражения, протеста создавался русский фонд слов, выражающих «несогласную» мысль, которая постепенно выкристаллизовывалась – по мере роста индивидуального / личностного начала (с одной стороны) и национального сознания (с другой). Формирование средств семантики отрицания-«отталкивания» связано с развитием понятия воли и осознанным желанием ее продемонстрировать. По словам А.Ф. Лосева, «личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» [Лосев 1991: 74].

В восприятии *воли* существовала некая двойственность, что отражают устойчивые выражения (сентенции), закрепляющие диаметрально противоположные оценки. Положительная: *Разум – количественная собь души, воля – качественная; Разум отвечает истине и лжи, воля – добру и злу.* Именно разум, предполагающий ответственность, становится критерием ‘хорошо’ или ‘плохо’: *Хороша воля с умом да с деньгами (с деньгами – утилитарно-прагматический критерий); Глупому в поле не давай воли.* То есть ум / разум – своеобразный критерий меры, превышение которой приводит к смене оценки на отрицательную: *Волю дать – добра не видать; Дай душе волю – захочет и боле; Боле воли – хуже доля; Дай сердцу*

волю – заведет тебя в неволю; Дал муж жене волю – не быть добру; Воля губит – неволя изводит; Воля и добра мужика портит и т.д. [Даль 1994, III]. (Ответственность как признак, дифференцирующий синонимы *ум* и *разум* [Радбиль 2013], в данном случае нейтрализуется.)

Оценочную амбивалентность отражают словосочетания с определением, маркирующим оценку: *злая воля* (–), *добрая воля* (+). Понятие, стоящее за словосочетанием *своя воля*, сопровождается вариативными коннотациями – как «+», так и «–», при этом возможна нейтральная оценка: нейтральная – *Всякому своя воля; Своя воля, своя и доля*; положительная – *Хоть хлеба крома, да воля своя; По своей воле лучше неволи*. Об отрицательной оценке свидетельствуют отрицательно-оценочные контексты: *Своя воля страшнее неволи; Дай ему волю, он всё перевернет* и т.д. [Даль 1994, III]. Ср.: *Что хочу, то и ворочу*.

Эта разновидность воли с негативной коннотацией стала основой для формирования понятия, воплощенного в слове *своеволие* (*своевольность* и *своевольство*) со значением ‘склонность действовать, поступать по своей прихоти, собственному произволу, не считаясь с другими’ [Русский семантический словарь, III: 263]. *Своя воля* в варианте ‘воля без границ, без разума и чувства меры’ – это ‘воля для себя’, без учета мнения окружающих, единоличная, индивидуалистическая. В «Русском семантическом словаре» слово рассматривается в разделе «Черта характера, склад личности, душевные свойства, их проявления» – в подразделе, формулировка которого указывает на однозначно негативную коннотацию, сопровождающую его значение: «Безрассудство, легкомыслие; упрямство, своеволие, нетерпимость; неуравновешенность; драчливость, скандальность» [Русский семантический словарь, там же].

Вместе с тем исконное представление, стоящее за словосочетанием *своя воля*, было лишено отрицательных коннотаций, о чем свидетельствуют древнерусские тексты XIII в.: *своя воля* – ‘свобода’; *по своей воли* – ‘свободно, добровольно’; *быти своею волею* – ‘поступать свободно, добровольно’ [Срезневский, I]. Мысль, стоявшая за устойчивым сочетанием, была связана с однозначной положительной оценкой слова *свой*: подчеркивая «важность оппозиции ‘свой’ – ‘не свой’ для понимания праславянской и индоевропейской культуры», О.Н. Трубачев отмечает «транс-

формацию и экспансию *su- ‘свой’ → ‘хороший» в общеславянский период [Трубачев 2002: 192, 193].

В древнерусском языке сочетание *своя воля*, имплицитно связанное с антиподом *чужая воля*, отражает оценочную мысль: *своя воля* – хорошо, *чужая воля* – плохо. Именно этот частный случай воли (*своя воля*) лежит в основе современного диалогового противопоставления *Я – не-Я* (*своя воля* – **чужая** воля), при этом степень ответственности, рассудочности, уравновешенности проявления такой воли может варьироваться. Это момент нейтрализации дифференциальных сем в значениях слов *воля* и *граница*: воля говорящего субъекта и есть граница – граница разумного, отделяющая истинную волю (включая представление о *своей* воле) от своеволия. Дальнейшее изучение границы между проявлением своей воли (+) и своеволием может быть связано с квантитативной методикой Т.Б. Радбиля – исследованием расширенных контекстов (позитивно-, негативно- и нейтрально-оценочных) с учетом количественно репрезентативной выборки [Радбиль 2022].

Оппозиция *своя воля* (= *Я*) – *чужая воля* (*не-Я*) в русской практике коммуникации активна и заметна носителям других лингвокультур: русская традиция, для которой принципиальное значение имеет понятие воли (‘своей воли’), предполагает возможное расширение личного коммуникативного пространства говорящего за счет воли и желаний собеседника. Русская воля предполагает одновременно знание границ и желание их отодвинуть / раздвинуть / передвинуть – в этом и заключается, на наш взгляд, специфическая суть русского понятия.

Линия, реальная или воображаемая, – в основе противопоставления двух предметов, однако за любым противопоставлением находится субъект, и семантика любого «ограничивающего» слова ориентирована на субъекта речи [Лебедева 2000: 94]. Формирование модальной семантики связано с расширением представления о *воле* говорящего субъекта: мысль об отрицании-«отталкивании» возникает тогда, когда воле одного субъекта противопоставляется воля другого, при этом точкой отсчета и линией границы становится субъект говорящий, который определяет границу / предел чужой (другой) воли: *Знаменитый обольститель женщин [...] был уверен, что, рано или поздно, Мария окажется такою же покорною,*

как все. Но ошибся. **Воля** его встретила в сердце ребенка непобедимое **сопротивление** (Дм. Мережковский. Леонардо да Винчи).

Общеславянский период отмечен «отсутствием противопоставления коллективности и индивидуальности» [Трубачев 2003: 181-182]. Таким образом, противопоставление, а вместе с ним мысль о границе *Я – не-Я* формируется на русской почве, и довольно поздно, приблизительно с середины XVII века. Новая интерпретация понятия *граница* под углом зрения диалоговой оппозиции *Я – не-Я* оказалась важной для русского сознания: к разряду «ограничивающих» слов относятся не только собственно *граница, грань, предел, черта* [Лебедева 2000], метафорическое значение которых содержит мысль об отношениях между людьми, но и слова, в семантику которых входит сема «нет» – ‘граница, обозначенная волей субъекта’. Идея *волевого ограничения* имеет в русском языке множество лексических воплощений, фонд слов сформировался для обозначения границы дозволенного и возможного, определяемой волей субъекта [Милованова 2011: 104].

Ю.С. Степанов для описания концепта *воля* использует формулу *воля = хочу (Я хочу)*, устанавливая непосредственную связь понятия воли с понятием *желание / хотение*: *воля = желание*. (Ср. также: одно из значений слова *воля* в «Сводном словаре современной русской лексики» толкуется как ‘психическая способность осуществлять свои желания’ [Рогожникова 1991].) Древнерусское *хѣтъти / хотѣти* и старославянское *хотѣти* имеют форму оптатива (желательное наклонение) со специфической внутренней формой ‘да будет так, чтобы я схватил’ [Степанов 2004: 432].

Глагол *хотеть*, по мысли Ю.С. Степанова, этимологически связан с глаголом *хватати*, и оба глагола восходят к одному индоевропейскому корню **goǵ-* // *gǵh* со значением ‘хватать’, последующим наращением *-t-* и видоизмененным составом гласных **gǵǵh-t-*. Отношения *хватать – хотеть* Ю.С. Степанов определяет как «специфически славянские» [Степанов 2004: 430-431].

Ю.С. Степанов описывает понятие *желание / хотение* как **состояние** («состояние-хотение», состояние-желание) как особое состояние – **«состояние готовности к действию»** [Степанов 2004: 433-434], а именно – **к реализации собственной воли**. Если речь – это действие, то говорящий

субъект, выражая собственную позицию несогласия, переходит от стадии «внутреннего состояния» – желания сказать – к демонстрации собственной воли и установлению границ между собой и собеседником: это переход от состояния готовности к действию – установлению границы между собой и собеседником (в том числе не эксплицированным – воображаемым или условным).

Слово *нет* (субъективное, диалоговое *нет*) становится маркером коммуникативной границы. Значение «субъективного» *нет* – ‘граница, устанавливаемая волей говорящего субъекта’: один из говорящих противопоставляет свою волю и своё желание чужой воле и чужому желанию, ограничивая их, то есть передвигает границу паритетных отношений, расширяя при этом зону своих интересов.

Слова, обладающие семой *нет*, обязательно включают и представление о воле (*воля* = *хочу*), но в новой интерпретации: ‘я **хочу** сказать, что я не **хочу**’ – ‘я **хочу** сказать *нет*’. Сема *воля* (*хочу сказать*), как и сема *нет* (= я *не хочу*), входит в семантическую структуру таких слов, как *против*, *долой*, *прочь*, («субъективное», диалоговое), *хватит*, *довольно* и многих других единиц семантического поля *отрицание-«отталкивание»*.

Русская воля как оригинальное, национально-специфичное понятие рассматривалась в работах Анны Вежицкой, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной / А.Д. Шмелева, А.Д. Шмелева, А.Г. Лисицына и др. в сопоставлении двух слов-синонимов – *воля* и *свобода*, для которых ‘граница’ – дифференциальная сема. Смысл этого внутреннего противопоставления современных синонимов следующий: свобода – наличие границ, воля – их стертость, размытость или отсутствие. Между этими крайними точками – зона переходности, и В.И. Даль отмечает плавность перехода от одного понятия (*свобода*) к другому (*воля*): «*Свобода* понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящемуся, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству» [Даль 1994].

Думается, что специфика современного русского слова *воля* определяется еще и тем, что его семантика может быть представлена как в расчлененном, так и в нерасчлененном виде, что определяется и поддерживается контекстом. «Расчлененный» вариант – это реализация одного из значе-

ний слова: *Я пришел дать вам волю* – ‘свобода’ и *На всё воля божья* – ‘желание’, то есть определился и существует круг взаимоисключающих контекстов, в которых постепенно и оформлялись оба значения. Вместе с тем рядом с этой типовой нормой (расчлененность) существует и «нерасчлененный» вариант употребления слова *воля* – контексты, в которых его комплексная семантика напоминает семантический синкретизм древнерусского слова, разрушенный к XIV веку. Например, «реликтовое» значение слова-понятия *воля* в пушкинских строках: *На свете счастья нет, / Но есть покой и воля* – в которых значение слова может быть интерпретировано как ‘свобода + желание’ = *своя воля*: в комбинированном варианте – ‘возможность беспрепятственно реализовать свои желания и не зависеть от чужой воли’. Такое понимание близко народному пониманию слова *свобода*, толкование которого представлено в словаре В.И. Даля: «*Свобода* – **своя воля**, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [Даль 1994].

Если речь идет о коммуникативном пространстве, в своей возросшей актуальности вытеснившем представления о пространстве материальном, физическом, то ключевым понятием становится понятие *своя воля* (*Я*) – воля, способная к расширению собственного пространства за счет пространства другого (*не-Я*) и установлению / выстраиванию коммуникативных границ.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: ТЕРРА, 1994.
2. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.
3. Милованова М.С. Средства выражения семантики противительности в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 408 с.
4. Радбиль Т.Б. Имплицитная оценочность русского слова по данным корпусного анализа // Международный педагогический форум «Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур»: Сб. ст.

международной научно-методической конференции / Под редакцией И.Ю. Абрамовой. Нижний Новгород. М., 2022. С. 337–341.

5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта-Наука, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litresp.ru/> (дата обращения 5.11.2023).

6. Рогожникова 1991 – Сводный словарь современной русской лексики. В 2-х тт. / АН СССР. Институт русского языка. Под ред. Р.П. Рогожниковой. М.: Русский язык, 1991.

7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. языка РАН; Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М., 2003.

8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004.

9. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–3. Репринт. изд. Т. 2. М., 1989.

10. Трубочёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 492 с.

BORDER – WILL – SELF-WILL: CONNECTION OF CONCEPTS AND SEMANTIC CONNECTIONS

© *M.S. Milovanova*

Abstract. In the Russian conceptual and linguistic picture of the world, the concept of border, in particular the communicative border, turned out to be closely related to the concept of will, the specificity of which and the ethnospecificity of the word expressing it have been noted more than once by researchers.

Keywords: *conceptual and linguistic picture of the world, communicative border, will, own will*

РЕДУПЛИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

© *З.И. Минеева*

Аннотация. Рассматривается одна из проблем современного словообразования – деривация именных композитов путем повтора мотивирующего слова. Актуальность исследования обусловлена тем, что процесс редупликации традиционно связывается с образованием имен прилагательных, наречий, звукоподражательных слов, междометий, имена существительные обычно выпадают из поля зрения дериватологов. Словообразовательный, семантический и прагматический анализ имен существительных позволяет считать редупликацию активным и достаточно продуктивным способом в образовании субстантивов. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что редупликация используется в настоящее время для производства разных групп существительных: имен собственных и нарицательных, одушевленных и неодушевленных, с использованием кириллического алфавита и латиницы. Прагматика субстантивных редупликатов состоит в привлечении внимания к неодезивату, выражении специфического значения интенсивности, достоверности, в оформлении речевого акта укора.

Ключевые слова: редупликация, словообразование, семантика, имя существительное.

Важен вклад сложения как особого способа словообразования в деривацию новых субстантивных единиц [Минеева 2021: 404]. Типы сложения весьма разнообразны, по мере развития языка модели и способы сложения претерпевают изменения, пополняются, активизируются и требуют изучения. В настоящее время редупликация характеризуется как универсальный процесс, свойственный разным языкам [Рожанский 2011; Пиперски 2017]; редупликация не рассматривается как один из продуктивных способов сложения в «Русской грамматике-1980», в современных исследованиях [Виноградов 2000; Букатникова 2014], между тем универсальность и простота механизма данного способа деривации, выразительность семантики и прагматики дериватов, образованных редупликацией, делают редупликацию весьма востребованной при образовании слов разных частей речи, включая имена существительные.

В.А. Виноградов в статье «Редупликация» выделяет «предельный случай Р. – повтор, т.е. удвоение всего слова (ср. рус. еле-еле, белый-белый); образование таких форм смыкается со словосложением» [Виноградов 2000: 408]. Терминологически не вполне корректно называть сложные

дериваты «формами слов» и не включать «удвоение» в словосложение. Причина такой интерпретации видится в стремлении разделить деривацию и семантику, оставив за словами типа еле-еле и белый-белый исключительно семантику: «чаще Р. выступает как средство варьирования лексич. значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.п.» [Виноградов 2000: 408].

Автор помещает редупликацию между словоизменением и словообразованием («смыкается со словосложением»), называя составные слова типа *белый-белый* «формами слов».

Представляется плодотворной концепция Н.М. Шанского, состоящая в отнесении редупликации к сфере словообразования. Ученый выделяет первую из групп сложных составных слов («сближений»), которую «образуют удвоения, или повторы, представляющие собой «усилительную» по значению и экспрессивную по характеру редупликацию того или иного слова (прилагательного, глагола, наречия, междометия и звукоподражания): *синий-синий, смирный-смирный, еле-еле, чуть-чуть, давно-давно, красиво-красиво, сидели-сидели, читали-читали, звали-звали, кис-кис, цып-цып, тега-тега, бум-бум, динь-динь* и т.п. Эта группа слов в сфере общезыкового стандарта в целом незначительна и пополняется новыми образованиями слабо» [Шанский 1968: 270]. Автор видит редупликацию применительно к именам существительным в историческом аспекте, в диахронии, приводя примеры имен, ставших простыми: «Некоторые из таких слов в настоящее время воспринимаются уже как простые: *баба, гага, фифи* “вид кулика”, *перепел* (< * *pel-pelʹ*), *глагол* (< * *gol-golʹ*), *прапор* «знамя» (< * *rog-rogʹ*), *колокол* (< * *kol-kolʹ*) и др. [Шанский 1968: 270].

Редупликация используется при формообразовании и словообразовании. Формообразование ограничено и наблюдается при выражении множественного числа имени существительного со значением временного отрезка; у слов *год, век* наряду с флексивным способом выражения множественного числа *годы, века* возможно удвоение начальных букв: *гг, вв* (после цифр). Словари сокращений в качестве расшифровки аббревиатур приводят к *гг* не только ‘годы’, но и ‘господа’ [Скляревская 2004: 103], ‘годы’, ‘города’, ‘горы’ и ‘господа’, *пп* – ‘параграфы’ и ‘пункты’ [Словарь сокращений].

Словообразование посредством редупликации охватывает все части речи, знаменательные и незнаменательные. Из знаменательных наибольшая активность присуща глаголам (*шел-шел*), именам прилагательным (*белый-белый*), притяжательным и определительным местоимениям (*все-все, его-его*); наречиям (*чуть-чуть*), предикативам (*здесь темно-темно*). Имена существительные не привлекаются обычно в описании редулицированных дериватов, однако удвоение свойственно субстантивам (*Она такая женищина-женищина*).

Редупликаты (но не имена существительные) фиксируются в толковых словарях, при этом обращается внимание на слитность произношения слова: «Вот-вот (произносится слитно)» [БАС-3, 3: 193].

Несмотря на отсутствие лексикографической фиксации, имена существительные с удвоением достаточно активно употребляются в устной разговорной речи, в медийных, интернет- и художественных текстах. Существительные, образованные редупликацией, характеризуются слитным произношением, подобно другим частям речи, и особой семантикой, характером мотивирующих слов, прагматикой.

Базовыми значениями являются усилительное, прототипическое, аллюзия к звукоподражаниям, этими особенностями не исчерпывается семантико-прагматическая специфика функционирования редупликантов в современной речи.

1. Имена собственные, казалось бы, не должны участвовать в редупликации. При проверке оказалось, что дефисное оформление двойного редупликата используются в интернет-пространстве в качестве никнейма, названия бренда, псевдонима и т.д.

Иван-Иван – никнейм девушки (Ивановой Нелли) в Фейсбуке, название бренда на Маркетплейсе (https://www.ozon.ru/seller/ivan-ivan-157758/products/?miniapp=seller_157758), название российской компании, издательского дома («Иван-Иван»), название развлекательно-образовательного канала по псевдониму поэта и музыканта (m.youtube.com), плейлист с видео исполнения 26 песен (rutube.ru), тексты стихов (Иван-Иван / Стихи.py) (stihi.ru).

Речевой акт укора. Потенциально любое имя собственное может быть произнесено при наличии у говорящего интенции выразить укор. Речевой акт укора недостаточно описан, между тем отличается активностью и

частотой употребления как одно из средств речевой агрессии в сочетании с мейозисом. Употребляется редупликат-антропоним как в сочетании с междометием (Эх), так и без междометия, при этом возрастает роль интонации: Эх, **Вася-Вася! Тимур-Тимур!** и др.

Вокатив. Вокативный речевой акт, когда говорящий подзывает к себе животное, кота, собаку, корову, воспроизводя его кличку: **Барсик-Барсик! Персик-Персик! Ляпа-Ляпа!**

2. Имена нарицательные. В настоящее время возможно инкрустирование латиницы в виде отдельных графем или написание латиницей слова целиком. Для покупки билетов онлайн предназначен сайт под названием *tutu* с конечным *tu*. Можно увидеть здесь аллюзию к звукоподражательному *ту-ту* во внутренней форме слова, некогда имитировавшее паровозный гудок.

Конкретные имена существительные используются для оформления вокативной конструкции, например *избушка-избушка* в тексте сказки: «**Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!**». Комментируя только что опубликованную статью президента США Д. Байдена, журналист Дм. Куликов так характеризовал позицию США по израильско-палестинскому конфликту: *Это чиновники. Это государство-государство* (Вести FM, 20.11.2023).

Современная медийная речь демонстрирует использование субстантивных редупликантов при выражении семантики «настоящего», «типичного».

Анализ результатов поиска в Национальном корпусе русского языка показал, что редуплицированными именами существительными выступают номинации человека с семантикой кровного родства *мама-мама, папа-папа, тятя-тятя*.

Мама-мама: в газетном корпусе отсутствует, в основном корпусе 1 пример в тексте 1961 года в конструкции Именительного представления: **Мама-мама, родная мама. На глаза выступают слезы. Сколько пришлось тебе вынести, сколько пришлось испытать. Сейчас помполит сидел у меня, подготавливал. Мол, у всех конец неизбежен** (Ладугин Н.Ф. Дневник, 1961). *Папа-папа*: в газетном корпусе отсутствует, в основном корпусе 1 пример при воспроизведении словаря ребенка: *Словарный лексикон*: 1) **Папа-папа** 1) *Ба ба ба ба*. 2) *Ма ма ма ма* (Логинова Н.Л.

Дневник, 1975). *Тятя-тятя* в вокативной функции при передаче чужой речи: *Кроме его развалины-жены, наверняка и дети у него есть, «тятя-тятя, дай есть...»* (Анна Русских. Направо пойдешь...налево пойдешь // Ковчег, 2015). Другие редупоиканты этой тематической группы в НКРЯ отсутствуют.

С помощью редупликации, как показывает анализ интернет-ресурсов и медийных текстов, образуются агентивы с гендерной семантикой (*женщина-женщина, мужчина-мужчина*). *Женщина-женщина* имеет семантику совокупности прототипических качеств, характеристик, закрепившихся в русскоязычной картине мира. Женщина-женщина – это не суперженщина, а ‘настоящая женщина’, как и мужчина-мужчина – настоящий мужчина. *Иногда хочется быть такой женщиной-женщиной. Звенеть браслетами...* (facebook); *Предлагаем ознакомиться со всеми книгами серии «Женщина-женщина»* (eksmo.ru). *Мужчина-мужчина реже встречается в женском коллективе; Мужчина-мужчина, это – мужик. Ему присуще все, что присуще мужику* (Овчинникова С. Литературный дневник 2007 // groza.ru).

Агентивы с семантикой качественной характеристики. В комментарии журналиста встречается номинация украинского общественно-политического деятеля (*фашист-фашист* – ‘фашист в высокой степени, махровый, ярый’): *Он фашист-фашист* (Вести FM, 10.10.2023).

Редупликации подвергаются абстрактные существительные, произведенные от мотивирующих девербативов, при этом совмещается значение интенсивности и продолжительности действия, обозначенного мотивирующим глаголом, и значение типичного, правильного, настоящего. Так, редупликант *подготовка-подготовка* используется в телепередаче «60 минут» при характеристике тщательной и длительной подготовки теракта на встрече военного журналиста Владилена Татарского с читателями: *Не за несколько дней /готовиться – 3.М./, а подготовка-подготовка* (ТВ Россия-1, 17.10.2023).

Редупликация может происходить на разных ступенях деривации; субстантиват *самый-самый* в функции предиката (*Он у нас самый-самый*) образован с помощью тренспозиции, а редупликация произошла на предыдущей ступени – при образовании аналитической формы превосходной степени прилагательного.

Подводя итог краткому обзору разнообразных проявлений активного процесса субстантивной редупликации, следует отметить, что новые дериваты, образованные редупликацией, активно пополняют современный словарь. Широкий диапазон мотивирующих слов включает собственные и нарицательные имена, антропонимы и зоонимы, агентивы с гендерной и качественно-характеризующей семантикой, существительные конкретные и абстрактные. Прагматические особенности состоят в оформлении вокативных актов, речевого акта укора, выражении интенции номинации и оценочной характеристики.

Список литературы

1. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 3. М.; СПб.: Наука, 2005. 664 с.
2. Букатникова С.Д. К вопросу о классификации редуplikаций // Молодой ученый. 2014. №4 (63). С. 1201–1203.
3. Виноградов В.А. Редупликация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 408–409.
4. Минеева З.И. Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением // Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 338–405.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 03.10.2023).
6. Пиперски А. Редупликация в русском языке [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://postnauka.ru> (дата обращения 03.10.2023).
7. Рожанский Ф.И. Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
8. Складаревская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка. М.: Эксмо, 2004. 448 с.
9. Словарь сокращений русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sokr.ru>. (дата обращения 17.11.2023).
10. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Московского университета, 1968. 310 с.

REDUPLICATION IN THE FORMATION OF NOUNS

© **Z.I. Mineeva**

Abstract. The derivation of complex nouns by repeating the motivating word (reduplication) is considered. The relevance of the study is due to the fact that reduplication is traditionally associated with the formation of adjectives, adverbs, onomatopoeia, and interjections. The conducted research leads to the conclusion that reduplication is currently used to produce different groups of nouns. Word-forming, semantic and pragmatic methods were used. The pragmatics of composites formed by reduplication consists in drawing attention to the compound word, expressing the specific meaning of intensity, reliability, and in the design of the speech act of reproach.

Keywords: *word-formation, reduplication, semantics, noun.*

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В МЕДИАТЕКСТЕ

© *З.У. Миятбекова, С.Е. Калдыкзова, С.Х. Амандыкова*

Аннотация. В настоящей работе представлен анализ ценностного компонента языкового знака в медиадискурсе. Материалом исследования послужили 150 казахскоязычных медиатекстов, в которых представлены языковые единицы, называющие национальные ценности. Данные тексты были извлечены методом сплошной выборки из корпуса текстов объемом 1000 единиц. Методами исследования послужили методы компонентного анализа, классификации и дистрибуции. Нами получены следующие результаты исследования: в казахскоязычных медиатекстах представлены все категории ценностей, такие как жизнь, законность, здоровье, спасение, окружающая среда, гражданство, честь, социальные условия, богатство, дружба (по классификации Н.Ф. Алефrienко). Таким образом, анализ показал, что наиболее частотны такие ценностные категории, как гражданство, язык, семья, воспитание, законность, важные для выражения национально-патриотического языкового сознания казахстанцев.

Ключевые слова: *ценность, семантика, связь, медиатекст, медиадискурс, объект, оценочность.*

На современном этапе развития науки ценности рассматриваются не только как системный компонент культуры, но и как выражение потребности человека в оценке и оценивании, как духовная сущность личности.

Проблема ценностей и оценочности всех жизненных и социальных отраслей многоаспектна и представляет большой интерес философов, психологов, социологов и, безусловно, лингвистов. Данная проблема не оставила в стороне ученых-казаховедов, но тем не менее до сих пор остаются многие вопросы нерешенными. Социальное оценочное явление является одним из компонентов, который присутствует в смысле слова. «Однако на сегодняшний день место оценочности в семантической структуре слова полностью не определено», – подчеркивает профессор Б. Моминова в своих трудах [Моминова 2001: 11].

К. Есенова предлагает следующее определение: «Оценка или обряд оценочной речи – это мнение говорящего в виде одобрения, возражения, желания или отношения к объекту речи говорящего» [Есенова 2005: 666]. А исследователь Ш. Нургожина об оценках говорит: «... под оценочностью, следовательно, нужно понимать имеющееся в слове отрицательное

или положительное отношение говорящего к объекту речи» [Нургожина 2001:3842].

Б.К. Моминова формулирует: «оценочность – отношение говорящего к явлению и предмету, названию действия, отношению к нему». Из всех этих определений видно, что понятие оценки связано с понятием ценности. Оценка функционально-стилистических характеристик оценочных слов рассматривается практически всеми исследователями, рассматривающими семасиологический аспект и утверждающими, что в структуре коннотативного раздела лексического смысла будет ценностный компонент.

Ценности играют важную роль в поведении человека и определяют интерпретацию им тех изменений, которые происходят в обществе, вследствие чего они оказывают положительное или отрицательное влияние на поведения и действия людей, их социальную позицию, на отношение к себе и миру. Универсальность такого явления, как ценность, обуславливает необходимость его комплексного изучения. Будучи одним из важнейших компонентов человеческой культуры, ценности, наряду с нормами и идеалами, находят свое отражение и в языке. Известно, что через язык мы получаем доступ к пониманию человеческого сознания, а, следовательно, к основам формирования ценностного отношения, ценностной картины мира

Ценность становится объектом внимания исследователей языка, поскольку язык является важным средством формирования, выражения, трансляции ценностей. Многие лингвисты затрагивают проблему ценностей, выдвигая свои суждения по данному вопросу (Е. Бартминьский, Ж.А. Джамбаева, В.И. Карасик, А. Киклевич, В.П. Синячкин, З.К. Темиргазина и др.). Традиционным ценностям казахского народа посвящены монографии З.Н. Сарсенбаевой «Этнос и ценности», С.Е. Нұрмұратова «Рухани құндылықтар әлемі: әлеуметтік-философиялық талдау» и др. В статье А.С. Кожяхметовой рассмотрены некоторые доминантные ценности казахстанского общества

Существуют общечеловеческие ценности, которые присущи любому этносу: семья, безопасность, любовь к Родине и т.д. Однако осознание этих ценностей, их приоритетность зависят от того, насколько развито и идеологизировано общество.

В культурах разных народов существуют примерно одинаковые базовые ценности. Обычно этих ценностей достаточно много, и им присуща систематичность и иерархичность. На иерархичность системы ценностей немалое влияние оказывают и процессы, происходящие в обществе, так как ценности формируются в ходе развития общества, зависят от многих факторов, одним из которых является политико-идеологическая система государства. Ценности функционируют в определенном историческом и социальном контексте, и каждая эпоха характеризуется своими доминирующими в обществе ценностями. Общеизвестно, что в результате крупных политических событий меняется существующая система ценностей, нередко происходит их переоценка. В зависимости от общественно-политических или иных условий, событий, ситуаций выясняется, какие ориентиры важны для общества.

Газетный текст не просто отражает события, а интерпретирует их в фокусе редакции, представляет массовому читателю через призму определенных культурных, духовно-нравственных и общественно политических ценностей, при этом казахскоязычная и русскоязычная прессы имеют свою специфику в отборе и подаче информации. Средства массовой информации являются одним из важнейших инструментов выражения ценностей. Передавая актуальную информацию о событиях в стране и мире, они вместе с тем предлагают свою интерпретацию, воздействуя на адресата, определяют отношение аудитории к освещаемой информации. СМИ, с одной стороны, апеллируют к традиционным ценностям социума, с другой – активно участвуют в формировании новых.

В данной работе при описании ценностных категорий, представленных в казахских СМИ, мы опирались на классификацию, обозначенную в работе Н.Ф. Алефrienко. Анализ собранного нами эмпирического материала показал, что в медиатекстах наиболее часто встречаются такие ценности, как гражданство, язык, семья, воспитание, законность и др.

Гражданство

Жеңісті аңсап, ұйқыларын төрт бөлді. Көп жылын осындай бір қиындықта өткізседе, халқымыз еш мойымады. Еңселерін түсірмеді. Осы орайда елеміздің мықтылығын, басына қара бұлт төнседе тайсалмайтындығын айтқым келеді. Тәуелсіздік – ел тұғыры. Авторы: Балашибек Аяулым Мұратқызы. Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық

Қатынастар және Әлем Тілдері Университетінің І-інші курс студенті (<https://bilim-all.kz/article/13591-Tauelsizdik---el-tugyru>); *Журналистика* – қиындығы мен қызығы қатар жүрер, ізденіс пен білімді қажет ететін сала. *Журналист* болу үшін алғыр, білімді, ізденімпаз, айтқан сөзі мәнді де сәнді болуы тиіс. (Неліктен журналистика?! Авторы: Гүлзина Орынбасар; 10 сынып оқушысы Түркістан облысы Созақ ауданы Қарақұр ауылы. <https://bilim-all.kz/article/20468-Nelikten-zhurnalistika>); Гражданство является ценностью, которая раскрывает национальные особенности того или иного народа Граждане РК, особенно после того, как наше государство стало суверенным, знают и понимают свои права и обязанности и стараются строго соблюдать их). Каждый из нас помнит высказывание Буыржана Момышулы: «Тәртіпке бағынған құл болмас, тәртіпсіз ел– ел болмас».

Язык

Мемлекеттік тілді екінші ана тілі санап, сөйлеуді мәртебе көретіндер қазақ тілді қоғамды қуантып қана қоймай, тіліміздің келешегі зор екенін айғақтай түседі (Ұлтты ұйыстырудың өзегі – мемлекеттік тіл <https://egemen.kz/article/350425-ultty-uyystyrudynh-ozegi-%E2%80%93temlekettik-til>). Жансая Әсербаева «Боранды бекеттегі» Найман ана мен оның мәңгірт болып кеткен ұлы Жоламанның арасындағы «сәтсіз жүздесуін» өте шынайы алып шықты. Байқауға қатысушылар қаламгердің шығармаларын орыс тілінде де оқыды (Әдебиет әлемінің айбозы. Авторы: Сейсен Қожеке. Т. Рысқұлов аудан <https://aqjolgazet.kz/92251/adebiet-aleminin-ajbozy/zerde/>). Для любой нации язык является одной из главнейших ценностей через которую раскрывается национальное своеобразие того или иного народа. Язык входит в социально значимую повестку дня, в особенности после получения статуса независимости. Активно растёт число носителей казахского языка в северных регионах страны. Необходимо беречь язык и почтительно относиться к нему, очень плохо не знать свой родной язык.

Семья

Кейбір балалар бас ауруының, басқа да аурулардың белгілерін айтып, шағымдануы мүмкін. Бұл жерде балаға «сен жалқаусың», «өзіңді қинағың келмейді» деген сияқты баланың жанына тиетін сын әңгімелерді айтпай, керісінше ол бейімделу процесінде екенін естен шығармай,

қолдау көрсету керек (Ата-ана-бала-мектеп: Бала мектепке қалай бейімделеді. Авторы: Назира Оспанбек (<https://baq.kz/ata-ana-bala-mektep-bala-mektepke-qalay-beyimdeledi-313757>)). Мектепке барған баланың **бәрі ақылды, зерек**, ақпаратты тез қабылдайтын, алғыр болады деп күту қате үміт. Балаға сабағына қатысты жоғары талап қоймау керек. Көбінесе бейімделу кезінде көптеген баланың ынтасын түсіріп тастайтыны – осындай сәттер (Ата-ана-бала-мектеп: Бала мектепке қалай бейімделеді. Авторы: Назира Оспанбе (<https://baq.kz/ata-ana-bala-mektep-bala-mektepke-qalay-beyimdeledi-313757>)). Семья является непреходящей ценностью для развития каждого человека, играет важную роль в жизни государства, в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса. Важнейшая социальная функция семьи – воспитание и развитие детей, социализация подрастающего поколения. Залогом прочности являются: любовь, взаимопонимание, уважение старших и родителей, доброта и взаимовыручка, ответственность за близких людей).

Воспитание

Адамның өмірдегі ісі – алған тәжірибесінің жемісі. Жанның тәрбиеленетін үш түрлі сыпаты бар: ақыл, сезім, қайрат. Адам жаратылыстан **ақылды болып**, осы үш сыпаты бірдей тәрбиеленген болса, ол кісі әрі **данышпан болады**. Ол адам ісінде **байыпты, табанды** болып көп қата жібермейді (Жүсіпбектің жеті өсиеті. Авторы: Мурат Санатов (<https://bilimland.kz/kk/news-articles/articles/merzimdi-ashyudyn-paydasy>)).

Скелең ұрпақтың бойына кішіпейілділік, сыпайылық, мейірімділік, жанашырлық, тілектестік, сыйластық сияқты қасиеттерді дарыту, өзін де өзгелерді де қадірлеп, сыйлауға, кешірімді болуға, адамдарға қолынан келгенше көмек көрсетуге үйрету өзін-өзі тану пәнінің міндеттерінің бірі. («Өзін-өзі тану» пәні арқылы баланы шығармашылыққа жетелеу. Авторы: Балнұр Джапарова, Тараз қаласы Ғани Мұратбаев атындағы № 17 орта мектебінің «өзін-өзі тану» пәнінің мұғалімі (<http://tagilim.kz/lastmakal/65-zn-z-tanu-pn-aryly-balany-shyarmashylya-zheteleu.html>)). Согласно словарям, воспитание – это целенаправленное и планомерное воздействие на умственное и физическое развитие детей, формирование их морального облика.

Формирование каждой ценности начинается с поступка и переходит в нравственную привычку человека. Нравственная привычка – это потреб-

ность к совершению нравственных поступков. При этом важно формировать отношение к нравственным качествам у детей, оно должно быть эмоционально положительным и активным).

Совесть

*Балаларымыз есейіп, дүниетанымы толық қалыптасқан соң өз таңдауын жасағаны дұрыс деп санаймын. Ең бастысы, **көзқарасы айқын, санасы сергек әрі дәстүрге берік** ұрпақ тәрбиелеу керек”, – деді президент. (Тоқаев мектептегі хиджаб мәселесіне нүкте қойды. Авторы: Қырмазы Скендинова (<https://stan.kz/tokaev-mekteptegi-hidzhab-maselesine-nukte-koydi-389256>)).*

Совесть – это ценность, которая должна быть у каждого человека. Поступая неправильно, человек теряет свою совесть. По словам М.К. Голованивской: «Совесть в первом случае – «судья», которая не только судит, велит, но и советует, подсказывает. Во втором случае совесть – «червь», которая просыпается, шевелится и грызет человека изнутри. Мы всегда должны помнить, что беречь честь и совесть нужно с молодых лет».

Законность

Қазіргі күні бұл елдерде дамыған тілдік заңнама және мемлекеттік институттар жүйесі жұмыс істейді және олар тіл нормаларын қалыптастыру, қалыптандыру және қорғауға жауапты (Құқықтық актілерде терминдердің қолданылуы. Авторы: Ақылбекова Гүлжан Кәрімқызы, ҚР Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жетекші ғылыми қызметкері, филология ғылымдарының кандидаты (<https://termincom.kz/articles/?id=162>)). Законы являются одной из важнейших ценностей нашего народа, которые играют огромную роль в жизни каждого из нас. Законы нужны для соблюдения порядка в обществе и в отношениях между людьми. Мы должны стремиться соблюдать законы, чтобы обеспечить благополучие и процветание общества в Республике Казахстан.

В результате анализа газетных статей мы пришли к выводу, что данные ценности являются неотъемлемым свойством национально-патриотического языкового сознания. Описываемые нами ценностные категории, такие как гражданство, язык, семья, воспитание, законность, являются одними из ключевых в ценностной картине мира казахского

народа, отраженной в медиaprостранстве. Конечно же, перечисленный нами список ценностей не является исчерпывающим, их можно продолжить в новых исследованиях, посвященных ценностному компоненту семантики языкового знака в медиатексте.

Данное исследование финансировалось Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № АР 19679821 «Разработка методики распознавания медиаманипулирования и продвижения медиаграмотности в условиях информационного пространства»).

Список литературы

1. Алефrienко Н.Ф. «Лингвокультуроология ценность-смысловое пространство языка» Учебное пособие URL[http://WWW.Studilis. ru/preview4272589](http://WWW.Studilis.ru/preview4272589) (05.12.2017).

2. Оразов М. Семантика казахского языка Тематика, ключевые слова: Казахский язык – Семантика. Алма –Ата «Рауан» 1991. 221 с.

3. Момынова Б. «Об оценочной структуре» Вестник КазНУ: Серия Филология, 2001. с11.

4. Нургожина Ш. Эмоциональность и экспрессивность высказываний устной речи. Вестник КазНУ Серия Филологическая 48/с: 38–42.

5. Есенова К. «Баға немесе бағалай сөз саптау» Қазақ тілі мен әдебиеті, №7,8-б. С. 62–66.

VALUE COMPONENT OF THE SEMANTICS OF A LANGUAGE SIGN IN MEDIA TEXT

© *Z.U. Miyatbekova, S.E. Kaldykozova, S.Kh. Amandykova*

Abstract. This paper presents an analysis of the value component of a linguistic sign in media discourse. The research material was 150 Kazakh-language media texts, which present linguistic units that name national values. These texts were extracted using a continuous sampling method from a text corpus of 1000 units. The research methods were methods of component analysis, classification and distribution. We obtained the following research results: in Kazakh-language media texts all categories of values are presented, such as life, legality, health, salvation, environment, citizenship, honor, social conditions, wealth, friendship (according to the classification of N.F. Alefrienko) [Alefrienko 2017: 66]. Thus, the analysis showed that the most specific value categories are citizenship, language, family, education, legality, which are

important for the expression of the national-patriotic linguistic consciousness of Kazakhstanis.

Keywords: *value, semantics, connection, media text, media discourse, object, evaluation.*

ПОРТРЕТ СЛОВА *ТИМУРОВЕЦ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© О.В. Никифорова

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования лексемы *тимуровец*, репрезентирующей базовое понятие советской действительности, составлявшей фундамент советского идеологического кода. Дается её лингвокультурологическое описание, предлагаются страницы для проекта на тему «Тимуровец»: лексикографическая, этимологическая, словообразовательная, литературная, искусствоведческая, культурологическая. Отмечается снижение роста употребительности слова в постсоветский период. Констатируется, что иностранным студентам при изучении русского языка необходимо получать культурные и фоновые знания, чему способствует организация проектной деятельности.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, портрет слова, *тимуровец*, проект, иностранные студенты, Гайдар.

Каждое слово для лингвиста есть свидетель, памятник, факт жизни народа, носитель и хранитель его духовной культуры. Языковой материал, представляя собой самодостаточный и весомый источник информации о мире и о человеке в нём, даёт возможность человеку глубже понять самого себя, культуру народа, его ценности. От фактологического, фрагментарного подхода к ознакомлению с важными аспектами культуры к формированию полной картины действительности посредством исследования как языкового, так и внеязыкового содержания избранных для изучения культурных сфер ведёт лингвокультурологический подход, с помощью которого складываются знания человека системы культурных ценностей, выраженных в национальном языке. Так, Советский Союз оставил значительный след не только в системе жизни, менталитете, мировоззрении, привычках людей, но и, безусловно, в русском языке. Создание новых слов – советизмов – было связано с возникновением новых явлений в политической и общественной жизни, с кардинальной сменой идеологии, образа мысли. Советизмы – «слова, словосочетания, выражения, возникшие в советский период истории России (1917–1991 годы) или существовавшие ранее, но получившие в этот период новые значения или оттенки значений и называющие реалии, предметы, организации, понятия и т. д., описывающие различные стороны жизни в Советском Союзе, связанные с советским образом жизни и мысли, но означающие не только идеологически окрашенные понятия». [Баскакова 2015: 582]. После распада СССР

советизмы вышли из активного словаря, хотя большинство из них остаются понятными русским людям, и, встречая такую лексику в художественном произведении, русскоязычный человек, вероятнее всего, поймет её значение. Понимание же советизмов иностранными студентами является сложной задачей.

В процессе обучения студентов-иностранцев русскому языку главным представляется расширение знаний о культуре страны изучаемого языка. Обучение проходит наиболее эффективно, если знания о русских словах преподаются параллельно со знанием русской истории, культуры и литературы. Изучение русского языка в практике преподавания сопровождается одновременным знакомством с культурой и обычаями общества, в котором этот язык функционирует и существует. Чтобы хорошо владеть русским языком, недостаточно просто изучить лексический и грамматический строй русского языка. Необходимо познакомить иностранных студентов с общественной жизнью и традиционной культурой русского народа, которые отражаются в языке. Введение в жизнь и культуру общества даёт студентам, изучающим русский язык, фоновые знания, без которых они не могли бы правильно и точно осмыслить содержание текста, хотя все слова в тексте знакомы и грамматические связи понятны. Причина неполного восприятия текста – не недостаток языковых знаний, а недостаток культурных и фоновых знаний. Таким образом, лингвострановедческие и страноведческие знания необходимы иностранным студентам для изучения русского языка.

Существуют следующие этапы работы со словом: составление лексикографического портрета слова; анализ разнообразных текстов – художественных, публицистических, научных и др., содержащих культуроведческую информацию, которая обусловлена объектом исследования; работа с искусствоведческими источниками: произведениями живописи, музыкальными произведениями и др., связанными с объектом исследования. Решать эту задачу помогает организация проектной деятельности, которая способствует обогащению речи иностранных студентов, учит их видеть текст как компонент культурологического пространства, расширяет кругозор обучающихся в процессе знакомства с произведениями разных видов искусства и т. д. Т. Ф. Новиковой разработана модель (структуру и содержание) проектной деятельности под названием «Урок одного слова». [Новикова 2012: 10–

11]. Это одна из инновационных форм обучения, которая позволяет выходить не только на понятийный, но и на смысловой и ценностный уровни слова, учитывать историю и культуру народа, выявлять «вертикальные» и «горизонтальные» связи слова, взятого в качестве объекта исследования. [Новикова 2012: 10]. Проектная деятельность, являясь современной инновационной формой образовательно-воспитательного процесса, позволяет изучать и анализировать не только понятийное содержание слова, но и его смысловые и ценностные характеристики, учитывать культуру и историю народа. Взяв за основу модель «Урока одного слова», предложенную Т.Ф. Новиковой, расширив её новыми элементами, мы разработали лингвокультурологический проект на тему «Тимуровец», включающий несколько страниц: лексическую, этимологическую, словообразовательную, культурологическую, литературную, песенно-музыкальную, искусствоведческую, ассоциативную, историческую, творческую и др. В разработке проекта, который осуществлялся под руководством преподавателя вуза, принимали участие иностранные студенты, будущие учителя русского языка и литературы. Поскольку Арзамас неразрывно связан с именем детского писателя Аркадия Петровича Гайдара, считаем важным знакомить иностранных студентов с его творчеством на примере проекта «Тимуровец», а также кейс-технологии. [Никифорова 2023].

Разработка лингвокультурологического проекта на тему «Тимуровец» начинается с использования метаязыкового мема как креативного лингводидактического материала для студентов поколения Z. Обыгрываемые в мемах языковые факты, на наш взгляд, способствуют запоминанию нужной информации с помощью визуального, аудиального или кинестетического представления языковых фактов. Студентам предлагается метаязыковой комикс мем: «Если видите Тимура – значит рядом есть ещё негры-Тимуровцы в кустах». Дается несколько минут на обсуждение, после этого студенты называют тему занятия. Обучающихся привлекают слова *Тимур* и *тимуровцы*. Таким образом, мемы служат средством создания интереса иностранцев к словам русского языка, содержат намёк на новую тему занятия. Имя собственное *Тимур*, содержащееся в меме, известно туркменским студентам. Согласно словарю Н.А. Петровского, Тимур, -а, м. Заимств. Тимур (Тамерлан) – имя среднеазиатского эмира и полко-

водца. От тюркск. темир «железо». Распространению имени способствовала повесть Гайдара «Тимур и его команда». [Петровский 1980].

Слово *тимуровец*, производное от онима Тимур, используется для составления лексикографического портрета слова. Лексикографический портрет – это «такое описание слова, при котором исследуются семантика, сочетаемость, фразеологические, стилистические, прагматические, коммуникативные и другие свойства каждого лексического значения данного слова». [Устьянцева 2008: 9]. Составление лексикографического портрета слова предполагает следующие учебные действия студентов: на материале толковых словарей русского языка определить семантику слова *тимуровец* (лексическая страница); на материале этимологических словарей установить происхождение слова (этимологическая страница); на материале словообразовательных словарей определить состав словообразовательного гнезда (словообразовательная страница).

В практике преподавания русского языка иностранным студентам целесообразно привлекать созданный в 2003 году и регулярно пополняемый и обновляемый электронный Национальный корпус русского языка (НКРЯ), который предоставляет неограниченную исследовательскую и обучающую базу не только для специалистов в области русского как иностранного, но и для всех изучающих русский язык в качестве родного и иностранного. Материалы НКРЯ из художественного и публицистического дискурса демонстрируют употребление слова *тимуровец* в разных значениях. Приведём примеры.

1. Тимуровец – понятие, обозначающее образцового пионера, безвозмездно совершающего хорошие поступки на благо социалистического общества. В советское время: участник детского общественного движения по оказанию помощи семьям воинов, инвалидам, больным [по имени Тимура, героя повести А. Гайдара «Тимур и его команда»].

*Тут приоткрылась дверь, но едва-едва, и в щелочку выглянул мужчина, лысоватый, в очках, почти таких же золотых, как у нашего Чушки. – Ах, **тимуровцы!** – воскликнул он облегченно. – Но мы все уже отдали! [Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)].* Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

[Мальчик (муж)] Я еще в пионерах **тимуровцем** был, помогали женам офицеров. [М. М. Роцин. Ремонт (1971)]

А позже того же Гайдара упрекали в том, что его **тимуровцы** слишком самостоятельны – действуют без оглядки на взрослых... [В. О. Авченко. Фадеев (2017)]

Мы, мальчишки-**тимуровцы**, тогда брали под защиту эвакуированных, помогали, если нужна была физическая помощь – в частности, пилили это самое бревно. [митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая (1993–2003)]

Пожалуй, единственными настоящими волонтерами можно было называть лишь **тимуровцев** – детишек от 12 до 14 лет, эпизодически помогавших по разнарядке райкома ВЛКСМ одиноким старикам, до тех пор, пока и тем и, кстати, другим это не надоело. [Борис Руденко. Волонтеры // «Наука и жизнь», 2009]

2. Тимуровец – человек, бескорыстно помогающий другим.

Тимуровцами называли бойцов частного охранного подразделения, отвечавшего за безопасность на рынке. [Максим Милованов. Рынок титеславия (2000)]

3. Тимуровец – литературный персонаж, с которым связано образование детского патриотического движения по оказанию помощи семьям воинов, инвалидам, старикам и наименование участников этого движения «тимуровцами» (в СССР в период Великой Отечественной войны и сразу после неё).

В моей периферийной душе колобродила невообразимая мешанина из книжных героев всех времён и народов – гладиаторов и молодогвардейцев, карбонариев и народовольцев, мушкетёров и **тимуровцев**, куртизанок и партизанок. [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)]

Согласно НКРЯ, в настоящее время слово *тимуровец* имеет нулевой индекс употребительности. График частотности употребления слова *тимуровец* показывает резко отрицательную динамику за период с 1933 г. до 2022 г.: до 1933 г. словоупотреблений не зафиксировано, с 1941 г. по 1949 гг. фиксируется рост с индексом 0,4, затем до 1977 г. спад до 0, 1, далее подъёмы сменяются спадами: в 1975 г. индекс употребительности 0,5, в 1989 г. – 0,2, в 1992 г. – 0,5, в 1996 г. – 0,2, в 2001 г. – 0,3, в 2003 г. –

0,7, в 2006 г. – 0,8, в 2010 г. – 0,3, в 2012 г. – 0,4, в 2014 г. – 0,7, в 2017 г. – 0,9, в 2019 г. – 0,3, в 2022 г. – 0.

Словообразовательная страница знакомит студентов с морфологическим суффиксальным способом. Слово *тимуровец* образовано с помощью суффикса -овец-, это словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые являются названиями лиц, характеризующихся отношением к организации, учреждению, партии или иной политической группировке, газете, журналу, спортивному обществу и т.п., названным мотивирующим именем существительным: *вузовец, гестаповец, детдомовец, искровец, исполкомовец, кружковец, мхатовец, рабфаковец, эсэсовец и др.*

Далее работа по лингвокультурологическому проектированию предполагает анализ текстов разной жанровой направленности: выявление произведений художественной литературы, подборка стихотворений и песен, в которых присутствует образ тимуровца (литературная и песенно-музыкальная страницы). Хотя в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» лексема *тимуровец* не употребляется, само слово *тимуровец* происходит от имени героя произведения, который организовал отряд ребят, тайно помогавших семьям фронтовиков, женщинам, пожилым и больным людям. Произведение, в котором писатель поднимает проблемы патриотизма, равнодушного и бережного отношения к другим, дружбы, взаимоотношений поколений, доброты, понятно и интересно иностранным студентам. На поэтических сайтах интернета обучающиеся знакомятся с творчеством Тамары Краевской, в частности со стихотворением «Тимуровцы, вперёд!». Подбирая песенные тексты, студенты-иностранцы выясняют, что тимуровскому движению посвящены песни, например, «Песня тимуровцев», 1942 г. (музыка – М. Блантер, слова – Я. Тайц), «Четвёрка дружная ребят», 1941 г. (музыка – Д. Кабалевский, слова – С. Маршак); «Как высоко над нами наше небо», 1941 г. (музыка – И. Ковнер, слова – С. Михалков); «Гайдар шагает впереди», 1962 г. (музыка – А. Пахмутова, слова – Н. Добронравов); «Песня красных следопытов», 1962 г. (музыка – А. Пахмутова, слова – Н. Добронравов и С. Гребенников); «Орлята учатся летать», 1965 г. (музыка – А. Пахмутова, слова – Н. Добронравов и С. Гребенников); «Тимуровцы», 1975 г. (музыка – Ю. Чичков, слова – К. Ибряев).

Один из этапов работы по созданию лингвокультурологического проекта предполагает следующие учебные действия обучающихся: найти произведения искусства (живописи, кинематографа, балета), в которых присутствует образ тимуровца (искусствоведческая страница); охарактеризовать отношение к тимуровцам, сформировавшееся в русской культуре (культурологическая страница); проанализировать осмысление образа тимуровца в тексте города (ономастическая страница); узнать историю тимуровского движения (историческая страница). В результате поисковой работы обучающиеся выясняют, что образы тимуровцев присутствуют в произведениях искусства. Так, художник Николай Николаевич Баскаков, создавший более 50 работ, написал картину «Тимуровцы». В декабре 1940 г. на экраны Советского Союза вышел фильм о тимуровцах «Тимур и его команда», киносценарий был написан А.П. Гайдаром в апреле 1940 г. Второй фильм в СССР по произведению Гайдара был снят в 1976 г. Кроме этого, была одноимённая венгерская экранизация «Timur és csapata» 1960 г. режиссёра Lajos Pauló. В 1986 г. прошла премьера балета в двух действиях по мотивам повести «Тимур и его команда» в Большом театре СССР. Собирая материал для ономастической страницы, студенты узнают, что наименования улиц (годонимы) отражают эпоху, политические и общественные процессы, происходящие в стране, то есть являются своеобразными хранителями истории. Так, в честь гайдаровских персонажей в Тюмени одна из улиц названа улицей Тимуровцев. Тимуровская улица – это название улиц в различных населённых пунктах России (Москва, Барнаул, Брянск, Архангельск, Санкт-Петербург). Улица в Омске носит название Тимуровский проезд. Исторический материал проекта содержит информацию о том, что тимуровцы появились в 1940 г. после того, как написана повесть А.П. Гайдара «Тимур и его команда». Тимуровцы – часть советской идеологической системы. Первая тимуровская команда появилась в школе №2 города Клин Московской области, где А.П. Гайдар и написал произведение, в 1940 г. и состояла из 6 тимуровцев. В годы Великой Отечественной войны тимуровские отряды, насчитывающие свыше 2 млн человек, действовали в школах, детских домах, при домах пионеров, шефствовали над семьями солдат и офицеров Советской Армии, детскими домами и садами.

С целью выявления ассоциативного поля студентам было предложено перечислить ассоциации, которые вызывают у них слово *тимуровец* (ас-

социативная страница). Анализ результатов анкетирования показал, что у иностранных студентов со словом *тимуровец* ассоциируются понятия, связанные с Родиной, с пионерами и комсомольцами, с взаимопомощью, с добротой.

Заключительный этап работы включает задания: сочинить стихотворение о тимуровцах, написать эссе о тимуровцах и т. п. (творческая страница).

Список литературы

1. Баскакова В.М. К определению термина «советизм» как единицы перевода на иностранные языки // Древняя и Новая Романия, т. 15, вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 584–590.
2. Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>
3. Никифорова О.В. Применение кейс-технологии на уроках русского языка и литературы в старших классах (на материале творчества А.П. Гайдара) // Школьные технологии. 2023. № 2. С. 62–72.
4. Новикова Т.Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 10–15.
5. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980.
6. Устьянцева Е. В. Лингвокультурологический портрет слова хлеб // Русский язык. 2008. № 14. С. 9–17.

PORTRAIT OF THE WORD *TIMUROVETS* IN THE RUSSIAN LANGUAGE

© *O.V. Nikiforova*

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of the lexeme Timurovets, which represents the basic concept of Soviet reality, which formed the foundation of the Soviet ideological code. Its linguoculturological description is given, pages are proposed for the project on the theme “Timurovets”: lexicographical, etymological, word-formation, literary, art history, cultural. There has been a decrease in the growth of the word's use in the post-Soviet period. It is stated that foreign students, when studying the Russian language, need to gain cultural and background knowledge, which is facilitated by the organization of project activities.

Keywords: *linguocultural approach, portrait of the word, Timurovets, project, foreign students, Gaidar.*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛИТЕРАТУРА» КАК ИСТОЧНИК КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

© Н.А. Николина, З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева

Аннотация. В статье рассматриваются метафоры и сравнения, включающие единицы семантического поля «Литература» в качестве образов сравнения. Цель работы – выявление состава, образного потенциала единиц рассматриваемого поля и анализ особенностей их употребления в компаративных конструкциях современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Н. Абгарян, Ю. Буйды, Д. Рубиной, А. Сальникова, О. Славниковой, А. Слаповского, Т. Толстой, М. Шишкина, Г. Яхиной и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. В ходе исследования использовались структурно-семантический и корпусный методы. Сделан вывод, что наиболее объемными группами единиц семантического поля «Литература», выступающих в функции образов сравнения, являются наименования литературных родов и жанров и имена авторов и персонажей литературных произведений. Другие семантические группы представлены немногочисленными примерами. Показано, что функционирование единиц рассматриваемого поля, входящих в состав тропов, в прозаических текстах отличается от их употребления в поэзии, но при этом сближается с использованием этих единиц в разговорной речи.

Ключевые слова: *метафора, сравнение, компаративная конструкция, семантическое поле «Литература», современная русская проза.*

Единицы семантического поля «Литература» регулярно служат образами сравнения в компаративных конструкциях художественной речи. В состав поля входят следующие группы существительных, обладающих образным потенциалом: 1) обозначения родов литературы: *драма, лирика, эпос* и др.; 2) обозначения различных жанров словесного искусства: *поэма, ода, элегия, басня, сказка, комедия* и др.; 3) обозначения стихотворных размеров и форм: *ямб, хорей, гекзаметр, цезура* и др.; 4) обозначения авторов литературных произведений: *поэт, беллетрист, драматург, сказочник* и др.; 5) имена писателей; 6) наименования литературных героев. Внимание исследователей преимущественно было направлено на рассмотрение лингвистических терминов и понятий, используемых в художественной речи [Демьянков 2000, 2014; Зубова 2010; Николина 2009; Петрова, Фатеева 2023; Фатеева 2018]. Единицы семантического поля «Литература» в этом аспекте практически не исследовались, особенно на материале прозаических текстов.

Цель нашей статьи – выявление состава, образного потенциала единиц поля «Литература» и рассмотрение особенностей их употребления в компаративных конструкциях современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Н. Абгарян, Ю. Буйды, М. Елизарова, Д. Рубиной, А. Сальникова, О. Славниковой, А. Слаповского, Т. Толстой, М. Шишкина, Г. Яхиной и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ – электронный ресурс].

Функционирование единиц семантического поля «Литература» в прозе существенно отличается от их употребления в поэзии. Во-первых, состав отмеченных групп слов в поэтических текстах разнообразнее, во-вторых, в поэзии чаще всего единицы этого поля образуют конструкции персонификации, характеризую прежде всего природу, например: «Березы, как солдатские невесты, В сторонке собрались, в ячменном поле, И громко повторяют *ананесты* Некрасова ли, Анненского, что ли» (С. Липкин), «Облака выбирают *ананест*, Им трёхстопная мера мила» (А. Кушнер), «Моя строка идёт кругами, Идёт *слогами* речь реки» (Ю. Мориц).

Для современной же прозы употребление рассматриваемых единиц в функции персонификаторов в целом не характерно, исключение составляет использование в олицетворении слов *песня* и *гимн*, см., например: «На прибрежных раскидистых ивах перестала трепетать листва. Ясный рассвет да долгая *песня* колоколов» (А. Растворцев. Отраженные облака), «В садах было пусто. Лишь хор цикад гремел полуденным *гимном*» (Б. Екимов. Предполагаем жить), «С открытыми глазами Ника придвигается к стене, освобождая место для него, для будущего мужа, натягивает пуховое одеяло до подбородка, чтобы *гимн*, который выстукивает ее счастливое сердце, нечаянно не разбудил Ульяшу» (О. Новикова. Каждый убивал).

В современных прозаических текстах компаративные тропы, включающие единицы поля «Литература», часто представляют собой общезыковые метафоры или близкие к ним. Это, прежде всего, названия литературных родов и жанров: *драма*, *комедия*, *сказка*, *басня*, *гимн*, *песня*, например: «Жили бы в коммуналке, была бы, конечно, *драма* с достоевщиной и гоголевщиной» (А. Сальников. Отдел), «К тому моменту у меня

за плечами была своя личная *драма*, и я, как никто другой, понимала Маню» (Н.Абгарян. Всё о Манюне), «Во время той сцены двадцать пять лет назад она крикнула, что я – трус, а Ромов – сорвиголова. Дальше вообще была *комедия*» (С. Бурлаченко. Сорвиголова), «Матушка игуменья в ответ на эту историю, разбив вазу, крикнула: «Бабы *басни!*» (М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние), «— Ты представь: мужняя зарплата есть, а мужа нету! *Сказка!*» (А. Слаповский. Синдром Феникса), «Что бы он ни говорил в полемическом задоре, получался *гимн* здоровой семье» (Е.Завершнева. Высотка), «— Ваши стихи, Гюль-Бике Акаевна, – это *гимн* человеческому труду и упорству, – с чувством читал мужчина» (Гулла Хирачев (Алиса Ганиева). Салам тебе, Далгат!).

Большинство общеязыковых метафор и сравнений, встречающихся в современных в прозаических текстах, имеет соответствие в живой разговорной речи.

В то же время наименования родов и жанров выступают как образы сравнения и в составе компаративных тропов, которые не могут рассматриваться как общеязыковые; некоторые из них носят индивидуально-авторский характер: «И каждый из этих людей велик для себя самого, каждый для себя и *сага*, и *поэма*, и *эпос*» (А. Слаповский. Большая Книга Перемен), «Работа с обнаженной натурой – это отдельный *эпос* в учебных стенах, и если собрать все анекдоты и байки на сей счет, накопленные за годы существования школы и академии, можно издать многотомное собрание сочинений, читай – не оторвешься» (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы), «Далее я попытаюсь вычерпать мутную *элегию* нашей встречи» (Ю. Кокошко. Ничего, кроме болтовни над полем трав), «Светлана Николаевна была, напротив, вся *элегия*, мягкость обращения, нежность чувств, чистота мыслей, такт и корректность» (М. Зосимкина. Ты проснешься).

Образный потенциал индивидуально-авторских компаративных тропов может во многом создаваться за счет распространителей образа сравнения: «Но взгляд уже был другим – глаза видели много больше того, на что смотрели. Этим новым взглядом он вдруг увидел свою страну настоящему, словно в первый раз: всю, целиком, в полноте смыслов и красоте оттенков, охватил внутренним взором от края и до края. Страна

лежала перед ним, как прекрасная женщина, давно и страстно любимая, но лишь мгновение назад впервые обнажившаяся. Как только что сочиненная и еще не записанная поэма, полная простых и гениальных рифм» (Г. Яхина. Дети мои),

Рассматриваемая группа наименований литературных родов и жанров в функции образов сравнения проявляет наиболее высокую степень активности в современной прозе. Значительно реже в этой функции выступают обозначения стихотворных размеров и форм. Наблюдается употребление таких единиц, как *рифма*, *гекзаметр*, *ямб*, *хорей*, *цезура*. Компаративные конструкции, в которых они входят, не являются общеязыковыми: «Внутреннего рывка, который вывел бы за привычную орбиту и вознес над остальными? Счастливого случая, изящной *рифмы* судьбы? Возможно, ему просто не доставало масштаба» (Г. Яхина. Дети мои), «И в новой истории примеров не счесть, чего стоит хоть *рифма* в поведении подруг двух гениальных соперников – Наполеона и Суворова» (Н. Климонтович. Парадокс о европейце), «Яна переходила от одного консерваторского окна к другому, подставляя себя живительной силе звуков. В кроне ясеня блуждала хоральная прелюдия Баха. С плакучей березы, как солнце, стекала тема Четвертой симфонии. Глубоко, как *гекзаметр* Гомера, дышала арфа, из углового окна выпали несколько фраз из “Фиделио”» (И. Полянская. Жизель), «жгучее одиночество, хуже – выпавшее из мира в пустоту, в *цезуру*, которой нет и не будет конца» (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен), «и поезд Свердловск—Приобье идет на северо-запад и за ним косо бегут желтые ромбы оконного света и четырехстоппный *ямб* колес и влажная наволочка со слабым запахом заношенного носка и ты сказал какого рожна я там забыл?» (А. Кузьменков. Эксгумация), «поезда лупили чистым *хореем*» (Ю. Буйда. Щина).

Образы стихотворных размеров преимущественно связаны с восприятием особенностей звучания, образ рифмы – с семантикой совпадения, сходства, в образе цезуры актуализируется семантика отсутствия.

Группа обозначений авторов литературных произведений представлена в современной прозе немногочисленными примерами. В функции образов сравнения выступают лексические единицы *поэт*, *беллетрист*, *драматург*, *сказочник*. С одной стороны, они используются как общеязыковые тропы: «– Я и цветок, я и фея, а вот теперь уже и рыбка... С кем ты

меня только не сравнивал! – засмеялась Валя, постепенно теряя сон. – Да ты *поэт*, мой милый» (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч), «Историю эту Глушенкова слышала из уст Кулька третий раз за последние полгода. Различия заключались лишь в содержимом “случайных находок”. <...> Будучи сыном весьма обеспеченных родителей, юный *сказочник* полагал, что ему все будет сходить с рук, и поэтоу сегодня врал особенно вдохновенно и нагло» (М. Милованов. Рынок тщеславия), «Она опять меня переиграла, она хозяйка, она *драматург* этой сцены, она всем навязала свою волю» (С. Есин. Марбург). С другой стороны, эти единицы могут подвергаться персонификации: «Ничего иного, кроме того, что дельфины – *поэты!*» (А. Иличевский. Перс), «Ты – дьявол?» – спросил я вдруг, – и до сих не могу решить, было ли это сказано на самом деле или придумано *беллетристом*, имя которому память» (Б. Хазанов. Плюскамперфект и другие времена).

Одновременно в современной русской прозе широко распространены компаративные тропы, включающие прецедентные имена – писателей или литературных героев. Такие имена являются «важными элементами “языка культуры”» благодаря особой емкости культурно значимой семантики в сравнительно небольшом линейном фрагменте дискурса» [Радбиль 2017: 145].

Наиболее часто встречаются такие имена, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов, Достоевский: Мэр рифейской столицы, курчавый, несколько даже негроидный, похожий на разжиревшего *Пушкина*, вскоре был переизбран (О. Славникова. 2017), «один андюша неутомим. он – ангел, он парит над сугробами; он – *лермонтов*, идущий на штурм» (Г. Бер. Сулико), «Улыбка мелькнула в его глубоко, как у *Льва Толстого*, посаженных глазах» (А. Берсенева. Полет над разлукой).

Наряду с именами русских писателей в состав метафор и сравнений входят и имена зарубежных авторов, например: «Я же все это – как своими глазами увидел, собачий ты сын! *Шекспир* ты нечесаный! *Шиллер* кудлатый!» (Г. Яхина. Дети мои), «А может, и художник, который выглядел, как средневековый бретер, и поэт, как две капли воды схожий с *Данте*, уже изгнанным» (А. Найман. Колыбель).

Компаративные конструкции, включающие прецедентные имена, используются в современной прозе для образной характеристики внешне-

сти лица, его движений и действий, внутренних свойств: «Один, топтавшийся неподалеку от меня, был похож на дебильную копию Пушкина, он все улыбался и вертел, как птица, головой. И мама его была похожа на Пушкина, с черной барашковой прической, с настоящими бакенбардами, и держала она своего Пушкина-младшего за руку» (М. Елизаров. Госпиталь), «Ей даже захотелось скрестить на груди руки и, хищно перебирая пальчиками, инквизиторски постукивать ими по ткани пиджака цвета морской волны, а также отставить правую ногу вправо и немного вперед, как это делал то ли *Пушкин* при чтении стихов, то ли кто-то из полководцев перед станом врага» (К. Сурикова. Ира – дура), «Возможно, она была в деле любви таким же гением, как *Лев Толстой* в литературе. Как *Пушкин*. Как *Достоевский*» (А. Курчаткин. Сфинкс).

Прецедентные имена реализуют в современных прозаических текстах свой деривационный потенциал, на их базе посредством суффиксации или десубстантивации регулярно образуются прилагательные со сравнительно-уподобительным значением, которые могут отсылать не только к имени автора, но и к его текстам: «За морозным окном проплывали, точно гирлянды воздушных шаров, золотые плотные дымы, шербатые шашки паркета там, где на них ложилось зимнее солнце, горели *пушкинским* янтarem» (О. Славникова. 2017), «Кстати, используя именно это сравнение, ему и была предложена помощь от добродушного вида доктора с *чеховской* бородкой, постепенно оформившегося во Владимира Павловича, с плавно изогнутой курительной трубкой в руках, на костяном мундштуке которой отпечатались следы все еще крепких зубов» (С. Кулаков. Нить Ариадны), «– И он сунул ей кулек в руки, и бежал прочь, старый человек, не оборачиваясь, – от этого *достоевского* стыда и ужаса, от того, что не мог не сунуть ей кулек; оттого, что знал, каково ей с этим кульком в руках там остаться; оттого, что ничем ничего не поправишь и ни перед кем не оправдаешься» (Т. Толстая. Войлочный век), «в самой его жажде денег был, следовательно, некий *достоевский* надрывчик, очевидная и яростная готовность что-то, в самом себе, разрушить и растоптать – зрелище, в конце концов, слишком мало для меня привлекательное» (А. Макушинский. Город в долине).

Столь же активно используются в современной прозе компаративные конструкции, включающие имена литературных героев [см. Николина,

Петрова, Фатеева 2022]. Например: «– А скажи, дорогая, – продолжал любопытствовать я, – наш “женишок” знает, где ты в настоящий момент находишься, или мне пойти ему позвонить, чтобы он прилетел сюда на крыльях своей любви и свой порченный товар окончательно и начисто забрал, и любясь, и страдая, и млея, как тот самый *Ленский*, который в конце концов получил, может быть, и незаслуженную, но самую настоящую пулю в свой пылающий от любви лобешник?» (Е. Попов. Золотая пластина), «Он был похож на оперного матадора или на *Остана Бендера* (я имею в виду медальный профиль), если б не страшная горечь в лице, совершенно исключаящая как оперу, так и комедию» (Д. Рубина. Воскресная месса в Толедо), «– Он симпатичный парень, из хорошей семьи, с деньгами, связями, не женат. Настоящий *Ромео*. Многие девушки с удовольствием познакомились бы с ним» (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

В современной прозе компаративные тропы с именами литературных персонажей нередко характеризуются иронической экспрессией, которую создают снижающие образ определения: «Марине и прежде не раз приходило в голову, что Клумба ведет себя, будто *свихнувшийся Чичиков*, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов» (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке), «Неужели сам не понимаешь, что это нелепо? *Побитый молью Ромео* – это смешно...» (С. Романов. Парламент).

Единицы семантического поля «Литература» могут взаимодействовать в контексте с единицами поля «Живопись», создавая интермедиаальный образ, см., например: «Чугунные канделябры фонарей, уснувшие белые гондолы, черные штрихи свай у причала и крылатый убеленный лев на колонне выглядели завершением карнавала, неизбежным возвращением в черно-белое пространство зимы, торжеством графики после *бурлеска* живописи и цвета» (Д. Рубина. Медная шкатулка), «Вероника закрылась в ванной и вышла оттуда голой. Глядя на нее, я был готов изменить свое пренебрежительное отношение к пышным формам. Передо мной предстала упругая гипсовая мощь парковой девушки с веслом, а не рубенсовский ожиревший *пасквиль* на тело» (М. Елизаров. Библиотекарь).

Таким образом, в произведениях современной русской прозы активно используются метафоры и сравнения, включающие единицы семантиче-

ского поля «Литература», выступающие в качестве образов сравнения. Наиболее объемными группами этих единиц являются наименования литературных родов и жанров и имена авторов и персонажей литературных произведений. Другие семантические группы представлены немногочисленными примерами. Функционирование единиц рассматриваемого поля, входящих в состав тропов, в прозаических текстах отличается от их употребления в поэзии, но при этом сближается с использованием этих единиц в разговорной речи.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.
2. Демьянков В.З. Образы языка в контрастивном освещении // Критика и семиотика. Новосибирск, 2014. № 2. С. 11–20.
3. Зубова Л.В. Языки современной поэзии. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
4. Николина Н.А. Усиление метаязыковой рефлексии и функционирование лингвистических терминов в современной поэтической речи // Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2009. С. 49–79.
5. Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Имена литературных персонажей в составе компаративных конструкций современной русской прозы // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 1 (57). С. 68–82.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
7. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Образный потенциал слова *язык* в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023, Т. 45, № 6. С. 108–114.
8. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
9. Фатеева Н.А. Филологические термины как понятия креативной поэтики // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова. Москва: Культурная революция, 2018. С. 70–79.

SEMANTIC FIELD “LITERATURE” AS A SOURCE OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS OF MODERN RUSSIAN PROSE

© N.A. Nikolina, Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva

Abstract. The article discusses metaphors and similes including units of the semantic field “Literature” as images of comparison. The purpose of the work is to identify the composition, figurative potential of the units of the field under consideration and analyze the features of their use in comparative constructions of modern Russian prose. The material for the study is the works of N. Abgaryan, Y. Buida, M. Elizarov, D. Rubina, A. Sal’nikov, O. Slavnikova, A. Slapovsky, T. Tolstoy, M. Shishkin, G. Yakhina and others, as well as contexts extracted from the Russian National Corpus. During the study, structural-semantic and corpus methods were used. It is concluded that the most voluminous groups of units of the semantic field “Literature” acting as images of comparison, are the names of literary genera and genres and the names of authors and characters of literary works. Other semantic groups are represented by a few examples. It is shown that the functioning of the units of the field under consideration, which are part of the tropes, in prose texts differs from their use in poetry, but at the same time is similar to the use of these units in colloquial speech.

Keywords: *metaphor, simile, comparative construction, semantic field “Literature”, modern Russian prose.*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© С.Г. Павлов

Аннотация. Статья посвящена смысловому анализу художественного текста лингвистическими средствами. Метод исследования – лингвистическая герменевтика. Цель работы – описать проблему понимания в рамках лингвистической герменевтики художественного текста. В статье определяются объект, предмет и цель лингвистической герменевтики художественного текста. Констатируется разница подходов к проблеме понимания в традиционной и современной герменевтике. Предложено лингвогерменевтическое соответствие фактуальной и концептуальной информации художественного текста. Проиллюстрировано примерами понимание художественного текста на основе семантики, референции, текстуальной и внетекстуальной информации. Основной результат работы заключается в демонстрации продуктивности метода лингвистической герменевтики при толковании художественного текста. Выводы: 1) понимание текста есть реконструкция авторских смыслов и ценностей; 2) необходимым условием понимания служит учёт языковой, текстуальной и внетекстуальной информации.

Ключевые слова: художественный текст, методология, герменевтика, лингвистическая герменевтика, интерпретация, понимание.

Лингвистическая герменевтика художественного текста (далее – ЛГХТ) представляет собой лексикоцентричную процедуру толкования смысла текста или его отдельного фрагмента. Объектом ЛГХТ является интерпретационная проблема, предметом – семантика и коммуникативный смысл языковых единиц, индивидуально-авторской организацией которых создаётся интерпретационная проблема текста. Цель ЛГХТ – на основе языковых данных выявить альтернативные решения интерпретационной проблемы и выбрать из них наиболее правдоподобное толкование (= правильное понимание).

В традиционной герменевтике понять текст – значит выразить его содержание в терминах мировоззренческих и художественных установок автора. Для постструктуралистской герменевтики понимание означает передачу содержания текста на основе его структурно-языковых особенностей и субъективного опыта читателя. ЛГХТ совмещает оба методологических полюса интерпретационного диапазона. Для неё понять текст означает выразить его содержание на основе структурно-языковых особенностей в терминах мировоззренческих и художественных установок

автора. Проще говоря, понимание текста для ЛГХТ – это реконструкция авторских смыслов.

Принимая традиционное деление текстуальной информации на фактуальную и концептуальную, представим это в терминах ЛГХТ. Концептуальная информация есть совокупность всех теоретически допустимых смыслов (фрагмента) текста. Авторский замысел эквивалентен максимально валидному смыслу. Фактуальной информации соответствует словарное содержание языковой единицы (семантика, коннотация) и её референция. Контекстуальные трансформации семантики в одних случаях просто идентифицируют фактуальную информацию, в других – выводят на смысл.

Понимание фактуальной информации

1) Понимание на основе семантики. Ложное понимание лексической семантики обычно легко доказывается. А.А. Кораблёв пишет: «Что такое магический круг, Николай Васильевич Гоголь представлял живо. В повести «Вий» семинарист Хома Брут, хоть и философ, но верит: это простая и надежная защита от inferнальных сил. Ситуация явно фаустовская: там тоже философ защищается от дьявола, только не кругом, а пентаграммой...» [Кораблев 2008]. А.А. Кораблёв употребляет слово *философ* в значении ‘профессиональный мыслитель, занимающийся разработкой вопросов мировоззрения’. Об этом однозначно свидетельствует отождествление Хома Брута и Фауста (*тоже философ*). На самом деле слово *философ* в тексте Гоголя означает учащегося третьего класса семинарии: 1-й – грамматики, 2-й – риторы, 3-й – философы, 4-й – богословы. Все они перечислены в начале повести: *Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, ... то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадами под мышкой, брели в класс.*

Языковая семантика реализуется в конкретных коммуникативных ситуациях. Актуализирует определённые семантические аспекты языковой единицы её контекстуальное (прагматическое) окружение. Прагматика художественного текста может как совпадать с прагматикой нехудожественного дискурса, так и отличаться от неё. В первом случае смысл высказывания выясняется стандартными конвенциональными способами, во втором – специфическими. Рассмотрим здесь только первый случай: *Бы-*

ло ещё темно, но кое-где в домах уже засветились огни и в конце улицы из-за казармы стала подниматься бледная луна (А. Чехов, «Три года»). Автор комментария Э.А. Полоцкая отмечает, что данное предложение вызвало критику современников Чехова. Так, автор анонимной рецензии в «Литературном обозрении» полагал, что вместо слово *темно* следовало написать *светло*: *Было ещё светло, но [вопреки этому] кое-где в домах уже засветились огни...* Э.А. Полоцкая, не полемизируя с этим толкованием, предлагает другой вариант: «Не исключено, что в этой фразе Чехов хотел противопоставить темноту летнего вечера уже появляющимся редким источникам света – огням в окнах и бледной, только восходящей луне» [Полоцкая 1977: 451].

Это справедливое, но не совсем точное и не вполне аргументированное толкование. Аргумент Э.А. Полоцкой – упоминание темноты: «О темноте в этой главе говорится и позже: «тёмные, неподвижные деревья», «тёмные фигуры», «темно в гостиной» (луна ярко светит лишь в конце главы)» [Полоцкая 1977: 451]. Напротив, естественно как раз то, что с наступлением позднего вечера темнота не исчезнет. Для правильного понимания логики Чехова достаточно дочитать фразу до конца и проанализировать контекст абзаца. Ситуация описана с точки зрения Лаптева, ждущего на лавке перед воротами церкви Юлию Сергеевну. Ему важно, чтобы светло было на улице, иначе он может её пропустить: ...*Показался народ. Лаптев с напряжением всматривался в тёмные фигуры.*

2) Понимание на основе референции: *Мирной татарин свой намаз / Творит, не подымая глаз; / А вот кружком сидят другие. / Люблю я цвет их жёлтых лиц, / Подобный цвету наговиц, / Их шапки, рукава худые, / Их тёмный и лукавый взор / И их гортанный разговор.* (М. Лермонтов, «Валерик»). Комментируя эти строки, О.П. Попов пишет: «Интересная такая сцена: татары творят намаз (молитву), а рядом чеченец (гортанный разговор – это, конечно, не татарин) занят разговором. Ведь тогда чеченцы ещё не были мусульманами» [Попов 2002].

На самом деле речь идёт не о собственно татарах, самоназвание которых стало русским этнонимом (тат. *татарлар*). Экзоэтнонимом *кавказские татары* в XIX в. называли многие тюркоязычные народы Кавказа: карачаевцев, балкарцев, ногайцев, кумыков, азербайджанцев. Аргументом в пользу этого является прилагательное *мирной*. Оно обозначало сохра-

няющего нейтралитет местного жителя: «устар. находящийся в мире, не участвующий в войне с тем, кто находится в состоянии войны с его племенем, народом (преимущественно о кавказских горцах)» [Викисловарь]. В романе «Герой нашего времени» Лермонтов неоднократно называет горцев *татарами*, а их язык *татарским*: *Раз приезжает сам старый князь (отец Азамата – С.П.) звать нас на свадьбу: ... так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин; Я нанял нашу духаницу: она знает по-татарски, будет ходить за нею* (Бэлой – С.П.).

По мнению О.П. Попова, местоимение *другие* указывает на чеченцев, потому что, во-первых, *другие* не молятся в момент намаза; во-вторых, они разговаривают на гортанном языке. Интерпретация представляется нам ошибочной. Чеченцы приняли ислам гораздо раньше XIX века и к тому времени были мусульманами. *Гортанный разговор* не имеет однозначной референции к чеченцам. У Лермонтова слово *гортанный* используется в нетерминологическом значении (гортанный звук – ‘глоттальный’). В обиходе гортанным называют язык с гортанными звуками, под которыми подразумеваются не только глоттальные звуки (звонкий щелевой [f] в азербайджанском или глухой щелевой [tχ] в кабардинском), но и звуки, образующиеся глубоко в задней части полости рта. Впечатление гортанного языка производит, например, азербайджанский, в котором несколько таких звуков [Ширалиев 1957: 41].

О.П. Попов полагает, что *другие* не молятся. Но фраза *люблю гортанный разговор* не обязательно означает, что *другие* в данный момент разговаривают между собой. Слово *разговор* здесь контекстуальный синоним слова *язык (речь)*. О том, что *другие* действительно не молятся, говорит наречие *кружком*. При совершении намаза мусульманин должен повернуться в сторону Каабы, что при круговом расположении сидящих для некоторых из них невозможно. Вероятнее всего, *другие* тоже *татары*. Определительное местоимение *другие* в функции подлежащего-субстантива выглядит не очень естественно: *??Татарин творит намаз, а рядом сидят другие*. Вторая часть предложения, вероятно, содержит эллипсис подлежащего *татары*, восстанавливаемого по дистанционно близкому имени *татарин* в первой части: *А вот кружком сидят другие [татары]*.

Таким образом, Лермонтов описывает здесь тюркоязычного кавказского мусульманина (*мирной татарин*) и каких-то немусульман, однозначно

назвать национальность которых не представляется возможным. С большой долей вероятности можно утверждать, что это тюркоязычные кавказцы – *татары*.

В зависимости от целей исследователя лингвогерменевтическое толкование может ограничиться выяснением фактуальной информации или выйти на уровень смысла. Для его понимания иногда требуется привлечение текстуальной и внетекстуальной информации.

Понимание на основе текстуальной информации. Промежуточным звеном, опосредующим взаимодействие семантики языковой единицы и её контекстуального окружения, является *коммуникативный смысл* – конкретный, прагматически обусловленный информационный компонент, порождаемый взаимодействием собственно лингвистических (языковых), текстуальных и внетекстуальных факторов.

Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, А туда, где молча Мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел (А. Ахматова, «Реквием»). В ахматовском тексте реализовано первое значение слова *смел* ‘иметь смелость, осмеливаться’ [ССРЛЯ 1962: 1365]. В данном случае существует очевидный интерпретационный зазор между языковой семантикой слова (*не*) *посмел* и его коммуникативным смыслом. Лексико-семантический вариант глагола *смел* интерпретируется легко и однозначно. Однако при этом хорошо осознаётся, что словарное значение не передаёт полноты авторской мысли. Основанием для её реконструкции служат наблюдения над текстом и экстралингвистические сведения.

Описывая голгофскую казнь, Ахматова изображает два типа проявлений человеческого горя, условно – экспрессивное «женское» (Мария Магдалина) и сдержанное «мужское» (апостол Иоанн). Нравственные мучения учеников меркнут на фоне скорбящей Богоматери. На основании личного опыта или ментального проецирования чужих ощущений на себя читатель выводит у глагола *не посмел* коммуникативный смысл ≈ “невыносимая для человека запредельность страданий”. Смотреть на Деву Марию у Креста страшно, потому что её страдания слишком велики и приносят крайний дискомфорт наблюдателю. Итак, мысль Ахматовой заключается в интенсификации страдания.

Понимание на основе внетекстуальной информации. Полнота и адекватность интерпретации художественного произведения обусловлена

уровнем читательской компетенции адресата. Она складывается из лингвистической (языковой) компетенции, общей эрудиции читателя и степени его знакомства с культурным контекстом произведения, личностью автора и изображёнными реалиями. Поэтому понимание должно основываться не только на организующих текст языковых знаках, но и на затексте, в том случае, когда собственно текстуального материала для адекватного прочтения недостаточно.

В лингвогерменевтической трактовке термин *затекст* обозначает герменевтически значимую, но невербализованную в тексте информацию, включающую фоновые знания адресата и специализированные сведения, полученные научными средствами, прежде всего литературоведческими. Объём и качество читательского затекста определяют результаты интерпретации и глубину понимания текста. ЛГХТ использует затекст в качестве прагматического параметра коммуникативной ситуации. Информация затекста привлекается только в том случае, когда она принципиально необходима для интерпретации языковых данных и/или является аргументом в пользу предлагаемой реконструкции смысла. Рассмотрим один пример: *Первому двадцать, второму сорок, отец и сын, / Русые русаки среднерусской тверской полосы, / Цветное фото; «не рыдай мене, / Мати, Зряци во гробе»: смерть была прежде. / Оба неправильно держат свои автоматы. / Ну кто их так держит. <...> Пока ты дома ешь манго и пьёшь брут, / Они за тебя умрут. / Летняя степь цветущая, пасторальная. / Ладно, чего там я, извини, забудь. / А знаешь, в чём самая жуть? / Им это нормально.* (А. Долгарева, «Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...»)

Можно прочесть текст как перифразу стихотворения В. Маяковского «Вам!», где главный акцент сделан на оппозиции: страдания солдат на войне vs аморальное безразличие гражданских. Данный затекст даёт стихотворению А. Долгаревой не добавляющее глубины понимания экстенсивное прочтение. Прагматическим фоном, углубляющим понимание, является другой затекст – цитата из песнопения Страстной Седмицы: «Не рыдай Мене, Мати, зряци во гробе...». Богослужебный интертекст освящает подвиг воинов, вводя их войну в сакральный контекст. В последней строфе пророчески сказано: *Они за тебя умрут*. В этой строчке слышится аллюзия на Евангелие: «Нет больше той любви, как если кто по-

ложит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Для воинов *нормально* умереть. Но почему это *жуть*? Контекстуальными и затекстовыми средствами в предикативе *жуть* актуализируется коммуникативный смысл ≈ “непостижимое, запредельное величие (субъекта)”. Подвиг отца и сына превосходит евангельскую меру. Они готовы умереть за тех, кто, наслаждаясь жизнью, видимо, даже не думает о них. В контексте ирмоса «Не рыдай Мене, Мати...» реконструируется авторская мысль: в своём подвиге воины уподобляются Христу, умершему в том числе и за тех, кто к Нему равнодушен.

Подведём итоги. Лингвогерменевтика ХТ – процедура интерпретации текста на основании языковых данных. Понимание текста для ЛГХТ – это интерпретация, реконструирующая объективно вложенные автором смыслы и ценности. Необходимым условием понимания служит учёт языковой, текстуальной и затекстовой информации. Затекст – «энциклопедическая» информация, являющаяся прагматическим элементом художественной коммуникации и способствующая её более глубокому пониманию.

Список литературы

1. Викисловарь. Мирной. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/мирной> (дата обращения 13.11.2023).
2. Кораблёв А.А. Гоголь и магический круг литературы (Арабески). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1022/> (дата обращения 12.11.2023).
3. Попов О.П. О точности у Лермонтова // Тарханский вестник. Вып. 15. 2002. С. 54-62. – Режим доступа: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/popov-o-tochnosti-u-lermontova.htm> (дата обращения 13.11.2023).
4. ССРЛЯ 1962 – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13: С-сняться. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 1516 стб.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN LINGUISTIC HERMENEUTICS ARTISTIC TEXT

© **S.G. Pavlov**

Abstract. The article is devoted to the semantic analysis of a artistic text using linguistic means. The research method is linguistic hermeneutics. The purpose of the work is to describe the problem of understanding within the framework of linguistic hermeneutics of a artistic text. The article defines the object, subject and purpose of linguistic hermeneutics of a artistic text. The difference in approaches to the problem of understanding in traditional and modern hermeneutics is stated. A linguistic-hermeneutic correspondence between the factual and conceptual information of a artistic text is proposed. The understanding of a artistic text based on semantics, reference, textual and extra-textual information is illustrated with examples. The main result of the work is to demonstrate the productivity of the method of linguistic hermeneutics in interpreting a artistic text. Conclusions: 1) understanding the text is a reconstruction of the author's meanings and values; 2) a necessary condition for understanding is taking into account linguistic, textual and extra-textual information.

Keywords: *literary text, methodology, hermeneutics, linguistic hermeneutics, interpretation, understanding.*

**РЕЧЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОВЕТ,
В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ
«СКАЗКИ ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ
И О СЕРОМ ВОЛКЕ» И ЕЕ АНГЛИЙСКОГО АНАЛОГА
«IVAN TSAREVITCH AND THE GREY WOLF»)**

© Л.В. Парахонько

Аннотация. В статье рассматриваются речевые конструкции, выражающие совет, в русских и английских лингвокультурах (на материале русской «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» и ее английского аналога «Ivan Tsarevitch and the Grey Wolf») с точки зрения прагмалингвистики. С данным положением связана вежливость, имплементирующая функцию речевых максим (количества, качества, отношения, манеры речи). Выполнение вышеперечисленных условий речевого поведения позволяет корректно ратифицировать тип вежливости (позитивную, негативную) в рамках русского и английского кодов. Этим обусловлена цель работы. Специфика исследования обусловила использование компаративного метода. Результаты исследования показали, что в русской языковой культуре совет представлен разными языковыми единицами, по сравнению с его реализацией в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: *речевые конструкции, выражающие совет, прагмалингвистика, вежливость, лингвокультурология, оригинальный и переводной дискурс.*

Вежливость представляет собой систему коммуникативных стратегий (ментальную установку, соотнесение коммуникативных действий с целью коммуникации), используемых в речевой итерации; она нацелена на достижение гармонии и взаимопонимания.

Учёные-лингвисты разделяют позитивную и негативную вежливость. Позитивная вежливость характеризуется сокращением дистанции между собеседниками, их сближением. Негативная вежливость определяется стратегиями отдаления. Основной акцент делается на почтение, уважение автономии участников речевого акта, соблюдение ими дистанции. Из этого можно сделать вывод, что вежливость приводит к конгруэнтности интимности и дистантности участников коммуникативного акта.

Так, к стратегиям позитивной вежливости относятся приветствие, благодарность, комплимент и т.д. Негативная вежливость дефинируется просьбой, приглашением, советом и директивами [Ларина 2003: 89]. Более подробно мы изучим один из подтипов негативной вежливости, а

именно совет – прагматический вариант директивов, значимой особенностью которого является побуждение к необлигаторному, но полезному для адресата действию. Как результат, желательная акциональность детерминирует появление бенефициатива [Wunderlich 1977: 253–254].

Совет в русском языке проявляется в *императивных высказываниях* ('Сходи куда-нибудь / Позвони кому-нибудь'), употребляются также *модальные конструкции* со значением условной возможности, что снижает прямолинейность совета ('Сходил бы ты куда-нибудь / Позвонил бы кому-нибудь'), *вопросительные высказывания* ('Почему бы тебе не сходить куда-нибудь? / Почему бы тебе не позвонить кому-нибудь?'). Императивная форма выражения совета в русской коммуникации является предпочтительной. Специфику данной прагматической категории описывает и её дефиниция: «совет – наставление, указание, как поступить. Советовать – давать какой-нибудь совет» [Александрова 1986: 459].

Совет в английской лингвокультуре считается '*опасным*' речевым актом, который может быть расценен как покушение на независимость собеседника, его личную автономию, навязывание ему воли говорящего. Прежде всего это касается непрошеного совета [Беляева-Стандет 2003: 26]. Об этом гласит и старая английская пословица: «Give not counsel or salt till you are asked» ('Не давай совета или соли, пока тебя не попросят'). В коммуникативной грамматике английского языка [Leech, Starvik 1994] в качестве моделей, употребляемых для выражения совета, приводятся следующие типы высказываний: 1) с *модальными глаголами* ('You should stay in bed until you start to recover / You ought to keep your money in a bank'); 2) с *сослагательным наклонением* ('If I were you, I'd sell this car'); 3) с *перформативным глаголом* в условном наклонении ('I'd advise you to see a doctor') [Leech, Starvik 1994: 168]. На практике они могут восприниматься как тактичная команда или инструкция. Соответственно, невозможно четко закрепить те или иные языковые модели за определенными речевыми актами, можно выделить лишь некоторые тенденции и предпочтения. Для выражения совета может быть использован императив, который традиционно считается средством выражения, главным образом, *команды и приказа*: (в кабинете врача) «What do you advise? – Take this prescription to the chemist's and then go straight to bed» (букв. 'Что посоветуете? – Отнесите этот рецепт в аптеку и сразу же ложитесь спать') [Ларина 2003: 176].

Модальные глаголы *'should / ought to'* употребляются для дружеского совета («You ought to see the doctor about that lump». – ‘Тебе следовало бы пойти к врачу... ’), *'you'd better'* – для более сильного («You'd better hear her side of the story». – ‘Ты бы лучше послушал ее версию’); выражение *'you would be well advised'* характерно для более формального и серьезного контекста («You would be well-advised to consult the lawyer before committing yourself», или ‘перед тем, как брать на себя обязательство, рекомендуется проконсультироваться с юристом’) [Ларина 2003: 176–177].

Высказывания с *'you'd better'* содержат также оттенок предупреждения и необходимости следования данному совету: «You'd better be on time / You'd better don't be late (or I'll be angry)» [Ларина 2003: 177]. *'Should'* такого оттенка не содержит и означает *'it's a good thing to do'*. Помимо модальных и императивных моделей, совет может быть выражен также при помощи *вопросительной конструкции* *'Why don't you'*, используемой для дружеского совета («Why don't you Just tell her the truth?» – ‘Почему бы тебе просто не сказать ей правду?’). Релевантной особенностью английской коммуникации является употребление единиц субъективной модальности при выражении совета, что смягчает его иллюкутивную силу, усиливает субъективность даваемого совета и указывает на необязательность следования ему: «You look tired. I think you should go to bed». (‘Ты выглядишь уставшим. Я думаю, тебе следует идти спать’). Снижение побудительной семантики в подобных высказываниях приводит к тому, что они воспринимаются как мнение собеседника, а не как побуждение. Важным представляется добавить, что на разность понимания совета в английском языке говорит и его толкование в английском словаре: «advice – an opinion that someone gives you about the best thing to do in a particular situation» (букв. ‘чье-либо мнение о том, как лучше поступить в определенной ситуации’); «advise – to give your opinion to someone about the best thing to do», или ‘высказывать свое мнение кому-либо о том, как лучше поступить’ [Ларина 2003: 178].

Таким образом, в английском языке советовать означает выражать свое мнение, в русском – давать наставления, указания. Это существенное различие с большой наглядностью проявляется при сопоставительном анализе коммуникативного поведения англичан и русских в одних и тех

же ситуациях общения. Доказательством послужит анализ совета в русской «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» и в ее переводе на английский язык.

Обещания царя Выслова своим детям можно расценить как совет – прагматический вариант директивов, значимой особенностью которого является побуждение к необязательному, но полезному для адресата действию: «Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам своё благословение, *отыщите жар-птицу и привезите* ко мне живую; а что прежде я *обещал*, то, конечно, *получит* тот, кто жар-птицу ко мне привезёт». В данном отрывке совет реализуется *императивными глаголами* ‘поезжайте, отыщите’, а также изъявительным наклонением – глаголом будущего времени ‘получит’. Такое наставление царя скрывает совет: ведь прислушавшись к своему отцу, его дети получают выгоду – «половину царства, а по смерти (Выслова) и всё» [Афанасьев 1984: 331]. Забота царя Выслова тоже подразумевает изучаемую прагмалингвистическую категорию, средством выражения которой являются *вопросительные конструкции*: «Сын мой любезный, чадо моё милое! Ты ещё молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; *зачем тебе от меня отлучаться?* Ведь братья твои и так поехали. *Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь?* Я уже при старости и хожу под богом; *ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством?* Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому» [Афанасьев 1984: 332].

Предупреждение, написанное на столбу, как полезное описание судьбы главных действующих лиц также вербализует совет: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется» [Афанасьев 1984: 332]. Серый волк в сказке является главным и единственным советником Ивана-царевича, поэтому все его *императивные конструкции* выполняют функцию практических директивов, практичность определяется Иваном-царевичем: «Ну, Иван-царевич, *слезай с меня*, с серого волка, и *полезай* через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-

птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку *не трогай*; ежели клетку возьмёшь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» [Афанасьев 1984: 334].

Царь Долмат также придерживается лучшему исходу действия, которое рекомендует выполнить главному действующему лицу: «*Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе жар-птицу честию отдал;... Ежели ты сослужишь мне службу – съездишь за тридевять земель, ... то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор*» [Афанасьев 1984: 334]. Здесь изучаемая прагмалингвистическая категория находит своё воплощение в условном наклонении ‘*ты бы пришёл ко мне, я бы тебе жар-птицу честию отдал*’ и очередном императиве. Совет находит место и в условной конструкции.

В английском эквиваленте сказки «Ivan Tsarevitch and the Grey Wolf» категория совета в английском языке представлена практически так же, как и в русском языке. Она несколько изменена, представляет собой переделанный продукт переводческой деятельности, а именно пересказ, мену (изменение) некоторых персонажей: вместо детёныша ворона появляется его жена; декомпрессию (расширение текста): в текст исследуемого художественного произведения вводятся три царя (‘Tsar Afron, Tsar Kusman, Tsar Dalmat’) вместо двух; замечается инверсия (изменения порядка следования фрагментов) частей повествования. Данный переводной текст свидетельствует о том, что было нарушено золотое правило переводоведения: перевод должен полностью следовать за мыслью автора оригинального произведения; чем ближе перевод к оригиналу, тем выше квалификация переводчика.

Волк так же, как и в русской сказке, является основным советчиком и помощником царевича Ивана: «The Grey Wolf said: *Listen to me, Ivan Tsarevich, and remember: crawl over the wall, don't be afraid, it's a lucky hour, all the guards are asleep. You will see in the terem window, on the window sill stands a golden cage, and in the cage sits the Firebird. Take the bird, lay him by your breast, and look but don't touch the cage!*» (букв. ‘Серый Волк сказал: «Слушай меня, Иван-царевич, и помни: перелезай через стену, не бойся, счастливый час, вся стража спит. Увидишь в окне терема, на подоконнике стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Возьми

птицу, положи ее себе на грудь и смотри, но не трогай клетку! ’) [Afanasyev 2012: 4].

В переводном дискурсе категория ‘*совет*’ у волка состоит только из глаголов повелительного наклонения. Мы не замечаем в канве повествования ни сослагательного наклонения, ни перформативных глаголов в условном наклонении (например, ‘*I’d advise*’), ни модальных глаголов ‘*should / ought to, you’d better*’ и т.д. Это значит, что императив выступает как синоним к лексеме ‘*совет*’. Этому находят подтверждения следующие фрагменты художественного дискурса: «But the wolf said to him: ‘I told you, don’t disturb the cage! Why didn’t you listen to my *instructions*?» (букв. ‘Но волк ответил ему: «Я же сказал тебе, не тревожь клетку! Почему ты не послушался моих указаний»’) [Afanasyev 2012: 5].

Совет проявляется в речи царей тоже при помощи тактичной команды, инструкции: «But if you had come to me to ask for advice, I would have given him to you, out of respect for your father Tsar Ferapont.... Well and all right, render to me a service, I ask you. In some-such principality Tsar Kusman has a horse with a golden mane. Bring him to me, then I will give you the Firebird with the cage» (букв. ‘Но если бы ты пришел ко мне за советом, я бы дал его тебе, из уважения к отцу твоему царю Ферапонту... Ну и ладно, окажи мне услугу, прошу тебя. В каком-то таком княжестве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда я дам тебе Жар-птицу с клеткой.. ’ (говорит царь Афрон)) [Afanasyev 2012: 5]. Важно обратить внимание и в сторону условного наклонения «if you had come to me to ask for advice, I would have given him to you» [Afanasyev 2012: 5], который тоже участвует в активизации совета.

В результате проведенного сопоставительного анализа коммуникативно-прагматического потенциала ‘*совет*’ в русской и английской лингвокультурологии осуществляется с помощью 1) императивных глаголов в русском языке и императивных конструкций в английском языке; 2) глаголов в изъявительном наклонении в русском языке и глаголов в сослагательном наклонении в английском языке; 3) вопросительных конструкций; 4) предупреждения (как совет); 5) глаголов в условном наклонении. В английском переводе сказки не встречаются вопросительные конструкции, предупреждение и глаголы в условном наклонении.

Таким образом, речевые акты, выражающие совет, и в русском, и в английском языке, исходя из соображений лингвистики, функционируют одинаково: фонетическая структура в комбинации с морфофонемикой порождает семантическую структуру. Структура совета в русской языковой культуре является более разветвленной, обладающей более развитой когнитивной дериватологией, по сравнению с его конфигурацией в английской лингвокультуре. Для носителей русского языка совет воспринимается как указ, детерминант, а для представителя англопространства совет сохраняет некий суверенитет для патиенса. При этом также уместно подчеркнуть, что данные результаты предварительные, поэтому анализируемая проблема требует дальнейшего освещения.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М.: Рус. яз., 1986. 600 с.
2. Беляева – Станден Е.И. Почему ты меня всегда критикуешь? // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный XIV симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29–31 мая 2003 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. М.: Московская международная академия, 2003. С. 25–26.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур). Дис. доктора филол. наук. М.: РУДН, 2003. 495 с.
4. Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. С. 331–343.
5. Afanasyev A. The Tale of Tsarevich Ivan, the Firebird, and the Grey Wol // Collected and edited by Michael Terletski. M.: The Planet, 2012. 10 p.
6. Leech G., Starvik J. A Communicative Grammar of English, 2nd edition. London and New York: Longman, 1994. 423 p.
7. Wunderlich D. On Problems of Speech Act Theory // Basic Problems in Methodology and Linguistics. Dordrecht: Reidel, 1977. P. 243–258.

**SPEECH CONSTRUCTIONS EXPRESSING ADVICE IN RUSSIAN
AND ENGLISH LINGUOCULTURES (BASED ON THE MATERIAL
OF THE RUSSIAN “TALES OF TSAREVICH IVAN, THE FIREBIRD
AND THE GRAY WOLF” AND ITS ENGLISH ANALOGUE
“IVAN TSAREVITCH AND THE GRAY WOLF”)**

© *L.V Parahonco*

Abstract. The article examines speech structures expressing advice in Russian and English linguistic cultures (based on the Russian “Tales of Ivan Tsarevich, the Firebird and the Gray Wolf” and its English analogue “Ivan Tsarevitch and the Gray Wolf”) from the point of view of pragmalinguistics. This provision is associated with politeness, which implements the function of speech maxims (quantity, quality, attitude, manner of speech). Fulfillment of the above conditions of speech behavior allows you to correctly ratify the type of politeness (positive, negative) within the Russian and English codes. This determines the purpose of the work. The specifics of the study led to the use of a comparative method. The results of the study showed that in the Russian linguistic culture, advice is represented by different linguistic units, compared to its implementation in the English linguistic culture.

Keywords: *speech structures expressing advice, pragmalinguistics, politeness, linguoculturology, original and translated discourse.*

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МОТИВАЦИОННО-ОРИЕНТАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ ПРИ ДОПРОСЕ СВИДЕТЕЛЯ

© Н.А. Перехода

Аннотация. В данной статье автор рассматривает вербальные средства реализации коммуникативной стратегии манипуляции. В качестве эмпирического материала исследования были избраны специфические коммуникативные практики, используемые следователем при допросе свидетелей. На основе применения герменевтико-интерпретационного анализа и определения степени интенциональности, корреляции субъективных сфер иллюкции, субъективной модальности контркоммуникантов, выявляются наиболее эффективные языковые средства получения достоверной информации в ситуации допроса. Манипуляционная стратегия реализуется в рамках двух тактик: внешней мотивации и мотивационного программирования, которые обеспечиваются конвергенцией приемов суггестивно-рационального и суггестивно-эмоционального характера. Внешняя мотивация обеспечивается побуждающими и убеждающими формами императивов, перформативов и менасивов на основе местоименной интенсификации и референциальной неоднозначности. Нивелировка девиаций осуществляется в интроспективно-медитативном формате интимизации и эмотивизации на основе визуализаций, affirmаций и affirmаций.

Ключевые слова: стратегия манипуляции, дознавательный дискурс, мотивационно-ориентационный уровень, суггестия, прямая манипуляция, суггестивно-рациональное и суггестивно-эмоциональное воздействие.

Современный институциональный дискурс дознания представляет собой сложный комплекс речекогнитивных действий, призванных обеспечить выявление истинностных позиций в рамках обеспечения доказательной базы по следственному и судебному производству вне зависимости от квалификационной направленности. Четкая установка на экспликацию актуальных ролей, характеризующая рассматриваемый вид институционального дискурса, позволяет реализовывать и сочетать в формальном пространстве допроса множество речевых стратегий манипулирования – от создания доверительных отношений в рамках интимизации до интенсификации доминирования при осуществлении вербального давления. Коммуникативная стратегия воздействия на мотивационно-ориентационный уровень личности свидетеля в процессе допроса обеспечивается прежде всего двумя диаметрально противоположными тактиками: внешней мотивации и мотивационного программирования.

Целью нашего исследования является анализ вербальных средств убеждения, побуждения к некритической экспликации оперативной информации и внушения котркоммуниканту невозможности избежать необходимого продуценту коммуникативного поведения.

Для анализа глубинных интенций следователя по извлечению необходимой информации и определения манипулятивного потенциала наиболее эффективных речевых формул допроса в работе применялся герменевтико-интерпретационный метод. Должный уровень воздействия и создание пространства инициального доверия к вербально и логически верифицируемой информации можно проанализировать на основе степени актуализации дискурсивных констант интенциональности, субъективности и модальности [Бредихин 2015], которые находятся в отношениях прямой зависимости друг от друга.

Рассмотрим некоторые примеры осуществления прямого вербального доминирования в рамках внешней мотивации, т.е. создания такого давления на свидетеля, которое вынуждает его в рамках симулированного диалога следовать интенции продуцента и обеспечивает невозможность сокрытия информации. Следует указать на тот факт, что имплементация компонентов логического доказательства императивной модальности в процессе коммуникативного доминирования невозможна без внедрения формул снятия напряженности. Без применения таковых существует риск намеренного сокрытия информации в случае эмоциональной девиации, отчуждения опрашиваемого от ситуации и углубления в конфронтацию со следователем.

Следователь: *Подумайте, что **Вы** можете сделать сейчас для себя? Не будем сейчас говорить об активной гражданской позиции и Вашем долге перед обществом, но ведь наше взаимное доверие, если **Вы** конечно верите в это, поможет **Вам** «очиститься» от груза душевных невзгод, всего лишнего, что может не только тяготить **Вас**, но и затянуть в трясину... Я бы не стал покрывать тех, кому моя жизнь и благополучие безразличны. Как мне убедить **Вас** в этом? По мне так совершенно просто: просто задумайтесь, как и кто **Вас** сможет за это осудить... Да ровным счётом никто! А если вскроется **Ваше** нежелание помочь следствию, может и **Ваш** статус в процессе поменяется... Конечно, я бы не хотел **Вам** ни советовать, ни угрожать, но...*

Анализ вышеприведенного примера демонстрирует максимальную степень конвергенции суггестивно-рационального и суггестивно-эмоционального характера воздействия внешней мотивации и мотивационного программирования тактик в едином пространстве манипуляции. Нарочитая диалогичность (симулированный диалог) в форме рассуждения оказывается ключевой характеристикой стратегии манипулирования.

На основе пространного разъяснения (подтверждения главного тезиса о невозможности сокрытия информации) создается иллюзия «дружеской» коммуникации (с элементами интимизации). Интимизация характеризуется частотностью использования «Я-высказываний», заинтересованность следователя в обеспечении безопасности и сохранения правового статуса свидетеля. Ключевым средством объединения личностных и профессиональных интересов следователя и личных и социальных интересов свидетеля в процессе допроса является, так называемая «игра на референциальной неоднозначности» [Радбиль, Юматов, Гранева 2019], вводящая свидетеля в круг «своих» в архетипической оппозиции. При этом обилие местоимений «Я» и «Вы» в различных формах не создает впечатления демаркации, а наоборот способствует выведению позитивного сравнения, т.е. существенно повышает мотивационное пространство для экспликации информации. Разделенные мотивация и интересубъективность интенциональных предданных объединяет индивидуальные иллюзии в диалогические и даже социальные на основе сопричастности контркоммуникантов [Бредихин, Пелевина 2015].

Актуализация прямого влияния строится на опосредованном упоминании менасивов *«может и Ваш статус в процессе поменяться»*, и не прямых перформативов в форме отрицания (специфический вид литоты) *«не хотел Вам ни советовать, ни угрожать, но...»* – советую и предупреждаю. Именно в данном ракурсе распродмечивается имплицитный смысл финальной фразы. Таким образом, весь приведенный пассаж может быть воспринят опрашиваемым в качестве «руководства к действию», а также перформативного акта предоставления возможности [Бредихин, Банман 2020], прежде всего, возможности «помочь себе». Эта «помощь самому себе» эксплицируется не только в снятии угрозы, которая дается как в уже проанализированном менасиве, так и в форме трансформированного фразеологизма *«затянуть в тряси́ну»* на основе

амплификации как нагнетания средств негативной образности с целью создания дерогативного пространства оценивания собственных действий [Радбиль, Юматов 2018: 374], но и в оппозитивном пространстве позитивизации «правильных» действий гражданина – «*”очистится” от груза душевных невзгод*».

Следует отметить не только использование непосредственного прямого доминирования при реализации манипуляции в процессе дознания, но и широкое применение имплицитных средств воздействия суггестивно-эмоционального характера. Именно на основе скрытых директивов и квестивов в форме аффирмаций (*просто задумайтесь, как и кто Вас сможет за это осудить...*) и афформаций (*...что Вы можете сделать сейчас для себя? Как мне убедить Вас в этом?*) создается необходимый следователю настрой опрашиваемого, который позволяет снять критическое мышление и побудить к безбарьерной экспликации оперативной информации. Особое психоэмоциональное состояние, формируемое сменой рациональных и эмоциональных тактик программирования, способствует генерации «правильных» убеждений [Полуйкова 2013] у свидетеля, т.е. релевантных ситуации допроса в аспекте раскрытия всех обстоятельств дела. Суггестия осуществляется большей частью в условиях перехода на дуративное персонально-ориентированное общение и характеризуется снижением давления и усилением значимости интимизирующих приемов манипулирования [Bredikhin, Bredikhina, Serebryakova, Marchenko 2018].

Таким образом, на основе проведенного анализа микроконтекста допросных коммуникативных действий можно сделать вывод о реализации внешней прямой манипуляции посредством средств убеждающего и побуждающего характера в симулятивно-диалогическом взаимодействии на основе суггестивно-рационального плана воздействия. Тактики мотивационного программирования большей частью реализуются в рамках интроспективно-медитативных формул, имплицитных суггестивно-эмоциональные компоненты самовнушения (формирования псевдоуверенности в Я-формате принятия решения) в аффирмациях и афформациях, создаваемых в ткани повествования следователем. Компоненты стимуляции эмоциональной и рациональной рефлексии свидетеля намеренно смешиваются в симулятивном диалоге для создания некритического восприятия и обеспечения «правильных» установок мотивационного уровня.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3(44). С. 54–58.
2. Бредихин С.Н., Банман П.П. Вербализация категории перформативности в предписывающих конструкциях конвенционализирующего текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 120–127.
3. Бредихин С.Н., Пелевина Н.А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
4. Полуйкова С.Ю. Средства суггестивного речевого воздействия в современном просветительском послании // Вестник Пермского университета. 2013. № 3(19). С. 45–50.
5. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Герменевтический подход в судебной лингвистической экспертизе русскоязычных текстов // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах (Ялта, 08–12 июня 2018 г.). Т. 1. Ялта: Ариал, 2018. С. 370–377.
6. Радбиль Т.Б., Юматов В.А., Гранева И.Ю. Манипулятивный потенциал русских местоимений в лингвистической экспертизе спорных текстов // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 6. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2019. С. 147–153.
7. Bredikhin S.N., Bredikhina Y.I., Serebryakova S.V., Marchenko T.V. Levels of Communication Act: Functional Communicative Features of Social Work Institutional Discourse // SHS Web of Conferences. 2018. V. 50. P. 01022.

COMMUNICATIVE LEVERAGE STRATEGIES THE MOTIVATIONAL AND ORIENTATION LEVEL DURING THE WITNESS INTERVIEW

© *N.A. Perekhoda*

Abstract In this article, the author examines the verbal means of implementing a communicative manipulation strategy. As the empirical material of the study serves the

specific communicative practices used by the investigator during the interrogation of witnesses. Based on the application of hermeneutical-interpretative analysis and determination of the intentionality degree, correlation of subjective illocution spheres, counter-communicant's subjective modality, the most effective linguistic means of obtaining reliable information in an interrogation situation are identified. The manipulation strategy is implemented within the framework of two tactics: external motivation and motivational programming, which are provided by the convergence of suggestive-rational and suggestive-emotional techniques. External motivation is provided by motivating and persuasive forms of imperatives, performatives and menasives based on pronominal intensification and referential ambiguity. The deviations alignment is carried out in the introspective-meditative format of intimization and emotivization based on visualizations, affirmations and affirmations.

Keywords: *manipulative strategy, inquiry discourse, motivational and orientation level, suggestion, direct manipulation, suggestive-rational and suggestive-emotional leverage.*

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО СУБСТАНТИВНЫЙ В ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ XXI ВЕКА¹

© Н.Е. Петрова

Аннотация. Цель исследования – характеристика процесса детерминологизации прилагательного *субстантивный* в современной публичной коммуникации. Методы исследования – наблюдение, дискурсивный и контекстный анализ. Показано, что лингвистический термин *субстантивный* под влиянием англоязычного политического дискурса расширил сферу функционирования и приобрел новые значения: ‘предметный’, ‘содержательный’, ‘фактологический’, ‘реальный, значимый’ и др. Внутри дипломатического дискурса нетерминологическое употребление слова *субстантивный* мотивировано интернациональным характером коммуникации, но его употребление в публичном, медийном дискурсе характеризуется семантической диффузностью, что вызывает коммуникативные затруднения, заставляет говорящего пояснять смысл данного слова, вызывает негативную оценку адресата текста. В целом использование заимствований с размытой семантикой создает проблему лингвокультурной адаптации к публичному коммуникативному пространству не только для инофонов, изучающих русский язык, но и для носителей русского языка как родного.

Ключевые слова: *субстантивный, интерференция, политический дискурс, значение, адаптация*

Экспансия англоязычных заимствований, оставаясь актуальным объектом современной русистики, сместила, на наш взгляд, акценты исследований: если на рубеже XX–XXI веков лингвисты прежде всего обращали внимание на фиксацию новых слов и формы их освоения русским языком, то в третьем десятилетии XXI века все чаще поднимаются вопросы влияния «ксенолексики» [термин см.: Щитова 2012] на ментальность носителей русского языка [см.: Касперова 2020], конкуренции заимствований с русскими или обрусевшими словами и в связи с этим – целесообразности и даже опасности использования заимствований [см.: Сабурова 2022; Гуляева, Денисенко, Никитина 2021]. Все эти вопросы так или иначе будут затронуты и в нашей статье в связи с анализом семантики и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках реализации государственного задания на проведение прикладных научных исследований по теме «Лингвокультурная адаптация инофона в условиях нового урбанистического пространства: национально-региональный компонент» (соглашение № 073-03-2023-029).

прагматики прилагательного *субстантивный* в публичном дискурсе. Цель данного исследования – характеристика текущего процесса детерминологизации прилагательного *субстантивный* как проявления семантической межъязыковой интерференции. Основные задачи исследования – описание новых актуальных (т.е. реализующихся в контексте) значений этого прилагательного и характеристика его прагматических функций. Для решения поставленных задач используются методы наблюдения, дискурсивного анализа и контекстного анализа семантики слова. Основным источником фактического материала послужила база данных основного и газетного корпуса (центральные СМИ) НКРЯ.

Нужно разграничивать собственно лексическую интерференцию, когда из системы языка-донора в язык-реципиент проникают новые для текущего времени лексические единицы (*апсайклинг, челлендж, донат*), и семантическую интерференцию, когда под влиянием чужого языка развиваются новые значения уже освоенные заимствования (*резюме, коллаборация, миссия*). Примером новейшей семантической интерференции служат контекстуальные значения прилагательного *субстантивный*, функционирующего в публичной коммуникации.

В лингвистическом научном дискурсе всем известно прилагательное *субстантивный* в значении ‘относящийся к имени существительному’, однако оно не отмечено в толковых словарях русского языка, словарях синонимов или антонимов (см.: МАС, Словарь Складневской, ТСРЯ, ГРАМОТА.РУ), при том что в МАС с пометой *лингв.* зафиксированы однокоренные слова *субстантивация, субстантивироваться, субстантивированный* [МАС: 298]. Словарные данные позволяют сделать вывод, что до недавнего времени указанное прилагательное функционировало исключительно как узкоспециализированный термин.

Между тем, по данным основного корпуса НКРЯ, на рубеже XX–XXI веков прилагательное *субстантивный* начинает употребляться в нетерминологическом значении в речи дипломатов и при освещении событий международной политической деятельности, например: *Бывали встречи чисто протокольные, бывали, выражаясь дипломатическим языком, «субстантивные», то есть содержательные* (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства. 1999); *К сожалению, на сессии не удалось выработать субстантивных реко-*

мендаций для Конференции 2005 года (Дипломатический вестник. 29.06.2004).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано всего 64 примера с прилагательным *субстантивный*, из которых только 7 связаны с политическим дискурсом и 1 пример – с финансово-экономическим: *Концепция «субстантивной рациональности» Саймона предполагает рациональный характер решения, принимаемого независимо от способа его нахождения* (Финансы и кредит. 03.03.2003). Остальные употребления относятся к сфере лингвистики.

В газетном корпусе НКРЯ (центральные СМИ) содержится уже 183 примера с прилагательным *субстантивный*, что позволяет более точно оценить семантическое варьирование данного слова в условиях контекстной сочетаемости. Очевидно, что определение *субстантивный* является маркером политико-дипломатического дискурса и явно тяготеет к существительным, семантика которых так или иначе связана с коммуникативной деятельностью человека. Основные группы этих существительных:

(1) номинации коммуникативных событий – *встреча, переговоры (переговорный процесс), мероприятие, контакты, работа, дискуссия, беседа, выступление*;

(2) номинации речевых жанров – *ответ, комментарий, вывод, заявление, обращение, поправки, критика, предложения, обсуждение, рекомендации*;

(3) номинации текста и его элементов – *документ, содержание, вопрос (тема), информация, элементы, часть, фактура, составляющая, сторона, положения*;

(4) номинации речевого поведения и речевых действий – *манера, участие, деятельность, консенсус, призывы, угрозы, выпады*.

Наиболее частыми являются сочетания *субстантивные переговоры* (67 примеров), *субстантивные вопросы* (9 примеров), *субстантивные контакты* (7 примеров), *субстантивный диалог* (5 примеров).

Актуальное значение прилагательного *субстантивный* каждый раз можно определить лишь приблизительно, основываясь на тех элементах текста, с которыми прилагательное сопряжено. Так, в сочетании с большинством существительных групп (1), (2), (3) это значение представляет

собой диффузию смыслов 'основанный на конкретных фактах (предметный), содержательный, результативный':

*Алиев добавил, что принципиально важна достигнутая договоренность о начале **субстантивных переговоров** между Баку и Ереваном и подтверждении неизменности формата переговоров* (Ведомости. 2020.10.11); *А на **субстантивную встречу** я рассчитываю после праздников, потому что она последние недели не так много была», – сказал Чижов* (Gazeta.ru, 26.12.2014); *Никакой **субстантивной критики** в адрес МИД РФ в связи с этим докладом от них я не услышал* (Коммерсант. 29.10.2012); *В российской дипмиссии по итогам этого отмечали, что Нечаев был "проинформирован о содержании заявления федерального правительства ФРГ", при этом "никакой **субстантивной фактуры** послы не передавалось"* (РИА Новости. 05.09.2020).

В сочетании со словами группы (4) значение прилагательного *субстантивный* определить сложнее. Рассмотрим характерный пример:

*«Сегодня, когда мы отмечаем День демократии, я настоятельно призываю правительства всех стран уважать право на активное, **субстантивное** и значимое **участие** и приветствую всех, кто неустанно борется за то, чтобы сделать это реальностью», – заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш* (Парламентская газета. 2019.09.15).

В русском языке слова *участие, деятельность* «по умолчанию» предполагают содержательность, предметность, связь со смыслом, поэтому обычно определения характеризуют интенсивность соответствующих действий. В приведенном выше примере использованы определения *активное, значимое*, которые как раз и характеризуют деятельность со стороны интенсивности и смысловой наполненности. В контексте *право на субстантивное участие* интерпретация 'основанное на фактах, содержательное' кажется не совсем естественной и плеонастичной, если исходить из семантики русского языка. Таким же расплывчатым является «русский» смысл определения *субстантивный* в сочетаниях *субстантивная манера, субстантивный консенсус*:

*Он [специальный посланник генерального секретаря ООН по Сирии Гейр Педерсен – авт.] также выразил надежду, что заседания комитета продолжатся в регулярной и **субстантивной манере***. (РИА Новости. 23.07.2020); *«... это единственный **субстантивный консенсус**, который*

удалось достигнуть между всеми заинтересованными сторонами в результате очень напряжённой работы», – напомнил Песков (Парламентская газета. 2018.04.28).

В первом случае, видимо, речь идет об энергичном, деловом ведении заседания и о конкретности, фактологичности выступлений участников. Во втором примере, возможно, имеется в виду надёжность консенсуса.

Некоторые контексты позволяют выделить еще один смысл у прилагательного субстантивный – ‘относящийся к существованию’: *А на днях была опубликована новая американская доктрина, в которой Россия снова отнесена к странам, представляющим для США субстантивную угрозу*», – сказал Климов (Парламентская газета. 2018.01.11).

Помимо примеров из базы данных НКРЯ, прилагательное субстантивный встретилось нам в устном высказывании эксперта телевизионной программы «Отражение», посвященной социальным и политическим темам: *Когда Россия осознала себя как субстантивное, самостоятельное государство...* (ОТР. Т/п Отражение. 06.04.23). Можно только догадываться, какой смысл вложен говорящим в выражение субстантивное государство: ‘настоящее’, ‘оформившееся’, ‘существующее’, ‘надежное’ государство или что-то иное. Важно отметить, что детерминологизированное прилагательное расширяет сферу функционирования, переходя из политико-дипломатического дискурса в более широкий публичный дискурс социальных проблем.

Почти все отмеченные здесь новые значения прилагательного субстантивный содержат коннотативный компонент ‘и это хорошо’, что позволяет использовать его как оценочное слово, выражающее одобрение: *«Я могу сказать, что субстантивно все, что он [Лавров – авт.] говорил, это есть в стенограмме, это слышно было на записи...»*, – пояснила Захарова в интервью радиостанции «Говорит Москва» (Lenta.ru. 12.08.2015); *«Встреча субстантивная и наверняка будет очень содержательной»*, – отмечал Песков (цитата по "Интерфакс-Азербайджан") (Ведомости. 2015.06.13).

Подводя итог всему сказанному, мы можем сделать следующие выводы. Прилагательное субстантивный претерпевает в современной русской речи процесс детерминологизации. Можно с уверенностью предположить, что это происходит под влиянием семантической структуры ан-

глийского слова substantive, которое, помимо терминологического значения 'относящийся к имени существительному', имеет значения 'существенный, независимый, самостоятельный'. Именно эти смыслы данное прилагательное выражает в англоязычном политико-дипломатическом дискурсе и в соответствующих контекстах попадает в русскоязычные переводы. Источником семантической интерференции является также речь русскоязычных дипломатов и политиков, усвоивших использование прилагательного *субстантивный* на основе англоязычных образцов.

Система новых значений рассматриваемого прилагательного характеризуется диффузностью, о чем свидетельствуют разноплановые русские синонимы, с помощью которых оно может интерпретироваться в разных контекстах: *существенный, смысловой, предметный (наглядный), фактологический, результативный, самостоятельный, существующий* и др. Размытая семантика слова *субстантивный* в новой для него сочетаемости заставляет говорящего пояснять смысл данного слова, а иногда вызывает чувство раздражения у адресата текста, например:

*Стороны договорились объявить перемирие 10 октября в 12:00 и начать **субстантивные (предметные) переговоры** на площадке Минской группы ОБСЕ (Lenta.ru. 2020.10); Посредники, страны – сопредседатели минской группы ОБСЕ открыто заявляют о необходимости возобновления **субстантивных, то есть содержательных переговоров**», – сказал президент (Парламентская газета. 2017.03.18).*

*Если помните, пресс-секретарь президента Дмитрий Песков употребил весной термины «имплементация» и «**субстантивный**». **Не очень понятные слова** были произнесены в связи с переговорами по Украине (Lenta.ru. 08.01.2016); – **Субстантивное** содержание наших отношений, конечно, меняется к лучшему, – проговорил Владимир Путин, и стало понятно, что он зашел очень далеко. Можно ли было обойтись без этого **адского слова "субстантивное"**? (Коммерсант. 07.06.2006).*

Рассмотренная нами контекстная многозначность прилагательного *субстантивный*, с одной стороны, подтверждает тезис Е.Ю. Ваулиной о том, что «современная лексика в гораздо большей степени обогащается за счет семантического словопроизводства по сравнению с концом прошлого века» [Ваулина 2023: 26]. С другой стороны, пример прилагатель-

ного *субстантивный* возвращает нас к проблеме целесообразности употребления заимствования (лексического или семантического). Если внутри дипломатического дискурса детерминологизированное употребление слова *субстантивный* мотивировано интернациональным характером коммуникации, то его использование в русскоязычном публичном дискурсе делает высказывание менее точным, приводит к недопониманию. Убедительные данные о коммуникативных рисках, связанных с непониманием точного смысла заимствований, в частности политической лексики, были получены на основе опросов. Оказывается, даже знание английского языка не всегда помогает адресату точно понять смысл заимствования в русскоязычном контексте [см.: Гуляева, Денисенко, Никитина 2021: 152–153]. На наш взгляд, использование иноязычных лексических или семантических заимствований с неопределённым значением создаёт проблему лингвокультурной адаптации к публичному коммуникативному пространству не только для инофонов, живущих в России или изучающих русский язык как иностранный, но и для носителей русского языка как родного.

Список литературы

1. Ваулина Е.Ю. Полисеманты в «Словаре русского языка XXI века»: отражение актуальных лексических процессов // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и новаторство в русистике. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Ереван, 2023. С. 25–30.
2. Гуляева Е.В., Денисенко М.В., Никитина И.С. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 146–157.
3. Касперова Л.Т. Новейшие заимствования и аксиологические ценности современного общества // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 155–159.
4. Сабурова С.В. Избыточность иноязычных заимствований в русском языке // Проблемы современного филологического образования. Сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор В.А. Коханова. Ярославль, 2022. С. 163–170.

5. Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2012. № 1(2). С. 278–285.

Источники

1. ГРАМОТА.РУ – Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/> (дата обращения – 14.11. 2023).

2. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип., М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 4. С – Я. 1988. 800 с.

3. Словарь Складневской – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. СПб: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. 701 с.

4. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения – 14.11. 2023).

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE ADJECTIVE SUBSTANTIVE IN PUBLIC COMMUNICATION OF THE XXI CENTURY

© N.E. Petrova

Annotation. The purpose of the study is to characterize the process of determinologization of included content in modern public communication. Research methods: observation, discourse and contextual analysis. It is shown that the linguistic term substantive, under the influence of English-language political discourse, expanded the scope of its functioning and acquired new meanings: “substantive”, “substantive”, “factual”, “real, significant”, etc. Within diplomatic discourse, the non-terminological use of the word substantive is motivated by the international nature of communication, but its use in public, media discourse is characterized by semantic diffuseness, which causes communicative difficulties, forces the speaker to explain the meaning of the word, and causes a negative assessment of the addressee of the text. The use of borrowings with vague semantics creates the problem of linguistic and cultural adaptation to the public communicative space not only for foreign speakers studying Russian, but also for native speakers of Russian.

Keywords: *substantive, interference, political discourse, meaning, adaptation*

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЦИФРОВОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА НА БАЗЕ ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ АУР

© А.И. Помазов

Аннотация. В работе производится обзор работы над выявлением лингвистических маркеров для разработки цифрового инструментария по выявлению скрытой (имплицитной) оценочности текста, проводимой на базе теории семантических просодий. Данные для исследования собираются из Национального корпуса русского языка (Russian National Corpus, RNC) путем извлечения интересующих контекстов по ключевым словам.

Ключевые слова: имплицитная оценочность, «семантическая аура», анализ больших данных, корпусный анализ, репрезентативные контексты, NLP, Digital Humanities.

В настоящее время проблема выявления имплицитной, т.е. скрытой оценочности (другими словами, научно обоснованной методики чтения между строк) возникает достаточно часто в различных областях гуманитарного знания. В эпоху больших данных исследователи работают с текстовыми массивами при помощи цифровых инструментов.

Для аналитика, чаще всего, не составит труда определить позитивное, негативное или нейтральное отношение в тексте на интуитивном уровне. Однако скрытый негатив иногда требуется не только выявить, но доказать при помощи научных методов.

Еще сложнее дело обстоит, когда мы работаем с большими массивами данных и нам нужно добиться от «машины» точного выявления скрытой тональности. Нейронные сети сейчас отлично справляются с sentiment-анализом. Это правда. Но только на простых и явных контекстах. На расширенных контекстах, при неявно-выраженных оценках точность резко падает. Наши исследования – попытка решить этот вопрос на стыке классической лингвистической науки и машинного анализа больших текстовых данных.

Идея состоит в выделении в тексте нейтральных лексем и коллокаций (нейтрально-определяемые в словарях), которые в языковой практике «дрейфуют» в сторону позитивной или негативной модальности, тем самым создавая «наведенную» оценочность для всего контекста.

В основе нашего подхода теория «семантической ауры» или «семантической просодии», которую в 50-х гг прошлого века начал разрабатывать основатель корпусной лингвистики Джон Синклер. Согласно данной теории ауры – это не всегда осознаваемый или интуитивно-подразумеваемый носителями языка и не фиксируемый словарями ассоциативно-смысловой фон слова, как правило, оценочной природы, который стабильно и регулярно выводится из совокупности всех контекстов употребления данного слова. «Аура» выявляется при анализе повторяющихся или сходных по смыслу коллокатов интересующего нас слова (единиц минимального контекстного окружения) с опорой на анализ больших массивов корпусных данных. [Firth 1957; Sinclair 1991; Милойкович 2019]. Этот подход базируется на научной идеологии квантитативной лингвистики, согласно которой язык определяется как совокупность всех высказываний всех говорящих на данном языке. Грубо говоря, язык – это такой мегакорпус. Семантические просодии прокручиваемых через корпусный анализ слов или выражений выявляются индуктивно, эмпирическим путем, через обнаружение и интерпретацию наиболее частотных коллокатов [Louw 1993]. Понятно, что чем больше массив выборки коллокатов, тем точнее результат. Причем этот результат будет объективным, так как опирается не на интуицию, а на статистику.

Так, например, Дж. Синклер в свое время доказал на корпусных данных, что английское слово *happy*, оказывается, имеет негативную ауру примерно в 70 % случаев из выборки контекстов его употребления, что, разумеется, не фиксирует ни один словарь.

В работах профессора Т.Б. Радбиля подход был опробован для русского языка на малых количествах контекстов от 100 до 500, с помощью «ручного» анализа, размеченных самостоятельно. Далее были разработаны теоретические основы «исчисления» языка ценностей посредством выявления и анализа «репрезентативных контекстов» употребления тестируемой единицы, оценочность которой далеко не очевидна и тем самым не фиксируется в словарях русского языка; были выявлены некоторые такие контексты (например, метаязыковой комментарий «в хорошем смысле слова», глаголы «погрязнуть», «глумиться», «случаться», «приисходить», прилагательные «небезызвестный», «пресловутый», местоимение «некий» и пр.) [Радбиль 2011, Радбиль 2021]). Была разработана кон-

кретная исследовательская модель выявления позитивно- оценочной, нейтральной и негативно-оценочной тональности тестируемых слов и выражений на основе количественного анализа корпусных данных (на материале Национального корпуса русского языка), дано обоснование понятия имплицитной, наведенной в контексте оценочности, не фиксируемой в словарях, но проявляющейся в реальных контекстах употребления единиц.

По нашей гипотезе подобные лексемы и коллокации могут стать именно теми маркерами, при помощи которых электронная система сможет выявлять скрытую тональность: находить наиболее частотные маркеры, определять их семантическую ауру и выдавать вероятность имплицитной оценки объекта в тексте. С этого начался новый этап исследования по работе с большими текстовыми данными.

Машинный анализ большого количества контекстов позволит доказать правомерность применения теории семантических просодий для цифровой аналитики, затем выявить еще большее количество маркеров, определяющих имплицитную оценочность текста, а далее использовать эти данные в разработке или повышении эффективности работы аналитических систем, работающих с текстовыми массивами из СМИ, социальных сетей, открытых и закрытых источников, а также для применения метода в лингвокриминалистике.

Материалами этой работы служат контексты, получаемые из Национального корпуса русского языка и самостоятельно собранные коллекции и корпуса текстов.

На первом этапе мы решили проверить, насколько корректно существующие нейронные сети выявляют тональность расширенных контекстов. Проверить на примере именно тех контекстов, которые ранее размечались в ручную и содержали изучаемые лексемы («случаться», «происходить» и т.д.)

Материалы были проанализированы несколькими доступными языковыми моделями, например, несколько вариантов ru-bert (адаптированная к русскому Bert от Гугл), Достоевский, несколько специализированных моделей. Максимальная точность оказалась 61% (совпадений с ручной разметкой rubert-base-cased-sentiment-med). Также были взяты и другие контексты из Национального корпуса русского языка другие контексты с

этими же лексемами. Для этого написали скрипт, который извлекает из корпуса первые 5000 контекстов о ключевому слову (например, «происходить») и анализирует тональность на всех используемых нами нейронных сетях. Затем такую тональную разметку проверяли вручную, чтобы понять точность ИИ. Результат не превышал шестидесяти процентов.

Анализировались лексемамы *случаться* и *происходить* с их грамматическими формами. По состоянию на 17 апреля 2023 г. для лексемы *случаться* в Национальном корпусе русского языка содержалось 172 текста включающих 182 примера в точной форме и 8301 текстов включающих 26290 в других лексико-грамматических формах. Для лексемы *происходить* – 2414 текстов включающих 3127 примеров в точной форме и 25249 текстов включающих 88342 в других лексико-грамматических формах. Для анализа извлекалось по 5000 контекстов.

Выявленные контексты были проанализированы нейронными сетями: *dostoevsky*, несколькими разновидностями нейросети BERT.

Для работы этих сетей с контекстами разработаны скрипты на языке программирования *python*.

В результате получены данные по анализу нейросетью тональности в корпусных контекстах (выборки по 5000 для каждой лексемы) и анализу тональности в контекстах, отобранных и размеченных вручную (по 100 контекстов для каждой лексемы).

Контроль точности определения тональности в выявленных в корпусе контекстов производился путем выборочного контент-анализа двумя специалистами. Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (*ruscorpora.ru*)

Нейросеть *dostoevsky* осуществляет разметку контекстов следующими маркерами (лейблами) {'neutral': n, 'negative': n1, 'skip': n2}

где:

'neutral' – нейтральный контекст

'negative' – негативный контекст

'positive' – позитивный контекст

'speech' – разговорное

'skip' – нейросеть не разобрала фразу

n – доля вероятности каждого лейбла

Пример разметки. # *Лишь установим, что тут есть форма и она, предположительно, в этом цикле «Тристана и Изольды» выведена в свое бытие, которое не нуждается ни в каких пересказах, или повторях, или описаниях, оно сбывается на наших глазах во времени протекания произведения, в танце его слов.* [Ксения Голубович. «Тристан и Изольда» в исполнении Ольги Седаковой // «Волга», 2011] {'neutral': 0.5621865391731262, 'negative': 0.1520422399044037, 'skip': 0.1259327530860901}

Нейросеть rubert (адаптированная к русскому языку версия BERT) осуществляет разметку контекстов следующими маркерами (лейблами) {'neutral': n, 'negative': n1, 'skip': n2}

'label': 'neutral' – обозначение тональности

'score': 0.8174147605895996 – доля вероятности тональности для фразы

Пример разметки. # {'context': 'И они уже летали в нашем небе... писал о ракетах, и они уже '

'бороздили стратосферу. Словом, все предвиденное гением... '

'сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека

'в космические просторы. [Борис Фомкин. Первый космонавт // '«Наука в России», 2011',

'label': 'neutral',

'score': 0.8174147605895996}

Таким же образом размечаются контексты, которые ранее были проанализированы вручную.

Усредненные данные для обоих исследований.

Контексты извлеченные из Национального корпуса русского языка:

- Сеть dostoevsky. Точность определения тональности не более 40 процентов в проанализированных контекстах.

- Сеть rubert. Точность определения тональности не более 45 процентов в просмотренных контекстах.

Ранее размеченные контексты введенные вручную:

- Сеть dostoevsky. Точность определения тональности не более 42 процентов.

- Сеть rubert. Точность определения тональности не более 62 процентов.

В настоящий момент ведется над точностью определения тональности для уже известных нам маркеров («случаться», «происходить», «сбываться» и пр.): создаем специализированные корпуса текстов для дообучения имеющихся моделей, а также работаем над моделью, которая будет сопоставлять данные, полученные от нескольких нейронных сетей и выдавать вероятность с наиболее высокой точностью.

Переходя к заключению, скажем, что в целом предлагаемая исследовательская модель выявления имплицитной оценочности посредством репрезентативных контекстов по данным корпусов, как нам представляется, имеет значительную научную валидность в плане объективации и последующей интерпретации в любой области применения языка, где существуют массивы устных и / или письменных текстов – в медийном дискурсе, в юридическом, политическом дискурсе, в том числе в международных отношениях. Проще говоря, данный исследовательский инструмент позволяет выявлять неявные, но при этом объективно существующие в языковом сознании носителей языка ценности, обнаружить отношение говорящих к тем или иным явлениям окружающей жизни, выраженное в языке.

Список литературы

1. Милойкович М. Возможности контекстуально-просодической теории для установления диагностических признаков манипулятивного дискурса при производстве лингвистической экспертизы // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной научной конференции (16–17 мая 2019 г.). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 42–59.
2. Радбиль Т.Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Том 8. № 4. С. 406–420.
3. Радбиль Т.Б. Слово «небезызвестный» как маркер репрезентативного контекста: к проблеме верификации «языка ценностей» в современной лингвокультурологии // Язык. Человек. Культура: Сборник научных

трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 120–132.

4. Радбиль Т.Б. «Язык и мир», М.: Языки русской культуры, 2017; коллективная монография «Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты» / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2021.

5. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». 2011. No 6. Часть 2. С. 569–573.

6. Firth J.R. Papers in Linguistics : 1934–1951. – Oxford: OUP, 1957. – 233 p.

7. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // M. Baker ,G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology : In Honour of John Sinclair. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – Pp. 152-176.

8. Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.

EXPERIENCE IN DEVELOPING LINGUISTIC AND DIGITAL TOOLS FOR IDENTIFYING THE HIDDEN TONALITY OF TEXT BASED ON THE THEORY OF SEMANTIC AURAS

© A.I. Pomazov

Abstract. The paper reviews the work on identifying linguistic markers for the development of digital tools for identifying hidden (implicit) evaluation of a text, carried out on the basis of the theory of semantic prosodies. Data for the study is collected from the Russian National Corpus (RNC) by extracting contexts of interest using keywords.

Keywords: *implicit evaluation, “semantic aura”, big data analysis, corpus analysis, representative contexts, NLP, Digital Humanities*

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР АДРЕСАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

© О.Д. Прокуророва

Аннотация. Статья посвящена анализу средств формирования образа адресата в поэтических текстах современных авторов. Целью работы является определение значения различных прецедентных феноменов в лирике Влада Маленко в рамках категории адресованности, для чего используется метод дискурсивного анализа. В работе представлены наиболее распространенные прецедентные имена, сюжеты и явления, использующиеся поэтом, а также проанализированы способы включения данных феноменов в текст. В результате исследования сделан вывод о том, что введенные автором в контекст художественного произведения прецеденты позволяют обозначить потенциальных адресатов. Для верной интерпретации интенции автора необходимо обладать затекстовыми знаниями, жизненным и культурным опытом. В рамках категории адресованности включение прецедентных феноменов в текст можно рассматривать как игру автора с читателем или намеренную попытку дифференциации адресатов.

Ключевые слова: категория адресованности, прецедентный феномен, современная поэзия, образ адресата, дискурсивный анализ.

Категория адресованности представляет собой явление универсальное, поскольку присуща практически всем видам деятельности. В теории нарратива адресат и автор – неотъемлемое условие существования произведения, причем последнее должно способствовать формированию у адресата своей ментальной модели [Кубрякова 2001]. Н.Д. Арутюнова также отмечает, что для успешной коммуникации необходима согласованность говорящего и его адресата [Арутюнова, 1981]. Образ адресата – это «многоуровневая категория, предполагающая наличие различных направлений и уровней адресации, выраженная системой средств адресованности» [Бударагина, 2006, с 12.]. Образ адресата является одним из структурообразующих элементов художественного произведения.

В формировании образа адресата художественного текста участвуют различные средства – например, отбор материала, который проявляется, в частности, в использовании прецедентных имен, текстов.

В. Маленко обращается к прецедентным феноменам очень часто, это один из его излюбленных приемов. Наиболее распространенным является использование прецедентных имен, которые выступают не столько как

обозначение конкретного лица, сколько в качестве определенного культурного знака, символа событий или свойств:

*Потом в чаду отражали натиск,
Там был **Матросов** и **Дима Артис**.
И все в бою становились старше.
Прилепин, Толстой и Гаришин.
(«Героям слова»)*

*Выходя из церковной обители,
От визжащих уставших дур,
Обжигают сердца потребителей
Два пророка – Михайлов и Шнур.
(«Любовь к поэтам»)*

Так, например, в первом отрывке упоминаются имена двух военных, один из которых – Матросов – является героем Великой Отечественной Войны, а другой – Артис – современный поэт, который добровольцем ушел в зону СВО. Прилепин, Толстой, Гаришин – это писатели, которые служили в армии. Упоминание данных прецедентных имен позволяет автору наладить связь времен. Михайлов и Шнур – современные музыкальные исполнители, – наоборот, представлены в ироничном ключе, так как их творчество низкого качества лишь пытается соответствовать запросам потребителей, при этом позиционируется как великое искусство и приравнивается к творчеству классиков.

Источниками прецедентных текстов могут становиться литературные произведения, названия, автор и герои, песни или пословицы. Например, в следующих фрагментах В. Маленко, обращаясь к творчеству А.С. Пушкина, вводит аллюзию на «Капитанскую дочку», в результате чего усиливается акцент на нравственной проблематике, и стихотворение «Пророк», что позволяет сформировать представление о роли и предназначении современного поэта:

*Так, про что эта повесть,
Растолкуй же ты мне?
**Про женитьбу, про совесть,
И про службу стране.**
Мы за прошлое платим,*

*И радеем, дружок,
Кто за честь, кто за платье,
Кто за лучший денёк.
(«Капитанскую дочку нужно знать наизусть»)
Я стихи твои детям прочту,
Долгожданный пророк!
Русскую мне раскорябай мечту,
Кровоточила чтоб между строк.
Нам оставили шёпот и крик,
Предъявляя финал.
Почти что отрезали русский язык!
Ты приходи, чтоб глагол обжигал.
(«Русская мечта»)*

В поэзии В. Маленко отражение находят прецедентные ситуации, обозначающие те или иные события, которые действительно происходили в жизни или были описаны в художественных произведениях. Часто эти ситуации метонимически обозначаются через указание на место или дату:

*Лето восьмидесятого –
Мишки нелеп полет.
Волки уж не простят его
За олимпийский мед.
(«Лето восьмидесятого»)
Представьте, что воют волки.
Совы ищут гнездо.
И все мы отныне волхвы,
Идущие за звездой!
(«Попробуйте быть как дети»)*

Уже здесь можно отметить, что данные прецеденты имеют разных адресатов. Библейский сюжет рождения Иисуса имеет более широкое поле адресации, чем упоминание Олимпиады-80, и, соответственно, иначе воздействует на читателя.

Существуют разные способы введения прецедентов в текст [Слышкин 2000]. В. Маленко использует следующие:

(1) Упоминание (апелляция к прецедентному тексту путем прямого воспроизведения языковой единицы). Это может быть упоминание названия, автора литературного произведения (*И африканский мальчик, верный Чаду,/ Из доброй фирмы «Хам и сыновья»,/ Вдруг ртом поймает перья соловья/ И выдаст из «Онегина» тираду* («Я тюбик задушил, и вышли буквы»)); упоминание сюжета (*Шарик земной, как лихачный младенец обрит, / Новый Иуда готов для предательства в среду*); упоминание известного имени (*Дома надели брекеты и линзы, / В пруду нашли колечко бедной Лизы, / А среди них гуляли по Садовой/ Две Натали – Ростова с Гончаровой* («Московская особа»));

(2) прямая цитация: *Пляшет лягушка, /в творог превращая сметану. / Что тебе снится, крейсер «Аврора»? / Музей-ресторан? («Двадцатые годы»)*

(3) квазицитация: *Когда стихами воздух облицован, Клин клином вышибают журавли// Я до утра шел/ По шоссе, как Саша из поговорки. / Шел, чтобы уйти уж наверняка. /Шел и сосал горечь собственного языка.* Квазицитация представляет больший интерес, так как здесь наблюдается лексическая трансформация в виде замены слов или части цитаты, что позволяет раскрыть образ (например, представить роль современной поэзии) и выразить эмоции и чувства (горечь и досаду).

(4) аллюзия, (соотнесение на содержательном уровне определенного предмета с ситуацией или событием, описанных в художественном тексте без упоминания первоисточника): *Спугнём ворон, поймем сыр/ Обиды пострижём!! И надо в радиоэфир/ Нам выйти голышом* («Мы наконец наладим быт»). В данном фрагменте мы наблюдаем аллюзию на басню И. Крылова «Ворона и лисица». Содержательно нас интересует одна ситуация – достижение цели любой ценой, в том числе, безнравственными способами.

Категория адресации связана с проблемой интерпретации. Успешность протекания речевого акта зависит в первую очередь от того, насколько полно и адекватно будет декодировано содержание текста. Так, например, Ю.М. Лотман отмечает, что в одних случаях текст будет понятен лишь тому, кто лично знает автора и все особенности его судьбы, а в других – лишь тому, кто смотрит на произведение из глубин будущих веков [Лотман 1970].

Рассмотрим следующий контекст: *А Горбачёву все эти тридцать лет/ Каждую ночь снится звон тридцати монет – («А Горбачёву все эти тридцать лет»)*. Очевидным становится, что для верной интерпретации и определения интенции автора необходимо учитывать сразу несколько факторов: знать библейский сюжет предательства (плата – 30 сребреников), владеть информацией о личности М. Горбачева (историческая справка о событиях времен его правления), считывать авторскую оценку и формировать свою. Использование прецедентного имени и ситуации позволяет автору выйти за пределы содержания высказывания и выразить негативное отношение, связать деятельность описываемого субъекта с предательством и изменой. М. Горбачев, по мнению автора, является сознательным, идейным врагом России и русского народа.

Чтобы определить различие в прочтении текстов людьми с неодинаковым жизненным опытом, был проведен опрос, участие в котором приняло 85 человек. Среди них студенты-филологи 1 и 3 курса и преподаватели. Ниже демонстрируется различие формирования оценочности, возникающей в результате введения прецедентного имени: *Шарик земной как лишайный младенец обрит, / Новый Иуда готов для предательства в среду («Двадцатые годы»)*. По результатам опроса, ассоциативный фон, связанный с именем Иуды, составляют следующие понятия: предательство/предатель, ошибка, грех, дьявол, обман, глупость, выгода, однозначно позволяющие сказать, что оценка автора описываемых событий и оценка адресата совпадает.

Фоновые знания адресата определяют глубину понимания художественного текста. Если мы обратимся к прецедентному тексту, который встречается в одном из произведений В. Маленко, то сможем выделить несколько кругов, в состав которых будут входить адресаты с разным уровнем начитанности.

*Я часовую стрелку сохранил,
Чтобы с неё, как с ложки причащаться.
Не Беккет ли в Зарядье ждёт Годо? («Московская особа»)*

Из 85 опрошенных данный фрагмент смогли интерпретировать лишь 2 человека, что еще раз подтверждает его адресованность людям с богатым читательским опытом. Условно адресатов можно разделить на 4 группы: 1) Знакомо Зарядье и пьеса Беккета; 2) Знакомо Зарядье, но не известна

пьеса; 3) Не знакомо Зарядье, известна пьеса; 4) Не знакомы Зарядье и пьеса. Глубина понимания данного отрывка, подразумевающего бессмысленное ожидание Годо, абсурдность происходящих событий, актуальные вопросы послевоенного периода, смысл человеческого существования и существование Бога, снижается по мере удаления от первой группы адресатов, знакомых с сюжетом и особенностями постмодернистской литературы, имеющих представление о месте действия.

Особо интересны случаи, когда в качестве прецедента выступают цитаты, причем иногда источник их прямо обозначен, а иногда не назван по имени, но указан совершенно недвусмысленно, например, в стихотворении «Русское поле – туринская плащаница».

Голова моя машет ушами, как крыльями птица.

Я хочу быть понят своей страной.

Дорогая я вышел из дома сегодня вечером,

Чтобы снова уйти, чтобы снова уйти на полгода.

При подробном сопоставлении различных восприятий одних и тех же фактов читателями с разной апперцепционной базой более отчетливо проявляется адресация данного высказывания. Строки Лермонтова увидело 40 человек, Есенина – 11, Мандельштама – 11, Бродского – 8, Пушкина – 13, Маяковского – 12, Блока – 1, Высоцкого – 4. Блока многие не узнали, зато возникла ассоциация с песней Д. Билана («Я знаю точно, невозможное возможно») – представители групп погружены в разную информационную среду, что доказывает сужение аудитории, способной декодировать текст.

С одной стороны, может возникнуть ощущение, что адресатом является человек, хорошо знакомый с русской поэзией, имеющий богатый филологический (литературный) опыт. С другой стороны, это значительно сужает читательскую аудиторию, что вряд ли является целью автора. Можно предположить, что В. Маленко просто играет внешними текстами, создавая таким образом условия для многослойной коммуникации. Кроме того, автор может рассматривать упоминаемые тексты как естественные фоновые знания. Стоит также отметить, что в публикации В. Маленко авторы введенных прецедентных текстов прописаны, что позволяет расширить число потенциальных адресатов.

В аспекте адресованности важно учитывать различие жизненного опыта. Автор «разнообразит меру близости текста к читателю» [Лотман 1970], создавая отрывки, рассчитанные на широкое понимание любым читателем, либо требует постоянной включенности не только в данный текст, но и общего погружения в творчество. Подобную дифференциацию адресатов можно наблюдать в ранее упоминаемом стихотворении «Капитанскую дочку нужно знать наизусть»:

*Летний дождик в Попасной,
Побеждён Черномор.
А на площади Красной
В клетке мается вор.*

По степени полноты интерпретации данного фрагмента можно дифференцировать адресатов следующим образом: считали «Капитанскую дочку» А.С.Пушкина 85/85 опрошенных, узнали «Руслана и Людмилу» – 46/85, определил упоминание событий в Попасной 1 человек, а это в данном фрагменте является ключом к успешной интерпретации, так как позволяет установить связь происходящих политических событий с описанными в произведениях Пушкина: от проблематики до основных образов. В данном случае мы наблюдаем снижение количества адресатов, способных верно интерпретировать данный контекст, и можем отметить, что для части наблюдателей некоторые намеки недоступны для расшифровки. Это объясняется степенью погружения в творчество В. Маленко, владением информацией о политических событиях и идеологических предпочтениях автора.

Таким образом, отбор информации и использование прецедентных феноменов является важным средством выражения адресованности. Прецедентные тексты, имена, явления, введенные автором в контекст художественного произведения, позволяют обозначить потенциальных адресатов. Для верной интерпретации интенции автора необходимо обладать затекстовыми знаниями, жизненным и культурным опытом. Использование прецедентных феноменов в рамках категории адресованности можно рассматривать как игру автора с читателем или же как намеренную попытку дифференцировать адресатов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Серия литературы и языка, 1981. Т. 40. Вып.4. С. 356–367.
2. Бударagina, Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: специальность 10.02.01 "Русский язык": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бударagina Елена Ивановна. Москва, 2006. 21 с.
3. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72–80.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384с.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
6. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 78–100.

PRECEDENCE AS A FACTOR OF ADDRESSING IN POETIC TEXT

© *O.D. Prokurorova*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the means of forming the image of the addressee in the poetic texts of contemporary authors. The aim of the work is to determine the significance of various precedent phenomena in the lyrics of Vlad Malenko within the category of addressee, for which the method of discursive analysis is used. The article presents the most common precedent names, plots, and phenomena used by the poet, as well as analyzes the ways in which these phenomena are incorporated into the text. As a result of the study, it is concluded that the precedents introduced by the author into the context of the artistic work allow for the identification of potential addressees. To correctly interpret the author's intention, it is necessary to possess intertextual knowledge, life experience, and cultural background. Within the category of addressee, the inclusion of precedent phenomena in the text can be seen as the author playing with the reader or as a deliberate attempt to differentiate addressees.

Keywords: *category of addressee, precedent phenomenon, contemporary poetry, image of the addressee, discursive analysis.*

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ *НЕПАТРИОТИЧНЫЙ* И *НЕПАТРИОТИЧНО* КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» (ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА)

© *Н.В. Радбиль*

Аннотация. В работе рассматриваются новые результаты исследования оценочного потенциала производных лексем – репрезентантов концепта «патриотизм» в современной русской речи. В центре исследования находятся слова *непатриотичный* и *непатриотично*. Материалом для исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка. Показано, что чаще всего эти лексемы используются для выражения негативно-оценочной характеристики предмета, явления, свойства, отношения или процесса по признаку нехватки чувства патриотизма в том или ином аспекте. В некоторых случаях для слов, обозначающих отсутствие признака патриотичности, обнаружена неузуальная мена значки оценки с отрицательного на положительный. Делается вывод о неоднозначной рецепции концепта в языковом сознании: носители русского языка не принимают ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства, но при этом однозначно негативно оценивается и недостаток или полное отсутствие патриотизма.

Ключевые слова: *концепт «патриотизм», непатриотичный / непатриотично, корпусный анализ, оценочный потенциал, семантическое расширение, современная русская речь*

В работе рассматриваются новые результаты нашего продолжающегося исследования оценочного потенциала производных лексем – репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи, начатого в работах – см., например, [Наговицына 2018 и 2019]. Методы исследования базируются на принципах анализа «языка культуры» А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997], на принятой в Нижегородской научной школе методике комплексного описания концептов [Радбиль 2019], а также на методике когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Радбиль 2020]. Центральным понятием в квалификации оценочного потенциала является понятие семантического расширения, под которым мы понимаем разного рода смысловые и оценочные преобразования в духе работ [Радбиль 2006; Кронгауз 2008], которые возникают у единиц, формирующих концепт, в результате семантической или словообразовательной деривации.

Материалом для исследования являются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В настоящем исследовании освещается оценочный потенциал производных лексем *непатриотичный* и *непатриотично*. В соответствии с принятой методикой исследования сначала анализируются лексикографические данные. В большинстве словарей самостоятельная словарная статья, посвященная этому слову, отсутствует; исключение составляет словарь Т.Ф. Ефремовой: «НЕПАТРИОТИЧНЫЙ. Не отличающийся патриотизмом» [Ефремова-П 2000].

Прилагательное *непатриотичный* является антонимичным образованием на базе исходного *патриотичный* и наследует его лексикограмматическую характеристику – является качественным прилагательным. Это указывает на возможность появления и развития «отрицательного» свойства, точнее, отрицательной оценки недостатка свойства патриотизма: *Газета писала, что стороны не сообщали об этом, чтобы не давать противникам украинского президента повода для обвинения его в непатриотичном поведении* [НКРЯ]; *Впрочем, наблюдатели высказывают свои версии – не исключено, что Уткина попросили с Первого канала за непатриотичное высказывание в адрес нашей сборной и ее игры* [НКРЯ]; *Непатриотичными* респонденты сочли мечты о переезде в другую страну, наличие счетов за рубежом, второе гражданство и работу в организации-иноагенте [НКРЯ]; *Пожурить так называемых олигархов за их непатриотичную позицию, объявить на всю страну, что нам не нужны «реформы ради реформ» – это, несомненно, шаг вперед, по сравнению с ельцинской риторикой* [НКРЯ]

Качественный характер прилагательного как носителя отрицательной оценки, которая может мыслиться в большей или меньшей степени, подтверждается:

– возможностью образования краткого прилагательного: *«Это просто по меньшей мере непатриотично – раз, а во-вторых, экономически мы этого делать не позволим»*, – заключил Мантуров [НКРЯ]; *Согласен, что приведенные мной примеры нетипичны и тем более непатриотичны, принято писать совсем о другом – «одним махом семерых побивахом»* [НКРЯ]; *Стас поднялся со стула, закричал что-то вроде того, что это непатриотично и надо бы исполнить какую-нибудь отечествен-*

ную, русскую мелодию, но по всему было видно – он страшно доволен [НКРЯ]; Что касается патриотизма, то капитал, по сути, **непатриотичен** [НКРЯ];

– возможностью сочетания прилагательного с наречными показателями степени качества: Самолет у «Спартака» был **весьма непатриотичный**: раскрашен в бело-голубые цвета злейшего врага – московского «Динамо». [НКРЯ]; В нынешней ситуации оплата в долларах **явно непатриотична** [НКРЯ]; Онлайн-покер, например, **совсем непатриотичен** – вот если бы онлайн-дурак, козел или бура. [НКРЯ].

Та же «качественность», вернее, качественная негативная оценочность, наследуется при образовании на базе прилагательного **непатриотичный** наречного деривата **непатриотично**: Дело в том, что ударный раздел выставки составляют работы французских модернистов – Пикассо, Гогена, Сезанна, Матисса, Ван Гога, когда-то **непатриотично** закупленные в большом количестве русскими коллекционерами Щукиным и Морозовым [НКРЯ]; Но нашлись у этого строительства и неожиданные сторонники, которые дописались в петербургской прессе до того, что защитники археологического наследия на Охте **непатриотично** стремятся сохранить крепости интервентов-завоевателей [НКРЯ]; Это их решения подрывают у молодежи желание заниматься бизнесом, это от них убегает из страны капитал, бизнес **непатриотично** прячется в других юрисдикциях... [НКРЯ]; А Никиту Михалкова призвали противостоять всем, кто **непатриотично** очерняет страну [НКРЯ]; Сама Алессандра при этом **непатриотично** одевается в скромную Zara и Н М, но на работе готова на жертвы – надо же соответствовать представлением работодателям о прекрасном [НКРЯ]; ... тот, кто принимает такие решения, не верит в российских виноделов и поступает **непатриотично** [НКРЯ]; Американские левые интеллектуалы **непатриотично** рассуждают о том, что цель праздничного украшения – нажива... [НКРЯ].

Некоторые контексты свидетельствуют о появлении синтаксических условий, делающих возможность трактовать словоформу **непатриотично** как слово категории состояния: Например, китайские власти могут «разыграть национальную карту» так, что для китайцев станет **непатриотично** покупать гамбургеры, пить кока-колу или носить американ-

скую обувь, отмечает NYT [НКРЯ]; *Что-то там у нас непатриотично... А почему непатриотично?* [НКРЯ]; *Советы от любых «иноземных агентов» в сегодняшней политической атмосфере не в чести. К ним прислушиваться «непатриотично»...* [НКРЯ]; *Мало того что у нее израильское гражданство, так герои некоторых ее книг еще и ругаются матом. Непатриотично! Аморально!* [НКРЯ].

В ряде случаев мы имеем дело с моделями интенсификации негативной оценчности посредством контекстного окружения, когда интересующее нас слово помещается, например, в один ряд однородных членов с прилагательными, имеющими явную, эксплицитную негативную оценку: *«На случай, если вы пропустили, вот один из наиболее постыдных, непатриотичных и невежественных комментариев от нашего президента», – написал бывший дипломат* [НКРЯ]; *Велик соблазн назвать такой подход мелочным и непатриотичным* [НКРЯ]; *Вот эти мои слова, очевидные для всех, но лицемерно считавшиеся ложными и вредными («непатриотичными»), и были теперь инкриминированы мне* [НКРЯ]; *Шихан и Дэвис, с помощью таких резких высказываний персонажа показывали его точку зрения как не только бесчеловечную, но и непатриотичную* [НКРЯ]; *Прежде они раздражали «стариков»: слишком крикливы и непатриотичны* [НКРЯ].

То же можно видеть для наречий: – *К чему громкие слова, Борис, «подло, нечестно, непатриотично»* [НКРЯ]; *Глупо, пошло, лицемерно и высоко непатриотично. Только очень плохой либо неприлично глупый патриот может говорить такие неопрятные слова под флагом патриотизма* [НКРЯ];

– и слов категории состояния: *Сейчас не упомянуть Пастернака, если речь идет о поэзии, просто неприлично. И непатриотично* [НКРЯ]; *Человек просто смотрит на американский флаг, а вы сразу: «Фу, как непатриотично, кошмар»* [НКРЯ].

В других случая интенсификация негативной оценки может наводиться посредством атрибутивной сочетаемости прилагательного с определяемым словом – носителем эксплицитной негативной оценчности: *Он был готов признать даже частицу чужеземной власти, если бы только она умиротворила партии, прекратила раздоры и обуздала мелкое честолюбие маленьких тиранов и непатриотичное самодовольство общин*

и династий. [НКРЯ]; – или со стилистически сниженным определяемым словом: *К примеру, вышел из строя у какой-нибудь **непатриотичной** бабки счетчик* [НКРЯ].

Явления неузуального семантического расширения наблюдаются в случаях, когда прилагательное непатриотичный сочетается с существительным, в норме не подлежащим оценки с позиции нехватки патриотического чувства, например:

(а) с именем собственным – личным именем, в том числе прецедентным: – *Поселите сюда, в Чумку, любого городского жителя, и он через неделю отдаст ее Китаю, – улыбнулся **непатриотичный** Геннадий, – лишь бы свалить отсюда!* [НКРЯ]; ... и в целом либретто идет по тексту «Горя от ума», однако со вкраплениями из **непатриотичного** Чаадаева в устах главного героя... [НКРЯ];

(б) с обозначением лиц по тендерному или возрастному признаку: *Кроме того, **непатриотичному** ребенку пишут замечание в дневник* [НКРЯ]; *И что после такого вступления «**непатриотичного**» подростка оставалось поделаться президенту французской республики Жаку Шираку?* [НКРЯ];

(в) с названием предметов быта или изделий, в том числе печатной продукции: *Она лихо справлялась с мотоциклом, а после рюмки **непатриотичного** коньяка любила выкурить сигару-другую* [НКРЯ]; *А в качестве кандидата регистрируется только тот, кто уже лишился «**непатриотичных** денег»* [НКРЯ]; *«**Непатриотичные**» книжки Петерсон не понравились эксперту-словеснику («КП» об этом уже писала).* [НКРЯ];

(г) с абстрактным существительным, обозначающим целый фрейм, по сути, нейтральный по отношению к оценочной реакции по признаку патриотизма: *Впрочем, до этого Алию уже обвиняли в «**непатриотичном**» выборе супруга* [НКРЯ];

(д) с существительным, обозначающим явления языка и речи, семиотические явления: *С предложением убрать **непатриотичное** прилагательное выступил один из чиновников округа Палм Бич ...* [НКРЯ]; *«Единая Россия» предложила оградить детей от **непатриотичной** информации* [НКРЯ].

Также к явлениям неузуального семантического расширения мы относим случаи контекстуальной мены знака оценочности на противополож-

ный, когда свойство непатриотичности оценивается говорящим как положительное – посредством сочетаемости со словами, имеющими эксплицитную позитивную оценку: *Факт: теперь выходит, что правда – очень непатриотичная вещь* [НКРЯ].

В этих случаях можно говорить о наведении инференции – информации, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. [Кубрякова 1996]. В данном фрагменте наводится инференция: ‘непатриотичное – это что-то истинное, не зависящее от социальных, политических, идеологических установок и пристрастий’.

В целом наше исследование еще раз подтвердило значительный оценочный потенциал производных признаков лексем, воплощающих концепт «патриотизм» в русской речи. Также отметим существенные возможности семантического обогащения этих лексем в речевых практиках носителей русского языка за счет расширения сочетаемости, в том числе – даже изменения знака оценочности с негативного на позитивный или наоборот. Это еще раз доказывает неоднозначность рецепции концепта «патриотизм» в современном языковом сознании: носители русского языка не принимают ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства. Но при этом однозначно негативно оценивается и недостаток или полное отсутствие патриотизма – непатриотичные чувства и отношения, действия и поступки.

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.
3. Кубрякова Е.С. Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. II. 1088 с.

5. Наговицына Н.В. Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. научн. статей. В 2-х т. Т. II. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 270–277.

6. Наговицына Н.В. Оценочный потенциал лексем – репрезентантов концепта *ПАТРИОТИЗМ* в русском языке // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова. отв. ред. Н.А. Воскресенская. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 109–114.

7. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дисс. ... докт. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. М.: 2006. 495 с.

8. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

9. Радбиль Т.Б. "Самоизоляция" как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4). 759-774.

EVALUATIVE POTENTIAL OF THE LEXEMES *NEPATRIOTICHNY* (*UNPATRIOTIC*) AND *NEPATRIOTICHNO* (*UNPATRIOTICALLY*) AS REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT “PATRIOTISM” (ACCORDING TO THE DATA OF CORPUS ANALYSIS)

© N.V. Radbil

Abstract. The paper examines new results from a study of the evaluative potential of derived lexemes—representatives of the concept “patriotism” in modern Russian speech. The study focuses on the words *nepatriotichny* (*unpatriotic*) and *nepatriotichno* (*unpatriotically*). The material for the study is the language data of the Russian National Corpus. It is shown that most often these lexemes are used to express a negative evaluative characteristic of an object, phenomenon, property, relationship or process on the basis of a lack of a sense of patriotism in one aspect or another. In some

cases, for words denoting the absence of a sense of patriotism, a non-usual change of evaluation signs from negative to positive was discovered. The conclusion is drawn about the ambiguous reception of the concept in the language consciousness: Russian native speakers do not accept the false and ostentatious, as well as the overly affected nature of patriotic feeling, but at the same time, the lack or complete absence of patriotism is also clearly accepted negatively.

Keywords: *concept “patriotism”, nepatriotichny (unpatriotic) and nepatriotichno (unpatriotically), corpus analysis, evaluative potential, semantic expansion, modern Russian speech*

МОДЕЛИ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА «ЯЗЫКА ЦЕННОСТЕЙ» В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА¹

© Т.Б. Радбиль

Аннотация. В работе представлены промежуточные итоги проекта по когнитивно-дискурсивному исследованию имплицитной оценочности единиц и выражений естественного языка по корпусным данным. Цель исследования – количественный анализ оценочного потенциала русских событийных глаголов *произойти*, *случиться*, *сбыться* и *свершиться* и последующая качественная интерпретация полученных результатов. Использована методика выявления оценочных «семантических аур» нейтральных в системно-языковом аспекте единиц языка на большом массиве корпусных данных. Материалом для анализа являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Показано, что глаголы *произойти* и *случиться* имеют существенный дрейф в сторону реализации негативной оценочности. Напротив, глаголы *сбыться* и *свершиться* в своей текстовой актуализации отражают существенное преобладание оценочности положительного знака. Делается вывод о наличии внеязыковых, когнитивных и культурных, предпосылок для развития разнообразного оценочного потенциала у изначально внеоценочных, нейтральных событийных глаголов русского языка.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный анализ, количественный подход в лингвокультурологии, «язык ценностей», имплицитная оценочность, Национальный корпус русского языка, событийные глаголы

В работе представлены некоторые результаты осуществляемого нами. проекта по когнитивно-дискурсивному исследованию имплицитной оценочности единиц и выражений естественного языка по корпусным данным. Материалом для анализа являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Методологической базой исследования являются принципы когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, представленные в работах [Радбиль 2020; Чернявская 2023].

Определение ценностных компонентов в семантике языковых выражений является одним из важнейших направлений в современных междисциплинарных научных штудиях по изучению «семантики культуры», или, говоря нетерминологически – «языков национальной культуры» [Радбиль 2019]. Главной проблемой в этой области видится проблема обнаружения и

¹ **Финансирование:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

последующей интерпретации объективно существующих в языке маркеров выражения ценностей, которые, как правило, присутствуют в семантике слов и выражений естественного языка в имплицитном формате. Ведь языковая оценка, по афористическому выражению Н.Д. Арутюновой, «столь же неуловима, сколь и вездесуща» [Арутюнова 1999: 183]. При этом сами носители языка понимают, что такое хорошо, и что такое плохо, и они безошибочно, с легкостью пользуются разнообразным арсеналом оценочных средств, который предоставляет в их распоряжение язык. «Легкость оперирования «языком ценностей» не отменяет сложности его устройства» [Радбильт 2011: 569]. Иначе говоря, языковая оценка с трудом поддается исследовательской объективации именно в качестве таковой.

Мы предположили, что объективировать наши представления о наличии тех или иных ценностных компонентов в семантике слова или выражения нам может помочь, так сказать, анализ «больших данных», эмпирический материал для которого могут дать корпуса текстов. В зарубежной лингвистике усилиями Дж.Р. Фёрта и Дж. Синклера был обнаружен феномен «семантической ауры» слова, именуемой иногда «(семантической) просодией», т.е. некоего, не всегда осознаваемого носителями языка и не фиксируемого словарями ассоциативно-смыслового фона слова, как правило, оценочной природы, который стабильно и регулярно выводится из совокупности всех контекстов употребления данного слова: «аура» выявляется при анализе повторяющихся или сходных по смыслу коллокатов интересующего нас слова (единиц минимального контекстного окружения) [Firth 1957; Sinclair 1991]. В эпоху расцвета корпусов эта идея получила существенную научную валидность и мощный потенциал для квантитативного обоснования: ведь выявление огромного массива контекстов стало делом одной минуты. В наше время это направление представлено контекстуально-просодической теорией, разработанной Б. Лоу, которая основывается на исследовании глубинной семантики слов или словосочетаний посредством фронтального анализа контекстов их вхождений в референциальных корпусах данного языка [Louw 1993]. Предполагается, что именно подобный путь позволит нам объективировать наши представления о «языке ценностей», воплощенном в речевой практике носителей языка.

В центре исследовательского внимания находятся глаголы с семантикой события / происшествия. Отправной точкой исследования является

наблюдение уже упомянутого Дж. Синклера о том, что английское слово *happen*, оказывается, имеет негативную ауру примерно в 70 % случаев из выборки контекстов его употребления, что, разумеется, не фиксирует ни один словарь. Это наблюдение подтверждается и простым фактом: всем известный исключительно частотный вопрос в бытовой диалогической коммуникации типа *Что случилось?* имплицитно, как правило, предполагает задающего этот вопрос о том, что случилось что-то плохое. Иными словами, люди чаще говорят о том, что произошло / случилось что-то плохое, нежели о том, что произошло / случилось что-то хорошее.

Предлагается следующий кластер событийных глаголов: **Произойти – случиться – возникнуть – появиться – совершиться – свершиться – состояться – осуществиться – исполниться – сбыться**. Условно их можно разделить на две смысловые группы: на одном полюсе глаголы, в которых описываются события, происходящие во внешнем мире или с человеком безотносительно к его возможным ожиданиям: базовый глагол здесь – **произойти (происходят обычно события)**; на другом полюсе глаголы, в которых происходящее так или иначе соотносится с ожиданиями субъекта, т.е. в семантику которых включен «человеческий фактор»: базовый глагол – **осуществиться (события не могут осуществляться, свершаться, сбываться)**.

В наших исследованиях количественному лингвокультурологическому анализу на основе корпусных данных подвергались контексты употреблений слов, принадлежащих к первой группе: *произойти* и *случиться*, а также глаголы второй группы *сбыться* *свершиться*.

Была проведена кластеризация. Для начала мы решили ограничиться только глаголами, которые выражают представление об уже произошедших / случившихся событиях, и рассмотреть только глагольные лексемы совершенного вида. Анализ проводился отдельно по трем кластерам: (1) глаголы прошедшего времени в 4 формах – типа *произошел, произошла, произошло, произошли*; (2) глаголы простого будущего в двух формах – типа *произойдет, произойдут*; (3) инфинитив – *произойти*. Для каждого из кластеров была произведена сплошная выборка по первым ста вхождениям в корпус, затем выявленные контексты подвергались интерпретации с точки зрения наличия или отсутствия в них оценки (всего, таким образом, получилось по 300 примеров по каждому из 4 глаголов в двух груп-

пах). Проще говоря, мы оценивали, **произошло, случилось, сбылось, свершилось ли**, с точки зрения говорящего, что-то хорошее или что-то плохое. Использовалась методика, примерно схожая с «ручной разметкой» сентимента в разнообразных компьютерных методиках определения эмоциональной тональности текста (сентимент-анализа) [Prabowo, Thelwal 2009]: контекст употребления интересующего нас слова квалифицировался как позитивно-оценочный, нейтральный (нулевой) или негативно-оценочный.

Непосредственная процедура исследования предполагает три этапа: сначала рассматриваются системно-языковые значения тестируемых языковых единиц по данным словарей, затем в выборке массива расширенных контекстов из корпуса фиксируются возможные оценочные сдвиги в словоупотреблениях, и наконец проводится количественный анализ частотности встречаемости оценки того или иного знака.

Начнем с глаголов первой группы – *произойти* и *случиться*. На предварительной стадии анализа словарей выяснилось, как и ожидалось, что ни в словарных толкованиях, ни в стилистических пометах для этих глаголов нет ни малейшего указания на какую-либо оценочность. ПРОИЗОЙТИ: «1. **Случиться, совершиться**. 2. (от кого чего) Возникнуть как следствие, результат ч.-н., проистечь. 3. (от кого чего) Родиться в том или ином поколении. 4. (что) Усвоить ч.-н., овладеть ч.-н., стать мастером в ч.-н. (*устар.*) [МАС-III 1987]; СЛУЧИТЬСЯ: «1. (1 и 2 л. не употр.) **Произойти, совершиться**. 2. (безл., с неопр.). Прийтись, выпасть на чью н. долю. 3. Случайно оказаться, обнаружиться (разг.)» [МАС-IV 1988].

Однако, согласно нашей концепции, языковая оценка не обязательно выражена в лексеме эксплицитно, входя в ее семантику как компонент толкования или в качестве обязательного семантического следствия, т.е. в форме коннотации. Оценка может быть наведенной в словоупотреблении посредством его словесного окружения, так называемых коллокатов, иначе говоря, оценка может быть имплицитной. Именно рефлекс наведенной, отраженной или приобретенной оценочности негативного или позитивного типа и демонстрируют корпусные данные.

Ниже мы продемонстрируем примеры нашей «разметки», ведь выявление наличия или отсутствия имплицитной ценностно значимой инфор-

мации требует известной сноровки. С точки зрения, так сказать, строевых особенностей выделено 4 типа контекстов.

(1) в предельно простом случае негативная или позитивная оценка имплицитруется заполнением валентности на актант словом с негативной семантикой (*произошло несчастье, случилась беда*), с позитивной семантикой (*произошло что-то хорошее, случилась большая любовь*); также возможны употребления при актантах с нейтральной, внеоценочной семантикой:

Наведенная негативная оценочность: *Как стало известно "МК", трагедия произошла 15 декабря 2003 года [НКРЯ]; Обратите их светом внутрь, и случится катастрофа [НКРЯ];*

Наведенная позитивная оценочность: *Много хорошего может произойти с людьми за 10 лет [НКРЯ]; Было Сеньке 2 с небольшим года. И однажды случилась в его жизни большая любовь. Нет. Не так. Большая Любовь [НКРЯ]*

Нейтральные (внеоценочные) употребления: *Тогда же произойдёт утверждение на посту председателя ЦВС председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК 61-летнего Ху Цзиньтао [НКРЯ]; Что случится? Ничего не случится [НКРЯ].*

(2) негативная или позитивная оценка наводится в предыдущей или последующей пропозиции (в составе сложного предложения или автономной), расшифровывающей смысл семантически пустого непосредственного актанта (*это, то, что, такое* и пр.):

Наведенная негативная оценочность: – *Ничего, – скучно ответил 48100, – но я сдохну именно от сердца, и это произойдёт в самые первые дни войны [НКРЯ]; И уже перестаёшь задумываться, как, например, случилось, что этот симпатичный маг вдруг из положительного героя превратился в отрицательного [НКРЯ];*

Наведенная позитивная оценочность: *Впереди у меня столько лет в теннисе, что, я надеюсь, будет ещё не одна возможность стать первой ракеткой, если это по какой-то причине не произойдёт на этой неделе [НКРЯ];*

Нейтральные (внеоценочные) употребления: *Помню, кто-то говорил (когда я был еще в школе и ненавидел ее всеми фибрами своей души), что это вы сейчас так говорите, а вот закончите школу, поступите в*

*институт и будете вашу школьную пору вспоминать с бывшими одноклассниками очень часто и очень тепло. В общем, так и **произошло** ж...* [НКРЯ].

(3) Оценочность разного знака может наводиться в пределах так называемого **расширенного контекста** посредством имеющихся в нем слов, эксплицитно выражающих негативную или позитивную оценочность, а также всем содержанием фрагмента. Мы имеем дело со своего рода амфиболией – нагромождением в контексте слов, выражающих ту или иную оценку.

Наведенная негативная оценочность: *Директор думал о ней и ходил. Ходил по комнате, подходил к столу, пил прямо из горлышка холодный горький чай и прикидывал, что же тогда **произойдёт**. Что будет со мной, с Корниловым, со всем музеем в тот день, когда заработают призовые пункты, подвалы окажутся вдруг не подвалами, а бомбоубежищами, а он не директором музея, а командиром какой-то части [НКРЯ];*

Наведенная позитивная оценочность: *Пусть это случится с каждым из нас, чтобы каждый из нас возродился – с одной стороны, через ужас о прошлом, с другой стороны, через ликование, что мы так любимы Богом и что так легко было бы любить друг друга, служить друг другу, быть внимательными, строгими и ласковыми одновременно* [НКРЯ];

Нейтральные (внеоценочные) употребления: *Сообщающиеся сосуды (рис. 16. 4) частично заполнили водой и кран К закрыли. Через некоторое время обнаружили, что при неизменной температуре окружающего воздуха и воды **произошло** изменение уровней воды. Какое изменение уровней воды **произошло** в коленях сообщающихся сосудов и почему?* [НКРЯ]

(4) Также мы выделяем контексты наведения имплицитной негативной или позитивной оценочности посредством прагмалингвистического механизма **инференции** – информации, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. [Болдырев 2014]:

Наведенная негативная оценочность: *Постарайтесь объяснить пострашнее, что может произойти с астматиком, если он будет курить* [НКРЯ] → наводится инференция ‘что может произойти плохого’;

Наведенная позитивная оценочность: *Таким же напряжённым, ещё не осознавшим, что с ним случилось, новый олимпийский чемпион предстал перед журналистами...* [НКРЯ] → наводится инференция ‘случилось что-то хорошее’.

На завершающем этапе исследования осуществляется количественный анализ размеченных данных. Наши наблюдения показали для слова *произойти* – 53% контекстов негативной оценочности на фоне 26% нейтральных и 21% положительных употреблений, а для слова *случиться* – около 60% (58, 5%) контекстов негативной оценочности на фоне 20% нейтральных и 21,5% положительных употреблений. Это, конечно, не дотягивает до синклеровских 70%, но все же это довольно большой и значимый статистический показатель «веса» негативно-оценочных контекстов в общем массиве проанализированных употреблений, что позволяет верифицировать определенный «дрейф» в употреблении этих глаголов в сторону наведенной отрицательной оценки.

Это выводит нас на проблему возможной интерпретации полученных данных. Можно предположить, что проявление негативно-оценочной ауры у слов *произойти* и *случиться* вызвано общечеловеческими особенностями когниции, согласно которым людям в опыте взаимодействия с окружающей действительностью важнее подробно обозначить отклонения, отступления от нормы, чтобы знать, откуда опасность. На это накладываются и национально обусловленные установки на непредсказуемость мира, характерные для русской языковой картины мира: события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими.

Аналогично анализировались два слова второй группы – *сбыться* и *свершиться*, в концептуальной схеме которых происходящее так или иначе соотносится с ожиданиями субъекта, т.е. в семантику которых включен «человеческий фактор». Для глаголов второй группы также в словарных толкованиях и в стилистических пометах для глаголов *сбыться* и *свершиться* нет ни малейшего указания хоть на какую-либо оценочность.

СБЫТЬСЯ: «(1) **осуществиться, исполниться**» [МАС-IV 1988]. В словаре В. И. Даля встречается важное в плане концепции нашего исследования указание на соотношение происходящего с проспективной сферой человека: «Исполняться, совершаться, дѣлаться, случаться по думаному, гаданому, предположенному» [Даль-IV 1999]. **СВЕРШИТЬСЯ:** (1) 'произойти'; (2) 'осуществиться, исполниться'; (3) '**стать реальным, сбыться**' [БАС 1962]. В словаре В.И. Даля также акцентируется интересующий нас в плане нашего исследования смысл преосуществления чего-либо: 'быть свершаему; сдѣлаться, стать, исполниться' [Даль-IV 1999].

Далее анализ проводился по уже охарактеризованной выше схеме. В сокращенном формате приведем некоторые образцы извлеченных контекстов:

Наведенная позитивная оценочность: *Самые смелые надежды сбылись – мы стояли перед воротами хлебозавода [НКРЯ]; А если все сложится, то свершится наша большая мечта [НКРЯ];*

Наведенная негативная оценочность: *Через несколько лет угроза начала сбываться [НКРЯ]; Кража свершилась зимой, и вора довольно быстро отыскали по следам на снегу [НКРЯ];*

Нейтральные (внеоценочные) употребления: *Я не помню ни одного прогноза, который бы сбылся, но все-таки [НКРЯ]; Вот, скажем, у самого Минкультуры свершился неделю назад переезд в здание в Леонтьевском переулке [НКРЯ].*

Корпусный анализ глаголов второй группы выявил прямо противоположные результаты в сравнении с глаголами первой группы. Обнаружено преобладание контекстов с имплицитной позитивной оценочностью. Так, анализ глагола **сбыться** показал, что его ценностный потенциал, напротив, явно тяготеет к позитивной оценочности, в силу того что сбываются обычно чаяния, надежды, мечты. Выявлено 54% контекстов позитивной оценочности на фоне 33,5% нейтральных и всего 12,5% негативно-оценочных употреблений. Аналогично глагол **свершиться** дал такие результаты: 56,3% контекстов позитивной оценочности на фоне 30,0% нейтральных и всего 13,7% негативно-оценочных употреблений, т.е. результаты соотносимы с глаголом **сбыться**. Иначе говоря, если люди чаще говорят о том, что произошло или случилось что-то плохое, нежели что-то хорошее, то для **сбыться** и **свершиться** мы видим обратную картину:

люди чаще говорят о том, что сбылось или свершилось что-то хорошее, нежели что-то плохое.

Контенсивная интерпретация полученных данных количественного анализа заключается в следующем. Дело в том, что в концептуальную схему глаголов *сбыться* и *свершиться*, за счет компонента 'стать, сделаться реальным' входит имплицитно обязательное представление о соотношении объективно происходящих событий с некими планами, ожиданиями субъекта, т.е. со сферой надежд и мечтаний. А человеку свойственно надеяться на лучшее, мечтать о чем-то благоприятном, даже если это и не осуществляется. Предпочтение благоприятных ожиданий, предчувствий, предположений над неблагоприятными в проспективной сфере человеческого существования и является, на наш взгляд, причиной доминирования наведенной позитивной оценочности для глагола *сбыться* / *сбываться*.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 235 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Рипол-Классик, 1999. Т. IV. 1144 с.
4. Радбиль Т.Б. "Язык ценностей" в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №. 6. Ч. 2. С. 569–573.
5. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
6. Радбиль Т.Б. "Самоизоляция" как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). М.: Русский язык, 1985–1988. Т. III. П–Р. 1987. 752 с.; Т. IV. С–Я. 1988. 800 с.

8. Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 58–72. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72.

9. Firth J. R. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: OUP, 1957. 233 p.

10. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 152-176.

11. Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach // Journal of Informetrics, 3(2), 2009, pp. 143–157.

12. Sinclair J.M. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.

MODELS OF CORPUS ANALYSIS OF THE “LANGUAGE OF VALUES” IN THE DISCOURSE PRACTICES OF MODERN RUSSIAN NATIVE SPEAKERS¹

© T.B. Radbil

Abstract. The paper presents the interim results of a project on cognitive-discursive research into the implicit evaluation of natural language units and expressions using corpus data. The object of the study is a quantitative analysis of the evaluative potential of Russian event verbs *proizoyti* (to happen), *sluchit'sya* (to occur), *sbyt'sya* (to come true) and *svershit'sya* (to be realized) and subsequent qualitative interpretation of the results obtained. The methods of identifying evaluative “semantic auras” of language units that are neutral in the system-linguistic aspect were used to on a large array of corpus data. The material for analysis is contexts extracted from the Russian National Corpus. It is shown that the verbs *proizoyti* (to happen) and *sluchit'sya* (to occur) have a significant drift towards the implementation of negative evaluation. On the contrary, the verbs *sbyt'sya* (to come true) and *svershit'sya* (to be realized) in their textual actualization reflect a significant predominance of evaluativeness of the positive sign. It is concluded that there are extra-linguistic, cognitive and cultural, prerequisites for the

¹**Acknowledgements:** The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>
380

development of diverse evaluative potential in initially non-evaluative, neutral event verbs of the Russian language.

Keywords: *cognitive-discourse analysis, quantitative approach in linguoculturology, “language of values”, implicit evaluativeness, Russian National Corpus, event verbs*

МЕДИЙНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ АНТРОПОНИМОВ¹

© Л.В. Рацибурская

Аннотация. В статье рассматриваются современные медийные новообразования на базе антропонимов в социокультурном и лингвокогнитивном аспектах: характеризуются наиболее продуктивные словообразовательные модели и функциональная специфика отантропонимических неoderиватов в медиатекстах.

Ключевые слова: антропонимы, словообразование, новообразования, словообразовательные средства, медиа.

В последние десятилетия особую актуальность приобрели когнитивно ориентированные исследования новообразований в различных видах дискурса, «потому что за новыми явлениями в языке всегда стоят определенные форматы знания о мире, ценностные приоритеты и речеповеденческие установки говорящих» [Радбильт 2021: 641]. В этом аспекте научно значимыми являются новообразования на базе антропонимов в современных медийных текстах.

Антропоцентрические тенденции в современных деривационных процессах проявляются в вовлечении в медийное словотворчество антропонимов, имён социально значимых фигур, известных политических деятелей, представителей бизнеса и поп-культуры. Исследователи отмечают идеологическое использование антропонимов в эпоху информационных войн как своеобразное отражение политического противостояния в обществе, как эффективное средство создания определенного имиджа (политика, общественного деятеля, медийной персоны, фигуры шоу-бизнеса) [Клушина 2002]. Отантропонимические новообразования «производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» [Плотникова 2011: 186].

Среди отантропонимических производных в медийных текстах представлено большое количество суффиксальных дериватов с суффиксами *-ец*, *-ист*, которые называют «лицо, по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т.п. взглядам являющееся сторонником того, что

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

названо или кто назван мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016: 394]: **Собянинец** (С. Собянин – мэр Москвы. – Авт.). *Гильфанов вышел из СИЗО на гололед* (Новости Русспрес, 20.12.2016); *Необходимо сделать все для защиты человеческих жизней – заявил ярый меркелец Штеффен Зайберт* (Конт, 16.07.2016); *Да и не при авторитаризме бывают накладки – провалили же клинтонисты социологию* (NEWSru.com, 18.11.2016); *За первые месяцы команда Трампа разделилась на два условных лагеря: с одной стороны оказались убежденные **трамписты** с другой – фигуры более привычные для республиканского истеблишмента* (Независимая газета, 21.02.2017); *Брусникинцы* (актеры мастерской Дм. Брусникина) задают ритм действию (KP.RU, 10.05.2022); *Следственными органами была раскрыта и еще одна кража, когда «пригожницы» в результате ограбления квартиры присвоили себе имущество <...>* (news.nn.ru, 13.07.2023).

«Подобные новообразования оперативно реагируют на интенсивную динамику общественных процессов и часто негативно характеризуют определенного политического деятеля и его сторонников» [Социокультурные... 2018: 73].

Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля в последнее время стал использоваться суффикс *-оид* с семантикой подобию, а также заимствованный из английского языка суффикс *-гейт* со значением ‘политический скандал’: Но «эпоха» **ельциноидов**, разрушителей и откровенных воров прошла (<https://politchub.livejournal.com/5926387.html>); *Российская армия усилиями **ельциноидов** была доведена до положения обтрепанной нищенки* (https://ruskline.ru/analitika/2013/05/02/elcin_elcinizm_elcinoidy); **Трампоноиды**, **трамписты** наши доморожденные, считают, что Трамп может с кем-то договориться (Вести FM, 07.11.2022); О чём умолчал Обама в своём обращении: «**Хиллари-гейт**» всё-таки возможен (Московский комсомолец, 13.01.2016); **Трампгейт** состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия (Макспарк, 14.01.2017); Чем полезен «**Слуцкий-гейт**»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и

каждого (Коммерсантъ, 26.03.2018); *Все это, получившее название **Скрипальгейта**, уже порядком надоело* (НТВ, 09.02.2019). Использование суффиксоида/суффикса-гейт ученые считают популярным манипулятивным приемом, связывая его с частотой скандалов, вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов [Коряковцева 2016].

На базе имен ключевых фигур современности создаются новообразования с суффиксами *-(из)аци(я), -изм, -инг*, называющие идеологические направления, идейно-политические течения, процессы, связанные с тем или иным политиком: *В Швеции языковеды официально приняли в обращение слово «**трампизация**», появившееся после многочисленных выступлений избранного американского президента Дональда Трампа в ходе предвыборной гонки* (Life, 01.01.2017); *стремительная **бандеризация** Украины* (Россия-1, 18.02.2018); *«**Трампизм**» – это решение кризиса неолиберализма* (Кто в курсе, 16.11.2016); *Эту сложную задачу приходится сейчас выполнять **клинтонизму*** (The экономист, 01.06.2016); *Классический **киссинджеризм**, политика балансирования* (Вести FM, 19.08.2022); *Надеюсь, «**псакинг**» как форма общения со СМИ приказал долго жить* (Свежие новости, 19.02.2017); *Те, кто «за», придумали новый термин «**шольцинг**», который обозначает нерешительность* (Россия-1, 28.01.2023); *Обыкновенный **шольцизм*** (1-й канал, 04.04.2023). В последнем заголовке обыгрывается название фильма М. Ромма «Обыкновенный фашизм».

Подобные новообразования в большинстве своем имеют негативную оценочность, как и новообразования с суффиксом *-цин(а)* с оттенком неодобрения: *...экономическая беда, в которую нас загнали **гайдаровщина** и **кудринщина*** (Россия-1, 05.11.2015); *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас **трамповщина**, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки* (Iron post, 14.11.2016); *Что касается «**навальновщины**» как таковой, в том числе нижегородского митинга, то это политическая провокация «пчёл против мёда»* (Заноза, 28.03.2017); ***Малаховщина** (заголовок). Как поставить заслон грязи и пошлости на нашем телевидении* (www.stoletie.ru, 23.06.2023). В качестве исходных могут выступать имена культурно значимых фигур: *Откуда в них столько театральщины, **додинщины?*** (радио «Комсомольская правда»,

16.12.2022); *Начинается глубокая **ремарковищина**, но без Ремарка* (Россия-1, 13.07.2023).

Префиксальные новообразования на базе антропонимов образуются значительно реже, чем суффиксальные. Обычно они нарушают словообразовательную норму, поскольку префиксы, как правило, не сочетаются с именами собственными. Наибольшую активность проявляют префиксы *недо-* с семантикой недостаточности, *анти-* с семантикой отсутствия, отрицания, *псевдо-* со значением неистинности, ложности: *Он как бы «недо-Трамп»* (РИА Новости, 02.02.2016); *Макрон, этот недонаполеончик, пытается рассуждать о православии* (Россия-1, 24.10.2022); *За яркость выражений Захарову даже прозвали «Анти-Псаки»* (Теория дискредитации, 11.08.2015); *Здесь участники «Антитрампа» начали стрелять* (Ivasi.news, 10.11.2016); *Операция Запада под условным названием «Антиздорган» главной целью ставит сохранение Турции в НАТО, но без ее нынешнего правителя* (Русская народная линия, 11.06.2016); *В случае с Каиром нашёл своё наглядное проявление свойственный и другим государствам мира феномен «антиКлинтон», то есть подход «кто угодно, только не она»* (Вся правда, 15.11.2016).

Новообразования с данными префиксами обычно выражают негативную оценку, хотя при использовании размерно-оценочных префиксов возможна и позитивная оценка: *Мегга-Герд. Пожалуй, вся жизнь Зиновия Герда, столетний юбилей которого 21 сентября отмечала вся страна, была вопреки* (Новое дело. Нижний Новгород, 29.09.2016).

Префикс *про-* со значением 'действующий, осуществляемый в пользу того, кто (что) имеет признак, названный мотивирующим прилагательным' [Лопатин, Улуханов 2016: 202] образует неогериваты на базе антропонимических прилагательных: *CNN такие **пробайденские!*** (радио «Комсомольская правда», 09.06.2023). Позитивная оценочность, возможная благодаря префиксу, нивелируется негативной оценкой автора личности, названной антропонимом.

На базе антропонимов в медийных текстах создаются и сложные новообразования: *Ходят слухи, что никакого Ленина там нет, там лежит какой-то **ленинозаменитель*** (радио «Комсомольская правда», 07.02.2023). К сложным неогериватам примыкают также новообразования с исконными суффиксоидами (*-пад*): *Это явление уже называли **пуш-***

кинопадом (Россия-1, 04.09.2022) – о сносе памятников на Украине. В сложных неодериватах оценочность, часто негативная, обусловлена семантикой исходных слов (основ).

Популярными новообразованиями на базе антропонимов в медийных текстах последних десятилетий стали неодериваты с компонентами *-мания, -фобия*, называющие болезненное влечение к кому(чему)-либо и боязнь кого(чего)-либо: *От обамамании до обамифобии всего один президентский срок* (Россия-1, 08.12.2015); *Зато она поведала мне, как видится «клинтонофобия» из Иерусалима* (Postimees, 28.10.2016); *Возможно, потому, что трампомания, трампифобия и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно перехлёстывают через край и внутри США, и во всём мире* (Завтра, 12.07.2017).

В медийном отантропонимическом словотворчестве используются также неузальные деривационные модели, в которых проявляется игровая составляющая современных СМИ. Игровым эффектом обладают контаминированные новообразования: *Вы захотите иметь дело с такой... даже не знаю, как это назвать. «Киллари» начинала свою политическую карьеру с Уотергейта...* (Завтра, 2016, № 28) – киллер + Хиллари; **Трампокапсис**: *Европа шокирована итогами выборов в США* (ТВЦ, 09.11.2016) – Трамп + апокапсис; *Вот и славно, Трамп-пам-пам. Как теперь вести диалог с Америкой* (Аргументы и факты, 2017, № 4) – Трамп + трам-пам-пам; **«Гласность»** – норма жизни. *Ведущий самого популярного в мире англоязычного социального радишоу «This American Life» Айра Гласс – упрямый, вредный и твердый как скала журналист* (Медиагруппа Журналист, <http://jrnlst.ru/february2-18>, 15.02.2018) – Гласс + гласность; *...бывает Ален Делон, а бывает Ален недоДелон* (1-й канал, 14.08.2018); **«Давабузики»** возвращаются. *В сети обсуждают возможное воссоединение Давы и Бузовой* (Priamur Media.ru, 23.11.2023). **Что байденомика** означает на самом деле? (Россия-1, 02.07.2023) – Байден + экономика. В последнем случае отдельные исследователи выделяют суффиксальный элемент *-номик(а)* [Коряковцева 2016]. Антропоним может выделяться прописными буквами в графическом гибриде: **Дональд: ТУСК** *солнце солидарности* (НТВ. 26.11.2023).

Таким образом, имя собственное, обыгрываемое в медийном тексте, по мнению ученых, «превращается в ярлык, бренд, используется с идео-

логическими целями» [Социокультурные... 2018: 78]. Как показывает анализ материала исследования, «антропонимы и их дериваты стали удобным способом навязывания адресату социально-политических оценок и манипулирования общественным мнением» [Социокультурные... 2018: 78]. Автор медиатекста выступает выразителем чьих-либо интересов, представляет то или иное сообщество, группу, партию и т.п. и в соответствии с целями этого сообщества моделирует реальность [Мардиева 2016: 45]. При этом активные звенья словообразовательного механизма демонстрируют возможность словообразовательной системы в отражении и моделировании картины мира социума.

Список литературы

1. Клушина Н.И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. 2002. № 1. С. 53–56.
2. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
3. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
4. Мардиева Л.А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.
5. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 183–187.
6. Радбиль Т.Б. Лексема «самоизоляция» как семантический неологизм в русской речи новейшего периода // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 640–648.
7. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2019. 232 с.

MEDIA WORD FORMATION BASED ON ANTHROPONYMS¹

© *L. V. Ratsiburskaya*

Abstract. The article examines modern media neoderivates based on anthroponyms in socio-cultural and linguocognitive aspects: the most productive word-formation models and functional specificity of anthroponymic neoderivates in media texts are characterized.

Keywords: *anthroponyms, word formation, word-formation*

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЙ ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА)

© А.Ю. Саломехин

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставлению когнитивных процессов в ходе актуализации компонентов памяти посредством декодирования переменных на примере документального кинодискурса. Цель данного исследования – выявление специфики лингвокогнитивных систем взаимодействия эпизодических и семантических элементов памяти. В процессе исследования понятий эпизодической и семантической памяти были применены общенаучные методы наблюдения и описания, а также ряд лингвистических: метод дефиниционного анализа, критического дискурс-анализа и интерпретационного анализа. В ходе анализа были уточнены определения эпизодической и семантической памяти, а также их актуализация данных компонентов в документальном кинодискурсе. Посредством эпизодической памяти, отвечающей за персональный опыт конкретного человека путем запоминания определенных эпизодов в пространственно-временном промежутке, устанавливается прочная связь информации с эмоциональным аспектом мировосприятия, в то время как семантическая память заключает в себе базовое знание о мире, не оставляя эмоциональной реакции.

Ключевые слова: кинодискурс, эпизодическая память, семантическая память, актуализация, поликодовость.

Исследование проявлений эпизодической и семантической памяти при изучении кинодискурса является актуальным и востребованным, что в значительной степени обусловлено ростом производства аудиовизуальных материалов, в частности, документальных фильмов. Актуализация понятий эпизодической и семантической памяти при создании поликодового пространства генерации общего содержания документального кинодискурса происходит за счет тесной связи исторических материалов и ментальной памяти социума. Целью настоящего исследования является изучение специфики лингвокогнитивных систем взаимодействия эпизодических и семантических элементов памяти. В качестве материала для данного исследования послужил документальный фильм «Битва за Кавказ. Неизвестная война» производства телерадиовещательной компании ГТРК «Ставрополье» [10].

Функциональный подход к изучению особенностей памяти, в частности к степени актуализации информации посредством ее воспроизведе-

ния, подразумевает многоуровневый процесс, в котором задействована психоэмоциональная система человека. Восприятие и интерпретация, а также трансляция информации в рамках аудиовизуального произведения представляют собой сложный алгоритм взаимодействия разных когнитивных систем, одним из элементов которого является рекурсивное сравнение новых элементов с пакетированным хранением сходных образцов в памяти. Критический анализ литературы показал особую социокультурную значимость двух видов памяти – семантической и эпизодической, обусловленных взаимодействием соответствующих когнитивных процессов в ходе декодирования общего содержания документального кинодискурса и влияющих на то, каким образом мы воспринимаем различные виды опыта. Особо подчеркнем, что амбивалентность генерации общего содержания характеризует любую сложную систему кодирования, а систему, отличающуюся намеренной интенсификацией фокуса продюсента (художественный дискурс, кинодискурс и т.п.), в особенности [Серебрякова, Боровицкая 2019].

В более глубоком анализе нуждаются процессы формирования различных видов памяти, получающие реализацию в современном документальном кинодискурсе, так как они не нашли достаточного освещения как отечественными, так и зарубежными учеными, при этом понятия «эпизодическая память», «семантическая память» выделялись в процессе анализа различных видов дискурса, в рамках которых рассматривается дифференциация перцептивного и апперцептивного опыта.

Термин «эпизодическая память» ввел канадский когнитивный психолог Эндель Тулвинг в своей работе «Episodic and semantic memory. Organization of memory». Ученый утверждает, что посредством эпизодической памяти формируется взаимосвязанное представление об определенных событиях посредством мнемонической информации, которая является ядром воспоминания [Tulving 1972: 386]. В сознании реципиента устанавливается ситуация, которая является персональным опытом и соотносится с другими воспоминаниями в определенном пространственно-временном промежутке. Таким образом, в основе аудиовизуального нарратива лежат воспоминания, пробуждающиеся в памяти человека ситуативно. В связи с этим эпизодическая память и изобразительные элементы, которые являются ее частью, существуют в тесной взаимосвязи меж-

ду собой, но в отстраненности от окружения человека. С помощью данной системы когнитивных структур, которая строится на отличающихся высокой степенью изменчивости элементов, возникает прочная связь с эмоциями.

Описывая процессы проявления эпизодической памяти, исследователи отмечают, что ее содержание «не является аффективно-нейтральным и в большей степени подвержено изменениям» [Бармин 2022: 107]. Следует также подчеркнуть, что «эпизодическая память удерживает контекстуально (через время и место) связанные между собой биографические эпизоды, которые позволяют путешествовать во времени» [Markowitsch 2000: 34]. Таким образом, документальный кинодискурс посредством актуализации компонентов эпизодической памяти приобретает статус транслятора субъективной позиции автора, которая формируется за счет личного опыта, что способствует интимизации общего содержания при апперцепции.

Семантическая память, согласно Э. Тульвингу, представляет собой важный механизм, который позволяет пользоваться языком, выступая ментальным аккумулятором организованных знаний, которыми владеет человек. Помимо лексем в образовании семантической памяти участвуют и другие вербальные символы с их значениями и референтами [Tulving 1972: 386]. Семантическая память позволяет человеку устанавливать единство между символами, а также их понятиями и связями. Посредством разграничения этих символов при взаимодействии с «технически дифференцированной динамической знаковой ситуацией, которая является совокупностью структурных элементов киноязыка в рамках кинематографического произведения» [Матасов 2009: 156], происходит дешифровка всех представленных элементов памяти в кинодискурсе.

Другими словами, семантическая память является частью долговременной памяти, посредством которой формируется понимание фактической информации о мире [Schendan 2012: 352]. Данный вид памяти проявляется в социальном и культурном опыте людей как членов социума, не являясь при этом частью личностного восприятия определенного человека. Таким образом, семантическая память представляет собой структуру знаний, которые произвольно активируются посредством сознатель-

ного декодирования поступающей информации на основе рекурсивного сравнения.

Из сказанного выше можно заключить, что эпизодический и семантический виды памяти взаимосвязаны и взаимообусловлены посредством причастности к эксплицитному типу памяти. Несмотря на то, что семантическая память, в отличие от эпизодической, не является транслятором эмоциональной составляющей как способом экспликации реакции на внешние обстоятельства, данные системы, взаимодействуют, образуя единую систему. Таким образом, эти два ментальных феномена взаимосвязаны и существуют в постоянном взаимодействии, но семантическая память может при этом функционировать и как независимая система, хранящая информацию.

Э. Тулвинг отмечает, что, если эпизодическая память опирается на действительное восприятие себя и своего опыта, являясь индивидуально автобиографическим феноменом, то семантическая память основывается на единстве принципов, которые упорядочивают систему общепринятых понятий [Tulving 1972: 387]. В отличие от эпизодических воспоминаний, семантические не относятся к лично переживаемым уникальным событиям, взаимосвязи реализуются в них с помощью слов с алетической семантикой, которые используются как способ передачи содержания. Тем самым они представляют собой лингвистическое кодирование полученной информации об общих понятиях и их взаимосвязях. Однако следует подчеркнуть и специфические формы поликодовой актуализации конвергентных содержаний, строящихся на исходной посылке в виде базового вербализатора и постепенного нанизывания синонимического ряда с эмоциональной или детализационной коннотацией [Серебрякова 2022], сопровождаемой символизацией в музыкальном или визуальном сопровождении.

Обратимся к анализу способов презентации изучаемых видов памяти в документальный фильм «Битва за Кавказ. Неизвестная война». Примером интенсификации компонентов эпизодической памяти в документальном фильме о Великой Отечественной войне являются представленные события, которые для каждого реципиента являются частью его индивидуального восприятия войны. Это может проявляться посредством личного контакта с военной тематикой, будь то рассказ родственников или

просмотр другого документального фильма. При рассмотрении смыслов, заложенных авторами фильма, можно предположить, что для кого-то эпизодическая память будет проявляться в названиях населенных пунктов, в которых происходили сражения (*Tuapse, Новороссийск, Майкоп, Ставрополь, Малгобек*), известные, например по воспоминаниям родственников, и которые являются частью сюжетного нарратива – битвы за Кавказ. Все эти аспекты основываются на эмоциональном восприятии представленных событий, но поскольку эпизодическая память основывается на личном опыте, то спектр ее интенсификации у аудитории при рецепции данного документального фильма заметно сокращается за счет давности произошедших событий.

Трансляция компонентов семантической памяти в рассматриваемом документальном фильме наблюдается в более значительном объеме за счет того, что транслируемая информация о победе советских войск в битве за Кавказ является общеизвестным фактом. Включение в документальный нарратив терминов военной тематики (*контрнаступление, идеология, боевые действия, победа, сталинградская битва, курская дуга*), имен собственных (*Сталин, Лаврентий Берия, Уинстон Черчилль, Гарри Гопкинс, Гитлер*), исторических дат (*17 сентября 1939, 1 сентября 1939, 22 июня 1941*), а также большого количества географических пунктов (*Северный Кавказ, Иран, Индия, Германия, СССР, Кавказ, США, Грузия, Судетская область, Волга, Кабардино-Балкария, Дагестан*), которые, по сути, представляют собой различные типы прецедентных феноменов, входящих в новые ассоциативные отношения в поликодовом пространстве кинодискурса [Марченко, Бредихин, Лепилкина 2023], и реинтерпретируемые в пространстве отдельного прецедентного мира «Великая Отечественная Война» [Бредихин, Печенюк 2021]. способствует более сильному информационному воздействию на реципиента и активизирует сознательное и целенаправленное рекурсивное сравнение интерпретируемых поликодовых репрезентантов (вербальных, визуальных и аудиальных когитом) с хранящимися в памяти модельными образцами.

В результате анализа можно сделать вывод, что эпизодический и семантический виды памяти представляют собой сложные процессы когнитивной деятельности человека. Эпизодическая память отвечает за персональный опыт конкретного человека посредством запоминания опреде-

ленных эпизодов в пространственно-временном промежутке, будучи подкрепленной эмоциональными смыслами. Семантическая память несет в себе базовое знание о мире, не предусматривая эмоциональную реакцию. Интенсификация отдельных компонентов различных видов памяти в поликодовом пространстве кинодискурса осуществляется в основном посредством ассоциативного внедрения прецедентных феноменов разных типов как модельных образцов для осуществления последующего рекурсивного сравнения эмотивной, оперативной и когнитивной информации с социально-значимыми паттернами интерпретации и их последующей интимизации.

Список литературы

1. Бармин А.В. Структура и динамика семантической памяти у изучающих иностранный язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 3 (844). С. 106–112.

2. Бредихин С.Н., Печенюк А.Н. Бикультурная интерпретация аксиологического содержания метаконцепта ПОБЕДА // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 2. С. 17–23.

3. Марченко Т.В., Бредихин С.Н., Лепилкина О.И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3(59). С. 109–115.

4. Матасов Р.А. Методические аспекты преподавания кино/видеоперевода // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 94. С. 155–166.

5. Серебрякова С.В. Когнитивно-прагматическая обусловленность синонимической аттракции как маркера концептуально значимой информации // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции (27–29 октября 2022 г.). Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2022. С. 235–243.

6. Серебрякова С.В., Боровицкая Е.И. Амбивалентный характер индивидуальной когнитивной системы писателя-эмигранта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 42–52.

7. Markowitsch H. J. Die Erinnerung von Zeitzeugen aus der Sicht der Gedächtnisforschung // BIOS (Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History). Hagen, 2000. P. 30–50.

8. Tulving E., Donaldson W. Episodic and semantic memory // Organization of memory. New York: Academic Press, 1972. P. 381–402.

9. Schendan H.E. Semantic Memory // Encyclopedia of Human Behavior. New York: Academic Press, 2012. P. 350–358.

10. Документальный фильм «Битва за Кавказ. Неизвестная война». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stavropolye.tv/tele/166787> (дата обращения 5.11.2023).

CLARIFICATION OF THE CONCEPTS OF EPISODIC AND SEMANTIC MEMORY (BASED ON THE MATERIAL OF DOCUMENTARY CINEMATIC DISCOURSE)

© *A.U. Salomakhin*

Abstract. This article is devoted to the comparison of cognitive processes during the updating of memory components through the decoding of variables using the example of documentary cinematic discourse. The purpose of this study is to identify the specifics of linguocognitive systems of interaction between episodic and semantic memory elements. In the process of studying the concepts of episodic and semantic memory, general scientific methods of observation and description were used, as well as a number of linguistic ones: the method of definitional analysis, critical discourse analysis and interpretive analysis. During the analysis were clarified the definitions of episodic and semantic memory, as well as manifestation of their components in documentary cinematic discourse. Through episodic memory, which is responsible for the personal experience of a particular person by remembering certain episodes in a temporal-spatial period, a strong connection of information is established with the emotional aspect of worldview, while semantic memory contains basic knowledge about the world, without leaving an emotional reaction.

Keywords: *cinematic discourse, episodic memory, semantic memory, documentary cinematic discourse, actualization, polycode.*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЁН ЦВЕТА В РЕЧИ ХУДОЖНИКОВ И НЕ-ХУДОЖНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦСЕТЕЙ)

© М.М. Сандалова

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования цветонаименований в профессиональном языке художников и выявлению отличий его от языка «не-художников». Материал исследования – сообщества социальной сети «ВКонтакте», представляющие профессиональную речь исследуемых социальных групп в рамках живого речевого дискурса. Анализируются лексические, стилистические и синтаксические особенности употребления имён цвета внутри каждой из групп. Приводятся выводы о том, что для художников цвет – инструмент активной работы, объективная живописная характеристика, подлежащая оценке, и отдельный феномен реальности, а для «не-художников» – атрибут объектов действительности, часто с размытым собственно цветовым значением. Кроме того, даётся сравнение с профессиональным языком писателей, для которых имя цвета – скорее средство художественной выразительности. Существование профессионального языка художников подтверждается.

Ключевые слова: цветонаименование, профессиональный язык, социальная сеть «ВКонтакте»

Имена цвета стали объектом пристального внимания лингвистов во времена становления психолингвистики в связи с вопросом об их значении и восприятии. Изучение семантики цветонаименований содержит проблемы их толкования и определения денотата [см., например, Вежибицкая 1996; Фрумкина 1984], а также разграничения уровней значения [Брагина 1972; Григорьева 2006].

Цель настоящей статьи – представить фрагмент изучения функционирования цветонаименований в речи художников как социальной группы, для которой они служат частью профессионального языка, сравнить особенности использования имён цвета художниками и «не-художниками» и выявить специфические черты.

Цвет для художника – один из основных способов выражения авторского замысла в искусстве: «в произведениях живописи впечатление формы, цвета и света – альфа и омега всего. Это аналогично тому, как мысль, чтобы стать понятной для других, должна быть выражена членораздельными звуками, правильно построена логически и грамматически» [Васнецов 1908: 12–13].

Связь языка и искусства подтверждает существование множества концептуальных метафор, связывающих эти две сферы. Так, например, К. Салливан в статье «Как искусство “говорит” и что оно нам “сказало»» [Салливан 2006: 81–89] анализирует концептуальные метафоры ИСКУССТВО – ЭТО МОНОЛОГ, ИСКУССТВО – ЭТО ПИСЬМО (НАПИСАНИЕ), ИСКУССТВО – ЭТО РАЗГОВОР (в нескольких вариантах), ИСКУССТВО – ЭТО ТЕРАПИЯ. К. Салливан приводит следующие примеры: мы можем говорить о «языке» художника, его художественном «словаре»; можем «переводить» произведения искусства, можем говорить о «высказывании» художника и его «голосе».

Итак, имена цвета – скорее всего, часть профессионального языка художников. Исследователи профессиональных языков называют в числе их ключевых особенностей лексико-фразеологический состав, терминологическую основу [Малюга 2011: 134], расширяющую возможности литературного языка. Однако социолект может также определяться стилистическими, синтаксическими и грамматическими особенностями [Бондар 2014: 35].

Лексические особенности профессионального языка художников с точки зрения имён цвета кажутся очевидными: профессионалы с большей вероятностью будут использовать точные оттенки и «рабочие» названия красок. Что касается синтаксических и стилистических особенностей – скорее всего, художники чаще будут использовать цвет в качестве «инструмента» или деятеля, в то время как для большинства «нехудожников» цвет – в первую очередь атрибут.

Материалом исследования стало живое общение соответствующих групп в социальной сети «ВКонтакте»: это сплошная выборка из сообществ «Академический Рисунок» (<https://vk.com/academicdrawing>): тексты постов и комментариев за год (с 9.04.2022 по 1.03.2023) и «Martadello» (<https://vk.com/mrtddl>): тексты постов и комментариев за шесть лет (14.03.2017 – 28.02.2023). Первое сообщество – это объединение художников, в котором профессионалы и студенты художественных вузов выкладывают свои работы и обсуждают их. Второе – лента художника, рисующего юмористические комиксы, аудитория читателей – массовая, и большая часть текстов – это комментарии подписчиков. Разница в объёме временной выборки обусловлена разной плотностью употребле-

ния цветоименований: для показательности выборку из сообщества «Martadello» пришлось увеличить. Общее число текстов для первого сообщества – 1651 (из них 90 с употреблением цветоименований), для второго – 35100 (из них 570 с употреблением цветоименований).

Имена цвета, которые мы искали для анализа функционирования, были представлены следующими типичными формами:

- прилагательное / глагол / существительное с цветовым корнем (как **чёрный, чернеть, чернота**);
- прилагательное / глагол / существительное, обозначающее родовое понятие цвета и его варианты (производные от **цвет, тон, краска** и др.)
- сочетание «прилагательное + **цвет**» (как **неожиданный цвет**);
- сочетание «**цвет** + существительное в Р. п.», опционально – с пространителями (как **цвет поношенного сюртука**);
- сравнительные обороты при определяемом **цвет** и его вариантах.

В результате сравнения особенностей функционирования цветоименований в речи представителей двух сообществ можно увидеть явные различия языка художников и не-художников.

В языке художников мы можем выделить следующие черты употребления имён цвета:

1. Множество синонимов родового понятия **цвет**: **колорит, тон, оттенки, гамма, краска, палитра, полутон, контраст** (49 из 90 случаев употребления).

2. Цвет воспринимается как активный деятель (10):

*Интересно наблюдать, как **цвет одежды** "перекликается" с гаммой картин¹.*

*Там где найдена композиция, работает и **цвет**.*

РЫЖИЕ ПЯТНА МЕШАЮТ

Белый многое решает

*Складки ткани, **прозрачность** или загрубевшесть кожи, руки, тени, вот сейчас они с картин встанут и пойдут.*

3. По отношению к цвету как объекту используются глаголы с активным значением. Часто глаголы употреблены в метафорическом или метонимическом смысле (19):

¹ В примерах из материалов постов и комментариев сообществ ВКонтакте сохранены авторская пунктуация и орфография.

Вживую работы еще больше впечатляют-дышат,звучат, вибрируют цветом. (звучать цветом – ср. с концептуальными метафорами К. Салливан!)

*Как так можно?садись 2,от общей массы отсекают лишнее **тоном**,а это что за раскраска?*

*Как я люблю такие **полихромные** натюрморты Очень сложно находить тональность,.*

Многие владеют цветом, приятно.

Как точно взят цвет снега в отношении к небу!.. Респект.

*Какие чистые и красивые **оттенки**, хотелось бы так чувствовать цвета,это чудесно!!*

4. Используются яркие оценочные прилагательные (12):

Небо в любимых тонах от Максфилда Пэрриша. «В сумерках», 1941.

Очень абрикосовый цвет у абрикосов

Сложная цветовая гамма, – отличная работа!

Использованы во благо все возможности и особенности акварели – её звонкая прозрачность, текучесть и воздушность, волшебные работы!

Очень реалистичные картины, поверить не могу, что пастелью нарисованы, такие свежие цвета, прямо ощущается запахи и шум города, деревьев, всего что нарисовано на картине, большое спасибо за удовольствие

Необычный колорит

5. Цвет может быть оценен автором текста с позиций художественной реалистичности (3):

*За кубом и бутылкой не определена плоскость стола, по **тону** она не может быть одинакова с вертикальной. <...> и ещё, тень на гипсе (и от гипса) не может быть **темнее** тени от бутылки – это же очевидно...*

*На зеркальных поверхностях никаких **полутонов** и не должно быть.*

Нужно также заметить, что почти во всех случаях употребления цветонаименования оно становится смысловым центром предложения: если пользователь упоминает в комментарии цвет, то он, скорее всего, будет его оценивать. Причём оценку всегда стараются дать не в категориях субъективной оценки, а объективно, с точки зрения законов колористики.

Обратим также внимание на то, что большинство перечисленных особенностей употребления имён цвета связаны с сочетаемостью или стили-

стикой, но не с лексикой. Кроме широкого употребления синонимов термина **цвет**, художники в соцсетях не используют сложных оттенков или профессиональных названий, ограничиваясь так называемыми «основными».

В речи условных «не-художников» мы можем выделить следующие особенности употребления цветоименований:

1. Цветоименование в подавляющем большинстве случаев используется как атрибут, не выступает в самостоятельной роли (523 случая из 570):

*Хочу себе такой же **розовый** халат :з*

*фильм где человек в **синей** маске решил навестить суету во франции*

*Когда носишь **чёрные** носки и норм*

*У Наденьки **рыжие** волосы, собранные в пучок, на лице веснушки. Наденька носит очки, т.к. вечно забывает про дедлайн и ей приходится ночью в срочном порядке дорисовывать.*

2. Иногда цветоименование употреблено отдельно, как значимый центр предложения, но, как правило, в этом случае просто опущено определяемое слово (6):

*Короче если **рыжий**, то и пытаться не стоит*

*Ясно... **голубые***

3. Чаще всего имя цвета входит в состав устойчивых выражений и прецедентных текстов (собственно цветовая семантика ослаблена) (142):

*Ужасы **белых** людей*

*Друзья **чёрная** полоса по рублю без унижения кому не жалко*

*Когда был на **чёрном** море, сгорел лишь один раз, мдя*

*По расчетам Мемологического Университета, мему присвоена 4-ая (**красная**) степень сложности.*

*Какой то **чёрный** юмор*

*Умрёт **Чёрная** Вдова, Танос и Железный Человек*

*Этот сценарий и лого похоже на фильм "**чёрное** зеркало"*

*а как же бабка, с ароматом одиколон "**красная** москва" от которой толи блевать хочется, толи сдохнуть просто...*

*"**Синий** трактор" воспитывает поколение альфа.*

*Костя – **белый** ходок*

*Цвет настроения **синий***

Заметим, что не-художники оказались более склонны к созданию или использованию оттенков, чем художники (*защитный цвет, изумрудный, блевотный цвет, цвет рвоты, каштановый, телесный, серозелёный...*).

Следует признать, что в группу «не-художников» в целом можно включить очень разные социальные и профессиональные группы. В том числе и профессиональных писателей, для которых использование цвето-наименований – одно из средств художественной выразительности. Мы проанализировали схожим путём небольшой корпус художественных текстов XX века (отдельные произведения К.К. Вагинова, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилёва, О.Э. Мандельштама, З.Н. Гиппиус) и выяснили, что писатели в значительной степени пользуются цветами также, как и любые «не-художники»: используют цвет как атрибут и прибегают к нестандартным оттенкам, часто описательного характера (*Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. ; Он (петербуржец) редко бывает румян, часто бывает бледен, но всего чаще его лицо отзывается геморроидальным колоритом, свойственным петербургскому небу*). При этом писатели, также как художники, часто прибегают к использованию глаголов с метафорическим значением – однако больше для создания образа, чем в целях профессиональной точности речи: *Уже розовый румянец играл на щеках того, что было Марьей Петровной; Черным золотом горели отдельные листочки на черных ветвях городских деревьев*.

Итак, функционирование цветоименований в речи художников всё-таки имеет свои специфические черты, отличающие их от не-художников и писателей. Художники относятся к цвету скорее как к инструменту работы, чем как к средству выразительности. Часто цвет становится для них одним из критериев оценки живописной работы, который можно так же, как и остальные (композицию, технику исполнения) оценить объективно. Кроме того, цвет воспринимается художниками как самодостаточный феномен реальности, в то время как «не-художники» чаще используют цвет для характеристики других объектов. Материал социальных сетей особенно показателен в этом случае, поскольку отражает живую и ясную для исследователя речь членов обеих социальных групп – подобной про-

стоты изучения нам не дадут, например, мемуары художников, в которых последние неизбежно выступают и как писатели.

Список литературы

1. Боднар, О.М. О понятии «профессиональный язык» в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 33-36.

2. Брагина, А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. – М.: Издательство «Наука», 1972.

3. Васнецов, А. Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи. – М., 1908.

4. Вежицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.

5. Григорьева, Э.И. Цветоведение и колористика: учебное пособие. – Тольятти: Изд-во ТГУС, 2006.

6. Малюга, Е. Н. Основные характеристики профессионального языка // Вестник СамГУ. 2011. №82 (1-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-professionalnogo-yazyka> (дата обращения: 10.11.2023).

7. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психологического анализа. – М.: Издательство «Наука», 1984.

8. Sullivan, K. How does art “speak”, and what does it “say”? Conceptual metaphor theory as a tool for understanding the artistic process // Thought tools for a new generation: essays on thought, ideas, and the power of expression. – Robert D. Clark Honors College, 2006. Pp. 81-89.

ASPECTS OF COLOUR TERMS FUNCTIONING IN ARTISTS’ AND NON-ARTISTS’ SPEECH (BASED ON SOCIAL NETWORK ANALYSIS)

© *M.M. Sandalova*

Abstract. The article contains an investigation of the aspects of colour term functioning in professional language of artists and «non-artists». The investigation is based on the groups of social network VKontakte, representing professional speech of the social groups of interest for this study in a frame of a live speech discourse. Lexical, stylistic and syntactic aspects of colour terms functioning are analyzed within each

group. Conclusions on the usage of colour terms for artists and «non-artists» are given. For the former, colour terms are an instrument of active work, objective evaluatable art dimension and a standalone reality phenomenon. For the latter, it is an attribute of an object, most likely with a blurred colour meaning. Besides that a comparison to the group of professional writers is given. For them colour term is more of a way of artistic expression. The existence of a specific professional language for artists is confirmed.

Keywords: *colour term, professional language, social network VKontakte*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ФРАГМЕНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ С. ДОВЛАТОВА «ЗОНА»

© О.И. Светлакова

Аннотация. Статья посвящена вопросу вербализации категории пространства, которая является базовым фрагментом русской языковой картины мира, с позиции когнитивной лингвистики. Целью настоящей работы является выявление лексических особенностей номинации замкнутого пространства в романе С. Довлатова «Зона» в сопоставлении их с русской языковой картиной мира. Метод контекстуального анализа, описательный и структурно-семантический методы позволили определить три пространственных пласта в романе: пространство тюрьмы, пространство рассказчика и ирреальное пространство воспоминаний и мыслей. Простор и теснота пространства в «Зоне» подтверждают двойственность восприятия пространства в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: когнитивная семантика, категория пространства, языковая картина мира.

Во главе современной лингвистики стоят принципы антропоцентризма и экспланаторности. Функционирование языковых единиц отчасти объясняется особенностями сознания человека. Рахилина Е.В. в статье «Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты» указывает на главенство когнитивной семантики: «Если речь идёт о каких-то общих с внеязыковыми правилами или хотя бы общих принципах, на которые эти правила опираются, то это должны быть семантические правила» [Рахилина 1998: 281].

Язык объединяет факты внешнего мира (например, культурные феномены) с нейрофизиологическими процессами в мозгу, используя семиотические механизмы и номинации ментальных репрезентаций сенсорного опыта [Заботкина 2019: 19]. Можно сказать, что язык как специфическая деятельность мозга систематизирует хаотичную информацию, получаемую из окружающей человека действительности. Немалую роль в этом играет процесс называния и определения значения этого «названного». В этом смысле путь от частного к общему (от языка к сознанию) представляется оптимальным вариантом в лингвистике: выявить особенности восприятия человеческого сознания, определить национальную специфику тех или иных явлений можно при помощи языкового материала.

Сознание человека в окружающей его действительности постоянно сталкивается с такими базовыми понятиями как пространство, оно является одной из форм бытия [Морозова 2015: 355]. В области когнитивной семантики исследованием категории пространства занимался Л. Талми. По его словам, процесс отражения действительности в языке называется схематизацией: реальный мир идеализирован, как на детском рисунке, и отражён в языке [Рахилина 1998: 284]. Схематизация пространства в языковой картине мира представлена как отнесённость к определённом топологическому типу, категории (например, круглый, плоский, вытянутый, бесформенный) [Морозова 2015: 355].

Восприятие пространства складывается из чувственного ощущения реальности (сенсорного), её моторного восприятия и языковой информации. В процессе познания в сознании человека формируется вначале перцептуальное пространство, связанное с физическими ощущениями, вызванными чувственным восприятием, затем формируется концептуальное пространство, которое отражает соответственно чувственную и рациональную ступени познания [Акетина 2013: 11].

Попова З.Д. и Стернин И.А. указывают на то, что когнитивная картина мира как ментальный образ действительности проявляется через языковую: представление о действительности отражается в языковых знаках и их значениях, создаётся некоторая закреплённость представлений народа о мире в единицах языка [Попова 2007: 38].

Понимание пространства в русской языковой картине мира парадоксально: «ширина здесь важнее, чем длина, можно даже сказать, что ширина здесь больше, чем длина. Русские не доверяют измерению длины, потому что длина слишком четко выражает вектор движения, направления. Русские предпочитают двигаться в ширину, расширение может происходить и без определения “куда”» [Ястребова 2011: 219].

Представление о пространстве в русской языковой картине мира двойственно: с одной стороны, широкая горизонтальная протяжённость (простор) связана с открытостью, добротой, удалью, возвышенным чувством, а с другой стороны, бескрайние пространства с однотипным ландшафтом формируют у человека чувство меланхолии, тоски [Зализняк 2005: 54, 68].

Противоречивые черты русской языковой картины мира раскрываются в том, что с пространством связываются две эмоциональные тональности: «либо мажорная, гедонистическая, когда простор видится как приволье, либо минорная, когда простор горестных нив навевает тоску» [Зализняк 2005: 71]. Протяжённость пространства оказывает контрастное влияние на психологическое состояние человека, вызывая либо тоску, либо ощущения довольства жизнью.

Стремление сознания русского человека к широким пространствам, по мысли Анны А. Зализняк, обосновано, прежде всего, ландшафтом: «широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, аффект широты, и в нем как уже моральной форме располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к крайностям и т. п.» [Зализняк 2005: 54].

Проблема вербализации пространства в языке заключается в том, что оно представляется как набор различных лексических и морфологических средств (наречия места и ориентации в пространстве, фразеологизмы, топонимы, словосочетания с предлогами места и др.), иногда трудно определить, есть ли в том или ином слове сема пространства.

Определения в толковых словарях не дают чёткого представления о том, какие объекты действительности являются пространством и что воспринимается человеческим сознанием как пространство. В «Словаре синонимов» Абрамова в качестве близких по значению слов предлагаются «промежуток», «место», «расстояние», «простор», «местность» и другие [Абрамов 1994: 240, 422]. В толковых словарях пространство также имеет весьма абстрактное определение – «форма существования».

Главными семантическими признаками слов-наименований пространства А.В. Кравченко считает трёхмерность, связность, протяжённость, дискретность, вместимость и непрерывность [Кравченко 2004].

В романе С. Довлатова «Зона» пространство представляется замкнутым, что объяснимо хронотопом произведения.

Основную тематическую группу составили лексемы, называющие здания, постройки и их участки на территории зоны, например, *тюрьма* (11), *барак* (43), *здание* (7), *корпус* (5), *столовая* (12), *питомник* (14), *уборная* (7), *кухня* (4), *сарай* (7) и другие, таких лексем было выделено

142. Близкой по значению к предыдущей является тематическая группа наименования «наполнения» комнат, участков зданий, того, из чего состоит конкретное замкнутое пространство *стол* (56), *дверь* (39), *окно* (36), *крыльцо* (11), *табурет* (8), *нары* (4), *лестница* (4), *матрас* (2), *шкаф* (2) – 230 употреблений различных лексем. Высокая частотность таких слов указывает на намеренную замкнутость пространства, а оттого – внимание на его деталях, утилитарных, бытовых. В романе нет активного противопоставления помещений, маленьких пространств большим, природным, что также подчёркивает предельную замкнутость в хронотопе. Лексемы *куст*, *школа*, *кладбище*, *университет*, *библиотека*, *гараж*, *конюшня*, *парк*, *театр*, *прихожая*, *аллея*, *жилая зона*, *холм*, *дом* являются малоупотребительными в тексте, так как описывают места пространственно недоступные в данный момент или же места из воспоминаний героев.

Учитывая контекст романа и повествование от лица надзирателя, а не заключённого, можно сделать вывод, что его перемещения в пространстве относительно свободны, но пространственные реалии ограничены (*барак*, *дорога*, *коридор*, *стена*, *угол*, *зал*, *столовая*, *тюрьма*, *койка*, *будка*, *комната*). Эти лексемы связаны и с бытом надзирателей, и с условиями существования заключённых. Все они называют пространство зоны и концентрируются вокруг узких, тесных, ограниченных пространств или их частей. Пространство описывается предельно и конкретно в рамках утилитарных функций этих помещений. Исключением здесь является лексема *дорога* (26), которая относится как к внутреннему пространству зоны, так и ко внешнему, за пределами тюрьмы.

На психологическое ощущение замкнутости также указывает лексема *угол* (30). В тексте романа очень часто кто-то или что-то располагается именно в этом месте: «В углах шестого барака прятались тени. Тусклая лампочка освещала грубый стол и двухъярусные нары», «Онучина я увидел сразу. Он стоял в углу, прикрывшись табуреткой. Ножки ее зловеще торчали вперед» [Довлатов 2022: 129, 134]. Исследователь А.С. Чертовикова, говоря о психотравмирующих факторах в условиях тюремного заключения, среди прочих отмечает нахождение в замкнутой среде как одно из наиболее тяжёлых для сознания человека (78,5 % респондентов указали на это). Как одиночная, так и групповая изоляция порождают различные изменения психики, восприятия. Из-за монотонности как одного из

психотравмирующих факторов изоляции появляется чувство утраты связи с реальностью, нарушение восприятия пространства и времени [Чертовикова 2018: 486–488]. Лексема *угол* указывает на состояние психологической некомфортности персонажей. К нему же можно отнести нетипично частотные *дверь* и *окно*: герои мысленно обращаются к пространствам со значением перехода из одного места в другое, что вызвано желанием покинуть замкнутое пространство.

Моторный опыт человека, благодаря которому также формируется восприятие пространства, в условиях несвободы представлен крайне разнообразно, на что указывают лексемы *пойти* (42), *стоять* (37), *лежать* (34), *работать* (30), *выйти* (33), *зайти* (30). В противовес этому, говоря о нетипично высокой частотности, следует упомянуть глаголы *узнать* (80), *думать* (57) и *понять* (34). В произведении психический процесс (собственно «думания», осмысления) довлеет над моторным опытом перемещения в пространстве. Иными словами, герои романа устремлены во внутреннее пространство своей личности, а не во внешнее пространство окружающего мира, задаются онтологическими вопросами, пытаются осмыслить реальность не через конкретные действия, а через абстрактные.

Также герои произведения обращаются к своей памяти, о чём свидетельствует частота глагола *вспоминать* (42), что также указывает на устремлённость в ирреальное пространство и эскапизм. При этом глагол сочетается с такими лексемами как *ощущение, море, стихи, дом, официант, случай, победа* и другими. Реалии, к которым обращается сознание героев находятся либо в прошлом, либо в настоящем, но достаточно далеко, некоторые воспоминания имеют абстрактный характер (ощущения, стихи). Это также указывает на устремлённость сознания человека в прошлое, попытку эскапизма.

Обращённость к ирреальному пространству также можно проследить на топонимах. Хотя количество употреблений их не так велико (44), лексемы можно разделить на три тематические группы. В романе присутствует много наименований локаций, называющих северную часть России, где преимущественно располагались тюрьмы – *республика Коми, Ухта, Сыктывкар, Чебью, Енисей, Белое море*. Среди административных единиц были найдены и те, о которых герои думают, вспоминают, но не

находятся в них: *Сочи, Адлер, Москва, Крым, Таллинн, Черниговская область, Запорожье*.

Незначительную часть составляют топонимы, называющие те страны и города, в которых находится автор (рассказчик) в настоящем времени (относительно времени основного текста) – *Нью-Йорк, Бостон*. Найденные топонимы свидетельствуют о противопоставлении реальных пространств ирреальным, мысленным, к которым обращаются заключённые и надзиратели. Также заметна активная географическая, климатическая противопоставленность топонимов: северные зоны с суровым климатом существуют в реальности текста, а южные зоны с тёплым климатом вспоминаются героями, что также указывает на желание человека покинуть в данном случае пустынный, ненаселённый ландшафт, отличающийся отсутствием благоприятных климатических условий.

Пространство в романе называется и *огромным*, и *тесным*: «Я вспомнил, какие огромные пространства у меня за спиной. А впереди – один шестой барак, где мечутся крики», «Я подумал о женщине в зырянских чунях. Почти увидел ее за бастиями книжных шкафов. В узком и тесном пространстве с рефлектором» [Довлатов 2022: 80, 214]. Такое противопоставление соотносится с представлением о пространстве в русской языковой картине мира, где горизонтальная протяжённость ландшафта формирует у человека не только чувство удалости, но вызывает меланхолию и тоску.

Изучение семантики пространства в русской языковой картине мира является затруднительным в силу семантической нагруженности понятия, неуловимости его смысла. Вербализация пространства в романе С. Довлатова «Зона» представлена лексемами со значением замкнутости, сосредоточенности на локальных участках и предметах, их наполняющих. Подчёркивается негативность восприятия человеком замкнутого пространства в противопоставление привычному представлению широкого открытого пространства, позитивно воспринимающегося в русской языковой картине мира. Пространство представляет собой три пласта – реальное для героев пространство тюрьмы, пространство, в котором находится автор, ирреальное пространство воспоминаний и мыслей. Наличие последнего указывает на эскапизм как следствие негативного влияния замкнутого пространства на человека.

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: 1994. 502 с.
2. Акетина О.С. Антропоцентризм наблюдения пространственно-временных отношений // Вестник Адыгейского государственного служащего университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Адыгея: АГУ, 2013. №4 (128). С. 10-14.
3. Довлатов С. Зона. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 224 с.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелева А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивный аспекты языковой категоризации. Иркутск, Издательство Иркутского государственного университета, 2004. 206 с.
6. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под ред. В.И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 344 с.
7. Морозова Н.Н. Выражение пространственных отношений в когнитивной семантике // Преподаватель XXI века. М.: МПГУ, 2015. №4. Ч. 2. С. 353–363.
8. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
9. Рахилина Е.В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Наука, 1998. С. 274–323.
10. Чертовикова А.С. Психотравмирующие факторы в условиях изоляции // Проблемы современного педагогического образования. Ялта: РИО ГПА, 2018. №60-1. С. 48–489.
11. Ястребова Н.Е. Национальные особенности понятий «пространство» и «время» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 14. С. 218-221.

**VERBALIZATION OF SPACE AS A FRAGMENT
OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
IN S. DOVLATOV'S NOVEL "ZONE"**

© *O.I. Svetlakova*

Abstract. The article explores from the perspective of cognitive semantics the issue of verbalization of the category of space, which is the basic fragments of the Russian language picture of the world. The purpose of this research is to identify the lexical features of the nomination of a closed space in S. Dovlatov's novel "The Zone" in comparison with the Russian language picture of the world. The method of contextual analysis, descriptive and structural-semantic methods revealed three spatial layers in the novel: the prison space, the narrator's space and the unreal space of memories and thoughts. The spaciousness and tightness of the space in the "The Zone" confirm the duality of perception of space in the Russian language picture of the world.

Keywords: *cognitive semantics, category of space, language picture of the world.*

ТЕКСТОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЗАИМСТВОВАННЫХ АББРЕВИАТУР

© Н.В. Северова

Аннотация. Цель работы состоит в определении особенностей формирования эквивалентностных отношений у заимствованных аббревиатур и установлении системы эквивалентных текстов, в которых они реализуются. В исследовании использовались сопоставительный метод для определения эквивалентностных отношений, метод верификации эквивалентностных отношений и описательный метод, реализованный при построении представленных в работе классификаций. В результате исследования выявлено, что заимствованные сложносокращённые слова, возникшие в результате чистого заимствования, калькирования и полукалькирования, представляют класс синхронных аббревиатур, у которых в результате псевдоунивербализации возникают вторичные дескриптивные эквиваленты. Данные эквиваленты обнаруживаются в четырёх типах эквивалентных текстов: собственно эквивалентном, параллельно эквивалентном, условно эквивалентном и косвенно эквивалентном. Произведённый анализ является основой для дальнейшего исследования формальной, семантической и ономаσιологической структуры слова и эквивалентного ему словосочетания.

Ключевые слова: аббревиатура, эквивалентность, эквивалентный текст, синхрония, заимствование, калька, полукалька.

Предлагаемая работа посвящена описанию особенностей верификации эквивалентностных отношений для заимствованных сложносокращённых апеллятивов. Под сложносокращённым апеллятивом понимается «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом, то есть сокращённым эквивалентом какого-либо слова, например, *электро*, эквивалентный слову *электронная*, или *мед* – *медицинский* и т.д.)» [Теркулов 2018: 70], например *инвестклимат*, эквивалентом которого является словосочетание *инвестиционный климат*.

Отмечается три формальных типа заимствованных сложносокращённых слов, чей аббревиатурный статус подкрепляется обнаружением их дескриптивных коррелятов в эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых слово и словосочетание употребляются как абсолютные синонимы. Во-первы это иноязычные заимствования, интерпретированные как аббревиатуры в русском языке, например англ. *cryptoserver* было заим-

412

ствовано в русский язык в форме *криптосервер* ‘рабочая станция в компьютерной сети, где хранится информация о шифрах, кодах, криптоалгоритмах и т.п.’ (2710 включений в номинативе). Элемент *крипто-* был интерпретирован носителями русского языка как эквивалент слова криптографический, вследствие чего было псевдоунивербализационно развёрнуто словосочетание *криптографический сервер* (804 включения в номинативе), в котором абброконструкту *крипто-* соответствует слово *криптографический*, а конструктору *-сервер* – слово *сервер*. В эквивалентном тексте отмечается: “АРМ управления **криптосервером**” (АРМ УКС) устанавливается на отдельную рабочую станцию (ОС Windows), соединённую с **криптосервером** (кластером **криптосерверов**) – Состав: **Криптографический сервер** (КС) (<https://www.x509.ru/csrsv.shtml>). Во-вторых, это кальки иноязычных слов и словосочетаний, интерпретируемые как сложносокращённые слова в русском языке. Например, нем. *Tanzplatz* или англ. *dance floor* калькируется в русском языке как аббревиатура *танцплощадка* (233000) и как словосочетание *танцевальная площадка* (233000). Последнее включает в свой состав слова, которые эквивалентны компонентам слова и употребляется с ним в одних и тех же эквивалентных текстах (8600 употреблений только в инфинитиве): *Многие еще помнят те замечательные времена, когда в выходной, по субботам и воскресеньям, молодёжь бежала на танцплощадки – Танцевальная площадка – долго и верно, служила вечерами молодёжи, а днём городской пионерии и пенсионерам* (<https://dobro.ru/project/8141>). В-третьих, это полукальки, в которых один из компонентов калькируется, а один заимствуется в исходном виде, например *гальваногрязь*, являющееся калькой англ. *galvanic mud*. При этом один из указанных компонентов интерпретируется как абброконструкт *гальвано* слово *galvanic*. Для *гальваногрязь* (10700 включений в номинативе) отмечается псевдоунивербализационный эквивалент *гальваническая грязь* (593 включения в номинативе), которые в номинативе 15 раз отмечаются в эквивалентных текстах: *Гальваногрязь, или как ее также называют гальваническая грязь, представляет собой метод лечения, который основан на использовании электрического тока и приложении ионообменных грязей на кожу пациента* (<https://admsterlibash.ru/faq/galvanogryaz-cto-eto-takoe-i-kakie-pokazaniya-ee-primeneniya>).

Следует разграничивать два подхода к выделению и описанию сложносокращённых слов: диахронный и синхронный.

Диахронный подход является наиболее распространённым. Согласно ему под аббревиацией понимается «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [Алексеев 1979: 107], то есть ситуация, когда словосочетание в результате универбализации сворачивается в слово. Однако очень часто единицы, воспринимаемые носителями языка как аббревиатуры, таковыми не являются: они возникают либо в результате прямого присоединения аббреконструкта, выступающего в этом случае как абброморфема, к производящему слову, например *авиабилет* (< *авиа*+*билет*), либо в результате вторичной деривации, например *агробизнесмен* (< *агробизнес*+*мен*), либо в результате заимствования, например *секс-бизнес* (англ. *sex business*).

Во всех приведённых случаях возможен процесс псевдоунивербализации, то есть «развертывания словосочетания на базе аббревиатуры» [Теркулов 2020: 100], в результате которого возникают словосочетания **авиационный билет**: *Во многих авиакомпаниях мира такие авиабилеты просуществовали до 1990-х годов – Тогда же, в 1914 году, появился и первый авиационный билет* (<https://tourweek.ru/articles/transport/283022>); **аграрный бизнесмен**: *Масло в огонь добавляет и сам агробизнесмен Поворознюк, который не исключает, что создаст свою партию и пойдёт на выборы – Речь идет о выделении 33 миллионов гривен из бюджета на съемки комедийного сериала, прототипом одного из главных героев которого является известный крупный аграрный бизнесмен, владелец футбольного клуба «Ингулец» Александр Поворознюк* (https://aif.ru/politics/world/tkachenko-geyt_otstavku_ministra_ukrainy_svyazali_s_piarom_nastupa); **сексуальный бизнес**: *Многие феминистки выступают за то, чтобы дебаты о секс-бизнесе / проституции включали не только работников, но и клиентов – Если сексуальный бизнес – это работа, то уйти из такого бизнеса сложно* (<https://makeout.space/2016/05/23/seks-rabota-ili-prostituciya-intimnyy-trud-udovolstvie-nasilie-ekspluataciya.html>).

В результате псевдоунивербализации на актуальном срезе языка стирается различие между исконными (диахронными) аббревиатурами и ква-

зиаббревиатурами: и те и другие воспринимаются носителями языка как аббревиатуры, поскольку как те, так и другие имеют абсолютно одинаковые актуальные характеристики. Объектом нашего исследования являются заимствованные сложносокращённые слова, поэтому и примеры псевдоунивербализации приводятся именно для этого типа аббревиатур.

Характеристика 1. Эквивалентное словосочетание состоит из слов, которые определяются как формальные эквиваленты конструкторов аббревиатуры. Например, *авиационный хаб* (1) включает в свой состав элемент *авиационный*, соответствующий абброконструкту *авиа-*, и *хаб*, соответствующий конструкту *-хаб* слова *авиахаб* ‘аэропорт, который используется авиакомпанией или альянсом авиакомпаний как пункт пересадки пассажиров, аэропорт-концентратор’, заимствованного из английского языка (англ. *aviation hub*). Позднее были развёрнуты ещё два эквивалента данного слова: *авиатранспортный хаб* (2) и *хаб для авиaperевозок* (3).

Характеристика 2. Как слово, так и его эквиваленты должны быть высокочастотными. Частотность проверяется при помощи специальных процедур точного поиска включений слова и словосочетаний в поисковой машине Google. Например, для *авиахаба* отмечается 35000 включений, для *авиационного хаба* – 20686, для *авиатранспортного хаба* – 1100 включений, для *хаба для авиaperевозок* – всего 112.

Характеристика 3. Слово и словосочетание должны употребляться в эквивалентном тексте. Это самая значимая характеристика для процедуры верификации. Для *авиационного хаба* отмечается более 200 употреблений слова и словосочетания в номинативе только в собственно эквивалентном тексте, например *Международный авиахаб «Аэрофлота» открылся в аэропорту Красноярска – Авиакомпания «Аэрофлот» открыла авиационный хаб в аэропорту Красноярска – Емельяново* (<https://www.kommersant.ru/doc/4836936>), для *авиатранспортного хаба* – около 80 в номинативе, например *Объемы продаж вырастут в разы после того, как один из аэропортов превратится в авиахаб – «Роснефть» планирует создать в Бишкеке крупнейший в Евразии международный авиатранспортный хаб* (<https://stanradar.com/news/full/8072-kirgizija-mozhet-stat-aviahabom-mezhdu-evropoj-i-aziej.html>).

Эквивалентный текст как главное пространство определения эквивалентности существует в четырёх разновидностях, каждая из которых ис-

пользуется для верификации современного статуса заимствованной аббревиатуры и её эквивалента.

1 разновидность – собственно эквивалентный текст, «в котором слово и эквивалентное словосочетание одновременно употребляются для обозначения одного и того же референта (то есть в абсолютно тождественном значении)» [Теркулов 2015: 37]), например, для пары *арт-директор* (< англ. *art director, artistic director* ‘художественный руководитель’) – *артистический директор*: *Гость – Алексей ГОРИБОЛЬ, пианист, лауреат Международных конкурсов, артдиректор Московского союза музыкантов – С июня 1995 – артистический директор Московского союза музыкантов и один из инициаторов творческого объединения молодых музыкантов Москвы «Антреприза МСМ»* (<http://old.cultradio.ru/doc.html?id=92970>).

2 разновидность – параллельно эквивалентные тексты: «Разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются для обозначения одного и того же референта» [Теркулов 2015: 38], например, для группы *допинг-лаборатория* (< англ. *doping laboratory*) – *допинговая лаборатория – антидопинговая лаборатория: Экс-глава ВАДА: допинг-лаборатория в Москве не надёжна* (<https://aobroskov.livejournal.com/460351.html>) – *А кто должен был отправить? Наша московская допинговая лаборатория* (https://www.peoples.ru/sport/atlete/irina_korzhanenko/interview.html) – *У Московской антидопинговой лаборатории отняли аккредитацию: что это меняет для нашего спорта?* (<https://www.sports.ru/tribuna/blogs/streamofconsciousness/2973681.html>).

3 разновидность – условно эквивалентные тексты: «Разные тексты, в которых аббревиатура и её эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но употребляются для обозначения разных референтов» [Теркулов 2015: 38], например *интим-индустрия* (< англ. *sex industry*) – *интимная индустрия – индустрия интима*: Так что говорить, что в Эстонии из-за общей заторможенности жителей дела с сексом и *интим-индустрией* идут неважно – значит соврать (<https://www.rosbalt.ru/main/2006/08/29/265334.html>) – *Наиболее развита интимная индустрия в Бангкоке и курортном городе Паттайя* (<https://domtunist.ru/vietnam/seks-industriya-vietnama-strast-pot-i-pohot-v->

nyachange-svoj-chelovek-v-bangkoke/) – *Индустрия интима шагает всё дальше* (<https://tumbler73.livejournal.com/1499957.html>).

4 разновидность – косвенно эквивалентный текст, «в котором как синонимы используются эквиваленты аббревиатуры, но сама аббревиатура не используется» [Теркулов 2015: 38], например, для группы *лазеровапоризация* (< англ. *laser vaporization*) – *лазерная вапоризация* – *вапоризация лазером*: *Радиочастотная нуклеотомия и лазерная вапоризация – разновидности малоинвазивных хирургических вмешательств – Не проводится вапоризация лазером в тех случаях, когда у пациента присутствуют инфекционные и вирусные заболевания в острой стадии* (<https://cardiologiya.com/lechenie-operaczii/gryzhi-mezhpozvonkovyhdiskov-ispolzovanie-lazera-dlya-ih-vaporizaczii.html>).

Итак, заимствованные сложносокращённые слова – это слова, которые в результате псевдоунивербализации, мотивированной осознанием носителями языка одного из компонентов заимствованного слова, кальки или полукальки как абброконструкта, получили актуальный синхронный дескриптивный эквивалент, то есть стали синхронными аббревиатурами. Верификация аббревиатурных связей осуществляется по трём параметрам: формальная связанность, частотность и текстовая эквивалентность слова и словосочетания. Последняя определяется через систему эквивалентных текстов: собственно эквивалентного, параллельно эквивалентного, условно эквивалентного и косвенно эквивалентного. В последующих работах нами будет описана система ономаσιологических признаков заимствованных аббревиатур в эквивалентных текстах.

Список литературы

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов: СГУ, 1979. 328 с.
2. Теркулов В.И. Текстовая эквивалентность сложносокращённого слова / В.И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 69-77.
3. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных язы-

ков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). Донецк: ДонНТУ, 2018. С. 69–80.

4. Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112.

TEXT EQUIVALENCE OF BORROWED ABBREVIATIONS

© N.V. Severova

Abstract. The purpose of the work is to determine the features of the formation of equivalence relations in borrowed abbreviations and to establish a system of equivalent texts in which they are implemented. The study used a comparative method for determining equivalence relations, a method for verifying equivalence relations and a descriptive method implemented in the construction of the classifications presented in the work. As a result of the study, it was revealed that borrowed compound words, which arose as a result of pure borrowing, calcification and semi-calcification, represent a class of synchronous abbreviations, in which secondary descriptive equivalents arise as a result of pseudoniverbalization. These equivalents are found in four types of equivalent texts: actually equivalent, parallel equivalent, conditionally equivalent and indirectly equivalent. The analysis is the basis for further research of the formal, semantic and onomasiological structures of the word and its equivalent phrase.

Keywords: *abbreviation, equivalence, equivalent text, synchrony, borrowing, tracing paper, half-scale.*

СКРЫТЫЕ КАЛЬКИ И ИСКОННЫЕ МОДЕЛИ ЧАСТОТНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ

© О.И. Северская, Л.Н. Саакян

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантического и лексико-синтаксического калькирования как способа заимствования. Проведенное авторами на базе Национального корпуса русского языка исследование позволило обнаружить в русской речевой практике начала XXI века скрытые кальки с англоязычных языковых выражений, которые либо актуализируют уже имеющиеся модели, встраиваясь в систему языка-реципиента, либо начинают конкурировать с нормативными вариантами. Особое внимание было уделено высокочастотной коллокации *для всех и для каждого* как факту речевой поп-культуры. Методы корпусного, синхронно-диахронического и сопоставительного семантического анализа позволили рассмотреть ее в контексте двух волн заимствования (первичного – из французского языка, вторичного – из английского) и обнаружить ее церковнославянский прецедент. Авторы приходят к выводу о существовании инвариантных моделей разноязычных синонимичных коллокаций, облегчающих взаимопонимание лингвокультур.

Ключевые слова: коллокации, калькирование, англоамериканизмы, первичные и вторичные заимствования, перевод, речевая мода

С начала 2000-х в узусе отмечается значительное число слов и конструкций, внешне соответствующих русской речевой норме, а на деле представляющих собой скрытую кальку с соответствующего англоязычного выражения – семантическую или лексико-синтаксическую.

Например, с русским наречием *абсолютно* ‘совершенно, совсем; безусловно’ [Русские словари] при дискурсивном его употреблении в ответной, подтверждающей предположение говорящего реплике диалога конкурирует семантическая калька с английского *absolutely*, имеющего значения ‘да’, ‘конечно’, ‘именно’, ‘точно’, ‘определенно’, ‘полностью’: «Тебе подойдет эта кастрюля? – *Абсолютно!*» [Кулинарное телешоу (2007)]; «[Валентина Николаевна, жен, врач] Или шейсят и сто двадцать/ я не помню уже этих денег. – [И1, жен, преподаватель] То есть вполтину меньше здесь. – [Валентина Николаевна] *Абсолютно!*» [Рассказ врача о жизни на целине (2014)] (здесь и далее примеры приводятся по Национальному корпусу русского языка [НКРЯ]). Можно упомянуть и калькирование значений английского *expertise* ‘опыт, специальные знания, профессиональная компетенция’ в частых употребле-

ниях типа «Как повысить свою *экспертизу* в темах, на которые приходится писать?» [Блог Тимура Асланова (2021)], в то время как в норме сохраняется *экспертиза* ‘исследование, изучение какого-л. вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения’ [Русские словари].

Заметнее всего влияние английского языка в коллокациях, т.е. привычных и правильно звучащих для носителя языка частотных фразеологизированных сочетаниях слов, появление которых рядом друг с другом задается не грамматически, а чисто семантически [Сусов 1999: 153]. Например, коллокации *от автора бестселлера* (название серии детективов издательства «Эксмо», аннотации на сайте «АСТ» и др., ср.: **письма от автора «Евгения Онегина»*), *от создателей блокбастера* калькируют англоязычное выражение *from the maker(s) of...* По этой модели образованы и частотные в медиапрактике устойчивые сочетания *реплика от...*, *комментарий от...*, мотивированные не только «модным» оборотом, но и глагольным управлением в развернутых словосочетаниях: «В это время **последовала реплика от Л. Брежнева**: “Вы нарисовали довольно мрачную картину, а что делать, по вашему мнению?”» [П.Е. Шелест. Дневник (1968)], ср.: «Небольшая **реплика от “ПК”**: фамилия Воронин явно не казачья» [«Приазовский край», 07.10.2004]; «Целый день после появления в редакции свеженького списка государственных тайн мы пытались **получить** хоть небольшой **комментарий от его разработчиков**» [«Общая газета», 04.02.1998], ср.: «**Комментарий от пользователя synchofaza**: Вам пришлось экспертировать проблему курицы и яйца?» [«Волга», 2014].

Особый интерес представляют коллокации двойственной природы, сочетающие исконную и калькированную модели.

На первый взгляд чисто русское выражение *как по мне*, имеющее явную разговорную (если не просторечную) окраску, на поверку оказывается заимствованием – семантической калькой, пословным переводом англоязычного *as for me*. Поиск в НКРЯ убеждает, что исконные словопотребления не содержат частицы *как*, начиная с XIX в. употребляется выражение *по мне* ‘по моему мнению, вкусу’: «Но так как *по мне* все лучше попасться в руки к Пожарскому, чем к этим проклятым шишам, то мой совет – одним нам в дорогу не ездить» [М.Н. Загоскин. Юрий Мило-

славский, или русские в 1612 году (1829)]. Коллокация *как по мне* в значении мнения появляется к началу 2000-х и быстро распространяется в речи: «*Как по мне* – так я ничего героического не сделал» [М. Елизаров. Pasternak (2003)]; «*Как по мне* <...> у кого что лучше получается, тот и делает – второй помогает» [Женщина + мужчина (форум) (2004)]; «*Как по мне* правила должны быть предельно просты: ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЗАМЕНА ШИН» [Автогонки-1 (форум) (2005)] и т.д. Всплеск частоты употреблений объясняется интенсификацией в русском языке конца XX века процессов заимствования, в которых 3/4 заимствованных слов составляют англоамериканизмы, в том числе и заменяющие «изысканными» выражениями «грубые» русские [Гинза, Горбунова 2017: 305; ср. Саакян, Северская 2015: 75, 80]. Иногда на кальку указывает цитата из англоязычного источника, которая дается в переводе: «“Лампочки, которые нас заставляют использовать, *как по мне*, в первую очередь, плохи тем, что я все время выгляжу оранжевым”, – сказал Трамп» [Парламентская газета, 13.09.2019]; «Канадский министр иностранных дел Франсуа-Филипп Шампань отказался верить в заявления Ирана о причинах крушения самолета Boeing «Международных авиалиний Украины» возле Тегерана: “Мы видели, как были запущены ракеты по самолету, а это, *как по мне*, вызывает всевозможные вопросы”» [Lenta.ru, 16.12.2020].

Рассмотрим также коллокацию *для всех и для каждого*, вошедшую в моду в последние десять лет. Поиск в Яндексе дает 13 тысяч употреблений конструкций типа *музыка, образование, математика, русский язык, техника, психология, юмор, SMS, глобализм... для всех и для каждого*; попало выражение и в сетевой Викисловарь со значением ‘для всех без исключения’.

Частота употреблений этой коллокации также обусловлена притоком англоамериканизмов. И можно предположить, что перед нами калька с одного из близких по смыслу англоязычных устойчивых выражений – *anyone and everyone; anybody and every-body; one and all* [Лубенская 1997], с инверсией синтаксической структуры: первое место занимает более распространенный и культурно маркированный элемент [Fenck-Oczlon 1989], но важен и ритм – *все и каждый* по-русски звучит лучше, чем *каждый и все*. Английский язык идет от частного к общему, русский, напротив, от общего к частному, хотя в целом в обоих языках словосоче-

тания тавтологичны. В русском, где *все* ‘те, кто есть, в полном составе, без исключения’ и *каждый* ‘один из подобных, всякий, любой человек’, *каждый* связан со *всеми* отношениями неотторжимой принадлежности. В английском варьирующиеся компоненты двух из трех приведенных выше коллокаций различаются лишь внешне: словообразовательные форманты *every-* и *any-* ‘всякий, любой, каждый’ абсолютно синонимичны, и лишь *one and all* сопоставляет единичность с включающей ее множественностью.

Корпусное исследование дает примеры использования коллокации с начала XIX века: «Я выбрал нарочно такие места, которые, изображая разные обстоятельства Отечественной войны, могут быть занимательны и понятны *для всех и для каждого* в кругу своем» [Ф.Н. Глинка. Письма русского офицера... 1812–1817)]; «Но, скажут, не всегда же наука будет достоянием только немногих; придет время, когда она будет доступна *для всех и для каждого*» [М.А. Бакунин. Государственность и анархия (1873)]; «Вот на воротах висят фабричные правила: они одинаковы *для всех и для каждого*» [В.М. Шулятиков. Мобилизация революции и мобилизация реакции (1906)]; с некоторыми вариациями: «*все и каждый один пред другим* виноваты» [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)]. Приток англицизмов в русский язык только начался (при этом оставался незначительным вплоть до 1990-х годов [Гинза, Горбунова 2017: 304]). Поэтому если и можно говорить о заимствовании, то из популярного в то время французского языка, где есть выражение *tout et chacun* ‘все и каждый’, аналогичное церковнославянскому *все и вся*. Возможно, именно соответствие исконной модели, а не только лексико-синтаксической структуре заимствованного на рубеже XVIII–XIX веков французского оборота позволило коллокациям *все и каждый*, *всем и каждому*, *всех и каждого*, *для всех и для каждого* стать частью русской лингвокультуры. Принимая во внимание гипотезу о наличии у сходных разноразличных конструкций прототипа, отражающего некоторые устойчивые протоиндоевропейские словосочетания [Степанов, Проскурин 1993: 101], однозначно констатировать заимствование в этом случае вряд ли возможно.

Сохраняясь на протяжении XX века, коллокация становится менее употребительной – в НКРЯ примеры, относящиеся к 1950–1980-м годам единичны: «Год Суда и Решения *для всех и для каждого*» [Б.Н. Абрамов.

Грани Агни Йоги (1953)]; «Да, для всех и для каждого в отдельности, чтоб люди Нового Завета знали, что дается им в их исповедании Христа их Новой Пасхи» [монахиня Игнатия (Петровская). Путешествие антифонов (1960-1962)]; «Это отрасли народного хозяйства для всех и для каждого» [Редакционный комментарий // «Огонек». № 6, 1970]; «Будет больше места для всех и для каждого» [Б. Вайль. Ура, нас будет меньше! // «Страна и мир», 1984].

Новый всплеск популярности всех форм бинома начинается уже в конце 1990-х, что совпадает со временем бурного притока англоамериканизмов (в общей сложности в Основном и Газетном корпусах обнаружено 200 употреблений): «Гении принадлежат всем и каждому, независимо от того, в какой колыбели они выросли, на каком языке они впервые заговорили» [«Независимая газета», 29.04.1997]; «Когда некоторые партии обещают всех и каждого озолотить – это нечестно, так не бывает» [«Парламентская газета», 19.09.2021]; «Хургада – для всех и для каждого» [Аргументы и факты, 20.06.2001]; «Церковь всегда была открыта для всех и для каждого» [«Коммерсантъ», 09.12.2013].

Некоторые примеры указывают на возможное заимствование из английского – это касается цитации в переводе: «Книга Оливера «Моя Италия» начинается словами «Люди, умеющие готовить хорошую еду для всех и для каждого, – думаю, они хорошие». Не поспоришь. Но немного коряво, правда? Джейми Оливер давно научился нравиться миллионам телезрителей: можно не сомневаться, он знает, как выразиться, чтобы его правильно поняли» [«Ведомости», 01.12.2006]. В некоторых случаях требуется иной перевод, однако правильный вариант заменяется «модной» коллокацией. Например, книга Бретта Бевелла в оригинале называется «Energy healing for everyone «Энергетическое целительство для всех», но в русском переводе публикуется как «Энергетическое целительство для всех и каждого». Иными словами, точность уступает речевой моде.

Заметим, что в 2000-е годы коллокация начинает не только тиражироваться СМИ, но и массово воспроизводиться в речи самых разных социальных групп, превращаясь в факт речевой поп-культуры (в терминологии О.С. Иссерс [Иссерс 2015: 7]).

В частности, около 700 примеров использования всех трех вариантов дает только корпус Социальных сетей: «Пенсионный Кодекс должен

быть прозрачным, *для всех и каждого* и на всех этапах его деятельности...» [mr-issue. livejournal.com (2013)]; «Вам знакомо желание убить *всех и каждого*, кто подвернется под руку?» [vk (04.02.2013)]; «Цель – благополучие *всех и каждого*, кто сам хочет и готов прикладывать большие усилия» [Е. Хамин. От первого лица (2021)]; «Мы будем повторять истину до тех пор, пока она не дойдет *до всех и каждого*» [С. Новикова. Политика (2022)]; «По сигналу мы дружно начали улыбаться прохожим – *всем и каждому*» [territoriaskazki. blogspot.com (25.11.2010)]; «На этой неделе наш канал набрал первые 5 000 подписчиков. Спасибо *всем и каждому!*» [Жизнь в Воронеже (2021)]; «Когда вы на самом деле любите кого-то, вам хочется, чтобы *все и каждый* об этом знали» [vk (16.12.2014)]; «*все и каждый* взаимосвязаны и взаимопронизаны всего лишь одним объединяющим чувством – любовью к своей стране» [world-about-russia. blogspot.com (18.01.2013)] и т.д.

Кроме того, 10 примеров дает Устный корпус, приведем некоторые: «[Студент, 25 лет] ... мы *все и каждый* думаем/ как нам будет лучше...» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Новосибирск) (2001)]; «[Военнослужащий3] Это касается *всех и каждого* в частности» [Застава (2006)]; «[М.В. Гордина, жен, 83, 1925, лингвист] ...это редкая книга/ *всем и каждому* не выдаётся» [Беседа с сотрудниками отдела фонетики ИРЯ РАН (2008)] и др.

Подводя итоги, можно сказать, что в 2000-х наблюдается процесс проникновения в русский язык скрытых калек некоторых устойчивых выражений – преимущественно англоамериканизмов. Семантические расширяют значения ранних заимствований (*absolutely* > *абсолютно*, *expertise* > *экспертиза*), либо начинают конкурировать с исконными коллокациями (*as for me* > *как по мне / по мне*). Лексико-синтаксические либо актуализируют модель, по которой коллокации образуются уже на собственно русской почве (как в случае с *from the X* и *реплика/комментарий от X*) и при этом воспринимаются как производные от исконных (*реплика/комментарий (получены) от X*), либо представляют собой вторичное (в понимании Л.П. Крысина [Крысин 2008, 106]) заимствование уже существующего оборота. Это происходит, в частности, с коллокацией *для всех и для каждого*, которая в 2000-х ассоциируется с английским оборотом *for anyone and everyone*, в то время как вероятнее

всего была заимствована еще на рубеже XVIII–XIX веков как калька с французского *à tout et chacun*, а возможно возникла и на славянской почве как производная от церковнославянского *все и вся*.

Как бы то ни было, нельзя отрицать влияние новой волны заимствований на возврат интереса к употреблению давно существующих в русском языке оборотов, которые резко наращивают в 2000-х годах частоту употребления и, благодаря интернету и медиатизации, становятся «модными», а затем превращаются в факт речевой поп-культуры.

Список литературы

1. Гинза Д.И., Горбунова В.С. Английские заимствования в русском языке // Бюллетень науки и практики. 2017. №4 (17). С. 304–307.
2. Иссерс О.С. Поп-культура русской речи: к постановке проблемы // Коммуникативные исследования. 2015. № 4 (6). С. 7–21.
3. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 318 с.
4. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1997. XXXI, 1017 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2023).
6. Русские словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovari.ru> (дата обращения: 08.11.2023).
7. Саакян Л.Н., Северская О.И. Эвфемия в межкультурной коммуникации. Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 75–81.
8. Сусов И.П. История языкознания. Тверь, Изд-во ТГУ, 1999. 191 с.
9. Fenk-Oczlon, G. Word frequency and word order in freezes. In: Linguistics. 27. 1989. S. 517–556.

HIDDEN CALQUES AND PRIMORDIAL MODELS OF FREQUENCY COLLOCATIONS

© *O.I. Severskaya, L.N. Saakyan*

Abstract. The article is devoted to the problem of semantic and lexical-syntactic calquing as a method of borrowing. The research conducted by the authors on the basis of the Russian National Corpus made it possible to discover hidden calques from

English language expressions in Russian speech practice at the beginning of the 21st century. The mechanism for embedding borrowing into the system was demonstrated using the example of collocation *kak po mne* ‘as for me’. Particular attention was paid to the high-frequency binomial *dlya vseh i dlya kazhdogo* ‘for anyone and for everyone’ as a fact of speech pop culture. Methods of corpus, synchronic-diachronic and comparative semantic analysis made it possible to consider it in the context of two waves of borrowing (primary – from French, secondary – reappropriation from English) and discover its Church Slavonic precedent. The authors come to the conclusion that there are invariant models of multilingual synonymous collocations that facilitate the interpenetration of linguistic cultures.

Keywords: *collocations, semantic and grammatical calquing, angloamericanisms, primary and secondary borrowings, translation, speech fashion*

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Т.С. Сергеева

Аннотация. Статья посвящена определению места церковнославянского языка в системе современного высшего образования. Цель исследования – поиск эффективных форм корреляции запросов общества и образовательного процесса. Констатируется факт культурного кризиса, отражающегося на состоянии современного русского языка. В ходе исследования был проведен анализ проблем, связанных с преподаванием исторических дисциплин русского языка, и возможностей современной системы профессионального образования для их преодоления. Сделан вывод о том, что церковнославянский язык в силу своих функций и специфики происхождения обладает потенциалом в рамках дисциплин высшей школы как идиом, способный формировать мировоззрение. Результаты исследования позволяют сделать вывод о действенности и результативности включения церковнославянского языка в практику преподавания как инструмента формирования духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: *церковнославянский язык, высшее образование, национальная идентичность, мировоззрение.*

Вопрос о месте церковнославянского языка в системе высшего образования в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с активно протекающими процессами модернизации высшей школы, а также с запросами современного общества. Сейчас оно переживает культурный кризис, о котором можно судить по состоянию современного русского языка. Он выражается в увеличении числа немотивированных заимствований, активном использовании ненормативной лексики, обеднении словарного запаса, упрощенных способах выражения мыслей, мнений, чувств, эмоций, утрате читательской культуры. Причинами кризиса, по мнению исследователей, выступают:

- ✓ разбалансированность информационно-ценностного пространства;
- ✓ филологическое невежество (и, как следствие, падение уровня как речевой, так и общей культуры);
- ✓ недостаточное внимание к развитию духовности молодого поколения;
- ✓ распространение несвойственных для русской культуры образов и моделей речевого поведения.

Преодоление кризиса представляется возможным при осознании как важнейшей национальной задачи сохранения и развития основ единения народов России, фундаментальной национальной идентичности, культурной и исторической памяти. Одной из составляющих этих основ, без сомнения, может выступать церковнославянский язык.

Отправной точкой включения церковнославянского языка в систему образования можно считать появление кириллической письменности на Руси. То есть история его преподавания насчитывает более десяти столетий. За этот без преувеличения огромный промежуток времени церковнославянский язык проделал путь от обязательного (и зачастую единственно возможного) гуманитарного учебного предмета, до узконаправленной дисциплины, рассчитанной на будущих служителей церкви и/или студентов-филологов.

Древнерусский извод (территориальная разновидность) старославянского языка, появившись после Крещения Руси (то есть уже в конце X–начале XI вв.), соединил в себе черты сугубо книжные и живые. Последние стали источником диахронических изменений церковнославянского языка, препятствовать которым не смогли даже «книжные sprawy». Именно такое сочетание и предопределило особое положение церковнославянского в русской культуре. С одной стороны, он понятнее и ближе современным носителям русского языка, чем старославянский (даже за счет различий в графике, наличия в ряде случаев в текстах привычных знаков препинания и т.п.). С другой стороны, он существенно отличается от современного русского литературного языка, воспринимаясь как языковая форма, противопоставленная повседневности, сакральный язык. Это поддерживается в первую очередь тем, что функции церковнославянского с XVIII века ограничиваются церковно-религиозной сферой.

Сложившаяся традиция подготовки филологов включает блок дисциплин, посвященных истории русского языка, в который входят введение в славянскую филологию, старославянский язык, историческая грамматика, русская диалектология и история русского литературного языка. Церковнославянский язык в этот устоявшийся список обычно не входит и преподается в учебных заведениях, в которых ведется подготовка духовенства. Названный перечень может показаться исчерпывающим, если не брать в расчет тенденции в формировании учебных планов в соответствии с дей-

ствующими образовательными стандартами. Количество часов, отведенных на изучение предметов по истории русского языка, сокращается. В случае с подготовкой педагогов-словесников складывается еще более пугающая ситуация: в ряде случаев в план включают лишь обще ознакомительный курс истории русского языка.

При этом (даже при наличии в учебном плане всех дисциплин цикла) акцент делается на фонетическом и грамматическом анализе древних текстов и историческом комментировании фактов современного русского языка. Такой подход диктуется насущной необходимостью подготовить специалиста, но оставляет в стороне глубинное содержание текстов. Таким образом, воспитательный потенциал остается нереализованным, а учебный предмет значительно обедняется. В частности, толкование евангельских притч предполагается по умолчанию известным студентам. Однако практика преподавания показывает, что чаще всего это не так. Даже студенты с хорошей филологической подготовкой не могут сформулировать значение таких (ставших устойчивыми) выражений, как «Фома неверующий», «бесплодная смоковница» и т.п. Тем более неуверенно они себя чувствуют, когда требуется дать содержательный комментарий к более сложным темам (например, о Марфе и Марии). Также зачастую они склонны буквально понимать смысл притч. При этом существенно повлиять на общий культурный уровень обучающихся в рамках названных предметов не всегда удастся из-за нехватки учебного времени.

Между тем современные профессиональные стандарты высшего образования требуют от бакалавра способности формировать мировоззрение и гражданскую позицию учащихся, в частности, «осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей». Таким образом, устоявшийся набор дисциплин и традиция их преподавания вступает в противоречие с актуальными установками ФГОС.

Разрешением сложившейся ситуации представляется путь, избранный рядом высших учебных заведений. Такие вузы включают в учебный план церковнославянский язык как самостоятельную дисциплину. Такой подход позволяет решить все названные выше проблемы, так как курс церковнославянского обязательно предусматривает не только изучение графики, фонетики и грамматики языка, обучение чтению священных тек-

стов, но и толкование их, знакомство с лексикой и поэтикой Священного Писания, а также церковно-религиозных текстов, созданных в XX и XXI вв.

В заключение следует сказать: мы становимся свидетелями того, как в современном обществе теряется общее культурное пространство, распадается духовное единство. Церковнославянский язык, аккумулируя культурные смыслы, способен противостоять этому губительному процессу. А современные наука и система образования располагают всем необходимым с точки зрения дидактики, методики и технологических возможностей, чтобы внедрить церковнославянский на постоянной основе в практику вузовского преподавания.

Нельзя не согласиться со словами Н.И. Толстого: «Преодолевая трудности и противоречия, мы стремимся к полнокровной духовной и светской жизни, к обновлению и в то же время к возвращению многих утраченных и почти забытых ценностей, без которых бы не было нашего прошлого и едва ли сбудется вожаделенное будущее» [Плетнева, Кравецкий 2006: 3].

Список литературы

1. Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. Изд. 3-е. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 272 с.

2. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. Изд. 4-е. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с., ил.

3. Приказ Минобрнауки РФ № 125 от 22.02.2018 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» – Режим доступа:

<https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=440836&cacheid=811E3AD24715116B231F7C775D276D84&mode=splus&rnd=NUSEhw#LqqpBwTeelgjnU0C1>

CHURCH SLAVONIC LANGUAGE IN THE CONTEXT OF MODERN HIGHER EDUCATION

© *T.S. Sergeeva*

Abstract. The article is devoted to determining the place of the Church Slavonic language in the system of modern higher education. The purpose of the study is to search for effective forms of correlation between the demands of society and the educational process. The fact of a cultural crisis affecting the state of the modern Russian language is stated. During the study, an analysis was carried out of the problems associated with teaching historical disciplines of the Russian language, and the possibilities of the modern system of professional education to overcome them. It is concluded that the Church Slavonic language, due to its functions and specific origins, has potential within the framework of higher education disciplines as an idiom capable of shaping a worldview. The results of the study allow us to draw a conclusion about the effectiveness and efficiency of including the Church Slavonic language in teaching practice as a tool for the formation of spiritual and moral values.

Keywords. *Church Slavonic language, higher education, national identity, worldview.*

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ЛЕКСЕМЫ

ШУМ: ФРЕЙМОВЫЙ МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© А.В. Синелева

Аннотация. В статье рассматриваются возможности описания результатов ассоциативного фреймовым методом. Фреймы представляют собой модель иерархического типа, которые соответствуют структурному описанию сложных понятий, в качестве которых в данном случае выступают ассоциативно-семантические поля. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что фреймовые структуры хорошо представляют распределение содержания понятия по предметно-понятийным и коннотативным зонам и эффективны как способы репрезентации сложных понятий.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-семантическое поле, денотат, десигнат, коннотат, фрейм.

Ассоциативный эксперимент является эффективным инструментом для решения многих лингвистических задач, анализ результатов эксперимента дает объективную аргументацию для подтверждения или опровержения лингвистических гипотез. Рассмотрим возможности использования фреймового метода интерпретации информации на материале результатов свободного ассоциативного эксперимента.

Как известно, существуют разные способы анализа результатов ассоциативного эксперимента, т.е. классификации слов-реакций. Очевидно, что сила связи между словом-стимулом и словом-реакцией выражается количественным показателем: частотой отдельной реакции, абсолютной или относительной. Частота слов-реакций дает с той или иной степенью вероятности приближенное распределение на ядерную и периферийные зоны. Также можно заметить, что многие описания ассоциативно-семантических полей выделяют парадигматические (слово-реакция и слово-стимул относятся к одному грамматическому классу) и синтагматические (слово-реакция и слово-стимул относятся к разным грамматическим классам) ассоциации. Таким образом, можно констатировать наличие двух обязательных семантико-параметрических характеристик ассоциативных полей: ядра и периферии, парадигматических и синтагматических отношений.

Представление ассоциаций в виде ассоциативно-вербальной сети позволяет интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента в

виде фреймовой структуры. Целью проведенного исследования является доказательство возможностей фреймового метода анализа и описания информации на материале данных свободного ассоциативного эксперимента.

Как известно, любое слово в языке включено в денотативные, сигнификативные и структурные отношения, и этим отношениям Б.Н. Головин ставит в соответствие три типа соотнесенности слов: объектные, субъектные, структурные [Головин 1987: 33-34]. В основу фреймовой структуры, интерпретирующей ассоциативно-семантическое поле, положен широко известный семантический треугольник (треугольник Фреге), дополненный еще одним элементом, обязательным для всех знаков естественного языка, – коннотатом. Понятие – общее значение для всех носителей данного языка, а коннотат – ассоциативное, эмоционально-чувственное, индивидуальное значение, возникающее у отдельного человека. Предполагается, что в случае репрезентативной выборки слова-реакции с той или иной степенью полноты должны отразить существующие в сознании носителей языка денотативные, сигнификативные и коннотативные связи, что позволяет интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента в виде фреймовой структуры. Фрейм, будучи структурой данных для представления некоторого концептуального объекта, используется для репрезентации общего, сложного понятия, имеющего классификационную иерархическую структуру [Минский 1979]. По определению М. Минского, «верхние уровни» фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов или «ячеек» (субфреймы, слоты), которые должны быть заполнены характерными примерами или данными [там же].

Таким образом, набор «верхних» уровней фреймов, который всегда справедлив по отношению к объекту описания – любому слову-стимулу, составляют совокупности слов-реакций, содержащих сигнификативное значение, денотативное и коннотаты. Следовательно, десигнаты – это слова-реакции, дающие представление или с той или иной степенью точности или приблизительности раскрывающие понятие слова-стимула, которые присутствуют в толковых, энциклопедических, терминологиче-

ских словарях или тесно с ними связаны (например, синонимическими или антонимическими отношениями, каким-то видом логической связи, как то: причинно-следственной, родо-видовой, видо-родовой и др.). Денотаты – это слова-реакции, соотносящие слово-стимул с каким-то предметом или прецедентным явлением. Коннотаты – это слова-реакции, содержащие субъективную эмоционально-экспрессивную оценку. Во всех трех группах на основе структурных отношений можно предположить два подмножества: слова-реакции, связанные со словом стимулом парадигматическими отношениями, и слова-реакции, связанные со словом стимулом синтагматическими отношениями. К парадигматическим отношениям традиционно относим слова одного грамматического класса, но не образующие словосочетание, к синтагматическим – разных.

Таким образом, можно предположить обязательное наличие субфреймов двух уровней: первый уровень составляют 3 субфрейма (десигнат, денотат, коннотат), а второй уровень отражает парадигматические и синтагматические связи слова-стимула и ассоциатов, третий уровень также выделяется всегда, но он является вариативным для каждого слова-стимула. Заметим также, что структура фреймов не обязательно ограничивается третьим уровнем: возможна дальнейшая группировка реакций по какому-то выбранному критерию, отражающему логические или реально существующие связи объектов действительности, которые закреплены в сознании носителей языка [Синелева 2019: 147-152].

В распределении единиц естественного языка по множествам всегда имеют место быть переходные случаи, когда слова-реакции можно отнести к той или иной группе лишь с некоторой степенью вероятности, или элементы (в случае ассоциативного эксперимента – слова-реакции), которые выпадают из предметно-понятийной структуры, т.е. не могут быть включены ни в одну группу, например, фонетические ассоциации или реакции, определяемые экстралингвистическими факторами, в том числе и такими, как несерьезное отношение респондента к эксперименту, усталость и др. С большой вероятностью подобные реакции будут единичными, т.е. войдут дальнюю периферию ассоциативного поля и не окажут влияния на распределение зон в ассоциативном поле. Ю.Н. Караулов определяет подобные реакции как «некоторый «остаток», некоторый набор реакций, выходящих за пределы лексической семантики и

грамматических отношений стимула и несущих когнитивную или прагматическую информацию, т.е. передающих знания о мире или отношении к миру носителей языка» [Караулов 2002: 757]. Такие реакции, несмотря на то, что входят в эту когнитивную систему, не отражают связей со словом-стимулом. В рамках нашего исследования их можно или объединить в отдельную группу, но не включать в структуру фрейма, или включить их в группу коннотатов, основанием чего в данном случае можно считать наличие немотивированного субъективного фактора.

Приведем результаты свободного ассоциативного эксперимента и интерпретируем полученную информацию в виде фреймовой структуры. Испытуемыми (респондентами) являются носители русского языка, пропорционально представляющие разные биосоциальные группы и разные области профессиональной деятельности, возраст испытуемых от 18 до 75 лет, приводятся только первые реакции, слова-ассоциаты расположены по мере убывания их частоты, которая указывается в круглых скобках, реакции с одинаковой частотой упорядочены по алфавиту, последняя цифра – общее количество респондентов.

Лексема *шум*, выбранная в качестве слова-стимула, интересна тем, что, кроме общелексического значения, имеет терминологическое значение в контекстах по медицине, физике и лингвистике. Представляется интересным оценить возможности фреймового метода интерпретации ассоциативных полей слов-стимулов разного с точки зрения репрезентации существенными признаками содержания, отраженного в сознании носителей языка, представляющих разные области профессиональной деятельности: из 229 участвовавших в эксперименте 56% являются представителями технической сферы деятельности, остальные – гуманитарной.

Приведем результаты ассоциативного эксперимента.

Шум – гам (24), громкий (17), метро (11), город (8), дождь, музыка (7), машины, тишина (6), звук, моря, сильный (5), дождя, дорога, море, улица (4), вода, головная боль, города, голос, гром, громко, машина, мешает (3), аудитория, в метро, ветер, громко, дети, люди, наушники, прибор, соседи, шорох (2), автомобильный, белый, бесит, боль, в аудитории, воды, вокруг, волна, волны, город с машинами, грохот, гул, давящий, децибелы, дождь, дом, дороги, драка, жизнь, злость, концерт, который

надоел, крики, лекция, лес, листьев, машин, мешающий, мешающий звук, много, много одновременно говорящих людей, молча, мотоцикл, надоедливый, надоел, назойливый, невыносимый, негатив, неприятно, нервы, нормально, окружающий мир, оркестр, паника, перемена, песня, плохо, поезд, пробки, проезжающая машина, пылесос, радио, раздражает, раздражитель, раздражительность, с утра, самолет, толпа людей, топот, транспорт, труба, туман, усталость, ухо, уши, шторм, электричка, эхо (229).

Для определения сигнификативной зоны ассоциативно-семантического поля слова-стимула как общеупотребительного слова необходимо обратиться к толковым словарям. Определение в словаре С.И. Ожегова [Ожегов 1981: 801]: «**Шум** – звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание, оживленное обсуждение (переносное значение), громкая ссора (переносное, разг.), звук с неясно выраженной тональностью (специальное). Словарь А.П. Евгеньевой [Словарь русского языка, т.4 1999: с. 736]: «**Шум** – совокупность неясных глухих звуков, сливающихся в однообразное звучание; гул; 2 – крик, ссора, перебранка; 3 – оживленное обсуждение; 4 – оживленное движение, деятельность, суета; 5 – звук речи, образующийся без участия голоса (спец, лингв); 6 – звук с неясно выраженной тональностью (спец., физ. и мед.)».

Также нельзя исключать наличие терминологического значения в ассоциативно-семантическом поле слова-стимула шум, поэтому необходимо рассмотреть содержание словарных статей терминологических словарей. Определение, представленное в терминологическом словаре по медицине: «**Шум** – звук, регистрируемый при аускультации сердца, легких, брюшной полости, кровеносного сосуда или сустава, характеризующий их функциональное состояние» [Словарь медицинских терминов]. Определения из терминологического словаря по физике: «**Шум** – беспорядочные колебания различной физической природы, отличающиеся сложностью временной и спектральной структуры. Под акустическим шумом понимают....основные источники – различные двигатели и механизмы. Для количественной оценки шума используют.... Для измерения характеристик шума применяются шумомеры, частотные анализаторы.... Уровень шума чаще всего измеряют в децибелах....» [Словарь по физике]. Определения из лингвистического словаря: «**Шум** – акустический эф-

фект неритмических колебаний активных органов речи, а также трения и взрыва у сближенных или сомкнутых органов речи в полости рта» [Словарь лингвистических терминов].

Для определения субфрейма **десигнат** выделим ключевые слова, зафиксированные в словарных статьях толковых словарей, которые отражают нетерминологическое значение лексемы **шум**, а для определения лексемы **шум** как термина – дескрипторы, признаки, связи и отношения которых раскрывают содержание научного понятия, которые зафиксированы в словарных статьях терминологических и толковых (если имеются соответствующие пометы) словарей, и сравним с признаками, отраженными в сознании носителей языка.

К ключевым словам, раскрывающим понятие **шум** в толковых словарях, относим следующие: *звуки, громкое и нестройное звучание, обсуждение, громкая ссора, перебранка, однообразное звучание, гул, крик, оживленное движение, деятельность, суета.*

Дескрипторами, отражающими признаки, связи и отношения термина **шум** в словарной статье словаря по медицине, являются следующие: *звук, сердце, легкие, брюшная полость, кровеносный сосуд, сустава.* Дескрипторы, определяющие физический термин **шум**: *колебания (беспорядочные колебания), спектр, (спектральная, временная структура), акустический шум, помех, источники шума (двигатели, механизмы), слышимый и неслышимый шум, параметры шума, статистические законы, измерение характеристик шума, шумомер, частотный анализатор, коррелометр, уровень шума, децибелы, звуковое давление, порог слышимости.* Ключевыми словами лингвистического термина **шум** являются лексемы *звук (речи), колебания (акустические органы речи, полости рта), голос.*

Таким образом, группу **десигнатов** в данном случае составляют следующие реакции: *гам (24), громкий (17), тишина (6), звук (5), сильный (5), громко (3), голос, шорох (2), белый, децибелы, грохот, гул, драка, крики, топот, ухо, уши.*

Звук – ключевое слово в определении значения лексемы **шум** как термина и как нетермина, *гам, голос, грохот, гул, драка, крики, топот, шорох* – разновидности звуков, реакции *громкий, сильный, громко* указывают на интенсивность шума. Слово *тишина* является языковым антонимом лексемы **шум** и может быть включена в группу десигнатов на основании

того, что, по мнению многих ученых, человек воспринимает мир по бинарному принципу, поэтому оппозитивные отношения помогают раскрытию сущности обоих номинируемых понятий, и представляется логичным все наблюдаемые реакции-оппозиции включать в группу десигнагов. Реакции *ухо*, *уши* являются органами восприятия любых звуков, в том числе и шума, *белый (шум)* – характеристика шума по временной структуре (разновидность стационарного шума), *децибелы* – единица измерения шума. Эти реакции также могут быть отнесены к бытийным признакам, т.к. между ними можно установить отношения тождества (*шум* – это *гам*, *голос*, *грохот*, *гул*, *драка*, *крики*, *топот*, *шорох*; *шум* – *громкий*, *сильный*; *шум* – *когда говорят или что-то делают громко*).

Лексема *шум* как слово-нетермин имеет абстрактное значение, поэтому предметную соотнесенность, т.е. наполнение субфрейма *денотат*, можно установить по некоторым опосредованным логическим связям, к которым относим следующие реакции: *метро* (11), *город* (8), *музыка*, *дождь* (7), *машины* (6), *моря* (5), *дождя*, *дорога*, *море*, *улица*, *вода*, *города*, *гром*, *машина* (3), *аудитория*, *в метро*, *ветер*, *дети*, *люди*, *наушники*, *прибой*, *соседи* (2), *в аудитории*, *воды*, *волна*, *волны*, *город с машинами*, *дом*, *дороги*, *жизнь*, *концерт*, *лекция*, *лес*, *листья*, *машин*, *машина*, *много одновременно говорящих людей*, *мотоцикл*, *окружающий мир*, *оркестр*, *перемена*, *песня*, *поезд*, *пробки*, *проезжающая машина*, *пылесос*, *радио*, *с утра*, *самолет*, *толпа людей*, *транспорт*, *труба*, *туман*, *улица*, *штурм*, *электричка*.

Группу *коннотатов* составляет оценочная лексика и лексемы, выражающие следственные отношения, связывающие слово-стимул с ассоциатами: *головная боль* (3), *мешает* (3), *бесит*, *боль*, *давящий*, *жизнь*, *злость*, *который надоел*, *мешающий*, *мешающий звук*, *много*, *молча*, *надоедливый*, *надоел*, *назойливый*, *невыносимый*, *негатив*, *неприятно*, *нервы*, *нормально*, *паника*, *плохо*, *раздражает*, *раздражитель*, *раздражительность*, *топот*, *усталость*.

Конечно, имеют место переходные случаи, например, реакции *метро*, *машины* из-за омонимии форм может быть отнесена как парадигматическим (*шум* – это *машины*, *метро*), так и к синтагматическим (*шум маши-*
ны, *метро*) ассоциатам.

Далее рассмотрим субфреймы второго уровня, и можно заметить, что все три фрейма первого уровня имеют по два слота второго, отражающие парадигматические и синтагматические отношения.

Слот второго уровня, отражающий **парадигматические** связи **десигнагов**: *тишина (6), звук (5), голос, шорох (2), децибелы, драка, гам, грохот, гул, крики, топот, ухо, уши*; и слот второго уровня, отражающий **синтагматические** связи составляющих **десигнагов**: *громкий (17), сильный (5), громко (3), белый*.

Парадигматические связи **денотатов** слота второго уровня: *метро (11), город (8), музыка, дождь (7), машины (6), дорога, море, улица, вода, гром, машина (3), аудитория, ветер, дети, люди, наушники, прибой, соседи (2), волна, волны, город с машинами, дом, концерт, лекция, лес, много одновременно говорящих людей, мотоцикл, окружающий мир, оркестр, перемена, песня, поезд, пробки, проезжающая машина, пылесос, радио, самолет, толпа людей, транспорт, труба, туман, улица, шторм, электричка*. **Синтагматические** связи **денотативных** элементов слота второго уровня: *моря (5), дождя (4), города (3), в метро (2), в аудитории, воды, дороги, листьев, с утра*.

Парадигматические связи **коннотативных** составляющих слота второго уровня: *головная боль (3), боль, злость, мешающий звук, негатив, нервы, раздражитель, раздражительность, усталость*. **Синтагматические** связи **коннотативных** составляющих слота второго уровня: *мешает (3), бесит, вокруг, давящий, который надоел, мешающий, много, молча, надоедливый, надоел, назойливый, невыносимый, неприятно, нормально, плохо, раздражает*.

Далее выделяем слоты третьего уровня: они формируются в соответствии с наблюдаемыми между словом-стимулом и словами-реакциями логическими, тематическими связями, соотношениями, прямыми и опосредованными, на которые можно распределить слова-реакции каждого конкретного слова-стимула.

В качестве слотов третьего уровня субфрейма **десигнат (парадигматические** отношения) можно выделить слоты **звуки** (*гам, тишина, звук, шорох, голос, грохот, гул, драка, крики, топот*), **органы восприятия** (*ухо, уши*), **единицы измерения** (*децибелы*). Слот **интенсивность** (*гром-*

кий, сильный, громко) и слот **звуки** (белый) составляют субфрейм **синтагматических** отношений.

Парадигматические связи **денотативных** элементов слота второго уровня: метро (11), город (8), музыка, дождь (7), машины (6), дорога, море, улица, вода, гром, машина (3), аудитория, ветер, дети, люди, наушники, прибой, соседи (2), волна, волны, город с машинами, дом, концерт, лекция, лес, много одновременно говорящих людей, мотоцикл, окружающий мир, оркестр, перемена, песня, поезд, пробки, проезжающая машина, пылесос, радио, самолет, толпа людей, транспорт, труба, туман, улица, шторм, электричка. **Синтагматические** связи **денотативных** элементов слота второго уровня: моря (5), дождя, города (3), в метро (2), в аудитории, воды, дороги, листьев, с утра.

В качестве слотов третьего уровня субфрейма **денотат** можно выделить, как уже говорилось выше, **источник шума** (метро (11), музыка, дождь (7), машины (6), море, вода, гром (3), ветер, дети (2) и др.), **место** (город, улица, аудитория, в метро, в аудитории, город с машинами, дом, дороги, лес и др.) и **время** (лекция) – **парадигматические** отношения; и слоты **источник шума** (моря (5), дождя (3), листьев, машин), **место** (в метро (2), в аудитории, города (3), дороги) и **время** (с утра) – **синтагматические** отношения.

В качестве слотов третьего уровня субфрейма **коннотат** можно выделить слоты **следствие** (головная боль (3), боль, злость, нервы, раздражитель, раздражительность, усталость), **негативная оценка** (мешающий звук, негатив) – **парадигматические** отношения; а в субфрейме **синтагматика** выделяем слоты **нейтральная оценка** (много, молча, нормально), **отрицательная оценка** (мешает (3), бесит, давящий, который надоел, мешающий, надоедливый, надоел, назойливый, невыносимый, неприятно, плохо, раздражает) Можно отметить, что между большинством слов-реакций и слов-стимулов устанавливаются предикативные отношения: шум – это головная боль, шорох, боль, грохот, гул и др. – бытийный признак-качество; шум мешает, бесит, надоел – бытийный признак-процесс; шум давящий, который надоел, мешающий, надоедливый и др. – бытийный признак, представляющий качественную характеристику.

Можно заметить, что реакция **драка** является переходным случаем, т.к. может быть отнесена к разным множествам: и как составляющая слота

следствие субфрейма **коннотат**, и как составляющая слота *звуки* субфрейма **десигнат**. Мы включаем эту реакцию в субфрейм **десигнат** на основании того, что в словарях выделяется значение *крик, ссора, перебранка*.

Таким образом, ассоциативное поле слова-стимула **шум** можно представить в виде фрейма следующей структуры: первый уровень составляют 3 субфрейма **десигнат**, **денотат**, **коннотат**, второй уровень **парадигматика** и **синтагматика** имеют все 3 слота первого уровня, третий уровень субфреймов **десигнат-парадигматика** составляют слоты *звуки, органы восприятия, единицы измерения*, третий уровень субфреймов **десигнат-синтагматика** составляют слоты *интенсивность*, в третий уровень субфреймов **десигнат-парадигматика** включены слоты *звуки, органы восприятия, единицы измерения*, третий уровень субфреймов образуется слотам *источник шума, место, время*, третий уровень субфреймов **денотат-синтагматика** составляют также слоты *источник шума, место, время*; третий уровень субфреймов **коннотат-парадигматика** включают слоты *следствие, отрицательная оценка*; третий уровень субфреймов **коннотат-синтагматика** составляют слоты *нейтральная оценка, отрицательная оценка*.

Важно отметить, что слово-стимул может иметь не один вариант описание по классификационным признакам, выделяющим уровни фреймовой структуры, а также количество уровней.

Таким образом, мы видим, что фреймовые структуры хорошо представляют распределение содержания понятия по предметно-понятийным и коннотативным зонам и эффективны как способы репрезентации сложных понятий.

Список литературы

1. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: ВШ., 1987. – 104 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь в 2-х т. М.: АСТ, 2002.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. – 152 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. – 815 с.

5. Синелева А.В. Фреймовый метод описания структуры и содержания лингвистических объектов. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 196 с.

6. Словарь русского языка: в 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999.

7. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://endic.ru/linguistics/Shum-900.html> (дата обращения 3.04.23).

8. Словарь медицинских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NTL/MED/slowar1-r/txt> (дата обращения 3.04.2023).

9. Словарь по физике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://techmind.narod.ru/sprav/mexgig.htm> (дата обращения 3.09.2023).

STRUCTURE OF THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE LEXEME NOISE: FRAME METHOD OF INTERPRETATION

© **A.V. Sineleva**

Annotation. The article discusses the possibilities of describing the results of the associative frame method. Frames are a model of a hierarchical type that correspond to a structural description of complex concepts, which in this case are associative semantic fields. The conducted research allowed us to conclude that frame structures well represent the distribution of the content of a concept across subject-conceptual and connotative zones and are effective as ways of representing complex concepts.

Keywords: *associative experiment, associative-semantic field, denotation, designation, connotation, frame.*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «СМЕХ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

© *Е.В. Сирота*

Аннотация. Цель работы – исследование репрезентации ментальной структуры смех в русской языковой картине мира. Использовались как когнитивные, так и лингвокультурологические методы: компонентный анализ, метод словарных дефиниций, контекстуальный анализ, дистрибутивный анализ. Результатом явилось построение когнитивных структур: семантического поля номинативного и образного типа, а также сценарий рассматриваемой структуры, релевантный для русской картины мира. При характеристике ядерной и периферийной зон был сделан вывод о представленности области периферии метафорическими номинациями. Проанализированный материал позволил констатировать следующее: концепт-поле и концепт-сценарий находятся во взаимодействии, так как разные семемы могут детерминировать объективацию определенного сценария.

Ключевые слова: *концепт, семантическое поле, сценарий, ядро, периферия, языковая картина мира.*

Проблема построения и классификации ментальных структур стала одной из первых, которые были поставлены когнитивистикой на этапе ее формирования. В своих попытках создания типологии ментальных структур ученые предлагали учитывать такие основания, как: способ языковой репрезентации и лексикографической представленности концепта, характер «наблюдаемости», структура и содержание, степень абстракции, тематическая отнесенность и др.).

В когнитивистике ведется поиск наиболее адекватного терминологического аппарата, тем не менее, до сих пор одно и то же явление может описываться исследователями в разных терминах.

В ряду дискуссионных по-прежнему можно выделить следующие проблемы: количество и объем содержания описываемых ментальных структур, взаимоотношения концепта с рядом других когнитивных понятий: *фрейм, сценарий, геистальт* и т.д. Лингвисты (З.Д. Попова, И.А. Стернин) отмечают, что концепт может мыслиться как гипероним по отношению к другим – гипонимам. Роль гипонимов – видовая характеристика концепта. Так, гипонимами являются сценарий, фрейм, схема. Концепт может выступать и как гипоним, в этом случае гиперонимом становится такое понятие, как ментальная структура. Данную точку зрения разделяют М. Минский, Т.А. Ван Дейк, Чарльз Дж. Филлмор.

В работе поставлена **цель** – выявить специфику объективации ментальной структуры «смех» как концепта и сценария с учетом особенностей репрезентации данной структуры как компонента русской языковой картины мира.

В исследовании прослеживается интеграция традиционного и когнитивного подходов к языку. Так, при характеристике языковой картины мира применяются **методы и приемы** семасиологического анализа, тогда как осмысление результатов этого анализа осуществляется с позиций когнитивной лингвистики, в результате чего выстраиваются ментальные структуры.

Теоретическую базу исследования составили работы таких известных ученых, как: Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, И.А. Стернин, З.Д. Попова, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Ступанов, В.А. Маслова, В.И. Карасик.

В силу дискуссионности понятийно-терминологического аппарата дадим дефиниции основных типов ментальных структур и охарактеризуем их соотношение в данной иерархии.

Под фреймом, вслед за М. Минским, понимаем структуру для вербализации ситуации-стереотипа. Эта структура участвует в моделировании информации о типовых ситуациях. Лингвист В.В. Красных развивает точку зрения М. Минского, отмечая сложность исследуемого ментального образования, и предлагает такое определение: «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» [Красных 2000: 55].

Учение о фрейме получило разработку в работах других ученых. Так, были введены термины «скрипт» и «сценарий», под которыми понимаются модели поведения, предопределяющие последовательность мысли, эмоций, желаний, чувств [Вежбицкая 1996].

Дж. Лакофф выделяет гештальт. С точки зрения лингвистики ученый дает следующую дефиницию: гештальт – это способ соотношения семантики и оформляющих ее форм [Лакофф 1981: 359]. Особое внимание Дж. Лакофф уделяет ядру гештальта, считая, что в роли центра могут быть использованы только отвлеченные имена [Лакофф 1981: 366].

Обратим внимание, что выделенные исследователями типы концептов различаются не только по степени абстракции, но и по структуре. Оче-

видно, что фреймы, сценарии и гештальты обладают более сложной структурой, чем концепты-схемы и представления. На наш взгляд, не вполне правомерно ставить на одну ступень фрейм, сценарий, гештальт и, например, схему в силу разного объёма данных ментальных структур. В этом смысле мы придерживаемся мнения М. Минского, Чарльза Дж. Филлмора, Т.А. Ван Дейка и др., которые определяют в качестве родового понятия ментальную структуру, а все видовые понятия (концепт, наряду с фреймом, сценарием и т.д.) рассматривают как разновидности этих (родовых) ментальных структур.

Современными лингвистами картина мира понимается как совокупность знаний и представлений человека об окружающей его действительности.

Ученые сходятся во мнении, что языковая картина мира является одной из возможных форм представления концептуальной картины мира. В отличие от концептуальной картины мира, языковая картина мира – это «отображенное в сознании человека вторичное существование объектов мира, закрепленное в своеобразной форме», а именно в языке, в лингвистическом материале [Колшанский 1990: 22]. В создании языковой картины мира участвуют только вербальные/словесные знаки [Серебренников 1988: 107]. Такого же мнения придерживается и Е.С. Кубрякова. «Основным содержательным элементом языковой модели мира, по Ю.Н. Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания», т.е. единицы более высокого уровня [Кубрякова 1988: 139].

В настоящей работе мы рассматриваем смех с позиций лингвокогнитивного подхода как ментальную структуру, как мыслительную категорию, как единицу ментального лексикона говорящих людей. Семантическое поле является для нас инструментом изучения ментальной модели «смех» в русской языковой картине мира.

Моделируя семантическое поле и выявляя его связи и отношения с аналогичными структурами, можем восстановить фрагмент картины мира людей. Мысль о том, что семантическое поле отражает языковую картину мира, прослеживается в работах многих ученых, среди которых: Ю.Н. Караулов, Л.А. Новиков, А.А. Уфимцева и др. В своих работах Ю.Н. Караулов утверждает тот факт, что поля представляют собой эле-

менты или единицы языковой картины мира, само поле являет собой своего рода характеристику носителя языка, который воспринимает действительность и описание этой действительности [Караулов 1976: 176]. Семантическое поле строго структурировано: содержит ядро, к нему примыкает обширная периферия.

Как и любая полевая структура, семантическое поле смеха содержит ядро и периферию. Критериями включения единиц поля в ту или иную его часть является набор сем конкретной лексики. Общеизвестно, количество в семантической структуре дифференциальных сем, удаляет данную единицу от центра. Важна частотность употребления слова, а также наличие или отсутствие стилистической маркированности и оценочности, т.е. коннотации. В результате сплошной выборки из толковых словарей (МАС, словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, БАС) были выявлены группировки единиц, обладающие наличием общих сем с исследуемой лексемой, при этом учитывалась частеречная принадлежность единиц. В итоге нами выделены группы существительных, прилагательных, глаголов, междометий и наречий. В рамках каждой части речи были выделены семантические подгруппы.

Существительные распределились таким образом: существительные – наименования смеха: гогот, смех, смешок, хохот; существительные – номинации мимики, показывающей расположение к смеху: улыбка, усмешка, ухмылка; существительные, называющие позитивное или негативное отношение к кому/чему-либо: злая насмешка, посмешище, посмеяние, шаржирование; существительные – наименования комических жанров литературы, искусства: анекдот, карикатура, клоунада, комедия, пародия, шутка, эпиграмма, юмореска; существительные, в которых номинация смешного является транспозиционным значением: кино, озорство, развлечение, розыгрыш, скоморошничество, увеселение.

Процессы репрезентируют следующие микрогруппы: процессы, обозначающие состояние смеха или подверженность смеху: смеяться, засмеяться, улыбаться, ухмыляться; процессы с семантикой побуждения к смеху: веселить, развеселить, дразнить, забавлять; процессы, обозначающие эмотивные состояния с пейоративное или мелиоративной коннотацией: развеселиться, балагурить, веселеть, дурачиться, забавляться, потешаться, озорничать, напроказить.

Прилагательные можно распределить по следующим подгруппам: прилагательные, относящиеся к смеху и характеризующие смех: наигранный, сардонический, саркастичный; прилагательные, дающие характеристику лицу по его поведению: веселенький, веселый, клоунский, шутовской, игривый, колкий, шутливый; прилагательные, раскрывающие черты характера индивида: весёлый, иронический, ироничный, колючий, насмешнический, смешливый, язвительный; прилагательные, характеризующие ситуацию: анекдотический, забавный, комичный, смехотворный, уморительный, юмористичный.

Исследованный материал показывает, что семантическое поле является суперпарадигмой системы языка, отражая в нем обобщенный образ реальности – картину мира. Именно семантическое поле и являлось тем, объектом, которое репрезентирует ментальную структуру. Представленный фрагмент русской языковой картины мира можно охарактеризовать моделируется как гибридную модель, так как оно построено на базе взаимодействия лексических и грамматических компонентов. Рассмотренная номинативная часть поля «смех» включает подгруппы различных частей речи, которую схематично можно представить в модели поля:

- ядро: смех (1 и 2 семемы), звуки смеха, смешной (1 и 2 семемы), смешно (наречие и категория состояния), смеяться (1 семема), засмеяться, просмеяться, рассмеяться;
- ближняя периферия: смеяться (3 и 4 семемы), смешить, подшучивать, усмехаться, улыбаться, хохотать, хохот, хихиканье, улыбка, усмешка, насмешка;
- дальняя периферия: насмешливый, ироничный, забавный, комичность, веселость, шутливость, забавно, весело, ха-ха, хи-хи-хи, а-ха-ха.

Исследователь В.И. Карасик одним из важных дифференциальных признаков смыслового пространства ментальной структуры «смех» считает семантику степени проявления оппозиции злая / в меньшей степени злая насмешка. I-й компонент оппозиции предполагает нанесение вреда объекту, II-й компонент акцентирует внимание на желании субъекта сделать кого-либо объектом насмешки, он предполагает легкое порицание за нарушение приемлемых правил [Карасик 2009: 51-64]. Считаем возможным согласиться с точкой зрения, которая распространяет данные крите-

рии на характеристику смеха в целом и предлагает объективировать их в соответствующих ментальных сценариях.

Конструируя образную составляющую ментальной структуры «смех», оперируем метафорами, образующими зону периферии поля. Смех, персонифицируясь, осмысливается как нечто одушевленное. Частотность данной метафоры связана с антропоморфностью сознания человека: охватил / напал смех, смех подступил, побороть приступ смеха, смех душил / овладевал. Смех не всегда одерживает верх. В ряде случаев индивид способен оказать сопротивление, отсюда дифференциальные признаки неконтролируемости и интенсивности.

Смех может привести к потере контроля как над физическим, так и психическим состоянием человека. Данный образ смеха может сформировать сценарий: болезнь / психическое состояние человека. Здесь необходимо отметить амбивалентность смеха: смех-болезнь и смех-лекарство.

Путем семантического анализа выделим специфические черты русского поля «смех»:

- 1) установление причины, вызвавшей смех;
- 2) выявление оценочной характеристики смеха, влияющей на эмоциональное состояние объекта;
- 3) характеристика объектов в зависимости от морального права или морального запрета на осмеяние (религиозные объекты, наличие физических или психических недостатков индивида, референты, обозначающие святые для данного этноса понятия).

На базе номинативного и образного компонентов поля можно предложить сценарий ментальной структуры «смех». Центральной частью (ядром) данного сценария являются лексические и грамматические конститuentы поля. Опираясь на исследование С. А. Поповой [Попова 2018: 156], считаем облигаторными такие компоненты сценария «смех», как: **субъект** (носитель эмоционального состояния); **предикат** (вербализация / невербализованность действия); **причина** (свойства и качества объекта); **физические и психические недостатки** (отсутствие моральных норм); **факультативный объект** (одушевленный/неодушевленный референт); **детерминатор оценки субъекта** (положительная/отрицательная оценка); **цель** (намерение субъекта); **специфика и способы взаимоотношений коммуникантов** в определенной ситуации; **эмотивно-оценочный ком-**

понент конситуации. Обращаем внимание на то, что образная объективация ментальной структуры «смех» представлена метафорическими номинациями.

Приходим к заключению: «смех» как компонент русской языковой картины мира и как сложное системное образование отличается процессуальностью, открытостью и подвижностью. Границы семантического поля детерминированы эволюцией абстрактного мышления индивида, появлением новых референтов (смехотерапия), выявлением новых свойств в предметах окружающей действительности. Именно отмеченные причины способствуют появлению новых синтагматических связей, что влияет на способность ментальных структур к самоорганизации (это касается перехода определенных лексем из актива в пассив).

Таким образом, анализ средств объективации ментальной структуры смех» в русской языковой картине мира показывает, что образная и сценарная его составляющие дополняют друг друга, создавая в сознании носителей языка амбивалентное информационное единство. Смех в русской культуре понимается как болезнь и как лекарство – от смеха могут как задохнуться и краснеть, так и набираться душевных сил.

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
2. Карасик В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Вып. 10. С. 51–64.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., Наука, 1976. 356 с.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. 108 с.
5. Красных В.В. Строения языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика: в 2 ч. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 53–55.
6. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в познании и языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.

7. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. Лингвистическая семантика. С. 356–368.

8. Попова С.А. Ментальная структура «смех» в русской языковой картине мира (на фоне английской). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 223 с.

9. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 87–107.

THE OBJECTIFICATION OF THE MENTAL STRUCTURE “LAUGHTER” IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

© E.V. Sirota

Abstract. The purpose of the research is to study the representation of the mental structure of *laughter* in the Russian language picture of the world. Both cognitive and *linguo* -cultural methods were used: the component analysis, the method of dictionary definitions, the contextual analysis and the distribution analysis. The result lies in the construction of cognitive structures: the semantic field of nominative and figurative types, as well as the scenario for the structure in question, relevant for the Russian picture of the world. When characterizing the core and the peripheral zones, it has been concluded that the periphery region is represented by metaphorical nominations. The analyzed material has allowed us to state the following: the concept – field and the concept – script are in interaction, since different sememes can determine the objectification of a certain script.

Keywords: *concept, semantic field, script, core, periphery, linguistic picture of the world.*

ГДЕ ГРАНИЦА МЕЖДУ ПОВСЕДНЕВНЫМ И ПОЭТИЧЕСКИМ ВЫСКАЗЫВАНИЕМ?¹

© *О.В. Соколова, В.В. Фещенко*

Аннотация. Целью исследования является выяснение статуса границ между поэтическим и обыденным высказыванием в художественном дискурсе экспериментального характера. Приводятся определения поэтического высказывания (В.Н. Волошинова, Э. Бенвениста). Основной материал – поэтические и гибридные (находящиеся на границе художественной и повседневной коммуникации) тексты в блогах и социальных сетях последних десятилетий. Дополнительно приводятся примеры из поэзии XIX и XX вв., демонстрирующие колеблющуюся границу между обыденным и художественным высказыванием в краткой поэтической форме. Делается вывод о том, что гибридные тексты представляют собой форму коммуникативно-перцептивного эксперимента над читателем. Таким образом, граница между повседневным и поэтическим высказыванием не проходит по самому высказыванию, а по всей коммуникативной ситуации, и в частности, по самой интенции – и адресата, и адресанта.

Ключевые слова: высказывание, поэтический дискурс, обыденный язык

Тема нашей статьи – границы между поэтическим и обыденным высказыванием в художественном дискурсе экспериментального характера, то есть формы взаимодействия поэтического дискурса и обыденного языка в различных средах и интерфейсах, как офлайн, так и онлайн. Пользуясь метафорой из названия книги Т.Б. Радбиля [Радбиль 2017], нас будут интересовать «парадоксы взаимоотражения» поэтической и практической речи в современных арт-практиках. Если наш юбиляр исследовал аномалии в художественном языке практически у самых их истоков – в «котловане» языкового эксперимента, – то мы, вдохновленные этим примером, решили выяснить, какие аномалии характерны для языка новейшей поэзии, и в чем заключается их специфика по отношению к обыденному языку и разговорной речи.

Понятие «высказывание» трактуется несколько по-разному у логиков и лингвистов. В логике под ним понимается предложение, выражающее суждение, которое может быть истинным и ложным. В лингвистике противопоставление истинности и ложности снимается, и на первый план

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-28-00522) в Институте языкознания РАН.

выходят коммуникативные факторы высказывания как речевого акта (см. классические определения высказывания Э. Бенвениста («приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования») и В.Г. Гака («единица речевого общения»)). При этом под высказыванием чаще всего понимается коммуникативный отрезок, эквивалентный законченному предложению, т.е. оформленной единице речевого действия.

Еще до того, как термин «дискурс» обосновался в науке, вокруг подобного явления в области языка развивал свою теорию В.Н. Волошинов, а М.М. Бахтин применял ее на материале романских текстов. Книга «Марксизм и философия языка» [Волошинов 1929] ставила одной из целей описать природу высказывания как основы социального «речевого взаимодействия». В этой книге также возникает понятие «художественного высказывания» как непосредственная предпосылка того, что позднее будет названо художественным дискурсом.

В более ранней статье В.Н. Волошинов ввел еще более актуальное для нас разделение «жизненного высказывания» и «поэтического высказывания»: «Задачей нашей работы является попытка понять форму поэтического высказывания как форму этого особого эстетического общения, осуществленного на материале слова» [Волошинов 1926: 248]. У Волошинова формируется социально-ориентированная концепция языка, в том числе языка художественного. А художественная коммуникация (в терминах того времени – «общение») выделяется наряду с другими типами общения: производственного, делового, бытового, идеологического. Своеобразие эстетической коммуникации видится в художественных задачах, отличных, например, от задач в коммуникации политической или рекламной. Приводится пример различия этих дискурсов: «1) бытовая фраза, употребленная в беседе: *«Я хочу, быть похожим на Ленина, на Владимира Ильича»*; 2) агитационная фраза, сказанная на митинге: *«Товарищи, чтобы оказаться достойными чести заменить умершего вождя в наступившую полосу великих работ, в эпоху напряженного строительства, каждый из вас должен сказать себе: “Я хочу быть похожим на Ленина, на Владимира Ильича”*»; 3) поэтическая фраза из стихотворения комсомольского поэта: *«Наша жизнь океаном вспенена, / Наша жизнь как вулкан горяча! / Я хочу быть похожим на Ленина, / На Владимира Ильича»*» [Волошинов 1930: 238]. В каждом из трех случаев интонация этих фраз и

их, как сказали бы мы, дискурсивные особенности, обуславливают «ценностную разноразвесность» этих высказываний, их функциональную дифференциацию. Как известно, этот подход был раскритикован официальной советской лингвистикой и оценен по достоинству только во французской школе анализа дискурса 1960-х годов, в поздних статьях Р.О. Якобсона и в Московско-Тартуской школе в 1970-е.

В статье 1960 года «Лингвистика и поэтика» Якобсон приходит к идее о поэтической функции языка как «направленности (Einstellung) на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого». Однако вопрос о прагматике поэтического высказывания им не ставится. Еще один шаг вперед вслед за ним делает Э. Бенвенист. В не опубликованной при жизни работе о Ш. Бодлере французский лингвист более пристально касается языка поэтического в его отличии от практического: «Кажется, поэтический язык раскрывает нам такой тип языка, об объеме, богатстве и особой природе которого мы до настоящего времени едва ли подозревали. ... Подобно тому, как Соссюр призывал изучать язык «в самом себе и для себя», поэтический язык должен рассматриваться в самом себе и для себя. Он обладает иным способом сигнификации, чем язык повседневный, и должен получить отдельный аппарат определений. Он требует другой лингвистики» [Benveniste 2011: 303] (пер. с франц. В.В. Фещенко). В своем поэтологическом труде Бенвенист ставит проблему поэзии как особого дискурса: «Стихотворение – это особое высказывание. Оно формирует уникальный дискурс, состоящий из слов, соединяемых в нем в первый и единственный раз» [Idem: 272].

Напряжение между поэтическим и обыденным употреблением высказывания как предложения можно проиллюстрировать, обратившись к известному одностроку В. Брюсова, созданному в конце XIX века. Обратим внимание, в какой форме оно появилось впервые на страницах его сборника стихов: *О закрой свои бледные ноги*. Изначально Брюсов пробовал разные варианты, но в итоге напечатан был именно такой: без знака препинания после *О*, которое, соответственно, функционирует не как междометие, а как частица, выражающая высокую степень удивления, восхищения или недовольства, и с точкой вместо восклицательного знака. Этот моностих произвел не только шок на тогдашних читателей, но еще и был аномален по языковой оформленности, поскольку здесь эмо-

циональная частица сопровождается вполне нейтральной пунктуацией. Вместо патетического обращения и восклицания, традиционного для поэзии, строчка эта нарушает сразу два синтаксических ожидания и будто бы обретает сниженный, почти разговорный регистр. Брюсов словно заигрывает с обыденностью столь деликатного объекта, как «открытые ноги» и снимает поэтичность имплицитного обращения. К таким ухищрениям на грани поэтизмов и прозаизмов часто прибегали футуристы; на уровне элементарных однострочных высказываний это явлено наиболее эпатажно в «Поэме конца» В. Гнедова. Еще дальше шли обэриуты, которые на своих поэтических акциях вывешивали абсурдные лозунги на границе между обычной несуразицей и поэтическим алогизмом: «Плачь мясорубка вскачь»; «Шли ступеньки мимо кваса», «Мы не пироги» и т.п. Абсурдистские высказывания становились репликами персонажей пьес Д. Хармса и А. Введенского, раздвигая границы прагматических аномалий в художественном тексте.

Как раз в те годы (1960-е), когда Э. Бенвенист формулирует положения теории поэтического дискурса, по всему миру возникают практики акционально-прагматического искусства, в том числе искусства вербального, в котором на первый план выходит иллокутивная сила высказывания. Одним из первых этой техникой начал пользоваться Дж. Кейдж в своих «Лекциях о ничто». Одна из таких известных фраз его *I have nothing to say and I am saying it, and that is poetry as I need it* как раз являет собой пример иллокутивного парадокса, свойственного арт-акционизму. Искусство концептуализма порождает особую «пропозициональную поэтику», т.е поэтику высказываний как таковых (см. объекты-вывески уругвайского художника Л. Камнитцера, вербальные комментарии на картинах И. Кабакова, неоновые вывески Дж. Кошута и т.д.).

Уже в области поэтического дискурса циклы американского поэта Р. Греньера 1970–1980-х годов строятся на особом типографском размещении высказывания в пространстве книги. В этом формате была создана его серия *Sentences*, состоящая из пятисот карточек большого формата, каждая из которых содержит короткое стихотворение, состоящее из одной или нескольких строк. Освобожденное от ограничений переплетенной книги, это произведение можно читать в любом порядке, как отдельные тексты, и как длинное стихотворение с динамичными отношениями

между частями. Дейктические сдвиги как внутри, так и между отдельными страницами актуализируются отдельными дейктическими единицами, как, например, в карточке с текстом: *why you say you see later*. Такие короткие перформативные стихотворения (как и типологически близкие к ним карточки Л. Рубинштейна) представляли, по сути, прототип обмена мгновенными сообщениями в интернет-коммуникации нашего времени. Л. Рубинштейн не прекращает такого рода практику и по сей день, выпустив недавно гибридную книгу, составленную из его постов в соцсетях («Кладбище с вайфаем», 2020). В этом же русле развивается деятельность поэтов-минималистов И. Ахметьева и Г. Лукомникова, экспериментирующих с обыденным высказыванием в рамках поэтической строки см. миниатюры И. Ахметьева: *а вы уверены / что вы / именно это / хотели сказать?; что вы что вы / я ничего*).

Установка на преодоление границы между поэтическим и обыденным, заданная в первой половине XX века, получила новый вектор развития во второй половине прошлого века – начале нынешнего. Классическая коммуникативная дихотомия «устное» – «письменное» расширилась, дополнившись новой формой интернет-коммуникации, распространенной в новых интерфейсах: в социальных сетях, блогах, мессенджерах и приложениях.

Обращаясь к специфике коммуникации современной поэзии в новых медиа, отметим, что в зависимости от формата (блоги, социальные сети, мессенджеры или приложения типа «Telegram»), она может совмещать асинхронный и синхронный, дистантный и контактный типы интеракции. Наиболее релевантным в этом плане является формат поэтических текстов в социальных сетях, в которых принципы очной (или *face-to-face*) коммуникации, с характерным для нее синхронным общением, совмещаются с принципами дистантной коммуникации, когда каждый участник оставляет определенный семиотический «след». Это связано с тем, что социальные сети обладают двойной перспективой синхронизации: сообщения могут быть прочитаны как в момент отправки, так и спустя время, и обладают широким, но ограниченным кругом адресатов, к которым чаще относятся т.н. *друзья* или *френды*, *подписчики*. Более того, в современной поэзии автоадресация (по Ю.М. Лотману) и «идеальная» адресация (по В. Беньямину) дополняются новыми видами адресации, когда

сообщение формирует актуальную интеракцию, вовлекая в процесс коммуникации адресатов как в синхронном режиме, так и в отдаленном, позволяющем участникам включаться в диалог, выбирая тот или иной коммуникативный ход. При этом важна и возможность непосредственного диалога автора и адресата благодаря набору репликовых инструментов (комментарии, лайки, перепосты, теги), которые также могут быть симультанными и дистантными, диалогичными и полифоничными.

Наблюдается трансформация поэтических платформ, перекодировка из формата «бумажных» носителей в цифровую среду. Далее рассмотрим взаимодействие обыденного языка и поэтического дискурса на материале сообщений в социальных сетях, которые включают разные виды текстов: поэтические тексты с комментариями и гибридные тексты.

Интернет-пространство подразумевает формат «открытой» семиотической структуры, включающей постоянно обновляемый контент, а также возможность коммуникативного перехода (*turn-taking*) между автором сообщения (поэтического текста) и адресатами (пользователям сети). В поэтической коммуникации в соцсетях происходит трансформация традиционных «разговорных ходов» (*conversational turn*), которые являются основой диалога и строятся из определенных «смежных пар» (*'adjacency-pairs'*), следующих друг за другом (например, вопрос-ответ). Инициальный поэтический пост может задавать разные диалоговые перспективы: поэтическую, метапоэтическую, фатическую, критическую и др.

Рассмотрим некоторые виды такой поэтической онлайн-коммуникации:

(1) Прямое или косвенное вовлечение адресата в интеракцию

Такой формат активно используется в современной поэзии как новая форма общения, максимально приближенного к симультанному, когда, как в посте Р. Осминкина, прямая номинация персонажа (*никита сунгатов* или *павел арсеньев*) отсылает к реальному адресату, которого можно тегировать, вовлекая в интеракцию, и который сам способен включиться в поэтическую коммуникацию, оставив комментарий или поставив лайк, как в данном случае:

Роман Осминкин

8 июня, 09:18 2021

то ли три говорящих тела

то ли пиксели на мониторе

где модальности перетекают
одна в другую – там нас уже нет
это говорит никита сунгатов
никита сунгатов – поэт
а стихи являются в душу поэта
в виде звуковых пятен не вылившихся в слова
говорит шкловский говорит шкловский
голосом павла арсеньева
при желании меня можно легко науглеть
говорит мертвый гоголь

(2) Смена коммуникативного хода: метапоэтический репликовый шаг

Пример – ответные реакции на поэтический пост Д. Давыдова:

Danila Davydov

27 мая, 01:51 2021

людоедство почему-то считается
асоциальной и чуть ли не преступной
практикой, говорит людоед, очевидно, это
распространенная во всем мире практика,
но двойные стандарты, знаете, а сам
глядит ясным взором на корреспондента
телеканала, среди акционеров которого
числится людоед и другие людоеды

А.П.

– Ты меня уважаешь? – говорит
людоед людоеду.

А.К.

людоедолюдоед

П.Д.

на самом-то деле главные акционе-
ры – вампиры, им вся эта кулинар-
ная обработка без надобности

Комментарии реализуются в русле метапоэтического характера:
участники вводят прецедентные тексты (*Ты меня уважаешь?*), окказио-
нализмы (*людоедолюдоед*) и др.

С разными форматами экспериментирует и В. Гагин; зачастую его
тексты относятся к группе гибридных текстов, когда читатель не знает,
какой именно текст перед ним. Но иногда Гагин эксплицитно обозначает
жанр своего поста как «стихотворение»:

Влад Гагин

22 мая, 00:02 2021

это стихотворение написано в метро
с помощью нового телефона
купленного, чтобы работать в одной
организации, всю дорогу

А.К.

Хороший телефон!)

Влад Гагин

Антон Командиров так всем фейсбу-
ком выбирали!

А.К.

залипал в телефон, этого не одобряет
Андрей Тавров и, возможно, Ален Ба-
дью ... о ситуации, связанной с микро-
насилием хотел записать войс номер два
про похожую ситуацию, но...

Vlad Gagin И стихи отличные
Влад Гагин
Антон Командиров спасибо!

Таким образом, он задает определенные перцептивные рамки читате-
лям своей ленты, ставя коммуникативный эксперимент, в который вовле-
каются адресаты, комментирующие как медиа, с помощью которого
написан текст, так и сам текст: *Хороший телефон!*), *И стихи отличные*.

(3) Смена коммуникативного хода с перераспределением инициа- тивы: перехват и удержание

Перераспределение инициативы происходит, когда в ответ на поэтиче-
ский пост, как в следующем примере из Д. Давыдова, адресат использует
технологическую возможность участия в коммуникации как попытку
корректировки исходного сообщения:

Danila Davydov,
22 мая, 03:21 2021

СТАНСЫ

она на провод наступила,
а он за парাপет ступил,
и для нее не наступила,
и он все это пропустил.

у бэнкса – он ведь тоже мертвый –
в алгебраисте есть народ,
домой к себе который мертвых
со всего космоса везет...

Г.В.

Вначале: А он все это протупил. А?

Danila_Davydov

нет, конечно

Danila_Davydov точная рифма мне тут уж
совсем не нужна. но спасибо, конечно,
за то, что вы, коллега, решили помочь
начинающему автору

Г.В.

это у меня от волнения)

Такой прием можно обозначить как «перехват инициативы».

(4) Отдельно отметим формат **поэтического флешмоба**, когда поэт
имплицитно или эксплицитно приглашает адресатов к участию в творче-
ском акте. **Имплицитное приглашение** представлено в постах Г. Луком-
никова, которые провоцируют читателей принять участие и написать свои
варианты:

Герман Лукомников
8 июня, 05:18 2021

Да, я глыба. Но у глыбы
Вы бы сгладили углы бы?

В.Б.

Я бы сгладил все углы бы,
если б я бы был как глыба

В этом формате выражается сочетание таких параметров интернет-коммуникации, как вариативность и модульность. Другой вариант – **эксплицитное** обращение к адресатам с приглашением к соучастию в создании текста. Например, поэт А. Черкасов развивает метод поэтического флешмоба в соцсетях в практике «закончите стихотворение». Автор размещает скриншот-строку из контекстной рекламы или с какого-то сайта, имеющую стихотворный размер или другие черты поэтического текста, а в комментариях поэты продолжают четверостишие или даже целый текст. Так получился цикл «Именины» Василия Бородина, который писал свои тексты под постами-триггерами Черкасова, взятыми с сайта имён:

Андрей Черкасов «закончите стихотворение» Vasily Borodin : #именины, 2021

Первая строка каждого из этих стихотворений – фрагмент текста из раздела «Именины» сайта Calend.ru.

Емельян не любит спешки
он как шар орла и решки
на вертящемся ребре
в сентябре и октябре
к ноябрю он опадает
и размазанно дрожит
в декабре совсем лежит
плоской решкой наблюдает
мёрзлый мрак земли-стола —
и ни солнца, ни орла

(5) «Гибридные» тексты, характеризующиеся пограничным форматом между поэтическим и обыденным высказыванием

Помимо рассмотренных выше поэтических текстов в интернете, отдельно мы выделяем формат «гибридных» текстов как промежуточных, возникающих на границе поэтического и обыденного высказывания. Интердискурсивная природа таких высказываний основана на их прагматической природе как паттернов, или реплик, которые могут иметь нели-

нейную форму, сближающую их с поэтическим текстом, но они публикуются в общем потоке «новостной ленты» в социальных сетях как обыденное высказывание. Такая форма «поэтических заметок, постов или твитов» обладает повышенной интенцией к интеракции, связанной с триггерным потенциалом высказывания, возможность двойной интерпретации которого часто рефлексировалась и читателями, и самими авторами в виде диалогов-комментариев о его художественном статусе.

Некоторые из этих текстов позже были опубликованы на бумажных носителях: «Лит.ра. Избранные фб-записи» (2017) А. Скидана, «Кладбище с вайфаем» Л. Рубинштейна (2020). В гибридных текстах повышается прагматическая нагрузка высказывания. Так, если обычно в блогах и соцсетях в качестве тегов выступают однозначные слова (*человек, радость, город*), то в гибридных текстах Скидана в роли тегов выступают дейктические маркеры, фиксируя привязку к параметрам актуальной коммуникации: *#теперькогдамоейжизнипоявиласьэллендея*.

Гибридные тексты представляют собой форму коммуникативно-перцептивного эксперимента над читателем. Расщепление идентичностей автора, который является одновременно пользователем сети, с определенным «ником», поэтическим и грамматическим субъектом, приводит к расщеплению адресата, который должен совершить выбор не только коммуникативной роли отправителя, но и собственной роли: будет ли он адресатом «обыденного» поста или поэтического высказывания. В зависимости от этого коммуникативная стратегия может развиваться в противоположных векторах. Пожалуй, идеальным адресатом будет тот, кто выйдет на метапозицию и будет совмещать все коммуникативные роли одновременно.

Таким образом, граница между повседневным и поэтическим высказыванием не проходит по самому высказыванию, а по всей коммуникативной ситуации, и в частности, по самой интенции – и адресата, и адресанта. Более того, эта проблема имеет и реверсивный вектор направленности, когда не готовый для восприятия поэтического текста «обыденный» адресат читает художественный текст как, например, исторический или натуралистический документ и начинает обвинять А.С. Пушкина в том, что медный всадник был бронзовым. Получается, что «поэтический» адресат может воспринять как поэтическое высказывание даже обыден-

ное, а «обыденный» адресат, напротив, прочитает и поэтическое высказывание как обыденное.

Список литературы

1. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда, 1926, № 6. С. 244–267.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
3. Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. Л.: Прибой, 1930. С. 203–240.
4. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 586 с.
5. Benveniste E. Baudelaire. Limoges: Lambert-Lucas, 2011. 770 p.

WHERE IS THE BORDER BETWEEN CUSTOM AND POETIC UTTERANCE?

© *O.V. Sokolova, V.V. Feshchenko*

Abstract. The purpose of the study is to clarify the status of the boundaries between poetic and ordinary utterances in artistic discourse of experimental nature. Poetic utterance is defined according to V.N. Voloshinov and E. Benveniste. The main research material is poetic and hybrid (located on the border of artistic and everyday communication) texts in blogs and social networks of recent decades. Additionally, examples are given from poetry of the 19th and 20th centuries, demonstrating the fluctuating boundary between ordinary and artistic expression in short poetic form. The article concludes that hybrid texts represent a form of communicative-perceptual experiment on the reader. Thus, the border between everyday and poetic utterance does not pass through the utterance itself, but through the entire communicative situation, and in particular, through the intention itself – both the addresser and the addressee.

Keywords: *utterance, poetic discourse, everyday language*

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УМБЕРТО ЭКО

© Т.М. Столбова

Аннотация. В статье рассматриваются современные способы анализа художественного текста на примере семиотического анализа, предлагаемого Умберто Эко. Особый интерес вызывает концепция «М-автора», а также дефиниция «эмпирического» и «образцового» читателя в научных и публицистических работах Умберто Эко, а также их реализация в его художественных текстах. Цель статьи – определить наиболее существенные компоненты теории интерпретации литературного текста Эко. В статье используется метод анализа художественного, публицистического и научного текста, производится сравнение определения и функционирования основных научных категорий У. Эко для каждого из случаев. В результате выделены такие компоненты интерпретативной концепции Эко как: текст, интертекст, гипертекст, контекст, нарратив, мета нарратив, двойное кодирование, М-автор, М-читатель, эмпирический читатель, образцовый читатель. Прослежено, как У. Эко прошел путь от ученого и публициста до автора художественной прозы.

Ключевые слова: *Умберто Эко, семиотика, М-автор, эмпирический читатель, образцовый читатель, анализ*

Умберто Эко – прежде всего, ученый: филолог, философ, замечательный медиевист, глубокий знаток средневековой культуры, эстетики и истории, специалист по коммуникации, ярчайший литературный критик и публицист. Выступая последователем таких выдающихся ученых-филологов как Ч. Пирс, Л. Ельмслев, Р. Барт и др., он разработал собственные модели анализа текста, которыми пользуются современные исследователи и без которых уже невозможно обойтись. Можно сказать, что он изменил всю ранее существовавшую концепцию анализа текста, изменил взгляды филологов на сам процесс литературного творчества, поэтику литературного текста, вопросы смыслопорождения, восприятия и интерпретации художественного текста [цит. по: Суханова: 2017].

Уникальность Умберто Эко состоит в том, что он выступил не только как филолог, специалист по семиотике, но и как автор замечательных романов, каждый из которых стал настоящим явлением культуры, разошелся миллионными тиражами и сохраняет неизменно высокую популярность у современных читателей. Эко шел «от теории к практике». Дамиано

Ребеккини, итальянский исследователь, в своей работе «Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике» пишет: «Одна из его главных заслуг состоит в умении ярко и одновременно с чувством меры сопрягать теоретический дискурс с анализом конкретных явлений современной культуры. И именно эта способность моделировать теорию, отталкиваясь от непосредственного наблюдения, как мне представляется, является характерной особенностью всех его произведений...» [Ребеккини 2006].

1962 году вышла работа Эко «Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике», в которой, разработав категории «открытого» и «закрытого» художественного произведения, Эко принципиально меняет взгляд на текст, предлагает свое понимание поэтики, учитывая актуальные наработки структурализма, постструктурализма и постмодернизма, что позволяет ему существенно расширить взгляд на интерпретацию художественного произведения. Эко предлагает рассматривать художественный текст не только в аспекте традиционного понимания классической поэтики, как организации писательского замысла, но и с учетом теорий информации и коммуникации, то есть как «способ создания» произведения, когда, в процессе написания, произведение обогащается новыми и новыми смыслами и вариантами прочтения. Так появляется понятие «открытого произведения»: «это принципиально неоднозначное сообщение, множественность означаемых, которые сосуществуют в одном означающем». «Открытое произведение» развивает мысль о том, что любой текст творится в той же мере читателем, в какой и автором. «Всякий текст, – пишет Эко, – это ленивый механизм, требующий, чтобы читатель выполнял часть работы за него. Текст, в котором излагалось бы все, что воспринимающему его человеку надлежит понять, обладал бы серьезным недостатком – он был бы бесконечен» [Эко 2002с: 1].

Текст, имеющий завершенную форму, «...является открытым, предоставляя возможность толковать себя на тысячи ладов и не утрачивая при этом своего неповторимого своеобразия» [Эко 2004г: 384]. Те же произведения, которые являются «незаконченными», позволяют читателю принимать участие в творческом процессе создания новых интерпретаций текста.

С течением времени теоретические взгляды Эко постоянно совершенствуются, развивается, дополняется и видоизменяется его отношение по

вопросам культуры, эстетики, художественной литературы, творчества. Эко разрабатывает новые аспекты, понятия, решения. В 1992-3 годах создается цикл лекций «Шесть прогулок в литературных лесах», где Эко разрабатывает и обосновывает понятия «эмпирический» и «образцовый» читатель. «Лес» у Эко – это художественный текст, куда отправляется читатель при чтении книги. Он продолжает известную метафору Рене Декарта о том, что современная литература – это лес, при этом исключая из нее страх перед этим самым лесом. Главы сборника носят названия «Входим в лес», «Леса Луази», «Медлим в лесу», «Вероятные леса» и т.д.

В «Шести прогулках» накоплен энциклопедический объем знаний, поданных увлекательно и остроумно. Автор рассуждает о произведениях Эдгара Алана По, Хорхе Луиса Борхеса, Джеймса Джойса, Марселя Пруста, Нерваля, Гомера, Данте, Дюма, Итало Кальвино и др. Эко анализирует и проводит параллели между произведениями как высоких, так и низких жанров, как классических, так и современных, как литературных, так и принадлежащих к другим областям культуры. Читателю Эко открывается два пути, между которыми он волен выбирать: широкая дорога, по которой можно быстро, устремленно дойти до цели, или извилистый путь со множеством боковых тропинок, который будет намного дольше, но который зато позволит читателю понять, как устроен весь лес. Читатель, идущий по второму пути, достигает намного более глубокого понимания литературного текста. Именно такой читатель обретает способность не только анализировать текст, но и достраивать его с помощью интерпретации. Эко предлагает не просто внимательно читать, но и перечитывать тексты, поскольку многократное прочтение дает возможность все новых и новых интерпретаций. «Люди, – пишет Эко, – никогда не перестанут читать литературные произведения, ибо именно в них мы ищем формулу, способную предать смысл нашему существованию» [Эко 2002е: 264-265]. Эко выступает популяризатором гуманитарного знания и художественной литературы, его работа рассчитана не только на искушенного образованного читателя, но и на самого неподготовленного. «Шесть прогулок» сразу стали бестселлером и остаются таковым по сей день.

В 2002 году выходит работа «Роль читателя. Исследования по семиотике текста», сборник очерков, в которых Эко продолжает рассмотрение проблем открытого и закрытого произведения, изучение повествователь-

ных структур, возможностей интерпретации, типы читателей и авторов. Эко вводит понятие «модель автора», «М-автора», т.е. такого образцового автора, в тексте которого создаются все возможные условия для актуализации в нем всего потенциального содержания. Помимо «М-автора», для Эко существует «М-читатель» – «образцовый», «идеальный» читатель, выполняющий, в процессе чтения текста, сотворческую роль, т.е. каждый раз, читая текст, читатель интерпретирует его и заново участвует в процессе его создания. Эко говорит о том, что автор, замысливая произведение, предполагает некую общую модель потенциального читателя. Этот читатель может пройти путь от «эмпирического читателя» до «образцового». С этой целью автор выбирает для произведения определенный языковой код, соответствующий литературный стиль, который Эко называет «идеалект», а также дает в тексте определенные указатели, адресующие его для конкретной категории читателя. «Открытый» текст по Эко способен лепить, моделировать читателя, дающего интерпретацию тексту. Поэтому, как пишет Эко, – «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко 2005д: 15].

И научные работы Эко, и его художественные произведения характеризуются и обладают множеством смыслов, постоянной игрой с разными понятиями, образами, формами. Из-за этого его часто относят к постмодернистским авторам, однако Эко во всем своем творчестве, которое вбирает в себя категории структурализма, постструктурализма и постмодернизма, выходит за рамки какого-то одного течения и создает в сфере семиотики, теории коммуникации, эстетики свой собственный категориальный мир. Кроме того, Эко создал новый тип интеллектуала-гуманитария, рефлексизирующего автора и читателя, для которого мир научных категорий неотделим в тексте от собственного художественного мира. Начиная с Эко, такая проза обрела необыкновенную популярность, и остается таковой по сей день. Постмодернистскую идею о ничем не ограниченном множестве прочтений текста Эко ограничивает присущим тексту имманентным смыслом и интенциями текста. Эко настаивает на том, что между автором и читателем должно создаваться устойчивое соотношение, тип сотворчества, для чего читатель должен обладать необходимым уровнем компетенций и потенциалом «М-читателя».

Так, развитие личности в концепции Эко выходит на первый план. Текст Эко рассчитан не только на интеллектуалов, но и на обычного читателя, но у которого в процессе постижения текста должно выработаться стремление понять и осмыслить как можно больше из того, что заложено в текст автором. На протяжении всего своего творчества Эко последовательно развивает и углубляет свою концепцию автора-ученого-гуманитария эпохи глобализации всех областей жизни и роста свободы коммуникаций. Зачастую в его публицистических и научных работах, а также художественных текстах, повторяются похожие фрагменты. Таким образом Эко намеренно создает для читателя интертекстуальную область, что позволяет говорить о его творчестве, как о «гипертексте». Каждый текст Эко выступает аналогом множества справочной литературы, дополнительных документов и данных, словарей, содержит в себе огромный объем информации и при этом остается все же текстом, доступным для понимания простому читателю.

К 1980 году Умберто Эко перестает быть теоретиком гипертекста, потому что в свет выходит его роман «Имя розы», а вслед за ним комментарий под названием «Заметки на полях «Имени розы», в котором Эко объясняет, как именно автор создает свое произведение. Эко призывает читателя слушать «эхо интертекстуальности». Он заявляет, что ему «открылось то, что писатели знали всегда и всегда твердили нам: что во всех книгах говорится о других книгах, что всякая история пересказывает историю уже рассказанную. Поэтому моя история могла начинаться только с найденной рукописи – что также, разумеется, представляет собой цитату» [Эко 1989а: 430]. Там же Эко обосновывает «космологическую структуру» романа, т.е. писатель создает отдельный мир, а не только пишет какую-либо историю.

Подробнее эту мысль Эко развивает в эссе «Откровения молодого романиста». В «Откровениях» Эко как бы подытоживает свои ранние труды по созданию гипертекста, формирующего «образцового» читателя. Фигура читателя обретает здесь поистине громадное значение, иногда перекрывающее значение самого писателя, потому что читатель способен актуализовать в тексте те смыслы, которые не были заложены писателем. Но главное место, по мысли Эко, в творчестве все же принадлежит «миротворчеству» т.е. автор создает некий внутренний мир произведения и

наполняет его определенным содержанием, с одной стороны, рассказывая историю, а с другой стороны, создавая целый космос, творя уникальный мир, по которому и автор, и читатель могут уверенно передвигаться. Например, мир средневекового монастыря в «Имени розы», культурный мир Европы XVII века в «Острове накануне» и т.д.

Примечательно, что Эко, наполнив свои произведения терминологией и содержанием семиотики и постмодернизма, однако, не уходит далеко от общих подходов и принципов литературного творчества классицизма и реализма XX века. Например, его романы вполне можно соотнести с романом-мифом Томаса Манна «Иосиф и его братья», принадлежащим к европейской интеллектуальной прозе XX века и построенным на библейской истории об Иосифе. Манн говорил о том, что необыкновенно важным для него было создать у читателя впечатление, что история Иосифа разворачивается непосредственно перед его глазами, но при этом отмечал, что точность изображения не более, чем иллюзия, созданная искусством игра, видимость, что писатель прибегает ко всем возможным приемам: психологизации, драматизации, исторического комментирования, с одной целью – добиться эффекта реальности, достоверности происходящего, но несмотря на все это, движущей силой произведения остается авторский юмор.

Юмор, игровое начало в той же степени присущи писательской манере Умберто Эко, которого мы причисляем к постмодернизму, а Манна – к классицизму, несмотря на то, что их творческий принцип необыкновенно схож. «Ироническая метка реализма» – это то, чего сознательно добивается Эко в своих произведениях, чтобы создать в них полное ощущение реальности, в чем он признается в «Откровениях молодого романиста». Это определило творческий метод Эко, который можно обозначить как «неторопливость вдохновения» [Федоров 2016], т.е. Эко целиком погружается в разнообразный материал, включающий как научные изыскания, так и личные впечатления, имея целью погрузить читателя как можно глубже в художественный мир, который на время чтения обретает для него все возможные признаки реальности, т.е. создать эффект экфрасиса. Именно это определило создание у Эко так называемого «нарративного» стиля. Эко пишет: «Каждая научная книга просто обязана быть приклю-

ченческой – этакий отчет о поисках очередного Святого Грааля» [Эко 2013в: 17-18]. Именно эту манеру Эко называет нарративностью.

Помимо триады «автор-произведение-читатель» Эко провозглашает важное значение концептуальной насыщенности художественного текста. Категорию концептуальности он понимает через понятия семиотики, постструктурализма и постмодернизма: «Код», «модель», «знак», «интертекстуальность», «метанарратив», «двойное кодирование», «нарратив», «интерпретация». Под интертекстуальностью понимается либо прямое цитирование, либо присутствие в тексте узнаваемых ссылок на известные тексты. Метанарратив – это те идеи, которые текст несет в себе, когда говорит с читателем напрямую. Двойное кодирование – это одновременное использование интертекстуальности и метанарратива. Двойное кодирование в «Имени розы», по признанию самого Эко, может открыть для себя не каждый читатель, а только искушенный. Однако, Эко не видит в этом никакой дискриминации, потому что двойное кодирование, как он считает, – это способ проявить уважение к умственным способностям читателя, спровоцировать его на повторное прочтение и лучшее понимание текста.

Предпочтительный для Эко текст служит инструментом, обеспечивающим семиотическую стратегию формирования образцового читателя. Эко априори относится к читателю не как к потребителю, а как к ценителю, знатоку, обладающему набором языковых и культурных компетенций. У каждого читателя они разные и формируют его «социальное достояние». Сюда входит не только сумма знаний читателя, но и весь энциклопедический набор культурных традиций и возможных интерпретаций, усвоенных читателем текстов, включая тот, что он читает в данный момент. Поэтому между автором и читателем создается сложный процесс коммуникации, основанный на концептуальном потенциале текста. Итогом этого общения является нетривиальное понимание текста, основанное на культурных и социальных компетенциях конкретного читателя, и соединенное в единое целое с помощью приема нарративности автора. Нарративность Эко неотделима от понятия гипертекста, соединяющего в единое целое литературность и нелитературность т.е. fiction и nonfiction. Модель, созданная Эко, оказалась необыкновенно востребованной, как в отношении произведений самого Эко, так и в от-

ношении его последователей, потому что она соединяет запросы современного читателя и стремления писателя-ученого, первым из цепочки которых был Умберто Эко.

Список литературы

1. Ерохина Любовь Алексеевна Проблема интерпретации и категория автора в эстетике Умберто Эко // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1.
2. Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. СПб., 1999.
3. Ребеккини Д. Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике // Новое литературное обозрение. – 2006. № 80.
4. Сивухина Екатерина Анатольевна Проблемы интерпретации художественного текста в творчестве Умберто Эко // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2014. №2.
5. Сиднева Т.Б. "Открытое произведение" Умберто Эко и проблема границы в искусстве // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2011. №5.
6. Суханова И.А. Уроки интертекста от Умберто Эко. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2017. №4.
7. Федоров А.А. Концепция литературного творчества Умберто Эко и воплощение модели писателя «Умберто Эко – М-автор» // Российский гуманитарный журнал. 2016. №6.
8. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. М., 1989. 496 с.
9. Эко У. На рубеже веков: от теории к практике // Новое литературное обозрение № 80. 2006.
10. Эко У. Откровения молодого романиста. Москва: АСТ: CORPUS, 2013.
11. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2018 – 512 с.
12. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Simposium, М.: Издательство РГГУ, 2007. 502 с.
13. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. М., 2002. 288 с.

**MODERN METHODS OF ANALYSIS OF LITERARY TEXT
BY THE EXAMPLE OF SEMIOTIC ANALYSIS OF UMBERTO ECO**

© *T.M. Stolbova*

Abstract. This article concerns modern methods of analyzing a literary text using the example of semiotic analysis proposed by Umberto Eco. The concept of the “M-author”, as well as the definition of the “empirical” and “exemplary” reader in the scientific and publicistic works of Umberto Eco, as well as their implementation in his literary texts are of a particular interest. The purpose of the article is to determine the most essential components of Eco's theory of interpretation of literary text. In this article the method of analyzing novels, publicistic and scientific texts is used, comparing the definition and functioning of Eco's main scientific categories regarding each of the cases. As a result, the following components of Eco's interpretative concept were identified: text, intertext, hypertext, context, narration, meta-narrative, double code, M-author, M-reader, empirical reader, exemplary reader. In the article Eco path from a scientific and publicist author to a novelist is reviewed.

Keywords: *Umberto Eco, semiotics, M-author, empirical reader, exemplary reader, analysis*

КОМПЛЕКС МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ИЗУЧЕНИИ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ

© Х. Су

Аннотация. Исследование концептов является актуальной проблемой современной российской лингвистики. Статья посвящена разбору и выявлению современного состояния концептуальных исследований, анализу основных исследовательских подходов. В данной статье представлены наиболее часто используемые методы и подходы к анализу концептов, в частности рассматриваются разновидности концептуального анализа, акцентируется внимание на ключевых идеях таких ученых, как Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, С.Г. Воркачѳ, В.И. Карасик, Т.Б. Радбиль и др. Основные результаты статьи состоят в определении рамок методов исследования концептов и перспектив развития данных методологических теорий; отмечается потенциал традиционного лингвокогнитивного и корпусного подходов в исследовании концептов.

Ключевые слова: *концепт, методы анализа концепта, концептуальный анализ, лингвокультурологическое описание, лингвокогнитивный анализ.*

Концепт – понятие, используемое философией и когнитивистикой XX века для объяснения подсознательной единицы хранения информации [Кубрякова 1996]. Концептуальные исследования, являясь результатом объединения когнитивной (лингвокультурологической) и традиционной лингвистики, сосредоточились на изучении взаимосвязей между языком, культурой и сознанием носителей языка.

Опираясь на теоретическую базу культурного познания и культурной концептуализации, лингвокультурология стремится создать аналитическую основу для понимания взаимоотношений между языком и культурой. Данная основа сосредоточена на изучении концептуального осмысления культурных конструкторов и выявлении их более ощутимых проявлений – концептов. Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению конкретного концепта, необходимо рассмотреть теоретическую базу исследования концепта, выявить методы проведения исследований, которые в большей степени соответствуют предмету нашего изучения.

Традиционный лингвоконцептуальный анализ в целом позволяет объяснить культурные смыслы различных социально-исторических эпох через изучение языковых единиц, предыдущие исследования подтверждают влияние такого анализа на научную и образовательную сферу. Использование методов концептуального анализа в лингвокультурологии способ-

ствует более полному пониманию культурных концептов и символов. Этот процесс предполагает изучение внутренней структуры языка с целью раскрытия сущности культурных концептов и их взаимосвязи с языком и культурой: Ю.С. Степанов описывает концепт как «сгусток культуры в сознании человека ... то, посредством чего человек... сам входит в культуру» [Степанов 2014: 40].

Направление исследования от языка задано «самим языком в его внутреннем устройстве» [Степанов 2014]. Для анализа концептов, основанных на лингвокогнитивных принципах, в процессе исследования использовались методы лингвокультурологического описания концептов на лингвокогнитивной основе [Радбиль 2021: 148]. Процесс компонентного анализа предполагает изучение разных характеристик концепта, такие модели, как правило, анализируют концепции послойно: понятийная, образная, эмоционально-оценочная, символическая. Можем судить о концептах в соответствующих условиях на основе результатов таких базовых методов лингвокультурологического и когнитивного подходов, как дефиниционный, паремиологический анализ, интервьюирование, анкетирование, когнитивно-прагматический анализ, функционально-стилистический анализ; метод сплошной выборки из базы аналитического материала; элементы метода статистического анализа; методика анализа активных процессов в лексике современного русского языка.

Проводим обзор наиболее полной методики анализа – «методы комплексного описания концептов», принятые в Нижегородской концептологической школе. Прежде всего, анализируются те части единой семиосферы национальной культуры: мифологии, религии, искусства и литературы. «Эти культурно-значимые смыслы были восприняты, эстетически освоены и художественно развиты», но и воспринимаются они по-разному [Радбиль и др. 2019: 132]. И, безусловно, результаты и материалы проводимых научных работ. Далее необходимо определить основной концептуальный объем с точки зрения композиции, этимологического анализа, анализа словообразовательной репрезентации концепта («закключается в выявлении словообразовательных связей и отношений между лексемами, эксплицирующими его концептуальное содержание» [Макшанцева 2021: 15]), метафорического анализа и т.д., все может быть проанализировано для получения более подробной картины состава концептосферы

(смыслового объема), независимо от того, являются ли сами концепты-слова образными или абстрактными. Затем с помощью анализа особых текстов проводится экспликация применения концептов через пространство и время и подтверждается их динамикой. Это могут быть как литературные произведения, так и произведения, созданные обычными носителями языка.

Особое внимание при этом уделяется пункту эмоционально-оценочной, благодаря исследованию ценностного суждения в лингвокультурологии заполнены вакансии в когнитивном подходе. Для суждения о ценностном компоненте концепта используется шкала: «хорошо», «плохо» и «нейтрально», – и за счет накопления большого количества данных можно суммировать ценность концептов в соответствующий период, сравнивая таким образом соответствующую ценность концептов в разные конкретные периоды времени, а также изменение уровня концептуальной ценности. На протяжении всей истории соответствующих концептуальных исследований трудно сказать, что в современных концептуальных исследованиях используется один и только один методологический подход. Благодаря взаимодополняемости исследований когнитивной лингвистики и лингвистики культуры, например, для ценности, измерения, которое трудно установить в когнитивной лингвистике, более интуитивное решение может быть найдено в культурно-лингвистическом исследовательском подходе, можем понять, что концептуальные исследовательские программы взаимодополняемы, а также обнаружить / предположить конкретные изменения в динамике развития.

При изучении концептов сравнительно-сопоставительный метод используется потому, что в разных языковых и культурных средах можно лучше представить концепт как отдельные признаки представлений в разных картинах мира. Сравнение предполагает рассмотрение и анализ различных концепций с целью выявления и уточнения их общих характеристик или различий. Этот метод часто используется для установления последовательных сравнений и эталонов. По замечанию В.И. Карасика, описание концепта является специальной исследовательской процедурой толкования значения его имени и ближайших обозначений [Карасик 2002]. Предполагается, что национальная и культурная обусловленность той или иной лингвокультуры может быть познана прежде всего посред-

ством межъязыкового сопоставления соотносимых единиц разных уровней языка или соответствующих тематических областей [Радбиль и др. 2020: 130]. Поскольку концепт не может существовать изолированно, для установления сходств и различий его следует изучать в оппозиции или, напротив, в сопоставлении с близкими концептами. Согласно мнению Анны А. Зализняк, специфику национально обусловленных представлений о мире в языке этноса следует выявлять в процессе изучения не отдельно взятых, изолированных концептов, а их смысловых объединений по сходству (близости) или, наоборот, антиномических оппозиций [Зализняк 2005].

Таким образом, в общих рамках методологии выделяем:

Описание и анализа самого концепта. Наряду с упомянутыми классическими аспектами концептуального анализа, следует признать более современные методики, позволяющие детально исследовать концепт через **систему причинности** (метод В. В. Колесова), по мнению В. В. Колесова, содержание концепта формируется по четырем основаниям: 1. основания (– что?); 2. условия (– как?); 3. цели (– для чего?); 4. причины (– почему?). Кроме того, необходимо использовать **метод дискурс-анализа** (контекстуального анализа), при этом ещё ограничить рамками конкретного дискурса. Названные методы предполагают анализ языковых единиц на основе их распределения в потоке речи и выявление контекстов их появления и функционирования.

Сопоставительный анализ – в нашем случае с особым учетом специфики отражения в китайском и русском языках, в дополнение к ним используются другие языки. **Сравнительное исследование концепта-слова в сопоставлении с родственными и оппозиционными смысловыми единицами:** исследование таких связей, как *любовь* и *забота*, *любовь* и *ненависть* и т.д.

В процессе консолидации применяемых методов нам открываются дополнительные перспективы приемов исследования концепта. Наши исследования посвящены изучению динамики развития концепта *любовь* и особенностей его воплощения в современной коммуникации. После присоединения корпуса с дискурсом данный метод анализа называется «дискурсивно-корпусный подход». Как отмечает Т.Б. Радбиль, «процеду-

ра логического исчисления языка ценностей» опирается на так называемые «репрезентативные контексты» [Радбиль 2011].

Корпусная лингвистика в настоящее время является важной отраслью, потому что корпус данного языка содержат классификационные образцы различных тематических направлений и т.д., что позволяет контролировать переменные для материала, наблюдать и изучать конкретные составляющие концептов в соответствующих контекстах и образцах, чтобы получить вариации. С помощью данных демонстрируется релевантность различных языковых единиц. При этом на основе их значений во времени определяется изменение релевантности, в том числе общая тенденция. Например, каков процент от общего числа текстов, содержащих тексты о любви, и каково ранжирование процента материала по сравнению с другими концептами; какова доля положительных, нейтральных и отрицательных оценок уровня ценности в определенных контекстуальных условиях. Об изменении можно судить по данным использования за различные периоды.

По поводу изучения концепта в современной русской речи и в языковом сознании носителей современного русского языка, помимо дискурса-анализа, нам может пригодиться помощь экспериментов. Возможно проведение ассоциативных экспериментов на слово-стимул *любовь* и сравнение результатов реакций ассоциативных экспериментов, проведенных в разное время, с результатами проведенных нами экспериментов с целью – выявить изменения в содержании понятия-концепта *любовь*. Само слово *любовь* вступает в новые синтагматические связи, реализуется в новых контекстах, приобретая новые коннотативные смыслы. Например, рекламный или сетевой дискурс в их многочисленных формах представлены в виде вербально-невербальной информативной составляющей. Следовательно, для изучения состояния концепта в динамике необходимо обязательное включение текстов креолизованного характера.

В исследовании вполне могут быть задействованы методики сбора и обобщения корпусных данных. Методы валидации с помощью существующих баз данных обладает высокой степенью объективности, применяемого в этнолингвистике и лингвострановедении. Для того чтобы избежать при анализе примеров предвзятости, необходимо провести более полную и объективную выборку. Если исследования зависят от до-

ступа к закрытым данным, то мы должны создавать собственные базы данных для демонстрации представлений в дискурсе в конкретных контекстах. Кроме того, при отсутствии соответствующих данных, особенно в области визуальных, мультимодальных материалов (стикеры, мемы в сетевом дискурсе), вынуждены считаться с тем, что нам придется самостоятельно собирать данные и извлекать из них образцы, подходящие под описание, чтобы проанализировать данные.

На текущем этапе лингвистические анализы у концептов могут дать ценные сведения о взаимодействии языка, культуры и концепта. В целом можем быть оптимистами и продолжать опираться на существующие варианты концептуального анализа и разнообразные методики исследования концепта *любовь*. При изучении динамики реализации следует сосредоточиться на возникновении новых и ослаблении влияния старых коннотаций в процессе речевого общения.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
4. Радбиль Т.Б. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т.Б. Радбиль, Г.А. Ахметжанова, Ж.Ж. Жумагулова, А.Е. Сералиева, Г.Е. Сералиева // Научный Диалог. 2020. № 3. С. 127–150.
5. Радбиль Т.Б. Новые явления в лексической объективации концепта «патриотизм» в современной русской речи: лингвокультурологический аспект / Т.Б. Радбиль, Н.В. Наговицына // Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 148-150.

6. Радбиль Т.Б. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М.Ю. Лермонтова / Т.Б. Радбиль, И.С. Юхнова // Научный диалог. 2019. № 2. С. 127–142.

7. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Т. 2. С. 569–573.

8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 2014. 824 с.

9. Сухарева К.А. Этноним *русский* и его производные в моделях речевого воздействия (на материале современного отечественного рекламного дискурса). Автореферат дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 25 с.

10. Макшанцева А.Л. Смысловое наполнение и языковое воплощение концепта "удача" в русском языке. Автореферат дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. 26 с.

THE SET OF METHODOLOGICAL RESOURCES IN STUDYING THE CONCEPT LOVE

H. Su

Abstract. The concepts research is a vital concern of modern Russian linguistics. The article is devoted to parsing and revealing the current state of conceptual research, analysing the main research approaches and results of domestic scientists. This article introduces the most frequently used methods and approaches to the analysis of concepts, in particular, varieties of conceptual analysis are considered, the attention is focused on the key ideas of such scientists as Y.S. Stepanov, V.V. Kolesov, S.G. Vorkachev, V.I. Karasik, T.B. Radbil and others. The main results of the article are the definition of concept research methods framework and the prospects for the methodological theories; the potential of corpus and linguocognitive approaches in the dynamic analysis of conceptual research.

Keywords: *concept, concept analysis methods, conceptual analysis, linguocultural description, linguocognitive analysis.*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОНФУЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ КОРПУСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

© Сун Кэлинь

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой личности Конфуция, одного из важнейших мыслителей и философов в истории человечества, а также интерпретации личности Конфуция на основе информации, полученной в результате анализа поэтического корпуса в Национальном корпусе русского языка. Анализ лексемы *Конфуций* в поэтическом корпусе показывает, что языковая личность Конфуция представлена в следующих категориях: автор афоризмов, философ, мудрец, основатель конфуцианства, педагог и знаменитая личность. Проанализировав вхождения о Конфуции в поэтическом корпусе, мы системно осмыслили, как русскоговорящие воспринимают и репрезентируют языковую личность Конфуция в поэтическом корпусе.

Ключевые слова: языковая личность, *Конфуций*, поэтический корпус, Национальный корпус русского языка.

Поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – инструмент для исследователей русской поэзии и поэтического языка – содержит обширную коллекцию текстов XVIII–XX веков, отражает все заметные поэтические направления и продолжает пополняться. В нем присутствуют два типа разметки – грамматическая и стиховедческая. Если первая совпадает с разметкой в основном корпусе НКРЯ, то вторая – специфична именно для поэтического корпуса, т. к. содержит ключевые параметры поэтического текста, среди которых метр, строфика, схема рифмовки и другие. Эти параметры позволяют производить поиск и структурировать массивы русских поэтических текстов с совпадающими формальными параметрами, автоматическим образом выполняя задачу, для решения которой раньше требовались специализированная справочная литература и/или трудоемкая обработка текстов [Корчагин 2019: 113].

Специфические характеристики поэтических текстов, с которыми может работать пользователь, делятся на две группы: те, что касаются обстоятельств создания текстов, и те, что описывают структуру стиха. К первому типу относятся название текста, цикл и/или книга стихов, в которые он входит, имя автора, а в случае, если текст переводной – имя пе-

реводчика и язык оригинала [Корчагин 2019: 118]. То есть, основными характеристиками поэтических текстов, входящих в поэтический корпус, являются: автор и сопутствующие параметры, название произведения, дата написания произведения, жанр [Гришина 2009: 76]. Второй тип – это описание структурных особенностей стихотворения. Каждое стихотворение в поэтическом корпусе снабжается такой же разметкой: обобщающие характеристики текста, доступные пользователю корпуса, и построчная разметка, в результате которой в каждом тексте отмечаются позиции ударений, рифмующихся окончаний строк, а в текстах, написанных неклассическим стихом, также ритмические формы.

Поэтический корпус обладает определенными особенностями, является инструментом, предназначенным для изучения не только русского языка, но и русского стиха. Подавляющее большинство задач, актуальных для современного стиховедения, с помощью Корпуса можно решать эффективно и быстро: во многих случаях получение примеров с заданными свойствами, на сбор которых традиционными методами нужно затратить не один день работы, оказывается возможным буквально за секунды; в других случаях использование Корпуса по крайней мере существенно упрощает процедуру получения нужных примеров [Гришина 2009: 105].

Поэтический корпус может использоваться для самых разнообразных задач на стыке литературоведения и лингвистики, а специализированная разметка формальных параметров стиха делает его незаменимым инструментом для современного стиховеда [Корчагин 2019: 126].

В поэтическом корпусе НКРЯ наблюдается большее единообразие типов речи и форм контекста, где лемма *Конфуций* встречается в 11 вхождениях, относящихся к поэтическим текстам (книги и художественная речь), созданным с 1801 г. по 1985 г.:

1. *Но у стрелочника ёсть на этот счёт / Филосо́фия, и он фона́рь несёт, Глядя в но́чь невдо́змутимо, как **Конфуци*** [Ю. П. Мориц. Ночной поезд: «Сонный стрелочник сигналил фонарем...» (1985)].

2. *Я разломил кита́йское пече́нье / С биле́тиком внут́ри; мудре́ц **Конфу́ций** / В нем за́поведал: избега́й эмо́ций / И прёзира́й житёйское волне́нье* [И. В. Чиннов. «Я разломил китайское печенье...» (1981)].

3. ***Конфу́ций** Так ве́чной тайны́ смы́сл разду́мчивый мудре́ц / В найти́й раскрýл для дре́млющих серде́ц / Обётова́нное для ми́ра*

*прòзвучало / И слòвно в мрамòре слова насèк резèц / Когда он вòзвестил:
«В рождèньи – нè началò» / И тìхо дòсказал: «А в смèрти – нè конèц»*
[Г.В. Голохвастов. Конфуций («Он не искал небес. Он в шири поднебесной...») (1903–1952)].

4. *Слепèц, быть мòжет, слóшает слова, Кòтòрые поёт ему Конфуций, И дрèвний ритм отзванивает гòнг: Дзинь-дòнг, дзинь-дòнг!* [А.И. Несмелов. Слепец («По улице, где мечутся авто...») (1939)].

5. *«Страсти подòбны Ван-Хао» – так нèкогда мòлвил Конфуций*
[Н. Светлов. Цветок Ван-Хао : «Дивный цветок есть в роскошных долинах Китая...» (1929)].

6. *Север – в ìнее, Но Конфуций стряхнёт ваши шóбы* [В. Я. Брюсов. Общая станция : «Веками, эпохами, эрами...» (16.06.1922)].

7. *Что же, мòй морской Конфуций, Хòчешь в мòре?* [Саша Черный. Курортное : «Суша тверже, я не спорю...» (1921)].

8. *Не застывajúщей кипящей лáвой / Испèллены Конфуций, Шариат, / Евàнгелье, Буддà – единой слáвой / В звездè пятиугòльной мìр объят* [В.И. Нарбут. Облава : «Знамена пышные зари кровавой...» (1920)].

9. *«Здесь, в мìре гòрестей и бèд, В наш вèк и вòйн и револüций, Милей забàв ребячьих – нёт, Нет глòбже – так учил Конфуций»* [Н. С. Гумилев. Два сна : «Весь двор усыпан был песком...» (1918)].

10. – *вòт что гласит / Смысл всèх вековых конституций, / И тò же в творèньях своих говорит / Китáйский философ Конфуций* [А. В. Луначарский. Два либерала : «По Невскому с видом уныло-больным...» (08.06.1905)].

11. *О Конфуций, о муж дивный, Твòе слòво лúчезàрно* [А. Н. Радищев. Песнь историческая : «Громы, гряньте, потрясися...» (1801)].

С 1986 г. по 2023 г. контекстов с леммой *Конфуций* не обнаружено.

По вхождению можно выделить 5 областей, где представлена информация о Конфуции в поэтическом корпусе: цитирование – афористика, философия, религия, учение, образование и метафорические названия. Область, в которой представлено больше всего информации о Конфуции, – это философия (4 контекста). 2 источника появляются в различных областях и содержат больше информации о Конфуции: это тексты Г. В. Голохвастова «Конфуций» («Он не искал небес. Он в шири подне-

бесной...») и А.Н. Радищева «Песнь историческая» («Громы, гряните, потрясися...»).

В поэтическом корпусе выявлено 3 ядерных значения: 'языковая личность Конфуция', 'значение личности Конфуция и его учения' и 'характеристика Конфуция'. 4 периферийных значения обнаружены в ядерном значении 'языковая личность Конфуция': 'автор афоризмов', 'мудрец', 'философ' и 'основатель конфуцианства'. 1 периферийное значение обнаружено в ядерном значении 'значение личности Конфуция и его учения': 'педагог'. Также зафиксировано 1 периферийное значение в ядерном значении 'характеристика Конфуция' – 'знаменитая личность'.

В области цитирования и афористики 3 вхождения представляют языковую личность Конфуция в поэтическом корпусе в периферийном значении 'автор афоризмов': *В рождении – не начало. А в смерти – не конец; Страсти подобны Ван-Хао; Здесь, в мире горестей и бед/ В наш век и войн и революций/ Милей забав ребячьих – нет/ Нет глубже.*

В области философии 5 вхождений в поэтическом корпусе содержат лемму *Конфуций*. В 2 вхождениях не только представлены слова Конфуция, но и упомянута характеристика личности Конфуция – *мудрец Конфуций* и *раздумчивый мудрец*. В стихотворении И. В. Чиннова «Китайское печенье» имя Конфуция становится символом китайской культуры. Личность Конфуция как 'философ' упоминается в 3 вхождениях. В стихотворении Ю.П. Морица философские мысли Конфуция метафорически сравниваются с *фонарем во тьме ночи*, что, таким образом, иллюстрирует истинность философских мыслей Конфуция. Беспрецедентная философская система, созданная Конфуцием, имела и имеет огромное значение для развития китайской и западной философии, поэтому автор использует метафору, чтобы сделать акцент на величии Конфуция. В стихотворении В. Я. Брюсова подчеркивается, что мысли Конфуция могут сравниться с философскими мыслями *Данте* и *Гете*.

В области религии 1 вхождение содержит лемму *Конфуций* в значении 'основатель конфуцианства'. В мире существуют три основные религии: христианство, буддизм и ислам. В стихотворении В. И. Нарбута Конфуций сравнивается с этими тремя религиями. Некоторые считают конфуцианство религией, а некоторые – школой мысли. Религия опирается на веру в Бога, но конфуцианство не упоминает Бога и основывается на мо-

рали, которая играет роль религии и дает людям ценностные ориентиры, формирует мировоззрение и определенный взгляд на жизнь. Таким образом, автор рассматривает конфуцианство как религию и сравнивает Конфуция с *Шариатом*, *Евангелием* и *Буддой*, тем самым подчеркивая мировое влияние конфуцианства.

Лемма *Конфуций* в ядерном значении ‘значение личности Конфуция и его учения’ встречается в 2 вхождении. В стихотворении А. Н. Радищева Конфуций представлен как *муж дивный, чьи слова лучезарны*. В стихотворении А.И. Несмелова «Слепец» *звук слепца-китайца гонг* обозначает слова Конфуция. Использование автором образа слепца также отражает истинность слов Конфуция, их дидактическую ценность и влияние на мировосприятие людей. Таким образом, языковая личность Конфуция представлена в периферийном значении ‘педагог’.

Лемма *Конфуций* в ядерном значении ‘характеристика Конфуция’ встречается в 2 вхождении в периферийном значении ‘знаменитая личность’. Колумб был увлеченным и отважным исследователем, открывшим Новый Свет и представившим новую историю мира. Метафорическое имя *морской Конфуций* используется в стихотворении Саши Чёрного «Курортное» для описания Колумба и сравнивается с ролью Конфуция, который был первооткрывателем и в западном мировоззрении. В свое время Конфуций предлагал беспрецедентные идеи и учения, которые не были признаны и приняты в то время, но впоследствии почитались и сохранялись из поколения в поколение, что также показывает величие Конфуция в сознании западных людей и в восприятии западных людей его как человека мудрости и мужества.

Таким образом, языковая личность Конфуция в поэтическом корпусе НКРЯ представлена как: автор афоризмов, философ, мудрец, основатель конфуцианства, педагог и знаменитая личность. Конфуций наиболее ярко идентифицируется как ‘автор афоризмов’ и ‘философ’ (по 3 вхождения). Из анализа текстов поэтического корпуса видно, что Конфуций – великий философ, мудрец и основатель конфуцианства в Китае и мире, а его слова играют важную и влиятельную роль в философии и литературе. Конфуций является великим человеком не только в сердцах китайцев, но и в восприятии западного мира: конфуцианство можно сравнить с христианством, исламом и буддизмом, а Конфуция – с Данте и Гете.

Список литературы

1. Гришина Е.А., Корчагин К.М., Плунгян В.А., Сичинава Д.В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
2. Корчагин К.М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2019. С. 113–127.

LANGUAGE PERSONALITY OF CONFUCIUS IN THE POETIC CORPUS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

© *Song Kelin*

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic personality of Confucius, one of the most important thinkers and philosophers in the history of mankind, as well as the interpretation of Confucius' personality on the basis of the information obtained by analyzing the poetic corpus in the national corpus of the Russian language. The analysis of the lexeme Confucius in the poetic corpus shows that the linguistic personality of Confucius is represented in the following categories: author of aphorisms, philosopher, sage, founder of Confucianism, teacher and famous person. Having analyzed the occurrences about Confucius in the poetic corpus, we systematically comprehended how Russian speakers perceive and represent the linguistic personality of Confucius in the poetic corpus.

Keywords: *linguistic personality of Confucius, poetic corpus, Confucius*

ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ТЕКСТ: МОДЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА И ЕГО ДЕСКРИПТИВНОГО КОРРЕЛЯТА

© В.И. Теркулов

Аннотация. Работа посвящена описанию моделей использования аббревиатуры сложносокращённого типа и её дескриптивного эквивалента в эквивалентном тексте. Выявление эквивалентов аббревиатуры осуществляется на основе методики тройственной верификации, включающей определение изоморфности структур, синонимичности и частотности слова и коррелирующего с ним словосочетания. В основе исследования лежит синхронная трактовка аббревиатур, предполагающая констатацию отношений не производности, но взаимной мотивированности слова и словосочетания на актуальном срезе языка. В работе определены четыре типа эквивалентных текстов, используемых в процедурах верификации: собственно эквивалентный, параллельно эквивалентные, условно эквивалентные и косвенно эквивалентные. В собственно эквивалентных текстах реализуются две модели употребления сложносокращённого слова и его дескриптивного коррелята: анафорическая, имеющая своей целью устранение повторов, и интерпретационная, формирующая при помощи эквивалентного словосочетания текстовую и языковую полисемию аббревиатуры.

Ключевые слова: аббревиатура, эквивалентный текст, анафорическая функция, интерпретационная функция.

Предлагаемое исследование посвящено определению особенностей употребления слова, трактуемого на актуальном срезе языка как сложносокращённый аппеллятив, в одном тексте с его дескриптивным эквивалентом – словосочетанием. Сложносокращённым аппеллятивом является нарицательная единица, «связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом, то есть сокращённым эквивалентом какого-либо слова, например, *электро*, эквивалентный слову *электронная*, или *мед* – *медицинский* и т.д.)» [Теркулов 2018: 70], например *электросигарета* – *электронная сигарета*: **Электронная сигарета** (также известная как **электросигарета**, *вейп*, *вейп-пен*, или *вейпорайзер*) – это электронное устройство, предназначенное для ингаляции пара, создаваемого нагреванием электронной жидкости (<https://helpdoma.ru/faq/pod-elektronnaya-sigareta-sushhnost-i-principu-raboty>), *медучилище* = *медицинское училище*:

Дополнительные наборы и недоборы студентов – *медучилище при ПСПБГМУ им. Павлова – Медицинское училище Института сестринского образования Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова имеет государственную аккредитацию* (<https://vuzopedia.ru/ssuzy/meditsinskoe-uchilishche-instituta-sestrinskogo-obrazovaniya-pervogo-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universitet>).

Эквивалентом слова мы считаем словосочетание, отвечающее **трём верификационным требованиям**:

1) эквивалентное слову словосочетание должно включать в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как формально связанные эквиваленты конструкторов аббревиатуры; у одной аббревиатуры может быть несколько эквивалентов; например, для слова *асбобумага* отмечаются два эквивалента – *асбестовая бумага* и *бумага из асбеста*, где конструктору *асбо-* соответствуют эквиваленты *асбестовая* и *асбеста*, а конструктору *бумага* – эквивалент *бумага* (требование изоморфности структур слова и словосочетания).

2) эквивалентным слову следует считать не любое формально изоморфное ему словосочетание, а только то словосочетание, которое может заменять сложносокращённое слово в эквивалентных текстах без изменения его значения: *Асбестовую бумагу производят и выпускают в виде рулонных сегментов и листов – В целях увеличения электроизолирующих характеристик асбобумага способна пропитываться специальными лаками, где присутствует кремний – Бумага из асбеста владеет достоинствами, которые и подтверждают сферу её применения* (<http://tepluha.ru/asbestovaya-bumaga>), где все три единицы употребляются в значении ‘Изоляционный электротехнический материал из волокна асбеста с добавкой органического связующего вещества, чаще всего крахмала, спрессованный в виде плиток толщиной 0,2–1,5 мм’ (требование абсолютной синонимичности слова и словосочетания).

3) эквиваленты должны быть частотными: *асбобумага* – 13689, *асбестовая бумага* – 43892, *бумага из асбеста* – 6177 включений в тексты, отобранные методом сплошной выборки при помощи операторов точного поиска в языковой машине Google (требование высокой частотности).

Такой подход является очевидно синхронным, предполагающим считать сложносокращёнными все слова, имеющие на актуальном срезе дескриптивные эквиваленты, независимо от того, были ли они созданы в результате универбализации, то есть свёртывания в слово словосочетаний, как, например, *агропромышленность*, образованное от словосочетания *аграрная промышленность*, или же являются с точки зрения диахронии квазиаббревиатурами, образованными:

а) путём прямого присоединения аббреконструкта к производящему слову, например *биомеханика* (< био- + механика), получившее в результате псевдоунивербализации, то есть покомпонентного вторичного развёртывания, малочастотный эквивалент *биологическая механика*: *Анатомия и физиология строения пародонта обуславливает биомеханику строения и особенности работы пародонта – Биологическая механика зубочелюстной системы и ее понимание приводят к своевременному распознаванию патологий зубов и мягких тканей ротовой полости* (<https://my-ort.ru/novosti/biomekhanika-dvizheniy-nizhney-chelyusti/>);

б) в результате заимствования во всех его разновидностях – собственно заимствования, калькирования и полукалькирования, как, например, *дисконт-клуб* (англ. *discount club*), развёрнутое в русском языке в *дисконтный клуб*: *Участники дисконт-клуба «RICHBACK» имеют неограниченный и бесплатный доступ к скидкам и системам накопления бонусов, которые можно потратить в магазинах и салонах многочисленных партнёров по всей стране – Дисконтный клуб «RICHBACK» объединяет лучшие компании в интернете и городе из разных отраслей* (<https://www.richback.ru/about/howto/>)

в) как сложнопроизводное слово, например *рыбопромышленник* (< *рыбопромышленность*), получившее вторичный эквивалент *рыбный промышленник*: *Да, отец его рыбопромышленник – Швейцар в доме моего отца на Лиговской рыбных промышленников дальше передней не пускал* (http://read.newlibrary.ru/read/vasilenko_i_/page0/rasskazy_o_artemke.html).

Для носителя языка актуален именно синхронный подход, позволяющий ему находить мотивационные связи между единицами «здесь и сейчас», так как это обеспечивает оптимизацию употребления им слова и коррелирующего с ним словосочетания. Эта оптимизация осуществляется в эквивалентных текстах, описанных нами в [Теркулов 2015]. Понятие

эквивалентного текста введено для обеспечения одного из трех приведённых выше верификационных требований: подтверждения употребления слова и словосочетания как абсолютных синонимов. Нами разграничиваются **собственно эквивалентный текст**, «в котором слово и эквивалентное словосочетание одновременно употребляются для обозначения одного и того же референта (то есть в абсолютно тождественном значении)» [Теркулов 2015: 37]), **параллельно эквивалентные тексты** – «разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются для обозначения одного и того же референта» [Теркулов 2015: 38], **условно эквивалентные тексты** – «разные тексты, в которых аббревиатура и её эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но употребляются для обозначения разных референтов» [Теркулов 2015: 38], и **косвенно эквивалентный текст**, «в котором как синонимы используются эквиваленты аббревиатуры, но сама аббревиатура не используется» [Теркулов 2015: 38].

Единственное текстовое пространство, в котором «встречаются» аббревиатура и эквивалентное ей словосочетание, – пространство собственно эквивалентного текста. Возникает вопрос, с какой целью осуществляется эта «встреча». Как справедливо отмечает Т.Б. Радбиль, источником для внедрения новообразований в тексты «являются прагматические эффекты, связанные с обстановкой речи, условиями употребления единиц, спецификой интенциональности говорящего и адресованности и пр.» [Радбиль 2021, с. 173]. Анализ собственно эквивалентных текстов, собранных в верификационный корпус создаваемого нами Словаря сложносокращённых слов русского языка, показал, что есть как минимум две прагматически обусловленные модели введения в текст слова и словосочетания: анафорическая и интерпретационная.

Анафорической называется модель, обеспечивающая устранение текстовых повторов. На эту модель, определённую через понятие «функция», для всех типов словообразовательных пар указывала Е.С. Кубрякова, по мнению которой, «с точки зрения организации текста, в котором присутствуют и источник мотивации и сама мотивированная им единица, производное слово может рассматриваться как осуществляющее функцию анафоры» [Кубрякова 1981: 182–183]. Обычно данная модель реализуется путём воспроизведения семантики аббревиатуры в словосочетании

с презентативным эквивалентом абброконструкта, под которым понимается прилагательное с квалификативной семантикой. А.И. Бровец определяет его как «характеризующийся наименьшей степенью когнитивного усилия» и «семантически универсальный» [Бровец 2019: 492]. Иначе говоря, абброконструкт и его презентативный эквивалент реализуют через свою внутреннюю форму обобщённую семантику без уточняющих слов: и *ветпомощь*, и *ветеринарная помощь* указывают только на то, что эта помощь осуществляется в области ветеринарии без уточнения того, каким образом она осуществляется. Это может быть и помощь ветеринарного врача на ферме, и помощь на дому, и лечение, и профилактика болезней животного и т.д. Анафорическим является употребление указанных единиц, например, в следующем эквивалентном тексте: сначала *Мы осуществляем **ветеринарную помощь** на дому в Москве и Московской области*, а затем ***Ветпомощь на дому**, оказываемая нашими ветеринарами врачами в Москве, включает в себя различные услуги* (<https://biovetel.ru/>). Как видим, в обоих случаях значение слова и словосочетания одинаково неконкретно, и употребление их мотивировано только желанием избежать повторов.

Под **интерпретационной моделью** понимается модель конкретизации значения аббревиатуры при помощи эквивалентного словосочетания (эквивалентных словосочетаний). Например, слово *автожурнал* в эквивалентных текстах имеет как минимум две интерпретации: делиберативную *журнал об автомобилях*, например: *10 главных журналов об автомобилях – Первым журналом России, посвящённым автомобильной тематике, считается известный автожурнал «За рулём»* (<https://zapchasti4x4.ru/raznoe/zhurnal-ob-avtomobilyah-novinki-avtopromat-test-drajvy-i-obzory-avtomobilej-i-kommentarii-ekspertov-v-zhurnale-avto-ru.html>), и дестинативную *журнал для автомобилистов*, например *Первый автожурнал в мире? – Видимо, «AUTOCAR AND MOTOR» («Отокар энд мотор»)* – еженедельный журнал для автомобилистов с иллюстрациями (<https://otvet.mail.ru/question/165064192>). Указанные различия значимы: если в первом случае *автожурнал* определяется по его содержанию, то во втором – по назначению, по той аудитории, для которой он предназначен. Разнонаправленные эквивалентностные интерпретации

формируют и поддерживают текстовую и общезыковую полисемию аббревиатуры.

Под **текстовой полисемией** понимаются случаи разнонаправленной релятивной интерпретации значения сложносокращённой единицы, когда значение аббревиатурного конструкта трактуется через разные актантные и сирконстантные роли одного и того же эквивалентного ему слова. Например, для слова *велогенератор*: **Велогенератор** – это устройство, позволяющее получить электрическую энергию благодаря вращению педалей и использовать её для работы фонарей и фар велосипеда или функционирования других аксессуаров (https://bikepedia.ru/sovety/velogenerator/?utm_referrer), в том же тексте отмечаются эквиваленты *генератор велосипеда*: *Более серьёзный агрегат – бесконтактный генератор велосипеда*, и *генератор для велосипеда*: **Генератор для велосипеда** – что это и как его сделать своими руками в домашних условиях (https://bikepedia.ru/sovety/velogenerator/?utm_referrer). В первом случае реализуется посессивное значение (значение принадлежности), которое трактует генератор как уже принадлежащий велосипеду, установленный на него, а во втором – дестинативное значение, указывающее на назначение ещё не установленного на велосипед генератора.

Под **общезыковой полисемией** понимаются случаи модификативной интерпретации значения аббревиатуры при помощи разных, но семантически взаимосвязанных единиц. Например, слово *электроудочка* может быть дешифровано словосочетанием *электрическая удочка*, и тогда это ‘приспособление для глушения рыбы током’: *Электроудочки работают на простом принципе: электрический ток постепенно подается в воду при помощи провода, который соединен с источником питания, например, аккумулятором – В результате, электрическая удочка стала незаменимым инструментом для всех, кто занимается рыбалкой* (<https://moguvodit.ru/rybalka/rybaka-udarilo-tokom-cerez-udocku>). Это же слово может быть интерпретировано при помощи словосочетания *электронная удочка*, и тогда оно обозначает ‘удочку для зимней ловли с электронной анимацией приманки’: *Импульсная электроудочка – Электронная удочка состоит из 8 деталей* (<https://www.neurosearch.ru/product/impulsnaya-ehlektroudockka/>).

Итак, эквиваленты синхронных аббревиатур используются в эквивалентных текстах для выполнения анафорической и интерпретационной функции. Анафорическая функция – функция устранения повторов, интерпретационная – функция конкретизация значения аббревиатуры. Разнонаправленные дескриптивные интерпретации формируют и поддерживают текстовую и общезыковую полисемию аббревиатуры. В дальнейших работах предполагается определение типов текстовой и общезыковой полисемии.

Список литературы

1. Бровец А.И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17. № 4. С. 487–501.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 199 с.
3. Радбиль Т.Б. Коммуникативно-прагматическая интерпретация активных процессов в современной русской речи // Проблемы лингвистической прагматики. Доклады Международной научной конференции. Редколлегия А.Н. Ерёмин (отв. ред.) [и др.]. Калуга, 2021. С. 172–180.
4. Теркулов В.И. Текстовая эквивалентность сложносокращённого слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 69-77.
5. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). Донецк: ДонНТУ, 2018. С. 69-80.

EQUIVALENT TEXT: PATTERNS OF USE OF A COMPOUND WORD AND ITS DESCRIPTIVE CORRELATE

© *V.I. Terkulov*

Abstract. The paper is devoted to the description of models for the use of abbreviations of the compound type and its descriptive equivalent in an equivalent text. Identification of acronym equivalents is carried out on the basis of the triple verification technique, which includes the determination of isomorphic structures, synonymy and frequency of the word and the word combination correlating with it. The research is

based on the synchronous interpretation of abbreviations, which presupposes the statement of relations not of derivation, but of mutual motivation of the word and phrase on the actual cross-section of the language. The paper identifies four types of equivalent texts used in verification procedures: actually equivalent, parallel equivalent, conditionally equivalent and indirectly equivalent. In the equivalent texts proper, two models of the use of a compound word and its descriptive correlate are implemented: anaphoric, which aims to eliminate repetitions, and interpretative, which forms the textual and linguistic polysemy of an abbreviation with the help of an equivalent phrase.

Keywords: *abbreviation, equivalent text, anaphoric function, interpretative function*

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА ФЕМИНИСТСКИХ СООБЩЕСТВ)

© А.Ю. Тетюхина

Аннотация. В данной статье вербальный экстремизм рассматривается как сложное когнитивное явление и специфическая дискурсивная деятельность. На примере анализа интернет-высказываний, утверждающих необходимость применения насилия в бытовой сфере, описываются языковые особенности конструирования экстремистских смыслов внутри концептуального поля СЕМЬЯ. При анализе материала используются методы описательного анализа, структурно-семантического анализа, концептуального моделирования и концептуально-репрезентативного метода. Доказывается, что внедрение в дискурс феминистских сообществ экстремистского фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ приводит к трансформации микроконцептов МУЖ и ЖЕНА, МАТЬ и СЫН, а также к изменению функциональных связей между ними. Содержательно-смысловую структуру феминистских текстов экстремистской направленности организует идея гендерного неравенства, которая обнаруживается при анализе и сопоставлении смысловых, образных и оценочных признаков, актуализованных в структурах микроконцептов.

Ключевые слова: *фрейм, концепт, экстремистский дискурс, бытовое насилие, интернет-коммуникация, феминистский дискурс.*

Научно-практический интерес к проблеме речевого экстремизма обусловлен развитием в интернет-пространстве коммуникативных практик, направленных на деконструкцию национальных представлений о значимых для носителей языкового сознания объектах действительности, что приводит к повышению конфликтности в обществе и его дестабилизации. Вторжение в картину мира носителей русского языкового сознания осуществляется посредством подмены общепринятых смыслов, перцепций, оценок, актуализированных в структуре культурных концептов, противоположными признаками и разрушения традиционных функциональных связей между компонентами концептуальной системы. Целью нашей статьи является описание языковых особенностей конструирования экстремистских смыслов внутри концептуального поля СЕМЬЯ на примере анализа интернет-высказываний, утверждающих необходимость применения насилия в бытовой сфере.

Рассматривая особенности трансформации концептов в аспекте изучения речевой агрессии, Т.А. Воронцова отмечала, что концепт в силу способности аккумулировать в себе множество представлений о каком-либо фрагменте действительности может претерпевать изменения только в коллективном когнитивном пространстве и при выполнении ряда условий: 1) публичности дискурса и авторитетности адресанта; 2) установки адресанта на определенную идеологию; 3) значимости концепта для общества; 4) «размытости» концепта либо его способности обозначать группу лиц, объединенных каким-либо признаком [Воронцова 2006: 32–38]. Данный тезис видится справедливым и для анализа когнитивных аспектов речевого экстремизма, поскольку последний является частным видом речевой агрессии и несет в себе её системные свойства.

Проблематика исследования связана с отсутствием единообразия в подходах к изучению вербального экстремизма: с одной стороны, данное явление рассматривается как запрещенное законодательством речевое действие, с другой – как специфическая дискурсивная деятельность. Присоединяясь к Н.С. Громовой, мы рассматриваем тексты экстремистской направленности как языковые следы противоправного «манипулирования когнитивными процессами и аксиологическими установками» общества [Громова 2016: 23], которые, по нашему мнению, могут быть выявлены методами когнитивно-дискурсивного анализа.

Значительный сегмент пространства экстремистского дискурса занимает дискурс вражды (от англ. hate speech), содержательно-смысловую структуру которого организует идея социального неравенства [Понарин, Дубровский, Толкачева, Акифьева 2007: 91]. Интенции участников дискурса реализуются в основной своей массе посредством использования речевых стратегий поляризации (оценочно-оппозитивной репрезентации «своих» и «чужих» групп) и побуждения к совершению насильственных действий против определенной группы лиц, объединенных по социальному признаку. В данном случае объектами деструктивного речевого воздействия становятся концепты, воплощающие представления народа о роли человека в системе общественных отношений, а экстремистские смыслы обнаруживаются в контексте таких высказываний, в которых вербализуется образ насилия. Объектом анализа в данной статье выступают интернет-высказывания, включающие лексико-семантические ре-

презентанты микрополя ЧЛЕН СЕМЬИ концептуального поля СЕМЬЯ, которые эксплицируются в структуре фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ.

Объединяя семантические поля «брачные отношения» и «родительские отношения» концептуального поля СЕМЬЯ [Железнова 2009: 13], микрополе ЧЛЕН СЕМЬИ включает в себя такие микроконцепты, как МУЖ, ЖЕНА, РОДИТЕЛЬ, РЕБЕНОК. Функциональные связи между компонентами концептуального поля ЧЛЕН СЕМЬИ фиксируются во фрейм-сценариях – динамических когнитивных структурах, отражающих эпизоды взаимодействия между членами семьи.

Нарушение традиционных связей между компонентами концептуального поля СЕМЬЯ обусловливается внедрением в него фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ, прототип которого можно представить следующим образом: *агенса совершает действие над пациентом* против его воли, где слоты *агенса* и *пациента* репрезентуются именами концептов микрополя ЧЛЕН СЕМЬИ (см. подробнее: [Тетюхина, Широкова 2022: 407]).

По нашим наблюдениям, сценарий БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ вербализуется в речевых практиках гендерной направленности, что объясняется тесной взаимосвязью культурных представлений о семейных отношениях с полоролевыми поведенческими стереотипами. В этой связи исследовательский интерес представляют вербальные механизмы конструирования экстремистских смыслов в речевых практиках феминистского субдискурса, для представителей которого идеологически важным является определение места женщины в иерархии семейных ценностей.

Материалами для исследования послужили публикации, размещенные в виртуальном сообществе социальной сети «ВКонтакте» «КУНЫ НЕ НУЖНЫ (КНН)». Сообщество имеет статус публичной страницы, а количество его участников превышает 50 000 человек, что позволяет отнести размещаемые в нем материалы к общедоступным и популярным. Негативные гендерные установки, транслируемые в сообществе, эксплицируются из семантики названия *КУНЫ НЕ НУЖНЫ*. Лексема *кун* появилась как результат фонетической ассимиляции и семантической адаптации именного суффикса японского языка, использующегося при обозначении лица, имеющего низшее социальное положение по отношению к говорящему [Алпатов 2023: 53]. Контент-анализ материалов сообщества

показал, что данная лексема используется его участниками для уничижительной номинации лиц мужского пола (здесь и далее пунктуация и орфография сохранены): *Куны не нужны, мужло то есть / Передаю привет своему однокурснику е***у, который каждый раз ущемлялся, хотя был единственным кунем в группе / Настоящее кунье с виду защитники и воины, а коляску занести не могут.* На обложке сообщества женщина в мифологическом образе Горгоны Медузы с серьгой в виде символа Венеры передает стоящей рядом девушке следующую информацию: *Я медленно снимаю с тебя тысячелетний гнёт патриархата*, что объективизирует структуры знаний, связанные с феминистическими идеями.

В результате проведенного исследования интернет-высказываний, размещенных в группе, было выявлено, что брачные отношения осмысляются адресантами как иерархичные: вместо горизонтальной оппозиции жена – муж, где категории МУЖ и ЖЕНА одинаково относятся к гиперкатегории СЕМЬЯ, вводится вертикальная оппозиция, в которой категория ЖЕНА занимает главенствующее положение. Так, в высказывании *Богиня вправе лишить мужского «достоинства» своего мужепитомца, если он использовал его не по семейному предназначению* представление коммуникатора о неравенстве членов семьи эксплицируется из антонимии значений ‘властвующий субъект’ (в составе лексемы *богиня*) и ‘подвластный субъект’ (в составе лексемы *мужепитомец*) языковых знаков, заполняющих слоты *агенса* и *пациенса* соответственно. При этом концептуальные признаки *жена* и *муж* в структуре слотов объективируются лексемой *семейное (предназначение)*. Представление о субмиссивном статусе мужа в семейных отношениях также задается притяжательным местоимением *свой*. Вторжение в когнитивное пространство адресата наблюдается также на аксиологическом и перцептивном уровнях. Использование в высказывании идеологемы *богиня* не только способствует объективизации матриархальной картины мира в сознании реципиента, но и актуализирует положительную коннотацию в структуре концепта ЖЕНА, связанную с образом благочестивой, высоконравственной женщины. Реструктуризация и негативизация концепта МУЖ происходит посредством взаимодействия и интеграции представленных формантами окказиональной лексемы *мужепитомец* когнитивных пространств ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ и МУЖ, в результате чего создается уничижительная оценка образа мужа,

а в структуру концепта переносится семантический признак ‘подчиненность’. Слот *действие* вербализуется синтагмой *лишить мужского «достоинства»*, образованной сопряжением глагола деструкции и эвфемистического словосочетания со значением ‘мужской половой орган’. То, что данные установки вписываются в модель мира коммуникатора и осмысляются адресантом как целесообразные, эксплицируется из деонтической модальности высказывания, вербализованной сочетанием инфинитива и лексемы с семантикой дозволенности *вправе*.

Анализ материалов на предмет репрезентаций концептов РОДИТЕЛЬ и РЕБЕНОК в структуре фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ показал, что деструктивному воздействию в феминистском субдискурсе экстремистской направленности подвергается микроконцепт СЫН, что обусловлено актуализацией в его структуре семы ‘мужской пол’. Например, *пациенс* в высказывании *Корзиноидов надо с детства держать в ежовых рукавицах: сделал что не по нраву Матери – словил по ушам* представлен лексемой *корзиноид*, образованный от лексемы *корзиночка*. Значение этой лексемы отсылает к редупликативному образованию «сыночка-корзиночка», используемому в качестве иронической номинации несамостоятельного ребенка, излишне опекаемого матерью. Такая номинация представляет собой идеологему, которая объединяет в себе уничижительный образ сына и его прагматическую негативную оценку. Финалия *-оид* способствует усилению пейоративной коннотации в репрезентанте концепта СЫН [Радбиль, Рацибурская 2017: 37]. Образ матери в контексте высказывания, напротив, приобретает положительную коннотацию, которая создается графическим элементом: прописная буква в имени концепта МАТЬ, с одной стороны, является средством внедрения оценочного компонента в структуру концепта, с другой стороны, эксплицирует уважительное отношение коммуникатора к матери. Слот *действие* вербализуется процессуальным фразеологизмом с семантикой притеснения *держат в ежовых рукавицах*. *Результат* насилия представлен сочетанием глагола *словил* с семантикой ‘испытать физическое воздействие’ и лексемы *ухо*, обозначающей часть тела человека. Особенность данной конструкции заключается в том, что она имплицитно в себе образ действия: полипропозитивная семантика глагола *словить* предполагает хронологическую последовательность событий, при которой результату предшествует фи-

зическое воздействие. Побудительные интенции адресанта обнаруживаются в языковой конструкции *надо держать*, модальное значение которой задает лексема с семантикой необходимости *надо*, а также имплицитно выводятся из видовременной семантики глагола совершенного вида прошедшего времени *словил*, связанной с представлением говорящего о действиях «как об уже совершившихся реальных фактах» [ТФГ 1990: 74].

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в феминистском субдискурсе экстремистской направленности деструктивное воздействие претерпевают составляющие концептуальное поле СЕМЬЯ микроконцепты МУЖ, ЖЕНА, МАТЬ, СЫН. При этом образы жены и матери наделяются положительными коннотациями, а в структуры концептов МУЖ и СЫН привносятся негативные оценки. Вторжение в когнитивное пространство адресата происходит параллельно и на перцептивном уровне: образы в структуре концептов создаются в результате взаимодействия и интеграции элементов различных концептуальных пространств (ЖЕНА и БОЖЕСТВО, МУЖ и ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ, СЫН и ПРЕДМЕТ БЫТА). Функциональные связи между категориями МУЖ и ЖЕНА осмысляются участниками дискурса как иерархичные. Распределение репрезентантов микроконцептов ЖЕНА и МАТЬ, МУЖ и СЫН по слотам *агенса* и *пациенса* соответственно во фрейм-сценарии БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ также объективизирует представление о доминирующем статусе женщины и субмиссивном статусе мужчины в системе семейных отношений. Маркерами гносеологической картины мира адресантов высказываний экстремистской направленности являются идеологемы, которые, контаминируя в себе определенные семантические признаки и оценки, объединенные единой идеей коммуникатора, обладают мощным прагматическим потенциалом. Воздействие на концептуальную систему представлений реципиента также эксплицируется из модальности высказываний.

Список литературы

1. Алпатов В.М. О мужском и женском вариантах японского языка // Избранные труды XX века / Сост. П.М. Аркадьев, А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, С.Г. Татевосов. М.: Языкознание, 2023. С. 50–61.
2. Воронцова Т.А. Автореферат дис. д-ра филол. наук. Челябинск: Челябин. гос. ун-т, 2006. 43 с.

3. Громова Н.С. Видовые характеристики экстремистских текстов // мат-лы междунар. науч. конф. «Речевое воздействие в политическом дискурсе», 1–3 декабря 2016 г. С. 23–26.

4. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2009. 27 с.

5. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества: сб. ст. / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 72–106.

6. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // МИРС. 2017. №2. С. 32–39.

7. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. Ленинград: Наука. 1990. С. 262.

8. Тетюхина А.Ю., Широкова Е.Н. Специфика дискурсивной реализации фрейма БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 406–410.

COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF EXTREMIST DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF INTERNET CONTENT OF FEMINIST COMMUNITIES)

© A.Y. Tetyukhina

Abstract. This article approaches the study of verbal extremism as a complex cognitive phenomenon and a specific discursive activity. The aim of this paper is to describe the linguistic features of the construction of extremist meanings within the conceptual field of the FAMILY. The analysis is based on examples of Internet statements asserting the need to use violence in the domestic sphere. Within the research methodology used methods of descriptive analysis, structural and semantic analysis, conceptual modeling and the conceptual-representative method. It is proved that the introduction of the extremist frame scenario of DOMESTIC VIOLENCE into the discourse of feminist communities leads to the transformation of the microconceptions of HUSBAND and WIFE, MOTHER and SON, as well as to a change in the functional relationships between them. The content and semantic structure of feminist texts of extremist orientation is organized by the idea of gender inequality, which is found in the analysis and comparison of semantic, figurative and evaluative features actualized in the structures of microconceptions.

Keywords: *frame, concept, extremist discourse, domestic violence, Internet communication, feminist discourse*

МОТИВАЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДИМОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ: ПОКАЗАТЕЛИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПЕРЕВОДАХ С РУССКОГО И НА РУССКИЙ¹

© А.В. Уржа

Аннотация. В фокусе внимания в представленной статье оказывается охарактеризованный Т.Б. Радбилом феномен переводимости высказываний, и конкретно – ее мотивационно-прагматический аспект, сопряженный со смысловым уровнем языковой концептуализации мира. Объектом изучения становятся русские показатели неопределенности (в первую очередь, местоимения и наречия), регулярно пропускаемые переводчиками при создании франко- и англоязычных версий русских художественных нарративов и добавляемые при переводе повествовательных текстов в обратном направлении – с английского на русский язык. Представленные в публикации результаты сопоставительного исследования объемного набора оригиналов и переводов художественных текстов показывают, что подобные изменения происходят в тех случаях, когда русские показатели неопределенности выступают в качестве маркеров субъективизации нарратива, приближения повествования к точке зрения фокального персонажа. Эта функция показателей неопределенности может быть трактована как специфическая черта русской нарративной традиции, сохраняемая в доместицирующих переводах и закономерно игнорируемая в форенизирующих версиях интерпретации иноязычных текстов в России.

Ключевые слова: переводимость, неопределенность, прагматика, субъективизация, доместикация, форенизация

Средства языковой концептуализации мира продолжают привлекать внимание ученых, и одна из сфер исследования подобных объектов – это, конечно, сфера перевода. Перевод художественных текстов всегда осмыслялся как творческая деятельность, в которой невозможно алгоритмизировать языковые трансформации. Однако именно сопоставление оригинальных и переводных художественных текстов в больших объемах (с привлечением вариантов перевода произведений) позволяет увидеть отличия повествовательных традиций, отражающих в том числе и особенности концептуализации мира средствами языка.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

В качестве одной из ключевых семантических категорий, или даже доминант русской языковой картины мира, уже несколько десятилетий выделяется категория неопределенности. Любопытное диалектическое противоречие наблюдается здесь в том, что грамматической категории определенности / неопределенности в русском языке нет, и соответствующая палитра смыслов реализуется при помощи целого ряда лексических и синтаксических средств. Говорящий задействует местоимения, наречия, частицы, а также специальные конструкции, в которых с помощью интерпретирующей деривации агенс выводится за рамки предложения и приобретает специфический референтный статус. Такое обилие средств может показаться избыточным носителю другого языка, однако именно оно позволяет нам не просто указывать на определенность или неопределенность объекта или феномена, но транслировать целый ряд специфических субъективных смыслов и ориентировать высказывание на тот или иной прагматический эффект. Вот почему, несмотря на наличие в западноевропейских языках словарных эквивалентов для многих русских неопределенных местоимений и наречий (а кроме того, наличие системы артиклей), передавать функции русских показателей неопределенности в переводе на эти языки оказывается порой затруднительно.

Т.Б. Радбиль в своих научных трудах обращается к понятию переводимости, характеризуя ее как «набор определенных семантических параметров, делающих возможным или, напротив, невозможным перевод» [Радбиль 2012: 7]. По его мнению, при оценке переводимости необходимо учитывать три базовых макроуровня смысла художественного высказывания, которые условно соответствуют категориям «мир», «язык» и «текст», ведь «художественный текст представляет собой продукт интенциональной языковой концептуализации автором: (1) некоего «прототипического мира», включая определенную систему ценностей и мотивационно-прагматических установок; (2) системы естественного языка и стилей (дискурсов) эпохи; (3) неких общих принципов текстопорождения (наррации) и рецепции текста, принятых в данной культуре» [Радбиль 2012: 8].

Функционирование показателей неопределенности в русском дискурсе, по-видимому, имеет отношение к первому аспекту концептуализации мира – а именно к характеру отражения в высказывании носителя русско-

го языка субъективного взгляда на окружающую действительность и события в ней.

Еще в 1996 году, в статье «Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира» Е.В. Падучева, обратившись к переводному материалу, отметила специфическую закономерность: «Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в изобилии присутствующие в русском тексте, без перевода» [Падучева 1996:10]. Для иллюстрации этого наблюдения были привлечены 26 параллельных контекстов из произведений Н.В. Гоголя и А.П. Чехова и их переводов на французский язык. Действительно, в приведенных Е.В. Падучевой примерах лексические показатели неопределенности исчезли при переводе, например:

«И хотелось почему-то плакать. <...> – Et l'on avait envie de pleurer».
[Цит. по Падучева 1996: 10].

Е.В. Падучева объяснила отмеченную тенденцию «особой настроенностью» русского языка «на эту семантическую сферу» и выдвинула гипотезу: «Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться» [Падучева 1996: 10]. Действительно, элементы весьма частотные, пронизывающие повествование, перестают восприниматься переводчиком как что-то обладающее самостоятельной семантической значимостью, становятся общей характеристикой нарратива или его фрагмента, охваченного определенной точкой зрения, а потому не получают в переводе на язык с другой повествовательной традицией специальных эквивалентов.

Очень интересна перекличка идей Е.В. Падучевой с наблюдениями А. Вежбицкой [1996: 73], а также с замечаниями Н.Д. Арутюновой, которая в том же 1996 году опубликовала статью «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира». Н.Д. Арутюнова также указала на расширение возможностей выражения значения неопределенности в ходе эволюции русского языка и на «частотность неопределенных местоимений в литературном тексте и разговорной речи». Буквально вторит утверждению Е.В. Падучевой следующее наблюдение: «Устранение из такого текста

неопределенных местоимений не наносит урона его содержательной стороне, но делает его как бы менее русским» [Арутюнова 1996: 65].

В работе «Переводимость как феномен межъязыкового взаимодействия» Т.Б. Радбиль предложил отнести обнаруженное явление к «мотивационно-прагматическому аспекту переводимости высказываний, сопряженному со смысловым уровнем языковой концептуализации мира» [Радбиль 2017: 238]. Частотное введение показателей неопределенности в нарратив может быть трактовано как специфика концептуализации точки зрения, субъектной перспективы и модальной организации высказывания в повествовании на русском языке. В дополнение к наблюдениям А. Вежбицкой и других лингвистов, Т.Б. Радбиль отметил еще не изученный «симметричный» феномен: «Оказывается, верно и обратное: в русском переводе зачастую возникают неопределенные модальные показатели, отсутствующие в языке оригинала. Так, фрагмент из романа «Над пропастью во ржи», где Холден Колфилд уморительно рассуждает о не слишком красивой девчонке, стремящейся выглядеть комильфо, в оригинале заканчивается так: *...but you felt sort of sorry to her* (букв. 'но ты чувствовал к ней нечто вроде жалости'). В переводе Р. Райт-Ковалевой читаем: *...но ее почему-то было жалко*. Нетрудно заметить, что этого «почему-то» нет в языке-источнике, но оно возникает как отражение именно русского типа модальной организации дискурса» [Радбиль 2017: 238].

Результаты детального сопоставительного исследования англоязычных оригиналов и русских переводов художественных нарративов (26 произведений и 126 переводов (конец XIX-начало XXI вв.)), проведенного автором статьи [Уржа 2021], полностью совпадают с наблюдением Т.Б. Радбиля: показатели неопределенности (в первую очередь, местоимения и наречия) добавляются при переводе на русский язык самых разных текстов.

Сопоставляя между собой художественные нарративы на английском языке и их переводы, созданные в России, можно установить, что использование показателей неопределенности в русском языке активизируется в тех случаях, когда они выступают как **маркеры субъективизации** – то есть представления в тексте позиции фокального персонажа (как в третьеличном, так и в первичном повествовании), и этим объясняется формальное несоответствие оригиналов и переводных версий.

Речь идет о тех случаях, когда в англоязычном оригинале значение неопределенности никак не выражено, при том что русские переводы вводят соответствующие показатели (то есть налицо зеркальное отображение той же самой ситуации, которая была обнаружена Е.В. Падучевой в переводах с русского языка). Рассмотрим ряд таких случаев на материале романа Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» и русского перевода Т. Шинкарь, выполненного в 1956 г.:

1a. *The subway fled past him, cream-tile, jet-black, cream-tile, jet-black, numerals and darkness, more darkness and the total adding itself.*

1b. *В окнах мелькала стена туннеля – кремовые изразцы и густая чернота – изразцы и чернота, цифры и снова чернота, всё несло мимо, всё складывалось в **какой-то** непонятный итог.*

2a. *The voice was in Montag's head.*

2b. *Голос раздавался **где-то** в глубине мозга Монтэга.*

3a. *<...> his routine had been disturbed.*

3b. *<...> нарушился **какой-то** порядок, к которому он привык.*

4a. *The growl simmered in the beast and it looked at him.*

4b. ***Где-то** в чреве пса нарастало рычание, сверкающий взгляд был устремлен на Монтэга.*

5a. *He lay far across the room from her, on a winter island separated by an empty sea.*

5b. *Но ему казалось, что она **где-то** далеко, в другом конце комнаты, что его постель — это ледяной остров среди пустынного моря.*

Неопределенные местоимения в переводе Т. Шинкарь возникают в специфических контекстах: в них в рамках третьеличного нарратива читатель получает доступ к сознанию героя – повествование максимально субъективизируется (хотя и не превращается во внутренний монолог). Необычные впечатления и ощущения, захлестывающие героя, поглощают его внимание, и показатели неопределенности в русском переводе маркируют эту субъективную зыбкость его восприятия.

Множество аналогичных примеров обнаружено нами в русских переводах повествовательных текстов разных жанров – произведений, принадлежащих к сферам приключенческой, нравоописательной, философской прозы: романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грэя», рассказов Э. По, притчи Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», романа Марка

Твена «Приключения Тома Сойера», сказок из цикла К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» и др.

Чем же вызвано активное добавление в повествовательные тексты неопределенных местоимений и наречий как дополнительных показателей субъективизации при переводе на русский язык? Развивая гипотезу Е.В. Падучевой и опираясь на данные нашего анализа и предшествующих исследований, можно предположить, что **подобное маркирование является одной из черт русской нарративной традиции**, однако оно отнюдь не выступает обязательным и регулярным литературным приемом. Склонность к нему или отказ от него характеризует различные **переводческие стратегии**, что ярко демонстрирует сопоставление рассмотренного выше перевода романа Р. Брэдбери, предложенного Т. Шинкарь, и конкурирующей версии, созданной в постсоветское время В. Бабенко. Если подход Т. Шинкарь представляет доместицирующую стратегию – то есть приближение переводимого текста к русской литературной и повествовательной норме [Venuti 1995, Шелестюк, Гриценко 2016], то вариант В. Бабенко реализует фореинизирующую стратегию – осязаемое очуждение текста, максимально близкое к первоисточнику (вплоть почти до калькирования) представление авторской нарративной манеры. Неудивительно, что введение дополнительных неопределенных местоимений и наречий как маркеров субъективизации обнаруживается только у Т.Шинкарь, тогда как В. Бабенко избегает их и создает текст, который выглядит, по выражению Н.Д. Арутюновой, «менее русским»:

1с. Стены тоннеля убежали прочь, кремовая плитка, угольно-черная, кремовая плитка, угольно-черная, цифры и темнота, плюс еще темнота, итог складывался сам собой.

2с. Голос звучал в голове Монтага.

3с. <...> нарушился заведенный порядок вещей.

4с. Внутри зверя медленно кипело рычание, он внимательно глядел на человека.

5с. Он лежал далеко-далеко от нее, у другой стены комнаты, на зимнем острове, отделенном от всего мира пустым пространством моря.

Устраняясь от критических оценок переводческих версий, отметим выявленную связь: дополнительное маркирование субъективизации повествования ассоциируется с русскоязычной повествовательной традици-

ей и может представлять последовательную переводческую стратегию, так же как и намеренный отказ от такого приема с целью создать фореизирующий перевод, формально более близкий к иноязычному нарративу.

Вовлечение русских показателей неопределенности в качестве элементов доместицирующего перевода и отказ от них при «очуждении» манеры повествования еще раз подтверждает тот факт, что сами эти показатели теснейшим образом связаны с со смысловым уровнем языковой концептуализации мира, а обращение к переводному материалу продуктивно для дальнейшего исследования самого феномена такой концептуализации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 61–90.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1996. 416 с.
3. Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Лексикограф [Электронный ресурс], 1996. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf
4. Радбиль Т.Б. Переводимость как феномен межъязыкового взаимодействия // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 7–18.
5. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
6. Уржа А.В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.): дис. ... доктора филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. 564 с.
7. Шелестюк Е.В., Гриценко Э.Д. О фореизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник ЧелГУ. 2016. №4 (386). С. 202–207.
8. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, New York: Routledge, 1995. 353 p.

MOTIVATIONAL-PRAGMATIC ASPECT OF TRANSLABILITY OF UTTERANCES: INDICATORS OF UNCERTAINTY IN TRANSLATIONS FROM AND INTO RUSSIAN

© A.V. Urzha

Abstract. This article focuses on the phenomenon of translatability of utterances described by T.B. Radbil, and specifically on its motivational-pragmatic aspect associated with the semantic level of linguistic conceptualisation of the world. The object of study is Russian pronouns and adverbs expressing uncertainty, which are regularly omitted by translators when creating French- and English-language versions of Russian fiction narratives and added when translating narrative texts in the opposite direction – from English into Russian. The results of a comparative study of a large set of original and translated fiction texts presented in this publication show that such changes occur when Russian indices of uncertainty act as markers of subjectivisation of the narrative, bringing the narrative closer to the point of view of the focal character. This function of indices of uncertainty can be interpreted as a specific feature of the Russian narrative tradition, which is preserved in domesticising translations and ignored in forenising versions of translated texts in Russia.

Keywords: *translatability, uncertainty, pragmatics, subjectivisation, domestication, forenisation*

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ ПОЛИТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В. ПУТИНА)

© Е.Е. Халина

Аннотация. Статья посвящена анализу публичных выступлений российского политического лидера, действующего президента В.В. Путина. Индивидуальный дискурс политика анализируется как фрагмент общенационального политического дискурса и характеризуется посредством современных тенденций в развитии публичной коммуникации. Цель работы заключается в исследовании комических элементов в политическом дискурсе президента России с учётом речевых стратегий и тактик. Для решения поставленной цели в работе используются: метод научного описания, лингвистический анализ, метод сопоставительного анализа. Изучение средств комического в дискурсе президента России позволило сделать выводы о том, что функциональные возможности средств комического разнообразны. Юмор в политическом дискурсе В.В. Путина отражает происходящую действительность, содействует снижению эмоционального напряжения и является дополнительным «мостом» взаимодействия политика и аудитории.

Ключевые слова: *политический дискурс, речевая деятельность, комическое, средства комического.*

В современном языкознании отмечен курс на изучение политического дискурса, а именно на выявление механизмов взаимодействия власти и речи. В настоящее время политический дискурс характеризуется своей сложностью и многообразием. Главная его цель выражается в стремлении политика воздействовать на сознание общества, донести до него свою точку зрения. В связи с этой целью высказывания политических деятелей приобретают особую экспрессию. По мнению В.И. Шаховского «народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным» [Шаховский 2008: 265]. Благодаря этому с помощью языка власть может реализовывать манипулирование сознанием общества. О.Л. Михалёва характеризует манипуляцию как «особый вид психологического воздействия, направленного на скрытое внедрение в психику объекта целей, желаний, намерений, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформулировать самостоятельно» [Михалёва 2004: 7]. Данное определение основывается на трактовании слова «манипуляция», изложенного в «Большом психологическом словаре» Б.Г. Мещерякова. Согласно ему, манипуляцией считается коммуникативное воздействие, направленное на возникновение у аудитории определенных мотивов, чувств, стереотипов,

побуждающее к желаемому (=выгодному) поведению [Мещеряков 2008: 245].

В последние десятилетия в политическом дискурсе прослеживается тенденция политиков «заигрывать» с аудиторией. В попытке завладеть вниманием электората политические лидеры ищут баланс между идеологической составляющей своих выступлений и юмором. Именно поэтому комические феномены занимают важное место в политическом дискурсе.

Категория комического в политическом дискурсе направлена на возникновение смеховой реакции. Н.Д. Арутюнова считает, что комическим репликам присуще огромное количество тональностей, наполненных неуловимыми смыслами, а смех или улыбка являются сообщениями говорящему о том, что вы их разгадали [Арутюнова 2007: 15]. Категория комического включает в себя такие виды, как юмор, ирония, сатира, сарказм, их переходные и промежуточные формы [Капацинская 2007: 224].

Активное обращение к комическим феноменам в политическом дискурсе связано с функциями этих средств языка. Наряду с контактоустанавливающей функцией юмор может выполнять агональную и рефлексивно-критическую функции. Также средства комического в политических высказываниях используются для привлечения внимания слушателей к теме выступления, дают политику возможность донести до аудитории собственные взгляды и оценки (манипулятивная функция). Ещё одной основополагающей функцией комического является функция самопрезентации и саморазоблачения [Желтухина 2000].

Как уже было сказано, употребление средств комического в политическом дискурсе приводит к сближению политического и развлекательного дискурсов. В своём стремлении быть услышанными, политические деятели разбавляют свои выступления яркими, запоминающимися комическими элементами. На первый план выходит реализация развлекательной функции юмора. Политические выступления становятся менее завуалированными, в них содержится меньше фактов и эксплицитных оценок, что позволяет аудитории самостоятельно обрабатывать полученную информацию посредством активизации собственных когнитивных способностей.

Необходимо также отметить, что наличие чувства юмора в политике является неотъемлемым качеством настоящего оратора. Наиболее опыт-

ные политические деятели используют юмор с целью дискредитации своих противников, а также для предотвращения обсуждения неудобных тем.

В данной статье обратимся к дискурсу политического лидера В.В. Путина, поскольку президент часто и эффективно прибегает к юмору в своих выступлениях. Умелое сочетание комических и политических аспектов, чередование строгой официальности и просторечных шуток и анекдотов в своих речах делает президента РФ весьма популярным в обществе.

Анализ выступлений, интервью, публичных высказываний В.В. Путина подчёркивает его яркое и своеобразное чувство юмора. К своим ответам и комментариям на различные темы политик не всегда относится с должной серьёзностью. Зачастую выступления В.В. Путина содержат в себе яркие высказывания с комическим оттенком, которые производят на слушателей определённый расслабляющий эффект, а также создают атмосферу доверительной беседы.

Чувство юмора В.В. Путина менялось с годами: выступления эпохи первого президентского срока (2000-2004гг.) содержали в себе резкие и даже грубоватые элементы юмора, которые зачастую не предназначались для большой аудитории. Так, в декабре 2000 года в интервью телеканалам ОРТ, РТР и «Независимой газете» президент, отвечая на вопрос журналистов о положении дел в правительстве, заявил: «Если человека все устраивает, то он полный идиот. Здорового человека, в нормальной памяти не может всегда и всё устраивать» [Путин 2012].

В декабре 2003 года президент В.В. Путин отвечал на вопросы россиян в прямом эфире «Первого канала», телеканала «Россия» и радиостанции «Маяк». На вопрос одного из журналистов о допустимости пропагандированного лозунга «Россия – для русских», политик ответил: «Для такой страны, как наша, вопрос, который вы задали, имеет особый приоритет. Тот, кто говорит: “Россия – для русских»”, – знаете, трудно удержаться, чтобы не давать характеристики этим людям, – это либо непорядочные люди, которые не понимают, что говорят, и тогда они просто придурики, либо провокаторы, потому что Россия – многонациональная страна» [Путин 2003].

В приведенных выше примерах можно встретить такие жаргонизмы, как «идиот» и «придурик». Эти слова имеют отрицательную коннотацию,

однако в высказываниях президента не используются в роли открытого оскорбления. Данные негативно окрашенные слова с ироничным оттенком значения способствует реализации рефлексивно-критической функции, то есть их употребление объясняется желанием говорящего оценить затрагиваемую ситуацию и её участников. То есть реализуется тактика безличного обвинения в рамках стратегии на понижение.

В течение своего третьего президентского срока (2012-2018гг.) В.В. Путин изредка прибегает к использованию грубоватых фраз с комическим оттенком. Подобная манера шутить помогает политику избегать прямых ответов на неудобные вопросы. Например, во время ежегодной пресс-конференции в 2015 году президент, отвечая на вопрос о том, когда российская экономика выйдет из кризиса, ответил очередным анекдотом: «Встречаются два приятеля, один другого спрашивает, ну, мол, как дела? – Тот отвечает, что жизнь в полоску и вот сейчас у него черная полоса. Проходит какое-то время, снова встречаются, снова – ну, как дела теперь? – Да, черная полоса! – Как же так, ведь в прошлый раз была черная. – Как выяснилось, в прошлый раз это была белая...» [Путин 2015]. Используя такой комический феномен как анекдот, политик снижает уровень серьезности обсуждаемой темы, а также уклоняется от ответа на вопрос.

В ходе традиционной ежегодной пресс-конференции в 2008 году корреспондент «Associated Press» поинтересовался, правда ли, что нынешний президент России является самым богатым человеком в Европе. Владимир Путин отшутился: «Это правда. Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире. Я собираю эмоции. И я богат тем, что народ России дважды доверил мне руководство такой великой страной, как Россия. Я считаю, что это самое большое мое богатство» [Путин 2008]. В ответе президента нет никакой конкретной информации о его личном благосостоянии. Более того, политик мог проигнорировать сам вопрос и посчитать его некорректным. Но В.В. Путин мастерски выходит из ситуации, сместив с помощью шутки фокус внимания на его «духовное» богатство, на доверие граждан России. Данный пример служит ещё одной иллюстрацией умения президента РФ избегать прямых ответов на личные вопросы.

Нужно отметить, что комические феномены использовались В.В. Путиным в ходе упомянутой выше пресс-конференции с разными целями.

Так, на вопрос корреспондента «КП» А. Гамова о том, что удалось и не удалось за 8 лет, президент ответил: «Что же касается моего личного восприятия, я уверен, мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая Президентом Российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи. И делал это с полной отдачей сил. Я доволен результатами своей работы» [Путин 2008]. Несмотря на свою комическую составляющую, идиоматическое выражение «пахать, как раб на галерах» употребляется в приведённом высказывании в рамках самопрезентации стратегии на повышение. В.В. Путин даёт оценку своей работе, подчёркивая её тяжелый и изнурительный характер.

Важное место в дискурсе В.В. Путина занимает самоирония. В высказываниях президента поводом для самоиронии выступают возраст политика, собственные идеи и др. Так, во время одной из пресс-конференций журналист «Life News» поинтересовался, почему за время президентства так и не появился политик «номер два» и не скучно ли Владимиру Путину участвовать в выборах без сильного конкурента. В процессе ответа на заданный вопрос президент заметил плакат журналистки из Татарстана с надписью «Путин бабай» (по-татарски «дедушка»), который он ошибочно принял за английское «бай-бай» (перевод с англ. «до свидания»). Свою невнимательность президент иронично прокомментировал строчкой из басни И.А. Крылова: «Мартышка к старости слаба глазами стала, извините» [Путин 2017]. Такая самоирония в высказывании политика выступает мощным риторическим приемом в рамках стратегии театральности. Она направлена на преодоление различий между президентом и рядовым слушателем, активизирует у аудитории чувство симпатии посредством укрепления в их сознании образа «народного президента».

Таким образом, анализ средств комического в дискурсе президента России позволяет сделать следующие выводы об особенностях его индивидуального стиля.

1. Функциональные возможности средств комического в политическом дискурсе В.В. Путина разнообразны. Используя юмор, политик передаёт свои мысли и оценки наиболее выразительным способом (рефлексивно-критическая функция), эффективно позиционирует себя (функция

самопрезентации) и наиболее результативно дискредитирует своих политических противников (агональная функция).

2. Юмор в политическом дискурсе В.В. Путина отражает коммуникативную тактику, направленную на манипуляцию сознанием слушателей. Комические феномены в высказываниях президента отражают происходящую действительность, содействуют снижению эмоционального напряжения, являются дополнительным «мостом» взаимодействия политика и аудитории.

3. Предметную сферу комического в выступлениях В.В. Путина составляют социально-политические проблемы – вопросы административно-хозяйственного характера, политическая борьба, межличностные отношения, касающиеся социальных и морально-этических противоречий. Часто встречаются в речи президента РФ примеры самоиронии, которые реализуют развлекательную и гармонизирующую функции, а также поддерживают в сознании слушателя образ «президента из народа».

4. Широкое многообразие средств вербализации комических феноменов, их высокая частотность в дискурсе В.В. Путина подчёркивает оригинальность и индивидуальность речевой манеры президента, а также указывает на его творческое мастерство использования языка. Комические средства украшают политические выступления В.В. Путина, придают им художественное значение. Юмор помогает политике полно и ярко выразить своё собственное отношение к происходящему, делает контакт с аудиторией более эффективным.

5. В соответствии со своими функциональными возможностями комические феномены в политическом дискурсе В.В. Путина наиболее часто реализуются в тактиках безличного обвинения, самопрезентации и кооперации.

Приведённый в данной работе анализ, безусловно, не может отражать весь потенциал комических феноменов как в индивидуальных дискурсивных практиках политиков, так и в целом в сфере политической коммуникации. Именно поэтому дальнейшее освещение особенностей комических средств имеет перспективное значение при изучении взаимодействия политического и развлекательного дискурсов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма /отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 5–17.
2. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... к.ф.н. Волгоград, 2000. 250 с.
3. Интервью Путина В.В. радио «Европа-1». 04.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/45832> (дата обращения 07.06.2023).
4. Капацинская В.М. Комический текст. Проблема выделения речевого и ситуативного комического в тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. №3 С. 224–228.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2008. 672 с.
6. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Автореферат дис. ... к.ф.н. Кемерово, 2004. 24 с.
7. Путин В.В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ZPka_VHSuYM (дата обращения 07.06.2023).
8. Путин В.В. 12 лет в афоризмах. 05.10.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/10/2012/5703fdc49a7947fcbd44121a> (дата обращения 07.06.2023).
9. Путин В.В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/5355832984242756162> (дата обращения 07.06.2023).
10. Путин В.В. 14.12.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/36663298-prezidenta-udivil-plakat-putin-babay/> (дата обращения 07.06.2023).
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

THE COMMUNICATIVE STYLE OF A POLITICIAN THROUGH THE PRISM OF THE COMIC CATEGORY (BASED ON THE DISCOURSE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. PUTIN)

© *E.E. Khalina*

Abstract. The article is devoted to the analysis of public speeches of the Russian political leader, the current President V.V. Putin. The individual discourse of a politician is analyzed as a fragment of the national political discourse and is characterized by modern trends in the development of public communication. The purpose of the work is to study comic elements in the political discourse of the President of Russia, taking into account speech strategies and tactics. To achieve this purpose, the following methods are used in the work: the method of scientific description, linguistic analysis, the method of comparative analysis. The study of the means of the comic in the discourse of the President of Russia allowed us to make conclusions that the functionality of the means of the comic is diverse. Humor in V.V. Putin's political discourse reflects the current reality, helps to reduce emotional tension and is an additional «bridge» of interaction between the politician and the audience.

Keywords: *political discourse, speech activity, comic, means of the comic.*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТОПОНИМОВ ЮГА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© О.А. Хитрюк

Аннотация. В данной статье даётся этимологический анализ некоторых топонимов южных районов Нижегородской области. После установления их внутренней формы мы поделили их на семантические группы. Целью работы является выявление основных закономерностей, в рамках которых происходит формирование новых имён собственных географических объектов. В тексте работы мы исследуем примеры, принадлежащие к разным языкам и формировавшиеся в разные эпохи под влиянием природных, исторических, политических, социальных, культурных, экономических и других факторов. Изучая выделенные примеры, мы приходим к выводу об общности факторов, повлиявших на процессы, ставшие движущими силами ономастического процесса на территории Юга нижегородского региона. Основными методами данного исследования является сопоставление топонимического материала, а также метод группировки выделенных примеров.

Ключевые слова: *топоним, топонимическое предание, географический объект, семантическая группа, внутренняя форма, этимология.*

Географические названия районов Юга Нижегородской области неоднородны по своему происхождению. Говоря об этом, мы отмечаем сходства и различия, которые проявляются на разных уровнях языка. В связи с этим, необходимо проводить анализ морфем и лексико-семантических свойств целостной топонимической единицы. В совокупности это даёт возможность сопоставить имена собственные географических объектов, что, в свою очередь, представляет формировать различные топонимические классификации, которые, как правило, пересекаются, дополняя и обогащая друг друга.

По большей части, основной задачей учёных-топонимистов является установление происхождения того или иного слова, представляющего собой реально существующее географическое название. Для того, чтобы правильно установить его внутреннюю форму, необходимо провести всесторонний анализ по установленным критериям, относящимся к разным уровням языка. При этом нередко даже при первом знакомстве с топонимом не определяется язык, к которому восходит слово, так как первоначально во внешней форме его может абсолютно не угадываться происхождение и знакомые носителю другого языка форманты. Изучая этот момент, необходимо также учитывать экстралингвистические факторы,

которые имеют не менее важное значение для исследователя. Таким образом, мы говорим о совокупности различных аспектов (исторических, социальных, культурных, религиозных, экономических, политических, географических, экологических и так далее) способных стать движущей силой ономастического процесса и повлиять на формирование того или иного топонима.

Появившиеся и вошедшие в лексикон людей названия географических объектов, можно разделить на разные смысловые группы, позволяющие учёным-топонимистам определить общую семантическую направленность классифицированных слов. В данной статье мы разберём характерные примеры, выделенных нами в рамках анализа топонимического поля южных районов Нижегородской области.

Прежде чем сконцентрируем внимание на предмете данной работы, отметим, какие административные образования можно отнести к Югу нижегородского региона. Это Ардатовский район, город Арзамас, Арзамасский район, Большеболдинский район, Бутурлинский район, Вадский район, Вознесенский район, Гагинский район, Дивеевский район, Краснооктябрьский район, Лукояновский район, городской округ города Первомайск, Перевозский район, Пильнинский район, Починковский район, город Саров, Сергачский район, Сеченовский район и Шатковский район.

На территории этих географических объектов проживают носители разных языков и представители различных этнических групп. Разумеется, процесс освоения этих территорий также проходил неравномерно. В разные исторические эпохи происходили события различного плана, способные породить рассматриваемые нами примеры. Наблюдения за ними, а также осмысление и интерпретация в сознании жителей дали возможность появиться богатому топонимическому наследию. Приведём же конкретные примеры.

Среди семантических групп топонимов Юга Нижегородской области наиболее частотны категории географическая особенность места и знаменитый человек. Также нам удалось выявить семантическую связь некоторых названий с растительным и животным миром, занятиям местных жителей, а также некоторыми знаковыми для местных жителей сооружениями.

К примеру, Аря (Большая и Малая) – название соседних села и деревни в Лукояновском районе, полученное ими по речке Арьке (левый приток Ежати), на которой они стоят, восходят к мордовскому слову *эрьке*, что означает ‘озеро’, а топонимы Большие и Малые Бакалды (село и деревня в Бутурлинском районе) произошли от нарицательного имени *бакалды*, означающего ‘ямы, низины, заполняемые талыми водами’. Водную тематику также продолжают топонимы, имеющие в своей основе формант *лей*. Вот, к примеру, название Веселей (железнодорожная станция в Лукояновском районе и населенный пункт недалеко от нее) переводится с мордовского языка как «кругом долины с речками» (*весе* – ‘всё, кругом’ и *лей* – ‘долина, речка’. И сомневаться в этом не приходится, так как это место находится в водоразделе между реками Тёшей, Алатырем и Пьяной. Также на место возникновения села указывает мордовское название Верякуши, образованное из двух слов: *вере* ‘верхняя’ и *кужо* ‘поляна’ [Трубе 1962].

Другую важную смысловую группу представляют патронимы – названия географических объектов, образованные от имени, фамилии, отчества, прозвища и других характеристик, относящихся к личностям, которые были в достаточной степени известными для местных жителей. Например, в честь имени первого поселенца мордвина Байко получило своё название село Байково, расположенное в Починковском районе на реке Алатыре. А село Гагино, расположенное на реке Пьяне, хранит память о первом владельце – помещике Гагине, к фамилии которого и восходит топоним [Морохин 1997].

Не менее интересным будет и название села Перевозского района Ичалки. Восходит оно к мордовскому мужскому имени Ичалка. Предлагающееся к этой версии топонимическое предание о том, как этот местный житель провёл войска Ивана Грозного во время его третьего похода на Казань через припьянские леса. Также свою связь с известным русским правителем имеет название левого притока Тёши Иржа. Данное имя собственное не восходит напрямую к имени грозного царя, но в переводе с мордовского означает ‘жёсткий, грубый’. Название было дано месту из-за того, что во время похода Ивана IV на Казань здесь располагалась одна из его стоянок. В этом и проявилась оценка, которую дало мордовское население царю. Заметную связь с личностью правителя также имеет

название Арзамас, хотя и по одному из преданий восходит к именам мордовским именам Эрзя и Масай [Шустов 2008]. Впрочем, другая более популярная в научном сообществе версия отсылает к двум мордовским словам: *эрзя* (название мордовского племени) и *мазый* ‘красный, красивый’, что в переводе может означать: ‘самое лучшее (красивое) место племени эрзя’ [Трубе 1962].

Ещё в ряде патронимов заметно выделяется ещё одна смысловая группа, связанная с деятельностью разбойников, орудовавших в южных районах Нижегородской области. К примеру, село Вельдеманово получило своё название, согласно преданию, по имени предводителя разбойничьей ватаги Вельдема, укрывавшегося в этих местах.

Интересны и названия, имеющие этимологическую связь с животными. Так топоним Букалей, встречающийся в Арзамасском, Бутурлинском и Вознесенском районах, был образован от мордовских слов: *бука* ‘бык’ и *лей* ‘речка, долина’, что в переводе означает ‘быковая речка’ или ‘быковая долина’. Внутренняя форма этого имени собственного позволяет понять, что поселения были основаны в местах водопоя или пастьбы скота. А вот деревня Бутурлинского района Вергизай в своей внутренней форме хранит связь с мордовским словом *вергизь* ‘волк’.

Рассмотреть также стоит и примеры, связанные растениями. Например, название деревни Ивково происходит от ив, росших в низине, где и расположен данный населённый пункт.

Следующим характерным примером может быть топоним Ежать (левый приток Пьяны). По одной из версий, название происходит от мордовского слова *яжавтнес* ‘размалывать’, то есть по смыслу должно означать ‘место, где размалывается зерно’. Вероятно, в этих местах находилась мельница, что также говорит об основном занятии местных жителей.

Внутренняя форма слова, связанная с занятием людей характерна и для топонима Гуленки. Однако в данном случае речь идёт не о трудовой, а о досуговой деятельности. Внешняя форма этого слова должна быть понятна носителю русского языка, так как связана с народными гуляниями, которые любили устраивать помещики Бахметьевы в этих местах [Трубе 1962].

Таким образом, нами были рассмотрены все основные семантические группы топонимов Юга Нижегородской области. Изучение их позволяет

исследователям понять, что послужило основой для формирования тех или иных названий. Объединение их в группы даёт возможность говорить об основных механизмах, которые могут запустить ономастический процесс и стать точкой отсчёта для формирования нового имени собственного.

Список литературы

1. Земля Нижегородская в её легендах и преданиях: Учебное пособие. Составитель М.П. Шустов. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2008. 320 с.
2. Легенды и предания земли Нижегородской / Сост. М.П. Шустов. Н. Новгород: Изд-во: НГПУ, 2001. 184 с.
3. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Н. Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.
4. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М., 1965. 184 с.
5. Трубе Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький: Горьковское книжное издательство, 1962. 160 с.

SEMANTIC GROUPS OF TOPONYMS IN THE SOUTH OF NIZHNY NOVGOROD REGION

© O.A. *Khitryuk*

Abstract. This article provides an etymological analysis of some toponyms of the southern regions of the Nizhny Novgorod region. After establishing their internal form, we divided them into semantic groups. The purpose of the work is to identify the basic patterns within which the formation of new proper names for geographical objects occurs. In the text of the work we examine examples belonging to different languages and formed in different eras under the influence of natural, historical, political, social, cultural, economic and other factors. Studying the selected examples, we come to the conclusion about the commonality of factors that influenced the processes that became the driving forces of the onomastic process in the south of the Nizhny Novgorod region. The main methods of this study are the comparison of toponymic material, as well as the method of grouping selected examples.

Keywords: *toponym, toponymic legend, geographical object, semantic group, internal form, etymology*

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАНИПУЛЯТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА

© М.Т. Шакенова, З.К. Исмаилова, Г.А. Ахметжанова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы манипулятивного медиадискурса. В связи с быстрым развитием массмедиа, а также большим арсеналом социально-психологического воздействия на личность и общество, вопрос изучения языковых механизмов манипулятивного медиатекста продолжает оставаться чрезвычайно актуальным. Статья посвящена исследованию лексико-фразеологического потенциала, используемого в манипулятивном медиадискурсе. Цель исследования заключается в анализе специфических лексических и фразеологических единиц, применяемых в медийных текстах с целью оказания воздействия на восприятие информации читателями или зрителями. Авторы анализируют как отдельные слова, так и фразеологические обороты, выявляя их эмоциональную и смысловую окраску. В рамках исследования используется многоуровневый анализ медийных текстов с целью выделения лексических и фразеологических единиц, повышающих манипулятивный потенциал текста. В качестве материала служат публикации в различных казахстанских русскоязычных медийных источниках, охватывающих разнообразные тематики – от политики и экономики до культуры и общественных явлений.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, манипулятивный потенциал, лексические и фразеологические единицы.

С момента появления и затем быстрых и значительно ускоряющихся темпов распространения массовых коммуникационных средств на читателя стало очевидным, что языковые средства на всех уровнях языковой системы играют важную роль в формировании общественного мнения, воздействии на аудиторию и зачастую манипуляции отдельными личностями и обществом в целом. С развитием Интернета манипулятивные практики приобретают новые формы и инструменты. Онлайн-платформы становятся основным источником информации для многих людей, и изучение манипулятивного потенциала в медиапространстве становится важным для понимания механизмов и средств манипулятивного воздействия, как информация влияет на поведение и восприятие. В данной работе нами рассмотрены единицы лексико-фразеологического уровня как средства манипулятивного медиадискурса.

При понимании медиадискурса мы опираемся на метафорическое определение дискурса, данное Н.Д. Арутюновой и ставшее классическим в русистике и за его пределами: «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова

1998: 136]. В настоящее время существует много исследований, в котором рассматриваются различные дискурсивные практики, такие как рекламный, политический, медиадискурс, художественный и т.д. Одним из наиболее популярных, вызывающий большой интерес не только у лингвистов и других трансдисциплинарных областях гуманитарного знания является медиадискурс.

По определению, Т.Г. Добросклонская, автора работы «Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации», «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2016: 20]. Текст «при переносе в сферу масс-медиа значительно расширяет свои границы» [Добросклонская 2016: 25]. Е.А. Кожемякин в своей статье «Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования» пишет, что «медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа» [Кожемякин 2010: 12]. Одной из задач медиадискурса является «определение степени предвзятости медиатекстов, степени их включенности в определённый (профессиональный, идеологический, политический и т.д.) контекст, а также степени включенности в совместное конструирование смыслов аудитории, журналистов, специалистов по рекламе и прочих участников массовой коммуникации» [Кожемякин 2010: 12]. Справедливо утверждение, что «язык современных масс-медиа усиливает прагматический потенциал слова и обогащает его семантическую структуру, чем обеспечивает развитие языка и его качественный рост» [Полонский 2009: 151]. Язык выполняет не только функцию передачи информации в общении. Он также может использоваться как средство манипуляции. «Ориентация на массового читателя накладывает отпечаток на язык газет. Логичные рассуждения не впечатляют массовую аудиторию, но большой эффект имеют простые, но яркие идеи, чувственные образы, повторения, слова, которые рождают ассоциации и т.п.», – пишет С.А. Виноградова [Виноградова 2010: 45]. Вышеназванные эффекты могут вызвать языковые и речевые маркеры, которые обладают манипулятивным потенциалом.

Одним из основных маркеров манипулятивного текста является **частотность использования лексических и фразеологических единиц**

с негативной тональностью [Шакенова и др., 2020]. Анализ собранного корпуса медиатекстов вновь подтвердил данный тезис: СМИ изобилует негативной, стилистически сниженной лексикой и оценочными фразеологизмами. Приведем примеры из русскоязычных казахстанских медиатекстов:

(1) слова с негативной тональностью, нередко со сниженной окраской: *Перспектива глобальной экономической **депрессии** действительно существует,* <https://rezonans.kz/economics/3196-my-snova-na-porogelivelikey-depressii-ili-slukhi-o-kollapse-preuvelicheny>; *Рассказы о **самоубийцах**, у которых постоянно кто-то **вымогал** деньги, тоже **пугают** парней и их родителей,* <https://www.caravan.kz/articles/policejskie-oblavny-na-yunoshejj-prizyvnyogo-vozrasta-prodolzhayutsya-po-vsemu-kazakhstanu-chto-proiskhodit-854490/> («Полицейские облавы на юношей призывного возраста продолжаются по всему Казахстану: что происходит», 20.06.2022); *В Минфине объяснили, почему там много **коррупционеров**»* <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2022/09/21/223121/> (21.09.2022); *«Дети **насилуют** детей»: почему в Казахстане это стало массовым явлением.* <https://www.caravan.kz/gazeta/deti-nasiluyut-detejj-pochemu-v-kazakhstane-ehto-stalo-massovym-yavleniem-863141/> (25.07.2022); *показывают весь свой **расизм**, **гомофобию**, **сексизм** и многое другое.* <https://www.caa-network.org/archives/20895> («Братоубийственная война»); *Она ребенка **швыряет**: на воспитательницу детсада завели уголовное дело,* <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2021/03/04/174124/> (04.03.2021).

(3) устойчивые выражения, фразеологизмы, штампы с негативной тональностью: *Как правило, страны-конкуренты пытаются **вбить клин** между разными социальными группами своего противника,* <https://rezonans.asia/my-zhivem-v-mire-alternativnoy-realnosti/> (Мы живем в мире альтернативной реальности, поскольку описания легче порождаются, чем реальность. //Резонанс. 11.10.21г.), *Вот и сидит в постылом своем кабинете. **Щеки надует**,* <https://vlast.kz/avtory/13354-kodeks-celoveka.html> (Мнения: Кодекс Человека //Власть.кз. 05.10.15г.), *Они слуги народа и должны заботиться об интересах всех граждан страны. Меня всегда ужасает этот широко распространенный в обществе цинизм: ну это же чиновники, с ними разговаривать что **об стенку горох**,* <https://vlast.kz/persona/47373-altyn-kapalova-hudoznica-ty-mozes-vzat-luboe->

ima-glavnoe-ctoby-ono-bylo-dostatocno-muzskim.html (Алтын Капалова, художница: «Ты можешь взять любое имя, главное, чтобы оно было достаточно мужским»./Власть.кз.08.11.21г.), Молодежные встречи, где **промывались мозги** новому поколению типа Селигера, никак не отразились на желании уехать из правильной России на неправильный запад, <https://rezonans.asia/televidenie-aktiviziruet-biologicheskie-instinkty/> (Телевидение активизирует биологические инстинкты./Резонанс. 06.09.21г.), Информированный человек – сильный человек, поэтому все так и пытаются **«запудрить ему мозги»**, <https://rezonans.asia/propaganda-vchera-i-segodnya-2/> (Пропаганда вчера и сегодня, или почему пропаганда часто побеждает правду./Резонанс.25.08.21г.). При этом устойчивые обороты, фразеологизмы зачастую подвергаются структурно-семантическим преобразованиям»: И эта стратегия приводит к тому, что официальные лица, боясь сказать что-то без одобрения сверху, превращаются в биороботов, общающихся с журналистами на **«птичьем»** чиновничьем языке, лишенном как выразительности, так и смысла, <https://rezonans.asia/lector-4-krizisnye-communicacii/> (Кризисные коммуникации. Лекторий4/Резонанс. 10.08.21г.); Бердымухамедов **и рыбку съел**, и ВОЗ с коронавирусом нагрел, <https://www.caa-network.org/archives/20293>; Я бы бегала за напуганным канадцем по банку с камерой, **тыкала камерой** ему в лицо, а затем выложила бы видео в соцсети с тем, чтобы донести до канадцев их ущербность, <https://rezonans.kz/blogosfera/5416-prokhajp-s-doganom>

Употребление лексических и фразеологических единиц с высокой негативной тональностью обусловлено тем, что им присуща ярко выраженная негативная коннотация и их использование направлено на формирование негативного отношения читательской аудитории к описываемым фактам, явлениям».

С точки зрения манипулятивного воздействия большой интерес представляют окказионализмы и казахизмы, очень понятные казахстанскому читателю:

«Санта-Назарбарбара» <https://www.caa-network.org/archives/19112> (02.02.2020); «Она не умерла, когда тебя рожала? Было обидно очень сильно. Типа давай худей, **анану-мынану**». <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2021/09/18/190860/> («Делается в интересах власти» – юристы о возможной блокировке соцсетей из-за кибербул-

лингв», 18.09.2021). Такие средства создают иронический эффект, в особенности в первом примере ярко выражена лингвокреативная сущность при образовании данного окказионального слова. В целом ирония и сарказм активно в манипулятивном медиатексте используются **ирония** и **сарказм**. Пример: *Но это вымышленный мир (...): куда больше достается американцам, которые, видя глуповатого «журналиста» из какой-то неведомой страны, открываются перед ним и показывают весь свой расизм, гомофобию, сексизм и многое другое.* <https://www.caa-network.org/archives/20895> («Братоубийственная война»). *Курить вредно! Причем не только для здоровья, но и для кошелька.* <https://www.caravan.kz/gazeta/gosudarstvo-reshilo-srubit-lishnyuyu-kopejku-na-zdorove-grazhdan-857917/> (Государство решило срубить лишнюю копейку на здоровье граждан? 01.07.2022). *В прошлом году взрослые «играли» в страшилку под названием «коронавирус»,* <https://www.caravan.kz/news/psikhiku-rebenku-mogut-isportit-tolko-roditeli-pochemu-deti-lyubyat-igrushkimonstry-715281/>. Использование сарказма может подрывать доверие к определенным утверждениям, даже если формально они выглядят правдоподобно.

Важную роль в манипулятивном медиатексте играют стереотипы и метафоры. Например: *Трещина в образовании. Сколько школ можно построить на деньги взяточников?* <https://orda.kz/inicziativa-tokaevastroitelstvo-shkol-eto-kompensacziya-za-ukradennoe-budushhee/> (06.09.2022.) Метафора «трещина в образовании» ярко передает, насколько в проблемной ситуации находится современная система образования. Довольно часто используется в медиапубликациях лексическая замена. Например: *Человек – это, условно говоря, «информационное животное». Он не хочет и не может жить без информации. Она для него так же важна, как и пища,* <https://rezonans.asia/tyazhelaya-zhizn-propagandy/>. Пример: «информационное животное» вместо «информационное существо», данная замена слова может влиять на восприятие аудитории и усиливать отрицательное восприятие. Некоторые метафоры нужны для внушения страха. Пример: «Угроза безопасности» – фраза, направленная на создание чувства угрозы, может использоваться для обоснования определенных политических или общественных мер. Например, «*Угроза безопасности: Казахстан оказался на пороге демографической катастрофы*»

<https://www.caravan.kz/gazeta/ugroza-bezopasnosti-kazakhstan-okazalsya-na-poroge-demograficheskoy-katastrofy-862903/> (21.07.2022)

Конечно, следует отметить, что нами обозначен не весь арсенал лексико-фразеологических средств, усиливающих манипулятивный потенциал медиатекста. Можно также рассмотреть использование специфических терминов (*экономическая нестабильность, спецоперация, экономические трудности* и др.), различные ассоциации с моральными ценностями и словесные усиления (*защита семейных ценностей, полное поражение* и др.), распространенные случаи генерализации (*все против нас, все возмущены* и др.) и т.д.

Таким образом, лексические и фразеологические единицы в медиадискурсе играют роль оценки того или иного явления, а также имеют функцию воздействия и манипуляции. Использование определенных слов и фраз в медийных текстах может оказывать значительное воздействие на формирование общественного мнения. Анализ казахстанских медиатекстов показал, что лексика и фразеологизмы с негативной, пониженной тональностью преобладают в массмедиа с целью передать негативную информацию, негативные впечатления о каких-либо событиях. Изучение лексико-фразеологического потенциала манипулятивного медиатекста позволяет понять, каким образом лексика и фразеология используются для манипуляций, и развивать критическое мышление, осознанность восприятия информации из медиа и медиаграмотность у читательской аудитории.

Данное исследование финансировалось Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19679821 «Разработка методики распознавания медиаманипулирования и продвижения медиаграмотности в условиях информационного пространства»).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998. С. 136–137.
2. Виноградова С.А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №2. С. 95–101.

3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.

4. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). Вып. 6.

5. Полонский А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиапространстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: БелГУ, 2009. С. 151–160.

6. Шакенова М., Ташимханова Д., Баймаханбетов М. Манипулятивный потенциал лексических единиц (на материале казахстанского массмедийного дискурса) // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия Филологические науки. 2020. №2(72). С 130–137.

LEXICAL-PHRASEOLOGICAL POTENTIAL OF MANIPULATIVE MEDIA DISCOURSE

© *M.T. Shakenova, Z.K. Ismailova, G.A. Akhmetzhanova*

Abstract. This article discusses the issues of manipulative media discourse. Due to the rapid development of mass media, as well as a large arsenal of socio-psychological effects on the individual and society, the issue of studying the linguistic mechanisms of manipulative media text continues to be extremely relevant. The article is devoted to the study of lexical and phraseological potential used in manipulative media discourse. The purpose of the study is to analyze specific lexical and phraseological units used in media texts in order to influence the perception of information by readers or viewers. The authors analyze both individual words and phraseological phrases, revealing their emotional and semantic coloring. The research uses a multi-level analysis of media texts in order to identify lexical and phraseological units that increase the manipulative potential of the text. The material is publications in various Kazakh Russian-language media sources covering a variety of topics – from politics and economics to culture and social phenomena.

Keywords: *media discourse, media text, manipulative potential, lexical and phraseological units.*

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ КАК МЕДИАИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ

© Д.И. Шевченко

Аннотация. В статье рассматривается личный опыт как актуальный формат для привлечения и удержания внимания читателя к журналистскому тексту. Цель настоящего исследования – представление сведений о личном опыте как о медиаинструменте воздействия. Из теоретических методов исследования использованы реферирование, обобщение, сопоставление. Автор уделяет особенное внимание изучению и анализу научной литературы, посвященной понятию речевого воздействия. Из практических методов применяются жанрово-стилистический и системно-структурный методы анализа. В результате из самых частых типов воздействия выделяются манипуляция, принуждение и убеждение. Автором делается вывод о том, что подобные нарративные публикации вовлекают читателя в соучастие, которое связано с историей конкретного человека, и являются эффективным медиаинструментом воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: *речевое воздействие, интенция, личный опыт, медиаинструмент, суггестия.*

Развитие Интернета привело к созданию особой виртуальной среды. В новых условиях пользователи сети получают возможность участвовать в создании и распространении контента. Журналисты теряют автономию на подачу новостных материалов.

Актуальным форматом, способным вызвать доверие у читателя к материалу, становится ориентация на личный опыт частного человека, представителя аудитории. В связи с этим личный опыт может выступать как эффективный медиаинструмент воздействия.

Но сначала определим, что мы вкладываем в понятие личного опыта. Опираясь на термин «личностное знание», введенный в методологию науки американским философом М. Полани [Полани 1985], мы определяем личный опыт как объем неявного знания, которым располагает и использует в своей деятельности тот или иной человек. Отметим, что знание способно оказать влияние на жизнь именно в тот момент, когда преобразуется в личный опыт субъекта.

Однако в контексте нашей статьи мы рассматриваем личный опыт как журналистский текст. Мы считаем, что личный опыт за счет ориентации на историю частного человека во многом сближается с такими жанрами,

как кейс-стори, сторителлинг и житейская история, однако, полностью отождествляться с ними не может.

По определению А. А. Тертычного житейские истории создаются с помощью художественного метода, т. е. основную роль играет авторская фантазия, и чаще всего они не несут практической пользы для читателя [Тертычный 2000].

Сторителлинг тоже, как правило, создается самим журналистом. Его героями могут быть как люди, так и предметы неживой природы. Повествование строится из завязки, кульминации и развязки, и предполагает конкретное событие. Однако, статьи, ориентированные на личный опыт, не представляют собой цельного повествования с сюжетом и фабулой. Единый и логически построенный текст формируется из подтем, которые отражают те или иные аспекты проблемы. При этом важным оказывается рефлексия, когда человек пережил то, о чем говорит, и поэтому дает рекомендации.

Кейс-стори – это разновидность информационного жанра, сообщение о благоприятном использовании потребителем продукта или услуги, которые и становятся предметом отражения. Этот жанр больше характерен для рекламы и пиар-служб, чаще всего ситуация обращения к товару или услуге искусственно смоделирована, что также не отражает специфику личного опыта, направленного на реальные события.

Таким образом, мы считаем, что личный опыт, хоть и может взаимодействовать с данными жанрами, образуя гипержанр в конечном медиапродукте, но обладает слишком специфическими чертами, чтобы полностью отождествлять их.

Воздействие характеризуется целенаправленной активностью субъекта, целью которого является изменение мнения, поведения и установок кого-либо – чаще всего через речь.

Е. В. Шелестюк рассматривает речевое воздействие в широком и узком смыслах. Опираясь на определения, предложенные исследователем, мы можем выделить основные характеристики речевого воздействия. Во-первых, воздействовать можно как на отдельного реципиента, так и на группу. Влияние, которое может быть как устным, так и письменным, осуществляется с помощью «лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого обще-

ния» [Шелестюк 2014: 10]. Определяется речевое воздействие сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями говорящего, которые включают «изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [Шелестюк 2014: 10].

Еще одно определение речевого воздействия предлагает О.С. Иссерс. Она отмечает, что в большинстве случаев под речевым воздействием понимают общение, характеризующееся целенаправленностью, мотивационной обусловленностью и планируемой эффективностью. В качестве исходной она выделяет следующую посылку: «в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в конечном счете регулируют деятельность собеседника» [Иссерс 2009: 180].

Разные сферы общения различаются по интенсивности воздействия и значимости его последствий. Существуют такие коммуникативные ситуации, где влияние на собеседника очень важно и наиболее очевидно. Р. Лакофф определила такие сферы общения как «персуазивный дискурс» [Иссерс 2009: 20], среди них выделяются обучение, реклама, политика, общение врача и пациента. Их отличие от обычного разговора в том, что они изначально затеваются с целью убедить другого человека.

Систематизирует типы воздействия В.И. Карасик, выделяя: *принуждение* (императив, запрет, предписание), *убеждение* (уговаривание, аргументация, суггестия), *манипуляцию* (совет, давление, упрек, вопрос, предупреждение, согласие, жалоба) [Карасик 2023: 237–243].

Рассмотрим наш эмпирический материал, основываясь на данной схеме. Мы выбрали статью из тематического интернет-портала «Мел»: «Соглашайтесь на аборт, у вас три недели». Монолог мамы, дочь которой прооперировали прямо в утробе» [1]. В центре внимания оказывается человек с его переживаниями и полученным опытом. Статья находится в тематическом разделе «Истории» и представляет собой монолог Дарьи, которая столкнулась с серьезной проблемой при беременности. Такие тексты создаются с минимальным участием журналиста и передают мироощущение героев. Так, Дарья описывает не только событийный ряд, но и свои мысли, чувства, полученные знания, то есть то, что повлияло на ее

жизнь и может быть интересно и полезно для других людей, поэтому мы и отнесли данный материал к личному опыту. Полезный контент встраивается в пространство истории как одно из составляющих. Опираясь на чужую историю, читатель может сформировать собственное представление что делать в той или иной ситуации.

Данную статью мы выбрали исходя из того, что в ней представлены фрагменты общения пациента и медицинского работника, что, как мы уже упоминали, характерно для персуазивного дискурса. Речевое воздействие при этом используется в ситуации координативных отношений, когда коммуниканты находятся в позиции равноправного сотрудничества, а не субординации. По мнению О.С. Иссерс: «Такой тип речевого воздействия предполагает, что его субъект регулирует деятельность другого человека, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями» [Иссерс 2009: 23].

Выделенные примеры типов речевого воздействия разделяются по негативной и позитивной интенции говорящего. Примечательно, что негативная интенция, связанная с отрицательным опытом автора статьи, встречается в чужой прямой речи. Рассмотрим их подробнее.

«У меня на работе постоянно спрашивали “Даш, ты когда родишь?”» [1]. В этом случае коллектив подталкивает адресата к определенному поступку, манипулируя им. Языковым средством, используемым для усиления воздействия становится инверсия, при которой логическим ударением выделяется слово «когда», акцентируя на нем внимание и лишая адресата права выбора в своем поведении.

«Ведь ребенок может вырасти человеком с неизлечимой инвалидностью. Он может страдать из-за этого и спрашивать у родителей: “Зачем, ну зачем ты меня родила? За что ты обрекла меня на это существование”» [1]. Этот пример характеризуется манипуляцией-жалобой, выраженной через риторические вопросы. Усиливается воздействие за счет лексического повтора «зачем, ну зачем» и словоформы «обрекла» от лексемы «обречь», которая по словарю Ожегова определяется как «предназначить к какой-л. неизбежной участи (обычно тяжелой)» [Ожегов 1997].

Когда акушер-гинеколог в поликлинике, где я стояла на учете, узнала о диагнозе, она поставила ультиматум: «У вас три недели. Вы должны

подписать согласие на аборт» [1]. Это коммуникативное принуждение в стандартном его виде, которое выражается через модальный глагол долженствования.

Манипулятивное принуждение: *«Стоит сказать, что в поликлинике сразу же поменялось отношение ко мне – со мной стали общаться так, словно я какая-то заразная и глупая. Меня спрашивали: “Ну зачем тебе сохранять эту беременность?”»* [1]. Говорящий оказывает моральное давление на адресата, но адресат при этом имеет свободу выбора.

Стоит отметить, что есть примеры с менее выраженной интенцией. Например: *«Я рекомендую вам съездить на контрольное УЗИ, чтобы вас осмотрели лучшие»*, [1] – совет, то есть программная информация для решения проблемы. *«На самом деле, мысли о прерывании беременности – это нормально. Они могут прийти в голову каждому на фоне паники, и в этом нет ничего необычного. Не стоит их пугаться и уж тем более винить себя за них»*, [1] – комбинация аргументов и прямого произвольного позитивного внушения. Интенция автора – убедить читателя в том, что мысли о прерывании беременности не характеризуют тебя как слабого и плохого человека. В качестве аргумента приводится человеческий фактор, при котором в стрессовых ситуациях человек может не контролировать свое состояние и мысли. В последнем предложении модальный глагол «не стоит» с оттенком долженствования также отражает ситуацию советования.

Внушение через положительную интенцию выражается в рассматриваемой статье уже не через прямую речь, а через намерения автора. Дело в том, что текст представляет собой материал, разработанный совместно с фондом «Spina Bifida», который помогает семьям, столкнувшимся с этой болезнью. Можно сказать, что материал является гипержанровым образованием, где доминирующими жанрами оказываются личный опыт и кейс-стори. Связано это с тем, что, опираясь на реальный опыт частного человека, статья представляет собой практическое руководство, как при помощи указанного фонда можно решить конкретную проблему, что положительно отражается на имидже самой организации. Журналистика в современном медиапространстве тесно связана со сферами рекламы и PR, поэтому и инструменты воздействия у них зачастую пересекаются.

Приведем примеры: *«А потом я наткнулась на материалы нейрохирурга Дмитрия Зиненко, который много писал на эту тему. Он сразу внушил мне доверие как специалист», «У меня не было никаких опасений, я знала, что иду к профессионалам своего дела и могу им довериться», «К слову, операция, обследования, все проводилось бесплатно, в этом тоже помог фонд»* [1]. Если в предыдущих примерах воздействие было направлено на главную героиню статьи, то здесь сам автор воздействует на читателя, стремясь внушить ему позитивный образ организации, которой можно доверять. Это проявляется и через выстраивание авторитетного портрета нейрохирурга Дмитрия Зиненко – «профессионала своего дела», который является экспертом в этой проблеме, и через фразы «внушил мне доверие», «могу им довериться», а также упоминание, что лечение можно получить бесплатно.

В результате нашего исследования можно сделать вывод, что пространство новых медиа влияет на развитие всех его каналов коммуникации, включая журналистику, которая вынуждена искать новые способы привлечения и удержания аудитории. Актуальным и эффективным медиаинструментом речевого воздействия становится личный опыт как новое жанровое образование, которое чаще всего в журналистской практике встраивается в тексты более высокого порядка.

Список литературы

1. «Соглашайтесь на аборт, у вас три недели». Монолог мамы, дочь которой прооперировали прямо в утробе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mel.fm/zhizn/istorii/7913268-soglashaytes-na-abort-u-vas-tri-nedeli-monolog-mamy-doch-kotoroy-prooperirovali-pryamo-v-utrobe> (дата обращения: 6.11.2023).
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
3. Карасик В.И. Языковое преобразование реальности : монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. 500 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 7.11.2023).

5. Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. С. 344.

6. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 7.11.2023).

7. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.

PERSONAL EXPERIENCE AS A MEDIA TOOL OF IMPACT

© *D.I. Shevchenko*

Abstract. This article considers personal experience as an actual format for attracting and retaining the reader's attention to the journalistic text. The purpose of this study is to present information about personal experience as a media tool of influence. From the theoretical methods of research, the article uses abstracting, generalization, comparison. The author pays special attention to the study and analysis of scientific literature devoted to the concept of speech influence. From practical methods, genre-stylistic and system-structural methods of analysis are used. As a result, manipulation, coercion and persuasion are distinguished from the most frequent types of influence. The author concludes that such narrative publications involve the reader in complicity, which is associated with the history of a particular person, and are an effective media tool for influencing the audience.

Keywords: *speech influence, intention, personal experience, media tool, suggestion.*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПУНКТУАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

© *Е.Н. Широкова*

Аннотация. В статье рассматривается расширение функций знаков пунктуации в социальных сетях на примере перволичностных нарративов. Доказывается, что знаки пунктуации используются как средство кодирования информации, позволяющее обходить ограничения контентной платформы на контент и использование определенных групп лексики. Вводится понятие «дискурсивные функции знаков пунктуации», определяемое как функции, которые обеспечивают включенность нарративного текста в интернет-контент, а также преобразование текста в гипертекст. Обосновывается положение о том, что новации в пунктуации связаны с авторскими нарративными стратегиями, направленными на стирание границ между модусами реальности и фиктивности. Описание текстовых и дискурсивных функций знаков пунктуации осуществляется на основе коммуникативно-прагматического и информационно-семиотического подходов.

Ключевые слова: *пунктуация, интернет-контент, кодирование информации, эвфемизм, нарратив.*

Развитие интернет-коммуникации, активизация клипового мышления и соответствующей ему мозаичной культуры способствуют формированию единой акцентно-выделительной небуквенной графической системы, действующей на уровне слова – предложения – текста [Попова 2010: 685; Широкова 2019: 264]. Ядром данной системы являются знаки пунктуации, которые приобретают дополнительные дискурсивные функции, что приводит к размыванию границ пунктуационной системы. При этом пунктуационная деятельность пишущих определяется «коммуникативной целесообразностью употребления знаков препинания» и служит средством выражения «креативности субъекта речи» [Сигал 2022: 111], что обуславливает «борьбу коммуникативной функции языковых средств на всех уровнях системы языка (в частности пунктуации) и культурно-знаковой функции как отражения проявления культуры речи у участников письменного общения» [Голев, Басалаева 2010: 130].

Одним из источников пунктуационных новаций являются социальные сети. В частности, массовый и анонимный характер их коммуникантов вынуждает многие контентные платформы накладывать ограничения на контент и соответственно на использование определенных тематических групп лексики. Пользователи социальных сетей, в свою очередь, обходят

данные ограничения, кодируя информацию с помощью знаков пунктуации. Цель данной статьи – рассмотреть некоторые новации в использовании пунктуации, свидетельствующие о расширении функций знаков пунктуации. Материалом для статьи послужили нарративы блога врача психиатрической бригады скорой помощи, пишущего под ником Ужасно злой доктор.

В анализируемых нарративах реализуются текстовые и дискурсивные функции знаков пунктуации. Текстовые функции знаков пунктуации связаны с оформлением целостного письменного текста и маркированием разноплановой текстовой информации. Кроме того, в художественном тексте они приобретают дополнительные семантические функции, обусловленные их участием в репрезентации картины мира автора, в организации текстовых категорий и создании образной системы произведения. Под дискурсивными функциями знаков пунктуации в данной статье понимаются функции, обеспечивающие включенность нарративного текста в интернет-контент и способствующие преобразованию текста в гипертекст.

Описываемые в статье дискурсивные функции знаков пунктуации во многом определяются жанровой спецификой анализируемых перволичностных нарративов, приводящей к тому, что для многих читателей оказываются размытыми границы между модусом реальности и модусом фиктивности [Широкова 2023: 477]. При этом нарративная стратегия автора блога, направленная на стирание границ между реальностью и реалистичностью, предполагает обход запрета Дзена на использование инвективной и сниженной лексики, а также названий лекарственных препаратов.

Так, инвективная лексика заменяется автором эвфемизмами, которые выступают как знаки, сигнализирующие о функциях замещенных ими инвектив. При этом эвфемизмы заключаются в угловые скобки, которые, в свою очередь, являются знаком самих эвфемизмов, маркируя их как дополнительный к основному информативный план повествования, а также означивая место замещенных инвектив в высказывании: – *<Офигеть>-не встать! – не удержался я от ругательства. Ну а как тут без мата обойтись, если чья-то вумная голова вместо полиции «скорую» вызвала?; – Ох, <зашибись>, Иваныч! Вот просто <офигенно*

зашибись>! – ответил врач Анцыферов. – Прикинь, шесть психозов, из них четыре госпитализации!; – Что, сынуля <долбанный>, носик у тебя болит, да? Ты меня, отца, <нафиг> послал! А ты, <самка собаки>, чё на меня уставилась? Не дай бог вы в ментовку заявите, я вас, <распутных женщин>, обоих грохну!; – А вы вот у этого <средства предохранения> спросите! – кивнул он на отца.

Такие перифразы могут включать метаязыковые компоненты: – *Мы ворота и забор передельваем. Столбы все сгнили и всё <нецензурный синоним «упало»>.;* – *Снимите наручники, снимите, <распутные женщины>, надо холодильник вынести! Вынесите холодильник, <непереводимые нецензурные оскорбления>!;* – *Я майор вооружённых сил, а вы кто? Вы <циничные нецензурные оскорбления>! Вы кому продались, дешёвки? Смирно стоять, я сказал!*

Как отмечают исследователи, бранные слова «служат маркерами принадлежности к определенной социальной группе (свой – чужой), выражают субкультурную идентичность, репрезентируют универсальную вербальную шкалу оценочных суждений (хула или похвала) действий человека» [Белоусов 2010: 279]. Поэтому заключенные в скобки эвфемизмы, сохраняя позицию и функции замещенных инвектив, выступают как средство имитации разговорной речи и, следовательно, выполняют функцию речевой характеристики персонажей. Так, в анализируемых нарративах они, как правило, представлены в речи персонажей, находящихся в пограничном состоянии (сильное алкогольное или наркотическое опьянение, обострение психического заболевания, стрессовое состояние), а также относящихся к маргинальным социальным группам. При этом значимой оказывается частотность анализируемой группы эвфемизмов в речи конкретного персонажа, что и визуализируется с помощью угловых скобок, например:

– А ты <гребёт>, что ли? – ответила она, безуспешно попытавшись сфокусировать взгляд. – Ты чего сделал, козёл? Я спрашиваю, ты чего сделал, <гомосексуалист>?

– Ты где живешь?

– Пошёл <нафиг>! Ты меня изнасиловал! – было ответом.

– Мы – «скорая помощь». Давай говори где живёшь, иначе сейчас в вытрезвитель поедешь!

– Пошёл <нафиг>, <гомосексуалист>! Нна, <распутная женици-на>! – крикнула она и попыталась ударить меня ногой.

Наряду с этим включение в текст такого рода эвфемизмов, несомненно, является и элементом языковой игры. Так как угловые скобки визуализируют фрагменты, которые могут быть декодированы читателем, то они участвуют и в реализации игровой функции.

Поскольку для оформления эвфемизмов автор вместо обычно употребляемых круглых или квадратных скобок использует угловые скобки, то последние становятся сильным знаком, актуализирующим внимание читателей и сигнализирующим о введении в нарратив дополнительной прагматической информации. Это предопределяет несколько возможных путей прочтения текста: читатель может читать текст линейно, как обычный текст; может пропускать фрагменты, заключенные в угловые скобки; и, наконец, может сконцентрировать внимание на языковой игре и заниматься декодированием эвфемизмов. Таким образом, угловые скобки, актуализируя разные возможности перераспределения текстовой информации в ходе чтения, начинают выполнять и гипертекстовую функцию.

Также для кодирования сниженной и бранной лексики используются астериски, замещающие пропущенные буквы в середине слова, при этом количество астерисков совпадает с количеством пропущенных букв: *Вор-ровка ты, с***дочь поганая!; И х*ен ты их переубедишь.; – Чего я делаю, при***рок? Вон, нога-то как распухла, сломал, наверное!; Он в автобусе ехал и прис***ся к двум мужчинам выпившим.; Дорогу сюда забудьте, св***чи поганые! – зло прокричала хозяйка.; Б*я, мужики, что мне теперь делать, точно сдохну...;– Нет, Иваныч, ну её на х*ен эту должность! Я смену отработал и через полчаса уйду домой со спокойным сердцем. Мне теперь на*рать на всё, я только за себя отвечаю.; – Ну <ни фига> себе ты сказанул, Иваныч! Культурно! Из-за них мы смерть в присутствии схлопотали, какая тут, на х*ен, культура?; – Иваныч, это был не вызов! Это нам в душу на***али! – И кто же автор этой с***льни?.*

При этом с помощью угловых скобок и астерисков бранная лексика ранжируется по степени инвективности – данные знаки пунктуации соответственно кодируют обценную и необценную лексику.

Наряду с этим с помощью астерисков кодируются названия медицинских препаратов: – *Ну вот всё да не всё. Почему при инсульте м***зию ввели внутримышечно в дозе десять миллилитров? Зачем дали г***цин?; Там написано, что до их приезда больная приняла две таблетки эн***прила, но без эффекта. А бригада ей ввела э***п, то есть тот же самый ингибитор АПФ; Я как-то сделал ур***дил, а у больного давление рухнуло; Я ему к***лол накапала и вроде полегче стало; Я ему сразу две таблетки пент***гина дала, но они вообще не помогли; Делает она это не из простой любви к искусству, а с одной единственной целью: заполучить внутривенно эуф***н с пр***лоном; Отёк купируется м***фином, ф***семидом, нитратами, но все они снижают давление, которое и без того низкое; – Понятно. Ну что, уколемся сиб***ном?*

Перифразы при введении этой группы лексики являются единичными: – *Да, я каждое утро пью <Название препарата из группы сартанов>; Назначили <Название нейролептика>, а цик***дола выписали мало.*

Таким образом, знаки пунктуации являются средством реализации нарративных стратегий автора блога и приобретают дополнительные текстовые и дискурсивные функции: способствуют размыванию границ между модусами реальности и фиктивности; обеспечивают возможность преобразования перволичностного нарратива в гипертекст; являются способом кодирования информации, позволяющим обходить ограничения контентной платформы на содержание контента и использование определенных групп лексики.

Список литературы

1. Белоусов П.А. Инвективная семантика в коммуникативном пространстве русской лингвокультуры: философский аспект // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилософский аспект: Сб. мат. междунар. научн. конф. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 267–281.

2. Голев Н.Д., Басалаева М.Ю. Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 129–133.

3. Попова Т.В. Полифункциональность русского дефиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 682–686.

4. Сигал К.Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 94–121.

5. Широкова Е.Н. Косая черта и дефис: пунктуационный vs орфографический знак // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 264–270.

6. Широкова Е.Н. Трансформация категории автора в нарративе авторского блога // Медиалингвистика. Материалы докладов участников VII Международной конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 476–480.

NEW TRENDS IN SOCIAL NETWORKS PUNCTUATION

© *E.N. Shirokova*

Abstract. The paper discusses the expansion of the functions of punctuation marks in social networks on the example of first-person narratives. It is proved that punctuation marks are used as a means of encoding information, which allows circumventing the restrictions of the content platform on content and the use of certain groups of vocabulary. The concept of "discursive functions of punctuation marks" is introduced, defined as functions that ensure the inclusion of narrative text in Internet content, as well as the conversion of text into hypertext. The thesis is substantiated that innovations in punctuation are associated with the author's narrative strategies aimed at blurring the boundaries between the modes of reality and fictitiousness. The description of textual and discursive functions of punctuation marks is carried out on the basis of communicative-pragmatic and informational-semiotic approaches.

Keywords: *punctuation, Internet content, coding of information, euphemism, narrative.*

РАЗЛИЧИЯ ИНВЕКТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОГО АКТА ОСКОРБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© С.С. Шумов

Аннотация. В статье предлагаются уточнения определений инвективного высказывания и оскорбления с соответствующими примерами; перечислены этапы работы эксперта с подобным материалом. В результате сравнительного анализа и иллюстрированной классификации со ссылкой на предыдущие исследования сделан вывод о том, что коммуникативный акт оскорбления может иметь заочный характер и не требует, чтобы объект оценки знал о реализации оскорбления. Предмет статьи обусловлен тем, что в теории лингвистической экспертизы упомянутые термины имеют весьма размытые компоненты содержания («неприличное высказывание», «унижение чести и достоинства» и т.д.), следовательно, критерии их применения в экспертной практике требуют конкретизации.

Ключевые слова: *инвектива, оскорбление, судебная экспертиза, негативная оценка, коммуникативное намерение*

В законодательстве понятию «оскорбление» дано следующее определение: *«Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме»* [Ст. 5.61 КоАП РФ]. В данном случае фокус внимания ограничивается только речевой формой выражения оскорбления, диагностическим же критерием является неприличная форма высказывания.

Многие исследователи, занимающиеся теорией лингвистической экспертизы, указывают на недостатки данной формулировки. Отмечается, что в законодательстве не определено, что следует понимать под «унижением чести и достоинства» [Баранов, Ерохина 2020: 21], т.е. не приведены критерии «неприличной формы» выражения негативной оценки [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2020: 93].

При исследовании различных экспертных подходов к анализу оскорбления как речевого действия становится ясным, что каждый из них обладает своей спецификой и рядом ограничений. Различные взгляды на параметры инвективных высказываний и оскорблений представлены в работах А.Н. Баранова, К.И. Бринева, Е.И. Галяшиной, М.В. Горбаневского, И.А. Стернина, Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. Ком-

плексный анализ терминов «оскорбление» и «инвективное высказывание» показывает, что в практике лингвистической экспертизы эти термины имеют недостаточно определенные компоненты содержания.

Для конкретизации данных понятий и выработки удовлетворительных критериев диагностики инвективного высказывания и оскорбления как отдельных речевых действий в 2022-2023 гг. нами было проведено исследование материала фикциональных текстов, содержащих негативную оценку человека в качестве одного из центральных компонентов содержания (в качестве материала были выбраны частушки и рэп-баттлы). Результаты данного исследования представлены в [Шумов 2023].

Это исследование определило основные этапы анализа текста, включающие ответы на следующие вопросы:

1) Кто является адресатом высказывания? Необходимо установить, присутствует ли в тексте прямое или косвенное указание на адресата; оценить, возможно ли получить информацию об адресате из описания коммуникативной обстановки;

2) Кто является объектом оценки? В данном случае для нас важны две составляющих: выражена ли в тексте информация о том, кто является объектом оценки (можем ли мы установить конкретный денотат), и совпадает ли объект оценки с адресатом;

3) Какая негативная оценка содержится в тексте и какими средствами она выражена? Наиболее важным критерием при проведении анализа является установление наличия либо отсутствия в тексте признаков неприличной формы высказывания. К таковым мы относим наиболее устоявшиеся в экспертной практике лексические группы: бранная, вульгарная и нецензурная лексика, а также указания на область телесного низа;

4) Какова коммуникативная цель высказывания? В соответствии с наиболее обоснованными положениями (представленными в работах К.И. Бринева, Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой), в качестве диагностического критерия инвективного высказывания нами рассматривается коммуникативная цель «нанесение собеседнику психологического ущерба», – иными словами, целью говорящего является нанесение собеседнику обиды. Заметим, что этом коммуникативная цель оскорбления не совпадает с коммуникативной целью инвективно-

го высказывания. С нашей точки зрения, оскорбление – это причинение ущерба, в первую и основную очередь, общественным представлениям о человеке. Адресант оскорбления указывает на то, что объект оскорбления недостоин нормативного, приличествующего общей морали отношения к себе. Сниженное отношение выражается в оскорблении путем сознательного снятия ограничений на нормативные речевые средства.

В результате проведенного исследования [Шумов 2023] нами создана классификация различных типов текстов, содержащих негативную оценку человека. Эта классификация позволяет в достаточной степени точно охарактеризовать то или иное высказывание. В ходе дальнейшей работы над этой проблемой выработанные в результате исследования фикциональных текстов подходы к анализу текстов использовались нами на материалах, поступающих в качестве объектов для проведения лингвистических экспертиз и исследований. Первоначально изучаемые тексты были разделены на категории по соотношению адресата и объекта оценки. Далее каждая категория разделяется на типы – в зависимости от формы, содержания и коммуникативного намерения адресанта.

Одним из результатов проведенных исследований является то, что теперь мы можем дать более уверенную формулировку некоторым ключевым для теории лингвистической экспертизы, а именно:

Инвективное высказывание – высказывание, содержащее негативную оценку человека или группы людей. Коммуникативным намерением адресата при порождении инвективного высказывания должно быть стремление нанести объекту оценки психологического урона (обиды, переживаний). Дополнительным коммуникативным намерением адресанта может являться желание побудить адресата к изменению поведения на иное, т.е. ожидаемое адресантом. Негативная оценка выражается в эксплицитной или имплицитной форме, но исключительно с использованием нормативных речевых средств. Объект негативной оценки может совпадать с адресатом и быть в эксплицитной форме назван в высказывании, либо может не совпадать с формально выраженным адресатом, но присутствовать при произнесении высказывания. Для реализации инвективного эффекта необходимо, чтобы адресант знал о том, что его высказывание будет воспринято объектом оценки. При этом инвективное высказы-

вание может реализоваться в условиях личного разговора, публичного выступления или в опосредованной форме с использованием технических средств или при уверенности адресанта, что другой человек в точности передаст его слова объекту оценки.

Оскорбление – высказывание, содержащее негативную оценку человека или группы людей. Основным коммуникативным намерением адресанта является нанесение объекту оценки репутационного вреда (понижение его статуса в глазах других людей, обесценивание результатов его деятельности). Дополнительным коммуникативным намерением адресанта является нанесение объекту оценки психологического вреда (обиды) через демонстрацию своего отношения к нему. Негативная оценка выражается в эксплицитной форме при помощи нецензурной, вульгарной или бранной лексики, иных средств указания на область телесного низа или средств, имеющих непристойный характер. Кроме того, к оскорблениям относится распространение в публичной форме информации, относящейся к интимной, сексуальной жизни человека и сведений, связанных с областью телесного низа. Объект негативной оценки может совпадать или не совпадать с адресатом. В случае совпадения объекта оценки с адресатом оскорбление высказывается лично, и адресант реализует дополнительную коммуникативную цель. В случае несовпадения объекта оценки с адресантом оскорбление имеет публичный характер, и адресант реализует основную коммуникативную цель, связанную с воздействием на общественное представление о человеке. При этом коммуникативный успех неличного (заочного) оскорбления не зависит от того, узнает ли о его содержании объект оценки. Оскорбление может реализоваться как в условиях личного общения, так и с использованием технических средств.

Из сказанного выше следует, что некоторые инвективные высказывания не имеют оскорбительного характера, поскольку негативная оценка в них выражена с использованием исключительно нормативных речевых средств. Точно так же некоторые оскорбления могут не иметь инвективного характера, поскольку они могут реализоваться в отсутствие объекта оценки и не быть направлены на причинение ему обиды.

Рассмотрим конкретные примеры, которые позволят проиллюстрировать приведенные определения.

Ситуация 1: на производственном совещании руководитель говорит своему подчиненному следующее: *«Еще раз говорю: вы оставьте то при себе. Потому что когда коллеги подходят и запрашивают у вас какую-то информацию, а вы их направляете в разные источники: запросы информации, предоставление информации и так далее, да, я считаю, что это неуважение. И вы, как руководитель соответствующего звена, не соответствуете данному поведению. Руководители так себя не ведут»*. Этот текст выражает негативную оценку, но не направлен на нанесение адресату психологического урона, обиды; он содержит негативную оценку, выраженную максимально нейтральными средствами, в связи с чем не может считаться ни оскорблением, ни инвективным высказыванием.

Ситуация 2: в тексте переписки в публичном чате адресату направлен следующий текст: *«Мы с вами на брудершафт не пили. Родились в год Козы – **Коза и есть**. Правда, это мягко сказано»*. Зоосемантическая метафора «коза» в данном случае выражает генерализованную негативную оценку адресата. Использование данной лексемы, а также выражения «это мягко сказано» выражают намерение адресанта нанести адресату обиду, но в то же время указывают на то, что автор высказывания «подбирает слова», стремится остаться в рамках литературной нормы. Данное высказывание является инвективным, но не оскорбительным.

Ситуация 3: в тексте публичного чата о человеке, не участвующем в данном чате, сообщается следующее: *«Вы же знаете, что эта **свинья**, N, которая ходила в отпуск», «Она **свинья**. Потому что то, что она делает, это **свинство**», «Всё, что она делает, это **враньё**. Зачем вы этим занимаетесь?», «И эта **скотина** каждый год ходила в отпуск по пять раз!»*. Использование зоосемантических метафор для выражения негативной оценки человека в данном случае не является неприличной формой высказывания, напротив, указывает на то, что адресант выбирает цензурные, хотя и разговорные лексические средства. Поскольку объект оценки не совпадает с адресатом, говорящий знает о том, что адресат не может воспринять данный текст; следовательно, текст не является и инвективным.

Ситуация 4: в открытом чате собственников гаражей в гаражном кооперативе один из участников публикует сообщение следующего содержания: *«Этот персонаж ушлёпочный представил в суд некий список,*

то ли членов кооператива по его версии, то ли список исключенных из членов ГСК, подписанный им. Я же писал выше, **это мания величия, в стадии шизофрении**. Просьба ориентироваться на официальную информацию, а луну и слухи разных **аферистов** игнорировать». В этом случае человек, являющийся адресатом оценки, имеет доступ к текстам данного чата, но администрацией чата ему была ограничена возможность отправлять собственные сообщения, о чем было известно адресанту. Но, поскольку объект оценки не назван прямо, он не может понести репутационный ущерб. Лексические средства не соответствуют неприличной форме высказывания. Таким образом, высказывание не является оскорблением. Инвективным высказыванием его можно считать только по причине того, что автор высказывания знал, что человек-объект оценки имел возможность его воспринять.

Ситуация 5: в интервью, посвященном деятельности известного хирурга, человек, осведомленный о нем, сообщает следующее: *«А я давно говорила: этого мясника пора топить»*. В данном случае высказывание выражает общую негативную оценку хирурга, но лексема «мясник» не выражает каких бы то ни было неприличных смыслов. В данном случае она указывает на то, как грубо и непрофессионально работает хирург, а не на степень жестокости или цинизма. Данное высказывание не является ни оскорблением, ни инвективным высказыванием.

Ситуация 6: в видеозаписи, опубликованной в сети Интернет в личном видеоблоге в жанре онлайн-стрима (публичная коммуникация владельца канала с зрителями, в рамках которой ведущий обращается к аудитории устно, а аудитория предоставляет обратную связь в письменной форме в виде комментариев или чата), и посвященной деятельности известного хирурга, ведущий употребляет в его адрес номинации: *«Падла, б**»* и *«Подонок, б**»*. Объект оценки в данном случае не является адресатом высказывания. Автор высказывания не полагает, что его слова будут восприняты человеком, о котором идет речь, поэтому эти высказывания не являются инвективами. При этом использованы сниженные, бранные лексемы в сопровождении нецензурной лексики, не относящейся к объекту оценки непосредственно, но выражающие эмоциональное состояние диктора. Высказывание направлено не на нанесение репутационного ущерба

объекту оценки в глазах аудитории, в связи с чем должно рассматриваться как оскорбление.

Приведенные примеры показывают важность различий между инвективного высказыванием и коммуникативным актом оскорбления в контексте судебной лингвистической экспертизы. Эта проблема, несомненно, является одной из центральных для теории экспертизы сегодня, что и обуславливает необходимость будущих исследований в этой области.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Ерохина Л.А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2020;15(1):20-28. с. 21.

2. Бринев К. И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Юрислингвистика. 2011. №11, с. 333-334.

3. Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. М.: Фонд защиты гласности. № 1(6). 2005. С. 24-39.

4. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2016;(1(41)):92-98, с. 93.

5. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика. 2011. No 1 (11). С. 387-398.

6. Шумов С.С. Характеристики инвективного высказывания в фикциональных устных текстах (на материале частушек и рэп-батла) (бакалаврская работа) М.: Институт филологии МПГУ, 2023.

DIFFERENCES IN AN INVECTIVE STATEMENT AND A COMMUNICATIVE ACT OF INSULT IN THE CONTEXT OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION

© *S.S. Shumov*

Abstract. This article looks closer at such terms as invective statement and offense, illustrating the difference in their use with examples. Adduced are the practical steps an

expert should follow while dealing with such material. The conclusion of that a communicative act of offence can be performed in the absence of the addressee and without them being aware of it comes as the result of a profound comparative analysis accompanied by a classification with reference to several previous works on the subject. The choice of the topic of the article is explained by the fact that the terms mentioned have rather vague content components in the theory of linguistic expertise and, therefore, the criteria of their applicability have to be detailed.

Keywords: *invective, fulmination, offence, linguistic expertise, communicative intention, negative characteristics*

РАЗМЕРНО-ОЦЕНОЧНЫЕ НЕОДЕРИВАТЫ В ДИСКУРСЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ КРУИЗОВ

© *Е.В. Щеникова*

Аннотация. Целью исследования является установление структурно-семантических и функциональных особенностей размерно-оценочных неoderиватов, создаваемых/употребляемых пользователями форумов любителей круизов (преимущественно речных). В порядке частотности представлены типичные для соответствующего дискурса словообразовательные средства выражения уменьшительной и увеличительной семантики: аффиксы, аффиксоиды, производящие слова, способы словообразования. Кратко охарактеризованы сопутствующие созданию размерно-оценочных неoderиватов стилистические приемы амплификации и контраста. Выявлена функциональная неоднородность размерно-оценочных единиц: зафиксировано их использование для указания на временны́е и пространственные параметры номинируемых явлений, на степень значимости этих явлений, на степень их приближенности к идеалу, степень проявления у них сущностных признаков и др. Отмечены факты как эмоционального, так и рационального выражения оценочной информации посредством неoderиватов. Основным методом исследования – описательный.

Ключевые слова: *словообразовательные неологизмы, диминутивы, аугментивы, форумный дискурс.*

Сфера неформальной интернет-коммуникации представляет собой благоприятную среду для создания и употребления размерно-оценочных неoderиватов; при этом структурно-семантические и функциональные характеристики таких единиц в пределах частных интернет-дискурсов неодинаковы. Широко известным и достаточно специфичным является использование размерно-оценочных (диминутивных) единиц в так называемом «мамском языке» (см., например: [Кан 2017]). Мы же обратимся к менее изученной подсистеме – «языку» любителей круизов.

Источниками эмпирического материала послужили пять интернет-форумов: <https://riverforum.net> (далее сокращенно – РеФ), <http://rivertravel.net> (далее – РТ), <https://www.infoflotforum.ru> (далее – ИФ), <https://navimba.com> (далее – N), <https://vodohod.com/club/forum> (далее – ВЪ). Методом случайной выборки было выявлено 442 размерно-оценочных неoderивата, представленных 541 словоупотреблением.

Данные единицы в той или иной степени охватывают почти все знаменательные части речи. Как по количеству неолексем, так и по количеству словоупотреблений заметно преобладают имена существительные –

548

63% и 67% соответственно; на имена прилагательные приходится 19% неолексем и 17% словоупотреблений, на глаголы – 7% и 6%, на слова категории состояния – 4% и 5%, на наречия – 4% и 3%, на причастия – 2% и 2%.

Для представления размерно-оценочных характеристик пользователи круизных форумов чаще всего задействуют соответствующие **аффиксы** – как самостоятельные, так и в составе сложных формантов (52% неодериватов).

Среди **аугментативных аффиксов** по степени продуктивности существенно выделяется префикс *супер-*, который, как правило, образует имена существительные и намного реже – прилагательные, наречия и слова категории состояния: *во время его* (теплохода. – Е.Щ.) *суперперегона Пермь-Самара-острова-Питер* (РеФ, 21.10.2015; здесь и далее сохранены орфография и пунктуация текстов – источников иллюстративного материала); *суперресторанная сервировка* (РеФ, 07.10.2020); *Посадка проходит суперорганизованно!* (РТ, 17.09.2021); *не уверен, что на нём будет суперкомфортно в ноябре* (РеФ, 08.03.2017). Другие аугментативные префиксы (*архи-*, *гипер-*, *ультра-*, *сверх-*, *у-*) используются относительно редко: *поражаюсь Вашей провидчивости и архизнайству* (ИФ, 17.08.2015); *с участием этой жуткой желтой гиперЦыны* (РеФ, 22.04.2018); *сверхтёплые полторы недели* (ИФ, 03.05.2021); *от суперлюкса до ультрайеконома* (РеФ, 27.10.2019); *здание <...> уфотографировано было со всех ракурсов* (N, 07.09.2021).

Группу аугментативных суффиксов отличает отсутствие доминирующего форманта при общем разнообразии задействуемых словообразовательных единиц (*-ат-*, *-ищ-*, *-уг-*, *-ил-*, *-ист-*, *-аст-* и др.): *Хорош ежила!* (РеФ, 09.05.2012); *позади какой-то «Волго-Донище»* (ИФ, 21.08.2009). Адъективные суффиксы *-ист-*, *-ат-* нередко присоединяются к наименованиям объектов, сущностные признаки которых обычно не мыслятся как проявляющиеся в большей или меньшей степени: *по железнодорожно-промзонистой местности* (РеФ, 19.04.2017); при этом часть неодериватов создается непосредственно в формах степеней сравнения: *самый поездатый форумчанин* (РеФ, 27.02.2021); *наша вакцина самая вакцинистая* (РеФ, 31.03.2021). Аналогичные факты наблюдаются при черессту-

пенном образовании наречий: *не могу сказать где кормят лучше, теплее или запеканистее* (РеФ, 15.08.2016).

Аугментативные префиксально-постфиксальные и префиксально-суффиксально-постфиксальные форманты, используемые для создания глаголов, однотипны (*об-...-ся, за-...-ся, раз-...-ся, на-...-ся, на-...-и-...-ся*); при этом ни один из них в отдельности не обладает существенной продуктивностью: *я уже изрядно накружилась* (РТ, 17.04.2022); *хороший обзор <...>. Обсмотреться можно* (РеФ, 16.07.2018); *что-то развыкладывался* (РеФ, 14.07.2013; о фотографиях).

Из группы диминутивных аффиксов в словообразовательные процессы активно включаются префиксы *под-* и *недо-*, которые обеспечивают создание как именных, так и глагольных неогермативов: *на привычную подзапущенность Карлуши наложилась ещё проблема со слабой дирекцией* (ИФ, 01.07.2019); *экскурсовод старалась <...>, но периодически подпутьвалась* (РеФ, 07.06.2021); *подсобка, подзаваленная* всяко-разным хламом (ИФ, 16.04.2014); *В недосне вдруг задёргался – а примет ли Водоход посадочный на экране телефона?* (Н, 05.11.2020); *вернувшись домой, я быстро понял, что недокружил* (РеФ, 17.10.2020). Спектр задеиствующих диминутивных суффиксов значительно шире: *-ашк-, -ешк-, -ишк-, -ечк-, -очк-, -ичк-, -ец-, -ок-, -ульк-, -оват(о)* и др. (*реформочка* – ИФ, 09.11.2011; *еще прохладновато* – Н, 25.01.2021; *представители данной фирмешки* – РТ, 02.03.2022). Наибольшую продуктивность обнаруживают суффиксы существительных *-к-, -ик-, -чик-, -ушк- (кофемашина* – РеФ, 21.07.2019; *дурдомик* – Н, 17.09.2018; *«негативчиком»* – ВЪ, 21.06.2018; *по <...> музейюшкам* – новоделам – РеФ, 02.05.2019); а также суффиксы прилагательных и наречий / слов категории состояния *-еньк-, -енько (потрепаненькие* *какие-то* – ВЪ, 07.11.2016; *если «примерненько» посчитать* – РеФ, 23.03.2021; *теплоходненько на радость продавцам* – РеФ, 14.09.2018).

Наряду с аффиксами пользователи речных форумов регулярно задеиствуют аффиксоиды (21% неолексем). В рамках нашей выборки идея большого количества транслируется исключительно посредством префиксоида *мега-*: *Мега сладко, но вкусно* (Н, 05.09.2022); *слушал <...> мегаочаровательную Варвару* (ИФ, 05.06.2018); идея малого количества передается главным образом при помощи префиксоида *мини-*: *слепила*

мини-снеговика (РеФ, 02.11.2019); *родилась идея реализовать в Дубне мини-достопримечательность* (ИФ, 25.03.2014). Несколько реже к созданию неодериватов привлекаются префиксоиды *микро-*, *нано-* и аффиксоид *лайт* (последний одинаково часто наблюдается в пре- и в постпозиции по отношению к производящей основе): *Эдакий микро-«Суворов»* (РеФ, 13.11.2012); *Есть даже наномузей* (Н, 05.11.2020); *От Спутника Лайт зафиксирована лайт-побочка* (РеФ, 15.07.2021); *Такой теплоходный ШС <...> можно назвать «ШС-лайт»* (РеФ, 14.08.2016; *ШС – ‘шведский стол’*). В рассматриваемом сегменте форумного дискурса аффиксоиды заметно тяготеют к области субстантивного словообразования, при этом в ряде случаев они присоединяются не к именам существительным, с которыми связаны по смыслу, а к зависящим от этих существительных именам прилагательным: *мини-театральная постановка* (РТ, 05.10.2021) – и далеко не во всех случаях такие прилагательные и существительные образуют связные словосочетания: *мегажелезнодорожная держава Германия* (РеФ, 23.06.2018).

Нередко неодериваты наследуют размерно-оценочные характеристики своих **производящих слов** (17% неолексем) – главным образом при реализации чистого сложения: *Пусть сидит в ЖЖ-уголке и гадает* (ИФ, 14.06.2015); *тряпочкой по шкафику-полочкам промчатся* (ВБ, 28.06.2018). Доминируют производящие диминутивы-суффиксаты: *МАНБячок-с. Люблю фотоманьячить подобные объекты* (РеФ, 13.01.2019; *(фото)маньячить + маячок*). Иные производящие слова с размерно-оценочными компонентами привлекаются значительно реже: *подсчитайте сами, <...> Энергокрохи нужны для шлюзования* (ИФ, 23.04.2012); *Вон она! Каримозависимость, с мустаянедостаточностью!* (РТ, 29.10.2021; т/х «Мустай Карим») – и особую подгруппу среди них образуют единицы, тяготеющие к аффиксоидам (*много, мало, мелко, легко*): *мелкобюджетным теплоходом* (РеФ, 03.08.2017); *пылевик – «легко-трудник»: постельку застелить, стаканчики протереть* (ВБ, 28.06.2018); *компания стала многолюдной и многофорумной* (РеФ, 07.01.2019).

Для представления размерно-оценочных характеристик привлекаются также ресурсы **способов словообразования**, а именно такой разновидности сложения, как редупликация (4% неолексем): *Боинг при посадке <...>*

загудел-загудел и <...> мы начали набирать высоту (ИФ, 03.07.2015); *На иллюпке премиум-премиум, на остальных палубах чуть ли не эконом-эконом* (ВЪ, 30.08.2018). Как правило, удвоению (редко – утроению) подвергаются имена существительные, причем в целом ряде случаев задействуются производящие слова, которые не «способны выражать градуируемый признак» [Панков 2017: 30]: *стройка-стройка – масштабно, рабочих много* (N, 26.10.2022).

Среди выявленных неoderиватов немало **единиц амплифицирующего характера** (6% неолексем), которые обнаруживают разнообразные **комбинации** рассмотренных выше **средств**, например: «диминутивный префиксоид + производящее слово с диминутивным суффиксом» (*мини-круизик* – ИФ, 25.09.2019; *мини огородик* – N, 07.06.2019); «редупликация + аугментативный суффикс» (*завтрак шведский стол беда-бедаще* – РеФ, 16.08.2018); «аугментативный префикс/префиксоид + производящее слово с увеличительной семантикой» (*стоянка в Калязине переизбыточна по времени* – РеФ, 29.06.2019). Реже амплификация реализуется за счет сочетания структурно однородных словообразовательных средств: двух (одновременно присоединяемых) диминутивных/аугментативных префиксов (*готова глаза на что-то приподзакрыть* – РТ, 09.02.2022), двух производящих слов с однотипными размерно-оценочными компонентами (*купить своим детишкам-ребятишкам* – N, 16.07.2022) и т.п.

При создании неoderиватов наряду с амплификацией реализуется противоположный ей **прием контраста** (5% словоупотреблений) – как правило, за счет присоединения диминутивных аффиксов/аффиксоидов к производящим основам с увеличительной семантикой: *мини-экстремальная ситуация* (РеФ, 04.07.2017); *дубачок в Самаре* (ИФ, 24.09.2017); *мерзковатая конторка* (РеФ, 19.07.2016).

Выявленные нами неoderиваты неоднородны **в функциональном отношении**, и в частности **по характеру транслируемой оценки**.

У заметной группы словообразовательных неологизмов (32% словоупотреблений) ведущей является информационная функция и оценка выражается прежде всего на рациональном/логическом уровне: *пока построена 1-я очередь – одноэтажные мини-виллы* (ИФ, 14.01.2017); *дольше сидеть есть будут единицы: кто с детьми или кто ест медленно-много* (ВЪ, 03.08.2018).

Однако преобладающими все же являются единицы, которые обеспечивают экспрессивную подачу оценочной информации (68% словоупотреблений). У диминутивных (в т.ч. отдиминутивных) производных классические ласкательные оттенки актуализируются редко (5% словоупотреблений) – и преимущественно для того, чтобы выразить чувство умиления: *У нас во дворе <...> жила кошечка. Махонькая, одноглазая, но всегда такая чистенькая, **умытенькая*** (N, 02.08.2016). Доля эмоционально повышенных аугментативов также невелика – 6% словоупотреблений (причем среди аффиксов/аффиксоидов для их создания задействуются только две единицы – *супер-* и *мега-*); однако спектр смысловых оттенков, транслируемых эмоционально повышенными аугментативами, является достаточно широким – от умеренной похвалы до восхищения и восторга: *качество уборки было на **супервысоте*** (РеФ, 11.11.2020); *Круиз!... Карибское море!... Острова!... **Круто-круто!**...* (N, 13.05.2017). Для выявленных нами единиц наиболее частотной является функция создания комизма. Комически маркированные неодериваты образуют две функциональные подгруппы. Первую составляют слова с шутливой окраской (24% словоупотреблений), которые создают атмосферу непринужденного дружеского общения и поддерживают чувство внутригрупповой идентичности: *Сегодня в Чебоксарах **многокрокодильно**. <...> Три крокодила от Водохода* (РеФ, 01.10.2021; *крокодил* – ‘теплоход проекта 92-016’; окказионализм создан по образцу форумного жаргонизма *многотеплоходно*). Вторая, менее многочисленная подгруппа (14% словоупотреблений) объединяет словообразовательные неологизмы иронического и саркастического характера, обеспечивающие критическое, в ряде случаев – резко негативное представление действительности: *Можно присвоить любой класс, хоть **супер-пупер-Люкс-Делюкс**))) По факту получается чистой воды лоукостер* (ВЪ, 09.03.2019). Конфронтационное речевое поведение регулярно осуществляется также с привлечением эмоционально сниженных некомических неонаминаций (20% словоупотреблений): *А **говнозаборчики** вдоль причалов появились... года три назад?* (ИФ, 10.04.2014).

Как показывают приведенные выше примеры, посредством размерно-оценочных единиц обозначаются не только временны́е и пространственные параметры объектов, но и степень их значимости (*Ой, мне **надо-надо** значок! К нашей коллекции* – N, 30.09.2016), степень проявления сущ-

ностных признаков и/или приближенности к идеалу (*хотела придумать что-то насчёт недоморского круиза* – N, 05.10.2020; *ладно б был бы какой то супер поезд с супер вагонами, а тут обычные двухэтажные вагоны* – РеФ, 20.12.2020).

Некоторые неолексемы имеют синкретичный характер, обеспечивая выражение оценки сразу по нескольким параметрам – например, временная протяженность и степень соответствия идеалу: *Мы с дочкой уже точно знали, что пойдём «братъ» Астрахань, знали В.В.Хасикова и понимали, что нас ждёт действительно мега-круиз* (РеФ, 02.09.2018).

Итак, представленные на круизных форумах размерно-оценочные не-одериваты, обнаруживая высокую продуктивность отдельных словообразовательных средств, обладают структурно-семантическим, стилистическим и функциональным разнообразием. Уменьшительные и увеличительные неонминации в целом задействуются примерно с равной степенью частотности; однако среди имен существительных преобладают единицы с уменьшительными оттенками, а среди имен прилагательных, слов категории состояния и наречий – с увеличительными. Размерно-оценочные неодериваты используются для характеристики (относительно) широкого круга явлений действительности: природных объектов, артефактов, процессов, состояний и др. Различные словообразовательные аномалии, сопутствующие созданию таких неонминаций, безусловно, способствуют усилению их оценочного потенциала.

Список литературы

1. Кан Е.В. Словообразовательные особенности «мамского языка» // Новые горизонты русистики. 2017. № 2. С. 25–28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35589876> дата обращения 24.11.2021).
2. Панков Ф.И. Редупликация как фрагмент русской языковой картины мира // Малые языки. 2017. № 3. С. 30–33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28798768> (дата обращения 12.04.2022).

DIMENSIONAL-EVALUATIVE NEODERIVATIVES IN THE DISCOURSE OF CRUISE LOVERS

© E.V. Schenikova

Abstract. The purpose of the study is to identify the structural, semantic and functional features of the dimensional-evaluative neoderivatives created/used by users of forums for cruise lovers (mainly river ones). In order of frequency, word-forming means of expression of diminutive and augmentative semantics typical for the corresponding discourse (affixes, affixoids, underlying words, ways of word formation) are presented. Stylistic techniques accompanying the creation of dimensional-evaluative neoderivatives, such as amplification and contrast, are briefly characterized. The functional heterogeneity of the dimensional-evaluation units is revealed: their use is recorded to indicate the temporal and spatial parameters of the nominated phenomena, the degree of significance of these phenomena, the degree of their proximity to the ideal, the degree of manifestation of their essential features, etc. The facts of both emotional and rational expression of evaluative information by word-forming neologisms are noted. The main research method is descriptive.

Keywords: *word-forming neologisms, diminutives, augmentatives, forum discourse.*

К ВОПРОСУ ПРАГМАТИКИ ОНОМАПОЭТИКИ ПРОЗЫ

И.С. ТУРГЕНЕВА: ОПЫТ АНАЛИЗА

© А.К.Эшкобилов

Аннотация. Статья посвящена анализу прагматики ономапоэтики, имен собственных, прозы И.С.Тургенева. Литературоведческая прагматика изучает художественные тексты в процессе коммуникации, т.е. чтения текста, его воздействия и интерпретации со стороны читателя. При этом особое внимание уделено влиянию текстов на человеческие эмоции, восприятие, а также на культурные и социокультурные контексты в процессе коммуникации. Сравнительно легко постигается и значение и роль «говорящих» личных имен с открытой этимологией, «имен-характеристик» в сатирических произведениях. Что же касается произведений другого рода, то в них, хотя и не столь явно, личных имена персонажей своеобразно осуществляют, ту или иную познавательную, эстетическую, экспрессивную эмоционально-прагматическую функцию. В рассказах и романах И.С.Тургенева достаточно много примеров использования собственных имен, прагматическая функция которых до сих пор ни вполне исследована. Автор путём применения методов лингвопрагматического, сравнительно-исторического, отчасти семиотического анализа, старается заполнить этот пробел.

Ключевые слова: *литературоведческая прагматика, ономапоэтика, поэтика «говорящих имен», прагматическая функция, прагматика художественного текста.*

Прагматика художественного текста – это область лингвистики, которая изучает, как художественные тексты воздействуют на читателей и как читатели воспринимают, интерпретируют и взаимодействуют с этими текстами. Эта область исследования уделяет особое внимание влиянию текстов на человеческие эмоции, восприятие, а также на культурные и социокультурные контексты в процессе коммуникации, т.е. чтения, тем самым со временем превращаясь в особую отдельную область литературоведческой науки, со своими составными частями [Турышева 2016: 151-158].

Изучение ономапоэтики-имен собственных в русском литературоведении представляет собой интересную и многогранную область, в которой сформировались различные теоретические концепции. Например, в литературной теории часто выделяется семиотический аспект исследования имен собственных. Эта концепция подразумевает, что имена собственные могут рассматриваться как знаки, которые имеют семантическое значение. Таким образом, исследователи анализируют, какие смыслы

и ассоциации вызывают имена и как они влияют на восприятии текста, или имена собственные могут быть ключевым элементом для изучения истории и культуры. Этот аспект исследований фокусируется на том, как имена отражают исторические и социокультурные особенности общества, в котором они используются. Важный аспект изучения имен собственных – это анализ, как они отражают идентичность персонажей. Имена могут раскрывать многое о характере, прошлом и мотивациях персонажей. Исследователи также могут проводить сравнительный анализ имен собственных, сопоставляя их в разных произведениях или авторах. Это позволяет выявить общие тенденции и различия в использовании имен в литературе и другие. Среди этих теории относительно новым и перспективным является *прагматический аспект* изучения имен собственных, который включает в себя анализ, как имена взаимодействуют с читателем или аудиторией. Это может включать в себя анализ эмоциональной реакции на имена или их роль в создании атмосферы художественного текста.

Сравнительно легко постигается и значение и роль «говорящих» личных имен с открытой этимологией, «имен-характеристик» в сатирических произведениях. Скотинин, Молчалин, Держиморда, Собакевич, Дикой, Кабаниха и т.д. Что же касается произведений другого рода, то в них, хотя и не столь явно, личных имена персонажей своеобразно осуществляют, ту или иную познавательную, эстетическую, экспрессивную эмоционально-прагматическую функцию. Поэтому выбор имен и фамилий и формы их употребления очень важный элемент поэтики произведения. Это понимал писатель «посттургеневского» периода И.Бунин. Он «собирал по категориям имена и отчества своих будущих героев, придумывал им фамилии, уверяя, что для каждого писателя необычайно важно своим именем способен погубить любое произведение» [Бабореко 1967: 233]. Это прекрасно понимал и предшественник И.Бунина, тоже волею обстоятельств, а, вернее, родителей, получавший типичное «русское» (заимствованное из древнееврейского и тюркского языка) имя Иван-Тургенев.

Из всего сказанного выше становится очевидным: назрела насущная необходимость в исследовании прагматические функции имен- «прямо говорящих» или «косвенно говорящих» -в тургеневском творчестве. Косвенно, вернее, попутно этой проблемы касался Э.Б. Магазаник в своей

многозначительно озаглавленной книге «Ономапэтика, или «говорящие имена» в литературе». Почему такая оговорка: «многозначительно»? А потому что в ней должно было быть отведено соответствующие место и поэтике имен тургеневских героев. А у Э.Б.Магазаника названа лишь малая толика их с весьма редкими случаями их истолкования. Выпишем все упоминания этих имен: «У Тургенева. Хряк- Хруперской (хрякборов; хрупать-«жевать с хрустом»,- см.словарь Даля), Зверков, Стегунов, Чертопханов, Харлов, Полутыким и другие подобные»; «Кукшина (кукши) у Тургенева»-в сноске: «Кукша – диалектное название птицы, от которого скорее всего произведена фамилия, не препятствует и этой ассоциации с кукишом – как с возможной в глазах читателя, не знающего диалектизма, производящей основой»; «Недопюскин у Тургенева» ; «А плебейская» фамилия Базаров и аристократическая Кирсанов в «Отцах и детях» Тургенева? И разве не характеристична экспрессия фамилии тургеневского Калломейцева, экспрессия, возникающая в связи с историей метаморфоз этой фамилии от «низменной простоты» до «аристократизма», от «Колымыйцев» до Калломейцев» [Магазаник 1978: 37,42,52,56]. Всего – 10 имен, и это из сотен разнообразных, причудливых имен и фамилий, которые все еще остаются вне поля зрения исследователей.

Для изучения вопроса прагматики онопэтики обратимся к первому циклу Тургенева «Записки охотника», состоящем из 25 произведений и насчитывающем 292 страницы [Тургенев 1978: том 12]. На художественном пространстве этого цикла Тургенев употребил 277 имен, фамилий и прозвищ, включая мифологических героев, писателей, исторических и общественных деятелей и т.д. К ним примыкает еще 92 географических названия.

Из длинного почти в 300 единиц, перечня причудливых «говорящих» имен назовем лишь несколько из них, хотя с уверенностью можно утвердить, каждое имя собственное в определенном контексте, в процессе коммуникации они почти все приобретают прагматическую значимость.

Хорь-персонаж первого рассказа цикла: имени этого человека уже никто не произнесет (а может быть, и не помнит), а причудливое «бестиарнос» прозвище ему дали за его подвижный темперамент, тенденцию к уединению, домовитость и т.д. Кроме того, по-видимому, и за специфический запах жилья Хоря.

К этому причудливому бестиарному прозвищу – «имени» примыкают Пантелей Горностаев, Зверков, Бобров, князь Козельский, Хряк- Хруперской, Пеночкин и т.д. Что касается знаменитой фамилии утонченного выхоленного, лощенного крепостника Пеночкина из рассказа «Бурмистр», то она может быть интерпретирована в трех ипостасях: 1.от пеночки – названия певчей птички; 2.от пены – накипи; 3.от пенки – пленки на поверхности молока. Третьего варианта фамилии придерживается кучер охотника.

Назовем ряд причудливых фамилий и прозвищ цикла: Сучок, Туман, Пупырь, Дикий Барин, Обалдуй, Моргач, Баклага и т.д. К ним примыкают редкие имена, почти вышедшие из употребления уже во времена Тургенева: Касьян, Анпадист, Филолей, Чегудиил, Меликитриса.

Прагматико-комичный эффект создают такие причудливые фамилии, как Мылов, Любозвонов, Аллилуев, Лобызаньев, Чертопханов, Недопускин. К ним примыкают причудливые сочетания имен и фамилий –русских и иностранных: Мардарий Аполлоныч, Стегунов, Гурьян Крупяников, Авенир Сорокоумов, Колтун-Бобур, Готлиб фон дер Кок, Линдамандол Карло Карлыч и др. [Тургенев 1978: том 3].

Иногда причудливый мир имен, фамилий, прозвищ тургеневских героев, и это только в одном цикле – «Записки охотника», создающих неповторимую тургеневскую «ономапоэтическую» ауру.

Романы Тургенева – вершина его художественного мастерства, и в них он плодотворно реализовал, помимо всего прочего, и свой предшествующий ономапоэтический опыт. В одной короткой статье невозможно все охватить, поэтому мы постараемся тезисно обобщить результаты изучения вопроса прагматики онопоэтики романов писателя: анализ прагматики имен собственных в творчестве И.С. Тургенева имеет высокую значимость для понимания его литературного наследия и внимания к деталям в его произведениях.

– *погружение в ментальность персонажей*: имена собственные, которые автор выбирает для своих персонажей, могут отражать их характеры, мотивации и психологические особенности. Путем анализа имен можно попытаться взглянуть на мир и события произведения глазами самих персонажей;

– *создание атмосферы и образов*: Тургенев внимательно выбирал имена для своих литературных мест действия. Эти имена могут иметь символическое или эмоциональное значение, способствуя созданию особой атмосферы и образов. Анализ имен мест может помочь раскрывать скрытые аспекты сюжета и настроения произведения;

– *контекст времени и общества*: имена собственные могут быть своеобразным отражением социокультурного контекста, в котором жил Тургенев. Анализ имен может помочь исследователям лучше понять, какие идеи и ценности были актуальны в его эпоху;

– *искусство слова и символика*: Тургенев мастерски использовал имена как литературное искусство и символические элементы, подчеркивая глубокие темы и мотивы в своих произведениях. Анализ символических имен может раскрывать дополнительные слои смысла;

– *антропонимика*: этот аспект исследования имен собственных сосредотачивается на антропонимике, то есть на исследовании имен как части человеческой идентичности. Анализируются исторические изменения в присвоении имен, их связь с социальным статусом и культурными

Таким образом, анализ прагматики имен собственных в творчестве И.С. Тургенева позволяет раскрывать богатство его текстов и погружаться в их многогранный мир, что является важным вкладом в литературоведческую и литературную культуру.

Список литературы

1. Бабореко А.А. И. Бунин. Материалы для биографий. М.: ХА. 1967. С. 233.
2. Магазаник Э.Б. Ономапозитика, или «говорящие имена в литературе». Фан-Ташкент. 1978. С. 37, 42, 52, 56.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Произведения в 12 т. (Письма в 18 т.). М.: Наука, 1978.
4. Турышева О.Н. Прагматический подход в литературной науке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №1 (39). С. 151-158.

ON THE ISSUE OF PRAGMATICS OF ONOMAPOEICS OF I.S. TURGENEV'S PROSE: EXPERIENCE OF ANALYSIS

© A.K. Eshkobilov

Abstract: The article is devoted to the analysis of the pragmatics of onomapoetics, the names of I.S. Turgenev's own prose. Literary pragmatics studies literary texts in the process of communication, i.e. reading the text, its influence and interpretation by the reader. At the same time, special attention is paid to the influence of texts on human emotions, perception, as well as on cultural and socio-cultural contexts in the process of communication. The meaning and role of "speaking" personal names with open etymology, "characteristic names" in satirical works is also comparatively easily comprehended. As for works of a different kind, in them, although not so obviously, the personal names of the characters are carried out in a peculiar way, this or that cognitive, aesthetic, expressive emotional and pragmatic function. In the stories and novels of I.S. Turgenev, there are quite a lot of examples of the use of proper names, the pragmatic function of which has not yet been fully studied. The author, by the way of applying the methods of lingu-pragmatic, comparative historical, partly semiotic analysis, tries to fill this gap.

Key words: *literary pragmatics, onomapoetics, poetics of "speaking names", pragmatic function, pragmatics of a literary text.*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАУЧНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Т.Б. РАДБИЛЯ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© В.А. Юматов, Р.И. Захаров

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам деятельности Т.Б. Радбиля по решению проблемных вопросов экспертного знания, повышению эффективности судебной экспертизы как процессуального института. Освещён ряд его основных работ в этой области. В них последовательно совершенствуется методологический инструментарий постклассической теории речевых актов для повышения научной обоснованности экспертного заключения и на конкретных примерах из практики экспертной работы демонстрируется продуктивность его применения для лингвоэкспертных исследований по различным категориям дел. Делается вывод о большой теоретической значимости и практической ценности разрабатываемого подхода, его соответствии общеклассическому подходу к исследованию вещественных доказательств и его возможностях по расширению спектра решаемых экспертом-лингвистом вопросов. Отмечается тесная взаимосвязь научной и практической деятельности Т.Б. Радбиля.

Ключевые слова: *постклассическая теория речевых актов, лингвистическое исследование, методологический инструментарий, научная обоснованность, судебная экспертология.*

Академик РАН, доктор филологических наук, профессор Т.Б. Радбиль – видный российский учёный, которого отличают энциклопедическая образованность и широта профессиональных интересов. Важное место в его научной деятельности занимают исследования в области судебной экспертологии, выполненные, в том числе, в рамках совместного коллективного проекта кафедры судебной экспертизы (КСЭ) юридического факультета и Института филологии и журналистики (ИФиЖ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского по совершенствованию языка и методов судебной экспертизы в целом [Радбиль и др. 2015б], а также по внедрению достижений современной русистики в методику и практику производства речеведческих экспертиз с целью повышения научной обоснованности экспертных исследований и расширения спектра решаемых задач. В этой научной коллаборации Т.Б. Радбиль, безусловно, – ведущий учёный, генератор идей.

Т.Б. Радбиль относится к учёным, которые последовательно изучают возможности и перспективы применения методологического инструментария постклассической, расширенной теории речевых актов, вводящей в научный оборот их новые типы и развивающей оппозицию прямых и косвенных речевых актов, к решению широкого спектра задач при производстве судебной лингвистической экспертизы [Радбиль 2021: 232].

Следует сказать, что одним из важнейших требований, предъявляемых в теории и практике судопроизводства к экспертному заключению, является научная обоснованность, то есть научная, логическая и методическая грамотность проведённого исследования, изложения его результатов. «Научная обоснованность во многом определяется адекватностью использованных методов и методик, базирующихся на определенных теоретических положениях лингвистической науки. Часто именно «правильный» выбор лингвистической теории в качестве методологической основы исследования дает желаемый результат» [Радбиль и др. 2013: 286]. Теория речевых актов, являющаяся теоретической основой лингвистической прагматики, рассматривающей деятельностьную сторону языка, как раз таковой и является.

Согласно её положениям, речевое произведение – это не просто высказывание или их совокупность, а целенаправленные речевые действия, то есть речевые акты, совершённые человеком посредством высказываний в условиях реального речевого взаимодействия. Поэтому подход к исследованию представленных на экспертизу текстов, как зафиксированных различными способами на различных носителях речевых следов разнообразных речевых действий, является перспективным с точки зрения судебной экспертологии, поскольку соответствует практике правоприменения – юрисдикции суда подлежат именно действия конкретных лиц, а не их слова, какими бы они не были. Текст становится объектом экспертного исследования по разным категориям дел. Это происходит в тех случаях, когда именно слово выступает в качестве средства совершения преступления/правонарушения, и, вследствие этого, в тексте содержатся признаки объективной стороны правонарушения.

Вследствие сказанного, для судебного речеведения важное значение имеют проводимые профессором Т.Б. Радбилем исследования возможности применения в качестве методологического инструментария совре-

менных достижений теории речевых актов в решении задач определения и квалификации разных видов недобросовестной информации. Исследуя некооперативные речевые акты, учёный отмечает, что многие из выделяемых в рамках теории актов недобросовестной информации не могут быть квалифицированы чисто лингвистическим способом, однако «современная теория речевых актов все же располагает достаточным инструментарием для выявления содержательных (концептуальных, логических), коммуникативно-прагматических и речевых признаков недобросовестной информации в анализируемом тексте. Это касается прежде всего механизмов выявления коммуникативного намерения автора <...>, особенностей композиционного построения текста и его фактической («содержательной») стороны, а также наличия чисто лингвистических («речевых») сигналов недобросовестной информации» [Радбиль 2014: 146–147]. Для разграничения недостоверных сообщений (заблуждений) и недобросовестного информирования – искренних и неискренних речевых актов – применяется методологический критерий соблюдения определённых условий успешности – имплицитных правил, которые должны быть соблюдены для эффективного осуществления речевого акта, прежде всего это касается способов подачи информации в сообщении, её качества и количества. Учёный приводит содержательные и речевые признаки недобросовестной коммуникации [Радбиль 2014: 148].

В статье, посвящённой анализу одного из самых распространённых речевых правонарушений [Радбиль и др. 2015а], Т.Б. Радбиль рассматривает разновидности речевого акта угрозы, выделяет условия его успешности, освещает методы и способы определения и квалификации языковых и содержательных признаков этой разновидности вербальной агрессии в исследуемых текстах. Особое внимание уделяется технологии выявления, с использованием научного инструментария теории речевых актов и логического анализа естественного языка, косвенных речевых актов угрозы на примере из реальной экспертной практики, поскольку квалификация вербальной угрозы, выраженной в имплицитной форме, представляет особую сложность для экспертов.

В другой работе учёный исследует принципы и методы выявления и экспертного анализа целого ряда речевых актов экстремистского характера, а также возможные импликации, которые лежат в основе косвенной

формы реализации иллокутивной силы обвинения – осуждение, порицание и упрёк [Радби́ль 2021: 231]. Указывается, что речевые акты оправдания, обоснования, обвинения имеют комплексную иллокутивную силу и «потенциально могут быть отнесены к дальней периферии императивных речевых актов, к которым относится основной тип «запрещенного» в законодательстве об экстремизме речевого действия – призыв, а значит, эти речевые акты, не в меньшей степени, чем призыв, имеют сильный перлокутивный эффект (потенциально высокую степень речевого воздействия), и потому они широко используются в пропагандистских материалах экстремистского характера» [Радби́ль 2021: 242], а их выявление предоставляет определённые трудности и требует достаточно высокой экспертной квалификации. Исследование начинается с разбора прототипической, базовой для каждой категории речевых актов разновидности, и завершается анализом косвенных форм выражения. Методика выявления диагностических лингвистических признаков речевых актов, как в прямой, так и в косвенной форме, демонстрируется на примерах анализа сложных случаев в реальных лингвоэкспертных исследованиях по делам об экстремизме.

Т.Б. Радби́ль – постоянный участник международных научных конференций, посвящённых проблематике экспертных исследований, в том числе регулярно проводимой на базе КСЭ – «Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы». В одном из своих пленарных докладов им были представлены предварительные результаты совместного коллективного проекта КСЭ и ИФиЖ. Учёный, в частности, подчеркнул, что качество исследования во многом определяется применением экспертом-лингвистом новейших идей и принципов современной науки о языке, и отметил необходимость использования методологического инструментария постклассической теории речевых актов, способного оказать существенную помощь в решении разнообразных лингвоэкспертных задач [Радби́ль 2019: 298]. Исследователем дана оценка возможностей и границ использования идей и методов современной русистики в лингвистических экспертизах по разным категориям дел для выявления и экспертной квалификации разного рода имплицитной информации, рефлексов интертекстуального взаимодействия, явлений фантазийной номинации. Сделан вывод о возможностях исполь-

зования результатов исследования для анализа и квалификации сложных, неявных диагностических языковых признаков в экспертизе по делам по экстремизму, унижению чести и достоинства, недобросовестной и/или недостоверной рекламе, по исследованию тождества товарных знаков или их сходства до степени смешения. Т.Б. Радбиль отмечает, что проект показал значительный и во многом еще не реализованный в полной мере потенциал использования передовых идей и методов современной русистики в производстве речеведческих экспертиз; подчёркивает важность новых стратегий научного поиска, основанных на междисциплинарных связях лингвистики и других наук [Радбиль 2019: 310].

В целом в работах Т.Б. Радбиля акцентируется внимание на том, что применение теории речевых актов при проведении судебной лингвистической экспертизы позволяет: квалифицировать понятия «негативные сведения», «оскорбление», «негативная оценка», «формирование негативного образа», «возбуждение вражды или ненависти» или «призыв к насильственным действиям» как разнообразные словесные действия; определять форму выражения информации – утверждения и мнения, выделяя в составе последнего оценочное суждение. На примерах реальных исследований показано, как «работает» прагматика и теория речевых актов в определении и квалификации речевых актов недобросовестного информирования и других некооперативных разновидностей речевых актов, языкового манипулирования, в частности, недобросовестной рекламы, и вообще имплицитной информации любого типа, в выявлении пропагандистской направленности текстов. Все эти узловые пункты инновационного развития классической теории речевых актов представляют непосредственный интерес для теории и практики лингвоэкспертной деятельности.

Таким образом, последовательное применение описанного подхода к анализу речевых произведений, когда судебная лингвистическая экспертиза выступает как средство получения доказательственной информации по зафиксированным речевым следам, имеет большую теоретическую значимость (соответствует общеэкспертному подходу к исследованию вещественных доказательств) и практическую ценность (способствует расширению спектра возможностей упомянутого рода судебной экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений). Это особенно важно

в случаях, когда решение поставленных перед экспертом вопросов ещё не регламентировано соответствующими методическими рекомендациями или вообще не апробировано. Описанное способствует формированию типового методологического подхода в судебной лингвистической экспертизе, когда анализ текста основывается на положениях современных исследований в теоретической и прикладной лингвистике, а в качестве методологической основы исследования выбираются базовые положения теории речевых актов и лингвистической прагматики; совершенствованию инструментария эксперта-лингвиста, помогающего ему решать поставленные правоприменителем вопросы даже в случае отсутствия общепринятых методик их решения, что важно именно для практикующих экспертов, особенно негосударственных, поскольку, кроме прочего, не все методические разработки имеются в свободном доступе. Распространение единого общетеоретического подхода обеспечения деятельности судебного эксперта – одна из главных целей не только судебного речеведения, но и судебной экспертологии в целом, так как способствует повышению эффективности судебной экспертизы как процессуального института.

В заключение необходимо отметить ещё одну особенность творческой деятельности профессора Т.Б. Радбиля: он активно занимается не только теоретическими изысканиями – результаты своих многочисленных исследований успешно, на протяжении ряда лет, применяет в практической деятельности негосударственного судебного эксперта, осуществляя производство широкого спектра речеведческих экспертиз по различным категориям дел. Такая деятельность позволяет учёному иметь непосредственное представление о проблемах экспертной деятельности и целенаправленно фокусировать внимание на поиске возможностей их разрешения, способствует разработке различных вопросов судебной экспертизы; обращает внимание на состояние экспертного знания, решению проблемных вопросов которого он уделяет много времени. Научная и практическая деятельность оказываются таким образом взаимосвязанными: теоретические разработки помогают решению практических задач, а знакомство с актуальной проблематикой экспертной деятельности способствует выдвижению и осмыслению теоретических положений.

Список литературы

1. Радбиль Т.Б. Идеи современной русистики в производстве речеведческих экспертиз // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов Международной научной конференции (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 16–17 мая 2019 г. / гл. ред. В.А. Юматов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. 424 с. С. 298–313.

2. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. С. 146–149.

3. Радбиль Т.Б. Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2021. 352 с. С. 231–244.

4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1-1. 2013. С. 286–290.

5. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9. С. 108–111.

6. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и методы в современной судебной экспертизе: Монография. М.: Юрлитинф, 2015. 216 с.

**ABOUT SOME ASPECTS OF SCIENTIFIC
AND PRACTICAL ACTIVITIES OF T.B. RADBIL IN THE FIELD
OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION**

© V.A. Yumatov, R.I. Zakharov

Abstract. The article is devoted to some aspects of the activities of T.B. Radbil on solving problematic issues of expert knowledge, increasing the effectiveness of forensic examination as a procedural institution. A number of his main works in this area are covered. They consistently improve the methodological tools of the postclassical theory of speech acts to increase the scientific validity of the expert opinion and, using specific examples from the practice of expert work, demonstrate the productivity of its use for linguistic expert research in various categories of cases. A conclusion is drawn about the great theoretical significance and practical value of the developed approach, its compliance with the general expert approach to the study of physical evidence and its capabilities to expand the range of issues resolved by a linguist expert. There is a close relationship between the scientific and practical activities of T.B. Radbilya.

Keywords: *postclassical theory of speech acts, linguistic research, methodological tools, scientific validity, forensic expertology.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Аладьина Ангелина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Таразского регионального университета им. М.Х. Дулати (Казахстан)

Алымова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии

Амандыкова Сауле Хамзеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского исследовательского им. М. Ауэзова (Казахстан, Шымкент)

Ахметжанова Гульмира Ануашевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского исследовательского университета им. М.Ауэзова (Казахстан, Шымкент)

Безкоровайная Галина Тиграновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, профессор НИУ «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург

Бральнин Дмитрий Олегович, преподаватель кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Северно-Кавказского государственного университета (Ставрополь)

Бредихина Юлия Игоревна, аспирант, Ставропольский государственный педагогический институт

Бударагина Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

Бусарева Сабина Гадир-кызы, преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Виноградов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Гапутина Виолетта Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)

Гик Анна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва)

Гранева Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Грачев Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Гурская Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Государственного университета просвещения (Москва)

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания РАН (Москва)

Духовная Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета (Краснодар)

Ерёмин Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Жулидов Сергей Борисович, кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Замальдинов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

Захаров Руслан Иванович, старший преподаватель кафедры судебной экспертизы Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Захра Осама, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Зельникова Анна Артемовна, магистрант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)

Золотова Марина Вianоровна, кандидат наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Зубова Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ИО ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Санкт-Петербург)

Исмаилова Зухра Кавланбековна, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет (Казахстан, Шымкент)

Истомина Екатерина Михайловна, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Калдыгозова Сандугаш Еркимбековна, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Южно-Казахстанского исследовательского университета им. М. Ауэзова (Казахстан, Шымкент)

Калинина Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (Киров)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва)

Кибкало Ростислав Игоревич, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

- Комышкова Анна Дмитриевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
- Кошкарлова Наталья Николаевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
- Кривцов Артем Владимирович**, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Кристиано Никола Отелло**, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Кулева Анна Сергеевна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва)
- Курмакаева Нина Петровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета
- Леденёва Валентина Васильевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения (Москва)
- Ли Цзяхэн**, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Лызлов Алексей Игоревич**, доктор филологических наук, доцент, старший преподаватель 16 кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации (Смоленск)
- Малюка Анна Алексеевна**, соискатель, Московский городской педагогический университет
- Мамедова Лейла Эльшадовна**, ассистент, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
- Милованова Мария Станиславовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва)
- Минайдарова Мария Естаевна**, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Таразского регионального университета им. М.Х. Дулати (Казахстан)

Минсеева Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета

Миятбекова Зилиха Усмаханбетовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского исследовательского университета им. М. Ауэзова (Казахстан, Шымкент)

Никифорова Ольга Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Павлов Сергей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Парахонько Людмила Вячеславовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. Алеку Руссо (Молдова)

Перехода Нина Алексеевна, преподаватель ЧПОУ «Региональный колледж профессиональной карьеры» (Ставрополь)

Петрова Зоя Юрьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Петрова Наталья Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

Петрова Оксана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Помазов Алексей Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Прокурова Олеся Дмитриевна, магистрант, Московский педагогический государственный университет

Радбиль Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Национального ис-

следовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Рацбурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Саакян Левон Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина (Москва)

Саломехин Анатолий Юрьевич, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Сандалова Мария Михайловна, педагогический работник Вятского государственного университета (Киров)

Светлакова Ольга Игоревна, магистрант, Вятский государственный университет (Киров)

Северова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры лингвистики и международной коммуникации Московского международного университета

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Сергеева Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина

Синелева Анастасия Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сирота Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо (Молдова)

- Соколова Ольга Викторовна**, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания РАН (Москва)
- Столбова Татьяна Михайловна**, магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Су Хэцин**, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)
- Сун Кэлин**, аспирант, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь, Гродно)
- Теркулов Вячеслав Исаевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета
- Тетюхина Александра Юрьевна**, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Уржа Анастасия Викторовна**, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Фатеева Наталья Александровна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, руководитель научного центра междисциплинарных исследований Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)
- Фещенко Владимир Валентинович**, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова Института языкознания РАН (Москва)
- Халина Елизавета Евгеньевна**, аспирант, Юго-Западный государственный университет (Курск)
- Хитрюк Олег Алексеевич**, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Шакенова Майгуль Тулегеновна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского исследовательского университета им. М. Ауэзова (Казахстан, Шымкент)
- Шевченко Диана Игоревна**, студент, государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва)
- Шестакова Лариса Леонидовна**, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва)

Широкова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Шумов Сергей Сергеевич, эксперт АНО «Центр по проведению судебных экспертиз и исследований "Судебный эксперт"» (Москва)

Щеникова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Эшкobilов Абдивали Казакович, PhD (литература), старший преподаватель кафедры теории литературы Самаркандского государственного института иностранных языков (Узбекистан)

Юматов Василий Алексеевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

**ЯЗЫК – ТЕКСТ – ДИСКУРС
В НОВЫХ УСЛОВИЯХ КОММУНИКАЦИИ**

(к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля)

Сборник научных статей

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского».
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Подписано в печать 20.12.2023. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 33,6. Заказ № 591. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37